ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

II

2026

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 2 / 2026

DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2

Свидетельство о регистрации	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
Периодичность	4 раза в год
Учредитель/Издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail редакции	caucasology.kbsu@mail.ru
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, Head of the Department of Modern and Contemporary History of the Chechen State University, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук, доцент

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук, доцент

Ответственный секретарь
Анищенко Елена Александровна

Редакционная коллегия:
Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аликаев Рашид Султанович – доктор филологических наук, профессор;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук;
Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Гераев Хаким Камильевич – кандидат исторических наук;
Гусейнов Юсуп Магомедович – доктор исторических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, доцент;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент;
Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – доктор филологических наук;
Хараева Лариса Ханбиевна – доктор филологических наук, профессор.

Editor-in-Chief
Abazov Alexey Khasanovich
doctor of science (history), associate professor

Deputy Editor-in-Chief
Kazharov Artur Gusmanovich
doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary
Anishchenko Elena Aleksandrovna

Editorial board:
Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);
Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);
Alikaev Rashid Sultanovich – doctor of science (philology), professor;
Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;
Barazbiev Muslim Ismailovich – PhD (in history);
Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;
Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;
Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);
Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;
Bizhoev Boris Chamalovich– doctor of science (philology);
Bozieva Naima Borisovna – PhD (in philology);
Borov Aslan Khazhismelovich – PhD (in history), associate professor;
Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);
Bukhurov Muhamed Fuadovich – PhD (in philology);
Gegraev Hakim Kamilevich – PhD (in history);
Guseynov Yusup Magomedovich – doctor of science (history);
Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;
Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;
Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;
Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);
Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;
Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;
Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;
Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history), associate professor;
Lobanov Vladimir Borisovich – PhD (in history);
Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;
Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;
Nalchikova Elena Aniuarovna – PhD (in history), associate professor;
Prasolov Dmitry Nikolaevich – PhD (in history), associate professor;
Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;
Sokaeva Diana Vainerova– doctor of science (philology);
Tamazov Muslim Sultanovich – PhD (in history);
Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;
Tumov Asker Aslanbekovich – PhD (in history);
Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);
Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;
Khavzhokova Lyudmila Borisovna – doctor of science (in philology);
Kharaeva Larisa Khanbievna – doctor of science (philology), professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Археология и древняя история

Макоев Б.Н.
О конной элите западнокобанского общества
(по материалам могильников Кабардино-Балкарии) 15-37

Новейшая история

Джумагулова А.Т.
«Нации и Отечество»: кочевые народы в эпоху многовластия
и конкурирующих легитимностей (1917–1920-е годы) 38-61

Акопян В.З., Акопян З.В., Гранкин Ю.Ю.
Летописец Ингушетии: Георгий Мартиросиан
(К 100-летию образования Ингушского НИИ краеведения) 62-77

Тетуев А.И.
Миграционные процессы в Кабардино-Балкарии (1941–1945 годы) 78-94

Яхутль Ю.А., Касьянов В.В., Басте Р.Ю.
Нух Берзегов: на службе народу 95-103

Этнология, антропология и этнография

Халухаева А.А.
Элементы женского свадебного ингушского костюма:
традиции и практики XX – начала XXI века 104-122

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Муратова Е.Г.
Документы Екатерины Михайловны Бухгольц из Российского
государственного военно-исторического архива как источник
по истории Анапской крепости 123-131

Журтова А.А., Апажева Е.Х., Мамсиров Х.Б.
Источниковедческий обзор документов по истории аграрных
отношений на Северо-Западном и Центральном Кавказе
в XIX – начале XX века (по опубликованным материалам) 132-147

Сефербеков М.Р.
Изучение оролатрии у народов Дагестана и Северного Кавказа: историографический обзор 148-165

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Борова А.Р., Хульчаева М.Х.
Сословная специфика образных представлений кабардинской поэзиидоавторского периода 166-176

Гузиланы А. Сарбашланы М.къ.
Османланы Хыйсаны суратлау дуниясыны айырмалыгъы 177-190

Сафиулина Е.А.
Особенности воплощения образа албаслы в ногайской малой прозе второй половины XX века 191-203

Ханинова Р.М.
Поэма Х. Сян-Белгина «Высокие тридцать тополей»: история и современность 204-215

Русский язык. Языки народов России

Абазова М.М.
Трансформация личной парадигмы глагола в условиях языкового контакта (на материале кабардино-черкесской речи диаспоры в Турции) 216-225

АфIэунэ А.А.
Шэрджэсхэм я бзэм къыщагъэсэбэп лъабжьэпэ-лъабжьэужь псалъэщI Iэмалхэр адыгэ литературэбзэм къызэрыщхьэщыкI щIыкIэхэр 226-238

Жилетежев Х.Ч.
Освоение иноязычной общественно-политической лексики в кабардино-черкесском языке 239-250

Каширокова С.С.
Терская казачья ойконимия: формирование, трансформация и ревитализация (на материале Чеченской Республики) 251-261

Ульбашева З.М.
Репрезентация концептного пространства «юй»
в карачаево-балкарской лингвокультуре 262-270

Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Бориева М.К.
Особенности репрезентации гендера в языковом сознании носителей кабардино-черкесского языка:
по данным свободного ассоциативного эксперимента 271-280

Даниева А.С., Багироков Х.З.
Художественный мультилингвизм
в чеченском языковом пространстве: к постановке проблемы 281-294

Дзасежева Л.Х., Кумыкова М.М.
Социолингвистическое конструирование национальной идентичности в черкесских диаспорах
(на материале преимущественно турецкой выборки) 295-314

Махова М.Х.
Репрезентация концепта «джигит» в песенном дискурсе советского кинематографа (1940-е – 1990-е годы) 315-325

Файзиева Г.В.
Семантическое поле «семья»
в современном языке турок-месхетинцев России 326-337

Чайка Н.Е.
Языковой портрет современного студента Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова
(опыт обобщения) 338-356

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Басангова Т.Г.
Рецензия на монографию «Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 6. Историко-героические песни карачаевцев и балкарцев / отв. ред. Б.А. Берберов; Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2025. – 624 с. – ISBN 978-5-907951-91-4» 357-362

Биттирова Т.Ш.
Актуальная проза Магомеда Кудаева:
через факты к художественной реальности 363-371

Наши авторы 372-375

Ретрагированные статьи 376-376

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Archaeology and ancient history

Makoev B.N.
About the equestrian elite of the western koban society
(based on the materials of the Kabardino-Balkarian cemeteries) 15-37

Contemporary history

Dzhumagulova A.T.
"Nations and fatherland": nomadic peoples in the era of multi-power
and competing legitimacies (1917–1920s) 38-61

Akopyan V.Z., Akopyan Z.V., Grankin Yu.Y.
Chronicler of Ingushetia: Georgy Martirosian (On the 100th Anniversary
of the Formation of the Ingush Research Institute of Local Lore) 62-77

Tetuev A.I.
Migration processes in the Kabardino-Balkaria (1941-1945) 78-94

Yakhutl Y.A., Kasyanov V.V., Baste R.Yu.
Nukh Berzegov: in the service of the people 95-103

Ethnology, Anthropology and Ethnography

Khalukhaeva A.A.
Elements of ingush women's wedding costume:
traditions and practices of the 20th – beginning of the 21st centuries 104-122

Historiography, source studies, methods of historical research

Muratova E.G.
Documents of Ekaterina Mikhailovna Buhgolts from the Russian state
military historical archive as a source for the history of the Anapa fortress 123-131

Zhurtova A.A., Apazheva E.Kh., Mamsirov Kh.B.
Source study review of documents on the history of agrarian relations
in the Northwestern and Central Caucasus in the 19th
– early 20th centuries (based on published materials) 132-147

Seferbekov M.R.
Study of orolatry among the peoples of Dagestan and the North Caucasus: a historiographical review 148-165

PHILOLOGY

Literature of the peoples of the Russian Federation (literature of the peoples of the North Caucasus)

Borova A.R., Khulchaeva M.Kh.
The Image of Albasly and Its Relationship with Female Images in Nogai Prose of the Second Half of the 20th Century 166-176

Guzieva (Sarbasheva) A.M.
Originality of the artistic world of Osmanov Khyisi 177-190

Safiulina E.A.
Features of the embodiment of the image of albasly in Nogai short prose of the second half of the 20th century 191-203

Khaninova R.M.
H. Syan-Belgin's poem “Thirty Tall Poplars”: History and modernity 204-215

Russian language. Languages of the peoples of Russia

Abazova M.M.
Transformation of the personal paradigm of a verb in conditions of language contact (based on the Kabardian-Cherkessian speech of the diaspora in Turkey) 216-225

Afaunova A.A.
Characteristic word-formation methods of the Circassian language based on prefixes and suffixes in comparison with the literary Kabardino-circassian language 226-238

Zhiletezhev Kh.Ch.
Mastering foreign-language socio-political vocabulary in Kabardian-Cherkessian 239-250

Kashirokova S.S.
Tersk cossack oikonymy: formation, transformation and revitalization (based on the material of the Chechen Republic) 251-261

Ulbasheva Z.M.
Representation of concept area «u'i» in karachay-balkarian linguoculture 262-270

Theoretical, applied and comparative linguistics

Borieva M.K.
Features of gender representation in the linguistic consciousness of Kabardino-Circassian language speakers: data from a free associative experiment 271-280

Danieva A.S., Bagirokov H.Z.
Literary multilingualism in the chechen linguistic space: towards a problem 281-294

Dzasezheva L.Kh., Kumykova M.M.
Sociolinguistic construction of ethnical identity in Circassian diasporas (evidence from a predominantly turkish sample) 295-314

Makhova M.Kh.
Representation of the concept «dzhigit» in the pedal discourse of the soviet cinema (1940 – 1990s) 315-325

Fayzieva G.V.
The semantic field "family" in the modern language of the Meskhetian Turks of Russia 326-337

Chaika N.E.
Linguistic portrait of a modern student of the Kabardino-Balkarian state university named after H.M. Berbekov (generalization experience) 338-356

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Basangova T.G.
Review of the monograph "The Collection of Karachay-Balkar Folklore. Volume 6. Historical and Heroic Songs of the Karachays and Balkars / edited by B.A. Berberov; Institute of Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – Nalchik: Print Center Publishing House, 2025. – 624 p. – ISBN 978-5-907951-91-4" 357-362

Bittirova T.Sh.
The actual prose of Magomed Kudayev: from facts to artistic reality 363-371

Our authors 372-375

Retracted articles 376-376

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Археология и древняя история

Научная статья
УДК 903'1
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-15-37
EDN: ARZBDW

О КОННОЙ ЭЛИТЕ ЗАПАДНОКОБАНСКОГО ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ)

Беслан Натбиевич Макоев
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, makoev.beslan98@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-4335-4066

Аннотация. Статья посвящена исследованию верхнего социального слоя населения западного ареала кобанской культуры предскифского и раннескифского времени – военной конной аристократии – на основе анализа погребального обряда и инвентаря из могильников на территории Кабардино-Балкарии. Опираясь на работы предшественников (Е.И. Крупнов, В.И. Козенкова, С.Л. Дударев, А.Б. Белинский и др.) и критически оценивая существующие модели стратификации, в статье предлагается собственная пятиуровневая ранговая структура общества, где выделенная нами I группа занимает вершину иерархии.

В работе устанавливаются основные критерии отнесения к I группе: наличие конской упряжи (удила, псалии), захоронений лошадей (целиком или черепов), разнообразных типов оружия ближнего и дальнего боя, защитного вооружения (панцири, шлемы), а также предметов роскоши (украшения, импортные сосуды).

Ключевые слова: Северный Кавказ, предскифское и раннескифское время, западнокобанские древности, погребальный обряд, социально-ранговая стратификация, элита, захоронения конных воинов, влияние скифской культуры.

Для цитирования: Макоев Б.Н. О конной элите западнокобанского общества (по материалам могильников Кабардино-Балкарии) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 15-37. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-15-37. EDN: ARZBDW.

© Макоев Б.Н., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

ABOUT THE EQUESTRIAN ELITE OF THE WESTERN KOBAN SOCIETY (BASED ON THE MATERIALS OF THE KABARDINO-BALKARIAN CEMETERIES)

Beslan N. Makoev[1]
[1] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, makoev.beslan98@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-4335-4066

Abstract. The article is devoted to the study of the highest social stratum of the Koba archaeological culture (the end of the Bronze Age – the beginning of the Iron Age) – the military cavalry aristocracy (Group I) – based on the analysis of burial equipment from the burial grounds of Kabardino-Balkaria. Drawing on the works of predecessors (Krupnov, Dudarev, Belinsky, etc.) and critically evaluating the existing models of stratification, the article proposes its own five-level structure of society, where Group I occupies the top of the hierarchy.

The work establishes the key criteria for classification into Group I: the presence of horse tack (bit, псалии), horse burials (entire or skulls), various and numerous weapons (including dozens/hundreds of arrowheads), protective armaments (armour, helmets), and luxury items (jewellery, imported vessels).

Keywords: Koban archaeological culture, social stratification, funeral rite, elite, equestrian aristocracy, antiquities, bronze, iron, warriors, Scythians, bit, horse bit, arrowheads, akinak, jewelry.

For citation: Makoev B.N. About the equestrian elite of the western koban society (based on the materials of the Kabardino-Balkarian cemeteries). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 15-37. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-15-37. EDN: ARZBDW.

© Makoev B.N., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

На рубеже II и I тыс. до н.э. носители кобанской культуры Северного Кавказа, в том числе и ее западного ареала, переживали значительный экономический и хозяйственный рост. Факторами развития экономики выступали: использование террасного земледелия, рост поголовья мелкого и крупного рогатого скота. Это способствовало увеличению населения и освоению новых предгорных и низкогорных территорий.

Важное частью жизни древних кобанцев были производство металла и его обработка. В верховьях рр. Малка и Баксан, а также на их притоках известны выходы руд железа, меди и полиметаллов. Экономический рост и обменно-культурные связи с населением соседних и удаленных регионов неизбежно становились факторами стратификации западнокобанского общества.

С VII в. до н.э. динамика социального расслоения местного населения заметно усилилась под влиянием степных кочевнических племен юга Восточной Европы. Постоянные и длительные, военные и мирные контакты автохтонного населения со скифами, вполне закономерно, способствовали усилению и росту элитарной части западнокобанского общества – конных военных предводителей родов и племен, а также, вероятно, началу формирования их дружин.

Актуальность исследования социальной стратификации западнокобанского общества обусловлена необходимостью преодоления устоявшихся в региональной исторической науке стереотипов. Обобщения и выводы советской историографии, базировавшиеся на ограниченной источниковой базе, требуют верификации через систематизацию накопленного ранее материала с учетом новых полевых данных. Проведенные рассмотрение и анализ погребального обряда и инвентаря демонстрируют перспективность дальнейшего углубленного изучения социально-ранговой структуры общества обитателей Зольско-Чегемского междуречья в предскифское и раннескифского время.

Основная цель исследования заключается в выявлении материальных ранговых маркеров и применение их для характеристики элитных всаднических погребений начала раннего железного века в изучаемом районе.

Проблематикой изучения и реконструкции социально-ранговой структуры западнокобанского общества занимался ряд отечественных археологов-кавказоведов, таких как: Е.И. Крупнов, В.И. Козенкова, С.Л. Дударев, А.Б. Белинский и др.

Работы Е.И. Крупнова заложили основы реконструкции социальной организации населения Северного Кавказа эпохи поздней бронзы и начала раннего железного века. Выдающийся ученый и отличный знаток кобанских древностей интерпретировал подкрепленный археологическими исследованиями демографический рост в VI–V вв. до н.э. (многочисленные поселения, могильники, находки) как результат дальнейшего развития технологического и экономического прогресса начала I тыс. до н.э. (интенсификация производства, освоение металлургии железа). Евгений Игнатьевич датировал становление патриархальных общественных институтов периодом, предшествующим VI–V вв. до н.э. Он рассматривал усложнение межплеменных отношений и активизацию обмена как ключевые факторы социальной дифференциации и генезиса родовой аристократии. Выявленный высокий уровень социально-экономического развития послужил для Е.И. Крупнова основанием для выдвижения гипотезы о существовании военно-дружинной организации с выделившимися военачальниками [Крупнов 1960: 338, 339].

Известный отечественный специалист по кобанской проблематике В.И. Козенкова также приходит к выводу, что в первой половине I тысячелетия до н.э. в социальном отношении древние кобанцы находились на стадии разложения патриархально-родового строя. Основной хозяйственной единицей являлась большая патриархальная семья, тесно связанная родовыми узами. Валентина Ивановна утверждала, что существование богатых и бедных захоронений на могильниках, обнаружения кладов в слоях синхронных поселений, свидетельствует о заметной имущественной дифференциации внутри родовой общины. По предметам вооружения, найденным в погребениях и в слоях поселений, она приходит к выводу о значительных периодах немирной жизни и предполагает существование категорий вождей-военноначальников [Козенкова 1982: 25].

Следует отметить, что основные исследователи данной проблематики выделяют разное число социальных слоев кобанского общества, но в тоже время они едины в том, что верхушку общества составляла военная аристократия – I группа [Дударев, Белинский 2011: 73].

Позиция А.Б. Белинского и С.Л. Дударева в выделении верхушки общества более детализирована и аргументирована. Так в их совместной статье «Об опыте социального ранжирования мужских погребений предскифской эпохи могильника Клин-яр III» исследователи, ранжируя слои общества, выделяют VI групп погребений, из которых первые два наиболее социально высоких слоя относятся к военной аристократии: конные воины-дружинники и пешая знать [Дударев, Белинский 2011: 73].

Проанализировав погребальный обряд могильников кобанской археологической культуры Кабардино-Балкарии, нами была разработана условная схема

социальной стратификации западнокобанского общества, в которой насчитывается пять групп:

I группа – конная аристократия;

II группа – пешая знать;

III группа – рядовые воины;

IV группа – рядовые общинники;

V группа – бедняки.

В данной статье нами осуществлена работа по выявлению и характеристике погребального обряда и инвентаря конной аристократии западнокобанского общества Зольско-Чегемского междуречья.

Таким образом, за основу социально-ранговой интерпретации описанных ниже воинских захоронений нами частично использованы критерии предложенные ранее С.Л. Дударевым и А.Б Белинскими.

Итак, погребения конной знати характеризуются следующими артефактами:

– конская упряжь;

– от 1 до 3 видов оружия; от 1 до 3 видов орудий повседневного быта (оселки, железные ножи, шилья и пр.);

– сосуды; предметы, украшенные золотом, детали доспеха и парадного костюма – остатки бронзовых чешуйчатых панцирей и находки шлемов.

Основная часть

Заюковский могильник (1949 г.).

В ходе масштабных разведок, проводимых в 1949 г. экспедицией К.Э. Гриневича на правом берегу р. Баксана, напротив с. Заюково были обнаружены могильники интересующего нас времени. В 1949 г. на одном из выявленных памятников было исследовано воинское захоронение (погребение № 2), отличающееся незаурядностью погребального инвентаря [Гриневич 1951: 135].

Целостность каменного ящика № 2 была нарушена. Размеры погребения определить не удалось. В захоронении был обнаружен покойник, который лежал в скорченном виде. При костяке найдены различные предметы, среди которых: маленький железный ножик, бронзовые двухкольчатые удила с дисковидными привесками, бронзовый топорик кобанского типа, глиняные сосуды. По составу инвентаря, это погребение относится к предскифскому времени, а топорик и удила позволяют отнести захоронение к I группе – конным воинам (рис. 1).

Могильник Заюково-3 (2014 г.).

В 2014 г. совместная экспедиция Государственного исторического музея, Кабардино-Балкарского государственного университета и Института археологии РАН проводила исследование могильника Заюково-3 на левобережье долины Баксана [Кадиева 2017: 111]. Были раскопаны погребения, относящиеся к кобанской археологической культуре. Среди них выделяется одно захоронение представителя конной аристократии – погребение 6.

При раскопках погребения № 6 (рис. 2) была вскрыта яма с частичной каменной обкладкой, перекрытая каменным закладом размером 1,6 х 1 м. Ориентация – ССЗ-ЮЮВ. Размеры ямы установить не удалось из-за однородности грунта [Кадиева 2017: 111].

В яме компактно лежали кости ног двух человек у северной и южной плит. Анализ расположения и состояния костей свидетельствует о последовательном захоронении: после разложения первого индивида (почти полного) и частичного разложения второго их останки были извлечены.

У юго-юго-восточной плиты найдены детали узды: железные удила с овальными петлями и стержневидными псалиями, два бронзовых кольца и бронзовый наносник. Возле лучевой кости первого погребенного обнаружен железный наконечник стрелы. В южной части среди костей ног лежали железный стержень и две раковины каури.

Южнее северной плиты найдены стеклянные бусины: красная ребристая и кольцевидная; в 0,12 м к ЮЗ от первой – вторая красная ребристая бусина, а в 0,05 м к ЮВ от нее – треугольный наконечник крупного клинка. У локтевой кости второго погребенного (у северной плиты) выявлены фрагмент железного ножа с горбатой спинкой и разломанная бронзовая булавка.

После снятия костей и северо-северо-западной плиты в этой части ямы расчищен развал крупного сосуда с высоким горлом (рис. 2). В погребении также присутствовали биконическая кружка с отбитой ручкой и маленькая цилиндрическая кружечка.

Бронзовая булавка и бусины указывают, что одним из погребенных, вероятно, была женщиной. Несомненным является то, что первый погребенный относился к I группе социального слоя кобанского общества – конной аристократии. Захоронение датируется скифским временем.

Важно также отметить, что в ходе грабительских раскопок на могильнике «Заюково-3» был обнаружен шлем предскифского времени, демонстрирующий типологическое сходство с экземплярами из могильника Клин-Яр [Вальчак 2016: 131]. С.Л. Дударев отмечает общие черты в конструкции тульи, форме наушей, методе крепления бронзового листа и расположении отверстий для подшлемника [Дударев 2011: 10]. Артефакт известен исключительно по не масштабированным фотографическим изображениям; детальное описание и метрические данные отсутствуют. Нижняя часть тульи утрачена, науши фрагментированны (рис. 3). Будучи элементом защитного вооружения, данный шлем является индикатором высокого социального статуса его владельца. Благодаря местному краеведу В.Н. Котлярову находка поступила в Государственный исторический музей.

Нижне-Чегемский могильник (1959 г.).

Комплексы из могильника у сел. Нижнего Чегема отличаются богатством погребального инвентаря. Особый интерес составляют погребальный инвентарь первого и второго погребения [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Д. 6: 25].

Погребальный обряд погребения № 1 невозможно было восстановить, так как часть костяка провалилась с обрыва. Это погребение сопровождалось следующим инвентарем: скифский железный меч (акинак), железный боевой топор, бронзовые щипчики с орнаментом, каменный оселок, четыре наконечника стрел скифского типа, бронзовый амулет в виде головы барана, гривна, часть бронзовой цепочки и часть железных удил [Архив ИГИ КБНЦ РАН Д. 6: 25]. Погребальный инвентарь показывает, что данное захоронение относится к I группе – конным воинам.

Погребальный обряд могилы № 2 не удалось восстановить, так как часть костяка также упала с обрыва. Это погребение сопровождалось черепом лошади, у которого лежал небольшой бронзовый колокольчик, и части железных удил. Также в захоронении находились: две фибулы; железный боевой топор и акинак с бронзовым навершием головы грифона; бронзовая цепочка; железный наконечник пики; бронзовые щипчики с орнаментом; лощенная миска и ваза [Архив ИГИ КБНЦ РАН Д. 6: 26]. Череп лошади и предметы вооружения позволяют относить это погребение к I группе – конным воинам.

Нартанский могильник (1978–1979 гг.).

В 1978-1979 гг. новостроечной экспедицией сектора археологии Кабардино-Балкарского НИИ в окрестностях сел. Нартан на берегу р. Нальчик было исследовано 24 кургана. Эти курганы часть современных ученых-скифологов относит к скифской археологической культуре. Однако значительное число кобанских артефактов, найденных в погребениях [Батчаев, Барцева, Керефов 1985] позволяет использовать эти данные в нашем исследовании. Важно также, что известный археолог В.И. Козенкова атрибутировала Нартанский могильник как памятник местной позднекобанской культуры. При этом исследователь диагностировала в его материалах признаки культурного синкретизма, выразившегося во взаимодействии элементов и черт скифской и кобанской культур, а также включении компонентов савроматского культурного круга [Козенкова 2021: 82].

В кургане № 2 было найдено погребение, относящееся к первой группе конных-воинов. Рядом со вторым скелетом, около ног, лежал череп лошади (рис. 4.1).

В погребение были найдены: обрывки золотой фольги с тисненными узорами; железный наконечник копья длиной 33,9 см. с узким ромбическим сечением пера, подвеска-амулет из зуба животного, полая золотая биконическая серьга с проволочным кольцом для подвешивания, три бронзовых наконечника стрел с внутренней втулкой, железный наконечник копья и вток, кости взнузданного коня с железными удилами и псалиями, две раздавленные крупные орнаментированные чернолощеные корчаги, 2-3 фрагмента слаболощеной миски с буровато-охристой поверхностью (рис. 4.2) [Батчаев, Барцева, Керефов 1985: 20].

В кургане № 4 найдено погребение, в которой находились останки двух людей, но погребальный инвентарь обнаружен лишь в той части камеры, где находился костяк второго погребенного. В камере также находились останки взнузданного коня (рис. 5.1).

В погребении были обнаружены: железные удила с длинными двудырчатыми псалиями, один конец которых был оформлен в виде изображения головы грифона, бронзовый колокольчик, раздавленный крупный сосуд и фрагменты сосуда меньшего размера, чернолощеная миска, обломок плиты из серого песчаника, два железных умбона с отверстием в центре, короткая золотая трубочка, ромбовидная подвеска из золотой пластинки, костяное навершие в виде головы льва, две обоймицы (свернутые из узкой полоски железа), золотая серьга, остатки пластинчатого панциря, 2 костяных, 128 бронзовых и 70-80 железных наконечников стрел, обломок предмета из листовой бронзы (рис. 5.2) [Батчаев,

Барцева, Керефов 1985: 22-23]. Найденный инвентарь позволяет нам отнести погребение к первой группе (конных воинов).

Курган № 5 представляет особый интерес, так как автор раскопок В.М. Батчаев относит останки погребенного здесь человека к женщине, обосновывая это тем, что в погребальном инвентаре находилось глиняное пряслице (рис. 6.1) [Батчаев, Барцева, Керефов 1985: 23].

Но сопутствующий инвентарь в целом совпадает с характеристиками первой группы конных воинов. Вместе с человеческими останками были обнаружены: два крупных чернолощеных сосуда, маленькая одноручная кружка, длинный и узкий однолезвийный нож, бронзовый проволочный браслет, девять шаровидных бусин из янтаря, кости, красный сердолик, три полых бусины с рифленой поверхностью из золотой фольги и три золотые полусферические бляшки, костяная стержневидная булавка с фигурным навершием и двумя бронзовыми колечками, короткая костяная трубочка с узким внутренним желобком, четыре железных и тридцать шесть бронзовых наконечников стрел, скелет коня с железными удилами в зубах, раковина каури и бронзовое колечко (рис. 6.2).

Как видим, останки коня, наконечники стрел и различные украшения дают основание отнести погребение к первой группе воинов-всадников.

В кургане № 8 были обнаружены скелеты двух людей, они сопровождались богатыми заупокойными дарами, но инвентарь второго погребенного отличался незаурядностью от первого (рис. 7.1).

Второй костяк сопровождался таким погребальным инвентарем: бусы, золотая серьга, умбон и 107 бронзовых наконечников стрел, зуб животного с отверстием, два сосуда и главный атрибут конных воинов – скелет лошади, сопровождаемый железными удилами, псалием, тремя железными столбиками для ремней и железным колокольчиком с железным язычком (рис. 7.2) [Батчаев, Барцева, Керефов 1985: 27]. Погребение относится к I группе – конной аристократии.

Курган № 12 выделяется тем, что захоронение производилось по обряду трупосожжения. Вместе с останками человека обнаружены разнообразные украшения и наконечники стрел. Также погребенного сопровождали скелеты четырех или пяти лошадей. Лошади были погребены с наборами упряжи: одни бронзовые удила со стремечковидными концами и одним зооморфным псалием, несколько железных удил (рис. 8.1) [Батчаев, Барцева, Керефов 1985: 31].

В погребении были найдены: два деревянных цилиндрических столбика с одним округлым торцом и горизонтальным желобком для шнура, 40 различных по форме и размером бусин, золотая калачиковидная серьга и пять круглых золотых накладок, несколько фрагментов бронзовой миски, два сосуда, фрагменты глиняной миски, 11 раковин каури, 15 округлых галек, 8 экземпляров псалий, железное колечко (рис. 8.2). Погребение относится к I группе – конной аристократии.

В кургане № 16 было обнаружено одиночное погребение (рис. 9.1). Возле погребенного лежали два железных меча плохой сохранности. Один из мечей имел золотую обкладку рукояти из тонкого листа. Также рядом со скелетом были найдены следующие вещи: обломок тонкой плиты из розового гранита, фраг-

менты черного сосуда, чернолощеная чарка, 2 миски, бронзовое зеркало, 3 фигурные накладки из низкопробной золотой фольги, раковины каури, 25 галек, остатки железного пластинчатого панциря, фрагменты двух бронзовых чаш, бронзовый колокольчик с железным язычком, железный наконечник копья, кусочек реальгара, 189 наконечников стрел, скелеты лошадей (рис. 9.2) [Батчаев, Барцева, Керефов 1985: 36]. Находки копья, наконечников стрел, двух железных мечей и, конечно же, кости лошадей дают отнести погребенного к конным воинам, т.е. к I группе.

Курган № 18. В погребальной камере находились останки человека и лошадей (рис. 10.1). Непосредственно вблизи погребенного были обнаружены следующие артефакты: 2 бронзовые стержневые булавки, свыше полусотен бусин (из янтаря, черной и белой пасты, стекловидной массы и фаянса), наконечник копья и бронзовое зеркало, четыре глиняных сосуда различной степени сохранности, колокольчик и кинжаловидная подвеска, фрагменты бронзового диска (рис. 10.2). Здесь же были расчищены скелеты 3 лошадей, которые дают отнести погребение к I группе – конным воинам [Батчаев, Барцева, Керефов 1985: 38]. Во рту каждой из лошадей находились железные удила и псалии.

Курган № 20 отличается редким богатством от других. С останками погребенного были обнаружены кости 4 лошадей (рис. 11.1).

В близости от человеческих останков были обнаружены: около 100 костяных пластинок от панциря, раздавленная черно-глиняная корчага, чернолощеная миска, литой бронзовый шлем, глиняная корчага с чаркой, бронзовая ситула, одноручное блюдо из листовой бронзы, две бронзовые чаши, чернолощеный кувшин, чернолощеная миска с вложенной в нее одноручной чаркой, 2 бронзовые иголки, бронзовая ажурная литая обойма, бронзовое дисковидное зеркало, 4 круглые накладки из золотой фольги, 2 полуовальные накладки из золотой фольги, 2 полусферические выгнутые бляшки из золотой фольги, две золотые пуговицы, два полых бубенчика из золотой фольги, 54 бронзовых наконечников стрел, железный наконечник копья, гальки и многочисленные фрагменты черноглиняного сосуда, круглая костяная пряжка и бронзовое блюдо, многочисленные предметы конского снаряжения (рис. 9.2) [Батчаев, Барцева, Керефов 1985: 40]. Присутствие в кургане защитного вооружения (шлем и пластинки панциря) и захоронений лошадей прямое доказательство того, что погребение относится к I группе – конным воинам.

Каменномостский могильник (1954 г.).

В 1954 г. П.Г. Акритас проводил раскопки на Каменномостском могильнике предскифского и раннескифского времени. Одно из погребений было во многом интересным и даже уникальным. Костяк человека располагался в каменном ящике и лежал вытянуто на спине. Панаит Георгиевич считал, что это погребение женщины. Он видимо опирался на состав заупокойных даров и возможно на антропологическое определение. Возраст погребенной, предположительно, составлял 35 лет (рис. 12). Каменный ящик располагался рядом с захоронением коня. Сопровождающий женщину могильный инвентарь, был следующим: часть фабулы, серьга, стеклянные бусы, зеркало, часть подвески, кинжал, бронзовые

цепочки, бронзовый наконечник стрелы, 2 браслета, щипцы, глиняная чаша, точильце, глиняные сосуд и кружка, бронзовая подвеска из конского снаряжения [Архив ИА РАН Д. 981: 27]. Вещи датируются скифским временем. Вполне вероятно, что умершая женщина была воительницей, наподобие, упоминаемых в литературе, древних амазонок. Важно, что ее погребение вполне можно отнести к высшему слою западнокобанского общества - конной аристократии, т.е. I группы.

Каменномостский могильник (1987 г.).

Каменномостский могильник кобанской культуры, находящийся в одноименном селе у слияния рек Малка и Кичмалка, был открыт еще в 1849 году [Архив ИГИ КБНЦ РАН Д. 77: 2]. В 1987 г. археологами Кабардино-Балкарского НИИ на этом памятнике проводились раскопки [Архив ИГИ КБНЦ РАН Д. 77: 3].

Из обнаруженных захоронений привлекает внимание раскопанное под номером 1. Размер погребения составляет 146 х 200 см. В погребении были обнаружены следующие вещи: крупный горшок серо-охристого цвета, внутри которого оказалась маленькая темно-серая чашечка; обломки серо-охристой миски; бронзовые удила со стремячковидными окончаниями; два трехпетельчатых псалия; бронзовая лунница; золотая проволочная пронизка; маленький железный нож; два оселка; круглая бронзовая бляшка и железный наконечник копья [Архив ИГИ КБНЦ РАН Д. 77: 12]. Инвентарь погребения соответствует признакам I группы (конных-воинов).

Верхний Куркужин (2018 г.).

Из новейших раскопок, проводимых на территории западного ареала кобанской археологической культуры, нужно отметить могильник Верхний Куркужин. Исследование памятника производилось Северокавказской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Ю.В. Марченко в 2016-2022 гг. Всего за период раскопок было изучено 96 погребений [Маслов, Котин, Марченко 2024: 68].

Погребение № 67, несомненно, относится к I группе захоронений конной знати. Данная могила раскапывалась при участии автора статьи. Погребальная конструкция представляла собой прямоугольный каменный ящик 2,1 х 2,2 м., разделенный на две камеры. Сохранились три стенки и внутренняя перегородка, все из массивных плит. Восточная стенка, вероятно, была разрушена грабителями, вместе с перекрывавшими ее плитами. Разделительная перегородка размером 1,0 х 0,5 х 0,2 м была заглублена в материк на 0,1 м. В северной камере погребения были найдены костные останки мужчины 25 – 35 лет, захороненного в скорченном положении на левом боку. Возле пояса, справа от скелета, располагалась орнаментированная миска. Под бедренной костью лежал акинак с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Рядом с перегородкой между камерами, в районе предплечья погребенного, был найден железный нож со слегка изогнутой спинкой. В южной камере находился скелет лошади, однако ее череп отсутствовал – вероятно, это последствие разграбления, как и выемка плиты перекрытия и стенка ящика в этой части. Несмотря на это, остальной скелет лошади сохранился in situ, что позволило установить позу животного: оно лежало на животе с подогнутыми ногами. Здесь же обнаружены три бронзовых

наконечника стрел. Ряд с тремя наконечниками стрел дополнял костяной псалий, оформленный окончанием в виде стилизованного копыта. В юго-восточном углу южной камеры, у передних ног лошади, находилась бронзовая зооморфная (оленевидная) бляшка. У западной стенки ящика были сосредоточены керамические сосуды: корчага, кубок и кружка (рис. 13).

Следует отметить также, что на территории Кабардино-Балкарии известны находки комплексов бронзовой колесничной упряжи VIII–VII вв. до н.э. Первый комплект происходит из погребений, разрушенных в 1968 г. при строительных работах на ул. А. Шогенцукова (г. Баксан). Второй комплекс, предположительно связанный с упряжью, был обнаружен в 1980 г. в разрушенной части кургана близ сел. Алтуд (Прохладненский район). Два похожих комплекта упряжи происходят из материалов несанкционированных государственными органами раскопок, но стали известны археологам и введены в широкий научный оборот в различных публикациях [Бгажноков, Фоменко 2018: 15].

Находки комплектов и деталей колесничной упряжи указанного периода на территории Кабардино-Пятигорья связаны преимущественно с грунтовыми погребениями (как ингумациями, так и кремациями), а также часто интерпретируются как кладовые комплексы [Бгажноков, Фоменко 2018: 17].

Еще одним свидетельством развития социальной стратификации у западных кобанцев являются находки на территории Кабардино-Балкарии антропоморфных стел предскифского времени [Фоменко 2018: 23, 24]. Изображенные на них предметы вооружения, доспехи и украшения находят прямые аналогии в инвентаре здешних погребений конной воинской аристократии VIII–VII вв. до н.э.

Заключение

На основании проведенного рассмотрения погребальных комплексов западнокобанской знати, выявленных на территории Кабардино-Балкарии, автор пришел к следующим выводам:

1. Предложенная модель пятиуровневой социальной стратификации подчеркивает структурную сложность западнокобанского общества, в котором доминирующее положение занимала военная элита. Ее власть базировалась на контроле над ключевыми ресурсами и престижными производственными технологиями (обработка железа и бронзы), а также, вероятно, на совмещении военно-административных и сакральных функций.

2. В ходе проведенного нами сравнительного анализа была рассмотрена применимость стратификационной модели, предложенная С.Л. Дударевым и А.Б. Белинским для могильника Клин-Яр III в соседнем регионе Пятигорья, где на основании погребального инвентаря выделено шесть социальных слоев:

I группа представлена захоронениями, которые указанные авторы определили как погребения конных воинов-дружинников – представителей родовой аристократии.

II группа определена как могилы пешей знати.

III группа наиболее многочисленна. Сюда входили рядовые воины-общинники, вооруженные главным образом копьями;

IV, V и VI группа включают в себя рядовых невооруженных мужчин, имевших или нет заупокойные дары;

Данная градация подтверждает, что выделяемые на основе анализа погребальных традиций социально-ранговые группы являются реконструктивными и могут варьировать в разных синхронных и территориально близких могильниках (Каменномостский, Заюковские, Кургужинские и др.).

3. Однако, совершенно определенно, ключевым маркером социального статуса выступает комплекс предметов вооружения. Наличие в инвентаре коротких мечей, копий, топоров, доспехов и конского снаряжения не только отражает военную специализацию, но и, вероятно, символизирует связь с сакральной сферой, о чем свидетельствуют шлемы и другие предметы, возможно обладавшие ритуальными значениями.

4. Важно также, что отмеченное до нас отсутствие четкой дифференциации в трудоемкости сооружения, сложности и размерах погребальных конструкций может указывать на сохранение родовых традиций и ограничения в демонстрации социального неравенства. Но здесь следует учесть, что на размеры и оформление могильных сооружений могли влиять зимние холода (промерзание грунта) и отсутствие времени на пышные церемонии во время затяжных военных действий.

5. Проведенный анализ инвентаря ряда могильников региона свидетельствует о глубокой социальной стратификации западнокобанского общества.

Поскольку большинство рассмотренных комплексов (за исключением Каменномостского могильника (раскопки 1987 г.) и Заюковского (экспедиция 1949 г.) относятся к скифскому периоду (VII–IV вв. до н.э.), можно предположить, что процессы социальной дифференциации значительно интенсифицировались и приобрели выраженные материальные формы именно в VII–VI вв. до н.э.

6. Таким образом, военные контакты и возможно длительное соседство с кочевыми группами степной зоны, резко активизировавшиеся с VII в. до н.э., выступили мощным катализатором формирования и эволюции военной аристократии. Относительная демографическая и экономическая стабильность, внешние военные угрозы стали основными факторами кристаллизации страты военачальников. Обоснованная идентификация материальных маркеров элитных захоронений (упряжь, конские захоронения, разнообразие типов вооружения, престижные импорты) в археологическом выражении подтверждает рассмотренную модель стратификации и подчеркивает детерминирующую роль военного фактора в социальной динамике западнокобанского населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Архив ИА РАН Д. 981: – Архив Института Археологии Российской Академии Наук. Акритас П.Г. Отчет об археологической работе в Кабарде в 1954 г. Ф. 1. Р. 1. Д. 981.

Архив ИГИ КБНЦ РАН Д. 6: – Архив Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук». Акритас П.Г. Отчет об Археологических исследования Чегемского ущелья Кабардино-Балкарской АССР в 1959 г. Ф. 21. Оп. 1. Д. 6.

Архив ИГИ КБНЦ РАН Д. 77: – Архив Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук». Батчаев В.М. Археологическая экспедиция КБНИИ 1987 г. Ф. 21. Оп. 1. Д. 77.

Батчаев, Барцева, Керефов 1985 – *Батчаев В.М., Барцева Т.Б., Керефов Б.М.* Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. – Том II. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 276 с.

Бгажноков, Фоменко 2018 – *Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А*. О колесницах предскифского времени населения западного и центрального предкавказья // Вестник КБИГИ. – № 4 (39). – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – С. 15 – 21.

Вальчак 2016 – *Вольчак С*. Бронзовые кованые шлемы предскифского периода на Кавказе // Revista Arheologică Serie nouă. – Vol. XII. – Nr. 1 – 2. – 2016. – С. 128 – 144.

Гриневич 1951 – *Гриневич К.Э.* Новые данные по археологии Кабарды // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Академия наук СССР, 1951. – С. 125–139.

Дударев, Белинский 2011 – *Дударев С.Л., Белинский А.Б*. Об опыте социального ранжирования мужских погребений предскифской эпохи могильника Клин-Яр III // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. – М.: Илеска, 2011. – С. 72 – 84.

Дударев 2011 – *Дударев С.Л*. Блеск и горечь древней бронзы (о новых находках у селения Заюково) // Шестнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов). – Армавир: АГПА; Графа, 2011. – С. 9 – 20.

Кадиева 2017 – *Кадиева А.А.* Погребение с оружием и предметами конского снаряжения IV – III вв. до н.э. из могильника Заюково-3 (Кабардино-Балкария) // Нижневолжский археологический вестник. – Т. 16. – № 1. – Волгоград: ВоЛГУ, 2017. – С. 110 – 124.

Козенкова 1982 – *Козенкова В.И*. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант // Институт Археологии. – Вып. (В2-5). – М.: Академия наук СССР, 1982. – 177 с.

Козенкова 2021 – *Козенкова В.И*. Соотношение инокультурных компонентов в древностях Нартанского могильника (Северный Кавказ) // Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской. – М.: ИА РАН; 2021. – С. 81 – 110.

Крупнов 1960 – *Крупнов Е.И*. Древняя история Северного Кавказа. – М.: Институт Археологии Академия наук СССР, 1960. – 520 с.

Маслов, Котин, Марченко 2024 – *Маслов В.Е., Котин М.А., Марченко Ю.В.* Корчага и ее место в погребениях могильников Верхний Куркужин и Новозаведенное II // Открытия и успехи кавказской археологии. – М.-Нальчик: ИА РАН, 2024. – С. 65–95.

Фоменко 2018 – *Фоменко В.А*. Изваяния предскифского времени из Кабардино-Пятигорья // Вестник КБИГИ. – № 5 (49). – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – С. 19 – 24.

REFERENCES

BATCHAEV V.M., BARCEVA T.B., KEREFOV B.M. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972-1979 gg. T. II* [Archaeological research on new buildings in Kabardino-Balkaria in 1972 – 1979. Volume II]. – Nal'chik: El'brus, 1985. – 276 p. (In Russ.).

BGAJNOKOV B.H., FOMENKO V.A. O kolesnicah predskifskogo vremeni naseleniya zapadnogo i central’nogo predkavkaz’ya [About the chariots of the pre-Scythian period of the population of the western and central Ciscaucasia]. IN: Bulletin of KBIGI. – № 4 (39). – Nalchik: IGI KBSC RAN, 2018. – Pp. 15 – 21. (In Russ.).

VAL’CHAK S. Bronzovyie kovanyie shlemyi predskifskogo perioda na Kavkaze [Bronze forged helmets of the Pre-Scythian period in the Caucasus]. IN: Revista Arheologică. Serie nouă. – Vol. XII. – Nr. 1 – 2. – 2016. – Pp. 128 – 144. (In Russ.).

GRINEVICH K.E. *Novyie dannyie po archeologii Kabardyi* [New data on the archeology of Kabarda]. IN: Materials and research on the archeology of the USSR. – Moscow, Academy of Sciences of the USSR, 1951. – P. 125 – 139. (In Russ.).

Arhiv IA RAN – Arhiv instituta arheologii rossiskoi akademii nauk. Akritas P.G. Report on archaeological work in Kabarda in 1954. F. 1. R. 1. D. 981. (In Russ.).

Arhiv IGI KBNC RAN – Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovanij – filiala FGBNU «Federal'nyj nauchnyj centr «Kabardino-Balkarskij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk». Akritas P.G. Report on the Archaeological Research of the Chegem Gorge in the Kabardino-Balkarian ASSR in 1959. F. 21. Op. 1. D. 6. (In Russ.).

Arhiv IGI KBNC RAN – Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovanij – filiala FGBNU «Federal'nyj nauchnyj centr «Kabardino-Balkarskij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk». Batchaev V.M. Archaeological Expedition of the KBNII in 1987. F. 21. Op. 1. D. 77. (In Russ.).

DUDAREV S.L. BELINSKII A.B. Ob opyite social'nogo ranjirovaniya mujskih pogrebenii predskifskoi epohi mogil'nika Klin-Yar III [On the experience of social ranking of male burials of the pre-Scythian era of the Klin-Yar III burial ground]. IN: Collection of scientific works by Sergei Leonidovich Dudarev: articles, materials, reviews. On the occasion of his 60th birthday. – M.: Ileska, 2011. – P. 72 – 84. (In Russ.).

DUDAREV S.L. Blesk i gorech' drevnei bronzyi (o novyih nakhodkah u seleniya Zaukovo) [The Brilliance and Bitterness of Ancient Bronze (about new discoveries near the village of Zayukovo)]. IN: The sixteenth reading on the archaeology of the Middle Kuban (summary of the reports). – Armavir: AGPA; Grafa, 2011. – Pp. 9 – 20. (In Russ.).

KADIEVA A.A. Pogrebenie s orujiem I predmetami konskogo snaryajeniya IV – III vv. do n.e. iz mogil'nika Zayukovo-3 (Kabardino-Balkariya) [Burial with weapons and horse equipment from the 4th to 3rd centuries BC from the Zayukovo-3 burial ground (Kabardino-Balkaria)]. IN: Nizhnevolzhsky Archaeological Bulletin. – D.N. 16. – No. 1. – Volgograd: VolGU, 2017. – P. 110 – 124. (In Russ.).

KOZENKOVA V.I. Tipologiya i hronologicheskaya klassifikaciya predmetov kobanskoi kul'turyi: Vostochnyi variant [Typology and chronological classification of objects from the Koban culture: Eastern variant]. IN: Institute of Archeology. – Issue (B2-5). – Moscow, Academy of Sciences of the USSR, 1982. – 177 p. (In Russ.).

KOZENKOVA V.I. Sootnoshenie inokul'turnyih komponentov v drevnostyah Nartanskogo mogil'nika (Severnyi Kavkaz) [The ratio of foreign cultural components in the antiquities of the Nartan burial ground (North Caucasus)]. IN: The Age of Horsemen in the North Caucasus: On the 90th Anniversary of Vera Borisovna Kovalevskaya. – Moscow: IA RAN, 2021. Pp. 81 – 110. (In Russ.).

KRUPNOV E.I. Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza [The ancient history of the North Caucasus]. – Moscow, Academy of Sciences of the USSR, 1960. – 520 p. (In Russ.).

MASLOV V.E., MARCHENKO YU.V., KOTIN M.A. Korchaga I ee mesto v pjgrebeniyah mogilnikov Verchniyi Kurkuzhin I Novozavedennoe II [Korchaga and its place in the burials of the Verkhny Kurkuzhin and Novozavedennoye II burial grounds]. IN: Discoveries and achievements of Caucasian archaeology. – Moscow-Nal'chik: IA RAN, 2024. – P. 65 – 95. (In Russ.).

FOMENKO V.A. Izvayaniya predskifskogo vremeni iz Kabardino-Pyatigor'ya [Pre-Scythian Sculptures from Kabardino-Pyatigorye]. IN: Bulletin of KBIGI. – № 5 (49). – Nalchik: IGI KBSC RAN, 2018. – Pp. 19 – 24. (In Russ.).

Приложение

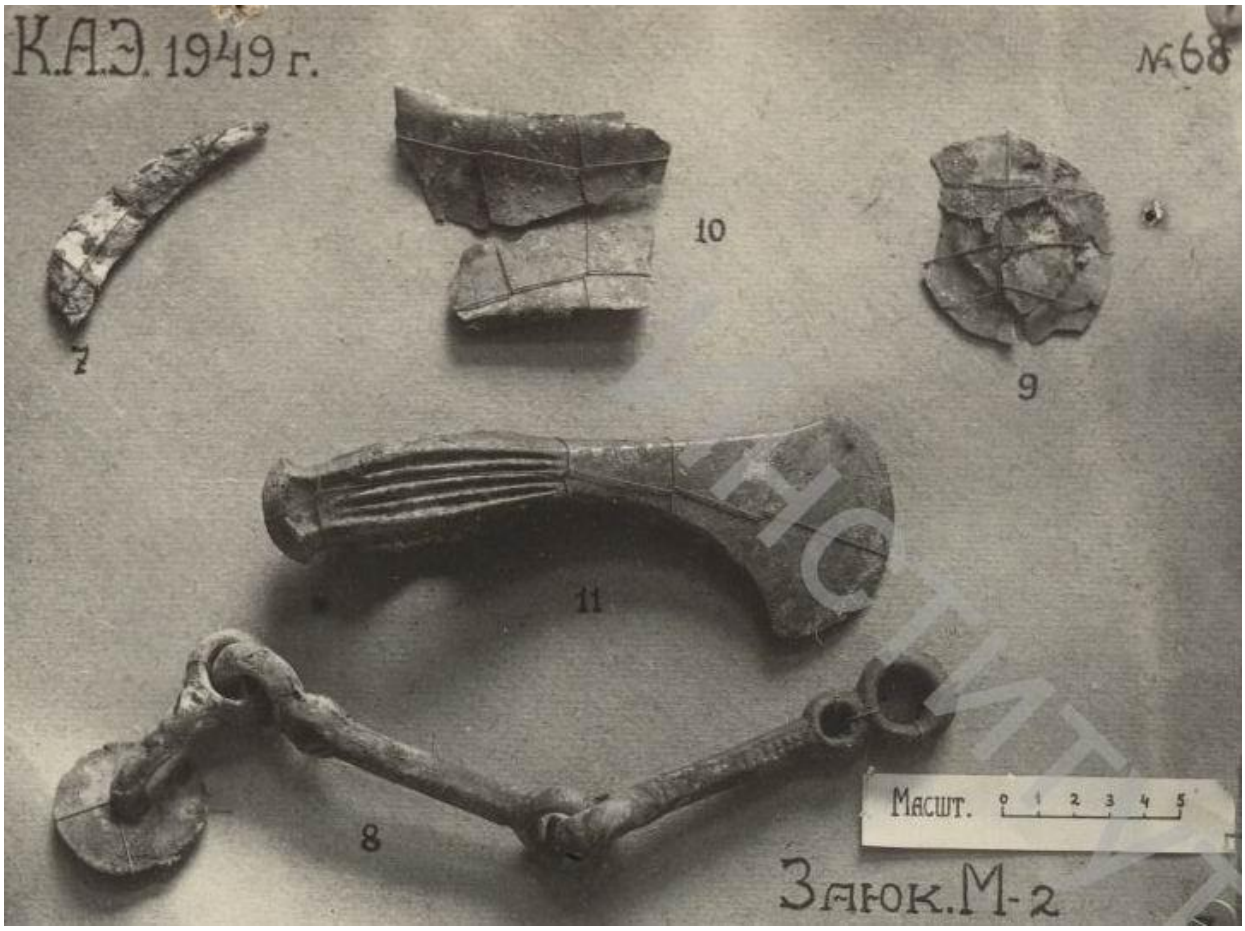

Рис. 1. Могильник Заюково-1. Погребальный инвентарь захоронения 2. [Гриневич 1951: 136].

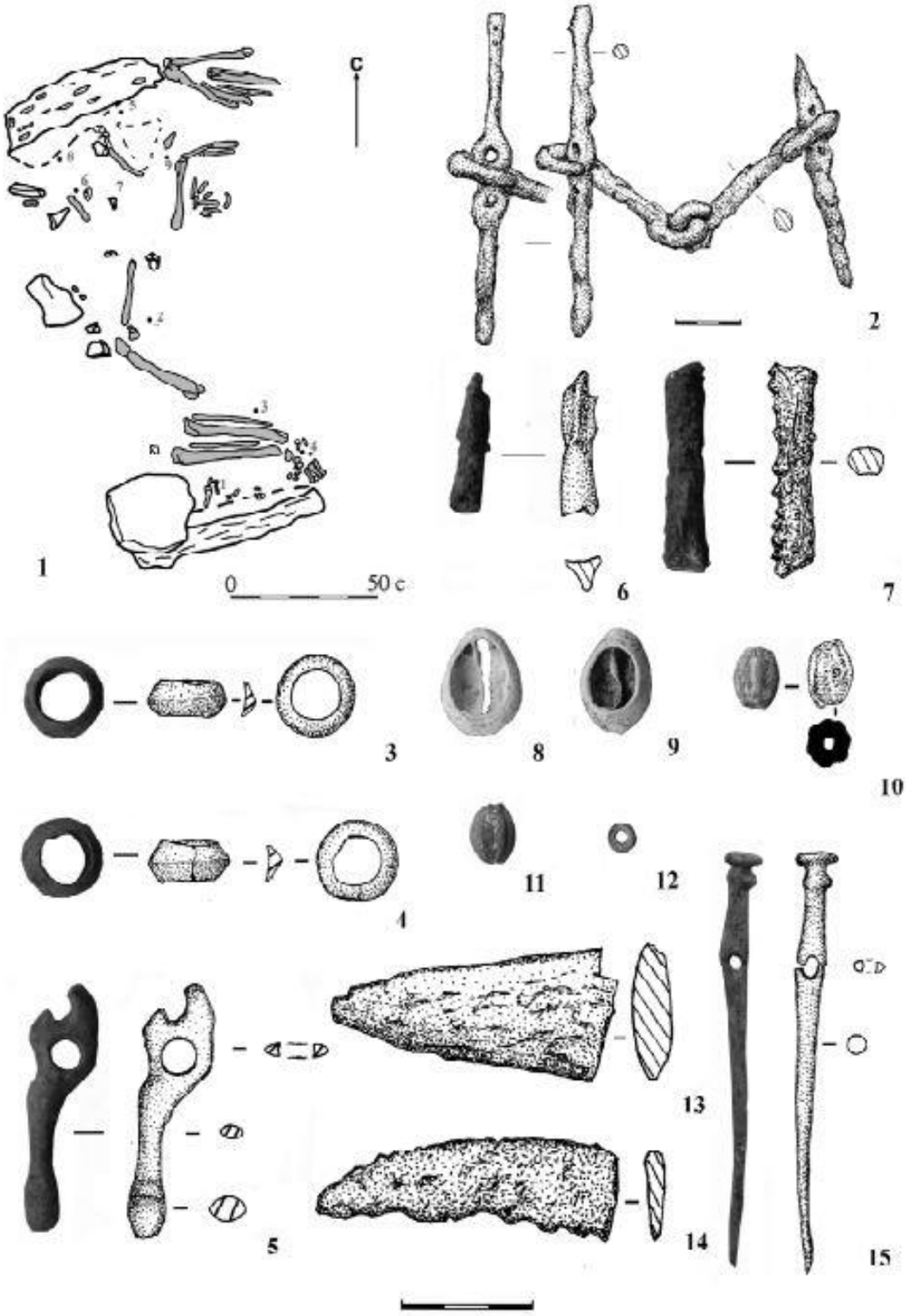

Рис. 2. Могильник Заюково-3. Раскоп 1. Погребение 6.
[Кадиева 2017: 118].

Рис. 3. Могильник Заюково-3. Шлем из грабительских раскопок.

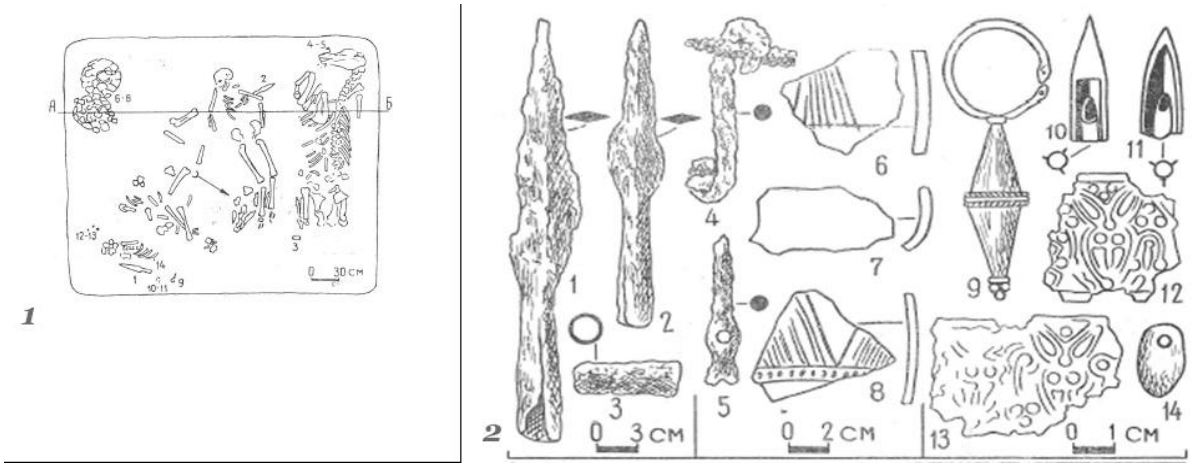

Рис. 4.1. – 4.2. Нартанский могильник. 1 – план погребения кургана, 2.2 – находки в кургане 2.
[Батчаев, Барцева, Керефов 1985: 67].

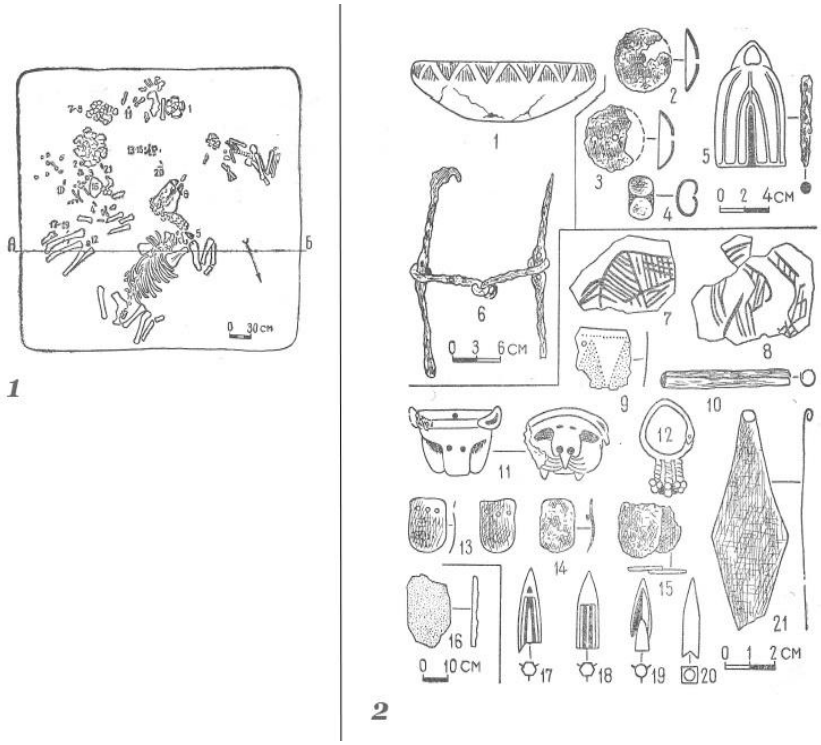

Рис. 5.1. – 5.2. Нартанский могильник. 3.1 – план погребения кургана, 3.2 – находки в кургане 4.
[Батчаев, Барцева, Керефов 1985: 69].

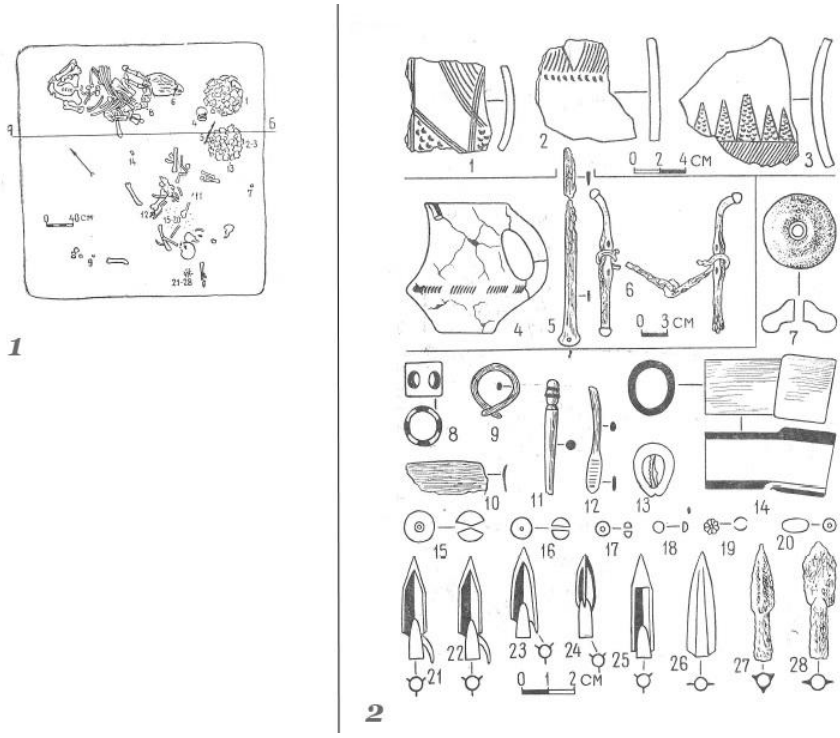

Рис. 6.1. – 6.2. Нартанский могильник. 4.1 – план погребения кургана, 4.2 – находки в кургане 5.
[Батчаев, Барцева, Керефов 1985: 72].

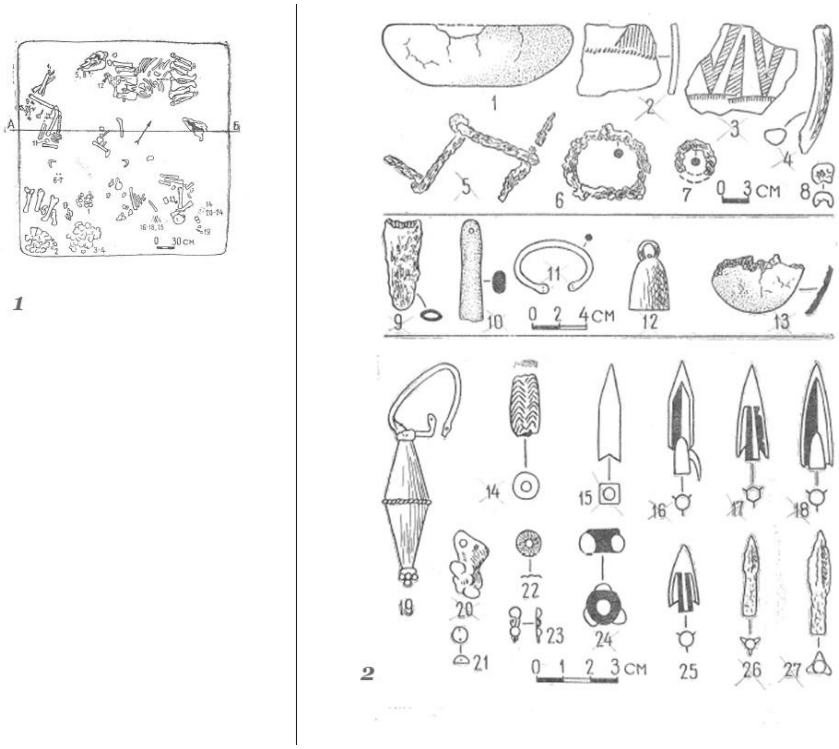

Рис. 7.1. – 7.2. Нартанский могильник. 5.1 – план погребения кургана, 5.2 – находки в кургане 8.
[Батчаев, Барцева, Керефов 1985: 78].

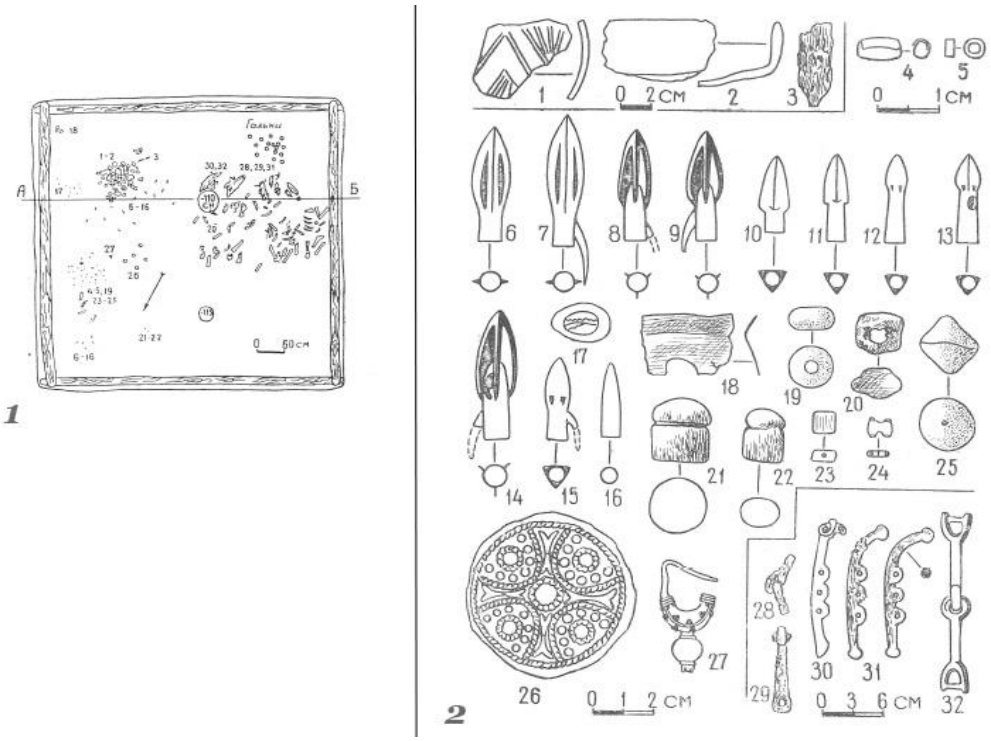

Рис. 8.1. – 8.2. Нартанский могильник. 6.1 – план погребения кургана, 6.2 – находки в кургане 12.
[Батчаев, Барцева, Керефов 1985: 88].

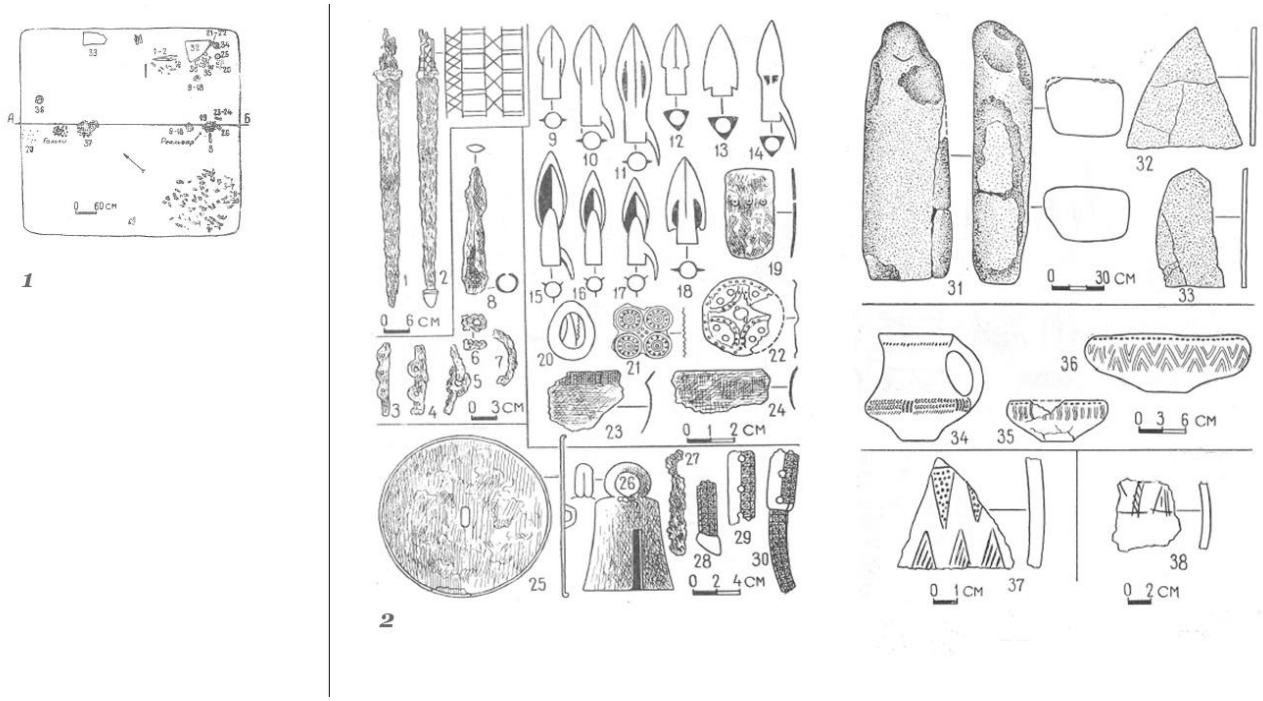

Рис. 9.1. – 9.2. Нартанский могильник. 7.1 – план погребения кургана, 7.2 – находки в кургане 16.
[Батчаев, Барцева, Керефов 1985: 97].

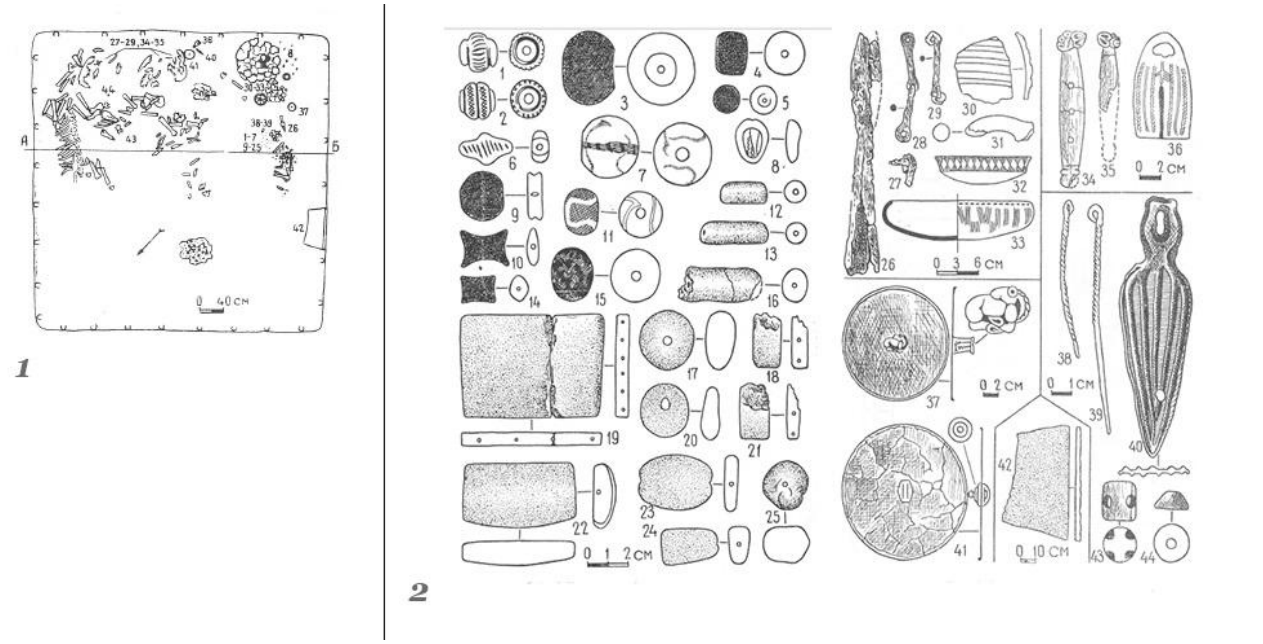

Рис. 10.1. – 10.2. Нартанский могильник. 8.1 – план погребения кургана, 8.2 – находки в кургане 18.
[Батчаев, Барцева, Керефов 1985: 104].

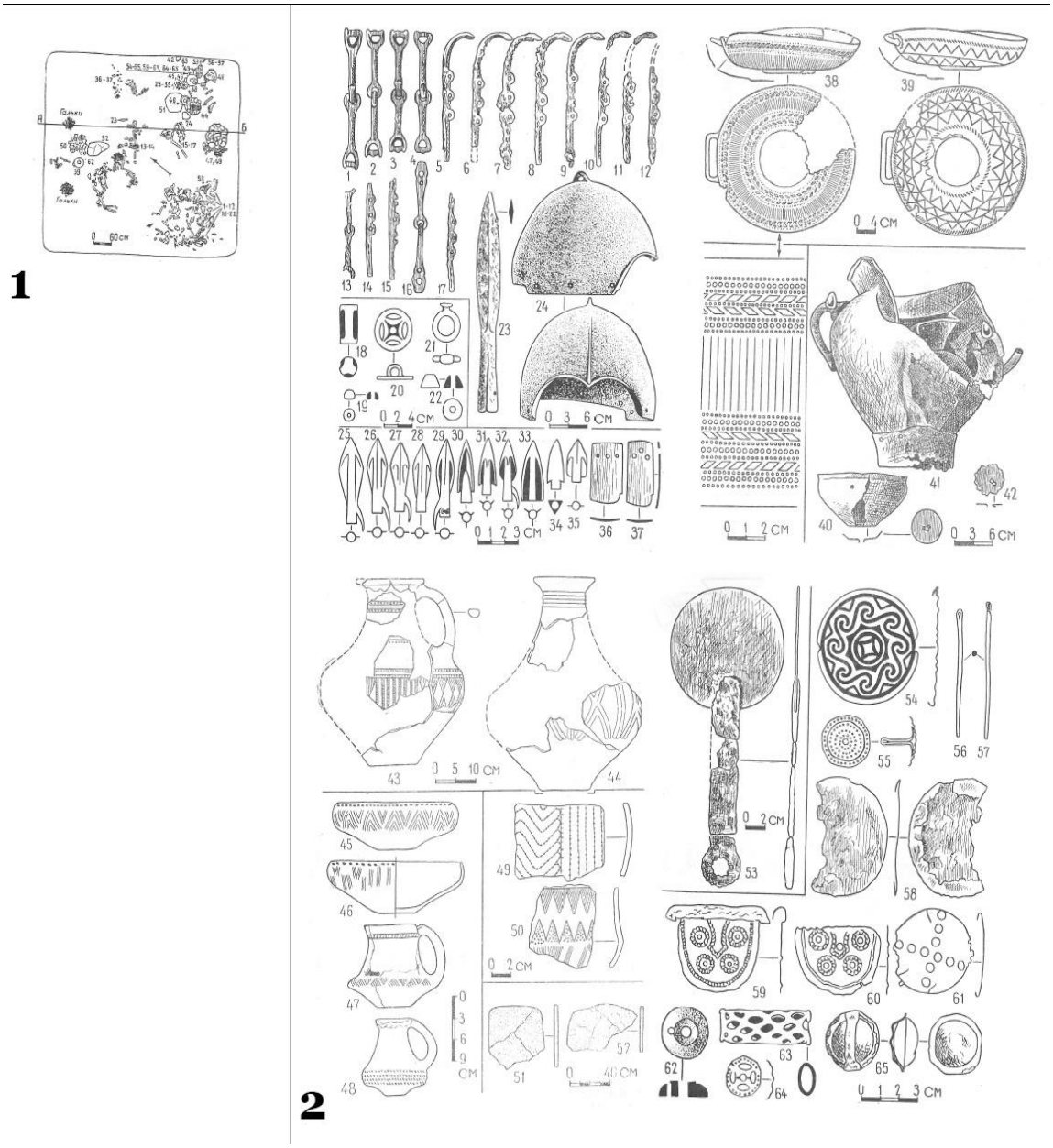

Рис. 11.1. – 11.2. Нартанский могильник. 9.1 – план погребения кургана, 9.2 – находки в кургане 20.
[Батчаев, Барцева, Керефов 1985: 107].

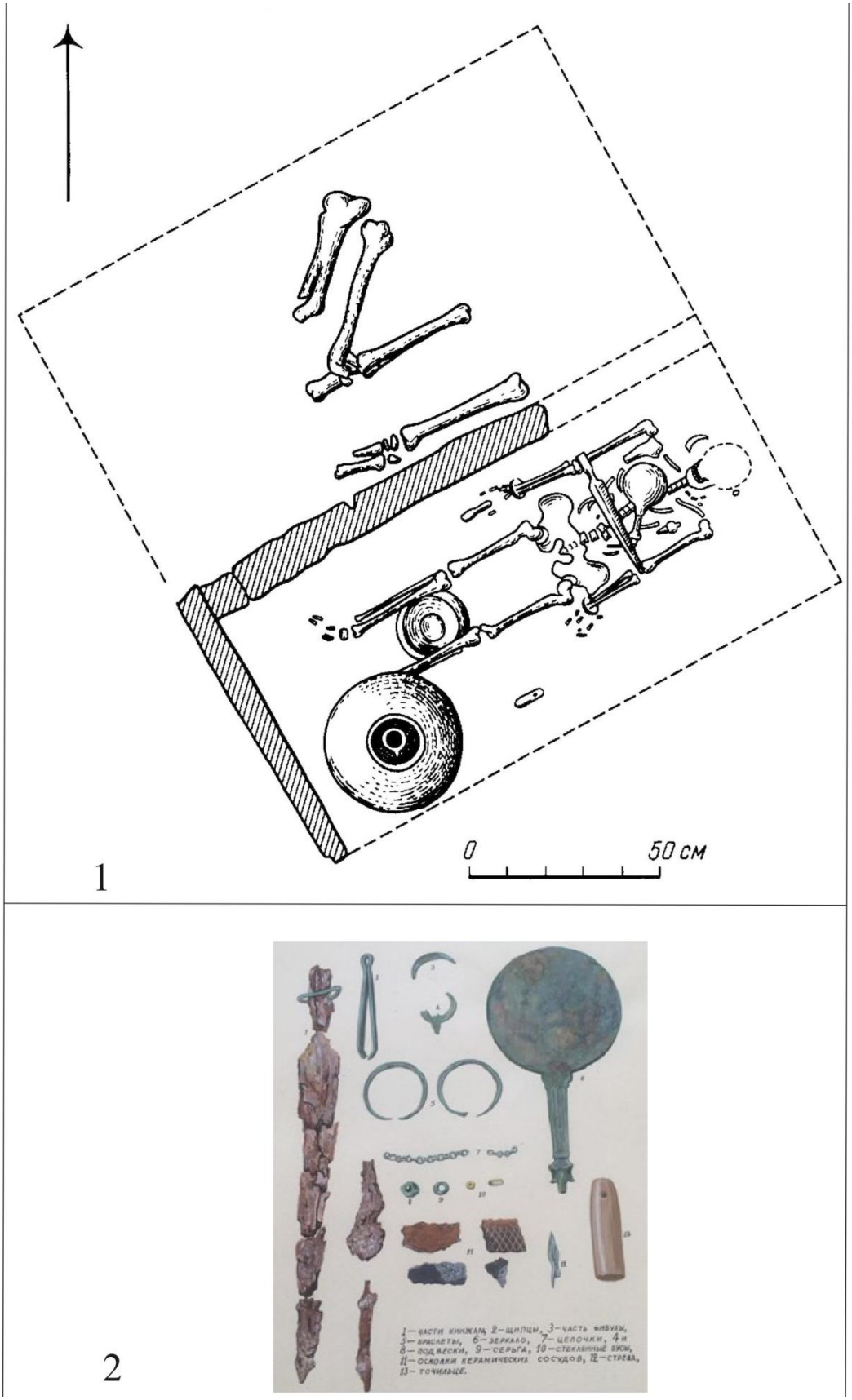

Рис. 12. Каменномостский могильник 1954 г.: **1** – план погребения 1; **2** – инвентарь погребения 1.
[Архив ИА РАН Д. 981: 27].

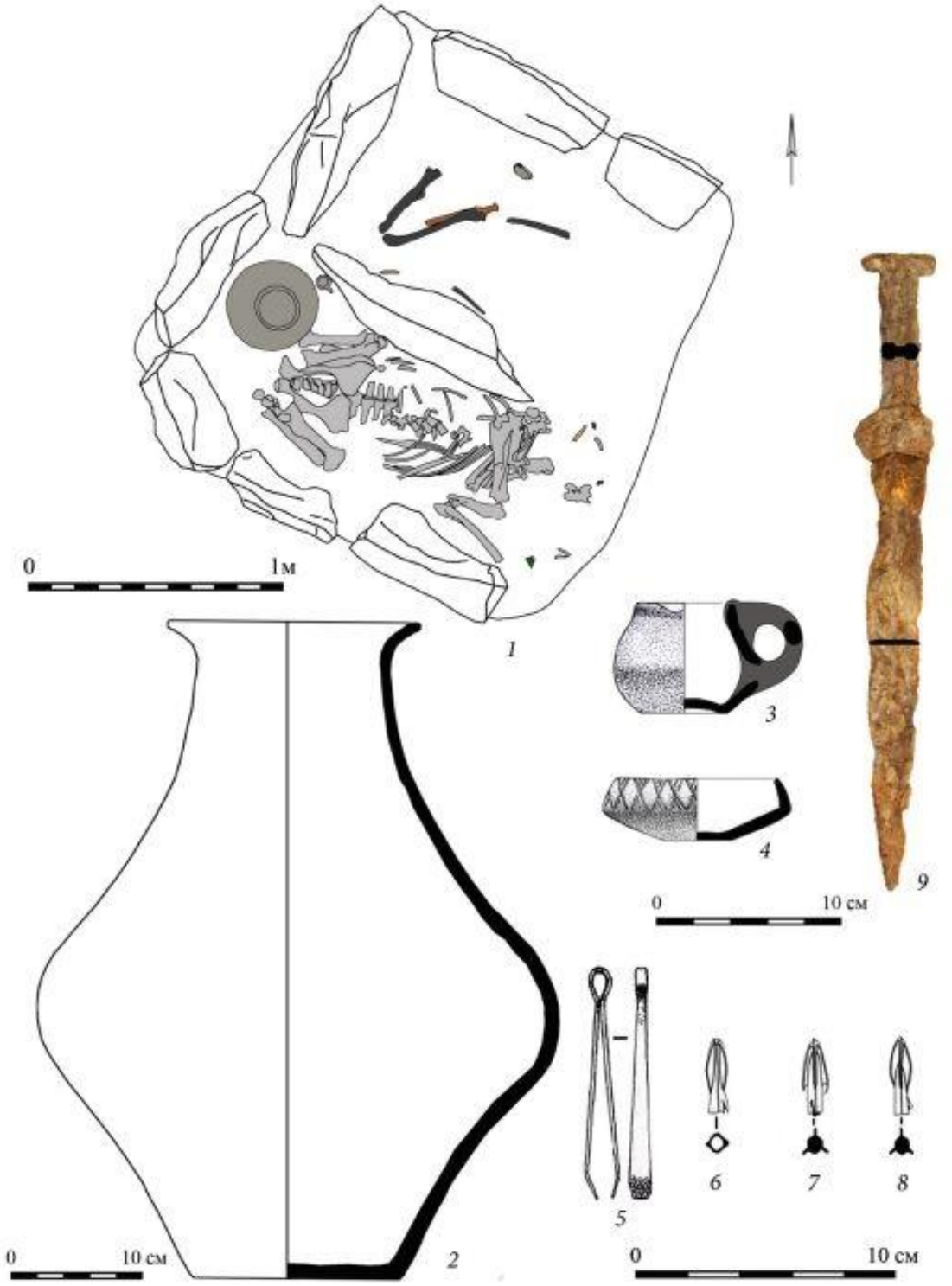

Рис. 13. Могильник Верхний Куркужин. Погребение № 67: 1 – план погребения; 2 – корчага; 3 – кубок; 4 – ритуальная миска; 5 – бронзовый пинцет; 6–8 – бронзовые наконечники стрел; 9 – акинак.
[Маслов, Котин, Марченко 2024: 84].

Сведения об авторе:
Б.Н. Макоев – младший научный сотрудник.
Information about the author
B.N. Makoev – junior research assistant

Статья поступила в редакцию 13.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 13.12.2025; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 94(470.62/.67)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-38-61
EDN: BJOXZP

«НАЦИИ И ОТЕЧЕСТВО»: КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ В ЭПОХУ МНОГОВЛАСТИЯ И КОНКУРИРУЮЩИХ ЛЕГИТИМНОСТЕЙ (1917 – 1920-Е ГОДЫ)

Айгуль Темерхановна Джумагулова
Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, aigul-men@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4067-956X

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации стратегий политического поведения и управленческих механизмов взаимодействия кочевых и полукочевых народов, исторически проживавших на территории Ставропольской губернии и прослеживает их судьбу в годы Гражданской войны и последующих административно-территориальных преобразований. Исследование базируется на принципах историко-системного и институционального анализа. Основу источниковой базы составляют документы центральных (ГА РФ, РГАСПИ) и региональных (ГАСК) архивов, включая законодательные акты, делопроизводственные материалы, отчеты и переписку управленческих органов, а также материалы периодической печати (газета «Ставропольский инородец»). К 1917 г. имперская модель управления кочевниками, основанная на сочетании косвенного администрирования (приставства) с элементами традиционного самоуправления, исчерпала свой стабилизирующий потенциал. Её крах после Февральской революции не принес демократизации, а обострил ключевой аграрный конфликт с русским крестьянством и обнажил слабость новой власти, неспособной предложить легитимный механизм его разрешения. В условиях многовластия (администрации Временного правительства, структуры Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана, Белого движения) кочевые общества демонстрировали прагматичный поиск союзников для защиты земельных прав и ресурсов, руководствуясь логикой выживания, а не идеологической приверженностью. Гражданская война привела к тотальному хозяйственному разорению номадов: катастрофическому сокращению поголовья скота, массовому голоду и демографическому кризису. Эта социально-экономическая катастрофа стала решающим фактором, вынудившим кочевников искать спасения в рамках советского проекта. Установление советской власти открыло этап административного самоопределения, выраженный в создании национальных районов и автономий. В их рамках началась реализация политики коренизации и программ этнокультурного развития, параллельно решалась задача восстановления народного хозяйства. Этот процесс, формально соответствовавший принципу самоопределения, на практике стал вынужденным компромиссом, сопряженным с переходом к оседлости и трансформацией традиционного хозяйственно-культурного типа.

Ключевые слова: кочевые народы; Ставропольская губерния; ногайцы; туркмены; калмыки; революция 1917 года; Гражданская война; управление инородцами; приставства; земельный вопрос; национальная автономия; советская власть.

Для цитирования: Джумагулова А.Т. «Нации и Отечество»: кочевые народы в эпоху многовластия и конкурирующих легитимностей (1917–1920-е годы) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 38-61. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-38-61. EDN: BJOXZP.

© Джумагулова А.Т., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

"NATIONS AND FATHERLAND": NOMADIC PEOPLES IN THE ERA OF MULTI-POWER AND COMPETING LEGITIMACIES (1917–1920S)

Aigul T. Dzhumagulova
Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, aigul-men@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4067-956X

Abstract. The article analyzes the transformation of political behavior strategies and managerial mechanisms of interaction of nomadic and semi-nomadic peoples historically residing in Stavropol Province, and traces their fate during the Civil War and subsequent administrative-territorial transformations. The research is based on the principles of historical-systemic and institutional analysis. The source base consists of documents from central (the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Archive of Socio-Political History) and regional (the State Archive of the Stavropol Krai) archives, including legislative acts, administrative records, reports and correspondence of governing bodies, as well as periodical press materials (the newspaper "Stavropolsky Inorodets" – The Stavropol Native). By 1917, the imperial model of governing nomads, based on a combination of indirect administration (the prikaznichestvo system) and elements of traditional self-government, had exhausted its stabilizing potential. Its collapse after the February Revolution did not bring democratization but instead exacerbated the key agrarian conflict with the Russian peasantry and exposed the weakness of the new authorities, who were unable to propose a legitimate mechanism for its resolution. Under conditions of multi-power (the Provisional Government administration, structures of the Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan, and the White Movement), nomadic societies demonstrated a pragmatic search for allies to protect their land rights and resources, guided by a logic of survival rather than ideological allegiance. The Civil War led to the total economic ruin of the nomads: a catastrophic loss of livestock, mass famine, and a demographic crisis. This socio-economic catastrophe became the decisive factor that forced nomadic societies to seek salvation within the framework of the Soviet project. The establishment of Soviet power opened a stage of administrative self-determination, manifested in the creation of national districts and autonomies. Within their framework, the implementation of the korenizatsiia (indigenization) policy and programs of ethnocultural development began, while the task of restoring the national economy was addressed in parallel. This process, formally corresponding to the principle of self-determination, in practice became a forced compromise, associated with the transition to a settled way of life and the transformation of the traditional economic-cultural type.

Keywords: nomadic peoples; Stavropol Province; Nogais; Turkmens; Kalmyks; 1917 Revolution; Civil War; administration of non-Russian peoples; prikaznichestvo (stewardship system); land issue; national autonomy; Soviet power

For citation: Dzhumagulova A.T. "Nations and fatherland": nomadic peoples in the era of multi-power and competing legitimacies (1917–1920s). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 38-61. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-38-61. EDN: BJOXZP.

© Dzhumagulova A.T., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Период 1917–1920 гг. в российской истории представляет собой фазу глубокого системного кризиса государственности, сопровождавшегося не только сменой политического режима, но и фундаментальным распадом прежних механизмов управления. Этот кризис с особой остротой проявился на полиэтничных окраинах бывшей империи, где крушение имперских институтов совпало с подъёмом национальных движений, социально-экономическими противоречиями и гражданским противостоянием. Глубина трансформации довольно драматично отразилась на положении кочевых и полукочевых народов Юга России – ногайцев, калмыков и туркмен. Для этих обществ, веками существовавших в рамках скотоводческой модели, крах имперского управления и череда сменяющих друг друга властей поставили под вопрос само их физическое и социокультурное выживание. Ключевым фактором адаптации стало взаимодействие традиционных общинных институтов с новыми, зачастую нестабильными, управленческими структурами. Особенно слабо исследован институциональный аспект этой эпохи – процесс последовательной замены органов управления, а именно переход от приставской имперской модели к комитетам общественной безопасности (КОБ) Временного правительства, затем к структурам Союза объединённых горцев и администрации Белого движения (ВСЮР) и, наконец, к советским институтам власти.

Цель статьи – проследить, как кочевые народы Ставропольской губернии (ногайцы, туркмены и калмыки) взаимодействовали со сменяющимися моделями власти в 1917-1920 гг., как трансформировались стратегии их политического поведения в условиях перманентного политического кризиса.

Источниковая база исследования включает документы центральных (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории) и региональных архивов (Государственный архив Ставропольского края), отражающие эти управленческие процессы. Анализ этих материалов позволяет рассмотреть «перелом эпох» не только как смену идеологий, но и как сложный и болезненный процесс отстаивания кочевниками своих земельных и правовых интересов перед лицом сменяющих друг друга властей.

Кочевые общества в имперской модели управления

К началу XX в. управление кочевыми народами Ставропольской губернии (ногайцами, туркменами, калмыками) было организовано через систему приставств во главе с Главным приставом кочующих народов (Ачикулакское приставство ведало делами ногайцев, Туркменское приставство – туркмен (трухмен) и Большедербетовский улус, осуществлявший административный контроль над калмыками) [Лиджиева 2024: 49-52][1]. Эта модель сочетала косвенное имперское

[1] В Терской области кочевые ногайцы находились в ведении Караногайского приставства (Караногайское приставство – образовано в 1793 г. в составе Кавказской области (с 1847 г. – Ставропольской губернии). В 1860 г., с учреждением Терской области и ввиду административной удалённости кочевых территорий от Ставрополя, передано в ведение Терской области.), параллельно в Астраханской губернии функционировало Управление калмыцкого народа, отвечавшее за регулирование жизнедеятельности калмыцкого населения в общегосударственные системы (в 1786 г. учреждена Калмыцкая войсковая канцелярия; в 1797 г. вместо неё образовано Калмыцкое правление. 6 октября 1801 г. введена должность Главного пристава, подчинённого Коллегии иностранных дел. В 1834

администрирование с сохранением элементов традиционного самоуправления. Её правовой основой выступали «Устав об управлении инородцев» (1822 г.) [ПСЗРИ-I. Т. XXXVIII. 1830: 394-417]., «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» (1827 г.) [ПСЗРИ-II. Т.II. 1830: 107-155], «Положение об управлении калмыцким народом» (1847 г.) [Положение об управлении 1835: 1-95] и «Правила об управлении кочевых инородцев Ставропольской губернии» (введённых в рамках «Учреждения управления Кавказского и Закавказского края» 1869 г.) [Учреждения управления 1869: 1-60], закреплявшие фиксацию границ кочевий и институты внутреннего самоуправления инородцев на основе их обычаев и выборных органов с общегосударственными имперскими институтами, состоявших из Главного пристава кочующих народов, частных приставов (попечителей), подчинявшимся губернатору и центральным ведомствам (Министерству внутренних дел). Эта модель, с одной стороны, позволяла империи экономить административные ресурсы и минимизировать культурное сопротивление, а с другой – возлагала на сами кочевые общества значительную долю ответственности за интеграцию в общеимперское правовое и социально-экономическое пространство. Ключевыми элементами являлись двойная юрисдикция (применение обычного права для малозначительных дел и общих законов для серьёзных преступлений) и надзор попечителей, что обеспечивало интеграцию номадов в общегубернские структуры без создания особой военно-народной системы, характерной для других регионов Кавказа [Учреждения управления 1869: 1-60].

Органы самоуправления активно участвовали в правоприменительной практике, обеспечивая явку свидетелей, осуществляя розыск и даже самостоятельно применяя санкции (например, телесные наказания) за мелкие правонарушения. Широко использовался институт поручительства (круговой поруки) общины за своих членов, что позволяло избегать передачи дел государственным судам и способствовало внутренней социальной регуляции. Низовой единицей административно-территориального деления у кочевников оставался аул (у калмыков – хотон), управляемый выборными старшинами. Высшим органом местного самоуправления у кочевых обществ выступали улусные, аймачные или аульные сходы, обладавшие широкой компетенцией: от избрания должностных лиц и раскладки повинностей до судебных функций [Лиджиева 2019: 840-847]. Их решения, оформляемые в виде приговоров, имели обязательную силу и могли предусматривать меры воздействия вплоть до передачи лиц «в распоряжение правительства» [ПСЗРИ-II. Т. XLIII. 1873: 316].

Финансирование правоохранительной системы номадов осуществлялось на комбинированной основе. Содержание имперских чиновников (приставов) обеспечивалось из средств государственной казны. В то же время расходы на функционирование местных структур, таких как пунктовые стражники, а также на этапирование осуждённых, как правило, возлагались на кочевые общества и по-

г. калмыки Астраханской губернии были переданы в ведение Министерства государственных имуществ, а с 1836 г. – в подчинение военного губернатора Астраханской губернии и Астраханского казачьего войска. Система приставства над калмыками сохранялась до 1917 г.)

крывались из их общественных капиталов или за счёт добровольных сборов. Указанные капиталы находились в ведении Министерства государственных имуществ. Операции по их расходованию были регламентированы: суммы до 300 руб. утверждались Главным приставом, а превышающие этот лимит требовали санкции губернатора и министра [Лиджиева 2019: 840-847].

К 1917 г. система, позволявшая империи экономить ресурсы и минимизировать культурное сопротивление, одновременно выявила свои противоречия. Территория приставства, на которой проживали кочевые народы, формально принадлежала всему народу и находилась в общем пользовании по родовому принципу, однако реальное управление земельными и пастбищными ресурсами контролировалось родовой знатью, углублявшего социальное расслоение и разрешение спорных земельных конфликтов с соседними народами [Джумагулова, Кидирниязов 2024: 45-49]. Постепенное вовлечение номадов в общероссийский рынок и их участие в мобилизационных проектах Русско-японской и Первой мировой войн (посредством поставок, пожертвований, формировании санитарных отрядов и лазаретов (таких, как Ставропольский санитарный отряд имени императрицы Марии Фёдоровны) и финансирование строительства военных кораблей (миноносец «Туркменец Ставропольский»)) ускорили трансформацию традиционного уклада [Васькина 2020: 16-20; Брусина 2023: 65-70]. Имперская модель управления представляла собой устойчивый компромисс между унификаторской логикой государства и локальной спецификой кочевых сообществ.

Кочевые общества Ставропольской губернии в политике Временного правительства (1917 г.)

Февральская революция 1917 г. не привела к кардинальным изменениям в положении народов Юга России, тем не менее произошла быстрая ликвидация монархических административных структур: должность губернатора была упразднена, а её функции перешли к комиссару Временного правительства. Параллельно создавались новые органы – комитеты общественной безопасности (КОБы) на уровне губернии, уездов и волостей, формировавшиеся преимущественно из представителей служащих, чиновников и предпринимателей; введена должность губернского комиссара, назначенного Временным правительством (первым стал А.И. Кухтин, затем Д.Д. Старлычанов). Сохраняла свои позиции и земская управа, как орган местного самоуправления, в которой исполнительные, общественно-политические и местные функции были рассредоточены.

Крах монархии дестабилизировал и ключевой институт управления степными народами – приставскую администрацию. Как отмечали современники, пристав, следуя веяниям времени, инициировал создание Комитета общественной безопасности, однако этот шаг не консолидировал местные общества, а стал катализатором внутренних противоречий. Например, в Туркменском приставстве контроль над новыми структурами стал предметом борьбы между местной знатью, с одной стороны, и коалицией татар, русских и молокан-арендаторов – с другой. Изначально избранный из числа последних «комиссар Туркмении» был быстро смещён, и власть перешла к представителям туркменской элиты [Невская 2016: 37]. Эта борьба на местах продемонстрировала, что распад имперской

управленческой вертикали привёл не к демократизации, а к обострению межгрупповой конкуренции и стремлению региональных элит монополизировать новые институты власти.

В марте 1917 г. последовало распоряжение губернского комиссара об изъятии у кочевых народов земельных участков, сведя их права до временного пользования пастбищами, и о конфискации магометанского общественного капитала. Политика новой региональной власти была ориентирована на интересы крестьян-переселенцев, требовавших увеличения пахотных земель за счёт «неиспользуемых» кочевых угодий. Уже в марте 1917 г. было принято решение об изъятии земель у ногайцев и туркмен, оставив им право лишь на временное пользование пастбищами [Лямин 2004: 63-64]. Понимая угрозу экспроприации земель со стороны новой власти, представители ногайской и туркменской знати отправились в Петроград, чтобы «отстоять свои интересы и права» [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 28].

Угроза потери земель вынуждала кочевников объединить усилия. В поисках союзников они направили своих делегатов на I съезд горских народов Северного Кавказа, проходившего в г. Владикавказ в мае 1917 г. На съезде представители ногайского и туркменского народов заявили о нарушении их прав и собственности на землю. Отдельно делегаты сообщили о хищении комиссаром Д.Д. Старлычановым их общественного капитала в размере 1,5 миллиона руб. серебром, который ранее был передан на хранение министру сельского хозяйства. Выступавшие подчеркнули, что подобные меры были бы хоть как-то оправданы, если бы применялись ко всем народам одинаково [Материалы съездов 2014: 70-71]. Первый съезд горских народов выступил в защиту прав кочевых обществ, постановив, что все земли, занимаемые ногайцами и туркменами, должны быть признаны их неотъемлемой собственностью [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 28]. Представители кочевников-магометан были включены в состав всех формируемых органов. Их делегаты участвовали в разработке и принятии первой Конституции Союза объединенных горцев, в которой в качестве объединяющих органов были закреплены съезд делегатов и Центральный комитет. Союз провозгласил целью реформу местного самоуправления и будущее установление федеративного устройства, при котором национальные органы получили бы широкие полномочия для реализации социально-культурных интересов меньшинств [Материалы съездов 2014: 13]. В избранный Центральный комитет от ногайцев и туркмен вошёл Менги-Булат Муслимов, кандидатами стали Эреджеб-Али Низаркиев и Омар-Эфенди Кенжемуратов; Духовный совет инородцев Ставрополья возглавил Абдузалик Тангатаров. Тем не менее практические механизмы реализации этих решений съездом прописаны не были, что ограничивало эффективность созданных институтов [Союз объединенных 1994: 24-30].

Несмотря на то, что Временное правительство заявило о поддержке позиций ногайцев и туркмен по земельному вопросу, противоречия между губернской администрацией и кочевыми обществами продолжали стремительно обостряться. К конфликту присоединились и калмыки Большедербетовского улуса, направившие жалобы на деятельность губернского комиссара. В подобных условиях из Петрограда поступили следующие разъяснения:

1) Министерству внутренних дел предписывалось передать функции управления инородцами от чиновников губернской администрации органам земского самоуправления;

2) Фонд кочевых земель Главного пристава кочующих народов, ранее переданный в резерв государственных земель, до разрешения вопроса Учредительным собранием передать в ведение Ставропольского губернского земельного комитета и управляться на общих основаниях, регулирующих использование казённых земель, «сообразуясь по указаниям местных земельных комитетов» [ГАСК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 19. Л. 5-5 об.].

С целью нормализации земельных отношений Министерство земледелия выступило с инициативой создания коллегиального органа. 13 июня 1917 г., на основании решения чрезвычайного съезда, был образован особый коллегиальный орган по управлению делами инородцев, в состав которого вошли представители туркменского, ногайского и калмыцкого народов. Получив таким образом легитимный мандат, совет потребовал от губернского комиссара передачи всех дел Главного пристава кочующих народов. Однако комиссар Д.Д. Старлычанов отказался признать легитимность Нового представительного орган и выполнить его требования. В ответ 29 июня товарищ министра внутренних дел С.Д. Урусов направил губернскому комиссару телеграмму, требуя объяснений причин неисполнения распоряжений центральной власти. Этим действием комиссар нарушил прямое предписание МВД от 25 мая за № 3358 и распоряжение Министерства земледелия от 18 мая за № 1682 [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 40-44].

Не находя поддержки своих интересов у губернского комиссара, представители кочевых народов активизировали обращение к центральным органам Временного правительства с жалобами и ходатайствами. Однако попытка урегулировать земельные отношения путём создания совместного с инородцами представительного органа наталкивалась на сопротивление местных властей и фактически была сорвана [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 41-42].

В среде региональных властей и русского поселенческого населения постепенно формировалось устойчивое предвзятое отношение к кочевым инородцам. Оно основывалось на убеждении, что последние обладают необоснованными привилегиями: владеют обширными земельными фондами, не несут равных с русским населением тягот воинской повинности и при этом эксплуатируют труд малоземельных крестьян. Этот конфликт наглядно проявился в ходатайстве, поступившем 4 июня 1917 г. на имя министра земледелия от граждан и гражданок-солдаток села Краснополянского Медвеженского уезда Ставропольской губернии. В документе подробно описывались непростые отношения с соседями-калмыками Большедербетовского улуса. Авторы ходатайства подчёркивали, что калмыки, «имея на каждую мужскую душу до 70 десятин земли», не обрабатывают её сами, а сдают в аренду русским крестьянам, живя на полученный доход «по-дворянски, ничего не делая» [ГАСК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 19. Л. 1]. Особое возмущение вызывал вопрос воинской повинности: «С наступлением войны упорно ходили слухи о том, что их будут брать на службу, но вот прошло около 3-х лет и их ни одного не взяли» [ГАСК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 19. Л. 1 об.]. Русских крестьян задевало и поведение кочевников, которые, по их словам, не стеснялись заявлять

о своей близости к высшим органам власти, что позволяло им «всякий раз нырять к министрам» и ограждать себя от любых изменений [ГАСК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 19. Л. 2-2 об.]. Однако данные противоречия носили не только экономический, но и глубокий мировоззренческий характер, коренясь в различии укладов жизни, культурных представлениях о справедливости и исторически сложившемся взаимном недоверии.

Новый этап противостояния был связан с вопросом создания земельных комитетов на территориях ногайцев, туркмен и калмыков. Закон от 21 апреля «Об учреждении земельных комитетов» не предусматривал специальных норм для инородческих территорий. Лишь на первой сессии Главного земельного комитета была признана необходимость разработки отдельного положения для окраинных регионов. Между тем, потребность в создании таких комитетов на местах постоянно возрастала. Губернская земельная управа, Министерство земледелия и Главный земельный комитет были переполнены прошениями о наделении землёй и жалобами на конфликты, возникавшие из-за аренды кочевых угодий.

11 июля председатель губернской земельной управы А.А. Ивенчин-Писарев выступил с докладом «Об образовании и организации земельных комитетов на инородческой территории». По итогам обсуждения управа постановила в кратчайшие сроки созвать совещание с представителями кочевых народов и должностными лицами, ведавшими этими землями [ГАСК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 11. Л. 8-10]. Общий характер правительственного постановления и отсутствие конкретных инструкций для специфических окраинных территорий не позволяли местным властям действовать эффективно. Губернский комитет ожидал разъяснений из центра, но, не получив их, вынужден был самостоятельно искать пути решения. 18 августа члену управы Б.С. Эмануэлю было поручено выяснить в Петрограде вопрос о включении всех казённых и инородческих земель в ведение губернского комитета. Между тем, местное население не стало дожидаться инициативы сверху. На ногайских, туркменских и калмыцких территориях стихийно продолжали возникать земельные комитеты, к примеру 25 августа без согласования с губернским комитетом был образован Туркменский районный земельный комитет, который, руководствуясь острой необходимостью разрешить переплетение земельных и национальных проблем, немедленно приступил к учёту и распределению земель. Комитет установил регулируемые цены на свободные земли, разделив их на три категории: от 10 до 6 руб. за первую категорию, от 8 до 4 руб. за вторую и от 5 до 3 руб. за третью. Ставропольский губернский земельный комитет отказывался признавать законность волостных и улусных комитетов, созданных на инородческих территориях на основании закона от 21 апреля. Он считал эти органы, сформированные без его санкции, незаконными, а их постановления – недействительными, и отказывал им в финансировании [ГАСК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 10. Л. 20-100].

Только 8 сентября 1917 г. Ставропольский губернский земельный комитет, рассмотрев вопрос о создании земельных структур в степных районах, утвердил «Временную инструкцию для земельных комитетов на территории инородческих земель». Согласно документу, учреждались три комитета, приравненные по статусу к уездным: Большедербетовский (для калмыков), Летнеставочный (для

туркмен) и Ачикулакский (для ногайцев). Однако данная мера не достигла своих целей, встретив сопротивление как со стороны кочевых обществ, так и оседлого населения, и вскоре утратила свою актуальность [Лямин 2004: 69].

Немаловажно отметить, что весной и летом 1917 г. политическое пространство Ставропольской губернии усложнилось на фоне возникавших Советов рабочих и солдатских депутатов, где доминировали умеренные социалистические партии (эсеры и меньшевики). Большевистские организации оставались малочисленными и не оказывали решающего влияния [Зверева 2018: 90-93]. Однако нарастание социально-экономического кризиса, включая волнения на фоне невозможности решения земельного вопроса на инородческих территориях, подрывало авторитет Временного правительства и его местных органов. Поведение самих инородцев в этой сложной обстановке зачастую было непоследовательным и противоречивым. Если в мае их представители могли выступать за сохранение существовавшего порядка, то в условиях нарастающего давления и революционной нестабильности их позиции могли меняться, отражая внутреннюю борьбу между стремлением защитить традиционный уклад и необходимостью адаптироваться к новым политическим реалиям.

На II Съезде горских народов (23 сентября 1917 г.) важной темой вновь стала защита прав кочевых народов, заявивших через своих делегатов о проблемах в работе губернских властей: о систематических безвозмездных реквизициях скота, проводимых продовольственными органами, о самовольных захватах их земельных угодий поселенцами, в том числе и изъятом магометанском капитале в размере 1,5 миллиона серебром [Материалы съездов 2014: 70-71]. В качестве защиты интересов номадов и их прав на землю предлагалось объединить в одну административную единицу ачикулакских ногайцев и туркмен Ставропольской губернии с караногайцами Терской области в отдельный округ в составе проектируемой Горской республики [Союз объединенных 1994: 140-141].

После Октябрьской революции в Петрограде ситуация на Ставрополье характеризовалась отсутствием единого сценария перехода власти. Однако отсутствие чётких директив из центра приводило к тому, что Советы в уездах создавались в значительной степени стихийно. Показательно, что на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. эсеры получили абсолютное большинство голосов (88,8 %), что отражало преобладание крестьянского населения и его традиционные политические предпочтения [Зверева 2018: 89-90]. Формальная власть оставалась у Временного правительства и земств, но влияние большевиков начало расти.

К концу 1917 г. социально-экономический и политический кризис в Ставропольской губернии обострил нетерпение малоземельного и безземельного крестьянства. 26 декабря крестьянский съезд в селе Ивановском Медвеженского уезда, собравший 42 делегата от 10 сёл, принял резолюцию о немедленном распределении калмыцких земель Большедербетовского улуса между крестьянами соседних сел на равных основаниях «согласно Декрета от 26 октября» [ГАСК. Ф. 2567. Оп. 1 Д. 3 Л. 5]. Съезд также постановил конфисковать все помещичьи

земли в уезде, назначив на 10 января 1918 г. следующий съезд для пропорционального раздела калмыцких земель, несмотря на непризнание Декрета о земле губернскими властями.

Особое значение для Северного Кавказа имела принятая Советским правительством «Декларация прав народов России» (2 ноября 1917 г.), провозгласившая равенство, суверенность народов и свободное развитие национальных меньшинств [Невская 2016: 43-44]. В декабре большевики активизировали агитацию за установление советской власти. Критическим этапом стало проведение Общегубернского Народного собрания 31 декабря 1917 г. Несмотря на первоначальное преобладание эсеровской и меньшевистской делегации, активная агитационная работа большевиков, поддержка прибывших с фронта солдат и давление из центра обеспечили перелом в настроениях участников. В результате 1 января 1918 г. было принято решение о переходе всей власти в губернии к Советам крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, что юридически оформило установление советской власти. Губерния получила наименование Ставропольской советской республики [Зверева 2018: 91].

Февральская революция 1917 г. обострила на Ставрополье земельный конфликт между кочевыми обществами и крестьянами соседних уездов. Противоречие заключалось в столкновении принципа «крестьянской справедливости», требовавшего передела земли, и правовых норм, защищавших сложившееся землепользование кочевников. Это привело к расколу и по национальному признаку. Попытки создать легитимные земельные комитеты для подготовки реформы на инородческих территориях провалились. Вместо них стихийно возникали комитеты как от кочевников, так и от крестьян, чью деятельность власти считали незаконной. Прилегающие уездные и волостные комитеты часто потворствовали самочинным действиям крестьян. К концу 1917 г. аграрный вопрос оставался нерешённым, а власть утратила контроль. Аграрная политика Временного правительства, основанная на легитимности, включала подготовку всеобщей реформы и переходные меры. Однако подготовка велась медленно; правительство игнорировало насущные нужды кочевников, рассчитывая в условиях кризиса провести сложную реформу. Комитеты были ориентированы на сохранение статус-кво до Учредительного собрания. Переходные меры не были детально проработаны, постановления запаздывали и не устанавливали чёткого разграничения полномочий, а государственный надзор отсутствовал.

В Ставропольской губернии аграрное движение в 1917 г. было слабее, чем в центре России, из-за относительного многоземелья и развитых капиталистических отношений. Нарушения часто инициировались волостными и уездными комитетами и проявлялись в косвенных действиях: регулировании аренды и ценовых санкциях. Массовые захваты земель начались в конце 1917 – начале 1918 гг., часто под влиянием большевистски настроенных солдат, и были сосредоточены на землях кочевников. Сдерживали радикализацию сила местных эсеров, слабость большевиков и частичное удовлетворение нужд крестьян решениями волостных комитетов.

Ставропольские кочевые инородцы в проекте Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана и под властью ВСЮР (1918–1919 гг.)

Социально-экономическая и политическая ситуация на Северном Кавказе в конце 1917 г. достигла состояния острого кризиса и вышла из-под контроля как центральных, так и региональных властей. В поисках выхода из создавшегося положения горская интеллигенция на II съезде Союза горцев Северного Кавказа инициировала процесс консолидации с другими региональными силами. 20 октября был учреждён Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, позиционировавший себя как альтернативу советской власти и отказавшийся признавать итоги Октябрьской революции в Петрограде. Эта позиция была подтверждена 29 октября на объединённом заседании «Войскового правительства Терского казачьего войска» и Центрального комитета (далее ЦК) Союза объединённых горцев [Кажаров 2018: 28-29].

На казачье-горской конференции, проходившей с сентября по октябрь 1917 г., родовая элита ногайцев, туркмен и калмыков и выразила намерение войти в состав Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. Программной целью Союза являлось создание федеративной демократической республики после Учредительного собрания, где его участники получили бы статус автономных штатов с гарантией внутреннего самоуправления. 6 ноября 1917 г. объединённое правительство Юго-Восточного Союза приняло постановление, согласно которому верховная власть на территории Союза горцев признавалась за съездом делегатов его ЦК, а в пределах Терского казачьего войска – за Войсковым кругом и его правительством [Невская 2016: 43-44]. Попыткой найти общую платформу в условиях нарастающего хаоса стало чрезвычайное совещание во Владикавказе 8-9 ноября с участием представителей всех основных политических сил региона. Углубление революционного кризиса ускоряло процесс государственного обособления. 15 ноября атаман М.А. Караулов официально вступил в управление казачьими отделами Терской области, а ЦК Союза объединённых горцев провозгласил себя правительством горских народов. Апогеем этой тенденции стало образование 1 декабря 1917 г. объединённого Временного Терско-Дагестанского правительства. Горская элита воспринимала эти шаги как провозглашение автономии. Юридическим закреплением этого статуса стал «Декрет № 1», принятый ЦК Союза объединённых горцев 3 декабря 1917 г. Декрет определял территорию юрисдикции Горского правительства, которая включала Дагестанскую область, шесть горских округов и Караногайский участок Терской области, а также земли ногайцев и туркмен Ставропольской губернии [Кажаров 2018: 30]. В постановлении о создании Временного союзного совета Горской республики (11 декабря 1917 г.) ставропольские ногайцы и туркмены получили гарантированное представительство – по два мандата [Джумагулова 2024:31].

11 мая 1918 г., стремясь заручиться поддержкой Турции и Германии на международной арене, Союз объединённых горцев объявил о создании независимой Горской республики (Республики Союза народов Северного Кавказа и Дагестана). Декларация о независимости объявляла о выходе из состава России в мае

1918 г. в ранее названных границах, включавших и степи кочевников Ставропольской губернии. Проблема территориального статуса этих кочевых народов была окончательно разрешена в 1919 г. в результате соглашения между представителями северокавказского движения и командованием Белой армии под руководством генерала А.И. Деникина в период контроля над территорией последней. Суть данного решения заключалась в интеграции спорных земель в общевойсковой земельный фонд казачества [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 989. Л. 11].

С началом Гражданской войны командование Белого движения на Юге России, стремясь расширить социальную базу, стало привлекать на свою сторону национальные меньшинства, санкционируя формирование этнических воинских частей. В рамках этой политики из ставропольских ногайцев, туркмен и калмыков Большедербетовского улуса был сформирован Инородческий конный полк. Несмотря на малочисленность, подразделение принимало участие в боях на ставропольском направлении в составе 4-й дивизии. Однако боеспособность полка была низкой: к декабрю 1918 г. его численность сократилась до 41 сабли, после чего он был передан для охранной службы. Данные У.Б. Очирова указывают на нестабильную численность части: к началу 1919 г. в ней значилось около 420 человек, но к весне в строю оставалось лишь 70 конников [Очиров 2009: 39].

Как отмечают исследователи, переход представителей местных народов на сторону белых в основном происходил в начальный период войны и часто был спровоцирован репрессиями и чрезмерными мерами со стороны советской власти. Однако собственные репрессии белых и их непоследовательная национальная политика не способствовали закреплению этой поддержки. Уже в 1919 г. большинство национальных меньшинств отказалось от сотрудничества с белогвардейцами, что, наряду с проблемами комплектования, привело к быстрому распаду созданных национальных частей [Очиров 2017: 33-39].

Для ставропольских кочевников участие в проекте Горской республики не принесло реальных гарантий защиты их интересов. Хотя ногайцы и туркмены получили формальное представительство в структурах Горского правительства, ключевой для них земельный вопрос так и не был решён. Более того, в 1919 г. командование Белой армии, под контроль которой перешли спорные территории, интегрировало земли кочевников в общевойсковой земельный фонд казачества, что свело на нет прежние обещания горских лидеров. К ноябрю 1918 г. общегорский съезд признал неосуществимость создания независимой республики, а большинство народов региона, включая кочевников, всё более склонялось к поиску иных путей выживания в условиях гражданского противостояния [Кажаров 2018: 32-33; Линец 2017: 257-272].

Кочевые общества в «советском проекте» административных реформ (1920-е гг.)

На протяжении Гражданской войны ногайцы, туркмены и калмыки демонстрировали политическую активность, участвуя в формирующихся административных и представительных структурах с целью защиты своих интересов в условиях системного кризиса и распада российской государственности. Если в 1917 г. победа большевиков на Юге России казалась гипотетической, а в 1918-м – маловероятной,

то к 1919 г. они превратились в реальную политическую силу, одержавшую победу в 1920-м. Сложность выбора, стоявшего перед кочевыми народами в этот сложный период, отражена в заголовке газеты «Ставропольский инородец» от 1 мая 1918 г. – «С кем нам по пути?», – где центральной темой была обозначена «угроза бытию инородцев» [Ставропольский инородец. №9. 1918: 1-2].

Борьба за установление советской власти на Северном Кавказе протекала в условиях исключительной сложности. Регион, представлявший собой юго-восточную окраину распавшейся империи, превратился в арену ожесточенного и многоконфликтного противостояния. Формальное провозглашение власти Советов происходило неравномерно: на Ставрополье – 1 января 1918 г., в Кубанской области – в январе того же года, а в Терской области решение о признании Совнаркома было утверждено Терским народным съездом лишь 4 марта 1918 г. Новые органы власти сразу же столкнулись с необходимостью решения наиболее острых вопросов, среди которых особую значимость в условиях полиэтничного состава населения имела земельно-национальная проблема.

Для установления управленческого контроля над кочевым населением 3 января 1918 г. губернские власти учредили Инородческий Совет, сформированный на принципах паритетного представительства: по два делегата от ногайцев, туркмен и калмыков. Инородческий Совет был создан по итогам Общегубернского национального собрания, призванного защищать национально-культурные, религиозные и социально-экономические интересы данных этносов в составе Ставропольской губернии. В качестве официальной информационной площадки Совета стала выступать газета «Ставропольский инородец». «Нации и Отечество» – под таким заголовком в феврале 1918 г. вышла газета, обратившись к номадам с размышлением о судьбе народов бывшей Российской империи. Автор заметки отмечал, что в состав «России-Великана, России-Колосса» входило более ста национальностей, но проблема развития их культур оставался нерешенным. Однако после революции, по мнению автора, настал момент, когда народы должны «немедленно перейти на путь взаимной поддержки, на путь воспитания и любви» [Ставропольский инородец 1918: № 2. 1]. Заметка завершалась поэтичным призывом к единству и созиданию: «Друг мой, брат мой, страдающий брат, Кто бы ты ни был – не падай душой!» [Ставропольский инородец 1918: № 2. 2]. Текст публикации отражал как критику имперской политики, так и надежду на новую эпоху, когда кочевые народы смогут развивать свою культуру и строить общее будущее на началах равенства и самоопределения.

Учредительные документы Инородческого совета подчёркивали необходимость сохранения единства и независимости кочевых обществ в новых условиях, выступая против его возможного дробления по этническому или иному признаку. Организационный этап, включавший работу специальной комиссии из 25 человек, завершился к декабрю 1918 г., когда 10 декабря были утверждены итоговые положения о его деятельности. Председателем Инородческого совет стал Е.Ч. Чонов, который на основании национального самоопределения по постановлению улусного схода организовал Улусное управление на этих территориях. Председателем Улусного управления был избран Л.К. Карвенов, членами управления И.О. Отхунов и М.Х. Хаглышев и секретарем Б.А. Анканов. 15 февраля улусный

сход утвердил и «Положение об инородческих учреждениях» [Ставропольский инородец 1918: № 2. 2].

Несмотря на преобладающую поддержку монархического (белого) движения со стороны кочевых народов Юга России в 1918 г., в их среде всё же существовали немногочисленные группы, ориентированные на большевиков. Однако их реальный потенциал как социальной опоры советской власти в регионе был крайне ограничен. Тем не менее, факт взаимодействия отдельных представителей, к примеру, ногайского населения с красными частями был зафиксирован. В ноябре 1918 г., в ходе продвижения Ленинского полка из-под Астрахани к Кизляру, его командование приняло делегацию ногайцев во главе с Маметом Эскандриовым. Делегаты сообщили о репрессиях белогвардейцев в ногайских аулах и выразили поддержку советской власти от имени беднейших слоёв и просили зачислить в полк добровольцев-ногайцев. Ряд из них, включая Эскандриова (погибшего в бою у ст. Каргинской), К. Муллаева, И. Адиева, Э. Оразгулова и Ю. Курганова, приняли участие в боевых действиях на стороне красных в ходе последующего освобождения Ставрополья и Кубани в 1919–1920 гг. [Кужелева 1964: 72-80]

К весне 1920 г. основные силы белой армии в регионе были разгромлены. Начался период создания/восстановления органов власти, местной экономики, а также реализации права народов на национальное самоопределение. Отношение кочевого населения к советской власти, изначально нейтральное, постепенно ухудшалось. В докладных записках начала 1920-х гг. отмечалось, что из-за слабости местных советских органов номады относились к большевикам с растущим недоверием. Переход к продналогу не улучшил ситуацию, поскольку его взыскание зачастую носило принудительный характер, усиливая враждебность. Основу продовольственной кампании составлял сбор шерсти, яиц и масла, однако, по признанию самих партийных отчетов, выполнить эти задания было невозможно из-за катастрофического положения и массового голода среди населения [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 989. Л. 12-18]. По данным переписи 1920 г., из 11 647 человек туркменского населения голодали практически все. Голод привел к гибели около 3 000 человек, полному разрушению нескольких аулов и массовому исходу населения, на место которого приходили крестьяне. Кризис стал прямым следствием разрушения скотоводческого хозяйства в годы Гражданской войны. Данные, приводимые М. Тумаиловым, наглядно демонстрируют катастрофическое сокращение хозяйственного потенциала туркменских обществ в результате войны: поголовье скота упало со 138 031 головы в 1915 г. до 26 854 в 1920-м – 97,6 %, а посевные площади сократились с 42 785 до 18 364 десятин – 68,3 % [Тумаилов 1925: 10-11]. Экономическое разорение происходило и в ногайских обществах. В Ачикулакском районе численность крупного рогатого скота к 1920-м гг. сократилась почти на 96 % по сравнению с дореволюционным периодом, поголовье овец – на 97 %, лошадей – на 84 %, а посевные площади уменьшились в три раза, все это подорвало основу существования номадов. Голод 1920-х гг. ускорил две взаимосвязанные тенденции: массовое переселение русского населения в степи и превращение большинства ногайцев в зависимых

от них батраков. Эти процессы привели к быстрой трансформации этнодемографической карты региона (полное обрусение аулов, как в случае Мангита) и формированию новой системы социального неравенства, где земля и скот концентрировались у пришлого населения [ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 7. Д. 397. Л. 1-2]. В этот период часть туркмен начала переходить к полуоседлой форме жизни, используя так называемую «полукочевую земельную норму» в размере 15–25 десятин на человека. Ситуация усугублялась деятельностью вооружённых банд, систематически грабивших местные хозяйства. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 977. Л. 59-60; Клычников 2014: 17-31].

В этих условиях формирование местных советских органов власти приобретало парадоксальный характер. С установлением советских органов власти в их состав активно стали включаться представители местных номадов, однако вскоре вскрылись компрометирующие подробности их прошлого сотрудничества с белогвардейцами. Так, ряд выдвиженцев в туркменский райком и исполком (Идрисов, Шахмуратов, Самедов) были публично обвинены в службе в белых карательных отрядах и должностных преступлениях. Партийная проверка подтвердила факты их работы на Белое движение (доброволец при штабе, писари), но, не найдя доказательств участия в расправах, оставила их на постах. Этот случай показал, что большевистский режим, остро нуждавшийся в лояльной местной элите, был вынужден идти на прагматичный компромисс: биографическое «пятно» прошлой службы у противника могло быть проигнорировано в обмен на текущую преданность. Как представляется, внутриэлитные конфликты на местах облекались в идеологическую форму борьбы «красных» с «белыми», а реальная практика формирования власти на местах зачастую расходилась с декларируемыми принципами «чистоты рядов». Дело также подтверждает массовость явления, когда значительная часть местной элиты в той или иной степени сотрудничала с Белым движением, что затем требовало сложных компромиссов при строительстве советских институтов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 977. Л. 56-61].

Этот прагматичный компромисс с лояльной частью старой элиты происходил на фоне масштабных политических реформ. В ноябре 1920 г. были образованы Дагестанская АССР и Горская АССР (официально учреждена в январе 1921 г.), позже и остальные автономные области. Этот процесс поставил вопрос об административном устройстве кочевых народов. Ключевой проблемой стало то, что ногайское население оказалось административно раздроблено: караногайцы вошли в Кизлярский округ, а ачикулакские ногайцы – в Прикумский уезд Терской губернии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 989. Л. 11].

Ключевой темой для кочевых народов Юга России в начале 1920-х гг. стал настойчиво продвигаемый властью принудительный переход к оседлости. На Кизлярской мусульманской советской конференции (ноябрь 1921 г.) представители новой власти в своих выступлениях представляли этот процесс как меру поддержки и спасения от вымирания. Некоторые ногайские делегаты, как Менглигулов, соглашались с необходимостью землеустройства ввиду полного разорения скотоводческого хозяйства. Параллельно обсуждались вопросы сохранения норм шариата в семейно-имущественной сфере, что указывало на

стремление сохранить элементы традиционного уклада. На I съезде мусульман-ногайцев Ачикулакского района (декабрь 1921 г.) центральными пунктами повестки стали новая экономическая политика (продналог) и катастрофический голод в степи. В ответ на призывы помочь голодающим Поволжья съезд принял резолюцию, констатировавшую собственное бедственное положение и требовавшую отмены продналога и первоочередной организации местных комитетов взаимопомощи. Кроме того, ногайцы просили власти вооружить надёжных лиц для самообороны от бандитизма в степи [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 1107. Л. 33-36].

Административная разобщённость и формальный характер управления со стороны Терского губернского исполнительного комитета в решении насущных проблем ногайцев побудили местные власти искать иные варианты устройства. Ачикулакский районный исполнительный комитет обратился с ходатайством сначала в Горскую, а затем в Дагестанскую АССР с вопросом рассмотрения их вопроса. Правительство Дагестана отнеслось к инициативе положительно, видя в присоединении ногайских земель возможность решить проблему нехватки пастбищ и расширить доступ к рыбным промыслам на Каспии. Для окончательного решения ВЦИК санкционировал проведение представительного съезда.

На съезде в Ачикулаке (апрель 1922 г.) развернулась дискуссия о будущем устройстве степных народов, фактически представлявшая собой выбор между несколькими альтернативными путями исторического развития. Делегатам предстояло определить форму их политического бытия в новой советской системе. Обсуждался широкий спектр вариантов:

I. Создание собственной национально-территориальной автономии путём объединения ногайцев, караногайцев и туркмен в отдельную область.

II. Интеграция в одно из существующих советских образований: присоединение к Дагестанской или Горской АССР, Терской губернии или Кабарде.

III. Формирование этнокультурного союза на основе общности традиционного уклада – идея объединения с калмыками в союз тюрко-монгольских народов [Джумагулова 2024: 36].

Предложенные проекты очерчивали принципиально разные траектории – от ассимиляции до создания уникальной этнокультурной автономии. Съезд стал редким моментом исторического выбора. После того как ногайский делегат С.А. Шабанов подверг критическому разбору все альтернативные проекты, съезд принял резолюцию в пользу образования отдельного округа с последующим включением в состав Дагестанской АССР. Это решение рассматривалось как путь решения земельно-хозяйственных проблем ачикулакских ногайцев через объединение с соплеменниками в рамках близкого и родственного региона. [ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 7. Д. 100. Л. 11-33].

По ходатайству правительства Дагестана Народный комиссариат по делам национальностей инициировал решение вопроса о статусе ногайских территорий. 16 ноября 1922 г. ВЦИК принял постановление о включении в состав Дагестанской АССР части Кизлярского округа вместе с городом Кизляром и Ачикулакского района. Границы присоединяемой территории были детально очерчены, в частности, по реке Куме на северо-западе и с учётом юртовых наделов терских казачьих станиц на юго-западе [ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 7. Д. 100. Л. 54-55].

Ключевыми задачами для восстановления хозяйства и экономического потенциала в ногайских районах стали упорядочение землепользования и создание кооперативов. Кооперация рассматривалась как жизненно важная мера в условиях кризиса традиционных отраслей. На местах кооперативы часто формировались по территориальному или родовому принципу, однако вскоре обозначилась земельная проблема, на фоне постоянных конфликтов между ногайскими, туркменскими и русскими общинами. Для его решения в апреле 1925 г. начала работу специальная комиссия по наделению землей в Караногайском и Ачикулакском районах. Правовую базу заложило «Положение о сплошном землеустройстве Дагестанской АССР», утвержденное 6 сентября 1926 г.[1] Этот документ, учитывая многообразие хозяйственных укладов, особо выделял кочевников-скотоводов, предусматривая для них выделение страховых пастбищ и сенокосов, а также земельных участков для перехода к оседлости.

Параллельно на уровне Северо-Кавказского крайисполкома рассматривался вопрос о самоопределении ставропольских туркмен. На совещании 17 апреля 1925 г. его представители совместно с жителями туркменских аулов обсудили возможность создания автономного Туркменского района. Председатель комиссии К.А. Курджиев, приводя данные обследования, констатировал катастрофическое положение: население сократилось с 18 до 6 тысяч человек, а хозяйство находилось в руинах. В качестве выхода он предложил выделить район в автономную единицу с предоставлением масштабной поддержки, подчеркнув, что выживание возможно лишь при переходе к оседлости и земледелию. Участники совещания обсуждали различные варианты: присоединение к Дагестанской АССР по аналогии с ногайцами, переселение в Закаспийскую область. Однако преобладающей стала позиция о необходимости создания отдельной административной единицы, мотивированная социально-экономическими потребностями туркменского населения [ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 6. Д. 345. Л. 9-12].

30 мая 1925 г. президиум Северо-Кавказского крайисполкома признал необходимым создание Туркменского национального района. Это решение преследовало цель оказать целенаправленную поддержку малой этнической группе, находящейся на грани вымирания, путём консолидации туркменского населения, восстановления его хозяйства и защиты от экономического вытеснения русским крестьянством. Постановлением Президиума ВЦИК от 2 июня 1925 г. Туркменский район был официально утверждён в составе Ставропольского округа. Документ закреплял исключительные права туркменских обществ на землю, запрещал заселение территории иными народами и устанавливал этнические квоты в райисполкоме (3 туркмена, 1 русский, 1 татарин). Комплекс мер поддержки включал помощь голодающим, содействие переходу к оседлости, обеспечение техникой и другие чрезвычайные мероприятия для социально-экономического подъёма туркменского населения [ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 6. Д. 345. Л. 12-19].

В 1925–1927 гг. наблюдалась стихийная миграция туркменских семей в Ачикулакский район Дагестана. Обращение 137 переселившихся хозяйств с

1 Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 06.09.1926 «Об утверждении Положения о сплошном и обязательном землеустройстве Автономной Дагестанской Советской Социалистической Республики». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.12.2022).

просьбой легализовать статус выявило глубокие социально-экономические проблемы в Туркменском районе, побудив власти активизировать меры по развитию хозяйства и территории туркменских обществ. Эти мероприятия преследовали цель хозяйственного развития территорий, прежде всего за счёт предоставления туркменскому населению пятилетних налоговых льгот, выделения единовременной дотации в размере более 300 тыс. руб. золотом на развитие сельского хозяйства и культурно-просветительных учреждений, проведения землеустроительных работ. Эти действия были направлены на предотвращение дальнейшего оттока населения и возможной политической дестабилизации в регионе на фоне периодически поступавших предложений об отделении туркменских земель от Ставрополья и их присоединении к Дагестанской АССР [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 690. Л. 1-10].

Политическое самоопределение калмыков Большедербетовского улуса в рамках общенационального проекта не отличалось от моделей, реализованных ногайскими и туркменскими обществами. В июле 1920 г. I Общекалмыцкий съезд принял «Декларацию прав трудового калмыцкого народа», провозгласившую объединение всех разрозненных калмыцких групп, включая ставропольских, в единую Калмыцкую автономную область в составе РСФСР [Убушаев 2016: 61-63]. Дальнейшая судьба улуса была неразрывно связана с политикой централизации и советизации, проводимой в рамках этой автономии. В итоге, несмотря на различие выбранных административных форм, все основные кочевые народы Юга России – калмыки, ногайцы и туркмены – завершили процесс консолидации по национальному признаку в рамках тех или иных советских автономий [История Калмыкии 2009: 250-300].

Согласно данным переписи начала 1920-х гг., территория компактного проживания ногайцев включала Караногайскую волость (около 29,3 тыс. человек) и Ачикулакский район (около 10,5 тыс. человек) [ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 7. Д. 100.Л. 2-3]. Население Туркменского района составляло около 9,9 тыс. человек [ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 6. Д. 345. Л. 19]. В свою очередь, калмыцкое население Большедербетовского улуса по переписи 1917 г. составляло более 2-х тысяч человек [Убушаев 2006: 315-316]. Кочевые и полукочевые народы Ставрополья вышли из Гражданской войны с тяжёлым комплексом взаимосвязанных проблем: демографический кризис, социально-политическую нестабильность и глубокий экономический упадок. Однако в рамках «советского проекта» решения национального вопроса была найдена ключевая административная форма их дальнейшего существования – консолидация в рамках национальных автономий: Туркменского района в составе Ставропольского округа, включение ногайских земель в состав Дагестанской АССР и объединение калмыков в собственную автономную область.

1917-1920-е гг. стали для кочевых народов Юга России эпохой глубокой трансформации. В ходе революции и Гражданской войны они были вынуждены адаптироваться к радикальным изменениям, отстаивая свои интересы в рамках сменяющих друг друга политических проектов. Установление советской власти стало следствием поражения этих альтернатив. Процесс их административного самоопределения в новой системе оказался сложным и неоднозначным, отразив

как попытки центральной власти интегрировать кочевников, так и их собственное стремление к выживанию и сохранению идентичности в условиях тотального кризиса.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что период 1917–1920 гг. стал для кочевых народов Ставропольской губернии (ногайцев, туркмен, калмыков) эпохой глубокой и болезненной трансформации, в ходе которой их судьба оказалась напрямую связана с крахом имперской государственности и поиском новой модели интеграции в меняющееся политическое пространство.

Основные итоги исследования могут быть сформулированы следующим образом:

1. К 1917 г. сложившаяся гибридная система управления, сочетавшая имперскую административную вертикаль с элементами традиционного самоуправления, исчерпала свой стабилизирующий потенциал. Её крах в результате Февральской революции не привёл к демократическому обновлению, а обнажил и обострил ключевые конфликты, прежде всего аграрный и национальный. Земельный вопрос, центральный для выживания кочевых обществ, стал точкой столкновения между правами номадов на их угодья, защищаемым прежним законодательством, и требованием малоземельного крестьянства о «справедливом» перераспределении. Политика Временного правительства, непоследовательная и запаздывающая, оказалась неспособна предложить легитимный механизм разрешения этого противоречия, что привело к утрате контроля над ситуацией и радикализации настроений.

2. В условиях перманентного кризиса и череды сменяющихся властных режимов (администрация Временного правительства, структуры Союза объединённых горцев, Белое движение, Советы) кочевые общества продемонстрировали активный и прагматичный поиск союзников для защиты своих интересов. Их политическое поведение было обусловлено не идеологической приверженностью, а стремлением к физическому выживанию и сохранению ресурсной базы. Участие в проекте Горской республики, попытки диалога с белым командованием и, наконец, взаимодействие с советской властью отражают различные, зачастую тупиковые, векторы этого поиска в обстановке тотальной нестабильности.

3. Гражданская война и сопутствующая ей политика реквизиций, конфискаций и насилия привели к тотальному разорению традиционного скотоводческого хозяйства кочевников. Катастрофическое сокращение поголовья скота и посевных площадей, массовый голод и демографический кризис середины 1920-х гг. стали суровой реальностью, поставившей под вопрос само существование этих сообществ. Именно эта гуманитарная и хозяйственная катастрофа, а не только политические решения, стала главным фактором, вынудившим номадов согласиться на радикальные преобразования, предлагаемые победившей советской властью.

4. Установление советской власти открыло новый этап институционального оформления статуса кочевых народов, основанный на принципе национального

самоопределения. Процесс административного самоустройства в 1920-е годы (образование Туркменского района в составе Ставрополья, включение ногайских земель в состав Дагестанской АССР, консолидация калмыков в автономную область) стал итогом сложного взаимодействия централизованной политики «коренизации», хозяйственной целесообразности и апелляций местных элит к центру. Этот процесс, хотя и обеспечил формально-правовые рамки для этнокультурного развития, был сопряжён с принудительным курсом на переход к оседлости и глубокой перестройкой всего социально-экономического уклада.

Таким образом, траектория развития кочевых народов Ставрополья в 1917 – 1920-е гг. наглядно иллюстрирует, как глобальный кризис российской государственности был воспринят и пережит на локальном уровне. Распад имперских институтов управления обернулся для номадов не избавлением от опеки, а втягиванием в водоворот разрушительных сил, где борьба за политическую лояльность уступила место борьбе за элементарное выживание. Их последующая интеграция в советскую систему, оформленная в виде национальных автономий, стала не столько реализацией права на самоопределение, сколько единственным доступным путём выхода из тотальной катастрофы, ценой глубочайшей трансформации традиционного жизненного уклада.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Брусина 2023 – *Брусина О.И.* Трансформация кочевого образа жизни ставропольских туркменов в XIX–XX вв. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 2 (75). – С. 62–71.

Васькина 2020 – *Васькина Д.С.* Кочевые народы Северного Кавказа в начале XX века // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – № 2. – С. 16–22.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

Джумагулова 2024 – *Джумагулова А.Т.* "С кем нам по пути?": ставропольские туркмены на переломе эпох (Конец XIX – начало XX веков) в контексте природно-климатических факторов // Nomadic Civilization: Historical Research. – 2024. – Т. 4, № 4. – С. 24–42.

Джумагулова, Кидирниязов 2024 – *Джумагулова А.Т., Кидирниязов Д.С.* Положение номадного животноводства Ставропольской губернии в XIX – начале XX вв. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2024. – № 4 (81). – С. 43–58. – DOI 10.54398/1818-510X.2024.81.4.004.

Зверева 2018 – *Зверева Л.А.* 1917 год на Ставрополье // Известия СОИГСИ. – 2018. – № 27 (66). – С. 86–93.

История Калмыкии 2009 – История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. – Элиста: Герел, 2009. – Т. 2. – 840 с.

Кажаров 2018 – *Кажаров А.Г.* Организация "союз объединенных горцев" и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917-1919 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2018. – № 1 (214). – С. 28–38.

Клычников 2014 – *Клычников Ю.Ю.* Криминальная ситуация на Центральном и Северо-Восточном Кавказе в годы революций 1917 г. и гражданской войны // Известия СОИГСИ. – 2014. – № 13 (52). – С. 17–31.

Кужелева 1964 – *Кужелева Л.Н.* Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быту ногайцев: дисс. … канд. ист. наук. – Ленинград, 1964. – 249 с.

Лиджиева 2019 – *Лиджиева И.В.* "Нет сомнения, что суд целого общества есть вернейший и беспристрастный суд какого может желать только правда...". Предписание

гражданского губернатора Ставропольской губернии П. А. Брянчанинова главному приставу кочующих народов полковнику П.Н. Иванову. 1860 г. // Вестник архивиста. – 2019. – № 3. – С. 838–851. – DOI 10.28995/2073-0101-2019-3-838-851.

Лиджиева 2024 – *Лиджиева И.В*. Институт приставства в системе управления окраинами Российской империи // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2024. – Т. 65, № 5. – С. 47–69. – DOI 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-5-47-69.

Линец 2017 – *Линец С.И*. Военные действия на Северном Кавказе в годы Гражданской войны: народы региона в поиске приоритетов // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – X: Материалы регион. науч.-практ. конф. (Пятигорск, 24–25 нояб. 2017 г.). – Пятигорск: Пятигорский гос. ун-т, 2017. – С. 257–272.

Лямин 2004 – *Лямин В.В*. Аграрный вопрос в Ставропольской губернии в 1917 году. – Ставрополь: ЗАО «Пресса», 2004. – 205 с.

Материалы съездов 2014 – Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года / сост. А.Х. Кармов. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 168 с.

Невская 2016 – *Невская Т.А*. Туркмены Ставрополья в революционных событиях 1917 г. // Туркмены Юга России: исторический контекст и социокультурные трансформации. – М.: ИЭА РАН, 2016. – С. 36–45.

Очиров 2009 – *Очиров У.Б*. Конные части горцев и кочевников Северо-Восточного Кавказа в белой армии (1918-1920 гг.) // Вестник КИГИ РАН. – 2009. – № 2. – С. 35–39.

Очиров 2017 – *Очиров У.Б*. Национальные части народов Юга России в период революции 1917 г. и Гражданской войны // Великая Российская революция в судьбах народов Юга России: Материалы Всерос. науч. конф. (Элиста, 13–14 сент. 2017 г.). – Элиста: Калмыцкий науч. центр РАН, 2017. – С. 30–47.

Положение об управлении 1835 – Положение об управлении калмыцким народом: Указ е.и.в. Правительствующему сенату и Штат для калмыцкого управления. – Санкт-Петербург, 1835. – 95 с.

ПСЗРИ-I – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг.: В 45 т. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

ПСЗРИ-II – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе (ПСЗРИ-II). 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг.: В 55 т. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830-1885.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Союз объединенных 1994 – Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.), Горская республика (1918-1920 гг.): документы и материалы / отв. ред. А.И. Османов. – Махачкала: Юпитер, 1994. – 438 с.

Ставропольский инородец 1918 – Ставропольский инородец (газета). – 1918. – № 2, 9.

Тумаилов 1925 – *Тумаилов М*. Туркмены Северо-Кавказского края: (Краткий историко-этнографический очерк). – Полторацк (Асхабад): Туркм. гос. изд-во, 1925. – 34 с.

Убушаев 2006 – *Убушаев К.В*. Создание советской национальной государственности калмыцкого народа // Южно-российский вестник геологии, географии и глобальной энергии. – 2006. – № 8 (21). – С. 313–317.

Убушаев 2016 – *Убушаев К.В*. Начальный этап национально-государственного строительства калмыцкого народа в первые годы Советской власти // Вестник КалмГУ. – 2016. – № 2 (30). – С. 60–66.

Учреждения управления 1869 – Учреждения управления Кавказского и Закавказского края: 9 декабря 1867. – Санкт-Петербург, 1869. – 60 с.

REFERENCES

BRUSINA O.I. Transformatsiya kochevogo obraza zhizni stavropol’skikh turkmenov v XIX–XX vv. [Transformation of the Nomadic Way of Life of the Stavropol Turkmens in the 19th – 20th

Centuries]. IN: Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura [Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. – 2023. – № 2 (75). – P. 62–71. (In Russ.).

DZHUMAGULOVA A.T. "S kem nam po puti?": stavropol'skiye turkmeny na perelome epokh (Konets XIX – nachalo XX vekov) v kontekste prirodno-klimaticheskikh faktorov ["Who Are We to Follow?": Stavropol Turkmens at the Turn of Epochs (Late 19th – Early 20th Centuries) in the Context of Natural and Climatic Factors]. IN: Nomadic Civilization: Historical Research. – 2024. – Vol. 4, No. 4. – P. 24–42. DOI 10.53315/2782-3377-2024-4-4-24-42. (In Russ.).

DZHUMAGULOVA A.T., KIDIRNIIAZOV D.S. Polozhenie nomadnogo zhivotnovodstva Stavropol'skoi gubernii v XIX – nachale XX vv. [The State of Nomadic Animal Husbandry in Stavropol Province in the 19th – Early 20th Centuries]. IN: Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura [Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. – 2024. – № 4 (81). – P. 43–58. – DOI 10.54398/1818-510X.2024.81.4.004. (In Russ.).

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. 1788. Op. 2. D. 143; F. R-1235. Op. 140. D. 690; F. R-1318. Op. 7. D. 100; F. R-5446. Op. 7. D. 397; F. R-5677. Op. 6. D. 345. (In Russ.).

GASK – Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraia (GASK) [State Archive of the Stavropol Krai (GASK)]. F. 37. Op. 1. D. 10, 11, 19; F. 2567. Op. 1. D. 3. (In Russ.).

Istoriia Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 3 t. [History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day: In 3 Vols.]. – Elista: Gerel, 2009. – Vol. 2. – 840 p. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. Organizatsiia "soiuz ob"edinennykh gortsev" i separatizm na Severnom Kavkaze: predposylki, dvizhushchie sily i itogi (1917-1919 gg.) [The Organization "Union of United Mountaineers" and Separatism in the North Caucasus: Prerequisites, Driving Forces and Results (1917-1919)]. IN: Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Regionovedenie: filosofiia, istoriia, sotsiologiia, iurisprudentsiia, politologiia, kul'turologiia [Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Culturology]. – 2018. – № 1 (214). – P. 28–38. (In Russ.).

KLYCHNIKOV IU.IU. Kriminal'naia situatsiia na Tsentral'nom i Severo-Vostochnom Kavkaze v gody revoliutsii 1917 g. i grazhdanskoi voiny [Criminal Situation in the Central and North-Eastern Caucasus during the 1917 Revolutions and the Civil War]. IN: Izvestiia SOIGSI [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. – 2014. – № 13 (52). – P. 17–31. (In Russ.).

KUZHELEVA L.N. Sotsialisticheskie preobrazovaniia v khoziaistve, kul'ture i bytu nogaitsev: diss. … kand. ist. nauk [Socialist Transformations in the Economy, Culture and Life of the Nogai People: PhD (History) Diss.]. – Leningrad, 1964. – 249 p. (In Russ.).

LIDZHIEVA I.V. "Net somneniia, chto sud tselogo obshchestva est' vernieishii i bespristrastnyi sud kakogo mozhet zhelat' tol'ko pravda...". Predpisanie grazhdanskogo gubernatora Stavropol'skoi gubernii P. A. Briandchaninova glavnomu pristavu kochuiushchikh narodov polkovniku P. N. Ivanovu. 1860 g. ["There is no doubt that the judgement of the whole society is the most reliable and impartial judgement that only truth can desire..." Directive of the Civil Governor of Stavropol Province P. A. Briandchaninov to the Chief Steward of the Nomadic Peoples, Colonel P. N. Ivanov. 1860]. IN: Vestnik arkhivista [Archivist Bulletin]. – 2019. – № 3. – P. 838–851. – DOI 10.28995/2073-0101-2019-3-838-851. (In Russ.).

LIDZHIEVA I.V. Institut pristavstva v sisteme upravleniia okrainami Rossiiskoi imperii [The Institute of Stewardship in the System of Administration of the Outskirts of the Russian Empire]. IN: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 8: Istoriia [Moscow University Bulletin. Series 8: History]. – 2024. – Vol. 65, № 5. – P. 47–69. – DOI 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-5-47-69. (In Russ.).

LINETS S.I. Voennye deistviia na Severnom Kavkaze v gody Grazhdanskoi voiny: narody regiona v poiske prioritetov [Military Actions in the North Caucasus during the Civil War: The Peoples of the Region in Search of Priorities]. IN: *Rossiiskaia gosudarstvennost' v sud'bakh narodov Kavkaza – X: Materialy region. nauch.-prakt. konf. (Piatigorsk, 24–25 noiab. 2017 g.)* [Russian Statehood in the Fates of the Peoples of the Caucasus – X: Proceedings of the Regional

Scientific and Practical Conference (Pyatigorsk, 24–25 November 2017)]. – Piatigorsk: Piatigorskii gos. un-t, 2017. – P. 257–272. (In Russ.).

LIAMIN V.V. Agrarnyi vopros v Stavropol'skoi gubernii v 1917 godu [The Agrarian Question in Stavropol Province in 1917]. – Stavropol': ZAO «Pressa», 2004. – 205 p. (In Russ.).

Materialy s"ezdov gorskikh narodov Severnogo Kavkaza i Dagestana 1917 goda [Proceedings of the Congresses of the Mountain Peoples of the North Caucasus and Dagestan in 1917] / Comp. by A.Kh. Karmov. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2014. – 168 p. (In Russ.).

NEVSKAIA T.A. Turkmeny Stavropol'ia v revoliutsionnykh sobytiiach 1917 g. [The Turkmens of Stavropol in the Revolutionary Events of 1917]. IN: Turkmeny Iuga Rossii: istoricheskii kontekst i sotsiokul'turnye transformatsii [Turkmens of the South of Russia: Historical Context and Sociocultural Transformations]. – Moscow: IEA RAN, 2016. – P. 36–45. (In Russ.).

OCHIROV U.B. Konnye chasti gortsev i kochevnikov Severo-Vostochnogo Kavkaza v beloi armii (1918-1920 gg.) [Cavalry Units of Highlanders and Nomads of the North-Eastern Caucasus in the White Army (1918-1920)]. IN: Vestnik KIGI RAN. – 2009. – № 2. – P. 35–39. (In Russ.).

OCHIROV U.B. Natsional'nye chasti narodov Iuga Rossii v period revoliutsii 1917 g. i Grazhdanskoi voiny [National Units of the Peoples of the South of Russia during the Revolution of 1917 and the Civil War]. IN: Velikaia Rossiiskaia revoliutsiia v sud'bakh narodov Iuga Rossii: Materialy Vseros. nauch. konf. (Elista, 13–14 sent. 2017 g.) [The Great Russian Revolution in the Fates of the Peoples of the South of Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Elista, 13–14 September 2017)]. – Elista: Kalmytskii nauch. tsentr RAN, 2017. – P. 30–47. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe (PSZRI-I). 1649-1825 gg.: V 45 t. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection (PSZRI-I). 1649-1825: In 45 Vols.]. – St. Petersburg: Tip. II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1830. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Vtoroe (PSZRI-II). 12 dekabria 1825 – 28 fevralia 1881 gg.: V 55 t. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection (PSZRI-II). 12 December 1825 – 28 February 1881: In 55 Vols.]. – St. Petersburg: Tip. II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1830-1885. (In Russ.).

Polozhenie ob upravlenii kalmytskim narodom: Ukaz e.i.v. Pravitel'stvuiushchemu senatu i Shtat dlia kalmytskogo upravleniia [Regulation on the Administration of the Kalmyk People: H.I.M.'s Decree to the Governing Senate and the Staff for Kalmyk Administration]. – St. Petersburg, 1835. – 95 p. (In Russ.).

RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. F. 17. Op. 13. D. 989, 1107; Op. 16. D. 977. (In Russ.).

Soiuz ob"edinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917-1918 gg.), Gorskaja respublika (1918-1920 gg.): dokumenty i materialy [The Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917-1918), the Mountain Republic (1918-1920): Documents and Materials] / Ed. by A.I. Osmanov. – Makhachkala: Iupiter, 1994. – 438 p. (In Russ.).

Stavropol'skii inorodets [Stavropol Native]. – 1918. – № 2, 9. (In Russ.).

TUMAILOV M. Turkmeny Severo-Kavkazskogo kraia: (Kratkii istoriko-etnograficheskii ocherk) [The Turkmens of the North Caucasus Region: (A Brief Historical and Ethnographic Essay)]. – Poltoratsk (Askhabad): Turkm. gos. izd-vo, 1925. – 34 p. (In Russ.).

UBUSHAEV K.V. Sozdanie sovetskoi natsional'noi gosudarstvennosti kalmytskogo naroda [The Creation of the Soviet National Statehood of the Kalmyk People]. IN: Iuzhno-rossiiskii vestnik geologii, geografii i global'noi energii [South Russian Bulletin of Geology, Geography and Global Energy]. – 2006. – № 8(21). – P. 313–317. (In Russ.).

UBUSHAEV K.V. Nachal'nyi etap natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva kalmytskogo naroda v pervye gody Sovetskoi vlasti [The Initial Stage of National-State Building of the Kalmyk People in the First Years of Soviet Power]. IN: Vestnik Kalmytskogo universiteta [Bulletin of Kalmyk University]. – 2016. – № 2 (30). – P. 60–66. (In Russ.).

Uchrezhdeniia upravleniia Kavkazskogo i Zakavkazskogo kraia: 9 dekabria 1867 [Institutions for the Administration of the Caucasian and Transcaucasian Region: 9 December 1867]. – St. Petersburg, 1869. – 60 p. (In Russ.).

VAS'KINA D.S. Kochevye narody Severnogo Kavkaza v nachale XX veka [Nomadic Peoples of the North Caucasus in the Early 20th Century]. IN: Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia [Humanitarian and Legal Research]. – 2020. – № 2. – P. 16–22. (In Russ.).

ZVEREVA L.A. 1917 god na Stavropol'e [The Year 1917 in Stavropol Region]. IN: Izvestiia SOIGSI [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. – 2018. – № 27 (66). – P. 86–93. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Т. Джумагулова – кандидат исторических наук.

Information about the author

A.T. Dzhumagulova – Candidate of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 10.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 32(479):314.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-62-77
EDN: BNSKQG

ЛЕТОПИСЕЦ ИНГУШЕТИИ: ГЕОРГИЙ МАРТИРОСИАН (К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ИНГУШСКОГО НИИ КРАЕВЕДЕНИЯ)

Виктор Завенович Акопян[1], **Завен Викторович Акопян**[2], **Юрий Юрьевич Гранкин**[3]
Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия,
[1] zaven2005@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4734-1905
[2] zvakopyan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9759-7733
[3] grankinj@pgu.ru, https://orcid.org/0000-0002-5520-9923

Аннотация. Статья посвящена деятельности советского историка и краеведа Георгия Константиновича Мартиросяна (1895–1938), известного как Мартиросиан. Большая часть его короткой, но весьма плодотворной в научном отношении жизни прошла в городе Владикавказе, в 1931 г. переименованном в Орджоникидзе. До 1926 г. он работал в Северо-Кавказском институте краеведения, Государственном научном музее Владикавказа, педагогическом и сельскохозяйственном институтах, а в последующие годы вплоть до ареста в 1935 г. в Ингушском научно-исследовательском институте краеведения в качестве заместителя директора и научного сотрудника Ингушского музея краеведения. В статье рассматривается главным образом научная и краеведческая деятельность Мартиросяна в качестве заместителя директора и научного сотрудника Ингушского научно-исследовательского института краеведения и Ингушского музея краеведения в 1920-х – первой половине 1930-х гг. Его научная, общественная и педагогическая деятельность настолько обширна, что нуждается в специальном исследовании. Особое внимание в статье обращается на причины ареста историка-краеведа под надуманными обвинениями.

Ключевые слова: Северо-Кавказский край; Ингушская автономная область; Владикавказ; Орджоникидзе; Ингушский научно-исследовательский институт краеведения; научная экспедиция

Для цитирования: Акопян В.З., Акопян З.В., Гранкин Ю.Ю. Летописец Ингушетии: Георгий Мартиросиан (К 100-летию образования Ингушского НИИ краеведения) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 62-77. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-62-77. EDN: BNSKQG.

© Акопян В.З., Акопян З.В., Гранкин Ю.Ю., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

CHRONICLER OF INGUSHETIA: GEORGY MARTIROSIAN (ON THE OCCASION OF THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE INGUSH RESEARCH INSTITUTE OF LOCAL LORE)

Viktor Z. Akopyan[1], Zaven V. Akopyan[2], Yuri Y. Grankin[3]
Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia,
[1] zaven2005@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4734-1905
[2] zvakopyan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9759-7733
[3] grankinj@pgu.ru, https://orcid.org/0000-0002-5520-9923

Annotation. The article is devoted to the activities of the Soviet historian and local historian Georgy Konstantinovich Martirosyan (1895–1938), known as Martirosian. Most of his short but very fruitful scientific life was spent in the city of Vladikavkaz, renamed Ordzhonikidze in 1931. Until 1926, he worked at the North Caucasus Institute of Local Lore, the Vladikavkaz State Scientific Museum, pedagogical and agricultural institutes, and in subsequent years, until his arrest in 1935, at the Ingush Research Institute of Local Lore as deputy director and researcher at the Ingush Museum of Local Lore. The article mainly examines Martirosyan's scientific and local history activities as deputy director and researcher at the Ingush Scientific Research Institute of Local History and the Ingush Museum of Local History in the 1920s and the first half of the 1930s. His scientific, social and pedagogical activities are so extensive that they need special research. The article pays special attention to the reasons for the arrest of the local historian on false charges.

Keywords: North Caucasus Region; Ingush Autonomous Region; Vladikavkaz; Ordzhonikidze; Ingush Scientific Research Institute of Local Lore; scientific expedition

For citation: Akopyan V.Z., Akopyan Z.V., Grankin Yu.Y. Chronicler of Ingushetia: Georgy Martirosian (On the 100th Anniversary of the Formation of the Ingush Research Institute of Local Lore). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 62-77. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-62-77. EDN: BNSKQG.

© Akopyan V.Z., Akopyan Z.V, Grankin Y.Y., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

В результате национально-государственного строительства первой половины 1920-х гг. из расформированной Горской АССР образовалось несколько автономных областей, в частности Ингушская и Северо-Осетинская АО. На базе двух автономий во Владикавказе начинают формироваться не только структуры власти, но и научно-культурные учреждения. В ноябре 1926 г. Главнаука при Наркомпросе РСФСР приняла решение организовать Ингушский научно-исследовательский институт краеведения (ИНИИК) и при нем Ингушско-Осетинский краеведческий музей. Г.К. Мартиросян становится заместителем директора ИНИИК и фактически редактором научного издания «Известия ИНИИК», в котором публиковались известные кавказоведы. Г.К. Мартиросян участвовал в многочисленных научных экспедициях, организованных ИНИИК, выступал с лекциями, докладами, продолжал преподавательскую деятельность. Ему принадлежит целый ряд исследований по истории Ингушетии и Осетии. Вершиной его научной деятельности стал труд «История Ингушетии». Он много сделал для формирования национальных педагогических кадров и специалистов в области музейно-краеведческой деятельности.

После объединения Чеченской и Ингушской автономных областей в единую автономию в январе 1934 г. ИНИИК стал частью Чечено-Ингушского НИИ ис-

тории, языка, литературы и искусства. В этих условиях для перспективного историка-краеведа не нашлось места в новом НИИ и в национальном музее. Желающих воспользоваться его наследием, в частности первым комплексным трудом по истории Ингушетии, было немало. В период разворачивавшихся репрессий Г.К. Мартиросян без каких-либо оснований попал под разнарядку в «черный список». Поводом для обвинений стала заказная статья в краевой газете, где ему вменили «идеологически враждебную трактовку революционных событий 1905 года» в книге «История Ингушетии». В 1935 г. Георгий Константинович был арестован теперь уже якобы за принадлежность к троцкистско-зиновьевской оппозиции и отбывал срок в лагерях на Калыме Магаданской области, где ему в 1938 г. тройкой УНКВД был вынесен смертный приговор по обвинению в принадлежности к контрреволюционной повстанческой организации.

В трудах, посвященных истории Ингушетии и ИНИИК, имя Г.К. Мартиросяна фактически отсутствует или упоминается в конце длинного списка разных фамилий. В трудах по истории Ингушетии в лучшем случае встречаем названия некоторых его работ. Совершенно игнорируется тот факт, что его главный труд «История Ингушетии» стал первым комплексным исследованием по истории ингушского народа. В данной статье авторы, по существу, впервые ставят перед собой задачу проследить основные вехи в деятельности Г.К. Мартиросяна, осознавая при этом, что требуется более обстоятельное исследование всех этапов жизненного пути историка-краеведа.

Результаты исследования

В ряду первых советских историков-краеведов, занимавшихся историей народов Северного Кавказа, был и Георгий Константинович Мартиросиан (Геворг Мартиросян), родившийся в 1895 г. в административном центре Кавказского края городе Тифлисе (с 1936 г. – Тбилиси).

Большая часть его короткой, но весьма плодотворной в научном отношении жизнь прошла во Владикавказе (в 1931–1944 гг. – Орджоникидзе), где в 1935 г. он на основании надуманных обвинений арестован и осужден.

В период гражданской войны и после установления советской власти во Владикавказе организуются первые высшие учебные заведения автономий Северного Кавказа. В их числе был политехнический институт, на основе которого в 1923 г. образовался Горский сельскохозяйственный институт[1]. В этом вузе начинается научно-педагогическая деятельность Г.К. Мартиросяна, несколько лет преподававшего в этом вузе вначале в должности ассистента, а затем и доцента. Одновременно он являлся по совместительству сотрудником и членом научного общества Горского педагогического института (с 1969 г. – госуниверситет), а также научным сотрудником Терского областного музея, созданного во Владикавказе ещё в досоветский период.

[1] Горский государственный аграрный университет. URL: https://www.gorskigau.ru/university/istoriya/ (дата обращения: 08.08.2025).

На базе этого музея в мае 1920 г. был создан Северо-Кавказский институт краеведения [Акиева 2016: 13–14], а музей был переименован в Государственный научный музей Владикавказа [Калиниченко 2006: 100–104]. В музее Г.К. Мартиросян не только занимался научной работой, но и регулярно проводил лекции и экскурсии.

В 1924 г. были образованы две автономные области: Северо-Осетинская (С-ОАО) и Ингушская (ИАО), после чего Горская АССР прекратила свое существование. На базе двух автономий начинают формироваться не только структуры власти, но и научно-культурные учреждения. Все они размещались во Владикавказе (с 1931 г. – Орджоникидзе), имевшем, как и Грозный, статус автономного округа, подчинявшегося напрямую Ростову-на-Дону – центру Северо-Кавказского края (СКК)[1].

В числе новых учреждений, созданных после образования ИАО, оказался и Ингушский научно-исследовательский институт краеведения, в котором продолжилась плодотворная деятельность Г.К. Мартиросяна.

Северо-Кавказский институт краеведения функционировал во Владикавказе до ноября 1926 г. Его преемником стал Северо-Кавказский Горский научно-исследовательский институт краеведения (СКГНИИК), созданный в Ростове-на-Дону. На состоявшемся 11 ноября 1926 г. совещании Учебно-консультационной комиссии Главнауки[2] было принято решение организовать Ингушский научно-исследовательский институт краеведения (ИНИИК) и при нем Ингушско-Осетинский музей[3]. Представителю Главнауки А.В. Сегалю и Умару Алиеву (от СКГНИИК) было предложено вместе с А.И. Горчхановым[4] решить вопрос о финансировании ИНИИК. Одновременно было создано правление института в составе директора О.С. Ахриева[5], зам. директора Г.К. Мартиросяна и представителя «Ингушского литературного общества». В 6 пункте постановления Главнауки рекомендовалось персонально сохранить в составе ИНИИК научных

[1] После образования 15 января 1934 г. Чечено-Ингушской АО с центром в городе Грозном, г. Орджоникидзе остался только столицей С-ОАО (с января 1937 г. – АССР).

[2] Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями Наркомпроса РСФСР – государственный орган координации научных исследований теоретического профиля и пропаганды культуры в 1921–1930 гг. Под руководством Главнауки с 1925 г. объединялись академии и учебные заведения, научно-исследовательские учреждения теоретического профиля, научные библиотеки, музеи, краеведческие организации и т.д. В 1930 г. Главнаука преобразована в сектор науки Наркомпроса РСФСР [ПЭС 2002: 53].

[3] ИНИИК и Ингушско-Осетинский музей, обслуживавший две автономные области, размещались в здании бывшего Константиновского училища в Музейном переулке, 3, там, где ныне располагаются Музей осетинской литературы и Музей Терской области. В январе 1928 г. фонды музея были разделены между ИАО и С-ОАО. Ингушский музей находился в Орджоникидзе до 1936 г. Его сотрудники сопротивлялись переводу музея в г. Грозный. В 1939 г. музей был ликвидирован, а его фонды, архив и многочисленные археологические экспонаты были перевезены в г. Грозный. См.: Сагов М.З. История музейного дела Ингушетии // Электронный ресурс. Режим доступа: https://igmkri.ru/index.php/1706-istoriya-muzejnogo-dela-ingushetii-2 (дата обращения: 14.02.2025 г.).

[4] Горчханов Али Исаевич (1898–1954) – ингушский политический деятель. С марта 1926 по январь 1934 г. – председатель исполкома ИАО (с перерывом в 1931 г. – зам. председателя Северо-Кавказского краевого СНХ). С 12 января 1934 г. – председатель исполкома облсовета Чечено-Ингушской АО (с января 1937 г. – АССР). 19 сентября 1937 г. арестован и в следующем году осужден на 10 лет лишения свободы. Скончался в 1954 г. в лагерной больнице. См.: Горчханов Али Исаевич // Справочник по истории КПСС (1898–1991). // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.knowbysight.info/GGG/09161.asp (дата обращения: 17.06.2025 г.).

[5] Ахриев Осман Саидович (1895-?) – работник просвещения Ингушетии. Окончил Владикавказское реальное училище, работал учителем в школе. Член большевистской партии с 1920 г. В 1923 г. по путевке парткома был направлен на работу в Ингушскую окружную милицию. Работал начальником политотдела управления милиции ИАО, а затем в облоно. Умер в Кокчетавской области Казахстана [Курылев 1976].

работников: Г.К. Мартиросяна, Л.Б. Беме, Л.П. Семенова и профессора В.Ф. Раздорского [Барахоева 2016; Краткий отчет 1930: 442–448]. Все они в декабре войдут в состав научной коллегии института.

Под председательством Ахриева 4 декабря 1926 г. состоялось заседание коллектива работников ИНИИК, одобрившее информацию о состоянии научной работы и материальной базы института. Обязанность заместителя директора по научной работе была возложена на Георгия Константиновича. Членом правления также был назначен научный сотрудник Л.П. Семенов[1]. Тогда же ученая коллегия приняла решение об учреждении научного издания «Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения» (далее – «Известия»). В его редколлегию вошли Г.К. Мартиросян (фактически являлся главным редактором), Л.П. Семенов и В.Ф. Раздорский[2].

Важным направлением в деятельности института стали научные экспедиции по Ингушетии. Ученая коллегия ИНИИК на лето 1927 г. запланировала свою первую комплексную научную экспедицию по области. Мартиросян и Семенов планировали провести обследование Джераховского ущелья (Нагорная Ингушетия), расположенного в непосредственной близости от Военно-Грузинской дороги. Мартиросян отвечал за сбор материалов по экономической и хозяйственной жизни населения фантастического по красоте горного региона, Семенову поручалась археологическая часть экспедиции. Материалы экспедиции должны были содействовать как разработке плана развития туризма и возведения санаторно-курортного комплекса, так и возможности разработки полезных ископаемых.

По итогам первой комплексной экспедиции Мартиросян собрал уникальные поселенные данные и посемейные списки жителей Джераховского общества за 1927 г. с кратким указанием их имущественного положения. Кроме того, произведено описание сельскохозяйственных орудий и предметов быта крестьян, произведены фотографические снимки и зарисовки экономического быта населения. На открытом заседании научного совета ИНИИК 17 августа 1927 г. Мартиросян выступил с докладом об итогах работы экспедиции [Алмазов 2016: 25–27].

Последующие экспедиции по Ингушетии значительно пополнили и расширили полученные ранее данные первой экспедиции. Материалы экспедиций послужили основой для научных докладов и описаний, опубликованных в «Известиях ИНИИК» и в других изданиях. Они стали основой и для главного труда Г.К. Мартиросяна по истории Ингушетии.

---

[1] Семенов Леонид Петрович (1886–1959) – советский археолог, этнограф, специалист по кавказоведению и лермонтоведению. Преподавал русский язык и литературу в пединституте во Владикавказе. С 1934 г. – профессор, зав. кафедрами русской и зарубежной литератур, декан филологического факультета. Состоял членом Лермонтовской комиссии при АН СССР. Передал в дар музею «Домик Лермонтова» в Пятигорске свою коллекцию по лермонтоведению [Захаров 2006: 160–164].

[2] Раздорский Владимир Фёдорович (1883–1955) – советский ботаник. В 1911 г. окончил физ.-мат. факультет Московского университета. Получил звание приват-доцента (1916) и начал преподавательскую деятельность в Московском университете. В октябре 1918 г. назначен на должность проректора и профессора, зав. кафедрой ботаники в политехническом институте во Владикавказе. С 1923 по 1944 г. возглавлял кафедру ботаники в Горском сельхозинституте. В декабре 1924 г. утверждён в учёном звании профессора по кафедре ботаники. См.: Раздорский В.Ф. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.koob.ru/razdorskiy_v_f/ (дата обращения: 17.05.2025).

Г.К. Мартиросян вел обширную краеведческую работу, изучал историю периодической печати и революционного движения в Терской области. В апреле 1927 г. Мартиросян выступил с докладом на тему: «Терская область в революции 1905 года». Он же 5 мая, в День печати, сделал доклад: «Горская периодическая печать в прошлом и настоящем». Вместе с Семеновым 7 августа 1927 г. на 1-й конференции ингушей-преподавателей он выступил с докладом: «Краеведческая работа в ингушской школе» [Известия 1923].

Георгий Константинович проводил большую культурно-просветительную работу среди населения в Ингушско-Осетинском научном музее. Для горожан музей был открыт три раза в неделю, а для иногородних – ежедневно. Мартиросян, как и другие научные работники, для групповых посетителей читал научно-популярные лекции о населении и природе края, по истории революционного движения на Тереке. За период с 1 октября 1926 по 1 октября 1927 г. Ингушско-Осетинский музей посетило 14,5 тыс. чел. После возвращения первой экспедиции музей пополнился новыми археологическими, этнографическими, художественными и другими экспонатами [Известия 1923].

Историк-краевед активно занимался и общественной работой, в том числе в качестве члена пленума Владикавказского окружного совета профессиональных союзов [Краткий отчет 1930: 538].

Неполный один год работы Г.К. Мартиросяна в должности заместителя директора ИНИИК и научного сотрудника музея оказался весьма результативным. Главнаука, в ведомстве которой по научной линии находился институт, положительно оценила научную и музейно-краеведческую деятельность сотрудников института [Краткий отчет 1930: 444–445].

Научную и музейно-краеведческую деятельность Георгия Константиновича в 1928–1929 гг. можно проследить по «Краткому отчету за 1928 и 1929 годы», опубликованному в «Известиях».

В указанный период институт и Ингушский музей осуществляли свою работу на основе пятилетнего плана научно-исследовательских работ по Ингушетии. Продолжались научные экспедиции, по итогам которых Мартиросян выступал с сообщениями, докладами и лекциями. В 1928–1929 гг. при ИНИИК образовался актив из научных работников Горского сельскохозяйственного (ГСХИ) и Горского педагогического институтов в качестве внештатных научных сотрудников, представляющих различные отрасли знаний [Краткий отчет 1930: 527–528]. С целью подготовки национальных научных кадров в 1931 г. при ИНИИК даже открылась трехгодичная аспирантура.

Большинство штатных и привлеченных сотрудников ИНИИК в экспедиции 1928 г. обследовали населенные пункты, природу и фауну автономной области. Исследование по экономике выполнялось Г.К. Мартиросяном вместе с ассистентом ГСХИ Ф.Е. Бедраком в Джерахо-Мецхальском обществе. Их работа заключалась в собирании материалов для монографического описания этого района области [Краткий отчет 1930: 527–528]. Значительная часть собранных материалов легла в основу работ, опубликованных Мартиросяном во II–III выпусках «Известий». В их числе большая статья «Колхозное строительство в ингушской

деревне» (С. 243–270), а также рецензии на второй том «Записок Северо-Кавказского Горского Научно-Исследовательского Института» (Т. II. 1929. 352 с.) и на работу М.Л. Ямпольского «Краеведческие задачи сельской школы и учительства в деле подъема и социалистического строительства сельского хозяйства на Северном Кавказе» (1929) [Краткий отчет 1930: 510–512].

По сообщению Л.П. Семенова, отвечавшего за археологическую часть экспедиций в 1928–1929 гг., «Г.К. Мартиросианом, руководившим экономическим обследованием, собрана большая коллекция старинных предметов, типичных для ингушского быта; в нее вошли: плуг, борона, грабли, косы, складные примитивные корзины, приспособление для размягчения кожи, маслобойка, вьючное седло, приспособление для привязывания вьюков, мера сыпучих тел, очажные цепи, набор предметов, употребляющихся при изготовлении сукна, кресла, скамеечка на трех ножках, деревянные чашки, медный кувшин для воды, железные вертела, детские салазки и др. Выполнено значительное число рисунков в красках (с изображением орнамента ингушских ковров и вышивок) и фотографических снимков (типы населения, виды селений, бытовые предметы и т.п.)» [Краткий отчет 1930: 391].

Собранная Г.К. Мартиросяном в результате экспедиций богатая коллекция предметов значительно пополнила фонды Ингушского музея.

Перед широкой общественностью, преподавателями и студентами вузов Владикавказа Мартиросян выступал с публичными лекциями и докладами. В их числе: «К 10-летию со дня смерти Г.В. Плеханова»; «Одиннадцатая годовщина Октябрьской революции»; «60-летие проф. М.Н. Покровского»; «Об итогах сессии Совета Северо-Кавказской Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов»; «Социальные основы творчества Грибоедова»; «Пятилетний план развития народного хозяйства СССР и задачи научно-исследовательской работы (в связи с этим планом)» и др. [Краткий отчет 1930: 531–532].

Георгий Константинович неоднократно выезжал в Москву, Тифлис, Ростов-на-Дону, Грозный, Пятигорск (центр Терского округа, а с 1934 г. – столица СКК) и другие города для обмена опытом краеведческой и музейной работы. В Ростове он часто присутствовал на заседаниях Северо-Кавказской Краевой Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов. Например, по результатам одной из таких командировок он выступил перед учеными ИНИИК и вузов Орджоникидзе с сообщением: «О командировке в Ростов-на-Дону на Северо-Кавказский краевой съезд представителей ВУЗ-ов, краевых ведомств и научных учреждений Северного Кавказа». Г.К. Мартиросян не только информировал научных работников и краеведов Северной Осетии и Ингушетии, но и изложил задачи, стоящие перед ними.

Во время командировки в Москву Г.К. Мартиросян познакомился с деятельностью Музея революции и получил от него, в обменном порядке, для Ингушского музея фотографические снимки и издания историко-революционного характера. В столице ЗСФСР – городе Тифлисе, он и другие сотрудники ИНИИК посетили местные музеи, Грузинский госуниверситет и Кавказский историко-археологический институт. В свою очередь в 1929 г. с ответным визитом во Вла-

дикавказ, в частности с целью знакомства с Ингушским музеем, прибыли научные работники Грузинского госуниверситета, в том числе: профессора Л.М. Меликсет-Бек[1] и А.Г. Шанидзе. Их особо заинтересовали эпиграфические памятники (грузинские надписи на плитах), найденные в Ингушетии. Один из основателей Тбилисского университета профессор А.Г. Шанидзе (1887–1987) и Меликсет-Бек дали расшифровку этих памятников [Краткий отчет 1930: 537].

Доцент Мартиросян как сотрудник Горского сельскохозяйственного и педагогического институтов участвовал в организации методических краеведческих курсов для студентов. Например, в 1929 г. на этих курсах он прочел лекцию об основных методах экономического обследования изучаемых регионов. Вместе с Семеновым Мартиросян составил для студентов-краеведов программы по сбору и обработке материалов по археологии, этнографии и социально-экономической жизни горцев [Краткий отчет 1930: 531–532].

Он принимал участие в работе «Научного общества этнографии, языка и литературы» при Горском пединституте, выступая на заседаниях этого общества с докладами, которые публиковались в его «Сборниках». Так, в № 1 этого издания опубликована статья Г.К. Мартиросяна «Владикавказская периодическая печать» [Мартиросиан 1924а].

Будучи штатным сотрудником ИНИИК, Г.К. Мартиросян также состоял научным сотрудником Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Последним в 1929 г. была издана его работа «Терская область в революции 1905 гола» [Мартиросиан 1929]. Еще до выхода этого исследования автором был сделан доклад на публичном заседании коллегий обоих институтов [Краткий отчет 1930: 531].

ИНИИК ставил своей задачей установление тесного контакта с другими национальными областями СКК. Эти контакты позволяли не только перенимать передовой опыт работы других научных и краеведческих учреждений, но и делиться с ними своими достижениями. Г.К. Мартиросян неоднократно посещал областной музей Чеченской АО в г. Грозном. После одной из таких поездок он выступил с докладом «О связи с Чеченским Областным Музеем (итоги командировки в г. Грозный)».

Г.К. Мартиросян регулярно принимал участие в заседаниях Ингушского областного исполкома и Областной плановой комиссии при рассмотрении вопросов, имеющих отношение к деятельности института, а также при обсуждении важнейших вопросов, касающихся хозяйственного и культурного строительства

[1] Левон Меликсетович Меликсет-Бек (1890–1963) – известный советский, армянский и грузинский ученый-историк, филолог и арменовед. Профессор, доктор филологических (1928) и исторических (1932) наук, член-корреспондент Одесского общества истории и археологии, член Союза писателей СССР, член-корреспондент АН Армянской ССР, заслуженный деятель наук Грузинской ССР. В период обучения в Одесском университете, он стал членом «Всемирной лиги эсперантистов» (1906). В 1928 г. защитил докторскую диссертацию по книге «Армянские архимандриты северных стран и установление их личности в связи с вопросами армяно-грузинского взаимоотношения (опыт историко-литературного исследования)». До 1927 г. являлся председателем Кавказского отд. Московского археологического общества. Активно занимался преподавательской деятельностью в Тбилисском и Ереванском университетах. В 1960 году, в связи с 70-летием Меликсет-Бека, в Тбилиси была издана «Полная библиография печатных работ за 1909–1960 гг.», включавшая ок. 600 наименований публикаций, несколько десятков рецензий на диссертации, два десятка переводов памятников художественной литературы на армянском, грузинском и русском языках [Мурадян 1990].

автономной области. Тем более тесная связь поддерживалась с отделами народного образования Орджоникидзе, Северной Осетии и Ингушетии. Например, на областной конференции ингушских учителей он выступил с докладом «О задачах и деятельности Ингушского Института Краеведения и его Музея» [Краткий отчет 1930: 532].

Деятельность Г.К. Мартиросяна в рамках Ингушского музея настолько обширна, что требует самостоятельного исследования.

Вместе с другими научными сотрудниками музея он выступал с популярными докладами краеведческого характера в красноармейских частях, школах, на учительских конференциях, на экскурсионной базе Совтуриста. При его непосредственном участии при музее организован актив из студентов-ингушей для приобретения ими опыта музейно-краеведческой и туристической работы. Эти студенты принимали участие в работе музея в качестве вспомогательных сотрудников в летний экскурсионный период. Причем эта работа проводилась во взаимодействии с Осетинским музеем, несмотря на их организационное разделение. Ингушский и Осетинский музеи в конце 1929 г. заключили между собой договор по социалистическому соревнованию.

Переход к «Великому перелому» ознаменовался подготовкой к 25-летней годовщине революции 1905 г. Г.К. Мартиросян, как автор ряда исследований по этой теме [Мартиросиан 1925; Мартиросиан 1930; Мартиросиан 1929], один из активных членов бюро Владикавказской секции научных работников, председатель культкомиссии при этом бюро, член правления Владикавказского Дома работников просвещения, член пленума Владикавказского окружного совета профсоюзов, не мог не стать основным участником подготовки к празднованию этой даты. Как и по 20-летнему юбилею, он выступал с докладами и научно-популярными лекциями в различных профсоюзах, на конференциях, экскурсионной базе, в Воскресном университете и в красноармейских частях. В его статьях и выступлениях, посвященных революции 1905 г. давался взвешенный и глубокий анализ событиям четвертьвековой давности. И никто тогда не заметил «оппортунистических отклонений» в его оценке этого исторического события. Их найдут в главном труде Мартиросяна в 1935 г., когда отмечался 30-летний юбилей Первой русской революции.

С начала 1930-х гг., несмотря на усиление идеологизации и формализации в краеведческой работе [1], деятельность ИНИИК продолжилась. Отсутствие в нашем распоряжении последнего (четвертого) выпуска «Известий» ИНИИК за 1934 год, где содержится информация о деятельности института и музея, не позволяет подробно проследить работу Мартиросяна и других штатных и внештатных научных работников с 1930 по 1934 г.[2].

[1] После IV Всероссийской краеведческой конференции (1930), принявшей решение о перестройке краеведческих организаций, областные общества упразднялись, а на местах отмечался спад и формализация в краеведческой деятельности. Постановлением 1937 г. «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах» происходит ликвидация Наркомпросом Центрального и местных бюро краеведения. Краеведческая работа как массовое общественное движение пошло на убыль и сосредоточилось в основном вокруг музеев.

[2] В одном из ресурсов Интернета сообщается, что найти четвертый выпуск сложно, так как сохранилось мало экземпляров. URL: https://dzen.ru/a/XjWIYH25ZgbLFtBA

В этот заключительный период деятельности Георгия Константиновича, прерванной его арестом в 1935 г., основное внимание он сосредоточил на написании «Истории Ингушетии», ставшей первым комплексным исследованием по истории ингушского народа [Мартиросиан 1933]. Источниками этого фундаментального труда стали исследования и статьи самого автора, материалы экспедиций, собранных как лично Г.К. Мартиросяном, так и его коллегами. Широко использовались труды исследователей досоветского периода. Подробная историография приводится автором в 1-й главе книги.

В предисловии книги автор сообщал, что не ставил перед собой задачей «дать материалы, которые могли бы осветить основные этапы исторического развития Ингушетии от родового строя до наших дней строительства социализма. Такая широкая задача не могла, разумеется, не отразиться на полноте книги, и нет надобности указывать здесь на то очевидное положение, что целый ряд вопросов, затронутых в ней, должен послужить предметом более детального изучения». В то же время, подчеркивал Георгий Константинович, «отсутствие работ по ингушской истории, которые охватывали бы все основные этапы ее, является серьезным пробелом в литературе по истории народов Советского Союза, между тем как потребность в таком обобщающем материале давно назрела» [Мартиросиан 1933: 4]. В заключение предисловия автор обращался к читателям с просьбой указать свои замечания о книге с тем, чтобы он мог внести необходимые исправления и уточнения в следующем издании. Увы, вместо заслуженной награды автору вынесли приговор!

В настоящей статье обозначим лишь название глав без подробных подпунктов к ним. Заметим, что Мартиросян не мог не придерживаться основных идеологических постулатов, утвердившихся в советской историографии того времени.

Первая глава «Истории» называется «Родовой строй, его разложение и зачатки феодализма» (с. 4–41). Вторая глава: «Колониальное завоевание Ингушетии царской Россией и национально-освободительная борьба ингушей» (с. 42–88). 3-я глава: «Капиталистическое развитие Ингушетии во второй половине XIX в.» (с. 89–101), 4-я – «Социально-экономические предпосылки революции 1905 года» (с. 102–118); 5-я – «Революция 1905 года» (с. 119–143); 6-я: «Между двумя революциями» (с. 144–172); 7-я – «Февральская революция» (с. 173–198); 8-я – «Октябрьская революция» (с. 199–246); «Деникинщина, борьба с ней и восстановление Советской власти. Горская ССР» (с. 247–292); 10-я – «Ингушская автономная область» (с. 293–316).

В конце книги Г.К. Мартиросян приводит список некоторых своих работ, материалы которых вошли в «Историю Ингушетии» [Мартиросиан 1933: 313].

После объединения Чеченской и Ингушской автономных областей в единую автономию в январе 1934 г. ИНИИК стал частью Чечено-Ингушского НИИ истории, языка, литературы и искусства. До 1937 г. объединенный институт возглавляли Заурбек Мальсагов (до 1935 г.) и Саид-Бей Арсанов [Нанаева 2016]. В Грозном вакантного места в новом НИИ для Мартиросяна не нашлось. По крайней мере, нам это неизвестно. Да и покидать Орджоникидзе, ставший для него

родным городом, он не хотел. Тем более что Ингушский музей (на правах районного) продолжал оставаться в Орджоникидзе. В 1934 г. город непосредственно вошел в состав Северной Осетии в качестве столицы автономной области (в январе 1937 г. – АССР) [Акопян 2010].

В этом многонациональном городе происходила коренизация, предполагавшая преимущество при занятии должностей титульной нацией, которая во Владикавказе – Орджоникидзе в 1920–1930-х гг. занимала вторую строчку[1]. Аналогичная ситуация была и в Грозном – столице Чечено-Ингушетии. В этих условиях найти Мартиросяну аналогичную должность в национальном музее было затруднительно. Желающих воспользоваться его наследием, в частности первым комплексным трудом по истории Ингушетии, было немало. Оставалось только «стереть» его фамилию, объявив Г.К. Мартиросяна «врагом народа». Научному работнику суждено было после гибели С.М. Кирова попасть под разнарядку в список «врагов партии», а следовательно, и «врагов народа». Найти повод для устранения неугодного человека для режима или для какой-либо заинтересованной группы не составляло особого труда. Например, тракториста можно было легко обвинить в сознательном вредительстве, найдя неисправную деталь в заглохшем моторе трактора. Тем более совершенно не составляло труда обвинить историка-краеведа в идеологически враждебной трактовке революционных событий, когда лидерами революции являлись политические деятели, большинство из которых стали врагами в ходе борьбы за власть в 1920–1930-х гг.

Таким поводом для устранения Г.К. Мартиросяна стало празднование 30-летия революции 1905 г. На второй странице официального краевого партийного и советского органа «Северо-Кавказский большевик» от 4 февраля 1935 г., издававшегося в краевом центре г. Пятигорске, на одной полосе были опубликованы три разных материала, логически связанных друг с другом: большая статья Н.Г. Буркина «К 30-летию революции 1905 года» (с продолжением в следующем номере), информация Рошала (без инициалов) «Решение Ставропольского райкома о троцкистско-зиновьевских вылазках в вузах» и анонимного автора, скрывавшегося под инициалами *(Ч.Б.)* «О меньшевистско-троцкистской фальсификации истории Ингушетии». Последний материал стал обвинительным приговором Георгию Константиновичу и его главному труду «История Ингушетии» [СКБ 1935]. Логично предположить, что автором этой статьи являлся Н.Г. Буркин[2], тем

[1] По Всесоюзной переписи населения 1926 г. национальный состав Владикавказа (всего 75,2 тыс. чел.) был следующим: русские – 40,2 тыс. чел., осетины – 10,8 тыс., армяне – 6529 (без 5 тыс. беженцев, не учтенных переписью), грузины – 5038, украинцы – 3981, ингуши – 1517, белорусы – 1096, евреи (горские и ашкеназы) – 1001, персы – 920, греки – 864 (без учета беженцев), поляки – 859, татары – 756 чел. и др. По Всесоюзной переписи 1939 г. в Орджоникидзе (130,7 тыс. чел.) осетины составляли 22,7 тыс., русские – 76,3 тыс., армяне – 8406, ингуши – 6001, грузины – 5505, украинцы – 3557, греки – 1925, евреи – 1517 и др. [Акопян 2010].

[2] Буркин Николай Георгиевич (1894–1962). Родился в деревне Ольгино Вяземского уезда Смоленской губернии. В 1911 г. окончил Покровскую низшую с.-х. школу. Участник Первой мировой войны. В сентябре 1917 г. после демобилизации возвратился в родную деревню. После октябрьского переворота 1917 г. – активный участник событий, работал в Вязьме. С 1919 по 1921 г. – начальник гарнизонного политпросвета. С 1921 г. Буркин работал заведующим Смоленским губернским книжным издательством, заведующим историко-партийным отделом Смоленского губкома РКП(б), сотрудником газеты «Рабочий путь». Заочно окончил Смоленский пединститут (университет). Работая в своем вузе, написал книгу «1905 год в Смоленской губернии (очерки революционных событий)» (1926) и получил степень кандидата исторических наук. В одной из его биографий говорится, что ранее в Смоленске уже была издана книга (авторы: В.А. Астров, М. Даиян), посвященная революции 1905 г. В 1930-е гг.

более что анонимный автор подверг критике освещение Г.К. Мартиросяном преимущественно революции 1905 г. Однако предположение, что за указанными инициалами скрывается Буркин – пока не доказано.

В чем же выражалось в данной статье «извращение, фальсификация подлинной истории» революции 1905 г. Г.К. Мартиросяном? Перечислим в тезисной форме предъявленные обвинения:

– Г.К. Мартиросян, «трактуя характер этой революции, ее ход, – отмечает *Ч.Б.,* – ни слова не говорит о ленинском плане перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Об этом плане он упоминает только в связи с революцией 1917 г. Как будто у Ленина, у большевиков было два плана – один в 1905 г. – без перерастания, другой – в 1917 г. – с перерастанием. А это значит – по-троцкистски представить развитие революции».

– Во всей книге не уделено ни слова «критике троцкистской контрреволюционной теории “перманентной революции”».

– «Мартиросиан так освещает роль партии перед революцией 1905 г., что большевизм является только фракцией РСДРП».

– Автор «Истории Ингушетии», продолжает далее *Ч.Б., «*продвижение русского царизма на Кавказе… называет “колонизационным процессом” (стр. 109), как будто это был мирный процесс передвижения народов. Такая трактовка, несомненно, является замазыванием колониальной политики русского самодержавия».

– «Вопиющее извращение» Мартиросян допускает, трактуя письмо Ленина к коммунистам Грузии, Азербайджана, Армении, Дагестана и Горской республики. Он «выбрасывает из письма отдельные слова и целые выражения, придавая этим иногда совершенно иной смысл тому, что имеется у Ленина. Так, в переделке у Мартиросиана, например, получается, что в условиях буржуазного строя возможен национальный мир».

Газетный материал завершается следующим выводом: «Указанных примеров, по нашему мнению, достаточно, чтобы установить, что мы имеем здесь дело с враждебной книгой, наполненной меньшевистско-троцкистской фальсификацией, появившейся на свет вследствие отсутствия большевистской бдительности у работников Ингушского издательства “Сердало” и ингушского научно-исследовательского института» [СКБ 1935].

В 1935 г. Георгий Константинович был арестован якобы за принадлежность к троцкистско-зиновьевской оппозиции и отбывал срок в лагерях на Калыме Магаданской области. 8 марта 1938 г. тройкой УНКВД ему вынесен смертный приговор по обвинению в принадлежности к контрреволюционной повстанческой организации. Приговор приведён в исполнение 10 марта на территории Калымы. 7 сентября 1956 г. Г.К. Мартиросян был реабилитирован.

работал в Ростове-на-Дону, Пятигорске, Кабардино-Балкарии, Воронежской области. В 1933 г. опубликована вторая его работа [Буркин 1933]. С 1943 по 1957 г. работал в Чувашском пединституте и преподавателем в пединституте г. Грозного (Грозненская область) [Полякова 2001: 37].

Заключение

Научное наследие Г.К. Мартиросяна значительно и до сегодняшнего дня не оценено. Но даже названные некоторые опубликованные его работы показывают значительный вклад историка-краеведа в кавказологию. А сколько собранных материалов так и остались неопубликованными после ареста 39-летнего исследователя, ставшего жертвой сфабрикованного и несправедливого обвинения. Не оценена и личность общественного деятеля и педагога, стоявшего у истоков становления автономий двух северокавказских народов.

В заключение отметим, что настоящая статья является первым опытом исследования биографии в свое время известного историка-краеведа и общественного деятеля Северного Кавказа. Будущему исследователю предстоит осветить остающиеся «белые пятна» в его биографии, оценить его творческое наследие. Это особенно важно в год, когда исполняется 100-летний юбилей Ингушского научно-исследовательского института краеведения, в достижения которого внес достойный вклад Георгий Константинович.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акиева 2016 – *Акиева Х.М.* Истоки ингушской науки и музейного дела // Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив (К 90-летию Ингушский научно-исследовательского института). Материалы международной научной конференции. 14–16 ноября 2016 г. – Магас: «ИнгНИИ», 2016. – С. 13–14.

Акопян 2010 – *Акопян В.З.* Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940 гг. Монография. – Ростов-н/Д: РГУПС, 2010. – 170 с.

Алмазов 2016 – *Алмазов И.Г.* Ингушский научно-исследовательский институт краеведения (Хроника первого 1926/1927 академического года) // Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа (К 90-летию Ингушский научно-исследовательский института. Сборник статей Международной научной конференции (14–16 ноября 2016 г.). – Магас: ГБУ «ИнгНИИ», 2016. – С. 25–28.

Барахоева 2016 – *Барахоева Н.М.* Ингушский научно-исследовательский институт: история и современность // Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив (К 90-летию Ингушский научно-исследовательского института). Материалы международной научной конференции. Г. Магас. 14-16 ноября 2016 г. – Магас: ГБУ «ИнгНИИ», 2016. – С. 7–10.

Буркин 1933 – *Буркин Н.Г.* Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Испартиздат. С.-К. крайкома ВКП(б). – Ростов н/Д.: Партиздат, 1933. – 64 с.

Захаров 2006 – *Захаров В.А.* Л.П. Семенов и его вклад в изучение кавказского периода жизни и творчества М.Ю. Лермонтова // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13–14 октября 2005 г.). – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева (РИПП), 2006. – С. 160–164.

Калиниченко 2006 – *Калинченко С.Б.* Роль Горского института краеведения в становлении научно-образовательного пространства Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. – 2006. – № 3. – С. 100–104.

Краткий отчет 1930 – *Краткий отчет* за 1927/28 и 1928/29 академические годы // Известия Ингушского Научно-Исследовательского Института Краеведения. / Под ред. доц. Г.К. Мартиросиана, проф. В.Ф. Раздорского и Л.П. Семенова. Вып. 2–3. – Владикавказ: Изд. «Сердало», 1930. – С. 530–538.

Курылев 1976 – *Курылев И.В.* Боевой путь милиции Чечено-Ингушетии. – Грозный: Чеч.-Инг. КН. изд-во, 1976. – 211 с.

Мартиросиан 1933 – *Мартиросиан Г.К.* История Ингушетии: Материалы. – Орджоникидзе: Сердало, 1933. – 314 с.

Мартиросиан 1925 – *Мартиросиан Г.К.* Социально-экономические основы революционных движений на Тереке / Северо-Кавказский институт краеведения. – Владикавказ: Типография «Свет», 1925. – 112 с.

Мартиросиан 1929 – *Мартиросиан Г.К.* Терская область в революции 1905 года / Ингушский научно-исследовательский институт краеведения. – Владикавказ: «Растдзинад», 1929. – 118 с.

Мартиросиан 1930 – *Мартиросиан Г.К.* Революционное движение в войсках Терской области в 1905 г. / Науч. о-во этнографии, языка и лит-ры при Горск. пединституте. – Владикавказ: «Растдзинад», 1930. – 10 с.

Мартиросиан 1924a – *Мартиросиан Г.К.* Владикавказская периодическая печать // Сб. научного общества при Горском педагогическом институте. – Владикавказ, 1924. – С. 101–105.

Мартиросиан 1928 – *Мартиросиан Г.К.* Нагорная Ингушетия: Социально-экономический очерк // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. – Владикавказ: Изд-во Ингушского научно-исследовательского института краеведения, 1928. – Т. 1. – С. 7–154.

Мартиросиан 1924b – *Мартиросиан Г.К.* Фабрично-заводская промышленность на Тереке / Предисл. проф. М.Н. Соболева; Северо-Кавказский институт краеведения. – Владикавказ: Влад. губ. отд. нар. обр., 1924. – 112 с.

Мурадян 1990 – *Мурадян П.М.* Леон Меликсет-Бек (к 100-летию со дня рождения) // Պատմա-բանասիրական հանդես («Историко-филологический журнал). – № 3. – 1990. – С. 63–69. На арм. языке.

Нанаева 2016 – *Нанаева Б.Б.* Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт: вехи истории // Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа (К 90-летию Ингушский научно-исследовательский института. Сборник статей Международной научной конференции (14–16 ноября 2016 г.). – Магас: ГБУ «ИнгНИИ», 2016. – С. 51–54.

СКБ 1935 – *Северо-Кавказский большевик*. – 1935. – 4 февр.

ПЭС 2002 – *Педагогический энциклопедический словарь* / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 527 с.

Полякова 2001 – *Полякова Т.К.* Буркин Николай Георгиевич // Смоленская область: энциклопедия. – Смоленск, 2001. – Т. 1: Персоналии. – С. 37.

REFERENCES

AKIEVA KH.M. *Istoki ingushskoj nauki i muzejnogo dela* [The origins of Ingush science and museum business] IN: Ingushetiya v kontekste nauchnykh problem i perspektiv (K 90-letiyu Ingushskij nauchno-issledovatel'skogo instituta). Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Ingushetia in the context of scientific problems and prospects (On the occasion of the 90th anniversary of the Ingush Scientific Research Institute). Materials of the international scientific conference]. – Magas: «InGNII», 2016. – P. 13–14 (In Russ.).

AKOPYAN V.Z. *Severnyj Kavkaz: gosudarstvennoe stroitel'stvo, ehkonomika i kul'tura. 1920–1940 gg.* [North Caucasus: state building, economy and culture. 1920–1940]. – Rostov-on-Don: RGUPS, 2010. – 170 p. (In Russ.).

ALMAZOV I.G. *Ingushskij nauchno-issledovatel'skij institut kraevedeniya (Khronika pervogo 1926/1927 akademicheskogo goda)* [Ingush Scientific Research Institute of Local Lore (Chronicle of the first academic year 1926/1927)] IN: Ingushetiya v kontekste nauchnykh problem i perspektiv izucheniya Kavkaza (K 90-letiyu Ingushskij nauchno-issledovatel'skij instituta. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Ingushetia in the context of scientific problems and prospects of studying the Caucasus (On the occasion of the 90th anniversary of the Ingush Scientific Research Institute. Collection of articles of the International Scientific Conference]. – Magas: GBU «InGNII», 2016. – P. 25–28 (In Russ.).

BARAKHOEVA 2016 – Barakhoeva N.M. *Ingushskij nauchno-issledovatel'skij institut: istoriya i sovremennost'* [Ingush Scientific Research Institute: History and modernity] IN: Ingushetiya v kontekste nauchnykh problem i perspektiv izucheniya Kavkaza (K 90-letiyu Ingushskij nauchno-issledovatel'skij instituta. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Ingushetia in the context of scientific problems and prospects of studying the Caucasus (On the occasion of the 90th anniversary of the Ingush Scientific Research Institute. Collection of articles of the International Scientific Conference]. – Magas: GBU «InGNII», 2016. – P. 7–10 (In Russ.).

BURKIN N.G. *Oktyabr'skaya revolyuciya i grazhdanskaya vojna v gorskikh oblastyakh Severnogo Kavkaza. Ispartizdat. S.-K. krajkoma VKP(b)* [The October Revolution and the Civil War in the mountainous regions of the North Caucasus. Partizdat. S.-K. of the regional Committee of the CPSU(b)]. – Rostov-on-Don: Partizdat, 1933. – 64 p. (In Russ.).

ZAKHAROV V.A. *L.P. Semenov i ego vklad v izuchenie kavkazskogo perioda zhizni i tvorchestva M.YU. Lermontova* [Semenov and his contribution to the study of the Caucasian period of M.Y. Lermontov's life and work] IN: Kavkazovedenie: opyt issledovanij. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Caucasian studies: research experience. Proceedings of the International Scientific conference] – Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V.A. Gassieva (RIPP), 2006. – P. 160–164. (In Russ.).

KALINCHENKO S.B. *Rol' Gorskogo instituta kraevedeniya v stanovlenii nauchno-obrazovatel'nogo prostranstva Severnogo Kavkaza* [The role of the Gorsky Institute of Local Lore in the formation of the scientific and educational space of the North Caucasus] IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza [Scientific thought of the Caucasus]. – 2006. – № 3. – P. 100–104 (In Russ.).

Kratkij otchet za 1927/28 i 1928/29 akademicheskie gody [Summary report for the academic years 1927/28 and 1928/29] Izvestiya Ingushskogo Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta Kraevedeniya [Proceedings of the Ingush Scientific Research Institute of Local Lore]. / Pod red. doc. G.K. Martirosiana, prof. V.F. Razdorskogo i L.P. Semenova. Vyp. 2–3. – Vladikavkaz: Izd. «SerdalO», 1930. – P. 530–538 (In Russ.).

KURYLEV I.V. *Boevoj put' milicii Checheno-Ingushetii* [The military way of militia of Chechen-Ingushetia]. – Groznyj: Chech.-Ing. KN. izd-vo, 1976. – 211 p. (In Russ.).

MARTIROSIAN G.K. *Istoriya Ingushetii: Materialy* [The history of Ingushetia: Materials The history of Ingushetia: Materials]. – Ordzhonikidze: Serdalo, 1933. – 314 p. (In Russ.).

MARTIROSIAN G.K. *Social'no-ehkonomicheskie osnovy revolyucionnykh dvizhenij na Tereke* [Socio-economic foundations of the revolutionary movements on the Terek]. – Vladikavkaz: Tipografiya «SveT», 1925. – 112 p. (In Russ.).

MARTIROSIAN G.K. *Terskaya oblast' v revolyucii 1905 goda* [The Tersk region in the revolution of 1905]. – Vladikavkaz: «RastdzinaD», 1929. – 118 p. (In Russ.).

MARTIROSIAN G.K. *Revolyucionnoe dvizhenie v vojskakh Terskoj oblasti v 1905 g.* [The revolutionary movement in the troops of the Tersk region in 1905]. – Vladikavkaz: «RastdzinaD», 1930. – 10 p. (In Russ.).

MARTIROSIAN G.K. *Vladikavkazskaya periodicheskaya pechat'* [Vladikavkaz periodical press]. IN: Sb. nauchnogo obshchestva pri Gorskom pedagogicheskom institute [Collection of the Scientific society at the Gorsky Pedagogical Institute]. – Vladikavkaz, 1924. – P. 101–105 (In Russ.).

MARTIROSIAN G.K. *Nagornaya Ingushetiya: Social'no-ehkonomicheskij ocherk* [Nagornaya Ingushetia: A socio-economic essay]. IN: Izvestiya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya [Proceedings of the Ingush Scientific Research Institute of Local Lore]. – Vladikavkaz: Izd-vo Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya, 1928. – T. 1. – P. 7–154 (In Russ.).

MARTIROSIAN G.K. *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' na Tereke* [Factory industry on the Terek]. / Preface by Professor M.N. Sobolev; Severo-Kavkazskij institut kraevedeniya. – Vladikavkaz: Vlad. gub. otd. nar. obr., 1924. – 112 p. (In Russ.).

MURADYAN P.M. *Leon Melikset-Bek (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Leon Melikset-Bek (to the 100th anniversary of his birth)]. IN: Պատմա-բանասիրական հանդես (Historical and Philological Journal). – No. 3. – 1990. – P. 63–69 (In Armenian).

NANAEVA B.B. *Checheno-Ingushskij nauchno-issledovatel'skij institut: vekhi istorii* [Chechen-Ingush Scientific Research Institute: milestones of history]. IN: Ingushetiya v kontekste nauchnykh problem i perspektiv izucheniya Kavkaza (K 90-letiyu Ingushskij nauchno-issledovatel'skij instituta. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Ingushetia in the context of scientific problems and prospects of studying the Caucasus (On the occasion of the 90th anniversary of the Ingush Scientific Research Institute. Collection of articles of the International Scientific Conference]. – Magas: GBU «InGNII», 2016. – P. 51–54 (In Russ.).

Severo-Kavkazskij bol'shevik. – 1935. – February 4. (In Russ.).

Pedagogicheskij ehnciklopedicheskij slovar' [Pedagogical encyclopedic dictionary]. / Chief editor B. M. Bim-Bad. – Moscow: Bol'shaya rossijskaya ehnciklopediya, 2002. – 527 p. (In Russ.).

POLYAKOVA T.K. *Burkin Nikolaj Georgievich* [Burkin Nikolay Georgievich]. IN: Smolenskaya oblast': ehnciklopediya [Smolensk region: encyclopedia]. – Smolensk, 2001. – T. 1: Personalii. – P. 37 (In Russ.).

Информация об авторах

Ю.Ю. Гранкин – доктор исторических наук.

В.З. Акопян – кандидат исторических наук.

З.В. Акопян – аспирант.

Information about the authors

Y.Y., Grankin – doctor of Sciences (History).

V.Z. Akopyan – Candidate of Science (History).

Z.V. Akopyan – Graduate Student (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors de clare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.01.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 93/94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-78-94
EDN: GCPORQ

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ (1941–1945 ГОДЫ)

Алим Инзрелович Тетуев
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alim-tetuev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4387-291X

Аннотация. В статье исследуются миграционные процессы, происходившие в Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Анализируется опыт местных органов власти, учреждений и общественных организаций по размещению, созданию материально-бытовых условий и трудоустройству вынужденно эвакуированных граждан из других регионов страны. Показана также переселение части населения КБР в Закавказье, Среднюю Азию и Сибирь, связанная с угрозой оккупации немецко-румынскими войсками территории региона. Рассматривается повседневная жизнь эвакуированного населения после освобождения Кабардино-Балкарии в 1943 г. Выявлены численность и порядок размещения эвакуированных граждан по городам и районам республики. Определены особенности миграционных процессов в республике в годы Великой Отечественной войны: привлечение специалистов, учителей, врачей из других регионов для восстановления экономики и социальной сферы. Анализируется порядок реэвакуации людей. Сделан вывод о том, что в суровых условиях военного времени в КБР, как и в целом по стране, происходили сложные эвакуацинно-реэвакуационные процессы, приводившие к ухудшению материально-бытового уровня жизни граждан. Несмотря на это, благодаря социальной поддержке государства, предприятий, учреждений и общественности, вынужденно проводимые мероприятия по эвакуации и реэвакуации населения, обеспечили его выживание в экстремальных условиях войны.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария; Великая Отечественная война; эвакуация; население; дети; размещение; трудоустройство; помощь; органы власти; учреждения; колхозы; общественность; реэвакуация

Для цитирования: Тетуев А.И. Миграционные процессы в Кабардино-Балкарии (1941–1945 годы) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 78-94. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-78-94. EDN: GCPORQ.

© Тетуев А.И., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

MIGRATION PROCESSES IN THE KABARDINO-BALKARIA (1941-1945)

Alim I. Tetuev
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alim-tetuev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4387-291X

Abstract. The article examines the migration processes that took place in Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941-1945). The experience of local authorities, institutions, and public organizations in the placement, creation of material and living conditions and employment of forcibly evacuated citizens from other regions of the country is analyzed. The evacuation of part of the population of the KBR to the Transcaucasus, Central Asia and Siberia, associated with the threat of occupation of the region by German-Romanian troops, is also shown. The article examines the daily life of the evacuated population after the liberation of Kabardino-Balkaria in 1943. The number and order of placement of the evacuated population in the cities and districts of the republic are revealed. The features of migration processes in the republic during the Great Patriotic War are revealed: the involvement of specialists, teachers, doctors from other regions to restore the economy and social sphere. The procedure for re-evacuation of the population is analyzed. It is concluded that in the harsh conditions of wartime in the KBR, as well as in the country as a whole, complex evacuation and re-evacuation processes took place, leading to a deterioration in the material and everyday life of the population. Despite this, thanks to the social support of the state, enterprises, institutions and the public, the forced evacuation and re-evacuation of the population ensured its survival in the extreme conditions of war.

Key words: Kabardino-Balkaria, Great Patriotic War, evacuation, population, children, placement, employment, assistance, authorities, institutions, collective farms, public numbers, reevacuation.

For citation: Tetuev A.I. Migration processes in the Kabardino-Balkaria (1941-1945). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 78-94. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-78-94. EDN: GCPORQ.

© Tetuev A.I., 2026

Введение

Эвакуационно-реэвакуационные процессы в годы Великой Отечественной войны являются актуальной проблемой и имеют научно-практическое значение. По исследуемой теме опубликовано множество научных работ. Организационно-правовые основы по обеспечению эвакуации населения и материальных ценностей исследованы в статье С.П. Шатилова [Шатилов 2017]. В исследованиях М.Н. Потемкиной, Н.В. Чернышевой анализируются проблемы социальной поддержки эвакуированного населения и их реэвакуации на материалах Урала и Кировской области в годы Великой Отечественной войны [Потемкина 2005; Потемкина 2017; Чернышева 2016; Чернышева 2017]. Вопросы социально-бытового обеспечения, трудовой деятельности эвакуированного гражданского населения изучены в работах Ю.А. Мелеховой, Н.Ю. Толстовой, В.В. Федотова и др. [Мелехова 2015; Толстова 2017; Федотов 2003]. Отдельные вопросы эвакуированного населения в КБАССР затрагиваются в работах Е.Т. Хакуашева и «Тыл и фронт<…>» [Хакуашев 1978; КБ ТФ 2005]. Проблемы социальной поддержки эвакуированного населения рассмотрены в монографии А.И. Тетуева [Тетуев 2021; Тетуев 2024].

Краткий анализ литературы по теме исследования позволяет сделать вывод о том, что вопросы эвакуации, особенно реэвакуации в КБАССР еще не стали объектом специального исследования и представлены в исторической науке недостаточно полно.

Цель данной статьи – комплексно исследовать эвакуационно-реэвакуационные процессы в Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны. Она предусматривает решение следующих задач: анализ проблем, связанных с размещением, созданием соответствующих материально-бытовых условий, трудоустройство эвакуированного и реэвакуированного населения.

Научная новизна. На основе архивных документов и других источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, исследованы эвакуационно-реэвакуационные процессы в Кабардино-Балкарии (1941–1945 гг.)

Методологической основой исследования являются принципы историзма, научности, объективности и системности. Кроме того, были использованы историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический методы, а также метод социального анализа.

Результаты исследования

Эвакуационные процессы в 1941–1942 гг.

Одной из первостепенных задач для местных органов советской власти, по мере приближения линии фронта, стало организация эвакуации населения в тыловые районы страны в соответствии с постановлением СНК Союза ССР от 5 июля 1941 г. «О порядке эвакуации населения в военное время», которое предусматривало:

«<…>Предоставить право Совнаркомам республик и обл. (край Исполкомам) в случае необходимости производить уплотнение жителей для расселения эвакуируемых; Разрешить руководителям предприятий, учреждений и организаций при приеме на работу эвакуируемых выдавать единовременное пособие в размере до 100 рублей; Организовать поименный учет (регистрацию всех эвакуируемых по месту жительства<…>) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 660. Л. 120-125].

Несомненно, эвакуация части населения в тыл, и благополучное их размещение оказывали положительное влияние на укрепление единства фронта и тыла. По данным Центрального справочного бюро, действовавшего при Совете по эвакуации, предварительным результатам переписи эваконаселения и ряду других источников, из угрожаемой зоны удалось переместить в тыловые районы 19–20 млн человек [ВОВ 2013: 127].

Согласно неполным данным, в период Великой Отечественной войны в КБАССР было эвакуировано свыше 16 470 человек. При этом численность эвакуированного населения не оставалась постоянной: часть граждан реэвакуировалась после освобождения территорий их постоянного проживания, тогда как другие прибывали в республику из прифронтовых районов. Кроме того, в республики переселялись из регионов страны приглашенные специалисты для восстановления народного хозяйства республики [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 428. Л. 16]. В республику были эвакуированы коллективы Государственный ордена Ленина институт физической культуры имени П.Ф. Лесгафта, Ленинградский государственный педагогический институт имени А.И. Герцена, а также артисты Московского Художественного и Малого театров, жители Сталинграда, Харькова, Одессы, Новороссийска и других городов.

Постановлением бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) от 15 октября 1941 г. была создана республиканская комиссия по приему и размещению эвакуированного населения из прифронтовой полосы в составе т. Ахохова, председатель СНК КБАССР (председатель) и др. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 250. Л. 3].

12 февраля 1942 г. СНК КБАССР принял решение «О размещении эвакуированных граждан Ленинграда в г. Нальчике и районах Кабардино-Балкарии». В нем указывалось:

«<…>…Эвакуированное население разместить в приспособленных для жилья помещениях учреждений общего и профессионального образования и других зданий в городах Нальчик, Прохладный и районах республики» [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 14. Л. 202, 203].

Таблица 1.

Численность эвакуированного населения, проживающего на территории КБАССР на 12 февраля 1942 г.
[УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 3. Л. 35].

№ №п/п	Наименование республики, области, города, организации эвакуируемого населения	Место размещения	Численность эвакуированных
1	Государственный ордена Ленина институт физической культуры имени П.Ф. Лесгафта Московский Художественный и Малы театры Из других республик, областей и городов	г. Нальчик (здания школ) Здание Кабардино-Балкарского государственного педагогического института.	2 478
2	Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена,	Баксанский район, здание Заюковской средней школы	200
3	Детские дома	Баксан	800
4	Из других республик, областей и городов	Районы: Майский	100
		Терский	100
		Баксанский	300
		Эльбрусский	400
		Лескенский	200
	Всего		4578

Как видно из таблицы, эвакуированное население проживало в приспособленных для жилья в зданиях образовательных учреждений, свободных жилых помещениях. Наряду с тем практиковалось подселение на уплотнение жителей квартир и домов. Особое внимание уделялось размещению детей, оставшихся без родителей.

В соответствии с постановлением Совнаркома СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» от 12 февраля 1942 г. СНК КБАССР были образованы республиканская и районные комиссии по устройству эвакуированных детей. Комиссии и исполкомы городских и районных советов трудящихся обеспечили своевременное размещение из приемников-распределителей детей в возрасте до 3 лет включительно в детские учреждения Наркомздрава, до 14 лет – в соответствующие детские учреждения Наркомпроса и старше 14 лет – на работу в промышленных предприятиях и сельском хозяйстве.

Государственные органы, учреждения, предприятия, колхозы и общественные организации оказывали социальную поддержку эваконаселению. По состоянию на 1 марта 1943 г. из 2227 детей школьного возраста, в том числе 800, оставшихся без родителей, было охвачено обучением в школах 1991 [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227. Л. 46, 47].

В январе 1942 г. в республику были эвакуированы воспитанники детских домов. По решению пленума обкома ВКП (б), они были сведены в 4 детских дома с количеством воспитанников 800 человек. Дети, эвакуированные из блокадного Ленинграда, получали дополнительное питание. Коллективы предприятий и учреждений, колхозов и совхозов создавали на добровольных началах фонды помощи эвакуированным, проводили с этой целью специальные месячники и декады, ремонтировали для них квартиры, заготовляли топливо, собирали теплые вещи, постельные принадлежности, посуду, учебники [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227. Л. 46, 47].

Благодаря квалифицированному медицинскому обеспечению работников органов здравоохранения республики и местных партийных и профсоюзных организаций среди эвакуированных детей не было вспышки инфекционных заболеваний.

Вместе с тем анализ архивных документов показал, что городские и районные комиссии по хозяйственному обустройству зачастую формально относились к проблемам эвакуированного населения, ссылаясь на сложности военного времени. К примеру, большинство эвакуированных семей проживало в стесненных условиях, не приспособленных для жилья помещениях и надлежащей помощи в их благоустройстве. И это, как выяснилось при проверке, при наличии значительных свободных площадей [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227. Л. 47, 48].

Кроме того, эваконаселение недостаточно обеспечивалось домашней утварью, отсутствовали свободные места в детских яслях и садах, имелись перебои в организации продажи предметов первой необходимости. Все эти проблемы ограничивали возможность, особенно многодетным, трудиться. Из числа трудоспособных на 12 февраля 1942 г. были трудоустроены только 21,8 % [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 428. Л. 16–26].

В соответствии с распоряжением Совнаркома СССР от 19 декабря 1942 г. и приказом Наркомторга СССР и Центросоюза СССР от 24 декабря 1942 г. эвакуированное население КБАССР получали установленный паек хлеба городских торговых отделах, а в сельской местности через сельпо [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 2 об.].

В результате временной оккупации КБАССР немецко-румынскими войсками документация и переписка о работе отдела СНК республики по хозяйственному устройству эваконаселения не сохранилась.

Эвакуация населения республики накануне оккупации немецко-румынскими войсками республики

С приближением линии фронта к территории Кабардино-Балкарии в г. Тбилиси из Нальчика эвакуировались артисты Московского Художественного и Малого театров, Ленинградский государственный педагогический институт имени А.И. Герцена, уроженцы Сталинграда, Харькова, Одессы, Новороссийска и других городов. В октябре 1942 г. г. Нальчик был оккупирован немецко-румынскими войсками. Последними оставляли город преподаватели и студенты Государственного Ордена Ленина института физической культуры имени П.Ф. Лесгафта. Они покидали республику через горный перевал Главного Кавказского хребта. Новым местом работы Государственного ордена Ленина института физической культуры имени П.Ф. Лесгафта стал город Фрунзе.

Начиная с 9 августа 1942 г. спешно проводилась эвакуация в Грузию работников партийных, государственных, правоохранительных органов республики, их семей и домашнего имущества, которая завершилась в октябре. В докладе секретаря обкома ВКП (б) на Пленуме Областного комитета партии (15 октября 1942 г.) указывалось:

«<…> Эвакуировано главным образом в Закавказье (г.Тбилиси и Баку) и Среднюю Азию (Янгиюль Ташкентская область Узбекская ССР) до 10 октября 1942 г. 1101 человек членов и кандидатов в члены ВКП (б)» [КБ ВОВ 1975: 170].

С 11 августа по 2 сентября 1942 г. эвакуировали через перевал Бечо (высота – 3375 метров над уровнем моря) более 1500 человек, в том числе 600 рабочих и инженерно-технических работников Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината, предприятия оборонного значения, входившего в систему Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР. Переправившихся в Грузию жителей Тырныауза вывозили в Баку. Из Закавказья тырныаузцы направились к берегам Каспийского моря (г. Красноводск), а затем в Среднюю Азию и Сибирь, откуда многие из них были отправлены на Норильский комбинат и в Красноярск, где работали на горнорудных предприятиях [Тетуев 2021:133]. Всего из Кабардино-Балкарии было эвакуировано 7647 человек, в том числе из Нальчика 5800 (75 % от общего числа выехавших граждан), из Прохладненского района – 825 человек, из других районов – 1022 [Тетуев 2021: 131,132].

Эвакуированное население после освобождения Кабардино-Балкарии в 1943–1945 гг.

В период оккупации немецко-фашистские захватчики нанесли значительный ущерб жилищно-коммунальному хозяйству республики. С августа 1942 г. по 10 января 1943 г. оккупанты только в городах Нальчик и Прохладный уничтожили, разрушили и разграбили имущество жилищно-коммунального хозяйства респуб-

лики: жилые дома, здания хозяйственного и другого назначения; сооружения, оборудование и транспортные средства; рабочий и продуктивный скот; топливо, материалы и готовые продукты. Во время оккупации было разрушено 96 муниципальных жилых зданий площадью 29,7 тыс. кв. м. Всего убытки и ущерб по актам Наркомхоза КБАССР составили 17 227 721 руб. [Тетуев 2024: 250].

Огромный ущерб, нанесенный экономике республики во время оккупации, в значительной мере ухудшил жилищно-бытовые условия населения республики, а также и эвакуированных граждан. Следует также учесть, что при распределении государственных средств приоритетными оставались, как и раньше, нужды фронта. В таких условиях одной из главнейших задач явилась мобилизация всех сил, в том числе и эваконаселение, на восстановление экономики и социальной сферы республики. О том, каким потенциалом обладала эта часть населения свидетельствуют следующие данные (см. таб. 2).

Таблица 2.

Численность эвакуированного населения, проживающего на территории КБАССР на 1 августа 1943 г.
[УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 8. Л. 215].

№№ п/п	Наименование города и района	Численность эвакуированных, в том числе						
		Мужчин	Женщин	Детей до 14 лет	Всего	Работает	Не работает	Нетрудоспособные
1	г. Нальчик	97	696	502	1295	757	495	141
2	г. Прохладный	85	289	150	524	154	187	33
3	Прохладненский район	15	87	56	158	50	48	4
4	Нальчикский район	8	46	23	77	18	32	4
5	Майский район	58	269	185	512	217	83	27
6	Прималкинский	15	57	38	110	41	26	5
7	Курпский район	43	88	54	185	111	2	18
8	Терский район	24	128	65	217	49	84	19
9	Лескенский район	7	41	14	62	35	2	11
10	Урванский район	50	192	170	412	81	134	27
11	Баксанский район	26	145	102	273	84	66	21
12	Кубинский район	24	143	106	273	168	1	10
13	Зольский район	25	100	31	156	100	13	11
14	Нагорный район	14	76	41	131	60	24	6
15	Эльбрусский район	11	75	71	157	18	52	16
16	Чегемский район	1	6	5	12	3	12	2
17	Хуламо-Безенгиевский район	2	19	28	49	12	7	2
	Всего	505	2457	1641	4603	1958	1268	357

Анализ таблицы № 2 показывает, что в республике проживали 4603 эвакуированных, в том числе мужчин – 505, женщин – 2457, детей до 14-летнего возраста – 1641. В городской местности проживали 985 чел. и сельской местности 3618 чел. Из числа трудоспособных 50,6 % работали на заводах, фабриках, государственных учреждениях, колхозах и совхозах.

В соответствии с распоряжением Совнаркома СССР от 19 декабря 1942 г. с 1 января 1943 г. разрешено:

«<…>продажу хлеба не только населению не связанному с сельским хозяйство, рабочим, служащим и их иждивенцам, а также эвакуированному населению, проживающему в сельских местностях, по талонам, выдаваемым на 15 дней в соответствии со списками, утвержденными поселковыми и сельскими советами депутатов трудящихся, а учителям и прочим на 1 месяц <…>» [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 2 об.].

Однако проверка, произведенная в ряде областей и Башкирской АССР, выявила существенные недостатки в организации снабжения продуктами питания, обеспечении жильем и трудоустройством эвакуированного населения. В связи с этим в постановлении СНК РСФСР «О состоянии трудового устройства и бытового обслуживания эвакуированного населения» (26 марта 1943 г.) были разработаны мероприятии по устранению указанных ошибок [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–13].

В рамках реализации данного решения СНК КБАССР утвердил «Положение об отделе СНК КБАССР по хозяйственному устройству эвакуированного населения», а также инструкцию о деятельности и задачах городских и районных инспекторов [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–6].

На своих заседаниях исполкомы районных и городских советов депутатов трудящихся систематически обсуждали вопросы по трудоустройству и бытовому обслуживанию эвакуированного населения. Вместе с тем СНК КБАССР заслушивал отчеты руководителей районных и городских исполкомов советов депутатов трудящихся:

«<…> «О ходе выполнения постановления Совнаркома РСФСР от 26 марта 1943 г.: «Об обеспечении и заготовке топлива для эваконаселения» (22 июня 1943 г.), «О состоянии трудоустройства и бытового обслужнвания эваконаселения по Урванскому району» (22 ноября 1943 г.), «О состоянии трудоустройства и бытового обслуживания эваконаселения по гор. Нальчику и Прохладному» (22 декабря 1943 г.) <…> [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 3. Л. 38–40].

Результатом перечисленных обсуждений стало проведение Совнаркомом КБАССР ряда практических мероприятий по улучшению материально-бытовых условий эваконаселения (заготовка и перевозка топлива, ремонт квартир, улучшение медицинского обслуживания, трудоустройство и др.) [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 3. Л. 38–41].

Однако подобное внимание к нуждам эваконаселения не стало нормой. Анализ архивных документов показал, что с июня 1943г. по январь 1944 г. в отдел СНК КБАССР по хозяйственному устройству эвакуированного поступило 192 жалоб, из них 15 по трудоустройству на работу, 16 за несвоевременную выдачу

хлеба, 12 не предоставление квартиры, 132 оказание материальной помощи, 3 отсутствие топлива, 160 выдача талонов на одежду и обувь и др. Удовлетворено 176 заявлений, остальные не удовлетворены из-за отсутствия соответствующих фондов для эвакуированного населения [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–40]. Об этом свидетельствует письмо председателя СНК КБАССР в СНК РСФР от 15 мая 1943 г.:

«В результате оккупации немецкими захватчиками территории нашей республики все государственные и колхозные продовольственные фонды были уничтожены. Эвакуированное население систематически обращается в СНК об оказании продовольственной помощи, но ввиду отсутствия специальных продовольственных фондов для эвакуационного населения, республика лишена возможности оказать помощь остронуждающимся, а потому СНК КБАССР просит Вашего указания о единовременном выделении продовольственного фонда (мука, крупа, и др.) в размере 20 т специально для оказания помощи остронуждающемуся эвакуационному населению [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 23. Л. 2].

Для обеспечения остронуждающего эвакуированного населения в соответствии с распоряжением СНК торговли КБАССР от 11 июня 1943 г. ежемесячно выделяли промтоварные фонды (см. таб. 3.)

Таблица 3.

Ассортимент и размеры промышленных товаров ежемесячно выделяемых остронуждающему эваконаселению в КБАССР

[УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 1. Л. 3].

№№п/п	Наименование товара	Численность товара
1	Обувь мужская, женская и детская	60 пар
2	Платья женские и детские	30 штук
3	Белье мужское, женское, детское	50 пар
4	Чулки дамские и детские	100 пар
5	Носки мужские, дамские и детские	80 пар
6	Свитера мужские, дамские и детские	30 штук
7	Простынь	15 штук
8	Наволочек подушечных и матрацев	20 штук
9	Головные уборы –мужские, дамские и детские	20 штук

Выдачу вышеуказанных промтоваров производили по разовым талонам, которые выдавались отделом хозяйственного устройства эвакуированного населения. Наряду с тем, остронуждающимся эвакуированному населению ежемесячно выделяли:

«100 пропусков в столовые для получения горячей пищи; 30 кг крупы для больных эвакуированных; в специальный хлебный ларек для эвакуированного населения 100 кг печеного хлеба для разовой выдачи по талонам. С 1 июля по 1 декабря 1943 г. оказана материальная помощь эвакуированным гражданам на сумму 32 820 руб.» [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об. – 6; Д. 11. Л. 36].

Для обеспечения топливом семей военнослужащих, инвалидов войны и эвакуированного населения согласно постановлению СНК КБАССР от 22 июня 1943 г. трест Каббалклес, Управление лесами местного значения и Нальчикским гортоп заготовили и вывезли к началу отопительного сезона 30 тыс. куб. м дров [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.-6; Д. 11. Л. 36].

В своем письме эвакуированная учительница К.А. Муравьева писала:

«Все эвакуированное население окружено чуткостью и заботой. Я испытываю большое чувство благодарности за проявленную чуткость ко мне – жертве немецкой оккупации – со стороны отдела устройства эваконаселения при СНК КБАССР. В столь трудный период моей жизни отдел оказал мне материальную помощь, выразившуюся в отпуске денежных средств и талонов на промтовары. Все это – выражение постоянной заботы человеке – самом ценном в жизни. Каждая эвакуированная семья имеет индивидуальный огород, обеспечена квартирой» [УЦГА АС КБР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 11. Л. 9].

Президиум Верховного совета КБАССР (далее – Президиум ВС), обсудив вопрос «О состоянии работы по оказанию помощи эвакуированному населению в Майском районе» (30 августа 1943 г.), отметил:

«В Майском районе проживает 231 эвакуированных семей. Они размещены в станицах Александровская, Ново-Ивановская, Котляревская и в Майском рабочем поселке. Большинство из них работает в колхозах района. Районным отделом государственного обеспечения, эвакуированным семьям военнослужащих, оказана материальная помощь в сумме 19 тыс. рублей. Кроме этого, нуждающимся эвакуированным оказывалась материальная помощь и поддержка продуктами питания, отпускаемыми им из колхозов района» [УЦГА АС КБР. Ф. 282. Оп. 2. Д. 2. Л. 37].

Однако, наряду с примерами успешного решения некоторых проблем эвакуированных граждан, на Президиуме ВС отмечалось:

«<…>Исполком Майского районного совета трудящихся недостаточно внимания уделяет, их трудоустройству. Именно этим объяснялся тот факт, что не все трудоспособные эвакуированные граждане работали, хотя район испытывает недостаток рабочей силы. <…>Не ведется достаточная работа по подготовке к зиме (заготовка топлива, ремонт квартир, заготовка овощей на зиму) [УЦГА АС КБР. Ф. 282. Оп. 2. Д. 2. Л. 37].

В целом, число эвакуированных граждан оставалась высокой, способной оказывать существенное влияние на экономику республики (см. таб.4).

Таблица 4.

Численность эвакуированного населения, проживающего на территории КБАССР на 1 февраля 1944 г.
[УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп1. Д. 8. Л. 291].

№№п/п	Наименование республики, области и города	Численность эвакуированных
1	Белорусская ССР	52

2	Украинская ССР	746
3	Молдавская ССР	11
4	Латвийская ССР	12
5	Литовская ССР	17
6	Эстонская ССР	336
7	Карело-Финская ССР	169
	Крымская АССР	464
.8	г. Ленинград	970
9	Ленинградская обл.	605
10	Мурманская	87
11	Калининская обл.	63
12	Смоленская обл.	52
13	г.Москва	113
14	Московская обл.	169
15	Тульская обл.	11
16	Орловская обл.	28
17	Курская обл.	13
18	Воронежская обл.	15
19	Ростовская обл.	720
	Всего	4653

Всего в начале 1944 г. в республике проживало 4653 чел., в том числе мужчин – 641, женщин – 2484, детей до 14-летнего возраста 1528. В городской местности проживали 2005 чел. и сельской местности 2648 чел. Из числа эвакуированных трудоспособных 2866 чел., трудоустроены – 1673 (56,8 %). На промышленных предприятиях работали 1061, в колхозах и совхозах– 612 чел. В то же время, неустроенными на работу оставалось 1700 человек из числа трудоспособного эвакуированного населения. Объясняется это сокращением детских учреждений, а также окончанием летних полевых работ и отсутствием обуви и одежды [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп1. Д. 8. Л. 290]. Над решением этих задач активно работали восстановленные на местах органы власти [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп1. Д. 3. Л. 37, 38].

Миграционные процессы в 1943–1945 гг.

Миграционные процессы в значительной мере активизировались в 1943-1945 гг. Сразу же, после изгнания оккупантов с территории республики, началась работа по восстановлению разрушенных фашистами промышленных заводов, фабрик, энергетической системы. Для выполнения этой задачи в республике не хватало квалифицированных рабочих, строительных и технических специалистов. В связи с этим, в рамках реализации государственной трудовой политики в

чрезвычайных военных условиях, для восстановления разрушенных в период оккупации предприятий Кабардино-Балкарии (Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината, Баксанской ГЭС, Докшукинского ацетоно-бутанолового завода и др.) были мобилизованы 3500 рабочих и инженерно-технических работников, в том числе из Ставропольского края – 1000, Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Харькова – 500. Поскольку в условиях военного положения передвижение граждан было ограниченно, местные власти и руководители восстанавливаемых предприятий должны были самостоятельно решать проблемы, связанные с приглашением специалистов. Так, СНК КБАССР направил письма в горисполкомы городов Тбилиси, Ташкент, Березники, Соликамск с просьбой разрешить выезд 52 специалистов для восстановления Баксан ГЭС [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 14. Л. 218, 331; Д. 16. Л. 220; Д. 18. Л. 39, 179; Д. 19. Л. 57, 249, 249 об.].

Директор Докшукинского ацетоно-бутанолового завода направил письмо в СНК КБАССР (12 февраля 1943 г.) с просьбой ходатайствовать перед горисполкомом г. Ереван о выдаче разрешения на выезд 10 специалистов для восстановления завода [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 18. Л. 179]. Также остро нуждались в оказании технической помощи и другие промышленные предприятия республики (машиностроительный завод № 4, мясокомбинат, маслозавод, кондитерская фабрика и др.). Потому аналогичные вызовы и разрешения на въезд в г. Нальчик были отправлены нескольким сот специалистам, местным органам власти других городов страны.

Кроме того, как известно, в годы Великой Отечественной войны сотни учителей и медицинских работников ушли на фронт. В связи с этим в школах и лечебных учреждениях республики не хватало квалифицированных учителей и медицинских работников. Поэтому по ходатайству Наркомпроса республики СНК КБАССР только в 1943 г. дал разрешение на въезд в г. Нальчик более 250 учителям, с предоставлением им жилья, для работы в школах республики [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 14. Л. 1153–155; Д. 16. Л. 18–20, Л. 66, 73, 73 об.; Д. 17. Л. 30, 150; Д. 22. Л. 253–257]. К сожалению, даже такая масштабная акция не решила проблемы. К началу 1944/1945 учебного года в школах республики не хватало 509 учителей [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1334. Л. 19–21].

Подобная практика привлечения врачей практиковалась в системе здравоохранения. СНК КБАССР с 1943 г. ежегодно в бюджете предусматривал финансовые средства на погашение расходов, связанных с предоставлением жилья медицинским работникам приезжающих по приглашению из других регионов страны [УЦГА АС КБР. Ф. Р-556. Оп. 2. Д. 4. Л. 87].

Наряду с тем, в республику возвращались инвалиды Великой Отечественной войны. По состоянию на 1 января 1945 г. в республику прибыло 3333 инвалида [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1361. Л. 7]. В основном это были военные, признанные непригодными к строевой службе, отозванные для работы по восстановлению народного хозяйства республики. Типичный пример. В январе 1943 г. СНК КБАССР обратился начальнику Пересыльного пункта Тбилиси при отделе укомплектования кадров с заявлением:

«В 1941 г. Н.А Казаковцев, инженер по лесному хозяйству был призван в ряды Красной Армии. В настоящее время он признан ограниченно годным к нестроевой службе в глубоком тылу. В связи с тем, что народное хозяйство республики нуждается в специалистах лесного хозяйства, просим откомандировать Н.А Казаковцева для использования по специальности» [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 16. Л. 228].

Поэтому конкретному случаю можно судить еще об одном источнике миграции населения в республике.

Реэвакуация населения республики в 1943–1945 гг.

После освобождения республики от оккупантов органами государственной власти КБАССР были приняты соответствующие меры по реэвакуации населения, в том числе рабочих и служащих**,** эвакуированных в период оккупации республики, в Закавказье, Сибирь, Узбекскую и Казахскую ССР и другие регионы страны Разработанный порядок реэвакуации предусматривал: персональный вызов местных органов власти с указанием персональных данных, а так же наличие жилья, работы реэвакуируемых. При согласии органы местной власти предоставляли право на снятие с учета с места жительства (прописки) и пропуск на выезд к месту прежнего проживания. Например, директор Тырныаузского комбината НКВД СССР обратился в СНК КБАССР (10 февраля 1943 г.) с просьбой:

«Направить вызовы в горисполком Красногорска на реэвакуируемых 23 чел., до оккупации работавших на комбинате [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 19. Л. 193].

Другой пример, СНК КБАССР направил обращение (15 апреля 1943 г.) в Управление милиции НКВД г Коканд Ферганской области Узбекской ССР:

«Прошу освободить от работы и выдать разрешение на право получения пропуска на въезд в КБАССР 22-м мобилизованным рабочим [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 18. Л. 145].

Вместе с тем направлялись индивидуальные обращения. Так, СНК КБАССР направил письма с просьбой выдать пропуска на право въезда в порядке реэвакуации в Нальчик в Управление милиции НКВД Рязанской области (Очетовской В.В.), г. Свердловска (Сердеченко К.П., Сердеченко М.П.), г. Новочеркасска (сотрудникам НКВД: Абуталову Ф.Т., Абуталовой Т.Н., Герман М.П. с дочерью Беллой – 12 лет, Локову М.В., Лисицкой М.П. [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 19. Л. 55; Д 29. Л. 29; Д. 21. Л. 116].

Вызовы и разрешение на въезд в г. Нальчик направлялись творческим работникам и студентам, поступивших Кабардино-Балкарский государственный педагогический институт (далее – КБГПИ) из других регионов. Председатель Союза художников республики обратился с письмом в СНК КБАССР (11 октября 1943 г.) с просьбой направить вызов специалистам (5 чел., жилплощадью будут обеспечены) скульптурных мастерских для работы в г. Нальчик [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 14 Л. 267, 267 об.; Д. 19. Л. 44].

В 1945 г. после демобилизации фронтовиков реэвакуация населения усилилась. В деле 36 «Заявления эвакуированных с просьбой о разрешении им въезд в

КАССР и об оказании им материальной помощи» имеются сотни обращений датированные 1944–1945 гг. Например, в СНК Республики обратились с просьбой:

«<…> Выдать право на въезд в Нальчик реэвакуированным семьям демобилиованных: Кичина М.В. (3чел.), Киселева К.А. (2 чел.), Мироникова В.А. (2 чел.), Пайники И.А. (2 чел.), Серякова П.А. (3 чел.), Иванова Д.Д. (3 чел.)» [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 36. Л. 17, 18, 40, 101, 207].

Вместе с тем встречались случаи, когда местные органы власти не давали разрешение на выезд реэвакуируемых. Это подтверждает письмо директора Прималкинского зерносовхоза председателю СНК КБАССР от 23 сентября 1943 г.:

«<…>В течение 5 месяцев не могу вызвать из Петропавловской области Казахской ССР рабочих Прималкинского зерносовхоза, эвакуированных туда в 1942 г., хотя на право их вызова есть согласие Наркомата совхозов и постановление СНК СССР. Прошу Вашего содействия получить разрешение на выезд из Албатыкского мясосовхоза Чкаловского района Петропавловской области нижеследующих рабочих и специалистов–30 человек, в том числе Омельченко, депутат Верховного Совета КБАССР» [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 18. Л. 106, 106 об.].

Наряду с тем, имели место случаи, когда жилье реэвакуированного занято другой семьей. Например, 21 июня 1944 г. в СНК КАССР обратилась жена фронтовика т. Грунская с заявлением:

«<…> В марте 1943 г. я возвратилась из эвакуации г. Тбилиси, однако моя квартира оказалась занятой семьей военнослужащего. <…> В настоящее время я живу в тесненных условиях у знакомых. <…> Прошло более года, но горсовет Нальчика не обеспечил меня квартирой [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1. Д. 34. Л. 27].

Такие случаи не носили единичный характер и становились объектом беспристрастного анализа во властных структурах. Больше в архивах писем благодарственных, свидетельствующих о проявлении чувства взаимопомощи, патриотизма.

Реэвакуация населения в регионы по месту проживания в 1943–1945 гг.

По мере освобождения регионов страны от оккупантов усиливались реэвакуационные настроения населения. К возвращавшемуся на прежнее местожительство человеку предъявлялись ряд требований. Во-первых, чтобы получить специальный пропуск органов НКВД на въезд в город Москву или Ленинград необходимо было иметь там жилье. Во- вторых, исследователь М. Н. Потемкина отмечает:

«<…>Чтобы придать потере прав на жильё реэвакуантами видимость законности, власти ссылались на постановление СНК СССР «Об освобождении жилой площади местных советов и предприятий, занимавшиеся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на восток» от 16 февраля 1942 г. …В нём, в частности, содержался пункт о необходимости регулярного внесения квартплаты, как условия сохранения права на жилплощадь» [Потемкина 2017: 147].

Несмотря на эти ограничения, носившие вынужденный характер, обусловленный требованием военного времени, государство финансировало реэвакуацию граждан. В деле 34 «Переписка граждан о выдаче им вызовов» имеются сотни заявлений о предоставлении пропусков и билетов на право реэвакуации [УЦГА АС КБР. Ф. 785. Оп. 1.Д. 34. Л. 8].

Заключение

В целом, миграционные процессы, связанные с эвакуацией и реэвакуацией населения КБР в годы Великой Отечественной войны носили вынужденный характер. На первом этапе миграция затронула население прифронтовых территорий. Оно было расселено в городах и районах Кабардино-Балкарии, хотя в годы войны в республике был дефицит жилья. Нормированное снабжение продовольственными товарами в основном обеспечивало эваконаселение продуктами питания. Вместе с тем, местные органы власти и общественные организации оказывали материальную и иную помощь остро нуждающимся гражданам и детям. Наряду с тем эваконаселение, как и местные жители, занимались коллективным и индивидуальным огородничеством.

Миграционные процессы в Кабардино-Балкарии имели свои особенности. Они проявились в эвакуации работников партийных, государственных, правоохранительных органов республики, их семей и части населения республики в Закавказье, Среднюю Азию и Сибирь накануне оккупации немецко-румынскими войсками территории региона.

Наряду с тем, после освобождения республики от оккупантов для восстановления экономики и социальной сферы привлекались специалисты, учителя, врачи из других регионов. Реэвакуация населения в Москву, Ленинград и другие регионы завершилась в основном концу 1945 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ВОВ 2013 – Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. – Т. 7. – Экономика и оружие войны. М.: – Кучково поле, 2013. – 864 с.

КБ ВОВ 1975 – Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 795 с.

КБ ТФ 2005 – Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941–1945 (к 60-летию Великой Победы) / сост.: Х.М. Думанов, В.Х. Кажаров, А.И. Тетуев, О.Л. Опрышко. – Нальчик: Эльфа, 2005. – 340 с.

Мелехова 2015 – *Мелехова Ю.А.* Продовольственное обеспечение эвакуированных граждан в 1941 – 1943 годах (на материалах Алтайского края) // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2015. – №2 (29). – С. 148–155.

Потемкина 2005 – *Потемкина М.Н.* Эваконаселение в Уральском тылу: Опыт выживания // Отечественная история. – 2005. – № 2. – С. 86-98.

Потемкина 2017 – *Потемкина М.Н.* Реэвакуация населения СССР в 1943-1947 гг.: социальный и психологический аспекты // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2017. – № 1(250). – С. 142-147.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 166. Д. 660.

Тетуев 2021 – *Тетуев А.И.* Историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (на примере Кабардино-Балкарии). – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2021. – 380 с.

Тетуев 2024 – *Тетуев А.И.* Повседневная жизнь населения в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на примере Кабардино-Балкарии). – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2024. – 415 с.

Толстова 2017 – *Толстова Н.Ю.* Размещение и жизнь эвакуированных граждан в Чувашии в годы Великой Отечественной войны: современная историография и перспективы исследований // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 234–242.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

УЦДНИ АС КБР – *Управление центра* документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Федотов 2003 – *Федотов В.В*. Проблемы реэвакуации населения из Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1943-1947 гг.) // Платоновские чтения: Сб. науч. тр. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. – Вып. VIII. – С. 45-48.

Хакуашев 1978 – *Хакуашев Е.Т*. Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 318 с.

Чернышева 2016 – *Чернышева Н.В*. Социальная поддержка эвакуированного населения в Кировской области в 1941-1945 гг. // Вестник Вятского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 45-50.

Чернышева 2017 – *Чернышева Н.В.* Реэвакуация населения из Кировской области в годы Великой Отечественной войны // Демографический потенциал стран ЕАЭС: Сборник статей. VIII Уральского демографического форума / ответ ред. А.И. Кузьмин. Том I. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН. 2017. – С. 173–177.

Шатилов 2017 – *Шатилов С.П.* Организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов по обеспечению эвакуации населения и материальных ценностей в годы Великой Отечественной войны // Политика и общество. – 2017. – № 2. – С. 97-109.

REFERENCES

CHERNYSHEVA N.V. *Sotsial'naya podderzhka ehvakuirovannogo naseleniya v Kirovskoi oblasti v 1941-1945 gg.* [Social Support for the Evacuated Population in the Kirov Region in 1941-1945]. In: Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 2. – P. 45-50. (In Russ.).

CHERNYSHEVA N.V. *Reehvakuatsiya naseleniya iz Kirovskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Reevacuation of the population from the Kirov region during the Great Patriotic War]. IN: Demograficheskii potentsial stran EAEHS: Sbornik statei. VIII Ural'skogo demograficheskogo foruma / otvet red. A.I. Kuz'min. Vol I. – Ekaterinburg: Institut ehkonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN, 2017. – P. 173–177 (In Russ.).

FEDOTOV V.V. *Problemy reehvakuatsii naseleniya iz Srednego Povolzh'ya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1943-1947 gg.)* [Problems of Re-evacuation of the Population from the Middle Volga Region during the Great Patriotic War (1943-1947)]. IN: Platonovskie chteniya: Sb. nauch. tr. Samara: Izd-vo «Samarskii universiteT», 2003. – Vyp. VIII. – P. 45-48. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: sbornik dokumentov i materialov [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War of 1941-1945: collection of documents and materials]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1975. – 795 p. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya: Tyl i front 1941–1945 (k 60-letiyu Velikoi Pobedy) [Kabardino-Balkaria: Rear and Front 1941-1945 (for the 60th anniversary of the Great Victory)] / sost.: KH.M. Dumanov, V.KH. Kazharov, A.I. Tetuev, O.L. Opryshko. – Nal'chik: Ehl'fa, 2005. – 340 p. (In Russ.).

KHAKUASHEV E.T. *Kabardino-Balkarskaya ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*[Kabardino-Balkarian ASSR during the Great Patriotic War]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1978. – 318 p. (In Russ.).

MELEKHOVA YU.A. *Prodovol'stvennoe obespechenie ehvakuirovannykh grazhdan v 1941 – 1943 godakh (na materialakh Altaiskogo kraya)* [Food provision of evacuated citizens in 1941-1943 (based on the materials of the Altai Territory)]. In: Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «IstoriYA». – 2015. – № 2 (29). – P. 148–155. (In Russ.).

POTEMKINA M.N. *Ehvakonaselenie v Ural'skom tylu: Opyt vyzhivaniya*[Evacuation population in the Ural rear: Survival experience]. In: Otechestvennaya istoriya. – 2005. – № 2. – P. 86-98. (In Russ.).

POTEMKINA M.N. *Reehvakuatsiya naseleniya SSSR v 1943-1947 gg.: sotsial'nyi i psikhologicheskii aspekty* [Reevacuation of the population of the USSR in 1943-1947: social and psychological aspects]. IN: Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. – 2017. – № 1(250). – P.42-147. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History] (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History] (In Russ.).

SHATILOV S.P. *Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po obespecheniyu ehvakuatsii naseleniya i material'nykh tsennostei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Organizational and legal framework for the activities of law enforcement agencies to ensure the evacuation of the population and material assets during the Great Patriotic War]. IN: Politika i obshchestvo. – 2017. – № 2. – P. 97-109. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Istoricheskaya pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. (na primere Kabardino-Balkarii)* [Historical memory of the Great Patriotic War of 1941-1945 (using Kabardino-Balkaria as an example)]. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print TsentR», 2021. – 380 p. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Povsednevnaya zhizn' naseleniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg. (na primere Kabardino-Balkarii)* [Everyday life of the population during the Great Patriotic War of 1941-1945 (using Kabardino-Balkaria as an example)]. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print TsentR»,, 2024. – 415 p. (In Russ.).

TOLSTOVA N.YU. *Razmeshchenie i zhizn' ehvakuirovannykh grazhdan v Chuvashii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: sovremennaya istoriografiya i perspektivy issledovanii* [Accommodation and life of evacuated citizens in Chuvashia during the Great Patriotic War: modern historiography and research prospects]. IN: Vestnik Chuvashskogo universiteta – 2017. – № 4. – P 234–242. (In Russ.).

Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Administration of the Central State Archives of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (In Russ.).

Upravlenie tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Administration of the Center for Documentation of Contemporary History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (In Russ.).

Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. V 12 t. T. 7. Ehkonomika i oruzhie voiny. [The Great Patriotic War of 1941-1945. In 12 volumes. Volume 7. Economy and weapons of war]. – M.: Kuchkovo pole, 2013. – 864 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Тетуев – доктор исторических наук.

Information about the author

A.I. Tetuev – Doctor of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 19.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 19.12.2025; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

УДК 94:329(47+57)
Научная статья
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-95-103
EDN: IJLJCY

НУХ БЕРЗЕГОВ: НА СЛУЖБЕ НАРОДУ

Юрий Асланбиевич Яхутль[1], **Валерий Васильевич Касьянов**[2], **Разиет Юсуфовна Басте**[3]
[1, 2, 3] Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
[1] a075ca@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6750-4110
[2] culture@kubsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9844-1802
[3] raz.baste@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-3365-5771

Аннотация. Статья посвящена известному государственному и партийному деятелю Адыгейской автономной области Нуху Асланчериевичу Берзегову, который с 1960 г. по 1983 г. возглавлял областной комитет КПСС. Его организаторский талант выразился в достигнутых результатах социально-экономического развития области. Отмечено, как гармонично сочетались в нем личностные и деловые качества. Деятельность Н.А. Берзегова как руководителя региона определялась спецификой событий, в которых он принимал участие, идеологическим влиянием коммунистической партии СССР и особенностями исторического развития Адыгейской автономной области. Как региональная историческая личность он являлся характерным представителем своей эпохи и общества, в котором жил и созидал. На основе анализа архивных материалов и воспоминаний его коллег авторы исследуют значимые события, произошедшие в социально-экономическом развитии Адыгеи в указанный период. Изучены реализованные экономические проекты и их социальные последствия.

Ключевые слова: Адыгея, Берзегов, Майкоп, партия, персональная история, пятилетка, регион, социально-экономическое развитие, промышленность, культура.

Для цитирования: Яхутль Ю.А., Касьянов В.В., Басте Р.Ю. Нух Берзегов: на службе народу // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 95-103. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-95-103. EDN: IJLJCY.

© Яхутль Ю.А, Касьянов В.В., Басте Р.Ю., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

NUKH BERZEGOV: IN THE SERVICE OF THE PEOPLE

Yuri A. Yakhutl[1], **Valery V. Kasyanov**[2], **Raziet Y. Baste**[3]
[1, 2, 3] Kuban State University, Krasnodar, Russia
[1] a075ca@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6750-4110
[2] culture@kubsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9844-1802
[3] raz.baste@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-3365-5771

Abstract. This article is dedicated to Nukh Aslancherievich Berzegov, a renowned state and party figure in the Adygea Autonomous Region, who headed the regional committee of the CPSU

from 1960 to 1983. His organizational talent was reflected in the results achieved in the socioeconomic development of the region. It is noted how harmoniously his personal and professional qualities combined. Berzegov's activities as a regional leader were determined by the specific events in which he participated, the ideological influence of the Communist Party of the USSR, and the particular historical development of the Adygea Autonomous Region. As a regional historical figure, he was a characteristic representative of his era and the society in which he lived and created. Based on an analysis of archival materials and the memoirs of his colleagues, the authors examine significant events that occurred in the socioeconomic development of Adygea during this period. Implemented economic projects and their social consequences are examined.

Keywords: Adygea, Berzegov, Maikop, party, personal history, five-year plan, region, socioeconomic development, industry, culture.

For citation: Yakhutl Y.A., Kasyanov V.V., Baste R.Yu. Nukh Berzegov: in the service of the people. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 95-103. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-95-103. EDN: IJLJCY.

© Yakhutl Y.A., Kasyanov V.V., Baste R.Yu., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

История – это люди, которые её делают. Время безжалостно опровергает или утверждает новые догмы, но неизменным остаётся память, позволяющая в новом ключе интерпретировать проблему «человек в истории». В статье представлены результаты научных поисков, связанных с изучением жизненного пути Нуха Асланчериевича Берзегова. Предметом исследования выступает не только историческая действительность 1960-х – 1980-х гг., но и та современность, в которой сохранялась социальная и культурная память о нем. В статье применён историко-генетический метод, который позволил показать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития, а исторические события и личность охарактеризовать в их индивидуальности и образности. Актуальность статьи обусловлена отсутствием исследований о важнейших этапам становления Н.А. Берзегова как регионального руководителя и результатов его деятельности.

Российская историческая наука активно практикует включение в контекст истории биографии личностей, которые своей деятельностью во многом смогли предопределить развитие регионов на десятилетия вперёд. Они внесли существенный вклад в политическую, социально-экономическую, духовную жизнь как страны в целом, так и отдельных ее регионов. Авторы согласны с тем, что «персональная история изучает личность во всем ее многообразии, ее «действия и поступки» в условиях социально-политической повседневности того или иного периода микроистории» [Салтык 2023: 69]. Концепция «новой биографической истории» стала перспективным направлением современных исследований [Репина 1999; Репина 2011; Соколов 2005]. Новый тип биографии, по мнению исследователей, должен отражать историю жизни конкретного человека, раскрывать особенности развития общества, в котором он жил и характеризовать специфику их взаимоотношений. Объектом подобного исследования выступает историческая действительность.

В реализации задач персональной истории важное значение имеет выработка адекватных источниковедческих подходов, которые базируются на понимании исторического источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности [Кцоева 2012: 75]. Главными источниками при изучении государственной деятельности Н.А. Берзегова стали документы Национального архива Республики Адыгея, опубликованные воспоминания соратников и коллег [Твой сын… 2001; Шеуджен и др. 1998], а также его научные работы и воспоминания [Берзегов 1968; Берзегов 2000].

В представленной статье авторы обращаются к личности Берзегова Нуха Асланчериевича, который 23 года возглавлял Адыгейскую автономную область с 1960 г. по 1983 г. Именно в этот период Адыгея достигла наивысших успехов в своём экономическом, социальном и культурном развитии советского периода.

Родился Н.А. Берзегов 30 ноября 1925 г. в многодетной семье в ауле Бжедухабль Адыгейской автономной области. По воспоминаниям самого Нуха Асланчериевича, в ауле мирно проживали адыги, русские, украинцы, греки, болгары [Твой сын… 2001: 10], что во многом предопределило его взгляды и принципы на развитие многонационального населения Адыгеи. Особо отмечает роль бабушки Фатимет Сальменовны в его воспитании. В его словах звучит искренняя любовь, уважение, благодарность: «Бабушка была женщиной редкой красоты, отличалась умением убеждать своих собеседников, обаятельная, скромная, обладавшая незаурядным природным интеллектом… Именно бабушка привела мне чувство уважения к людям различных национальностей, которое сохранилось на всю жизнь» [Твой сын… 2001: 10–12]. Самые светлые воспоминания сохранялись в памяти Н.А. Берзегова о годах обучения в родной сельской школе и первых учителях. Это предвоенное время 1930-х гг. отмечено новыми событиями в истории адыгов, переживавших культурный и социальный подъем в условиях социалистической модернизации. Но начавшаяся Великая Отечественная война изменила судьбы многих молодых людей СССР, в том числе и Н.А. Берзегова, который в феврале 1943 г. в 17 лет со своими школьными друзьями ушёл на фронт. Колоритная личность Н.А. Берзегова, его лидерские качества, способности сформировались именно в период Великой Отечественной войны.

В августе 1946 г. он вернулся в родной аул в офицерском кителе гвардии лейтенанта, на котором было два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени и главная солдатская награда – медаль «За отвагу». Н.А. Берзегов вернулся к мирной жизни и к самому мирному труду – педагогическому. В 1948 г. он закончил Майкопский учительский институт и уехал в аул Ходзь, где работал учителем истории и директором школы. Как человек целеустремлённый, он не мог ограничиться лишь одним вузом и в последующем продолжил обучение в Краснодарском педагогическом институте (1951 г.) и Кубанском сельскохозяйственном институте (1968 г.).

Его биография мало отличается от судеб молодых адыгов того времени, преданно и честно трудившихся во имя процветания и благополучия многонационального советского народа. Политика коммунистов по формированию советского типа человека, активно реализовавшаяся в 1930-х гг., выступала идеологи-

ческим обоснованием ориентирования народных массы на строительство социализма, а существовавшая система подбора и расстановки советских и партийных кадров выявляла способных, грамотных, одарённых, обладавших организаторскими способностями молодых коммунистов и выдвигала их на руководящие должности. Организаторские способности и человеческие качества Н.А. Берзегова не могли быть незамеченными. С 1952 г. по 1960 г. Нух Асланчериевич был на различных руководящих должностях в советских и партийных органах Адыгейской автономной области. Но затем в судьбе Н.А. Берзегова произошёл крутой поворот: его избрали заместителем председателя областного исполнительного комитета, а затем секретарём обкома партии. Апогеем карьеры Н.А. Берзегова стало избрание его на должность первого секретаря Адыгейского областного комитета КПСС.

Твой сын, Адыгея

Итак, 26 марта 1960 г. в возрасте 35 лет Н.А. Берзегов возглавил областную партийную организацию и последующие 23 года он – лидер области, яркий личный пример беззаветного служения интересам Отечества и глубокой преданности своему народу. Небывалые в истории Адыгейской автономной области по глубине и интенсивности социально-экономические преобразования, духовное развитие многонационального народа было во многом реализовано благодаря неутомимой энергии и колоссальной работоспособности Нуха Асланчериевича.

Годы работы во главе Адыгеи пришлись, когда в СССР происходили значительные изменения, связанные с реформами Н.С. Хрущёва, а затем Л.И. Брежнева. Страна планомерно наращивала экономический потенциал, динамично развивалась и Адыгейская автономная область. Нух Асланчериевич возглавил область во второй год семилетки, времени «оттепели» – относительной либерализации внутренней политики СССР. Однако реализуемые реформы в начале 1960-х гг. оказались непоследовательными и логическим их завершением стала смена руководства КПСС на октябрьском пленуме 1964 г. Наступила эпоха брежневских преобразований, в основе которой была стабильность и коллективное руководство [Вдовин 2019: 429, 526]. Учитывая столь сложные внутрипартийные перестановки в КПСС и изменения внутриполитического курса, необходимо отметить высокие профессиональные качества, умелое руководство Н.А. Берзегова, который продолжал упорно и ответственно работать на благо Адыгеи.

На пленуме, где Нуха Асланчериевича избрали первым секретарём, подводились промежуточные итоги развития сельского хозяйства, как основного сектора экономики ААО. В докладе областного комитета партии было отмечено неудовлетворительное состояние сельского хозяйства особенно животноводческой отрасли. Необходимо было навести надлежащий порядок в откорме и выращивании крупного рогатого скота, повсеместно обеспечить массовое выращивание всех видов птиц и тем самым добиться выполнения планов по производству и продаже государству мяса. Колхозы и совхозы области отставали по производству молока от средних показателей по Краснодарскому краю. И это притом, что поголовье коров за период 1959/60 гг. выросло на 7900 голов, но валовый надой молока уменьшился [НАРА. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 70. Л. 65]. Областная партийная

организация брала всю ответственность на себя за существующие недостатки в аграрном секторе экономики, который по-прежнему оставался доминирующим в области. В такой сложной для региональной экономики обстановке Нуха Асланчериевича избрали первым секретарём обкома КПСС, освободив от занимаемой должности Чундокова Ибрагима Сагидовича. Следует отметить, что организационный вопрос на повестке дня пленума стоял вторым после доклада о социально-экономическом развитии, где прозвучало достаточно много критики. Такая чисто советская практика часто применялась при смене партийного руководства.

В те годы партийный лидер региона отвечал за весь народнохозяйственный комплекс, культурное развитие, ему подчинялись силовые и надзорные органы. На заседании областного бюро рассматривались все значимые вопросы развития области. Первый секретарь областного комитета КПСС, который возглавлял бюро обкома, как лидер нёс всю полноту ответственности за принимаемые решения перед партактивом области и вышестоящими органами. Созидательная работа на благо жителей Адыгеи набирала обороты и требовала неимоверного приложения сил и умений, где несомненно пригодился накопленный производственный, партийный и жизненный опыт Н.А. Берзегова.

В ноябре 1963 г. состоялась XX Адыгейская областная партийная конференция, которая проходила в условиях принятой новой программы партии на XXII съезде. Отчётный доклад первого секретаря обкома партии содержал убедительные факты начавшегося регионального промышленного роста на 43 %. Развитие областной промышленности происходило на основе активного использования новой техники и внедрения передовых технологий, комплексной механизации и автономизации производственных процессов. Особо подчёркивались достижения в жилищном строительстве. Общий объём капитальных вложений в эту отрасль вырос на 60 %. Если в 1959 г. было введено в эксплуатацию 20,5 тыс. м² жилой площади, то в 1962 г. этот показатель достиг 40,6 тыс. м² Широкое распространение получило крупнопанельное домостроение. В социальной и культурной сферах был осуществлён ощутимый прорыв: построены школьные здания на 3 800 учащихся, Дома культуры в аулах Понежукай и Шовгеновск, с. Красногвардейском, кинотеатры в а. Кошехабль, ст. Гиагинской и г. Майкопе; введены в эксплуатацию областная библиотека, центральный универмаг, здание лесотехнического техникума и педагогического института, детские сады и ясли на 980 мест. Успешно газифицировался жилой фонд столицы Адыгеи. Значительные работы были проведены по электрификации и газификации села. Повысилась техническая оснащённость колхозов и совхозов. В среднем на один колхоз приходилось до 50 тракторов, 15 зерновых комбайнов, 20 грузовых автомобилей и различных сельскохозяйственных орудий [НАРА. Ф. П. 1. Оп. 5. Д. 254. Л. 7, 8, 11].

По итогам семилетнего развития в Адыгейской автономной области вступили в строй шпагатно-верёвочная фабрика, целлюлозно-картонная фабрика, Ханская птицефабрика, цех древесно-стружечных плит на мебельном комбинате, холодильники на Адыгейском консервном комбинате, Хатукайском и Майкопском консервных заводах. За эти годы введено в строй 187 тыс. м². жилой

площади, школ на 6 420 ученических мест, больниц на 900 койко-мест. Проведена значительная работа по строительству и ремонту дорог, газификации предприятий, культурно-бытовых учреждений и квартир. На селе построили 192 животноводческих помещения, 106 культурно-бытовых объектов, 85 производственно-хозяйственных сооружений. Прибыль в колхозах и совхозах увеличилась в 3,5 раза и составила 24 млн руб. Произошло коренное техническое перевооружение: за период с 1963 г. по 1965 г. селяне получили 515 тракторов, 373 грузовые автомашины и 207 зерновых комбайнов. В среднем на одно хозяйство приходилось уже 78 тракторов и 28 грузовых автомашин. Одной из главных задач было повышение материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов. Так средняя стоимость одного человека-дня возросла в 2 раза [НАРА. Ф. П-1. Оп. 15. Д. 1. Л. 11, 14].

Новый курс в стране был определён в 1965 г., когда прошли пленумы ЦК КПСС – в марте, посвящённый развитию сельского хозяйства и в сентябре, определивший основные направления в обновлении промышленности. Последствия этих решений нашли своё отражение и в реализации планов социально-экономического развития Адыгеи, где достаточно молодой, но уже авторитетный лидер областной партийной организации смог мобилизовать силы и средства для достижения поставленных целей.

В период девятой пятилетки (1971–1975 гг.) капитальные вложения в развитие народного хозяйства области составили 467 млн. р. Это на 29 % больше, чем за годы восьмой пятилетки. Ввод основных фондов возрос на 40 %. Были сданы в эксплуатацию Ульский пенькозавод, авторемонтный завод, главный производственный корпус завода «Промсвязь», кондитерская фабрика, первая очередь троллейбусной линии г. Майкопа. В сельском хозяйстве значительно увеличилось производство зерновых, достигнув рекордных показателей 1 млн. 163 т. Многократно возросла техническая оснащённость аграрного сектора экономики; колхозы и совхозы получили 2 000 тракторов, 757 грузовых автомобилей, свыше одной тысячи комбайнов. За пятилетку построили 728 тыс. м², газифицировали 37 тыс. квартир, в том числе в сельской местности свыше 24 тыс. Этот показатель был отмечен впервые в отчётном докладе областного комитета партии. За пять лет ударного труда труженики Адыгеи построили 25 новых школ на 17,7 тыс. учеников, 25 дошкольных учреждений, 18 больниц, отделений и поликлиник. Широкое развитие получили физическая культура и спорт [НАРА. П-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 13, 17, 20].

К концу 1970-х гг. были введены в эксплуатацию мощности на заводах: редукторном, «Станконормаль», «Точрадиомаш», начато строительство драматического театра, Майкопского группового водопровода, телевизионного ретранслятора и других значимых для Адыгеи объектов социального назначения. Продолжилось укрепление материально-технической базы сельского хозяйства. Было построено новых школ на 5 тыс. ученических мест, детских дошкольных учреждений на 2 525 мест. Улучшилось медицинское обслуживание населения. Спортивные организации Адыгеи воспитали 8 чемпионов мира и Европы и 15 чемпионов СССР. В области ввели в эксплуатацию более 400 тыс. м² жилья [НАРА. П-1. Оп. 24. Д. 4. Л. 18, 29, 32]. За годы десятой пятилетки в области

было введено в эксплуатацию свыше 20 новых предприятий и объектов. Объем промышленного производства в Адыгеи вырос на 17,5 % [НАРА. Ф. П-1 Оп. 26. Д. 4. Л. 9].

Достижения Адыгеи за эти годы во многом были обусловлены принципиальной позицией руководителя области. По воспоминаниям коллег по работе, друзей, Н.А. Берзегов умел принимать нестандартные решения, мог проявить стойкость и отставить свои взгляды и решения на различных уровнях партийной и государственной власти. Вот как об этих годах вспоминает один из тех членов партийно-хозяйственного актива ААО К.М. Дзыбов, работавший с Н.А. Берзеговым: «Я был свидетелем и участником разговоров в Москве в разных министерствах, других центральных структурах, когда люди, приезжавшие по обмену опытом из других городов страны удивлялись и восхищались реальным производством нашего города (г. Майкоп), эффективностью его работы. Нух Асанчериевич прекрасно знал ситуацию и грамотно управлял городом» [Дзыбов 2017: 6].

В качестве примера можно обратиться и к такому факту как решение правительства СССР о строительстве атомной электростанции в районе станицы Даховской, поскольку позиция Н.А. Берзегова во многом предопределила судьбу проекта и повлияла на окончательное решение правительства о переносе строительства АЭС [Твой сын…2001: 205].

Но это не означало, что областное партийное руководство во главе с Н.А. Берзеговым не замечало недостатки в развитии народнохозяйственного комплекса региона. Все возрастающие потребности народного хозяйства требовали от руководителя области напряжения сил, определения приоритетов развития и сохранения высоких темпов роста. Личность такого масштаба действовала, сообразуясь с обстоятельствами, подчиняясь воле партии, но при этом отстаивал интересы области и её жителей. Через год после смерти Л.И. Брежнева, в декабре 1983 г. Н.А. Берзегов был освобождён от занимаемой должности первого секретаря Адыгейского областного комитета КПСС и в его судьбе начался новый этап, как в целом и в истории СССР.

Заключение

За период руководства областной партийной организацией Н.А. Берзегов сыскал огромное уважение однопартийцев и жителей Адыгеи. Автономная область пережила этап качественной модернизации региональной экономики и социальной сферы. В представленной статье лишь небольшая часть ратного труда человека, посвятившего себя служению Родины. Жизнь и деятельность Н.А. Берзегова была яркой иллюстрацией советской действительности. Он сформировался как личность в трудные 1930–1940-е гг., когда в Адыгее появилась новая плеяда национальных кадров, которые вместе с ним успешно решали сложные задачи социально-экономического развития региона. Его организаторские способности и личные качества как лидера Адыгеи во многом способствовали улучшению качества жизни жителей автономии. Под его руководством команда единомышленников смогла реализовать значимые проекты, которые сохраняют свою актуальность и в наши дни. Изучение опыта работы Н.А. Берзегова в госу-

дарственной сфере остаётся востребованной и сохраняет своё значение для современных руководителей. Жизнь и деятельность Нуха Асланчериевича Берзегова представляет реальный пример нового социального лифта, позволившего адыгам участвовать в процессе коренных социально-экономических преобразований, не только в качестве её рядовых исполнителей, но организаторов и руководителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Берзегов 1968 – *Берзегов Н.А*. Главный хлеб Адыгеи. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1968. – 84 с.

Берзегов 2000 – *Берзегов Н.А*. Дороги моей судьбы… – Майкоп: Адыгея, 2000 – 176 с.

Вдовин 2019 – *Вдовин А.И*. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). – Москва: РГ-Пресс. 2019. – 768 с.

Дзыбов 2017 – *Дзыбов К.М.* Выдающийся адыг // Литературная Адыгея. – 2017. – № 3. – С. 3–10.

Кцоева 2012 – *Кцоева С.Г.* Персональная история как метод исследования научных взглядов Карла Ясперс // Альманах современной науки и образования – 2012. – № 3 (58). – С. 74–75.

НАРА – Национальный архив Республики Адыгея.

Репина 1999 – *Репина Л.П.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. – 1999. – Т. 2. – С. 76-10.

Репина 2011 – *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальная теория и историографическая практика. – Москва: Кругъ, 2011 – 560 с.

Салтык 2023 – *Салтык Г.А.* Историческая персонология российских регионов: историография и источники // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2023. – № 4 (68) – С. 69–77.

Соколов 2005 – *Соколов А.С.* Биография в истории: проблемы и перспективы // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. – 2005. – С. 4-11.

Твой сын… 2001 – *Твой сын, Адыгея*. / сост. А.М. Гадагатль, П.Е. Придиус. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. – 352 с.

Шеуджен и др. 1998 – *Шеуджен А.Х, Трахов Э.М., Шеуджен Б.Е.* Земли Адыгов достойный сын. – Краснодар, 1998 – 26 с.

REFERENCES

BERZEGOV N.A. *Glavnyi khleb Adygei.* [The main bread of Adygea]. – Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968. – 84 p. (In Russ.).

BERZEGOV N.A. *Dorogi moei sud'by…* [The roads of my destiny…]. – Maikop: Adygeya, 2000 – 176 p. (In Russ.).

VDOVIN A.I. *SSSR. Istoriya velikoi derzhavy (1922–1991 gg*.) [the USSR. The history of the Great Power (1922–1991)]. – Moscow: RG-Press. 2019. – 768 p. (In Russ.).

Dzybov K.M. *Vydayushchiisya adyg* [An outstanding Adyg]. IN: Literaturnaya Adygeya. – 2017. –№ 3. – P. 3–10. (In Russ.).

KTSOEVA S.G. *Personal'naya istoriya kak metod issledovaniya nauchnykh vzglyadov Karla Yaspers* [Personal history as a method of researching the scientific views of Karl Jaspers]. IN: Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. – 2012. – № 3 (58). – P. 74–75. (In Russ.).

Nacional'nyj arhiv Respubliki Adygeya [The National Archive of the Republic of Adygea]. (In Russ.).

REPINA L.P. *«Personal'naya istoriya»: biografiya kak sredstvo istoricheskogo poznaniya* ["Personal history": biography as a means of historical knowledge]. IN: Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii. – 1999 – T. 2 – P. 7–13. (In Russ.).

REPINA L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv. Sotsial'naya teoriya i istoriograficheskaya praktika*. [Historical science at the turn of the XX–XXI centuries. Social theory and historiographical practice]. – Moscow: "Krug", 2011 – 560 p. (In Russ.).

SALTYK G.A. *Istoricheskaya personologiya rossiiskikh regionov: istoriografiya i istochniki* [Historical personology of Russian Regions: historiography and Sources]. IN: Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2023. – № 4 (68) – P. 69–77. (In Russ.).

SOKOLOV A.S. *Biografiya v istorii: problemy i perspektivy* [Biography in history: problems and prospects]. IN: Retrospektiva: Vsemirnaya istoriya glazami molodykh issledovatelei. – 2005. – № 1. – P. 4–11. (In Russ.).

Tvoi syn, Adygeya. [Your son, Adygea.] / sost. Gadagatl' A.M, Pridius P.E. – Maikop: GURIPP «Adygeya», 2001. – 352 p. (In Russ.).

SHEUDZHEN A.KH, TRAKHOV E.M., SHEUDZHEN B.E *Zemli Adygov dostoinyi syn.* [Adygov is a worthy son] – Krasnodar: 1998 – 26 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Ю.А. Яхутль – доктор исторических наук, доцент.

В.В. Касьянов – доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор.

Р.Ю. Басте – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

Y.A. Yakhutl – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor.

V. V. Kasyanov – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor.

R. Yu. Baste – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 16.01.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Этнология, антропология и этнография

Научная статья
УДК 391.2+391.4+392.51
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-104-122
EDN: IMSLMR

ЭЛЕМЕНТЫ ЖЕНСКОГО СВАДЕБНОГО ИНГУШСКОГО КОСТЮМА: ТРАДИЦИИ И ПРАКТИКИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Алёна Александровна Халухаева
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, alzakharova06@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0000-5099-630X

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению существовавших традиций и появившихся практик, включающих использование элементов женского свадебного ингушского костюма: платья невесты («чокхи»), нагрудника, пояса и традиционной шапочки на протяжении XX и в начале XXI в. За этот период традиция передачи свадебного наряда незамужней золовке, как части свадебного дарообмена, проходит путь от активной реализации до полного исчезновения из-за появления коммерческого проката платьев. Серебряные нагрудник и пояс, а также шапочка передавались из поколения в поколение, являлись частями новообразовавшихся внутрисемейных традиций; они также могли безвозмездно одалживаться на время свадьбы. Отмечается влияние экономического фактора на данные процессы, который в последепортационное время порождает возникновение коммерческой аренды элементов свадебного костюма. К 2010-м гг. в связи с появлением доступных и дешевых аналогов таких элементов костюма, существовавшие практики взаимодействия с этими вещами прекратили существование. В статье приводятся цитаты из интервью, которые были собраны в Ингушетии и в г. Москва в 2020-2025 гг.

Ключевые слова: традиционный свадебный костюм, ингуши, нагрудник, пояс, чокхи, прокат платьев, свадебный дарообмен

Для цитирования: Халухаева А.А. Элементы женского свадебного ингушского костюма: традиции и практики XX – начала XXI века // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 104-122. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-104-122. EDN: IMSLMR.

© Халухаева А.А., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

ELEMENTS OF INGUSH WOMEN'S WEDDING COSTUME: TRADITIONS AND PRACTICES OF THE 20TH – BEGINNING OF THE 21ST CENTURIES

Alena A. Khalukhaeva
Kabardino-Balkarian scientific center of Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alzakharova06@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0000-5099-630X

Abstract. This article examines existing traditions and emerging practices involving the use of elements of Ingush women's wedding costume: the bride's dress ("chokhi"), chest decoration, belt and traditional hat, throughout the 20th and early 21st centuries. During this period, the tradition of passing on a wedding dress to an unmarried sister-in-law as part of a wedding gift exchange went from active implementation to complete disappearance due to the emergence of commercial dress rentals. The metal chest decoration, belt and hat were passed down from generation to generation and made a part of newly formed family traditions; these elements of traditional costume could also be loaned free of charge for weddings. The influence of economic factors on these processes is noted, leading to the emergence of commercial rentals of wedding costume elements in the post-deportation period. By the 2010s, due to the emergence of affordable and accessible alternatives to these costume elements, existing practices of interaction with these items ceased to exist. The article contains quotes from interviews conducted in Ingushetia and Moscow in 2020–2025.

Key words: traditional wedding dress, Ingushes, chest decoration, belt, chokhi, dress rental, wedding gift exchange

For citation: Khalukhaeva A.A. Elements of ingush women's wedding costume: traditions and practices of the 20th – beginning of the 21st centuries. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 104-122. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-104-122. EDN: IMSLMR.

© Khalukhaeva A.A., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Во все времена свадебное торжество для кавказской девушки было крайне важным событием: это её переход в новый статус внутри семьи, новые родственные связи, новое положение в обществе с вытекающими из этого правами и обязанностями. Понимая важность этого мероприятия, уделялось немало времени подготовке свадебного наряда, являющегося разновидностью праздничного, ведь он обладал особыми характеристиками и смыслами, т.к. «участвовал» в реализации обрядов свадебного цикла.

Отношение к свадебному наряду у народов Северного Кавказа имело различия. У адыгов этот вид одеяния считался особенным: такое платье было наполнено энергетикой семьи, поэтому его передавали от матери к дочери[1]. В горном Дагестане среди хунзахцев такое платье как одна из главных семейных реликвий также передавалась девушкам из поколения в поколение по материнской линии[2]. По существовавшему обычаю у балкарцев невесту наряжали в то платье, которое привозил с собой жених: при его финансовом достатке помимо платья девушке передавался полноценный наряд, включая шапочку, пояс, нагрудник, платок, обувь и украшения; если жених был среднего достатка, то невеста получала лишь свадебное платье; в случае, если молодой человек не имел достаточных средств, то невесте передавалось платье, взятое на время торжества с дальнейшим возвращением. Однако в конце 1980-х гг. этот обычай уже вышел из обихода [Кудаев 1988: 51]. Соответственно, свадебный наряд девушки, который оставался у неё, бережно хранили, он был символом новой жизни, а платья-реликвии могли передаваться по наследству или использоваться в качестве приданого.

[1] Сасикова М. Мода на века: почему на Кавказе девушки предпочитают свадебные платья в стиле этно? // Электронный ресурс. Режим доступа: https://mir24.tv/articles/16497695/moda-na-veka-pochemu-na-kavkaze-devushki-predpochitayut-svadebnye-platya-v-stile-etno# (дата обращения: 25.12.2025).
[2] Ахмедова М. Угадал-не угадал, или Как женятся тлайлухцы // Дагестанская правда, 2020. №118. С. 4.

У ингушских и чеченских невест в прошлом существовала традиция дарить свое свадебное платье незамужней золовке. З.И. Хасбулатова пишет, что «чеченские невесты выбирала наиболее подходящие вещи для «одаривания» родственниц мужа, что считалось «хорошим тоном». Этим актом они как бы «роднились» с женщинами новой семьи, располагали их к себе. Если же у мужа была незамужняя сестра, то ей дарилось свадебное платье – гІабли» [Хасбулатова 2011: 174]. Ф.И. Кудусова, З.М. Долакова отмечают, что особенно тщательно готовили для ингушской невесты свадебный наряд, платье чокхи, которое после свадьбы невеста дарила незамужней сестре мужа или сохраняла как память о свадьбе» [Кудусова, Долакова 2013: 253-254].

Целью настоящей статьи является подробное исследование данной традиции у ингушей, а также рассмотрение практик, связанных с использованием отдельных элементов свадебного ингушского костюма на протяжении XX – начала XXI вв.

Актуальность темы. Национальный костюм является крайне важной частью материальной культуры любого народа. Его исследование и трансляция следующим поколениям складывавшихся веками смыслов, вложенных в каждый его элемент, являются приоритетными задачами для специалистов. Среди этнографов XX-XXI вв. к изучению женского традиционного ингушского костюма второй половины XIX– начала XX вв. обращались Е.Н. Студенецкая [Студенецкая 1989; 1985], М.С.-Г. Албогачиева [Албогачиева 2008; Албогачиева, Махмудова 2015], Л.Т. Агиева [Агиева 2017], А.А. Халухаева [Халухаева 2022; Халухаева 2025]. Рассмотрение названий элементов костюма через призму ингушского языка в своей работе проводит лингвист Л.У. Тариева [Тариева 2011]. О костюме ингушской невесты в контексте свадебного обрядового цикла пишут З.М.-Т. Дзарахова [Дзарахова 2001], Ф.И. Кудусова-Долакова [Кудусова-Долакова 2005], Л.М. Гарсаев [Гарсаев 2005]. Однако в вышеперечисленных работах не были подробным образом освящены обозначенные в данной статье вопросы.

Новизна данного исследования состоит в том, что впервые в научный оборот вводятся качественные и количественные данные о распространённости практики проката свадебных нарядов и аксессуаров в Ингушетии во второй половине XX – начале XXI вв.; впервые записаны и систематизированы биографические данные о женщинах, занимавшихся прокатом элементов национального костюма для невест (Лули Майсигова, Бикату Мальсагова), а также показаны развитие и трансформации традиции передачи свадебного ингушского наряда золовке в заявленный период.

Современный свадебный ингушский наряд – это зачастую лишь «праздничная одежда по случаю бракосочетания»: нередко он создается под влиянием модных тенденций, которые изменяют классические формы традиционного костюма; в качестве декора не используются национальные орнаменты; все детали женского свадебного ингушского костюма создаются из современных материалов (текстиль, металлические сплавы (вместо серебра), стразы, бисер (вместо золотного шитья) и т.д.). А ведь ещё полвека назад каждый элемент такого наряда имел особую символическую нагрузку, складывались определенные традиции

передачи тех или иных аксессуаров (как из поколения в поколение, так и между современниками), посредством элементов костюма реализовывались традиции свадебного обрядового цикла, бытование которых сегодня сошло на нет.

Знание девушками и женщинами всех этих тонкостей взаимодействия с костюмом формировало в обществе особое отношение к свадебному наряду, к его созданию, как к нечто значимому и ценному в контексте ингушской материальной культуры. Эта информация передавалась от старших младшим, что обеспечивало устойчивость традиций. Крайне интересно и то, как исторический дискурс влияет на взаимодействие с элементами костюма, в частности, рассматриваемый в статье экономический фактор, связанный с развитием коммерческой сдачей в аренду элементов костюма, а позже и появлением проката свадебных нарядов в Ингушетии.

Данное исследование основывается на материалах полевой работы 2020-2025 гг., проведенной в Ингушетии и г. Москва. В ходе работы были использованы следующие методы: интервьюирование носителей культуры и анализ визуальных источников (фотографии семейных архивов и открытых Интернет-источников, свадебная видеосъемка из семейных архивов), работа с научной литературой. В качестве информантов выступили ингушские девушки и женщины в возрасте от 30 до 90 лет различного семейного положения (состоящие в браке, вдовы и разведенные), проживающие в республике Ингушетия и г. Москва. Основными критериями отбора информанток стали личный опыт участия в свадебных ингушских обрядах (в роли невесты, родственницы), реализация традиции передачи свадебного наряда золовке, опыт взятия элементов свадебного наряда напрокат в различных населенных пунктах Ингушетии во второй половине XX века, знание ингушских традиций и обычаев, связанных с женским традиционным костюмом, свадебной обрядностью. Также для сравнительного анализа по материалам других северокавказских народов (в данном случае, карачаевцев) была записана одна информантка из г. Черкесск, владеющая информацией о свадебных обрядах данного народа. Описанные методы исследования наиболее полно и объективно позволяют раскрыть заявленные исследовательские задачи.

Основная часть

В XX – начале XXI в. в качестве свадебного наряда ингушки с некоторыми уточнениями используется костюмный комплекс второй половины – конца XIX в., в который входят нижнее платье (нательная рубаха), платье с узкими длинными рукавами и доходящее до щиколоток, и верхнее распашное платье из богатой ткани с рукавами, расширяющимися и закругленными снизу. Поверх платья надевалась тканевая манишка с воротником-стойкой и нашитыми нагрудниками – серебряными пластинами различной формы с каменьями. На талии второго платья завязывали поясные подвески, сшитые из той же ткани, что и манишка с нагрудником. На верхнее платье надевали серебряный пояс. Головным убором невесты была вышитая шапочка формы усеченного конуса, поверх которой накидывался прозрачный шифон. На руки невеста надевала сшитые или связанные перчатки, доходящие до локтя (на протяжении XX века их длина сократилась до запястья), в руки бралась маленькая фабричная сумочка или матерчатый вышитый кисет.

Такой костюм являлся одним из трех важных нарядов ингушской невесты: предсвадебного, который готовился по случаю приема жениха в доме невесты **«найц воагIаш»** (т.е. костюм, когда придет жених), непосредственно свадебного платья «чокхи», являющегося ритуальным нарядом, и послесвадебного – **«шоал-лагIча дийнах дувхар»** – наряда на второй день после свадьбы. Об этом рассказывают информантки-невесты 1982 и 1985 гг., которые вышли замуж в 1982 и 1985 гг.:

«*На второй день нужно было подготовить особенное платье или костюм (блуза и юбка), которые выделялись среди основных вещей. Наряд обязательно должен был быть белым, вместе с ним шел белый шарф или косынка. Молодая сноха должна была около месяца носить такую праздничную одежду. Я понесла специально купленное платье из снежно-белой марлевки по стоимости примерно, как и сва-дебный чокхи. Оно, кажется, было немецкого производства. Купила его в Ингушетии. Такое платье на протяжении месяца я стирала ночью, утюжила и с утра снова надевала, нужно было выделяться и выглядеть красиво*»[1].

«На второй день у меня тоже было белое платье, но уже другого покроя: приталенное, с длинным рукавом. У меня была и белая шапка на второй день, её сделала моей снохи бабушка. Она украсила головной убор такой специальной тесьмой «мишурой», поэтому шапка сияла, когда на неё попадал свет. Поверх шапочки я добавила накидку из серебристой нитки, которую мне изготовила одна девочка, занимавшаяся выбивкой белья. Она же сделала серебристые листья, которые добавили на подол платья в виде аппликации»[2].

И если два наряда невесты: пред- и послесвадебный – оставались у девушки и использовались ей в качестве торжественного наряда на мероприятия, то непосредственно свадебный наряд участвовал в реализации следующей традиции:

«*ингушский обычай требует, чтобы свадебный костюм, после того как невесту поведут «по воду», что происходит через неделю после замужества* (т.е. после финального обряда свадебного цикла)*, был подарен молодой снохой старшей незамужней золовке»* [Тариева 2010: 111].

Важно обратить внимание на то, что в ингушской традиции сестра мужа (незамужняя/замужняя) была т.н. «связующим звеном» между молодой снохой и её новой семьей. Взаимоотношения невестки и сестры мужа регулировались особым этикетом «маьрйишайцар гIулакх», о котором пишет этнограф З.М.-Т. Дзарахова: «С первых дней пребывания в доме невесты золовка старается создать для неё условия, чтобы ей было легче привыкать к новой семье. Невеста должна быть внимательна и вежлива с ней» [Дзарахова 2001: 147]. Подарок в виде свадебного наряда предназначался именно старшей незамужней золовке, что подчеркивало, во-первых, соблюдение принципа старшинства, и, во-вторых, выделяло её как потенциальную следующую невесту эту дома. Если таковой в семье мужа не было, то наряд передавался ближайшей родственнице на выданье.

Особое отношение к пошиву свадебного наряда и составлению полноценного образа было связано с тем, что *«этот обычай предполагает возможность*

[1] ПМА 2024. Информант Муталиева А.М., 1959 г.р., с.п. Сурхахи, Назрановский район.
[2] ПМА 2024. Куркиева Р.Б., 1958 г.р., г. Москва.

передавать свадебный костюм и тем ***удерживать традицию****, а сам* ***факт дарения представляет собой благопожелание золовке****»* [Тариева 2010: 111]. Дарение наряда как материальное воплощение пожелания золовке счастливой замужней жизни перекликается с обрядом надевания на ингушскую невесту поясных подвесок, когда они в руках взрослой женщины из рода отца становятся материальным воплощением пожелания невесте быть счастливой жизни и конкретно, стать многодетной матерью и воспитать достойных представителей своего народа. Информантка рассказывает о свадьбе своей тёти в 1984 г.:

«*Чокхи решили шить* ***новый****, потому что она выходила туда, где было много золовок. Их было шестеро, и чокхи оставляли в подарок для золовки, поэтому старались качественно, красиво его сшить*»[1].

Даже если сам наряд не подходил золовке по размеру, она принимала его **в дар**, соблюдая традицию:

«Моя золовка была ростом пониже и худее, но она взяла мой наряд. Он у неё несколько лет пролежал. Уже когда она сама собралась выходить замуж, она вернула мой чокхи»[2].

Интересный случай, когда ввиду несоответствия размеров создается второй наряд, специально для золовки:

«Мой размер платья золовке не подошёл, и чокхи остался мне, а ей моя мама сшила отдельный наряд»[3].

В ходе полевой работы у невест, которые вышли замуж в конце 1980-х гг. были также выявлены и примеры, когда золовка не брала свадебный наряд у невесты, считая это условностью.

В тех случаях, когда в семье мужа не было золовки /она была уже замужем/, не было родственниц на выданье, невеста сохраняла его у себя на память о свадебном дне или возвращала владельцу:

«У *сестры не оказалось золовки, чтобы передать наряд, поэтому она мне (сестре) потом тоже отдала чокхи – для истории, для дочек»*[4].

«Свадебное платье я вернула подруге, которая мне его одолжила. Да и передать его при случае мне было бы некому, потому что моя золовка была намного старше меня и была уже замужем»[5].

Невеста могла сохранить свой наряд для будущего поколения. Однако, среди проведенных интервью с информантками-невестами, вышедшими замуж в 1970-х, 1980-х, 1990-х и 2000-х гг. не было выявлено ни одного случая в семьях,

[1] ПМА 2024. Торшхоева Х.И., 1981 г.р., с.п. Кантышево, Назрановский район.
[2] ПМА 2025. Дзейтова (Тангиева) М.Х., 1969 г.р., г. Магас.
[3] ПМА 2024. Льянова Л.М., 1973 г.р., с.п. Долаково, Назрановский район.
[4] ПМА 2025. Дзейтова (Тангиева) М.Х., 1969 г.р., г. Магас.
[5] ПМА 2024. Оздоева (Куриева) Ф.И., 1957 г.р., г. Назрань.

когда бы дочь вышла замуж в наряде своей матери, т.к. они оценивались дочерьми как «устаревшие», «упрощенные», а девушкам хотелось соответствовать текущей моде.

Помимо символического значения такого подарка золовке, он нёс непосредственно и практическое применение: пошив свадебного наряда подразумевал больших финансовых трат, и если наряд снохи подходил по размеру золовке, то она действительно могла выйти в нём замуж:

«*Золовке я передала свой наряд, выходила в нём замуж самая младшая золовка; до сих пор это платье хранилось в доме свекрови. В моем наряде выходили ещё три троюродные золовки. И тогда оно было нарасхват. Все, по линии моего мужа, кому оно подходило, выходили в нем замуж*»[1].

Особенно ярко реализацию этой функции можно увидеть в годы депортации ингушей в Казахстан и Среднюю Азию (1944-1957 гг.), когда наряд невесты собирали «по частям», зная, что кто-то смог увезти с родины традиционную шапочку, кто-то – серебряный комплект, а у кого-то было и само платье. Вероятно, с этим связана и практика надевания шапочки «набекрень», чтобы даже если головной убор окажется маленьким или наоборот большим девушке (а шапочка для невесты являлась неотъемлемой частью свадебного наряда), такая посадка делала эти несоответствия незаметными, что можно увидеть на старинных фотографиях. Все эти элементы одалживали на время свадьбы, затем они могли отправиться к другой невесте, даже в другой населенный пункт.

«*Моя мама всем, кто засватал невесту и замуж выходил из их села, давала свой чокхи, там и нагрудник был, и пояс. Она не брала за это ни копейки денег. Она многих выручала, потому что там (в Казахстане) больше ни у кого такого наряда не было*»[2].

Отметим, что свадебный наряд не шился приталенным, по фигуре девушки. Швеи всегда оставляли «припуски» для того, чтобы потом была возможность его «подогнать» под другую невесту с иного типа фигурой:

«*В депортации после меня десять девочек надевали мой чокхи. Они не подгоняли его под себя, потому что не знали, как это делать*»[3].

При этом в обществе бытовало представление о том, что у невесты должно быть новое платье, никем ранее не надеваемое, иначе её жизнь в браке не сложится. Об этом рассказывают и информантки:

«Когда мы поехали на базар в Назрани в 1985 году, там нашли чокхи у одной женщины-продавца, она держала его в руках. Мне оно понравилось, стоило недорого и главное, что оно было новое. Тогда была примета, что чокхи нельзя надевать во второй раз, после кого-то»[4].

[1] ПМА 2024. Тангиева З.С., 1965 г.р., г. Москва.
[2] ПМА 2023. Эльджаркиева Р.А., 1950 г.р., г. Назрань.
[3] ПМА 2020. Цурова Т.Ю., 1937 г.р., с.п. Плиево, Назрановский район.
[4] ПМА 2024. Муталиева А.М., 1959 г.р., с.п. Сурхахи, Назрановский район.

В воспоминаниях информанток мы также находим и опровержения этого суеверия, проверенные на их жизненном опыте:

«Да, была примета: ношенный чокхи не одевать, жизнь невесты не сложится. Хотя мой чокхи надевали ещё три невесты, и удачно живут»[1].

Л.У. Тариева отмечает ещё один бытовавший игровой момент, связанный со свадебным нарядом, когда молодые девушки примеряли его на себя, и считалось, что той, которой он будет более к лицу, повезёт в браке и она скорее выйдет замуж. Подобная игра с переодеванием часто сопровождалась девичьим озорством, когда девицы, примеривающие костюм, прокрадываются к молодожену, представляются настоящей невестой, дабы смутить его; все это сопровождается шутками и смехом [Тариева 2011: 111]. В наши дни описанные действия не реализуются.

Дарение свадебного наряда становится частью традиции свадебного дарообмена, когда происходит двустороннее одаривание родственников жениха и родственников невесты. Основной целью данного процесса было укрепление родственных связей между двумя породнившимися семьями. У народов Северного Кавказа подарки со стороны невесты для родственниц будущего мужа представляли собой преимущественно текстиль и сопутствующие аксессуары (платья, платки, украшения, отрезы тканей, галантерею и т.д.). Например, у абазин все личные вещи невесты после свадьбы раздаривались родственникам жениха, взамен которых она получала новую одежду. На следующий день после свадьбы совершали обряд открывания лица невестке. Почетное право это сделать поручалось хозяйке дома, в котором временно находился жених. За свой труд она получала сброшенный ею платок, лучшее платье невесты, разные косметические и галантерейные принадлежности [Абазины 1989: 168]. У карачаевских и балкарских невест в отдельном чемодане или узле были собраны девичьи наряды, предназначенные для «снятия» их в новой семье. Девичьи платья невесты разбираются потом молодыми девушками – родственницами и знакомыми жениха [Смирнова 1988: 54]. На следующий день после заключительного свадебного мероприятия у адыгов «нысэдис джэгу», собирались родственницы жениха и вещи невесты раздаривались. В первую очередь, одаривали тетю жениха, затем золовок, племянниц, «нысэдис» (девушка, которая помогала невесте адаптироваться к новым условиям) и даже соседских девушек. Зачастую раздавали всё, иногда оставляли что-то на первый случай. Данный обряд знаменовал начало нового жизненного этапа, смену социального статуса, вхождение в новую семью и установление новых родственных отношений [Тхагапсова 2021: 59].

Интересно, что схожая с ингушской традицией передачи свадебного платья золовке, также имелась и у карачаевцев:

«*Платье невесты после торжества обязательно отдавалось золовкам. Если таковых не было, то уже свекровь распределяла, кому из молодых родственниц передать наряд. Восемнадцать лет назад я передавала не только своё платье, но и туфли»*[2].

[1] ПМА 2024. Льянова И.М., 1960 г.р., г. Москва.
[2] ПМА 2026. Узденова М.Н.,1985 г.р., г. Черкесск

Однако, помимо самого наряда в дар преподносились и традиционные платки, которые участвовали в кульминационном моменте свадьбы – обряде «ау алгъан адет», что символизировало вхождение девушки в новую семью и представление её как будущей хозяйки и хранительницы очага. «В этот день снимают с новобрачной покрывало, и с этого времени она остается навсегда с открытым лицом. Сверху на голову ей набрасывали несколько платков, которые потом снимали и дарили близким новобрачного» [Кудаев 1988: 60]. Информантка рассказала, что

«*традиционные платки (три платка на голове, три платка в руках), которые были сняты с невесты, также переходили в качестве подарка родственникам жениха: если в доме было много золовок, то платки оставались дома для них. Если у мужа была единственная сестра или сестер вовсе не было, то один платок мог остаться дома, а ещё один шел, например, двоюродной сестре, по старшинству, той, кто следующий должен был выйти замуж. Единственный головной убор, который не отдается, это тот, что остался у невесты на голове. Также серебряные нагрудники и пояс никогда не отдавались. Если традиция с передачей платков в наши дни активно реализуется, то что касается платья для золовки, то сегодня очень редко отдают платья золовкам, потому что их просто уже никто не хочет вторично надевать*»[1].

В свадебном ингушском костюме при этом присутствуют такие элементы, многократное использование которых не отвергалось – это шапочка, серебряный комплект, состоящий из нагрудника и пояса.

У ингушей существовала традиция, когда к первому выходу дочери в свет (в 14-15 лет), заказывали пошив полноценного национального наряда. Если девушка занималась рукоделием, то она сама вышивала орнаменты на традиционной шапочке, поясных подвесках. Если у семьи были финансовые возможности, то для дочери (дочерей) заказывали серебряные нагрудник и пояс у ювелиров. Информантки отмечают, что за этими изделиями ездили к мастерам в Кабарду, Дагестан, Грузию. Изделия часто имели включения драгоценных и полудрагоценных камней: рубины, изумруды, гранаты, бирюза, жемчуг и т.д. Также распространенным видом было декорирование изделий набора накладной филигранью. Распространенной формой нагрудника у ингушей были фигурные крупные серебряные элементы, напоминающие, по словам информанток, «бабочку, взмах крыльев орла». Также вайнахским вариантом ношения нагрудников считались пришитые к бархатной манишке серебряные элементы в виде палочек, расположенных по убыванию, т.е. повторяющие форму выреза на верхней части платья.

В прошлом существовала традиция: в семьях, где было несколько девочек, серебряный комплект доставался в наследство младшей дочери:

«*Серебро на мне в день свадьбы – это серебро моего отца Тангиева Салмана Магомедовича, который его покупал для своих дочерей. Я выходила в нем замуж и моя сестра, и позже оно досталось нашей третьей сестре – Лейле Тангиевой. Это всегда отдавалось в наследство младшей дочери*»[2].

[1] ПМА 2026. Узденова М.Н.,1985 г.р., г. Черкесск
[2] ПМА 2024. Тангиева З.С., 1965 г.р., г. Москва.

Старинный нагрудник могли «пересобирать», когда манишка из старинной ткани, на которой были серебряные элементы, приходила в негодность, нагрудник перешивали на новую ткань (иногда меняли и цвет ткани, подбирая под костюм невесты).

Существовала практика передачи нагрудника и пояса, а в некоторых случаях, и шапочки, внутри фамилии:

«Что касается нагрудника, у него, конечно, такая история, почти столетняя. Это старинный серебряный нагрудник, в котором мама выходила замуж; ей удалось увезти его в Казахстан и привезти обратно на родину. И если кто-то из девочек, родственниц, выходил замуж, естественно, мы его одалживали. И практически все наши девочки его надевали»[1].

Старинный нагрудник могли «пересобирать», когда манишка из старинной ткани, на которой были серебряные элементы, приходила в негодность, нагрудник перешивали на новую ткань (иногда меняли и цвет ткани, подбирая под костюм невесты).

Это распространялось и на девушек из этой фамилии, которые выходят замуж, и на невест, которые выходят замуж за представителя этой фамилии. В данном случае посредством надевания невестой серебряного комплекта или шапочки, т.е. семейной реликвии фамилии жениха, осуществлялся процесс приобщения нового члена семьи к роду мужа:

«В 1980-м году мы пошили белый свадебный чокхи с лебяжьим пухом; но за некоторое время до свадьбы со стороны мужа мне привезли старинную бордовую шапочку, украшенную золотной вышивкой, и серебряный нагрудник с поясом. Эта традиция существовала в их фамилии. Несмотря на то, что мой наряд был уже готов, мама сказала, что в день свадьбы мне нужно будет надеть с платьем те вещи, которые прислали от их семьи. Я так и сделала»[2].

«*Будучи в ссылке, отец купил нагрудники и пояс, продав дойную корову, кормилицу семьи. Который год нагрудник и пояс одевают все наши невесты, жены братьев и двоюродных, и все наши сестры, которые выходят замуж*»[3].

Также серебряный комплект мог быть подарен девушке в качестве традиционного предсвадебного подарка невесте от брата жениха («маьрвеший совгIат»):

«*Комплект нагрудника и пояса моей бабушке-невесте в конце XIX века в подарок передал брат её жениха – Марзбик. Он привез его из Дагестана. Тогда дагестанские мастера пользовались особой популярностью. 16 нагрудников из двух частей и 11 деталей пояса – на каждой детали стояла проба 925. Там ещё камни были: бирюза и рубин»*[4].

Дорогой серебряный комплект из нагрудника и пояса было под силу приобрести далеко не каждой семье, а многим в годы депортации пришлось продать или обменять серебро на предметы первой необходимости, чтобы выжить на

[1] ПМА 2024. Оздоева (Куриева) Ф.И., 1957 г.р., г. Назрань.
[2] ПМА 2024. Богатырева М.А., 1955 г.р., с.п. Плиево, Назрановский район.
[3] ПМА 2024. Албогачиева А.М., 1991 г.р., г. Назрань.
[4] ПМА 2023. Эльджаркиева Р.А., 1950 г.р., г. Назрань.

чужбине. Многие семейные серебряные комплекты, как и другие элементы традиционного наряда, возвращенные на родину после ссылки, были утеряны и уничтожены в годы чеченских кампаний, осетино-ингушского конфликта 1992 г. Все эти обстоятельства стали причинами развития «одалживания» серебряных комплектов, шапочек для невест. С таким запросом обращались к ближайшим и дальним родственникам, к соседям. Очень часто именно за счет многократности использования и не всегда аккуратного обращения со старинными ювелирными изделиями, они приходили в негодность и требовали обращения к мастерам, таким образом приостанавливалось их использование следующими поколениями:

«От бабушки по матери у нас остались нагрудник и пояс, ей в свою очередь он достался от матери, моей прабабушки. У бабушки этот комплект брали и другие родственницы, да кто только не выходил в нём замуж! В итоге испортили пояс так, что крепления были расшатанные. Там тонкие пластиночки серебряные, из которых был выложен узор, тоже местами выпали. Очень неаккуратно с поясом обращались»[1].

Обычно «одалживание» элементов костюма осуществлялось на безвозмездной основе, однако, о случаях предоставления деталей свадебного наряда «напрокат» за определенную сумму денег известно уже в годы депортации, хотя большее развитие это направление приобрело в последепортационное время. Для многих из тех, кто предоставлял такие услуги, – это часто являлось дополнительным доходом в непростое время восстановления жилища, хозяйства после возвращения на родину.

Рис. 1. Майсигова Лули Шабиевна[2]

[1] ПМА 2025. Дзейтова (Тангиева) М.Х., 1969 г.р., г. Магас.
[2] Электронный ресурс. Режим доступа: https://pin.it/6qgtH5Jsk (Дата обращения: 18.12.2025 г.).

Самой известной женщиной, которая занималась прокатом шапочек, нагрудников и поясов в Ингушетии во второй половине XX в., была Майсигова Лули Шабиевна, в народе её знали как «Шаби Лули» (с инг. «Лули, дочь Шаби). Она жила в центре Назрани. Сдавать в аренду элементы национального костюма она начала со времен депортации и занималась этим вплоть до трагической гибели (её сбила машина) в 1992 г. Её отец Шаби Ясиевич Майсигов (1833-1948) был состоятельным и известным человеком – золотопромышленником, имел свой прииск в Оренбургской области. Семья, в которой выросла Лули, была с достатком, и по воспоминанию информанта:

«*сохранилось фото, на котором изображена Лули в 1908 году, там ей примерно 1,5 года. Она вышла на улицу, и на ней были надеты туфли с золотыми пряжками, которых ни у кого не было*»[1].

Девушка владела большим гардеробом, который составляли многочисленные праздничные национальные наряды, шапочки с золотной вышивкой, несколько серебряных наборов нагрудников и поясов. Лули рано потеряла мужа, в годы депортации в результате несчастного случая ушла из жизни её единственная дочь. Женщина осталась одна. Лули часто бывала во Владикавказе, многие её знали и говорили: «Тётя Лёля пришла». Её вели в подсобку, где предлагали товары, которые в те годы многим были недоступны. Она долгое время на дому в Назрани продавала посуду, ткани и всякие вещи.

«*Лули была очень строгой, требовательной и к себе, и к людям. Я помню, как однажды на похоронах в Насыр-корте меня попросили обслужить стол женщин. Я зашла к ним в комнату, и увидела, как во главе стола сидела Лули, такая взрослая женщина. Мне было очень волнительно, потому что она всё замечала, т.к. сама была знатоком тонкостей ингушской культуры*»[2].

Информантки отмечают, что Лули была ещё и мастерицей:

«*У мамы была очень красивая шаль из тонкого гипюра с шелковой круговой бахромой. Я помню эту шаль черной, мама её всегда на похороны надевала. Оказывается, её купили в Казахстане белой, а Лули перекрасила её там. Не было возможнотсти в то время купить шаль темных оттенков, были только светлых тонов. Как она это сделала, какими красками… Вот настолько она умелая была во всём. Шаль сохранилась до конца жизни мамы. И ни разу она не полиняла, краска не слезла. Я удивляюсь, чем же она ее перекрасила по тем временам*»[3].

Прокат у Лули пользовался большим спросом. Она получала в неделю, как минимум, 50 руб. со сдачи в аренду шапочек, нагрудников, поясов:

«*Мы взяли шапку, пояс за 25 рублей. В 1980-е годы это были весьма хорошие деньги*»[4].

[1] ПМА 2024. Майсигов Д.С., 1972 г.р., г. Назрань.
[2] ПМА 2024. Оздоева А.М., 1972 г.р., г. Сунжа.
[3] ПМА 2024. Оздоева А.М., 1972 г.р., г. Сунжа.
[4] ПМА 2025. Бекова Х.В.,1958 г.р., с.п. Яндаре, Назрановский район.

Традиционных платьев для проката у Лули не было.

«Сдача в аренду нагрудников и поясов была для неё не основным доходом, а таким «подпольным»[1].

Она принимала невест на дому.

«*Когда выходили замуж мои три старшие сестры в 1975 году, мы брали и шапку, и пояс у Лули. К ней стояла такая очередь, нужно было заранее, за неделю-две заказы-вать нужные аксессуары. Лули была очень хорошая женщина. В 1985 году пояс для меня мы также брали у Шаби Лули»*[2].

Когда к ней обращались родственники, она могла одолжить им эти аксессуары бесплатно:

«*Моя мама была родственницей Лули, поэтому она ничего не платила. У Лули было на прокат около 5-6 поясов, и мама выбрала тот, что наиболее ей понравился*»[3].

После смерти Лули Майсиговой все вещи, которые она давала на прокат, пропали: так и остались у кого-то на руках или же потерялись. На сегодняшний день единственное сохранившееся изделие, подтвержденное её потомками, это серебряный пояс, который хранится у одной из её родственниц.

Однако в ходе полевой работы в 2024 г. была выявлена интересная история, которая вероятно указывает на существование ещё одной сохранившейся вещи Лули – старинной высокой цилиндрической шапочки с плоским верхом из бордового бархата, украшенной объемной золотной вышивкой с использованием многочисленных орнаментов (растительных, зооморфных, антропоморфных), а также кисточкой из нитей золотистого цвета (Рис. 2). Информантка рассказала, что её матери, ингушскому модельеру и основательнице свадебного салона «Зина» Зине Инаркиевой, в один из дней женщина принесла в салон старинную шапку со словами: «У тебя она сохранится». К сожалению, дополнительной информации о том, кому принадлежало данное изделие, кто его принес в салон, не сохранилось. Это был не единичный случай – таким образом несколько старинных элементов ингушского костюма попали к Зине Инаркиевой. Дизайнеру хотелось при свадебном салоне открыть небольшой музей национального костюма, в котором можно было бы выставить такие артефакты для аудитории. Но в 2014 г. основательница салона «Зина» ушла из жизни, и эта идея не была реализована. Однако сами предметы до сих пор хранятся в стенах свадебного салона, которыми в наши дни руководят дочери Зины Инаркиевой[4]. В семейных архивах информанток сохранились фотографии различных невест, вышедших замуж в 1970-1980-х – начале 1990-х гг., которые брали упомянутую старинную шапочку в аренду у Лули.

[1] ПМА 2024. Майсигов Д.С., 1972 г.р., г. Назрань.
[2] ПМА 2025. Бекова Х.В.,1958 г.р., с.п. Яндаре, Назрановский район.
[3] ПМА 2025. Кодзоева А.Б., 1995 г.р., г. Москва.
[4] ПМА 2023. Инаркиева А.М., 1988 г.р., г. Назрань.

«Это свадебная фотография моей старшей сестры, январь 1984 года. На невесте надеты старинная шапочка с золотной вышивкой и пояс, которые принадлежали маминой родственнице, Шаби Лули»[1].

Таким образом эта шапочка, вероятно имевшая прямое отношение у Лули, смогла сохраниться до наших дней.

а)

б)

Рис. 2. Традиционная ингушская шапочка с золотной вышивкой (а) тулья, б) макушка) [фото автора, 2022 г.]

Кроме «Шаби Лули» прокатом деталей национального костюма занимались и другие женщины. Об одной из них рассказала информантка-невеста, которая вышла замуж в 1985 г.:

[1] ПМА 2024. Оздоева А.М., 1972 г.р., г. Сунжа.

«*Шапочку, нагрудники и пояс мне брали в аренду; в Назрани была Ханиева, кажется, которая невестам за 25 рублей давала это на прокат*»[1].

Ещё одной значимой фигурой в контексте свадебной ингушской моды второй половины XX в. является Бикату Мальсагова – швея, которая проживает в Назрани. Она была известна как высококачественный мастер и за пределами Ингушетии. Помимо пошива свадебных нарядов, Бикату занималась и прокатом нагрудников, поясов для своих невест:

«Я брала нагрудник и пояс на прокат в 1992 году у Бикату Мальсаговой, швеи, которая готовила мое свадебное платье. Существовало правило для невест: чтобы увидеть весь ассортимент элементов костюма, которые были у Бикату, нужно было прийти к ней во вторник, потому что в этот день невесты прошлой недели должны были вернуть взятые в аренду шапочки или нагрудники»[2].

Уже с конца 1980-х гг. некоторые ингушские ателье начинают предоставлять невестам функцию проката свадебного платья. В целом, в России этот процесс был связан с развитием рыночной экономики. В Ингушетии прокат наряда для невест стал востребован, когда у девушки было крайне мало время на предсвадебную подготовку, а также в случае кражи невесты:

«*Девушку украли, а платье пришлось брать на прокат у Дакиевой Лейлы, поскольку в это время в Малгобеке одним из лучших ателье считалось именно у её, тем более, платья были безумно красивыми. Платье было возвращено в ателье, как только свадебное торжество завершилось*»[3].

В 1990-е гг. прокат нарядов для ингушских невест всё активнее входит в повседневную жизнь, и существовавшая традиция передачи свадебного платья золовке сходит на нет:

«*Когда Фердовс выходила замуж в 1999 году уже начался первый прокат в республике. Платье было пошито в ателье с.п. Троицкое, видимо, это место было первое в Сунженском районе, где начали такое практиковать. Фердовс взяла платье за 100 долларов и потом вернула. На прокат она взяла потому, что у нее на сборы была всего неделя и шить времени не было. В ателье было готовое сшитое чокхи, и Фердовс – первая его надела. Пошить наряд было бы не дороже, чем взять напрокат, потому что 100 долларов в 1999 году были хорошие деньги. Годом ранее доллар резко возрос. Это время было очень тяжелое: всё с прилавок исчезло, даже одежду купить – её просто не было, даже при наличии денег*»[4].

Швеи и первые свадебные салоны в 2000-х гг. предлагали невестам уже полный комплект свадебного наряда, включая шапочку из современных материалов. Старинные головные уборы теряли свою ценность, ещё и в виду того, что уже имели устаревший вид. Теперь же шапочки изготавливалась непосредственно под сам наряд с единым декором для всего наряда, составляя целостный гармоничный образ:

[1] ПМА 2024. Колоева (Плиева) Б.М., 1954 г.р., с.п. Плиево, Назрановский район.
[2] ПМА 2025. А.Х., 1974 г.р., с.п. Верхние Ачалуки, Малгобекский район.
[3] ПМА 2024. Мальсагова Л.А.-В., 1966 г.р., с.п. Экажево, Назрановский район.
[4] ПМА 2025. Льянова (Оздоева) Р.Х., 1974 г.р., г. Назрань.

«Когда мои дочки выходили замуж, все трое шили чокхи у Зины Инаркиевой. А у неё весь этот комплект: нагрудник, пояс, шапка – всё было своё, там уже не подразумевался дополнительный прокат»[1].

«В своем салоне (салон «Фатима» Фатимы Чергизовой, г. Назрань) стараемся создать уютную и комфортную атмосферу, чтобы невеста могла померить различные желаемые модели, определиться с фасоном, подобрать аксессуары, посоветоваться с близкими»[2].

При этом ещё встречались случаи, когда невесты дополняли современный наряд семейными или взятыми на время у родственников старинными нагрудниками и поясом. Однако в активное использование также входят аналоги серебряных комплектов, изготовленные уже из обычных металлов, которые предоставлялись невестам в свадебных салонах, поэтому также отпадала необходимость брать эти вещи на прокат.

Эти принципы и сегодня поддерживаются современными свадебными салонами; в свадебном наряде используют нагрудник и пояс, изготовленные из латуни и других металлических сплавов. Они представлены в различных формах и оттенках золотого, серебряного и бронзового цветов. И нагрудник, и пояс можно приобрести и самостоятельно, например, на маркетплейсах Китая. Однако, такие изделия часто выглядят являются унифицированными, подходящими для любого кавказского народа, в женском костюме которого присутствуют такие элементы, т.е. они не отражают национальных особенностей и не всегда передают истинные формы подобных старинных ювелирных аксессуаров традиционного костюма. Несмотря на это, в практике отмечаются редкие случаи, когда невеста и сегодня дополняет свой свадебный наряд старинным комплектом нагрудника и пояса, которые, чаще всего, являются их семейной ценностью.

Заключение

Подводя итог, отметим, что все элементы традиционного свадебного наряда ингушки обладали определенной смысловой нагрузкой в рамках целостного костюмного ансамбля. Каждый из них был вовлечен в реализацию тех или иных традиций и практик, включенных в свадебную обрядность. В основе традиции передачи платья невесты золовке, одалживания нагрудника и пояса, шапочки (что рассматривалось с точки зрения ингушского менталитета как «гIулакх», т.е. сделать всё зависящее, чтобы помочь человеку, который обращается с просьбой) заложена безвозмездная передача вещей другому лицу. Но под влиянием экономического фактора, проявляющегося, например, через повышение цен, режим дефицита, бОльшая мобильность населения, а позже появление более доступных по цене аналогов вещей или материалов для их изготовления, традиция либо трансформируется, либо вовсе перестает существовать, и тогда основополагающими становятся коммерческие отношения: реализация проката платьев, сдача в аренду других элементов костюма, а в настоящее время – большой выбор атри-

[1] ПМА 2025. Бекова Х.В., 1958 г.р., с.п. Яндаре, Назрановский район.
[2] Евкурова Ж. Когда любимая работа – влечение души и сердца // Сердало, 2013. №. 69 (11004). С. 4.

бутики и самостоятельное приобретение её в онлайн и оффлайн магазинах в неограниченном количестве. Мы видим, как на протяжении XX в. традиция передачи свадебного наряда незамужней золовке проходит путь от активной реализации до полного угасания из-за появления проката платьев. За счет того, что в прошлом нагрудники, пояс и шапочка передавались из поколения в поколение, они часто «обрастали» и особыми внутрисемейными традициями, которые в наши дни преимущественно стали реликтами, в связи с появлением доступных и дешевых аналогов этих элементов костюма в XXI в. Имена женщин, которые занимались прокатом аксессуаров, пошивом свадебных нарядов во второй половине XX в. стали «притчами во языцах» у нынешнего старшего поколения ингушских женщин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазины 1989 – *Абазины*. Историко-этнографический очерк. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства,1989. – 240 с.

Агиева 2017 – *Агиева Л.Т.* Традиционная одежда – составная часть материальной культуры ингушей // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2017. – № 2. – С. 112-125.

Албогачиева, Махмудова 2015 – *Албогачиева М.С.-Г., Махмудова З.У.* Одежда ингушей: история и современность // Кавказ: перекресток культур / под ред. М.С.-Г. Албогачиевой. – СПб.: МАЭ РАН, 2015. – С.192-219.

Албогачиева 2008 – *Албогачиева М.С.-Г.* Свадебный костюм ингушки: традиция и мода // Материалы XI Международной научно-практической конференции «Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии». – СПб., 2008. – С. 228-233.

Ахмедова 2020 – *Ахмедова М.* Угадал – не угадал, или как женятся тлайлухцы // Дагестанская правда. – 2020. – № 118. – С. 4.

Гарсаев 2005 – *Гарсаев Л.М.* Вайнахская женская одежда (конец XIX – начало XX в.) – Грозный: Кн.изд-во, 2005. – 256 с.

Дзарахова 2001 – *Дзарахова З.М.-Т.* Традиционный свадебный обряд и этикет ингушей: дисс....к.и.н. – Орджоникидзевская, 2001. – 184 с.

Евкурова 2013 – *Евкурова Ж.* Когда любимая работа – влечение души и сердца // Сердало. – 2013. – №. 69 (11004). – С. 4.

Кудаев 1988 – *Кудаев М.Ч.* Карачаево-балкарский свадебный обряд. – Нальчик: «Эльбрус», 1988. – 124 с.

Кудусова-Долакова 2005 – *Кудусова-Долакова Ф.И.* Семья и семейный быт ингушей (конец XIX – начало XX в.). – Ростов-на-Дону: Ковчег, 2005. – 240 с.

Кудусова, Долакова 2013 – Кудусова Ф.И., Долакова З.М. Свадьба и свадебные обряды // Ингуши: монография / Отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ингушский государственный университет. – М.: Наука, 2013. – С. 254-258.

Сарбашева 2014 – *Сарбашева А.М.* Традиционная свадебная обрядность и балкарское драматическое творчество // Вестник Дагестанского научного центра. – 2014. –№54. – С. 118-121.

Свадебная обрядность… 1988 – Свадебная обрядность у народов Карачаево-Черкессии: традиционное и новое: сборник научных статей / отв. редактор Я.С. Смирнова. – Черкесск, 1988. – 162 с.

Смирнова 1980 – *Смирнова Я.С.* Свадебный дарообмен у народов Северного Кавказа и его современная модификация //Этнографическое обозрение. – 1980. – № 1. – С. 96-104.

Студенецкая 1989 – *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. – М.: Наука, 1989. – 288 с.

Студенецкая 1985 – *Студенецкая Е.Н.* Одежда чеченцев и ингушей XIX–XX вв. // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии / Чечено-Ингушский институт

истории, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР; отв. ред. З.А. Мадаева. – Грозный, 1985. – С. 58-76.

Тариева 2010 – *Тариева Л.У.* Лингвокультурологические аспекты изучения отраслевого словаря. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. – 132 с.

Тхагапсова 2021 – *Тхагапсова Г.Г.* Антропологические основания дара и обмена в традиционной культуре адыгов и их трансформация // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. – 2021. – № 27 (51). – С. 56-62.

Халухаева 2022 – *Халухаева А.А.* Поясные подвески/подбортник в женском праздничном костюме ингушки в XX– начале XXI в. // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2022. – № 2. – С. 76-83.

Халухаева 2025 – *Халухаева А.А.* Праздничный костюм Луди Горчхановой: связь поколений через семейную реликвию // Кунсткамера. – 2025. – № 1 (27). – С. 116-130.

Хасбулатова 2011 – *Хасбулатова З.И.* Роль народной одежды в традиционных свадебных обычаях и обрядах чеченцев // Лавровский сборник: Материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений. 2010-2011 гг.: Этнология, история, археология, культурология / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов, М.Е. Резван; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – С. 172-175.

REFERENCES

Abaziny. Istoriko-ehtnograficheskii ocherk. [The Abaza: A Historical-Ethnographic Essay] – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1989. – 240 p. (In Russ.).

AGIEVA L.T. *Traditsionnaya odezhda – sostavnaya chast' material'noi kul'tury ingushei* [Traditional clothing is an integral part of the material culture of the Ingushes]. IN: *Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk im. CH.EH. Akhrieva* [Bulletin of the Ingush Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhriev], 2017. – № 2. – P. 112-125. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Svadebnyi kostyum ingushki: traditsiya i moda* [Ingush wedding costume: tradition and fashion]. IN: *Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Moda i dizain: istoricheskii opyt – novye tekhnologii»*[Proceedings of the XI International scientific and practical conference “Fashion and design: historical experience – new technologies”]. – SPb., 2008. – P.228-233. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M.S.-G., MAKHMUDOVA Z.U. Odezhda ingushei: istoriya i sovremennost' [Ingush clothing: history and modernity]. IN: Kavkaz: perekrestok kul'tur [Caucasus: crossroads of cultures] / Edited by M.S.-G. Albogachieva. – SPb.: MAE RAN, 2015. – P. 192-219. (In Russ.).

AKHMEDOVA M. *Ugadal-ne ugadal, ili Kak zhenyatsya tlailukhtsy* [Guessed or Not, or How the Tlailukhs Get Married]. IN: *Dagestanskaya Pravda*. – 2020. – № 118.– P. 4. (In Russ.).

GARSAEV L.M. *Vainakhskaya zhenskaya odezhda (konets XIX – nachalo XX v.)* [Vainakh Women's Clothing (Late 19th – Early 20th Centuries)]. – Groznyi: Kn.izd-vo, 2005. – 256 p. (In Russ.).

DZARAKHOVA Z.M.-T. *Traditsionnyi svadebnyi obryad i ehtiket ingushei: diss....k.i.n.* [Traditional Ingush wedding rites and etiquette] – Ordzhonikidzevskaya, 2001. – 184 p. (In Russ.).

EVKUROVA ZH. *Kogda lyubimaya rabota – vlechenie dushi i serdtsa* [When a Favorite Job is an Attraction of the Soul and Heart]. IN: *Serdalo*. – 2013. – №. 69 (11004). – P. 4. (In Russ.).

KUDAEV M.CH. *Karachaevo-balkarskii svadebnyi obryad* [Karachay-Balkar Wedding Ceremony]. – Nal'chik: El'brus, 1988. – 124 p. (In Russ.).

KUDUSOVA-DOLAKOVA F.I. *Sem'ya i semeinyi byt ingushei (konets XIX – nachalo XX v.)* [Family and Life of the Ingush (Late 19th – Early 20th Centuries)]. – Rostov-on-Don: Kovcheg, 2005. – 240 p. (In Russ.).

KUDUSOVA F.I., DOLAKOVA Z.M. *Svad'ba i svadebnye obryady* [Wedding and wedding rituals]. IN: Ingushi: monografiya [The Ingushes: monograph] / Edited by M.S.-G. Albogachieva,

A.M. Martazanov, L.T. Solov'eva; In-t ehtnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN; Ingushskii gosudarstvennyi universitet. – M.: Nauka, 2013. – P. 254-258. (In Russ.).

SARBASHEVA A.M. *Traditsionnaya svadebnaya obryadnost' i balkarskoe dramaticheskoe tvorchestvo* [Traditional wedding rituals and Balkar dramatic creativity]. IN: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center]. – 2014. –№54. – P. 118-121. (In Russ.).

Svadebnaya obryadnost' u narodov Karachaevo-Cherkessii: traditsionnoe i novoe: sbornik nauchnykh statei [Wedding Rituals of the Peoples of Karachay-Cherkessia: Traditional and New: A Collection of Scientific Articles] / Edited by YA.S. Smirnova. – Cherkessk, 1988. – 162 p. (In Russ.).

SMIRNOVA YA.S. *Svadebnyi daroobmen u narodov Severnogo Kavkaza i ego sovremennaya modifikatsiya* [Wedding gift exchange among the peoples of the North Caucasus and its modern modification]. IN: *Ehtnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. – 1980. – №1. – P.96-104. (In Russ.).

STUDENETSKAYA E.N. Odezhda narodov Severnogo Kavkaza XVIII–XX vv. [Clothing of the Peoples of the North Caucasus in the 18th–20th Centuries]. – M.: Nauka, 1989. – 288 p. (In Russ.).

STUDENETSKAYA E.N. *Odezhda chechentsev i ingushei XIX–XX vv.* [Clothing of the Chechens and Ingush in the 19th–20th Centuries]. IN: *Novoe i traditsionnoe v kul'ture i bytu narodov Checheno-Ingushetii* [New and Traditional in the Culture and Everyday Life of the Peoples of Chechen-Ingushetia] / Checheno-Ingushskii institut istorii, sotsiologii i filologii pri Sovete Ministrov CHIASSR; Edited by Z.A. Madaeva. – Groznyi, 1985. – P. 58-76. (In Russ.).

TARIEVA L.U. *Lingvokul'turologicheskie aspekty izucheniya otraslevogo slovarya* [Lingvocultural aspects of the study of an industry dictionary]. – Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2010. – 132 p. (In Russ.).

TKHAGAPSOVA G.G. *Antropologicheskie osnovaniya dara i obmena v traditsionnoi kul'ture adygov i ikh transformatsiya* [Anthropological foundations of gift and exchange in the traditional culture of the Adyghe people and their transformation]. IN: Vestnik nauki Adygeiskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovanii im. T.M. Kerasheva . – 2021. – № 27 (51). – P. 56-62. (In Russ.).

KHALUKHAEVA A.A. *Poyasnye podveski/podbortnik v zhenskom prazdnichnom kostyume ingushki v XX– nachale XXI v.* [Belt pendants in the Ingush women's festive costume in the 20th – early 21st centuries]. IN: Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk im. CH.EH. Akhrieva. – 2022. – № 2. – P. 76-83 (In Russ.).

KHALUKHAEVA A.A. *Prazdnichnyi kostyum Ludi Gorchkhanovoi: svyaz' pokolenii cherez semeinuyu relikviyu* [Festive costume of Ludi Gorchkhanova: the connection of generations through a family heirloom]. IN: Kunstkamera, – 2025. – № 1 (27). – P. 116-130. (In Russ.).

KHASBULATOVA Z.I. *Rol' narodnoi odezhdy v traditsionnykh svadebnykh obychayakh i obryadakh chechentsev* [The Role of Folk Clothing in Traditional Wedding Customs and Rituals of the Chechens]. IN: Lavrovskii sbornik: Materialy XXXIV i XXXV Sredneaziatsko-Kavkazskikh chtenii. 2010-2011.: Ehtnologiya, istoriya, arkheologiya, kul'turologiya / Edited by YU.YU. Karpov, M.E. Rezvan; RAN. MAE im. Petra Velikogo (Kunstkamera). – SPb.: MAE RAN, 2011. – P. 172-175. (In Russ.).

Информация об авторах
А.А. Халухаева – аспирант.
Information about the authors
A.A. Khalukhaeva – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 18.01.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 18.01.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья
УДК 93/930
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-123-131
EDN: JADWDN

ДОКУМЕНТЫ ЕКАТЕРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ БУХГОЛЬЦ ИЗ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АНАПСКОЙ КРЕПОСТИ

Елена Георгиевна Муратова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, lena_gm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6803-6884

Аннотация: Статья посвящена исследованию материалов, переданных в 1828 г. Екатериной Михайловной Бухгольц, вдовой коменданта крепости Ени-Кале, в Военное министерство после смерти мужа и отложившихся в департаменте Генерального штаба.

Рассмотренные документы является ценным источником по истории Анапской крепости и содержат прямые свидетельства эпохи русско-турецких войн первой трети XIX в. Специальное внимание уделено личному письму, которое демонстрирует многоуровневый характер идентичности автора – Екатерины Михайловны Бухгольц, являющейся одновременно вдовой русского генерала, верноподданной Российской империи и этнической черкешенкой, гордящейся своим происхождением, стремящейся помочь своему народу через интеграцию с Россией.

Анализ этого источника позволяет выйти за рамки простого факта «получения планов крепости», информации о последствиях Бухарестского мира 1812 г. и подготовке к русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Через призму частного письма раскрывается один из ключевых этапов истории Анапской крепости, когда она навсегда отошла к России на основании статьи 4-й Адрианопольского мирного договора; приоткрывается сложный мир взаимоотношений с закубанскими народами в этот период.

Ключевые слова: Екатерина Михайловна Бухгольц, Дюк де Ришелье, Анапа, Суджук-кале, русско-турецкие войны, план крепости.

Для цитирования: Муратова Е.Г. Документы Екатерины Михайловны Бухгольц из Российского государственного военно-исторического архива как источник по истории Анапской крепости // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 123-131. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-123-131. EDN: JADWDN.

© Муратова Е.Г., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

DOCUMENTS OF EKATERINA MIKHAILOVNA BUHGOLTS FROM THE RUSSIAN STATE MILITARY HISTORICAL ARCHIVE AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF THE ANAPA FORTRESS

Elena G. Muratova
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, lena_gm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6803-6884

Abstract. The article is devoted to the study of materials transferred in 1828 by Ekaterina Mikhailovna Bukhgolts, the widow of the commandant of the Yeni-Kale fortress, to the Ministry of War after the death of her husband and deposited in the Department of the General Staff.

The documents reviewed are a valuable source for the history of the Anapa fortress and contain direct evidence from the Russo-Turkish Wars of the first third of the 19th century. Particular attention is given to a personal letter that demonstrates the multilayered identity of the author, Ekaterina Mikhailovna Bukhgolts, who was simultaneously the widow of a Russian general, a loyal subject of the Russian Empire, and an ethnic Circassian proud of her heritage and striving to help her people through integration with Russia.

An analysis of this source allows us to go beyond the simple fact of "receiving plans for the fortress" and explore information about the consequences of the 1812 Treaty of Bucharest and preparations for the Russo-Turkish War of 1828-1829. Through the prism of a private letter, one of the key stages in the history of the Anapa fortress is revealed, when it was permanently ceded to Russia by Article 4 of the Treaty of Adrianople; the complex world of relations with the peoples of Transkuban during this period is revealed.

Keywords: Ekaterina Mikhailovna Bukhgolts, Duke de Richelieu, Anapa, Sudzhuk-Kale, Russian-Turkish wars, fortress plan

For citation: Muratova E.G. Documents of Ekaterina Mikhailovna Buhgolts from the Russian state military historical archive as a source for the history of the Anapa fortress. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 123-131. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-123-131. EDN: JADWDN.

© Muratova E.G., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Анапская крепость была одной из ключевых точек в русско-турецком противостоянии конца XVIII – первой половины XIX в. История ее сооружения, а также многократный переход Анапы из рук в руки в конце XVIII – начале XIX в. были описаны уже в дореволюционной литературе [Веселовский 1914; Новицкий 1853; Потто 1994; Фелицин 1904], а затем кратко повторены в новейшей историографии [Дударев и др. 2014; Новичихина 2000; Орехов 2018]. Неизменный интерес у исследователей вызывал сюжет о том, что с апреля 1807 г. русская эскадра Черноморского флота под командованием генерала Пустошкина взяла Анапу, которая указом 4 июля 1811 г. была причислена к российским крепостям 2 класса, однако по Бухарестскому миру 1812 г. опять возвращена туркам. Этот непродолжительный период с 1807 по 1812 г. комендантом Анапской крепости был генерал-майор Бухгольц, участник всех основных войн Российской империи своего времени.

В литературе при описании этих событий речь всегда заходит и о его жене – Екатерине Михайловне Бухгольц, черкешенке по происхождению, из абадзехского дворянского рода Дауровых. В 1791 г. она была взята в плен при взятии Анапы графом И.В. Гудовичем, воспитывалась в доме правителя Таврической области В.В. Каховского, в возрасте 14 лет вышла замуж за Бухгольца. Именно

благодаря содействию супруги коменданта Анапы итальянский коммерсант Рафаэль Скасси, посетивший окрестности Анапы с торговой целью и пользовавшийся поддержкой русского командования, в 1811 г. «наладил отношения с черкесами, которые часто приезжали к ней» [Скасси 1974: 281].

Екатерина Михайловна Бухгольц была известна своим гостеприимством, которое она оказывала всем посещавшим Анапу, а также активным содействием российским властям в установлении связей с горцами. Так, в 1828 г. она принимала деятельное участие в склонении натухайского народа к мирным связям с Россией.

Уже после смерти мужа, который на тот момент являлся комендантом крепости Ени-Кале, Екатерина Михайловна Бухгольц передала царскому правительству план укреплений Анапской крепости, что впоследствии значительно облегчило ее завоевание русскими войсками.

Окончательно русские войска под начальством генерал-адъютанта Меншикова и содействии Черноморского флота под командованием вице-адмирала Грейга заняли Анапу 12 июня 1828 г.

Цель данной статьи – рассмотреть эти хорошо известные в литературе сюжеты сквозь призму архивных документов, отложившихся в Военном министерстве, департаменте Генерального штаба [РГВИА. Ф.846. Оп. 16. Д. 6228]. В архивном деле под названием «Сведения, доставленные флигель-адъютантом полковником Перовским о крепости Анапе и закубанских народах, с 12 января 1828 г. по 4 декабря 1833 г.» имеется Записка князя Меньшикова от 27 апреля 1828 г. за № 15 с пятью приложениями, представляющими собой материалы, переданные ему Екатериной Михайловной Бухгольц.

Примечательно, что эту переписку использовал выдающийся военный историк, начальник Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, В.А. Потто, освещая сюжет о том, как русское правительство готовилось овладеть Анапой. В 1826 г. вернувшемуся из Персии князю Меншикову было поручено собрать точные сведения об Анапских укреплениях. Но в связи с обострением отношений между Россией и закубанскими горцами пришлось отказаться от мысли узнать через них хоть что-нибудь об Анапе. Тогда Меньшиков обратился за сведениями к коменданту крепости Керчь-Еникале Бухгольцу, но это обращение не застало Бухгольца в живых, и за него ответила жена. В этом контексте В.А. Потто цитирует переписку, свидетельствующую об устремлениях русского правительства, в том числе письмо Екатерины Михайловны Бухгольц [Потто 1994: 64-65]. Тем более интересно изучить, как выглядел оригинал этого документа.

Основная часть

В личном письме от 2 марта 1828 г., отправленном из Керчь-Еникале, Катерина Бухольц (так она собственноручно подписала письмо) сообщала следующее:

«Предписание вашего сиятельства от 4-го декабря 1827 года № 61 на имя покойного мужа моего Керчь-Еникольского коменданта генерала-майора Бухольца, получено им 12 генваря настоящего года, когда одержим он был уже смертоносною болезнею. Меж тем в 19-й день сего месяца постигшая смерть его довела до толь значительного упущения во времени. Теперь же разбирая бумаги покойного мужа и нашед касающиеся сдачи Анапы. Имею счастие приложив у сего планы крепостей Анапы и Суджук-кале и два предписания Дюка де Ришелье спешу отсылкою оных к Вашему сиятельству, возвращая и предписание Ваше так как оное по секрету адресованное.

А так как находилась я в Анапе с покойным мужем моим в 1812 году, и знаю лично, что крепость сия состояла вооруженную, но действием мужа моего при сдаче оной Порте разрушены были главные укрепления и самые контр-форсы ослаблены, а орудия с прочим казенным имуществом погружены были на флот.

По настоянию же паши оставлено было там несколько самых дурных орудий с негодными лафетами, и весьма малым количеством припасов, подробные описи крепости Анапы полагаю погибли с кораблекрушением, которое постигло тогда судно то; ибо вся канцелярия, священник с семейством, и все наше имущество погибло без остатка.

При сем не лишним считаю уведомить Ваше сиятельство, что, быв уроженкой Черкесии по родственной связи, сохраняю и по ныне доверие и приверженность натухаевцев, шапсугов и абазехов, и имея родственницу в Анапе: если бы сие раньше требовалось имело бы случай, и твердо надеюсь, что могла бы доставить Вам вид настоящего укрепления сей крепости, и все способы оной, ибо оно я теперь в сильно оборонительном положении. Я же, всегда желая сблизить родину мою к покровительству Монарха, имея для сей цели на родственников моих непосредственное влияние, и с твердостью удерживаю поныне средства подкреплять то мое намерение, сопряженное с искренним желанием отвлекать народ сей от его заблуждения» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6228. Л. 8-9].

К этому письму Екатерина Михайловна Бухгольц, как и обещала, приложила обнаруженные в архиве покойного мужа два предписания 1812 г. относительно Анапской крепости от Дюка де Ришелье, генерал-губернатора Новороссийского края, командовавшего 13 пехотной дивизией в русско-турецкой войне 1806-1812 гг.

Одно из них под грифом «секретно» от 18 мая 1812 г. гласило:

«Анапскому коменданту господину генерал-майору Бухолцу. С получением сего немедленно приказать батальону пензенского пехотного полка выступить и следовать в Николаев, [неразборчиво – Е.М.] прибытия туда на место его пехотинского гарнизонного батальона. Как по мирному трактату с Оттоманской Портою заключенному, крепости: Анапскую и Суджук-Калейскую должно нам возвратить Порте в прежнем их виде и состоянии, то и предлагаю Вашему Превосходительству войти в сношение и о сем с пашею турецким у черкес находящимся и сделать всем с ним назначение времени, когда он должен сии крепости принять, по условию сие должно сдать оные пред будущего октября 2 числа. Гарнизон сие орудии и провиант, имеет быть перевезен на судах, о чем вы получите тогда надлежащее предписание; но до сдачи тех крепостей постарайтесь разрушить главные пункты укреплений. Сколько будет возможно успеть чтобы они достались Порте совершенно разоренными. Об отправлении батальона доносить мне с означением, когда он прибудет в Николаев [Личная подпись]» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6228. Л. 10 и об.].

Другое письмо Дюка де Ришелье от 29 июня 1812 г. по этому поводу вносило уточнение:

«Анапскому коменданту господину генерал-майору Бухолцу. Если ли бы вы заметили, что паша турецкий или другой чиновник присланной от Порты Оттоманской желал принять крепости Анапу и Суджук-кале неразоренными и в том даже настаивают, то в таком случае позволяется вам сдать оные укрепления в целости, а в прочем забрать все что принадлежит казне на основании предписания моего № 3520. О последующем по сему донести мне» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6228. Л. 11].

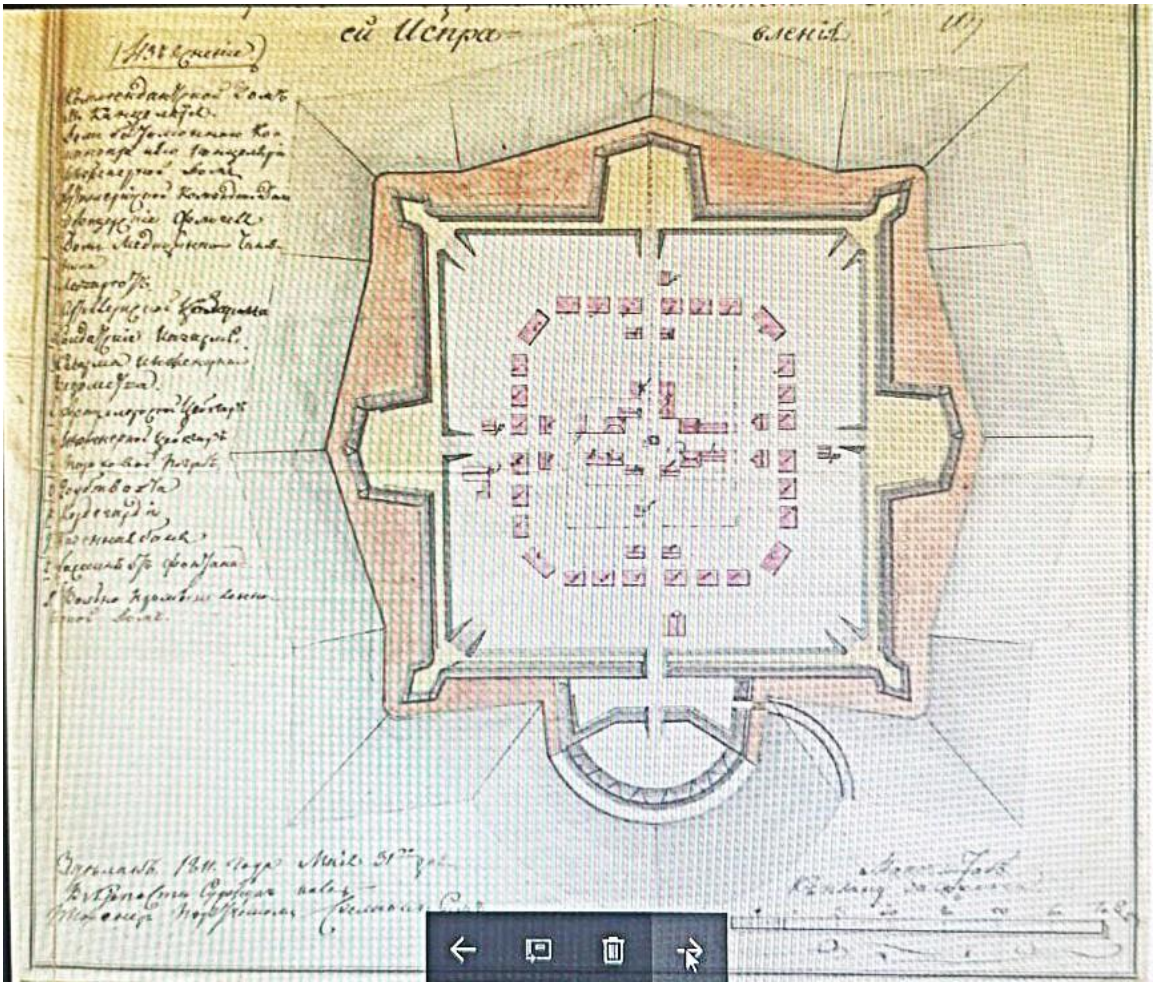
Кроме этих писем из архива покойного мужа Екатерина Михайловна Бухгольц отослала планы крепостей Анапы (Рис. 1) и Суджук-кале (Рис. 2), что было весьма своевременно, накануне окончательного взятия Анапской крепости 13 июня 1828 г.

Рис. 1. План крепости Анапы

Источник: [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6228. Л. 12].

Рис. 2. План крепости Суджук-кале

Источник: [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6228. Л. 14].

Заключение

Анапская крепость, построенная турками в 1781 г. на месте бывшей генуэзской фактории для укрепления позиций в противостоянии с Россией в Причерноморье, 14 сентября 1829 г. навсегда отошла к России на основании статьи 4-й Адрианопольского мирного договора.

Архивное дело «Сведения, доставляемые флигель-адъютантом полковником Перовским о крепости Анапе и закубанских народах» (1828-1833 гг.) из Российского государственного военно-исторического архива содержит документы, раскрывающее важнейшие события отечественной истории первой трети XIX в., прежде всего историю русско-турецких войн. При этом специальный интерес вызывают материалы, переданные княжной Екатериной Михайловной Бухгольц, которые характеризуют, в том числе ее значимую роль в налаживании горско-российского сотрудничества. Ее деятельность на благо Российского государства была известна императору Николаю I, удостоившего ее высочайших наград.

Письмо Екатериной Михайловной Бухгольц от 2 марта 1828 г., отправленное из Керчь-Еникале и адресованное князю Меньшикову, представляет собой многослойный исторический источник, раскрывающий личные, политические и

военные аспекты эпохи. Письмо было написано вскоре после 19 января 1828 г. Это – дата смерти ее мужа точно указана в письме и однозначно решает вопрос о времени смерти Карла Карловича Бухгольца (при том, что источники, в том числе интернет, называют разные даты его смерти от 1827 до 1831 г.). Письмо является ответом Екатерины Михайловны на предписание от 4 декабря 1827 г. Внезапная смерть коменданта крепости Керчь-Еникале генерал-майора Бухгольца заставила вдову самой ответить начальству и объяснить задержку с ответом. Разобрав архив мужа, Екатерина Михайловна возвращает секретные предписания военного начальства, а также планы крепостей Анапы и Суджук-кале, что было крайне актуально накануне новой войны с Турцией.

В своем письме вдова активно защищает репутацию мужа, дает историческую справку о сдаче Анапы Турции в 1812 г. (согласно Бухарестскому миру), подчеркивая, что комендант Бухгольц намеренно разрушил Анапское укрепление и вывез из него все ценное вооружение, передав туркам разоренную крепость.

Пожалуй, самой интересной частью письма является фрагмент, где Екатерина Михайловна не просто выполняет формальности, а использует ситуацию для демонстрация собственной значимости: заявляя о своем происхождении, она предлагает свои услуги в качестве агента влияния среди черкесских племен. Упомянутые в письме народы (натухаевцы, шапсуги, абазехи) во время Кавказской войны были одними из основных участников сопротивления России на Западном Кавказе. Бухгольц демонстрирует свое намерение «сблизить родину к покровительству Монарха», оторвать местные народы от влияния Турции.

Таким образом, рассмотренный архивный документ является ценным историческим источником, который не только содержит прямые свидетельства эпохи русско-турецких войн первой трети XIX в., но и раскрывает латентные механизмы истории, демонстрирует многоуровневый характер идентичности автора – Екатерины Михайловны Бухгольц, являющейся одновременно вдовой русского генерала, верноподданной Российской империи и этнической черкешенкой, гордящейся своим происхождением, стремящейся помочь своему народу через интеграцию с Россией.

В целом, анализ этого источника позволяет выйти за рамки простого факта «получения планов крепости», информации о последствиях Бухарестского мира 1812 г. и подготовке к русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Через призму частного письма раскрывается один из ключевых этапов истории Анапской крепости, приоткрывается сложный мир взаимоотношений с закубанскими народами в этот период.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Веселовский 1914 – *Веселовский Н.И.* Военно-исторический очерк города Анапы. – Пг.: Тип. гл. упр. уделов, 1914. – 74 с.

Дударев и др. 2014 – *Дударев С.Л., Ктиторова О.В., Цыбульникова А.А.* Брачная политика российских властей на Северном Кавказе как один из аспектов российско-горского взаимодействия в военное время (первая половина XIX века) // Былые годы. – 2014. – № 3 (33). – С. 399-404.

Новицкий 1853 – *Новицкий В.А*. Анапа и закубанские поселения // Записки Кавказского отдела Императорского географического общества. – Тифлис, 1853. – Кн. 2. – С. 14–43.

Новичихина 2000 – *Новичихина (Зажигина) Л.Ю*. Крепость Анапа в эпоху русско-турецких войн // Очерки по истории Анапы. – Анапа: Анапский археологический музей, 2000. – С. 118-140.

Орехов 2018 – *Орехов В.В*. Парижская «Записка…» о Керчи Рафаила де Скасси // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сер. «Исторические науки». – 2018. – Т. 4 (70). – № 4. – С. 84-104.

Потто 1994 – *Потто В.А*. Кавказская война. Т.4. Турецкая война 1828-1829 гг. – Ставрополь: Кавказ. край, 1994. – 573 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846.

Скасси 1974 – *Скасси Рафаэль*. Извлечение из записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 г. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 281–285.

Фелицин 1904 – *Фелицин Е.Д*. Князь Сефер-бей Зан. Политический деятель и поборник независимости черкесского народа // Кубанский сборник. – Т. X. – Екатеринодар, 1904. – 167 с.

REFERENCES

DUDAREV S.L., KTITOROVA O.V., CYBUL'NIKOVA A.A. *Brachnaja politika rossijskih vlastej na Severnom Kavkaze kak odin iz aspektov rossijsko-gorskogo vzaimodejstvija v voennoe vremja (pervaja polovina XIX veka)* [Marriage policy of the Russian authorities in the North Caucasus as one of the aspects of Russian-mountain interaction during wartime (first half of the 19th century)] IN: Bylye gody. – 2014. – No. 3 (33). – P. 399-404. (In Russ.).

FELICIN E.D. *Knjaz' Sefer-bej Zan. Politicheskij dejatel' i pobornik nezavisimosti cherkesskogo naroda* [Prince Sefer-bey Zan. Political figure and champion of Circassian independence]. IN: *Kubanskij sbornik.* – Vol. X. – Ekaterinodar, 1904. – 167 p. (In Russ.).

NOVICHIHINA (ZAZHIGINA) L.JU. *Krepost' Anapa v jepohu russko-tureckih vojn* [Anapa Fortress during the Russo-Turkish Wars]. IN: *Ocherki po istorii Anapy* [Essays on the history of Anapa]. Anapa: Anapskij arheologicheskij muzej, 2000. – P. 118-140. (In Russ.).

NOVICKIJ V.A. *Anapa i zakubanskie poselenija* [Anapa and Trans-Kuban settlements] IN: *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo geograficheskogo obshhestva*. –Tiflis, 1853. – B. 2. – P. 14–43. (In Russ.).

OREHOV V.V. *Parizhskaja «Zapiska…» o Kerchi Rafaila de Skassi* [Parisian "Note..." about Kerch by Raphael de Scassi] IN: Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ser. «Istoricheskie nauki». – 2018. – Vol. 4 (70). – No. 4. – P. 84-104. (In Russ.).

POTTO V.A. *Kavkazskaja vojna. .4. Tureckaja vojna 1828-1829 gg.* [Caucasian War. Vol. 4. Turkish War of 1828-1829]. – Stavropol': Kavkaz. kraj, 1994. – 573 p. (In Russ.).

Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive]. F. 846. Op. 16. D. 6228. (In Russ.).

SKASSI RAFAEL'. *Izvlechenie iz zapiski o delah CHerkesii, predstavlennoj gospodinom Skassi v 1816 g.* [Extract from a note on the affairs of Circassia, presented by Mr. Skassi in 1816] IN: *Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyah evropejskih avtorov XIII–XIX vv.* [Adyghe, Balkars and Karachays in the reports of European authors of the 13th–19th centuries]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 281–285. (In Russ.).

VESELOVSKIJ N.I. *Voenno-istoricheskij ocherk goroda Anapy* [Military history of the city of Anapa]. – Pg.: Tip. gl. upr. udelov, 1914. – 74 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.Г. Муратова – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

E.G. Muratova – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 08.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 08.03.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 94(470.6/.7):63.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-132-147
EDN: JGMDGT

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ И ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО ОПУБЛИКОВАННЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Анжела Ариковна Журтова[1], **Елена Хасановна Апажева**[2], **Хамитби Борисович Мамсиров**[3]

[1,2,3] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия

[1] Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия

[1] anzhelka28@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0928-2393

[2] yelena.apazheva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1286-4127

[3] mamsirhb@mail.ru

Аннотация. В статье представлен источниковедческий обзор опубликованных сборников документов по истории аграрных отношений на Северо-Западном и Центральном Кавказе в XIX – начале XX века. В частности, в ней изучены материалы, опубликованные под редакцией А.П. Берже, Г.А. Кокиева, Е.О. Крикуновой, Х.М. Думанова, П.А. Кузьминова, Е.И. Кобахидзе, З.Ж. Глашевой и других исследователей. Собранные ими документы представлены в фондах центральных и региональных архивов России, таких как РГИА, РГВИА, ГАКК, ЦГА РСО-Алании и ЦГА КБР. К числу основных видов документации по указанной проблеме относятся нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация и статистические сведения.

В большинстве документов рассматриваются аграрные преобразования на Северо-Западном и Центральном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. Среди них – проекты, официальные материалы о работе сословно-поземельных комитетов, судебное делопроизводство и др. Опубликованные источники дают возможность сформировать более полное представление о социально-экономической политике Российской империи в регионе, эволюции земельных отношений и специфике проведения аграрной и крестьянской реформ среди местных народов.

Ключевые слова: архивный источник, сборник документов, аграрный вопрос, земельные отношения, Северо-Западный Кавказ, Центральный Кавказ, Россия.

Для цитирования: Журтова А.А., Апажева Е.Х., Мамсиров Х.Б. Источниковедческий обзор документов по истории аграрных отношений на Северо-Западном и Центральном Кавказе в XIX – начале XX века (по опубликованным материалам) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 132-147. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-132-147. EDN: JGMDGT.

© Журтова А.А., Апажева Е.Х., Мамсиров Х.Б., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

SOURCE STUDY REVIEW OF DOCUMENTS ON THE HISTORY OF AGRARIAN RELATIONS IN THE NORTHWESTERN AND CENTRAL CAUCASUS IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (BASED ON PUBLISHED MATERIALS)

Angela A. Zhurtova[1], **Elena K. Apazheva**[2], **Khamitbi B. Mamsirov**[3]

[1,2,3] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia

[1] Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

[1] anzhelka28@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0928-2393

[2] yelena.apazheva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1286-4127

[3] mamsirhb@mail.ru

Abstract. This article is devoted to a source study review of published collections of documents on the history of agrarian relations in the Northwest and Central Caucasus in the 19th and early 20th centuries. Specifically, the authors examined materials edited by A.P. Berger, G.A. Kokiev, E.O. Krikunova, Kh.M. Dumanov, P.A. Kuzminov, E.I. Kobakhidze, Z.Zh. Glasheva, and other researchers. The documents they collected are represented in the collections of central and regional archives of Russia, such as the Russian State Historical Archives, the Russian State Military Historical Archives, the State Archives of the Krasnodar Territory, the Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania, and the Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic. The main types of documentation on this topic include regulatory legal acts, office documentation, and statistical data.

Most of the documents examine agrarian reforms in the Northwest and Central Caucasus in the second half of the 19th and early 20th centuries. These include projects, official materials on the work of estate-land committees, court records, and more. The published sources provide a comprehensive understanding of the socioeconomic policies of the Russian Empire in the region, the evolution of land relations, and the specifics of agrarian and peasant reforms in the Central and Northwest Caucasus.

Keywords: archival source, collection of documents, agrarian question, land relations, Northwest Caucasus, Central Caucasus, Russia.

For citation: Zhurtova A.A., Apazheva E.Kh., Mamsirov Kh.B. Source study review of documents on the history of agrarian relations in the Northwestern and Central Caucasus in the 19th – early 20th centuries (based on published materials). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 132-147. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-132-147. EDN: JGMDGT.

© Zhurtova A.A., Apazheva E.Kh., Mamsirov Kh.B., 2026

© Caucasology, 2026

Введение

Период XIX – начала XX в. связан со сложным процессом интеграции Северного Кавказа в состав России, и аграрные преобразования играли в нем одну из ключевых ролей. Земельные реформы, изменение прав собственности и формы землепользования, российская переселенческая политика напрямую влияли на социально-экономическое развитие местных народов. Анализ исторических источников по данной проблеме позволяет глубже понять процессы адаптации традиционных обществ к преобразованиям в регионе.

Сборники документов по истории аграрных отношений на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. представляют особую ценность по сравнению с другими видами источников, поскольку они содержат непосредственные свидетельства эпохи – официальные распоряжения, переписку местной администрации, статистические отчеты, судебные дела, договоры о землепользовании и другие материалы, отражающие реальные процессы, ход и последствия аграрных преобразований в регионе. Документы в таких сборниках дают фактическую основу для научного анализа, позволяя исследователям работать с первичной информацией без посредничества позднейших трактовок, а также ввести в научный оборот малоизвестные или недоступные материалы. Особую важность этим материалам придает то, что они фиксируют не только политику центральных и региональных властей, но и реакцию местного населения на проводимые кавказской администрацией мероприятия.

Кроме того, в отличие от архивных источников, отложившихся в разных фондах и учреждениях, опубликованные сборники материалов благодаря узкой тематической подборке и компактному расположению документов, позволяют сформировать комплексный взгляд на проблему. В силу указанных факторов опубликованные документы становятся незаменимыми для изучения социально-экономической истории Северного Кавказа. На сегодняшний день в отечественном кавказоведении сформировался целый комплекс опубликованных материалов, в том числе по истории аграрных отношений в регионе, требующий глубокого научного исследования.

Целью данной работы является источниковедческий обзор опубликованных сборников документов по истории аграрных отношений на Северо-Западном и Центральном Кавказе в XIX – начале XX в.

Материалы и методы

Источниковой базой данного исследования стали сборники дореволюционных архивных материалов, изданные в советский и современный период развития исторической науки, среди которых работы А.П. Берже, Г.А. Кокиева, Е.О. Крикуновой, Х.М. Думанова, П.А. Кузьминова, Е.И. Кобахидзе, З.Ж. Глашевой и др.

Методология данного источниковедческого обзора основывается на систематизации и анализе опубликованных документальных комплексов с учетом их происхождения, видового разнообразия (нормативные акты, делопроизводственные материалы, статистика и т. д.) и репрезентативности в отражении ключевых проблем и аспектов аграрной истории Северного Кавказа. В обзоре применяются принципы источниковедческой критики для оценки достоверности и полноты публикаций, сравнительно-исторический подход для выявления региональной специфики в земельных отношениях, и проблемно-тематический анализ, позволяющий проследить эволюцию государственной политики и её взаимодействие с традиционными институтами землевладения у местных народов. Особое внимание уделяется раскрытию информационного потенциала этих сборников для

изучения социально-экономических процессов, правовых трансформаций и межэтнических взаимодействий в аграрной сфере на Северном Кавказе в XIX – начале XX в.

Результаты

Наиболее ранним и фундаментальным сборником документов по истории политики России на Северном Кавказе, в том числе в сфере аграрных отношений, являются Акты Кавказской археографической комиссии. Материалы АКАК, посвященные земельному вопросу в регионе, условно можно объединить в три группы.

Наибольшую из них составляют нормативно-правовые акты и делопроизводственная документация кавказской администрации. Аграрный вопрос в указанном комплексе материалов предстает как одна из проблем утверждения российской системы управления на Северном Кавказе, в контексте создания и расширения линии крепостей и казачьих поселений в регионе, земельных споров между горцами и казаками и т.д. [АКАК 1866; АКАК 1868; АКАК 1870]. Среди основных источников представлена официальная документация периода командования К.Ф. Кнорринга, П.Д. Цицианова, А.П. Тормасова, А.П. Ермолова о заселении Северо-Западного и Центрального Кавказа казаками из Черниговской, Полтавской и других губерний, создании поселения шотландцев-миссионеров в начале XIX в. и предоставлении указанным группам населения необходимых земельных участков.

В восьмом и девятом томах АКАК [АКАК 1881; АКАК 1884] проблемы аграрных отношений в регионе поднимаются в связи с переселением казаков с р. Кубани на р. Лабу. Особый интерес представляют предписания, замечания и переписка А.И. Чернышева, А.А. Вельяминова, Г.В. Розена и др. [АКАК 1881: 647–666; АКАК 1884: 535–540] о перенесении Кубанской линии, наделении поселенцев землей, строительстве крепостей и т.п.

Наиболее информативным для изучения поземельных отношений у горских народов является двенадцатый том АКАК [АКАК 1904]. Он содержит нормативные акты и документацию о решении аграрного вопроса на Северо-Западном Кавказе на завершающем этапе покорения местных народов. В частности, в издании опубликованы: «Мемория Комитета по предмету колонизации Закубанского края» (1858 г.), «Положение об Управлении сельского хозяйства и промышленности на Кавказе и за Кавказом» (1860 г.), «Проект преобразования Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск» (1860 г.), записки, отношения, предложения и «мнения» представителей имперского правительства и кавказской администрации, среди которых Д.А. Милютин, А.И. Барятинский, П.Е. Коцебу и др., о переселенческой политике на Северо-Западном Кавказе в целях усиления новых станиц и укреплений, дальнейшей колонизации региона, о проблеме перераспределения земельных ресурсов среди казачьего и горского населения [АКАК 1904: 135–136; 757–775; 881–883; 981–987].

Привлекает внимание проект правил Н.И. Евдокимова о продаже земель переселяемых казаков [АКАК 1904: 897–901]. В ней командующий выделяет категории земельных угодий на Северо-Западном Кавказе в соответствии с их хозяйственным назначением, предлагает способы их размежевания и распределения.

Вторая группа источников по истории аграрных отношений на Северном Кавказе, представленных в Актах, включает в себя записки, обозрения, рапорты А.П. Ермолова, Ф.А. Бекович-Черкасского, Т. Лапинского и др. о состоянии земель на Северном Кавказе, хозяйственной деятельности местных народов, основных отраслях производства, традициях землепользования, правах и привилегиях феодалов, земельных спорах и пр. [АКАК 1868; АКАК 1875: 594–606; АКАК 1878; АКАК 1904: 846–850].

Особый интерес вызывает «Обозрение земель Кавказской губернии», составленное в 1820 г. А.Ф. Ребровым, чиновником особых поручений при А.П. Ермолове [АКАК 1875: 594–606]. В нем зафиксирована информация о земельном фонде губернии, ее лесах, реках, водоемах, осуществлена классификация земель по степени их плодородия. В соответствии с данным критерием выделены три класса «удобной» и четыре класса «неудобной» земли, включающей в себя, в том числе, безводные степи и каменистый грунт. Категоризация земельных ресурсов обусловлена также юридическим основанием их использования: на правах собственника или на основании договора с кавказской администрацией. В этой связи автор обращает внимание на феодальные родовые владения, участки, принадлежащие местным народам, казачьи земли, шотландские и немецкие поселения-колонии.

В третью группу источников следует включить статистические сведения о процессе переселения казачьего и горского населения в ходе Кавказской войны, и связанной с ним проблемой распределения земельных угодий и иных расходах местных органов власти для установления российской системы управления в регионе, хозяйственных и производственных нужд, развития городов и селений, торговых отношений и т.д. [АКАК 1873: 891–906; АКАК 1885: 833–904; АКАК 1904: 1275–1394]. Самые подробные сведения по указанным проблемам содержатся в отчетах А.П. Ермолова, М.С. Воронцова, А.И. Барятинского и др.

Таким образом, Акты Кавказской археографической комиссии содержат обширные и разнообразные по видовой принадлежности документы по истории аграрных отношений на Северо-Западном и Центральном Кавказе. Они остаются одним из самых востребованных сборников материалов среди ученых-кавказоведов, без них не обходится ни одно значимое исследование по дореволюционной истории северокавказских народов.

Среди советских изданий источников по обозначенной проблеме следует выделить работу Г.А. Кокиева по истории крестьянской реформы в Кабарде [Крестьянская реформа 1947]. В него включены правительственные указы, донесения, рапорты царской администрации, а также переписка, связанная с подготовкой и реализацией реформы. Отмена крепостного права в Кабарде в 1867 г. раскрывается в сборнике в связи с преобразованиями в аграрной и административной сфере, источники отражают не только условия освобождения зависимых

сословий от личной и поземельной зависимости, но и раскрывают процесс наделения крестьян землей, вопросы выкупных платежей и проблему компенсации имущественных потерь представителям феодальной элиты. Документы демонстрируют, как проходило обсуждение реформы между представителями кавказской администрации, кабардинской знатью и крестьянством, разрешались экономические вопросы с учетом классовой борьбы и военно-стратегических задач России в регионе.

Коллекция Е.О. Крикуновой [Документы по истории Балкарии 1959] включает в себя около 200 документов по истории Балкарии 1840-х – 1890-х гг., выявленных в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и в Управлении центрального государственного архива Кабардино-Балкарии (УЦГА АС КБР). Из фондов РГВИА в сборник под ее редакцией вошли дела штаба войск Кавказской линии и Черномории (Ф. 13454), департамента главного управления Генерального штаба по кавказским делам (Ф. 38), главного штаба Военного министерства (Ф. 400) и др. Они содержат источники по социально-экономической истории Балкарии, характеризующие ее хозяйственное положение, численность и социальную структуру населения, взаимоотношения между сословиями. В них собраны общие данные о земельных и лесных угодьях Горских обществ, попытках решить земельные и социальные вопросы в регионе, строительстве дорог, развитии товарно-денежных отношений и т.д.

Из документов УЦГА АС КБР Е.О. Крикуновой опубликованы источники более локального и непосредственного характера. В частности, материалы Управлений Кабардинского округа (Ф. И-2), начальника Центра Кавказской линии (Ф. 16), балкарского участка (Ф. И-31), межевой части Терской области (Ф. И-40) и др. содержат информацию об экономической и социальной жизни Балкарии в 1830-х–1860-х гг., освобождении крестьян балкарских обществ от феодальной зависимости, рапорты балкарских феодалов, делопроизводственная и нормативная документация о регулировании процесса переселения балкарских крестьян из аула в аул, о закреплении их за владельцами по спискам. В фонде Кабардинского окружного народного суда (Ф. И-24) сохранились бумаги судопроизводства и заключения по целому ряду дел, в том числе решения вопросов о повинностях, характере установившихся отношений между феодалами и их бывшими крепостными и т.п. Названные документы являются незаменимым источником в исследовании вопроса о землепользовании в Балкарии в пореформенный период.

Обширный материал по этнотерриториальным процессам в Кабарде и Балкарии в XVIII – начале XX вв. собран Х.М. Думановым [Территория 1992; Из документальной истории 2000]. В него входят ранние описания территории и расселения кабардинцев и балкарцев, прошения, связанные с земельными вопросами, в особенности вокруг участков между р. Этоко и р. Золкой, сведения о переселении аулов, отводах их под военные поселения и компенсациях за изъятые земли. Широко представлена делопроизводственная документация о земельных спорах с российской администрацией в связи со строительством Кавказской линии (прошения Бекмурзиных и Кайтукиных, Записка Измаил-бея Атажукина 1804 г. и др.),

режиме пользования пахотными и пастбищными ресурсами, об аграрных преобразованиях 1860-х гг. (доклады комиссий о разграничении наделов, обсуждение прав на землю, решения о переселении аулов, покупке земель Бекович-Черкасских и др.), межевании, земельном дефиците и спорных границах.

В этих источниках земля до XIX в. выступает в качестве пространства исторического расселения и основной фактор производства местных народов. В XIX в. она становится предметом конфликтов, боевых столкновений, переселений и межевых решений. Таким образом, аграрные отношения в сборнике представлены как конфликт между традиционным экстенсивным хозяйством кабардинцев и военной политикой России, когда земля из средства производства превращается в инструмент политического влияния и давления.

Н.Ю. Силаев [Избранные 2000] впервые опубликовал материалы Кавказского комитета (Ф. 1268, Российский государственный исторический архив – РГИА), посвященные разработке и реализации земельной реформы на Северном Кавказе. В их числе: отношение главнокомандующего Кавказской армией Г.Д. Орбелиани управляющему военным министерством Д.А. Милютину от 6 июля 1861 г., положенное в основу аграрных преобразований в регионе, и отзыв на данный документ самого министра; отношение Великого князя Михаила Николаевича Д.А. Милютину от 13 июля 1867 г. о наделении землей горцев, в котором подробно описываются проводимые мероприятия в Терской и Кубанской областях; документы об освобождении зависимых сословий, в частности, отзыв Великого князя Михаила Николаевича Д.А. Милютину от 9 ноября 1866 г., где фактически содержится проект крестьянской реформы на Северном Кавказе, а также докладная записка начальнику Терской области М.Т. Лорис-Меликову выборных от Большой, Малой Кабарды и горских обществ от 8 августа 1866 г., в которой кабардинские выборные представители выступили с предложениями по осуществлению преобразований в регионе.

Масштабную работу по сбору, обработке и публикации документов и материалов, посвященных проблеме аграрных отношений на Северо-Западном и Центральном Кавказе, осуществил П.А. Кузьминов [Журтова и др. 2022]. Им изучены фонды Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Краснодарского края, Центрального государственного архива Северной Осетии–Алании и Управления центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарии.

Один из двухтомников архивным материалов, составленных и изданных под редакцией П.А. Кузьминова [Народы 2005], содержит в себе впервые вводимые в научный оборот документы, освещающие процесс интеграции народов Центрального Кавказа в административно-политическую систему Российской империи, деятельность кавказской администрации по реализации аграрных и социально-политических преобразований в регионе.

Опубликованные источники сгруппированы по проблемно-хронологическому принципу. В сборнике представлены материалы по проблеме расселения народов Центрального Кавказа в 40-х–50-х гг. XIX в., сословных и поземельных

отношений, многочисленные прошения местных жителей к Кавказской администрации, документы, связанные с обсуждением проектов земельной реформы, созданием и деятельностью комитетов Нестерова, Ильинского, Новицкого, Вревского и Грамотина, мероприятиях, проводимых М.А. Кундуховым и Г.Д. Орбелиани по реализации земельных преобразований, переписка Н.И. Евдокимова и Д.А. Милютина и иная официальная документация о деятельности сословно-поземельных комитетов и ее результатах.

Собранные П.А. Кузьминовым документы позволяют исследовать механизм государственного регулирования социально-экономических отношений, сформировать представление о проблемах землепользования и землевладения на Центральном Кавказе. Материалы демонстрируют, с одной стороны, обусловленность указанных процессов военно-стратегическими задачами России, с другой – стремлением местных феодальных элит сохранить и закрепить за собой свои сословные права и привилегии.

Истории аграрных отношений в северокавказских обществах в XVIII – начале XX в. автор посвятил отдельные сборники документов, в которых собрал вместе архивные материалы и дореволюционные исследования по указанной проблеме [Аграрные 2006; Аграрные 2008; Кузьминов 2013]. В них содержатся работы П.А. Гаврилова, М.М. Ковалевского, Ф.А. Щербины, Н.П. Тульчинского, В.К. Линдена [Аграрные 2006], Н.Д. Гаибова и архивные источники по проблеме земельных отношений у народов Северного Кавказа и аграрной политике России в регионе [Аграрные 2008; Кузьминов 2013].

Документы разделены на две группы. В первой группе представлены источники, показывающие ход изъятия земель Малой Кабарды у князей Ахловых в пользу Бекович-Черкасских. Ко второй группе отнесены материалы о выселении горцев Северо-Западного Кавказа в Турцию и последующем размежевании земель между горцами и казаками.

В числе представленных материалов законодательные акты, делопроизводственная документация, частные договоры и акты, переписка, решения судов и комиссий. Они в совокупности свидетельствуют о процессах становления, изменения и закрепления прав на землю у адыгов, особенностях проведения сословно-поземельных реформ в Кабарде и на Северно-Западном Кавказе и последствиях российской политики для местного населения.

Также материалы фондов Управления центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарии представлены в сборнике З.М. Кешевой, посвященном истории адыгов в 20-х – 50-х гг. XIX в. [Документы по истории адыгов 2011] Земельный вопрос отражен прежде всего в документации Управления начальника Центра Кавказской линии (Ф. И-16) и Кабардинского временного суда (Ф. И-23). Наиболее значимые документы, включающие акты и официальную переписку руководителей кавказской администрации, содержат информацию об административно-политических преобразованиях в Кабарде и Западной Черкесии, переселенческой политике российского правительства, изменениях в поземельных отношениях, сословном строе и экономике адыгского общества.

В подборке документов, опубликованных А.В. Сивер [Материалы по истории 2012], содержатся источники по этнической истории черноморских шапсугов, обнаруженных в Государственном архиве Краснодарского края. Большинство использованных в издании материалов характеризует взаимоотношения Черноморского (с 1860 г. – Кубанского) казачьего войска, его командования и рядовых казаков с адыгами. В данной работе можно выделить несколько тематических блоков. Первый из них объединил документы о первых контактах черкесских владельцев с Россией в конце XVIII в.: прошения, письма, предписания и др., связанные с желанием части адыгских феодалов переселиться под покровительство России, получить защиту от соседей и занять землю по р. Кубани. Здесь показан начальный этап включения западных черкесов в орбиту российской политики. Отдельную группу составляют свидетельства о пограничных столкновениях и военной напряженности вдоль кордонной линии, набегах и т.д., демонстрирующих неразрывную связь земельного вопроса с военной обстановкой на Северо-Западном Кавказе.

Центральное место в данном издании занимают сведения об управлении горцами Кубанской области и создании новой административной системы в 1860-х – 1870-х гг.: проблеме военно-народного управления, функционировании окружных судов, попечителей горских народов, попытках упорядочить земельные, судебные и сословные отношения посредством перехода от военного контроля к гражданско-правовому регулированию распределения и использования земельных ресурсов, выплаты податей и т.д.

Среди материалов сборника следует выделить документы о статусе и внутренней структуре адыгского общества в конце XVIII – первой половине XIX в., о положении горских обществ на Черноморской линии (соглашения с шапсугами, состоянии аулов и переселении натухайцев), а также статистические и обзорные документы о демографических и миграционных процессах на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в.

В работах Е.И. Кобахидзе [Административная практика 2012; Между централизмом 2014] размещены разного рода архивные источники из фондов РГИА и ЦГА РСО-А, преимущественно официальные акты, указы, записки, положения, рескрипты, предписания, рапорты, отчеты и отношения, составленные командующими и руководителями кавказской администрации в период с конца XVIII в. до начала XX в. В них высказаны не только соображения по поводу организации и оптимизации системы управления краем, но и разбираются вопросы поземельного устройства, предусматривающего предоставление права собственности на землю всем землевладельцам края; разработку методов учета и оценки доходности земель; готовность жителей горных местностей к переселению, адаптационные возможности переселенцев и др. Собранные сведения характеризуют земли Осетии, их виды, состав почв, местное население, юридические основания пользования земельными участками, традиционную хозяйственную деятельность.

Аграрный вопрос всегда был одним из ключевых в российской политике в регионе, поскольку пахотные и пастбищные земли выступали в качестве одной

из форм внешнеполитического влияния властей на местное населения. Материалы, собранные Е.И. Кобахидзе, демонстрируют опыт, накопленный российской властью в процессе поиска средств и механизмов путей наиболее эффективного и рационального устройства Кавказа для его гармоничной интеграции в общее социально-экономическое и политическое пространство Российской империи.

Сведения о землепользовании, трансформации поземельных отношений и формировании крупного частного землевладения в пореформенной Балкарии, а также многочисленные архивные источники по проблеме административной интеграции народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российского государства собраны и введены в научный оборот З.Ж. Глашевой [Глашева 2011; Глашева 2016; Административная интеграция 2018; 2020; 2023]. Особый интерес представляет межведомственная переписка начала 1840-х гг. российских военных и административных структур о землях в районе рек Золка и Этока, сохранившаяся в фондах РГВИА [Глашева 2023; Глашева 2024; Глашева 2025]. Опубликованные архивные документы выявлены в фонде 13454 штаба войск на Кавказской линии и в Черномории и включают делопроизводственную документацию за 1841–1842 гг. командира Отдельного Кавказского корпуса Е.А. Головина, командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории П.Х. Граббе, начальника Центра Кавказской линии В.С. Голицына, комиссии по наделению землями Кавказского линейного казачьего войска, штабов войск Отдельного Кавказского корпуса и Кавказской линии и Черномории и особой канцелярии по управлению мирными горцами. Их материалы раскрывают ранее неизвестные подробности исторических событий, связанных с землями по Золке и Этоке и позволяют расширить представление о механизмах установления российской системы власти и управления в регионе.

В серии изданий Р.К. Кармова [Материалы Комитета 2016; Трансформация общественно-политического 2017; Кабардино-русские 2019] земельный вопрос рассматривается также в русле российской аграрной и переселенческой политики. Автором собраны материалы комитета Кабардинского округа для разбора личных и поземельных прав местных народов, в которых отражен процесс изучения и распределения земли в ходе реформы. В частности, среди документов можно найти Программу действий комитета 1862 г., топографическое описание Большой Кабарды и Балкарского участка, статистические сведения о видах земель, их плодородии и пр., предложения представителей кавказской администрации и иная делопроизводственная документация о наделении землей «кабардинцев всех сословий, сообразно поземельным и личным правам». Отдельно представлены документы о земельных спорах казаков с закубанцами, прежде всего с шапсугами и абадзехами.

Заключение

Изученные сборники архивных документов содержат большой объем материалов по истории аграрных отношений на Северо-Западном и Центральном Кавказе в XIX – начале XX в. Большинство из них опубликовано на современном

этапе развития отечественного кавказоведения, что, на наш взгляд, связано с повышением доступности архивных фондов, информатизацией и технологическим развитием исторической науки.

В сборниках представлены преимущественно фонды Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Краснодарского края, Центрального государственного архива Северной Осетии–Алании и Центрального государственного архива Кабардино-Балкарии. Документы отличаются видовым разнообразием, в их числе законодательные акты, записки, рапорты, предписания, межведомственная переписка, замечания, обозрения, отношения, частные договоры и акты, решения судов и комиссий, статистические сведения и многое другое.

Земельный вопрос в указанных материалах раскрывается в контексте утверждения российских органов управления в регионе, создания и развития линии укреплений и казачьих поселений, этим обусловленной переселенческой политики и аграрной проблемы. Большинство документов посвящено земельным преобразованиям на Северо-Западном и Центральном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века и связанной с ними крестьянской реформой. В их числе проекты и официальная документация о деятельности сословно-поземельных комитетов в регионе, судебное делопроизводство и пр. В совокупности указанные источники позволяют сформировать более широкое представление о российской политике в регионе, процессах становления, изменения и закрепления прав на землю у местных народов, особенностях проведения сословно-поземельных преобразований на Центральном и Северно-Западном Кавказе и их последствиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аграрные 2006 – *Аграрные* отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования / Сост., автор предисловия и статьи П.А. Кузьминов. – Нальчик: Эль-Фа, ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2006. – Т. 1. – 470 с.

Аграрные 2008 – *Аграрные* отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования / Сост., автор предисловия и статьи П.А. Кузьминов. – Нальчик: Эль-Фа, ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2008. – Т. 2. – 550 с.

Административная интеграция 2018; 2020; 2023 – *Административная интеграция* народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи. Сборник документов и материалов / Сост. З.Ж. Глашева. – Нальчик: Принт Центр, 2018. – Т. 1. – 492 с.; 2020. – Т. 2. – 648 с.; 2023. – Т. 2. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Часть 1. – 816 с.; Часть 2. – 708 с.; Часть 3. – 908 с.

Административная практика 2012 – *Административная практика* Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 399 с.

АКАК 1866 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. – Т. 1. – 816 с.;

АКАК 1868 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. – Т. 2. – 1238 с.;

АКАК 1870 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. – Т. 4. – 1011 с.

АКАК 1873 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1873. – Том 5. – 1170 с.

АКАК 1875 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. – Т. 6. – Часть 2. – 950 с.

АКАК 1881 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1881. – Том 8. – 1009 с.

АКАК 1884 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1884. – Том 9. – 1013 с.

АКАК 1885 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1885. – Том 10. – 936 с.

АКАК 1904 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. – Том 12. – 1552 с.

Глашева 2011 – *Глашева З.Ж.* Материалы Абрамовской комиссии как источник изучения землевладения и землепользования Балкарии пореформенного периода // Всероссийские Миллеровские чтения. – 2011. – № 2. – С. 82–94.

Глашева 2016 – *Глашева З.Ж.* Земельные преобразования в Балкарских обществах во второй половине XIX в. (акты, проекты, постановления) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. – 2016. – № 3 (30). – С. 34–42.

Глашева 2023 – *Глашева З.Ж.* Документы к истории Высочайшего пожалования земель по Золке и Этоке (1839 г.) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2023. – № 3(113). – С. 55–67. DOI: 10.35330/1991-6639-2023-3-113-55-67

Глашева 2024 – *Глашева З.Ж.* Документы к истории Высочайшего пожалования земель по Золке и Этоке (1840 г.) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2024. – Т. 26. – № 5. – С. 251–263. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-5-251-263

Глашева 2025 – *Глашева З.Ж.* Документы к истории Высочайшего пожалования земель по Золке и Этоке (1841–1842 гг.) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2025. – Т. 27. – № 6. – С. 389–405. DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-6-389-405

Документы по истории адыгов 2011 – *Документы по истории* адыгов 20-50-х годов XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / Сост. З.М. Кешева. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 201 с.

Документы по истории Балкарии 1959 – *Документы по истории* Балкарии (40–90 гг. XIX в.) / Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. – 262 с.

Журтова и др. 2022 – *Журтова А.А., Кумахова З.Х., Коновалов А.А.* Проблемы истории и историографии народов Северного Кавказа в исследованиях П.А. Кузьминова // Исторический журнал: научные исследования. – 2022. – № 6. – С. 9–23. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.6.39032. EDN: EDZHDO. Электронный ресурс. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39032 (дата обращения: 12.02.2026 г.).

Из документальной истории 2000 – *Из документальной истории* кабардино-русских отношений: вторая половина XVIII – первая половина XIX в. / Сост. Х.М. Думанов. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 477 с.

Избранные 2000 – *Избранные* документы Кавказского комитета. Политика России на Северном Кавказе в 1860–70-е годы / Сост. Н.Ю. Силаев // Сборник Русского исторического общества / Под ред. О.М. Рапова. – М.: РИО, «Русская панорама», 2000. – С. 172–214.

Кабардино-русские 2019 – *Кабардино-русские* отношения в исторических материалах. БЛИКИ. Вып. 11 / Сост. Р.К. Кармов. – Нальчик: Принт Центр, 2019. – 184 с.

Крестьянская реформа 1947 – *Крестьянская реформа* в Кабарде: Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 г. / Сост. Г.А. Кокиев. – Нальчик, 1947. – 271 с.

Кузьминов 2013 – *Кузьминов П.А.* Юридическое регулирование земельных отношений в Кабарде и на Северо-Западном Кавказе // Антология памятников права народов Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2013. – Т. 5. – С. 43–333.

Материалы Комитета 2016 – Материалы Комитета по определению личных прав жителей Кабардинского Округа (1861–1867 годы). Сер. БЛИКИ / Сост. Р.К. Кармов. – Нальчик: Принт Центр, 2016. – Вып. 3. – 176 с.

Материалы по истории 2012 – *Материалы по истории* западных черкесов (Архивные документы 1793–1914гг.) / Сост. А.В. Сивер. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. – 158 с.

Между централизмом 2014 – *Между централизмом* и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в.: сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 225 с.

Народы 2005 – *Народы* Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. Сборник документальных материалов / Сост. П.А. Кузьминов, Б.К. Мальбахов. В 2-х т. – М.: Поматур, 2005. – Т. 1. – 368 с.; Т. 2. – 392 с.

Территория 1992 – *Территория* и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков: сборник документов / Сост. Х.М. Думанов. – Нальчик: Изд-во «Нарт», 1992. – 272 с.

Трансформация общественно-политического 2017 – *Трансформация общественно-политического* устройства народов Центрального и Западного Кавказа в источниках. 1732–1892 гг. БЛИКИ / Сост. Р.К. Кармов. – Нальчик: Принт Центр, 2017. – Вып. 6. – 195 с.

REFERENCES

Agrarnye otnosheniya u narodov Severnogo Kavkaza v rossiiskoi politike XVIII – nachala XX veka. [Agrarian Relations among the Peoples of the North Caucasus in Russian Politics of the 18th – Early 20th Centuries. Archival Materials and Research] / Compiled by P.A. Kuzminov, author of the foreword and article. – Nalchik: El-Fa, State Enterprise of the KBR «Republican Printing Plant named after the 1905 Revolution», 2006. – Vol. 1. – 470 p. (In Russ.).

Agrarnye otnosheniya u narodov Severnogo Kavkaza v rossiiskoi politike XVIII – nachala XX veka [Agrarian Relations among the Peoples of the North Caucasus in Russian Politics of the 18th – Early 20th Centuries. Archival Materials and Research] / Compiled by P.A. Kuzminov, author of the foreword and article. – Nalchik: El-Fa, State Enterprise of the KBR «Republican Printing Plant named after the 1905 Revolution», 2008. – Vol. 2. 550 p. (In Russ.).

Administrativnaya integratsiya narodov Severo-Zapadnogo i Tsentral'nogo Kavkaza v sostav Rossiiskoi imperii. Sbornik dokumentov i materialov [Administrative Integration of the Peoples of the Northwestern and Central Caucasus into the Russian Empire. Collection of Documents and Materials] / Comp. Z.Zh. Glasheva. – Nalchik: Print Center, 2018. – Vol. 1. 492 p.; 2020. – Vol. 2. 648 p.; 2023. – Vol. 2. 2nd edition, revised and supplemented. Part 1. 816 p.; Part 2. 708 p.; Part 3. 908 p. (In Russ.).

Administrativnaya praktika Rossiiskoi imperii na Tsentral'nom Kavkaze s kontsa XVIII v. do 1870 g. (na materiale Osetii): Sbornik dokumentov [Administrative Practice of the Russian Empire in the Central Caucasus from the Late 18th Century to 1870 (Based on Ossetia): Collection of Documents] / Comp., Introduction, Commentary by E.I. Kobakhidze. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. 399 p. (In Russ.).

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes] / Ed. A.P. Berger. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1866. – Vol. 1. 816 p. (In Russ.).

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes] / Ed. A.P. Berger. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1868. – Vol. 2. 1238 p. (In Russ.).

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes] / Ed. A.P. Berger. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1870. – Vol. 4. 1011 p. (In Russ.).

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes] / Ed. A.P. Berger. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1873. Volume 5. 1170 p. (In Russ.).

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes] / Ed. A.P. Berger. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1875. Volume 6. Part 2. 950 p. (In Russ.).

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes] / Ed. A.P. Berger. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1881. Volume 8. 1009 p. (In Russ.).

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes] / Ed. A.P. Berger. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1884. Volume 9. 1013 p. (In Russ.).

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes] / Ed. A.P. Berger. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1885. Volume 10. 936 p. (In Russ.).

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes] / Ed. A.P. Berger. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1904. Volume 12. 1552 p. (In Russ.).

GLASHEVA Z.Zh. *Materialy Abramovskoi komissii kak istochnik izucheniya zemlevladeniya i zemlepol'zovaniya Balkarii poreformennogo perioda* [Materials of the Abramov Commission as a Source for the Study of Land Ownership and Land Use in Balkaria in the Post-Reform Period]. In: Vserossiiskie Millerovskie chteniya. 2011. No. 2. Pp. 82–94. (In Russ.).

GLASHEVA Z.Zh. *Zemel'nye preobrazovaniya v Balkarskikh obshchestvakh vo vtoroi polovine XIX v. (akty, proekty, postanovleniya)* [Land Transformations in Balkar Societies in the Second Half of the 19th Century (Acts, Projects, Resolutions)]. In: Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovanii Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoi Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. 2016. No. 3 (30). Pp. 34–42. (In Russ.).

GLASHEVA Z.Zh. *Dokumenty k istorii Vysochaishego pozhalovaniya zemel' po Zolke i Ehtoke (1839 g.)* [Documents on the history of the Imperial grant of lands along Zolka and Etok (1839)]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2023. No. 3(113). Pp. 55–67. DOI: 10.35330/1991-6639-2023-3-113-55-67. (In Russ.).

GLASHEVA Z.Zh. *Dokumenty k istorii Vysochaishego pozhalovaniya zemel' po Zolke i Ehtoke (1840 g.)* [Documents on the history of the Imperial grant of lands along Zolka and Etok (1840)]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2024. – Vol. 26. No. 5. Pp. 251–263. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-5-251-263. (In Russ.).

GLASHEVA Z.Zh. *Dokumenty k istorii Vysochaishego pozhalovaniya zemel' po Zolke i Ehtoke (1841–1842 gg.)* [Documents on the history of the Imperial grant of lands along Zolka and Etok (1841–1842)]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2025. – Vol. 27. No. 6. Pp. 389–405. DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-6-389-405. (In Russ.).

Dokumenty po istorii adygov 20-50-kh godov XIX v. (po materialam TSGA KBR) [Documents on the history of the Adyghe people of the 1820s–1850s (based on materials from the Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic)] / Comp. Z.M. Kesheva. – Nalchik: KBIHR Publishing Department, 2011. 201 p. (In Russ.).

Dokumenty po istorii Balkarii (40–90 gg. XIX v.) [Documents on the history of Balkaria (40-90 years of the XIX century)] / Comp. E.O. Krikunova. Nal'chik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1959. 262 p. (In Russ).

ZHURTOVA A.A., KUMAKHOVA Z.KH., KONOVALOV A.A. *Problemy istorii i istoriografii narodov Severnogo Kavkaza v issledovaniyakh P.A. Kuz'minova* [Problems of the History and Historiography of the Peoples of the North Caucasus in the Research of P.A. Kuzminov]. In: Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2022. No. 6. Pp. 9–23. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.6.39032. (In Russ.).

Iz dokumental'noi istorii kabardino-russkikh otnoshenii: vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v. [From the Documentary History of Kabardino-Russian Relations: Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century] / Compiled by Kh.M. Dumanov. – Nalchik: Elbrus, 2000. 477 p. (In Russ.).

Izbrannye dokumenty Kavkazskogo komiteta. Politika Rossii na Severnom Kavkaze v 1860–70-e gody [Selected Documents of the Caucasian Committee. Russia's Policy in the North Caucasus in the 1860s–70s] / Compiled by N.Yu. Silaev. In: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva / Ed. by O.M. Rapov. Moscow: RIO, «Russian Panorama», 2000. Pp. 172–214. (In Russ.).

Kabardino-russkie otnosheniya v istoricheskikh materialakh. BLIKI. Vyp. 11 [Kabardino-Russian Relations in Historical Materials. HIGHLIGHTS. Issue 11] / Compiled by R.K. Karmov. – Nalchik: Print Center, 2019. 184 p. (In Russ.).

Krest'yanskaya reforma v Kabarde: Dokumenty po istorii osvobozhdeniya zavisimykh soslovii v Kabarde v 1867 g. [Peasant Reform in Kabarda: Documents on the History of the Emancipation of Dependent Estates in Kabarda in 1867] / Compiled by G.A. Kokiyev. Nalchik, 1947. 271 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Yuridicheskoe regulirovanie zemel'nykh otnoshenii v Kabarde i na Severo-Zapadnom Kavkaze* [Legal Regulation of Land Relations in Kabarda and the Northwest Caucasus]. In: Antologiya pamyatnikov prava narodov Kavkaza. Rostov-na-Donu, 2013. – Vol. 5. pp. 43–333. (In Russ.).

Materialy Komiteta po opredeleniyu lichnykh prav zhitelei Kabardinskogo Okruga (1861–1867 gody). Ser. BLIKI [Materials of the Committee for Defining the Personal Rights of Residents of the Kabardian Okrug (1861–1867). Series: BLIKI] / Compiled by R.K. Karmov. – Nalchik: Print Center, 2016. Issue 3. 176 p. (In Russ.).

Materialy po istorii zapadnykh cherkesov (Arkhivnye dokumenty 1793–1914gg.) [Materials on the History of Western Circassians (Archival Documents 1793–1914)] / Compiled by A.V. Siver. – Nalchik: Publishing Department of KBIHR, 2012. 158 p. (In Russ.).

Mezhdu tsentralizmom i regionalizmom: administrativnye preobrazovaniya na Tsentral'nom Kavkaze v 70-kh gg. XIX – nachale XX v.: sbornik dokumentov [Between Centralism and Regionalism: Administrative Transformations in the Central Caucasus in the 1870s – Early 20th Century: A Collection of Documents] / Compiled, Introduction, and Commentary by E.I. Kobakhidze. Vladikavkaz: NOIHSR VSC RAS and RNO-A, 2014. 225 p. (In Russ.).

Narody Tsentral'nogo Kavkaza v 40-kh – nachale 60-kh godov XIX veka. Sbornik dokumental'nykh materialov [Peoples of the Central Caucasus in the 1840s – early 1860s. A collection of documentary materials] / Compiled by P.A. Kuzminov, B.K. Malbakhov. In 2 volumes. Moscow: Pomatur, 2005. – Vol. 1. 368 p.; – Vol. 2. 392 p. (In Russ.).

Territoriya i rasselenie kabardintsev i balkartsev v XVIII – nachale XX vekov: sbornik dokumentov [Territory and Settlement of Kabardians and Balkars in the 18th – early 20th centuries: a collection of documents] / Compiled by H.M. Dumanov. – Nalchik: Nart Publishing House, 1992. 272 p. (In Russ.).

Transformatsiya obshchestvenno-politicheskogo ustroistva narodov Tsentral'nogo i Zapadnogo Kavkaza v istochnikakh. 1732–1892 gg. BLIKI [Transformation of the Socio-Political 2017 – Transformation of the Socio-Political Structure of the Peoples of the Central and Western Caucasus in Sources. 1732–1892] / Comp. R.K. Karmov. – Nalchik: Print Center, 2017. Issue 6. 195 p. (In Russ.).

Информация об авторах
А.А. Журтова – кандидат исторических наук, доцент.
Е.А. Апажева – доктор исторических наук.
Х.Б. Мамсиров – доктор исторических наук, профессор.
Information about the authors
A.A. Zhurtova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.
E.A. Apazheva – Doctor of Historical Sciences.
Kh.B. Mamsirov – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 08.03.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 39/93
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-148-165
EDN: KEMEMQ

ИЗУЧЕНИЕ ОРОЛАТРИИ У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Магомедхабиб Русланович Сефербеков
Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала, Россия, deadromance3@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-5714-8178

Аннотация. В статье на основе историко-типологического, хронологического и системного методов исторической науки дан историографический обзор дореволюционных, советских и новейших исторических и этнографических источников и литературы по *ороатрии* народов Дагестана и Северного Кавказа. *Ороатрия* (культ гор) – одна из ранних форм религиозных верований, восходящая к культу природы первобытного общества. На Кавказе *ороатрия* носила региональный характер и всегда была в центре внимания исследователей. Как считает автор, причиной того, что на Кавказе не сложился единый культовый центр *ороатрии*, а образовались только региональные очаги, являлось раздробленное его состояние в этнополитическом отношении на феодальные владения и союзы вольных обществ.

Если дореволюционная историография культа гор носила описательный характер, то описание *ороатрии* авторов советского и новейшего времени носило концептуальный характер – они уточнили содержание этой категории и определили виды её проявлений. Исследованием культа гор в Дагестане и на Северном Кавказе занимались Д.Н. Анучин, Б.К. Далгат, Г.Ф. Чурсин, М.А. Агларов, Б.А. Крылов и др. Особенно большой вклад в изучение *ороатрии* внесли советские и российские этнологии Л.Я. Штернберг, Л.П. Потапов, И.Л. Кызласов, В.Н. Топоров и С.А. Токарев. Сохранение этой ранней формы религии в советское и новейшее время можно объяснить её важностью в системе ментальных ценностей населения Северного Кавказа в рамках исповедания «народного ислама» и «народного христианства» в этом регионе. Учитывая важность изучения бытового функционирования религии в эпоху глобализации, дальнейшее исследование *ороатрии* у народов Северного Кавказа имеет исследовательские перспективы в российском кавказоведении.

Ключевые слова: ороатрия; ранние формы религии; Дагестан и Северный Кавказ; историографический обзор; новое, советское и новейшее время.

Для цитирования: Сефербеков М.Р. Изучение ороатрии у народов Дагестана и Северного Кавказа: историографический обзор // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 148-165. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-148-165. EDN: KEMEMQ.

© Сефербеков М.Р., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

STUDY OF OROLATRY AMONG THE PEOPLES OF DAGESTAN AND THE NORTH CAUCASUS: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Magomedhabib R. Seferbekov
Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia, dead-romance3@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-5714-8178

Abstract. The article, based on the historical-typological, chronological and systemic methods of historical science, provides a historiographic review of pre-revolutionary, Soviet and modern historical and ethnographic sources and literature on the orolatry of the peoples of Dagestan and the North Caucasus. Orolatry (mountain cult) is one of the earliest forms of religious belief, dating back to the nature cult of primitive society. In the Caucasus, orolatry was regional in nature and has always been a focus of research. According to the author, the reason why a single cult center of orolatry did not emerge in the Caucasus, but only regional centers, was its fragmented state in ethnopolitical terms into feudal holdings and unions of free societies.

If the pre-revolutionary historiography of the mountain cult was descriptive in nature, then the description of orolatry by Soviet and modern authors was conceptual in nature – they clarified the content of this category and defined the types of its manifestations. The study of the mountain cult in Dagestan and the North Caucasus was carried out by D.N. Anuchin, B.K. Dalgat, G.F. Chursin, M.A. Aglarov, B.A. Krylov, and others. A particularly significant contribution to the study of orolatry was made by Soviet and Russian ethnologists L.Ya. Sternberg, L.P. Potapov, I.L. Kyzlasov, V.N. Toporov, and S.A. Tokarev. The survival of this early form of religion in Soviet and modern times can be explained by its importance in the system of mental values of the population of the North Caucasus within the framework of the confession of "folk Islam" and "folk Christianity" in this region. Considering the importance of studying the everyday functioning of religion in the era of globalization, further research into orolatry among the peoples of the North Caucasus has research prospects in Russian Caucasian studies.

Key words: Orolatry; early forms of religion; Dagestan and the North Caucasus; historiographic review; modern, Soviet and contemporary times.

For citation: Seferbekov M.R. Study of orolatry among the peoples of Dagestan and the North Caucasus: a historiographical review. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 148-165. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-148-165. EDN: KEMEMQ.

© Seferbekov M.R., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Ороатрия – одна из ранних форм верований, связанная с почитанием гор. Она включает в себя не только почитание гор, но и их производных – скал, пещер, останцев, холмов, валунов и камней. Как и другие древние верования (магия, анимизм, фетишизм, тотемизм, шаманизм, политеизм) почитание гор зародилось в первобытную эпоху с её культом природы во главе с *Великой Богиней матерью*.

Целью данной статьи является историографический обзор трудов отечественных и зарубежных авторов, занимавшихся исследованием этой формы религиозных верований в Дагестане и на Северном Кавказе в новое, советское и новейшее время.

Методологической основой работы послужили труды зарубежных (Э.Б. Тайлор, Д.Д. Фрэзер) и отечественных (Г.Ф. Чурсин, Л.Я. Штернберг, Л.П. Потапов, И.Л. Кызласов, С.А. Токарев и др.) исследователей ранних форм религий.

При написании статьи нами были использованы специальные исторические методы исследования: историко-типологической метод позволил нам упорядочить публикации по *ороатрии*, разделив их на однородные группы по существенным признакам для того, чтобы, используя хронологический (новое, советское и новейшее время) и системный (целостность, иерархичность, структуризация) методы в строгой последовательности представить историографический обзор исторических и этнографических источников и литературы по культу гор.

Необходимость исследования была вызвана отсутствием обобщающих трудов по комплексному изучению этого явления в трёх временных измерениях, чем обеспечивается новизна и полнота рассмотрения проблемы. Актуальность проблемы обусловлена важностью для российского кавказоведения исследования бытового функционирования так называемого «народного ислама» и «народного христианства» на Северном Кавказе, в систему которых органически вплетены сохраняющиеся реликты *ороатрии*.

Теоретическая значимость работы заключается в обогащении историографии российской этнологии новым обобщенным материалом авторских публикаций по *ороатрии*, охватывающий значительный временной отрезок, включающий XIX – первую четверть XXI в.

Практическая значимость нашей работы заключается в том, что её материалы могут быть использованы при написании обобщающих трудов по религиозным верованиям и духовной культуре народов Северного Кавказа.

Взгляды представителей зарубежной и отечественной этнологии на ороатрию

Проблема изучения *ороатрии* тесно связана с исследованием других форм домонотеистических верований, зародившихся в первобытную эпоху с его культом природы во главе с *Великой Богиней-матерью* [Рабинович 1994: 178–180]. Как считал М.И. Шахнович, религия в доклассовом обществе прошла три основные стадии: 1) религия раннеродового общества – тотемизм – фантастическое отражение кровнородственных и производственных связей в виде тотема (мифологического «предка» рода); 2) религия развитого рода – культ духов предков; 3) религия племени – культ природы и стихий, возникший в связи с появлением земледелия и скотоводства и превратившийся в племенной политеизм (многобожие) как фантастическое отражение развитого племенного строя [Шахнович 1967: 242]. В соответствии с этой периодизацией возникает вопрос – к какой из перечисленных выше стадий можно отнести зарождение *ороатрии*? В связи с этим представляется важным рассмотрение взглядов зарубежных и отечественных этнологов и религиоведов, в разное время изучавших эту проблему.

Один из основателей этнологии и антропологии, английский этнолог и культуролог Э.Б. Тайлор (1832–1917), считающийся отцом эволюционной теории развития культуры, в написанной в 1871 г. и посвященной вопросам происхождения и развития религии работе «Первобытная культура» [Тайлор 1989] рассматривает анимизм (веру в души и духов) как зародыш, из которого развились все остальные первобытные религиозные верования (магия, мантика, тотемизм,

фетишизм, политеизм). В одном из разделов книги Э.Б. Тайлор описывает проявления фетишизма, приводя примеры поклонения различными народами мира отдельным скалам, камням и валунам, которые служили им идолами (воплощениями божеств и могучих духов). Этим идолам приносили жертвоприношения как пенатам и патронам селения, а почитаемые камни использовались в обрядах народной медицины и метеорологической магии [Тайлор 1989: 341–345]. Таким относящимся к доисламскому времени фетишем он считал вмурованный в один из углов Каабы «главную святыню ислама» – «чёрный камень», «якобы посланный Аллахом с неба». К этой святыне верующие «поворачиваются лицом во время молитвы, она же – основной объект паломничества мусульман в Мекку» [Тайлор 1989: 518]. Несмотря на то, что в настоящее время многие взгляды Э.Б. Тайлора отвергаются исследователями, его содержащая огромный фактический материал книга продолжает служить важным источником для изучения проблем происхождения религии.

Крупнейший представитель культурной антропологии, исследователь религии народов мира Д.Д. Фрэзер (1854–1941) в написанном в 1890 г. своём главном труде «Золотая ветвь» [Фрэзер 1980] систематизировал фактологический материал по первобытной магии, анимизму, тотемизму, *табуации* и фольклору разных народов мира, уделив особое внимание *ороlатрии*. Он приводит примеры принесения человеческих жертвоприношений на горных вершинах спартанцами и некоторыми народами Африки; рассматривает приписываемые отдельным камням магические свойства, и в частности – вызывать дождь при засухе; описывает римский обычай воздвигать храмы и святилища на вершинах гор и встречающуюся у многих народов мира практику скатывания с горы горящего колеса, который имитировал солнечный путь по небу [Фрэзер 1980: 19, 44, 91–93, 95, 174, 195, 713]. В настоящее время эволюционная теория культуры Д.Д. Фрэзера отвергнута мировой этнологией, однако ценным является собранный им материал по ранним формам религии у так называемых «отсталых» народов мира. В послесловии к этой книге советский этнолог С.А. Токарев критиковал Д.Д. Фрэзера за спорность и малоубедительность приведённых им материалов, но, оценивая его за заслуживающую одобрение «научную честность», считал, что в лице Фрэзера «мы имеем дело с одним из крупнейших свободомыслящих учёных» [Токарев 1980: 802, 803].

Исследователи религиозных верований особое значение придавали семантике (смысловое значение) и символике (символы как особые несущие глубокий смысл и представляющие культурную ценность знаки) мифологем «гора», «камень» и «пещера». В этом отношении представляется интересной их интерпретация известными специалистами по символике народов мира Дж. Купером [Купер 1995: 59–60, 125–128, 245] и О.В. Вовком [Вовк 2005: 75–81, 81–91]. Наиболее полную характеристику архетипу «гора» дал В.Н. Топоров. В своей опубликованной в энциклопедии «Мифы народов мира» статье [Топоров 1994а: 311–315] он приводит мифологические функции *мировой горы*, выступающей «в качестве наиболее распространённого варианта трансформации *древа мирового*» [Топоров 1994а: 311], против чего категорически выступал С.А. Токарев [Токарев 1982: 113].

Известный религиовед Мирча Элиаде (1907–1986) в своём написанном в 1956 г. эссе «Священное и мирское» [Элиаде 1994] анализирует поведение и ощущения человека в наполненном религиозным значением мире, рассматривает противопоставление Космоса и Хаоса, изучает символизм *космической Горы* [Элиаде 1994: 27, 31]. В его философии «горы фигурируют среди образов, символизирующих связь Неба и Земли. То есть предполагается, что горы находятся в «Центре Мира». А из этого следует, что «прилегающая к горе территория, составляющая «наш мир», расценивается как местность, расположенная ближе всего к небу» [Элиаде 1994: 31–32].

Не обошёл вниманием символизм *горы* Ариэль Голан, который на основе графической символики дагестанского архитектурного орнамента, привлекая материалы по археологии, лингвистике и др. смежным наукам, попытался реконструировать религиозно-мифологические представления раннеземледельческих культур Передней Азии и Юго-Восточной Европы. В одном из разделов своей книги [Голан 1993], описывая символику мифологемы «мировая гора», он писал, что она имела «вид конуса, пирамиды или ступенчатой пирамиды» [Голан 1993: 91]. Но подобная интерпретация не оригинальна, а упоминается, например, теми же В.Н. Топоровым («пирамида, зиккурат, пагода, храм, ступа, чум и арка могут рассматриваться как как архитектурный образ горы, её аналог» [Топоров 1994а: 314]), Дж. Купером («храмы, построенные в виде горы, например, шумерские зиккураты […]» [Купер 1995: 60]) и О.В. Вовком («многие фантастические горы часто представляли ступенчатыми». […] «Так возникли азиатские пагоды, вавилонские зиккураты, ступенчатые пирамиды Центральной Америки и Египта» [Вовк 2005: 77]). По мнению А. Голана, горы связывались с богом земли и с *Великой богиней*, а пещеры – с преисподней [Голан 1993: 92, 94]. Однако, представленные им доказательства [Голан 1993: 85–97] таких суждений кажутся нам малоубедительными и нелогичными.

Советские исследователи культа гор

В советское время одним из первых, кто обратил внимание на культ гор был Л.Я. Штернберг. Изучая религиозные верования народов Севера, он связывал происхождение этого феномена с анимативизмом и анимизмом, с представлением о горах как о «живых существах», в каждой из которых «живет могущественный дух» [Штернберг 1936: 383–384]. На широком источниковом материале он приводит примеры мифологических представлений, связанных с горами, жертвоприношениям им, использования их в народной медицине и календарной обрядности (метеорологическая магия). По его мнению, с эволюцией хозяйственных занятий от присваивающих (охота) к производящим (земледелие и скотоводство) культ гор эволюционирует в культ плодородия. Он считал, что все «богини плодородия первоначально были горными божествами»: «в охотничий период они были богинями гор и хозяевами животных, а затем, по мере перехода человека к земледелию, превратились в богинь плодородия» [Штернберг 1936: 385].

В послевоенное время на материале алтайцев культом гор занимался Л.П. Потапов [Потапов 1946: 145–160]. Изучая почитание так называемой «родовой горы» у алтайцев, он установил факт её связи с родовой охотничьей территорией

[Потапов 1946: 155–156]. По его мнению, «мир духов гор или горных хозяев» у алтайцев-охотников был «создан по их собственному типу и образу жизни» [Потапов 1946: 158]. Л.П. Потапов пришёл к выводу, что олицетворённый в антропоморфных образах «духов-хозяев» родовое почитание гор у алтайцев восходит к культу природы и стихий [Потапов 1946: 160].

Исследуя фольклор хакасов, И.Л. Кызласов [Кызласов 1982: 83–92] выявил несколько связанных с культом гор мифологем и сюжетных линий: «рождение эпических героев внутри горы»; «пещера – убежище, в которой прячутся от опасности и вырастают богатырские дети»; «герои богатырских сказаний умирают, уходя в скалу»; «представления о пещере как входе в подземный мир»; мотив о живущих в горах и пещерах «хозяевах гор»; «гора как плодоносящая утроба» – «прародитель человеческих существ» [Кызласов 1982: 84–86], что, впрочем, перекликается с подобными же воззрениями у нанайцев [Золотарёв 1934: 21] и представлениями народов средневековой Европы о пещере как «женском детородном органе» [Бахтин 1965: 409]. И.Л. Кызласов приходит к выводу, что первоначально у хакасов «мать-гора – прародительница всего рода», «родовая гора воспринималась как женское начало», которая «с развитием патриархальных воззрений превратилась в каменного отца всей общины» [Кызласов 1982: 87]. По наблюдениям И.Л. Кызласова, у хакасов так же, как и у алтайцев и др. горных народов бытовали представления о *таг-ээзи* – «хозяине горы, тайги и всех ее обитателей, от воли и покровительства которого зависело благосостояние охотника», а звери и дичь, воспринимались как его «скот» [Кызласов 1982: 89]. Воззрения о зверях (олени и туры) как о скоте «горных духов» *Будулаал* имелись и у аварцев [Халидова 1992: 52]. У грузин «хозяйкой», «владычицей» зверей была *Дали* [Вирсаладзе 1976: 130–133].

В посвященной культу гор статье С.А. Токарев считал термин «культ гор» законным и тождественным понятию «оролатрия», а разнообразные виды и формы этого культа сводил к следующим их проявлениям: «гора – прежде всего грозящая опасность»; «духи горных перевалов»; «горы – промысловые угодья»; «хозяева гор»; «родовые горы»; «зависимость урожаев от своевременного орошения полей горными паводками»; «мифологизация (духи гор и пещер, гномы и т.п.) горных богатств»; «духи огнедышащих гор»; «почитание высот»; «сооружение храмов, святилищ, жертвенников на возвышенных местах»; «обычай совершать сезонные, особенно весенние, обряды на возвышенностях»; «горы – пристанища нечистой силы»; «представления о счастливых горах»; «мифологические» горы («мировая гора») [Токарев 1982: 107–112]. По мнению С.А. Токарева, хорошо видна зависимость форм религиозно-мифологических представлений от исторически и экологически детерминированных условий жизни людей и от форм их материальной деятельности [Токарев 1982: 112]. Он считал ошибочной концепцию В.Н. Топорова, считавшего родственными и изофункциональными мифологические образы «горы» [Топоров 1994а: 311–315] и «древа мирового» [Топоров 1994б: 398–406], ввиду «полной несоизмеримости этих двух понятий» и не совпадения их функций [Токарев 1982: 113].

В фундаментальной посвященной ранним формам религии работе С.А. Токарев отнёс к числу древнейших и более поздних по своему происхождению

форм религии следующие её виды: 1) тотемизм; 2) ведовство, вредоносные обряды; 3) знахарство; 4) эротические обряды; 5) погребальный культ; 6) раннеплеменной культ (инициации); 7) промысловый культ; 8) семейно-родовой культ святынь и покровителей; 9) патриархальный семейно-родовой культ предков; 10) шаманизм; 11) нагуализм (культ личных духов-покровителей); 12) культ тайных союзов; 13) культ вождей; 14) культ племенного бога; 15) аграрные культы [Токарев 1990: 50]. В этой классификации С.А. Токарева не нашлось места *оролатрии*, о которой он упоминает вскользь вначале книги, перечисляя «анимистические образы» и «олицетворения сил и явления природы: духи леса, гор, реки, пустыни и проч., духи грозы и бури, ветра – преимущественно тех стихий природы, которые грозят человеку какими-либо опасностями» [Токарев 1990: 38]. Правда, в конце книги помещена в виде раздела его опубликованная ранее в журнале «Советская этнография» статья о культе гор и его месте в истории религии [Токарев 1982: 107–113]. Однако, это обстоятельство всё же не проясняет вопроса – к какой же из вышеперечисленных форм религии он относил *оролатрию*?

Изучение оролатрии народов Дагестана и Северного Кавказа

Из дореволюционных русских исследователей, целенаправленно занимавшихся изучением горного ландшафта Дагестана, следует назвать Беккера [Л.З. 1875: 32, 41-42, 45–46], который в 1873 и 1874 гг. совершил восхождения на вершины гор *Магидаг, Шалбуздаг, Шахдаг* и *Базардюзю*. Он описал праздник цветов в лезгинском сел. Ахты, который они отмечали ежегодно 9 июля, а также почитание ими могилы «мусульманского святого» («пир Сулейман») на горе *Шалбуздаг*.

Заслуживает внимания отчёт о поездке в Дагестан известного российского географа и этнографа, академика Д.Н. Анучина (1843–1923), который по поручению графа Уварова занимался изучением пещер (а также встречавшихся на его пути курганов, могильников и др. древностей) Дагестана с целью нахождения артефактов, относящихся к каменному веку. В рамках своей миссии он исследовал пещеры «Тларкачу Карту» близ сс. Урма и Леваши, а также пастбищную гору с. Цугни [Анучин 1884: 32–33, 42]. Интересен приведённый им рассказ о споре между даргинцами (уркарахцами и хюркилинцами) за владение горой, которая у акушинцев называлась «Уркухли-дура», а у уркарахцев – «Чевахъ-дууре». В окрестностях с. Хаджал-Махи он осмотрел пещеру «Яц-Татц» («брата и сестры»), с которой связана легенда об основании аула Цудахар [Анучин 1884: 72–74]. Изучил Д.Н. Анучин пещеры у с. Кочер и грот «Потльлазухбахъ» близ с. Чох. Он предпринял восхождение на гору *Зуберха* близ с. Гергебиль для осмотра найденных там при раскопках костей и бронзовых предметов [Анучин 1884: 80–81, 87–89]. В окрестностях Дербента он осмотрел пещеры и гроты «Кичи-кав», «Кафтар-кала» и «Эмджекляр-пир» («пещера святых сосков») [Анучин 1884: 92–93]. Не достигнув цели своей поездки в Дагестана и не найдя здесь следов каменного века, Д.Н. Анучин объяснил это обстоятельство малой привлекательностью края (по характеру рельефа и почв) для его заселения первобытным человеком

[Анучин 1884: 93]. Однако последние изыскания российских археологов опровергают этот вывод Д.Н. Анучина: Дагестан был заселен в глубокой древности, о чём свидетельствуют находки, относящиеся к нижнему палеолиту [Амирханов 2016; Таймазов 2021]. Несмотря на скудость интересующей нас информации, отчёт Д.Н. Анучина ценен тем, что он подробно описывает языки, хозяйственные занятия, культуру и быт жителей посещённых им аулов Дагестана.

Одним из крупных исследователей обычного права и «первобытных верований» народов Дагестана, Чечни и Ингушетии был этнограф и правовед Башир Далгат (1870–1934). Будучи приверженцем эволюционной школы в этнологии и придерживаясь сравнительно-исторического метода, он занимался сбором и публикацией материалом о ранних формах религий у горцев Северного Кавказа. В 1891 и 1892 гг. он совершил две экспедиции в Горные Чечню и Ингушетию, по результатам которых в 1893 г. опубликовал статью в «Терском сборнике» о религиозных верованиях чеченцев и ингушей, включавших и бытование у них христианства до принятия ими ислама [Далгат 2004]. Представляют интерес их воззрения о построенном по образцу жизни людей мире богов, а «тот свет похож на этот» – «область это горная» [Далгат 2004: 59]. Обожествляли чеченцы и ингуши горы, озёра, небесные светила и проч. В соответствии с их представлениями, вершина *Казбек*а (*Бешлам-корт*) была местом пребывания богини вьюг *Дардза-нянильк* [Далгат 2004: 157].

В советское время одним из первых кавказоведов, уделивших внимание *ороатри*и народов Кавказа, был профессор Ленинградского университета Г.Ф. Чурсин (1874–1930). Особый интерес вызывают собранные им в 1928 г. в селениях Гудаутского, Очамчирского и Галльского районов Абхазии материалы, опубликованные после его смерти [Чурсин 1957]. В разделах «Святые места Абхазии» и «Культ природы» этой книги Г.Ф. Чурсин описывает расположенные на вершинах некоторых гор родовые святилища абхазов. Большое внимание он уделяет почитаемой абхазами горе *Дыдрипш*, у подножья которой приносились присяги, совершались моления богам и жертвоприношения [Чурсин 1957: 27–42].

Следует отметить, что вслед за Г.Ф. Чурсиным в 90-е гг. XX в. и в 2000-е гг. изучением святилища на горе *Дыдрипш* занимался А.Б. Крылов [Крылов 2001]. Оно оставалось единственным из семи главных абхазских святилищ (*Дыдрыпш-ныха, Инал-куба, Лашкендар-ныха, Лдзаа-ныха, Лых-ныха* и *Ылыр-ныха*), которое продолжало функционировать непрерывно в течение всего советского периода [Крылов 2001: 173]. По словам жреца этого святилища Заура Чичбы, на самом деле абхазы почитают не священную гору, «они почитают *Дыдрыпш*а – ангела, представляющего Бога, а гора рассматривается как священная лишь в качестве места его обитания» [Крылов 2001: 211].

Наряду с горными святилищами абхазов Г.Ф. Чурсин в 1928 г. исследовал культ гор у аварцев [Чурсин 1995]. Несмотря на довольно очевидные проявления *ороатрии* у аварцев, Г.Ф. Чурсин писал: […] «авары, насколько мне удалось выяснить, не имеют сколько-нибудь явственно выраженных следов почитания гор и горных перевалов» [Чурсин 1995: 52]. Этот феномен он связывал с влия-

нием на аварцев ислама, вытеснившего у них почитание гор и духов горных перевалов. Отголоском такого почитания Г.Ф. Чурсин считал существовавший у женщин с. Чох «обычай увешивать лоскутками материи скалу на *Турчидаг*е» [Чурсин 1995: 53]. Приводит он и популярные у аварцев легенды об окаменении людей [Чурсин 1995: 53–54].

В посвященной амулетам и талисманам кавказских народов работе Г.Ф. Чурсин рассматривает примеры использования кавказцами камней необычной формы (с естественными отверстиями) и происхождения (небесное или находимые в земле) в качестве оберегов и в народной медицине [Чурсин 1929: 23–25].

Одним из первых, кто обратил внимание на то, что культ гор в Дагестане носит региональный характер был М.А. Агларов. В своей статье, посвященной языческому святилищу на вершине горы *Бахарган*, он указывает на почитаемые в разных регионах Дагестана священные горы: *Шалбуздаг* – в Южном Дагестане (и Северном Азербайджане), *Вациллу* – у лакцев, *Кьили-мегIер* («Седло-гора») – в Центральной Аварии, *Аддала-Шухгельмеэр* в Западном Дагестане, *ЦIобол-гохI* («Божья гора») у аварцев Гумбета, *Ханибалъ* – у багулалов и тиндалов, *ГьиларикIкIуна* (святилище на вершине горы *Бахарган*) – у андийских народностей [Агларов 1984: 36–42]. С почитаемыми горами в Дагестане были связаны легенды об окаменении людей. У аварцев они были пристанищами антропоморфных мифологических персонажей – *Буадалал*. Мифы и легенды о внешнем облике и поведении этих «языческих богов древности» позволил М.А. Агларову сделать вывод о том, что «представление о собственных богах у древних дагестанцев было, как и у многих других народов, не более чем отражением самих себя и своего общества в идеале, «перенесенного» на вершины гор» [Агларов 1984: 42]. По его мнению, причиной того, что в Дагестане не сложился единый культовый центр *оролатрии*, а образовались только региональные очаги, являлось «раздробленное его состояние в этнополитическом отношении» [Агларов 1984: 42].

Информацию о *ЦIобол-гохI* («Божья гора») он приводит и в другой своей статье [Агларов 1988: 68], в которой он также повествует о поклонении принявших ислам в конце XVIII в. дидойцами огромной белоснежной каменной глыбе, называемой ими *ЦIоб-Аллагь* [Агларов 1988: 70]. Сведения о культе белого камня у дидойцев приводят также С.А. Лугуев и Д.М. Магомедов [Лугуев, Магомедов 2000: 180]. Вслед за И.В. Мегрелидзе [Мегрелидзе 1951: 281–291] они приводят данные о почитаемой всеми дидойцами «Горе фигурок» *Киделишан* (*Кидела-шаних*), а также об их локальных культовых центрах – горе *Ч1итилиокъ* у с. Мокок; *Ч1ипир* у с. Берих; *Хилотл* у с. Шаитль [Лугуев, Магомедов 2000: 179]. Впрочем, исследованием горы *Киделишан* в 2016 г. занимался один из авторов настоящей статьи [Сефербеков, Магомедов 2016: 67–80].

Довольно подробно *оролатри*ю в Дагестане рассматривает А.О. Булатов [Булатов 1990]. Он полагает, что хранящийся в Ахтынском краеведческом музее каменное изображение фаллоса из рутульского сел. Уна является реликтом культа плодородия. Особое внимание он уделяет смазываемым жиром камням у лакцев: валуну из сел. Табахлу, каменному блоку (носящему женское имя «Ажа») из сел. Хосрех, «каменной женщине» из сел. Кая. Валун из с. Табахлу и

«каменную женщину» из с. Кая А.О. Булатов считает «символическими изображениями божества плодородия» [Булатов 1990: 75–79]. Эти камни использовались лакцами в метеорологической магии и народной медицине. С ними же были связаны легенды об окаменении людей.

Упомянутый выше экспонат Ахтынского краеведческого музея – «каменный фаллос высотой около 40 см и толщиной в человеческое запястье» – приводит в своей книге и Г.И. Исмаилов [Исмаилов 2011]. По его данным, «на возвышающейся на стыке нынешних Акушинского и Кулинского районов Дагестана горе *Шунудаг* (дарг. – *Зенала дубура*) имеется каменное изваяние фаллоса, длиной около 4 метра. До недавнего времени страдающие бесплодием женщины лакских сс. Вихли и Цийша ходили к нему и совершали там какие-то тайные ритуалы, обмазывая его бараньим жиром. Вихлинцы называют этот камень «фаллос горы *Шунудаг*» [Исмаилов 2011: 100–101].

В одном из разделов своей книги А.О. Булатов вслед за М.А. Агларовым рассматривает региональные, а также локальные культовые центры на вершинах гор. Он приводит примеры почитания таких региональных центров у различных дагестанских народностей: гора *Шалбуздаг* – у лезгин и частично у рутульцев; *Джуфудаг* – у табасаранцев, агулов и кайтагов; пещера *Дюрхъ* – у табасаранцев; горы *Вацилу*, *Пабаку-даг*, *ГIанал-зунтту*, *Зияратрал-зунтту* – у лакцев [Булатов 1990: 211–219]. В качестве локальных культовых центров А.О. Булатов приводит горы *Курунна* близ лакского сел. Кумух; *Халитдаг* – на границе цахурского сел. Гельмец и рутульского сел. Микик; *УрцIем* – близ даргинского сел. Гуладты; *ЦIийкул* («Огненная вершина») – в окрестностях рутульского сел. Шиназ [Булатов 1990: 220–222].

Комментируя выделенные С.А. Токаревым десять главных разновидностей культа гор, А.О. Булатов констатирует, что «в этой классификации лишь два раздела обнаруживают себе некоторое соответствие с собранным им материалом по Дагестану. «Первый из них – это *восприятие горы как грозящей опасности*. У нас следы таких представлений исследователи находят у дидойцев […]. Другой аспект культа гор связан с *поклонениями духам-хозяевам горных перевалов* и находит себе параллели, прежде всего во внешнем оформлении в святом месте «КIильбек» на горе *Халитдаг*. Поэтому термином «оролатрия» или «культ гор» мы здесь не пользовались» [Булатов 1990: 222].

Однако, помимо указанных А.О. Булатовым двух, нами наполнены содержанием ещё пять (по классификации С.А. Токарева) проявлений культа гор в Дагестане: 3. *Гора — промысловое угодье. Хозяева гор, священные покровители охотничьего и иного промысла*. 4. *Зависимость земледельческих народов от осадков, концентрируемых на горных вершинах и ледниках: проведение обрядов вызывания дождя*. 5. «*Почитание высот*»: *сооружение храмов, святилищ и жертвенников на возвышенностях*. 6. *Обычай совершать сезонные (особенно весенние) обряды на возвышенностях*. 7. «*Мифологические*» *горы* [Сефербеков 2017: 193–202; Сефербеков 2025: 70–71], что даёт нам основание утверждать о бытовании ярко выраженного культа гор у дагестанцев.

Представленная А.Г. Булатовым информация о смазываемых жиром камнях, легендах об окаменении, региональных и локальных культовых центрах

лакцев [Булатов 1990: 75–79, 219–221] практически полностью совпадает с такими же сведениями, приведёнными в книге А.Г. Булатовой [Булатова 2000: 310, 315–319, 334–337, 346].

Региональные культовые центры (гора *Шалбуздаг* и пещера *Дюрхъ*) «народностей лезгинской группы» описывает и М.М. Ихилов [Ихилов 1967]. Представляется ценной приведённая им информация о расположенной на горе *Шалбуздаг* местности «Эренлер», на которой были расположены почитаемые в народе могилы святых – «Пир Сулеймана» и «Пир Шалбуз» [Ихилов 1967: 227]. Интересно его описание пещерного храма *Дюрхъ* в табасаранском сел. Хустиль [Ихилов 1967: 229]. Сведения об этой почитаемой пещере приводим, и мы [Сефербеков 2014: 181–186].

Исследователь домонотеистических верований дагестанцев Г.А. Гаджиев считал, что в Дагестане «древний смысл почитания гор искажен более поздними религиями – христианством, исламом» и что культ гор восходит к «почитанию местных духов-«хозяев» [Гаджиев 1991: 161]. К таковым он относил обитавших на «священной горе» покровителей охоты и зверей *Будулал* у аварцев; *Абдал* – у даргинцев, лакцев и цахуров; обитавших на горе *Шалбуздаг* духов *эрен* – у лезгин [Гаджиев 1991: 161–162]. По мнению Г.А. Гаджиева, с утверждением ислама места поклонения духам-«хозяевам» гор в Дагестане были переосмыслены в мусульманские святыни. Особенно почитаемыми в древности горами были *Вацилла* (у лакцев), *Адалло-Шугельмеэр*, *Турчидаг* (у аварцев), *Бахарган* (у ботлихцев), *ЧIипир*, *ЧIитирчаль* (у дидойцев), на которые совершались паломничества с жертвоприношениями [Гаджиев 1991: 162]. С культом гор Г.А. Гаджиев связывает и почитание камней, используемых в обрядах метеорологической магии и народной медицине. Приводит он и легенды об окаменении людей, а также верования, связанные с применением камней необычной формы (с естественными отверстиями) и окраски (белый) в качестве оберегов [Гаджиев 1991: 163–165].

Большое внимание *оролатрии* уделяет фольклорист М.Р. Халидова [Халидова 1992]. Она приводит миф андийцев о сыновьях-близнецах *Моду* и *Бахарган* верховного бога *ЦIоб*, которых тот превратил в горы [Халидова 1992: 24–25]. Вызывает интерес представленная ею легенда аварцев об обитающих на священной горе человекоподобных покровителях охоты и зверей *Будуалал*, образующих своё сообщество [Халидова 1992: 52]. Представляется ценным изложенное ею предание об образовании горы *Кумторкала*, которая связывается с деятельностью нартов. В другом – лакском предании повествуется о том, как нарты Бархху и Арин создали гору *Вацилу*, бархан *Сары-кум* и реку Казикумухское Койсу [Халидова 1992: 166].

Использование гор в обрядовой культуре (восхождение на вершины гор, скал и холмов в дни солнцестояний и проведение там связанных с культом плодородия и метеорологической магии обрядов с жертвоприношениями; использование валунов, крупных камней и камушков в ритуалах вызывания дождя) народами Дагестана освещается в книге [Булатов, Лугуев 1999: 90–93] Б.Б. Булатова и С.А. Лугуева.

Культам горы и камня и их отражениям в адыгской мифологии посвящена статья А.С. Куек [Куек 2012: 42–47]. Он приводит сведения о жертвоприношениях (наконечники стрел и пули) адыгов духам горных перевалов, почитании ими священной горы *Ошхэмаф* (*Эльбрус*), на вершине которой обитали *Тхэшхо* (Всевышний), *Псэтх* (Бог души) и злое божество *Пако* (покровитель атмосферных явлений). А.С. Куек связывает с культом камня появление культовых сооружений адыгов – дольменов.

О том, что *Ошхомахо* («Гора счастья») было местом обитания языческих божеств адыгов указывает и С.А. Ляушева [Ляушева 2002: 141]. У бурят и монголов резиденцией божества *Бурин-хана* считалась величайшая вершина Восточной Сибири – *Мункэ-Сардык* [Сыртанова 2008: 141–146].

О влиянии горного ландшафта на материальную и духовную культуру и специфику хозяйствования народов Дагестана анализируется в монографии З.Б. Рамазановой [Рамазанова 2022]. Она рассматривает горный ландшафт не только как единицу пространственной дифференциации территории, но и как ресурсную категорию [Рамазанова 2022: 24–25]. По её мнению, экологическая функция религии заключается в формировании у населения сакральной картины видения мира и поддержания правил поведения человека в окружающей среде [Рамазанова 2022: 261].

Определённый вклад в изучении проблемы *ороlатрии* в Дагестане и на Кавказе внесли, и мы [Сефербеков 2015: 24–31; Seferbekov 2016: 215–218; Сефербеков 2024: 899–907].

Заключение

Таким образом, как это видно из представленного материала, изучению *ороlатрии* у народов Дагестана и Северного Кавказа уделялось достаточное внимание в зарубежной и отечественной историографии нового, советского и новейшего периодов. Если в дореволюционное время изучение культа гор носило в основном описательный характер, то в советское и новейшее время оно носит концептуальный характер: авторы пытались дать определение категории «ороlатрия», наполнить её содержанием и установить виды проявлений. Впрочем, такие попытки предпринимались и в более раннее время, но они признаны в советской и российской этнологии ошибочными и подвергались критике.

Сохранение этой ранней формы религии в советское и новейшее время в качестве составной части исповедуемого населением Северного Кавказа «народного ислама» и «народного христианства» свидетельствует о её важности в системе ментальных ценностей северокавказцев в эпоху глобализации. Дальнейшее исследование *ороlатрии* у народов Дагестана и Северного Кавказа имеет определенные исследовательские перспективы в плане изучения бытового функционирования религии в этом регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агларов 1984 – *Агларов М.А*. Языческое святилище на вершине горы Бахарган (к изучению общинных и региональных культов в Дагестане) // Мифология народов Дагестана: сборник статей. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1984. – С. 36–42.

Агларов 1988 – *Агларов М.А*. Из верований народов Западного Дагестана (божество ЦIоб) // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана: сборник статей. – Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1988. – С. 67–71.

Амирханов 2016 – *Амирханов Х.А*. Северный Кавказ: начало преистории. – Махачкала: Издательский дом «Мавраевъ», 2016. – 344 с.

Анучин 1884 – *Анучин Д.Н*. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского Русского географического общества. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1884. – 93 с.

Бахтин 1965 – *Бахтин М.М*. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1965. – 500 с.

Булатов 1990 – *Булатов А.О*. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство. 1990. – 266 с.

Булатов, Лугуев 1999 – *Булатов Б.Б., Лугуев С.А*. Духовная культура народов Дагестана в XVIII–XIX вв. (аварцы, даргинцы, лакцы). – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1999. – 220 с.

Булатова 2000 – *Булатова А.Г*. Лакцы: Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX в.). – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2000. – 387 с.

Вирсаладзе 1976 – *Вирсаладзе Е.Б*. Грузинский охотничий миф и поэзия. – М.: Наука, 1976. – 360 с.

Вовк 2005 – *Вовк О.В*. Знаки и символы в истории цивилизации. – М.: «Вече», 2005. – 383 с.

Гаджиев 1991 – *Гаджиев Г.А*. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. – М.: Наука, 1991. – 182 с.

Голан 1993 – *Голан А*. Миф и символ. – М.: Русслит, 1993. – 375 с.

Далгат 2004 – *Далгат Б.К*. Первобытная религия чеченцев и ингушей. – М.: Наука, 2004. – 240 с.

Золотарёв 1934 – *Золотарёв А.М*. Пережитки тотемизма у народов Сибири. – Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1934. – 52 с.

Исмаилов 2011 – *Исмаилов Г.И*. Татуировки дагестанских женщин: у порога тайны. – Махачкала: Изд-во «Дагпресс Медиа», 2011. – 188 с.

Ихилов 1967 – *Ихилов М.М*. Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. – Махачкала, 1967. – 369 с.

Крылов 2001 – *Крылов А.Б*. Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994–2000 гг.) / Отв. ред. *Р.Г. Ланда*. – М.: ИВ РАН, 2001. – 405 с.

Куек 2012 – *Куек А.С*. Отражение культа горы и камня в адыгской мифологии // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – Вып. 1 (96). – С. 42–47.

Купер 1995 – *Купер Дж*. Энциклопедия символов. – М.: «Золотой Век», 1995. – 401 с.

Кызласов 1982 – *Кызласов И.Л*. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // Советская этнография (далее – СЭ). – 1982. – № 2. – С. 83–92.

Л.З. 1875 – Л. З. Поездка г. Беккера по Южному Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1875. – Вып. 9. – Отд. 4. – С. 30–51.

Лугуев, Магомедов 2000 – *Лугуев С.А., Магомедов Д.М*. Дидойцы (цезы). XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2000. – 206 с.

Ляушева 2002 – *Ляушева С.А.* Священное в религиозном сознании адыгов // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности) / Сост. и науч. ред. *Р.А. Ханаху*. –Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. – С. 139–146.

Мегрелидзе 1951 – *Мегрелидзе И.В*. Археологические находки в Дидо // Советская археология. – 1951. – № 16. – С. 281–291.

Потапов 1946 – *Потапов Л.П*. Культ гор на Алтае // СЭ. – 1946. – № 2. – С. 145–160.

Рабинович 1994 – *Рабинович Е.Г.* Богиня-мать // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. *С.А. Токарев*. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 1. – С. 178-180.

Рамазанова 2022 – *Рамазанова З.Б.* Этноэкологическая культура народов Дагестана (XIX – начало XX в.). – Махачкала: Институт ИАЭ ДФИЦ РАН; Алеф, 2022. – 280 с.

Сефербеков 2014 – *Сефербеков М.Р.* Оролатрия в Дагестане: пещера «Дюрхъ» // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 181–186.

Сефербеков 2015 – *Сефербеков М.Р.* Культ гор у народов Кавказа // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – № 4. – С. 24–31.

Seferbekov 2016 – *Seferbekov M.R.* Notes on Mountain Cults in Dagestan // Iran and the Caucasus. – Leiden: Boston: BRILL, 2016. – № 20. – P. 215–218.

Сефербеков, Магомедов 2016 – *Сефербеков М.Р., Магомедов М.А.* Из мифологии, фольклора и обрядовой культуры дидойцев: синкретизм традиционных верований и ислама // Исламоведение. – 2016. – № 1. – С. 67–80.

Сефербеков 2017 – *Сефербеков М.Р.* Культ гор у народов Дагестана: виды и формы проявления // Лавровский сборник: Материалы XL Среднеазиатско-Кавказских чтений 2016 г. Этнология, история, археология, культурология / Отв. ред. *М.С-Г. Албогачиева, М.Е. Резван*. – СПб.: МАЭ РАН, 2017. – С. 193–202.

Сефербеков 2024 – *Сефербеков М.Р.* «Холм власти»: к интерпретации одного сакрального локуса даргинцев федерации Акуша-Дарго // История, археология и этнография Кавказа. – 2024. – Т. 20. – No 4. – С. 899–907.

Сефербеков 2025 – *Сефербеков М.Р.* Оролатрия в Дагестане: культурное содержание и проявления // XVI Конгресс антропологов и этнологов России (г. Пермь, 02–06 июля 2025 г.): Тезисы докладов. – СПб.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2025. – С. 70–71.

Сыртанова 2008 – *Сыртынова С.-Х.Д.* Топонимия сакральных объектов Байкальского региона // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 4. – С. 141–146.

Тайлор 1989 – *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура / Пер. с англ. *Д.А. Коропчевского*, предисл. и прим. *А.И. Першиц*а. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

Таймазов 2021 – *Таймазов А.И.* Айникаб 1: стоянка олдована на Северо-Восточном Кавказе. – Махачкала: Издательский дом «Мавраевъ», 2021. – 288 с.

Токарев 1980 – *Токарев С.А.* Послесловие // Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М. К. Рыклина. – М.: Политиздат, 1980. – С. 794–804.

Токарев 1982 – *Токарев С.А.* О культе гор и его месте в религии // СЭ. – 1982. – № 3. –С. 107–113.

Токарев 1990 – *Токарев С.А.* Ранние формы религии. – М.: Изд-во политической литературы, 1990. – 623 с.

Топоров 1994а – *Топоров В.Н.* Гора // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. *С.А. Токарев*. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 1. – С. 311–315.

Топоров 1994б – *Топоров В.Н.* Древо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. / Гл. ред. *С.А. Токарев*. – М.: Рос. энциклопедия, 1994. – Т. 1. – С. 398–406.

Фрэзер 1980 – *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. *М. К. Рыклина*. – М.: Политиздат, 1980. – 832 с.

Халидова 1992 – *Халидова М.Р.* Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. – Махачкала: Институт ИЯЛ ДНЦ РАН, 1992. – 275 с.

Чурсин 1929 – *Чурсин Г.Ф.* Амулеты и талисманы кавказских народов. – Махач-Кала: Изд-е Ассоциации Сев.-Кавказских Горских Краеведческих организаций, 1929. – 64 с.

Чурсин 1957 – *Чурсин Г.Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1957. – 265 с.

Чурсин 1995 – *Чурсин Г.Ф.* Авары: Этнографический очерк. 1928 г. / Науч. ред. *Р.И. Сефербеков*. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1995. – 92 с.

Шахнович 1967 – *Шахнович М.И.* Исследование советской наукой проблем происхождения религии и ее ранних форм // Вопросы научного атеизма. – М.: Изд-во «Мысль», 1967. – Т. 4. – С. 242–266.

Штернберг 1936 – *Штернберг Л.Я*. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции / Под ред. и с предисл. *Я.П. Алькора*. – Л.: Изд-во Института народов Севера, 1936. – 572 с.

Элиаде 1994 – *Элиаде Мирча*. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. *Н.К. Гарбовского*. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

REFERENCES

AGLAROV M.A. *Yazycheskoe svyatilishche na vershine gory Bahargan (k izucheniyu obshchinnyh i regional'nyh kul'tov v Dagestane)* [Pagan sanctuary on the top of Mount Bakhargan (towards the study of communal and regional cults in Dagestan)]. In: Mifologiya narodov Dagestana: sbornik statej. – Makhachkala: Institute of History, Language and Literature Dag. branch of the USSR Academy of Sciences, 1984. – Pp. 36–42. (In Russ.).

AGLAROV M.A. *Iz verovanij narodov Zapadnogo Dagestana (bozhestvo CIob)* [From the beliefs of the peoples of Western Dagestan (the deity TsIob)]. In: Problemy mifologii i verovanij narodov Dagestana: sbornik statej. – Mahachkala: Institut IYAL Dag. filiala AN SSSR, 1988. – S. 67–71. Makhachkala: Institute of History, Language and Literature Dag. branch of the USSR Academy of Sciences, 1988. – pp. 67–71. (In Russ.).

AMIRHANOV H.A. *Severnyj Kavkaz: nachalo preistorii* [North Caucasus: the beginning of prehistory]. – Makhachkala: Publishing house «Mavraev», 2016. – 344 p. (In Russ.).

ANUCHIN D.N. *Otchet o poezdke v Dagestan letom 1882 goda, sovershennoj pri sodejstvii Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Report on a trip to Dagestan in the summer of 1882, undertaken with the assistance of the Imperial Russian Geographical Society]. – SPb.: type. A.S. Suvorin, 1884. – 93 p. (In Russ.).

BAHTIN M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The works of François Rabelais and the popular culture of the Middle Ages and the Renaissance]. – M.: Fiction, 1965. – 500 p. (In Russ.).

BULATOV A.O. *Perezhitki domonoteisticheskih verovanij narodov Dagestana v XIX – nachale XX v.* [Remnants of pre-monotheistic beliefs of the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries]. – Makhachkala: Dagestan Book Publishing House. 1990. – 266 p. (In Russ.).

BULATOV B.B., LUGUEV S.A. *Duhovnaya kul'tura narodov Dagestana v XVIII–XIX vv. (avarcy, dargincy, lakcy)* [Spiritual culture of the peoples of Dagestan in the 18th–19th centuries. (Avars, Dargins, Laks)]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 1999. – 220 p. (In Russ.).

BULATOVA A.G. *Lakcy: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie (XIX – nachalo XX v.)* [Laks: Historical and Ethnographic Research (19th – early 20th centuries)]. – Makhachkala: Publishing house of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2000. – 387 p. (In Russ.).

VIRSALADZE E.B. *Gruzinskij ohotnichij mif i poeziya* [Georgian hunting myth and poetry]. – M.: Nauka, 1976. – 360 p. (In Russ.).

VOVK O.V. *Znaki i simvoly v istorii civilizacii* [Signs and symbols in the history of civilization]. – M.: “Veche”, 2005. – 383 p. (In Russ.).

GADZHIEV G.A. *Doislamskie verovaniya i obryady narodov Nagornogo Dagestana* [Pre-Islamic beliefs and rituals of the peoples of Nagorno-Dagestan]. – M.: Nauka, 1991. – 182 p. (In Russ.).

GOLAN A. *Mif i simvol* [Myth and symbol]. – M.: Russlit, 1993. – 375 p. (In Russ.).

DALGAT B.K. *Pervobytnaya religiya chechencev i ingushej* [Primitive religion of the Chechens and Ingush]. – M.: Nauka, 2004. – 240 p. (In Russ.).

ZOLOTARYOV A.M. *Perezhitki totemizma u narodov Sibiri* [Remnants of totemism among the peoples of Siberia]. – L.: Publishing house of the Institute of Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR, 1934. – 52 p. (In Russ.).

ISMAILOV G.I. *Tatuirovki dagestanskih zhenshchin: u poroga tajny* [Dagestani Women's Tattoos: On the Threshold of Mystery]. – Makhachkala: Publishing house «Dagpress Media», 2011. – 188 p. (In Russ.).

IHILOV M.M. *Narodnosti lezginskoj gruppy: Etnograficheskoe issledovanie proshlogo i nastoyashchego lezgin, tabasarancev, rutulov, cahurov, agulov* [Peoples of the Lezgin group: An ethnographic study of the past and present of the Lezgins, Tabasarans, Rutuls, Tsakhurs, and Aguls]. – Makhachkala, 1967. – 369 p. (In Russ.).

KRYLOV A.B. *Religiya i tradicii abhazov (po materialam polevyh issledovanij 1994–2000 gg.) / Otv. red. R.G. Landa* [Religion and Traditions of the Abkhazians (based on field research from 1994–2000) / Ed. R.G. Landa]. – M.: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2001. – 405 p. (In Russ.).

KUEK A.S. *Otrazhenie kul'ta gory i kamnya v adygskoj mifologii* [Reflection of the cult of the mountain and stone in Adyghe mythology]. In: Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Adyghe State University]. – 2012. – Issue 1 (96). – P. 42–47. (In Russ.).

KUPER DZH. *Enciklopediya simvolov* [Encyclopedia of Symbols]. – M.: «Golden Age», 1995. – 401 p. (In Russ.).

KYZLASOV I.L. *Gora-praroditel'nica v fol'klore hakasov* [The Progenitor Mountain in Khakass folklore]. In: Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]. – 1982. – No 2. – P. 83–92. (In Russ.).

L.Z. 1875 – L. 3. *Poezdka g. Bekkera po YUzhnomu Dagestanu* [Mr. Becker's trip to Southern Dagestan]. In: Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. – Tiflis, 1875. – Issue 9. – Section 4. – Pp. 30–51. (In Russ.).

LUGUEV S.A., MAGOMEDOV D.M. *Didojcy (cezy). XIX – nach. XX v.: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Didoians (Tsezians). 19th – early 20th centuries: Historical and ethnographic research]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 2000. – 206 p. (In Russ.).

LYAUSHEVA S.A. *Svyashchennoe v religioznom soznanii adygov* [The sacred in the religious consciousness of the Adyghe]. In: Mir kul'tury adygov (problemy evolyucii i celostnosti) / Sost. i nauch. red. R.A. Hanahu. – Maykop: GURIPP «Adygeya», 2002. – P. 139–146. (In Russ.).

MEGRELIDZE I.V. *Arheologicheskie nahodki v Dido* [Archaeological finds at Dido]. In: Sovetskaya arheologiya. – 1951. – No 16. – P. 281–291. (In Russ.).

POTAPOV L.P. *Kul't gor na Altae* [Mountain cult in Altai]. In: Sovetskaya etnografiya. – 1946. – No 2. – P. 145–160. (In Russ.).

RABINOVICH E.G. *Boginya-mat'* [Mother Goddess]. In: Mify narodov mira: Enciklopediya. V 2-h t. 2-e izd. / Gl. red. S.A. Tokarev. – M.: Russian Encyclopedia, 1994. – V. 1. – P. 178–180. (In Russ.).

RAMAZANOVA Z.B. *Etnoekologicheskaya kul'tura narodov Dagestana (XIX – nachalo XX v.)* [Ethnoecological culture of the peoples of Dagestan (19th – early 20th centuries)]. – Makhachkala: Institute of AE DFIC RAS; Aleph, 2022. – 280 p. (In Russ.).

SEFERBEKOV M.R. *Orolatriya v Dagestane: peshchera «Dyurh»* [Orolatry in Dagestan: the Dyurkh Cave]. In: Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – No 4. – P. 181–186. (In Russ.).

SEFERBEKOV M.R. *Kul't gor u narodov Kavkaza* [Mountain cult among the peoples of the Caucasus]. In: Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – No 4. – P. 24–31. (In Russ.).

SEFERBEKOV M.R. *Notes on Mountain Cults in Dagestan*. In: Iran and the Caucasus. – Leiden: Boston: BRILL, 2016. – No 20. – P. 215–218. (In Eng.).

SEFERBEKOV M.R., MAGOMEDOV M.A. *Iz mifologii, fol'klora i obryadovoj kul'tury didojcev: sinkretizm tradicionnyh verovanij i islama* [From the mythology, folklore and ritual culture of the Dido people: syncretism of traditional beliefs and Islam]. In: Islamovedenie. – 2016. – No 1. – P. 67–80. (In Russ.).

SEFERBEKOV M.R. *Kul't gor u narodov Dagestana: vidy i formy proyavleniya* [Mountain cult among the peoples of Dagestan: types and forms of manifestation]. In: Lavrovskij sbornik: Materialy XL Sredneaziatsko-Kavkazskih chtenij 2016 g. Etnologiya, istoriya, arheologiya, kul'turologiya / Otv. red. M.S-G. Albogachieva, M.E. Rezvan. – SPb.: MAE RAS, 2017. – P. 193–202. (In Russ.).

SEFERBEKOV M.R. *«Holm vlasti»: k interpretacii odnogo sakral'nogo lokusa dargincev federacii Akusha-Dargo* [«The Hill of Power»: Towards an Interpretation of a Sacred Locus of the Dargins of the Akusha-Dargo Federation]. In: Istoriya, arheologiya i etnografiya Kavkaza. – 2024. – T. 20. – No 4. – P. 899–907. (In Russ.).

SEFERBEKOV M.R. *Orolatriya v Dagestane: kul'turnoe soderzhanie i proyavleniya* [Orolatry in Dagestan: cultural content and manifestations]. In: XVI Kongress antropologov i etnologov Rossii (g. Perm', 02–06 iyulya 2025 g.): Tezisy dokladov. – St. Petersburg: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2025. – P. 70–71. (In Russ.).

SYRTYNOVA S.-H.D. *Toponimiya sakral'nyh ob"ektov Bajkal'skogo regiona* [Toponymy of sacred sites in the Baikal region]. In: Etnograficheskoe obozrenie. – 2008. – No 4. – P. 141–146. (In Russ.).

TAJLOR E.B. *Pervobytnaya kul'tura / Per. s angl. D.A. Koropchevskogo, predisl. i prim. A.I. Pershica* [Primitive Culture / Translated from English by D.A. Koropchevsky, foreword and notes by A.I. Pershits]. – M.: Politizdat, 1989. – 573 p. (In Russ.).

TAJMAZOV A.I. *Ajnikab 1: stoyanka oldovana na Severo-Vostochnom Kavkaze* [Aynikab 1: An Oldowan site in the Northeastern Caucasus]. – Makhachkala: Mavraev Publishing House, 2021. – 288 p. (In Russ.).

TOKAREV S.A. *O kul'te gor i ego meste v religii* [On the cult of mountains and its place in religion]. In: Sovetskaya etnografiya. – 1982. – No 3. – P. 107–113. (In Russ.).

TOKAREV S.A. *Posleslovie* [Afterword]. In: Frazer D.D. The Golden Bough: A Study of Magic and Religion / Translated from English by M.K. Ryklin. – Moscow: Politizdat, 1980. –Pp. 794–804. (In Russ.).

TOKAREV S.A. *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. – M.: Publishing house of political literature, 1990. – 623 p. (In Russ.).

TOPOROV V.N. *Gora* [Mountain]. In: Mify narodov mira: Enciklopediya. V 2-h t. 2-e izd. / Gl. red. S.A. Tokarev. – M.: Russian Encyclopedia, 1994. – Vol. 1. – P. 311–315. (In Russ.).

TOPOROV V.N. *Drevo mirovoe* [World tree]. In: Mify narodov mira: Enciklopediya. V 2-h t. / Gl. red. S.A. Tokarev. – M.: Russian Encyclopedia, 1994. – Vol. 1. – P. 398–406. (In Russ.).

FREZER D.D. *Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii / Per. s angl. M. K. Ryklina* [The Golden Bough: A Study of Magic and Religion / Translated from English by M. K. Ryklin]. – M.: Politizdat, 1980. – 832 p. (In Russ.).

HALIDOVA M.R. *Mifologicheskij i istoricheskij epos narodov Dagestana* [Mythological and historical epic of the peoples of Dagestan]. – Makhachkala: Institute of Nuclear Languages, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 1992. – 275 p. (In Russ.).

CHURSIN G.F. *Amulety i talismany kavkazskih narodov* [Amulets and talismans of the Caucasian peoples]. – Makhach-Kala: Publishing House of the Association of North Caucasian Mountain Local History Organizations, 1929. – 64 p. (In Russ.).

CHURSIN G.F. *Materialy po etnografii Abhazii* [Materials on the ethnography of Abkhazia]. – Sukhumi: Abkhaz State Publishing House, 1957. – 265 p. (In Russ.).

CHURSIN G.F. *Avary: Etnograficheskij ocherk. 1928 g. / Nauch. red. R.I. Seferbekov* [Avars: Ethnographic essay. 1928 / Scientific editor R.I. Seferbekov]. – Makhachkala: Institute of AE DSC RAS, 1995. – 92 p. (In Russ.).

SHAHNOVICH M.I. *Issledovanie sovetskoj naukoj problem proiskhozhdeniya religii i ee rannih form* [The study of the origins of religion and its early forms by Soviet science]. In: Voprosy nauchnogo ateizma [Questions of scientific atheism]. – M.: Izd-vo «Mysl'», 1967. – T. 4. – S. 242–266. (In Russ.).

SHTERNBERG L.YA. *Pervobytnaya religiya v svete etnografii: Issledovaniya, stat'i, lekcii / Pod red. i s predisl. YA.P. Al'kora* [Primitive Religion in Light of Ethnography: Research, Articles, Lectures / Edited and with a preface by Ya. P. Alcor]. – L.: Publishing house of the Institute of the Peoples of the North, 1936. – 572 p. (In Russ.).

ELIADE MIRCHA. *Svyashchennoe i mirskoe / Per. s fr., predisl. i komment. N.K. Garbovskogo* [The Sacred and the Profane / Translated from French, foreword and commentary by N.K. Garbovsky]. – M.: Moscow State University Publishing House, 1994. – 144 p. (In Russ.).

Информация об авторе
М.Р. Сефербеков – научный сотрудник.
Author information
M.R. Seferbekov – researcher.

Статья поступила в редакцию 27.01.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.
The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Научная статья
УДК 82-1/-9
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-166-176
EDN: KPIPFS

СОСЛОВНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КАБАРДИНСКОЙ ПОЭЗИИ ДОАВТОРСКОГО ПЕРИОДА

Асият Руслановна Борова[1], **Марьям Хажидаутовна Хульчаева**[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский государственный ниверситет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.
[1] assbora@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0079-6956
[2] mariam.li.18@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9871-8202

Аннотация. В статье впервые в науке ставится и исследуется проблема соотношения стилей текстов, созданных представителями аристократических и производительных сословий. Предлагается новое, оригинальное понимание сюжетно и концептуально значимых элементов цикла песен «Дамалей-Широкие плечи». Вводится новая методологическая особенность: системное обращение к рекреативным практикам и социальным стандартам этноса для интерпретации не только фактологии, но и глубинной (апперцептивной) составляющей текстов. Статья актуальна, так как восполняет научную лакуну в изучении адыгского песенного наследия, вызванную идеологическими искажениями в советский период. Исследование актуально не только для адыгской филологии, но и для изучения фольклора всех новописьменных народов, чья культурная история подвергалась схожему давлению. Цель статьи проанализировать сословную специфику образных представлений в кабардинской поэзии доавторского периода. Выявить и описать соотношение стилей текстов, принадлежащих разным социальным слоям (аристократии и производительным сословиям). Предложить интерпретацию ключевых элементов цикла «Дамалей-Широкие плечи» и через нее выйти на образные особенности и сословную специфику эстетической рефлексии произведений. Сделан вывод, что существует сословная специфика в образной системе и эстетической рефлексии кабардинской поэзии, определяемая социальным статусом создателей текстов. Корректное толкование фольклорных текстов требует постоянных отсылок к витальным (жизненным) практикам и социальным стандартам этнического сообщества, а не ограничивается поверхностным сюжетным уровнем. Идеологическое давление советского периода исказило историю формирования и развития словесного творчества адыгских народов, что требует пересмотра и уточнения. Работа обозначает перспективное направление для дальнейших исследований, задавая методологию анализа через призму социальной стратификации.

Ключевые слова: традиция; фольклорные жанры; адыгский фольклор; художественная рефлексия; условно-поэтический; культурный; сословность; эстетический; аксиологический.

Для цитирования: Борова А.Р., Хульчаева М.Х. Сословная специфика образных представлений кабардинской поэзии доавторского периода // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 166-176. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-166-176. EDN: KPIPFS.

© Борова А.Р., Хульчаева М.Х., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

CLASS SPECIFICITY OF FIGURATIVE IDEAS IN KABARDIAN POETRY OF THE PRE-AUTHOR PERIOD

Asiyat R. Borova[1], **Maryam Kh. Khulchaeva**[2]
[1,2] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1] assbora@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0079-6956
[2] mariam.li.18@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9871-8202

Abstract. In the article, for the first time in science, the problem of the correlation of styles of texts created by representatives of aristocratic and productive classes is posed and investigated. A new, original understanding of the plot and conceptually significant elements of the Damaley-Broad Shoulders song cycle is proposed. A new methodological feature is being introduced: a systematic appeal to recreational practices and social standards of the ethnic group for the interpretation of not only factology, but also the deep (apperceptive) component of texts. The article is relevant, as it makes up for the scientific gap in the study of the Adyghe song heritage caused by ideological distortions in the Soviet period. The study is relevant not only for Adyghe philology, but also for the study of folklore of all newly written peoples, whose cultural history was subjected to similar pressure. The purpose of the article is to analyze the class specifics of figurative representations in Kabardian poetry of the pre-author period. Identify and describe the ratio of styles of texts belonging to different social strata (aristocracy and productive classes). To offer an interpretation of the key elements of the cycle "Damaley-Broad Shoulders" and through it to reach the figurative features and class specifics of the aesthetic reflection of the works. It was concluded that there is class specificity in the figurative system and aesthetic reflection of Kabardian poetry, determined by the social status of the creators of the texts. Correct interpretation of folklore texts requires constant references to vital (life) practices and social standards of the ethnic community, and is not limited to a superficial plot level. The ideological pressure of the Soviet period distorted the history of the formation and development of verbal creativity of the Adyghe peoples, which requires revision and clarification. The work marks a promising direction for further research, setting the methodology of analysis through the prism of social stratification.

Key words: tradition; folklore genres; Adyghe folklore; artistic reflection; conditionally poetic; cultural; class; aesthetic; axiological.

For citation: Borova A.R., Khulchaeva M.Kh. The Image of Albasly and Its Relationship with Female Images in Nogai Prose of the Second Half of the 20th Century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 166-176. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-166-176. EDN: KPIPFS.

© Borova A.R., Khulchaeva M.Kh., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Особенностью традиций словесного народного творчества адыгов можно считать то обстоятельство, что фольклор необходимо признавать плодом коллективного творчества лишь условно. Равным образом сомнения вызывает понятие

«народного». В современных трактовках, начало которым было положено в период соцреалистического подхода, определение «народного» подразумевало, прежде всего, общие усилия и отсутствие конкретных авторов у текстов. В данном случае это было не совсем так. Более всего ситуация с песенным наследием – по крайней мере, с ранним – адыгов напоминает положение, сложившееся в западной Европе, точнее, в Провансе, в эпоху трубадуров – с той лишь разницей, что народы Северо-Западного Кавказа в Средневековье не имели письменности и развитых институтов авторства. Словесное творчество было прерогативой феодальных слоев населения и реализовывалось в такой специфической группе, как «джегуако» – группе профессиональных рапсодов-сочинителей и исполнителей песен в музыкальном сопровождении. Вопросы, связанные с творчеством джегуако, подробно изучались целым рядом национальных исследователей, а, в целом, подробно освещены в фундаментальной монографии Заура Налоева «Институт джегуако» [Налоев 2011: 26].

Не вдаваясь в подробный анализ этого замечательного исследования, отметим лишь, что автор вполне справедливо предполагает феодальный характер творческих ресурсов этноса, всецело относя общий объем раннего песенного наследия адыгов к творчеству авторов-аристократов. Повторимся – на первых стадиях развития адыгского песенного фольклора в его жанрово упорядоченном формате. Попросту говоря, классические хрестоматийные стандарты фольклорных жанров такие как горевания, набеговые песни, величальные песни и все прочее, связанное с военными практиками народа, создавались по мнению З. Налоева, группами профессиональных авторов – выходцами из высших слоев этносоциума [Налоев 2011: 27].

Их тексты отмечены особой эстетизированной лексикой, набором определенных образных клише, как правило, лишенных жизненной конкретики, ориентированных на культурное ассоциативное восприятие, и, в норме, чурающихся указаний на материальность, можно даже сказать более – реальность описываемого объекта. Собственно говоря, адыгская фольклорная словесность, лежащая в границах творчества аристократов-джегуако, являет нам лексическое и образное наполнение, подчиняющееся непреодолимым стилистическим ограничениям.

Резльтаты

Само по себе канонизированное бытование подобных текстов, их предпочтительные и обязательные исполнения, приуроченные к различным памятным датам и событиям, предопределили большую сохранность по сравнению с теми произведениями, которые, как можно предполагать, создавались непосредственно в народной среде и до определенного момента не подлежали фиксации в памяти этноса, функционируя, как, исключительно, ситуативные, узко актуальные произведения. Тем не менее, со временем и эти народные творения начинают проникать в общий фонд национальной памяти, формируясь в отдельный сектор словесного наследия, эволюция и развитие которого, в конце концов, привели к появлению Бекмурзы Пачева.

Явные признаки отхода от канонических систем представления в адыгском фольклоре начинают наблюдаться в XVII в. [Борова 2015: 61] и первыми маркерами зарождения традиции стихосложения вне пределов аристократических страт становятся образные специфические особенности текстов новой формации. Однако еще до окончательного становления норм словесности в пределах низших социальных слоев, сам институт джегуако обогатился новыми структурами, представлявшими собой своеобразное расширение корпуса певцов-рапсодов, образовавшееся в глубинах адыгского крестьянства. Исполнители этого типа назывались «джегуатлями» [Налоев 2011: 26] и сферой приложения их сил были шуточные сатирические тексты, высмеивающие тех или иных представителей сословий, пародии, бурлескные произведения и скоморошество. Достаточно быстро словесное творчество адыгских народов переходит от канонической элитарности к тому, что можно назвать юморным смеховым началом, народной смеховой культурой [Бахтин 2010: 12], не знающей эстетических и мировоззренческих границ и, главное, запретов.

К тому же, уже в середине XVII в. адыгские народы, по крайней мере, часть из них прошли через социальные катаклизмы, которые можно назвать – естественно, с какими-то оговорками – демократическими революциями, результатом которых стало изгнание нобилитета. И если кабардинцы, бжедуги, темиргоевцы и ряд других в полной мере сохранили свою сословность и приоритет аристократических слоев, то, например, абадзехи и шапсуги к концу XVIII в. трансформировались в своеобразные народные демократии, не знающие иерархии классов [Гарданов 1967: 128]. Поэтому, с точки зрения социального расслоения и бытования сословности, народная словесность адыгских народов может быть охарактеризована, как нечто среднее. Это при том, что, вне зависимости от истории генезиса конкретного народа, идентификационные признаки всех адыгов отличались единством, можно сказать, монолитностью. К началу XV в., когда кабардинцы (предположительно) начали массовую миграцию из западного Причерноморья и Приазовья на Центральный Кавказ [Налоев 2011: 26], их внутренняя этническая дифференциация была, практически, изжита, и мифологическое ведение родословной кабардинских князей от предка араба стало не более, чем маркерной метой сословной структуризации. Бесспорное культурное, материальное, даже имущественное равноправие различных страт адыгских обществ отмечают все наблюдатели, начиная с XV в. [Интериано 1974: 50]. Одновременно, нормы поведения и мотивации нобилитета воспринимались всей народной массой в качестве эталонных. Сущностью и единственной привилегией адыгской феодальной прослойки была ее социетальная функция.

Одновременно с этим переход из одного слоя социума в другой у адыгов был очень затруднителен. Можно утверждать, что единственным, более-менее достоверно зафиксированным случаем была жизнь и судьба мудреца и дипломата Жабаги Казаноко, вступившего в общество безродным найденышем, мальчиком-подпаском. Но Жабаги Казаноко – случай уникальный, дошедший до нас в позднейшей народной трактовке событий, по природе своей связанной с фольклорными представлениям об окружающем, с интерпретациями сказочного характера и, в любом случае, далекими от сухой фактологии.

В реальности путь от дворянина-уорка до князя был непреодолим, и почти столь же труден и долог был процесс восхождения от свободного крестьянина-фокотля до дворянина низшего разряда. Подобное положение отчетливо проявлялось и в самих практиках фольклорного творчества: высокие классические жанровые формы оставались прерогативой певцов-рапсодов дворянского происхождения, представители крестьянства, даже перейдя на положение профессиональных сочинителей, ограничивались темами и сюжетами, более свойственными плебсу. Но понятно, что самые одаренные члены сообщества джегуатлей полноценно овладели глоссарием, образностью, концептуалогией и тематикой высоких жанров. По мере необходимости они, конечно же, могли создавать тексты, стилизованные в границах «высокого штиля», и мы, действительно, имеем произведения с признаками некой бинарности и амбивалентности выразительного и семантического ряда. Так, широко известный цикл песен о народном герое Дамалее вполне вписывается в предлагаемую нами картину.

...Уоркам угождая живём.
«Эта жизнь тяжка...
У Дамалея жухлошубое войско,
Войско это водил Пшикан!
...житьё скверное!» – говоря,
...Дамалей отважный выступает.
За ним идущих под сошкой пропускает,
На уорков кричит и в трепет приводит… [НПиИНА, т. III, ч. 1 1990: 224]

Структура художественной рефлексии произведения носит двойственный характер. Например, такой образ, как «под сошкой пропускает», явно относится к традиции аристократического стихосложения джегуако. Само выражение обозначает принятие клятвы-присяги, однако ко времени событий – а это XVIII – век кабардинские феодалы достаточно успешно снабжались вполне компактными ружьями европейской выделки, не требовавшими тяжелых подпорок высотой в половину и более человеческого роста. Подсошники кремневого огнестрела адыгских уорков были не выше колена, если вообще употреблялись – разве что в исключительных случаях; напомним – дворянство адыгов воевало верхом, поэтому принятие и дача присяги в данном тексте не является реальной том смысле, что визуальных оснований из жизненных практик подобная картина не имела. То есть, это сугубо поэтическое эстетизированное эвфемическое выражение некоего ритуального действия. В этой части произведение строго следует канонам стандартам аристократических практик поэтического творчества джегуако. Обычная ситуация для общества с жестким сословным разделением, при котором аристократическая его часть требует для себя особо маркированных художественных текстов, написанных в соответствии незыблемыми правилами. Они, эти правила, подразумевают некую отдаленность от синтаксиса и образности обыденной речи, формируют стиль, тяготеющий к поэтическим фразам и выражениям, восприятие которых подразумевает особую культуру ассоциативных интерпретаций и знания конкретных конвенциональных договоренностей по

умолчанию: «Исследуя поэтическую речь как в фонетическом и словарном составе, так и в характере расположения слов, и в характере смысловых построений,… мы везде встретимся с тем же признаком художественного… Поэтический язык… должен иметь характер чужеземного, удивительного; … или же языком возвышенным, как язык народных песен, близкий к литературному. Сюда же относятся столь широко распространенные архаизмы поэтического языка, затруднения языка» [Шкловский 1919: 112].

Говорить о том, что классические аристократические тексты были полностью лишены физического содержания, не приходится; мы сталкиваемся с точечными вкраплениями иннервационно значимой информации достаточно часто, практически в каждой из песен: «...Их солнце головы нам печёт, // Их оводы, как собаки злые, кусаются...» [НПИИНА 1990: 224]. Все же, главным типом образного выражения произведений феодалов-джегуако были структуры, ориентированные на внешнюю ассоциативность. Набор устойчивых поэтизмов, осмысление и правильная интерпретация которых требовали совершенно особого знания всех предыдущих словесных практик и всего глоссария, накопленного ранее в сфере условного иносказания и конвенционального трактования поэтических фигур. Думается, это был механизм социальной селекции, позволявший отделить аристократию от производительных слоев при полном равенстве в материальной сфере и в смысле комфорта проживания, столь характерных для адыгских сословных народов. Адыгские феодалы имели возможность создать социальную дистанцию лишь духовного характера, и в этом заходили достаточно далеко – вплоть до создания отдельного тайного языка, непонятного простолюдинам [Клапрот 2008: 229].

Поэтому главным видом художественной презентации в текстах, принадлежащих перу джегуако, соответственно, посвящённых знаковым представителям аристократии этноса, либо событиям из их же жизни, были эстетизированные выражения, семантика которых складывалась в соответствующей среде с заранее известными культурными ограничениями – обычная практика всех народов с развитой сословностью. Опыт словесного творчества подобных культурных ареалов демонстрирует нам единообразные навыки и приёмы художественной рефлексии, тяготеющей к словесным эвфемическим конструкциям, трактуемым в границах неких общественных договорённостей "по умолчанию":

…Бахчисарай о семи углах был,
Эти семь ошейников недоброму хану толстому на шею накиньте!
…Недоброго хана дочь Кустахан-красавица
в женихах разборчивая,
на золотой тахте рыдает… [НПИИНА 1990: 54]

Схожий пример:

…Ечаноков Орзамас,
Самый стройный Темиркан!
Много стрел запасти велит,
Но и неделю в колчане им лежать не даёт.

Сагайдаков оба конца
В походе стираются… [НПИИНА 1990: 50]

Поэтические представления объектов во фрагментах выстраиваются именно указанным образом: эвфемическое обозначение предмета-явления – «Бахчисарай о семи углах», «недоброго хана дочь Кустахан», «Ечаноков Орзамас», «стройный Темиркан» – реализуется и уточняются в едином комплексе с иллюзорными, умозрительными сущностями. Последние реализованы лишь на понятийном, абстрактном уровне или являются условно-эстетическими единицами в силу принадлежности устойчивой поэтической традиции – «много запасаемых стрел, истрачиваемых за неделю», «стёртые концы луков», «золотая тахта». В отдельных случаях реальные, казалось бы, предметы трактуются в тексте, как производные от представленных до этого опоэтизированных – «семь ошейников», являющиеся «семью углами» Бахчисарая.

Исследуя становление адыгских сочинителей демократического толка -джегуатлей – З. Налоев пришел к выводу, что «…у западных адыгов… …скоморошьи… функции отошли к джегуатлям. Но это вовсе не означало, что… модификация джегуако… оторвалась от трудового народа и пристала к знатным сословиям; напротив, они продолжали обслуживать своим искусством все слои общества» [Налоев 2011: 26]. Сказанное означает, по всей видимости, что песенники-аристократы могли быть социально и политически консолидированы с массой крестьянства и, таким образом, вполне правдоподобной выглядит версия о феодальной принадлежности авторов цикла Дамалея. Однако мы уверены, что многочисленные примеры критического отношения к представителям нобилитета, проявленные в текстах джегуако, вовсе не означают сочувствия к крестьянам. Насмешки над князьями и отдельными уорками обусловлены их несоответствием – физическим и духовным – канону воина, никоим образом не притеснениями простого люда.

В то же время, ряд признаков, точнее, ряд образных выражений говорит нам о коренных отличиях цикла о Дамалее от текстов классических аристократических произведений. Весьма интересно в этом плане выражение «Жухлошубое войско». Для низших сословий адыгских аристократических сообществ верхней одеждой для зимы служили сыромятные полушубки, обрабатывавшиеся особым способом с помощью скисшего молока и сыворотки, остававшейся после производства сыра. Естественно, овчина, обработанная таким способом в процессе носки подсыхала, становилась заскорузлой и жесткой. Можно сказать, что определение «жухлошубое» не только не относится к сфере условных поэтизмов, но вполне точно передает материальные характеристики предмета, углубляясь даже в особенности процесса его производства. Иначе говоря, подобное описание полушубка категорически не вписывается в границы аристократической системы отражения окружающего, и может быть с большой долей уверенности отнесено к творчеству демократических слоев общества.

Это подтверждается и общим пафосом рассматриваемого произведения, имеющего явно антифеодальную направленность. Во времена Советского Союза

национальный герой кабардинского народа Дамалей-Широкие плечи традиционно назывался крестьянским героем, руководителем крупного антифеодального выступление адыгских простолюдинов XVIII в. В соответствии с идеологическими требованиями доктрины социалистического реализма и сам герой, безусловно, относился к представителям угнетенного класса. Однако некоторые детали текстов о Дамалее свидетельствуют о том, что его прототипом мог быть аристократ, человек имевший лишь опосредованное отношение к крестьянству, либо не имевший такового вообще:

Ты, Дамалей смелый,
Дамалея земля застелена высохшей шкурой.
А предводитель того войска Пшикан,
– Уорки наши воспитанники, мы с ними живём,
Жизнь горемычная, жизнь гадкая, жизнь плохая –
Говорит наш Пшикан и злится.

Пшикан Дамалей смелый… [Антология кабардинской поэзии… 1957: 99] – "уорки наши воспитанники, мы с ними живём" и "...Говорит наш Пшикан и злится // Пшикан Дамалей смелый" – что это такое, если не прямое указание на социальный статус героя? Исходя из общей логики текста, можно предполагать, что речь идет о княжеском воспитаннике – в прямом переводе "пшикан" – а подача этого определения в виде имени собственного – не более, чем ошибка при эдиционной работе над произведением или уступка идеологическому нажиму при непосредственной публикации текста.

Тем не менее, в условиях классической феодальной Кабарды даже крестьянское восстание не могло проходить под руководством выходца из производительных слоев населения, точнее, могло, с меньшей вероятностью, нежели та, с какой оно возглавлялось бы аристократом. Традиционная Кабарда, жизнь которой регулировалась кодексом «хабзе», была настолько жестко структурированным сообществом, с такой стабильной иерархией вертикальных связей, что допустить мысль о принятии в качестве предводителя крестьянами выходца из своей же среды, видится затруднительным. Исторически адатный ордер восточных адыгов не допускал компромиссов в части позволительных сфер деятельности для представителей различных сословий – настолько, что даже во время ведения прямых боевых действий существовали разнообразные табу, подчеркивавшие исключительную роль нобилитета, его неприкосновенность для представителей нижних страт.

Говоря коротко, мы не видим никаких препятствий для идентификации Дамалея в качестве феодала и одновременно считаем цикл песен о нем плодом творчества джегуатлей – выходцев из крестьян, не столь избирательных в части употребления канонических, условно поэтических единиц при описании событий и объектов. Тексты кабардинского фольклора, фактически, с этого момента своей истории начинают обогащаться автологическими определениями, атрибутикой материального характера, образцами рефлексии, игнорирующими требования по ограничению объектного и аксиологического описания.

Даже не принимая во внимание особый лексический состав рассматриваемого текста – а он, конечно, противоречит глоссариальному наполнению атрибутированых аристократических произведений, мы должны будем учитывать сюжетные перипетии произведения, достаточно прозрачные для социальной идентификации авторов:

…Пшикан Дамалей смелый
В этот день уходит в поле. Насильно
Упитанных пахарей в войско собирает нам… [АКБ 1957: 99]

«Нам» в приведённом отрывке однозначно подсказывает типаж коллективного героя цикла «Дамалей». Вожак, насильно собирающий пахарей в войско восставших, может обозначать только одно: речь идет о людях лично свободных, так сказать, о свободных общинниках – небольшой социальной прослойке, занимавшей промежуточное место между дворянами-уорками и крепостным крестьянством.

Цикл песен о Дамалее-Широкие плечи оказался тем рубежом, за которым началось явное расщепление единого корпуса адыгского фольклора и формирования основ бикультурной общественной жизни кабардинского народа. Куда завел бы этот вектор эволюции этнического словесного творчества, судить трудно. Ясно одно: кабардинцы были весьма далеки от состояния внутри этнической дифференциации на уровне ментальности такого же масштаба, каковая отмечалась в российской среде от начала правления голштинских Романовых вплоть до самой Отечественной войны 1812 г. Однако, вскоре после принятия в 1753 г. российским престолом шерти от представителей баксанской и кашхатауской партий[1], начался процесс активного вовлечения адыгских феодальных структур в социально-политическую систему Российской империи. Уже к началу XIX в. классическая иерархия сословий кабардинского народа претерпела существенные изменения. Статус князей и дворян-узденей заметно снизился, обязательные преференции этих групп постепенно сошли на нет, воинские комплексы эталонного поведения были вытеснены стандартами обычного служилого дворянства.

Заключение

Опыт профессиональных певцов был воспринят крестьянской средой в той мере, которая позволяла создавать тексты, отличавшиеся от «чистых» жанровых образцов только мировоззренческой модальностью и социальной направленностью.

Но в целом «низкосословный» фольклор кабардинского народа формировался и развивался на своих, специфических основаниях, иных, нежели аристократические каноны феодального словесного творчества. При этом необходимо понимать, что возможность появления в крестьянской непрофессиональной среде произведений, отмеченных столь высоким уровнем образного мышления,

[1] Регистр владельцам и знатным их узденям, которые в силе высочайшего Е.И.В. повеления... №. 133, Лл. 182, 183, 184 // Электронный ресурс. Режим доступа: www.vostlit.info. Дата обращения – 17.06.2024 г.

поэтического синтаксиса и композиционной грамотности, в обязательном порядке предварялась долгим периодом роста эстетической рефлексии и общей поэтической культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Антология кабардинской поэзии… 1957 – Антология кабардинской поэзии. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1957. – 229 с. (на каб. яз.)

Бахтин 2010 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // Бахтин М.М. Собр. соч. в 7-ми т. Т. IV. – М.: Языки славянских к-р, 2010. – С. 7-507.

Борова 2015 – *Борова А.Р.* Эстетические архетипы адыгской поэзии: генезис и межкультурный обмен. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 206 с.

Гарданов 1976 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. – М.: Наука, 1967. – 331 с.

Интериано 1974 – *Интериано Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное полвествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 50-51.

Клапрот 2008 – *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 317 с.

Налоев 2011 – *Налоев З.М.* Институт джегуако. – Нальчик: ООО Тетраграф, 2011. – 408 с.

НПИИНА 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. – Т. III. ч. 1. – М.: Изд-во советский композитор, 1990. – 231 с.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.* История адыхейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 176 с.

Шкловский 1919 – *Шкловский В.* Искусство как приём // Поэтика: сборник по теории поэтического языка. – Петроград: 18-я Гос. типография, 1919. – Ч. II. – С. 112-113.

REFERENCES

Antologiya kabardinskoi poehzii [Anthology of Kabardian Poetry]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izd-vo, 1957. – 229 p. (in Kabardian).

BAKHTIN M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [The Creativity of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. In: Bakhtin M.M. Sobr. soch. v 7-mi t. T. IV. – M.: Yazyki slavyanskikh k-r, 2010. – P. 7-507. (In Russ.).

BOROVA A.R. *Ehsteticheskie arkhetipy adygskoi poehzii: genezis i mezhkul'turnyi obmen* [Aesthetic Archetypes of Adyghe Poetry: Genesis and Intercultural Exchange]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. – 206 p. (In Russ.).

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyi stroi adygskikh narodov* [The Social Structure of the Adyghe Peoples]. – M.: Nauka, 1967. – 331 p. (In Russ.).

INTERIANO DZH. *Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkesami. Dostoprimechatel'noe polvestvovanie* [The Life and Country of the Zikh People, Also Known as the Circassians. A Notable Journey]. In: Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vekov. – Nal'chik: Ehl'brus, 1974. – P. 50-51. (In Russ.).

KLAPROT YU. *Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh* [Description of trips to the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808]. – Nal'chik: Ehl'-Fa, 2008. – 317 p. (In Russ.).

NALOEV Z.M. *Institut dzheguako* [The Jeguako Institute]. – Nal'chik: OOO Tetragraf, 2011. – 408 p. (In Russ.).

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Adyghe people]. – T. III. ch. 1. – M.: Izd-vo sovetskii kompozitor, 1990. – 231 p. (In Russ.).

NOGMOV SH. *Istoriya adykheiskogo Naroda* [History of the Adyghe people]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1994. – 176 p. (In Russ.).

SHKLOVSKII V. *Iskusstvo kak priem* [Art as a means of]. In: Poehtika: sbornik po teorii poehticheskogo yazyka. – Petrograd: 18-ya Gos. tipografiya, 1919. – Ch. II. – P. 112-113. (In Russ.).

Информация об авторах
А.Р. Борова – доктор филологических наук, профессор.
М.Х. Хульчаева – кандидат филологических наук, доцент.
Information about the authors
A.R. Borova – Doctor of Philology, Professor.
M.Kh. Khulchaeva – Candidate of Philology, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.01.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 28.01.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Илму статья
УДК 821.512
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-177-190
EDN: LLTOHA

ОСМАНЛАНЫ ХЫЙСАНЫ СУРАТЛАУ ДУНИЯСЫНЫ АЙЫРМАЛЫГЪЫ

Гузиланы Алена Сарбашланы Мустафаны къызы
Гуманитар тинтиулени Институту – Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россей, ale-nasarb@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7457-9823

Къысха магъанасы. Илму ишде малкъар адабиятда совет кезиуден сора жангы тёлюню келечиси, малкъар жазыучу Османланы Хыйсаны (1954 ж.т.) чыгъармачылыгъына къаралады, аны бюгюнгю адабиятны айныуунда магъанасы белгиленеди. Статьяны илму жаны бла жангылыгъы – сёз устаны ниет хазнасы биринчи кере филология илмуда тинтиледи, суратлау дуниясы ачыкъланады. Хыйсаны жазыучулукъ хунери публицистикада, акъ эм къара сёзде баямланады. Публицистика китапларыны мурдорун халкъны тарыхыны, белгили тукъумланы адамларыны, Малкъарда жерлени, къаяланы атларыны юслеринден очеркле къурайдыла. Лирика чыгъармаларында анафора эм рефрен мадарла бла хайырланнганы чертленеди. Жазыучуну хапарларыны сюжет ёзеклери халкъны эсинде сакъланнган таурухла, жомакъла, жашауда керти болгъан ишледиле. Айырмалы чыгъармаланы сюзгенде, аланы суратлау энчиликлери белгиленедиле. Хапарланы асламысы эсгериу халда къураладыла, жазыучу энчи композиция эм хат мадарла бла хайырланады (автобиографизм, «хапарда хапар», халкъ чыгъармачылыкъны тёрелери, тенглешдириу, айгъакълаучу, жан салыу, жаз тил). Османланы Хыйсаны суратлау дуниясыны магъаналы кесеги туугъан жерини табийгъаты болгъаны баямланады. Миллет къылыкъны къурауда, жигитни ич дуниясын ачыкълауда этнографиялы белгини магъанасы чертиледи. Энчи эс чыгъармаланы баш ниетин къурагъан *сюймеклик* концпетге бурулады, аны жашау болумлада ачыкълауу кёргюзтюледи. Бардырылгъан ишде жазыучуну суратлау дуниясыны айырмалыгъы эм кёп бетли болгъаны ачыкъланады, аны чыгъармачылыгъы бюгюнгю окъуучуну эстетика излемлерин жалчытханы баямланады.

Баш магъаналы сёзле: Османланы Хыйса, суратлау дуния, бусагъатдагъы малкъар адабият, публицистика, акъ сёз, къара сёз.

Цитата этерге: Гузиланы А. Сарбашланы М.къ. Османланы Хыйсаны суратлау дуниясыны айырмалыгъы // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 177-190. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-177-190. EDN: LLTOHA.

© Гузиланы (Сарбашланы) А., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

THE ORIGINALITY OF KHYISY OSMANOV'S ARTISTIC WORLD

Alena M. Guzieva (Sarbasheva)

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alenasarb@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7457-9823

Abstract. This article examines the work of contemporary Balkar writer Khyisa Leilunovich Osmanov (born 1954), a representative of a new generation of authors of the post-Soviet period. It introduces the writer's literary works into scientific circulation for the first time, revealing his artistic world, which determines the scientific novelty of the work. The article demonstrates that Kh. Osmanov successfully demonstrates his mastery in journalism, poetry, and short fiction. The author's journalistic works are dominated by the history of the Balkar people, famous families and their prominent representatives, as well as the geographical names of gorges, rivers, and mountain peaks (toponymy) in Balkaria. Osmanov Kh.'s poetry employs effective artistic devices, such as anaphora and refrain, which lend expressiveness and rhythm to the verses. A selective analysis of the writer's stories reveals compositional and artistic features (autobiographical, "story within a story," folklore stylization, comparative phrases, epithets, personification, and metaphor), and characterizes the author's idiostyle. The natural environment of his native land is an important component of the writer's artistic world. The inclusion of ethnographic details in the text is considered an effective way to create a national character and reveal the protagonist's mentality. Attention is focused on the key concept of love, which defines the leitmotif of the author's work. The conducted research allowed us to identify the originality and versatility of Kh. Osmanov's work, which meets the aesthetic needs of the modern reader.

Keywords: Khyisa Osmanov, artistic world, contemporary literary process, journalism, poetry, prose.

For citation: Guzieva (Sarbasheva) A.M. Originality of the artistic world of Osmanov Khyisi. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 177-190. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-177-190. EDN: LLTOHA.

© Guzieva (Sarbasheva) A.M., 2026
© Caucasology, 2026

САМОБЫТНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ХЫЙСЫ ОСМАНОВА

Алена Мустафаевна Гузиева (Сарбашева)
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alenasarb@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7457-9823

Аннотация. В статье исследуется творчество современного балкарского писателя Османова Хыйсы Лейлуновича (1954 г.р.) – представителя нового поколения авторов постсоветского периода. В ней впервые вводятся в научный оборот литературные произведения писателя, раскрывается его художественный мир, что определяет научную новизну работы. В статье показано, что свое мастерство Османов Х. успешно демонстрирует в публицистике, поэзии и малой прозе. Тематическими доминантами публицистических сочинений автора являются история балкарского народа, известные фамилии и их яркие представители, а также географические названия ущелий, рек, горных вершин (топонимика) Балкарии. В поэзии Османова Х. в качестве эффективных художественных приемов использованы анафора и рефрен, придающие выразительность и ритмичность стихам. На основе выборочно проведенного анализа рассказов писателя выявляются композиционные, художественные особенности произведений

(автобиографизм, «рассказ в рассказе»; стилизация под фольклор, сравнительные обороты, эпитеты, прием персонификации, метафоричность), характеризуется идиостиль автора. Важной составляющей художественного мира писателя является природа родного края. Включение в нарратив этнографических деталей рассматривается как один из эффективных способов создания национального характера, раскрытия менталитета героя. Внимание акцентируется на ключевом концепте *любовь*, определяющем лейтмотив творчества автора. Проведенное исследование позволило идентифицировать самобытность и многогранность творчества Х. Османова, отвечающего эстетическим запросам современного читателя.

Ключевые слова: Османов Хыйса, художественный мир, современный литературный процесс, публицистика, поэзия, проза.

Для цитирования: Гузиева (Сарбашева) А.М. Самобытность художественного мира Османова Хыйсы // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 177-190. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-177-190. EDN: LLTOHA.

© Гузиева (Сарбашева) А.М., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Ал сёз

Малкъар адабиятны тарыхында XX-чы ёмюрню ахыры, XXI-чи ёмюрню башы жангы айныу кезиуюдю. 1991 жылны ахырында Россей Федерация автоном къыралча кесини саясат къарамын тюрлендиргени себепли, жамауат жашау, маданият да заманны излемине бойсунадыла. Адабиятны юсюнден айтханда, суратлау оюмлау да энчи ыз бла айныйды. Жазыучулукъ ишде эстетика къарам жашау кертиликни суратлауда жангы шартла бла белгиленеди, жангы литература формала. сыфатла къураладыла, ниет тизме кенгереди, суратлау чыгъарманы къурамы, магъанасы алгъын басмаланнган жазмаладан айырмалы болады. Белгиленнген болумла миллет алимлени ишлеринде чертленедиле [Хавжокова 2018; Довлеткиреева 2019; Керимова 2020]. Малкъар адабиятны юсюнден айтханда, бу кезиуде жазыучуланы жангы тёлюсю келеди. Ахыр онжыллыкълада ала эки къаумгъа юлешинедиле: бирлери жаш заманларындан окъуна суратлу сёзде хунерлерин кёргюзте келгендиле (назмучула Аппайланы Лариса, Ахматланы Люба, Байтугъанланы Исмаил, Рахайланы Диана, Газаланы Амина эм башхала), башхалары – жашау сынамлары байыгъып, орта жыл санларында къалам усталыкъларын баям этгендиле (Атмурзаланы Магомет, Биттирланы Аминат, Абайланы Сакинат, Узденланы Исмайыл, Османланы Хыйса, Этезланы Аныуар, Жаникаланы Жамал, Байсыланы Марзият эм башхала). Жангы тёлюню келечилерини чыгъармачылыкълары филология илмуда аз-аздан тинтиледиле [Керимова 2025; Сарбашева 2021; Атабиева 2025; 2025а]. Болсада кёплени чыгъармачылыкъ дуниялары, суратлау энчиликлери илмуну жорукъларында тийишлисича къаралмагъандыла. Аллайладан бири малкъар публицист, жазыучу, назмучу Османланы Лейлуну жашы Хыйсады. Аны назмулары, хапарлары бюгюннгю окъуучугъа белгилидиле, ала миллет газетлени, журналланы бетлеринде, энчи жыйымдыкъла болуп да басмаланадыла. Окъуучула ыразылыкъларын билдиредиле, жазыучулукъ ишде уллу сынамлары болгъан къалам нёгерлери да кесамат оюмларын жашырмай айтадыла [Бегиев 2010; Мусукаева 2024]. «Малкъар жазыучу Османланы Лейлуну жашы Хыйса окъуучуларын не

заманда да къуундыра келгенди. Китап болса, газетде, журналда басмаланнган хапар болса да, ала бла ол кёплени кёллерине жетгени, ыразылыкъ алгъаны да тууралы», – деп жазады Мусукаланы Сакинат жазыучуну «Малкъарны уюгъан макъамлары» деген китабыны ал сёзюнде [Мусукаева 2026: 4].

Илму ишни баш борчу – Османланы Хыйсаны чыгъармачылыкъ дуниясын ачыкъларгъа, аны ниет-суратлау энчилигин баям этерге, миллет адабиятда жерин белгилерге. Айтылгъан борчну тамамлар муратда, биринчиден – жазыучуну жашау жолун, публицистикасыны айныуун кёргюзтюрге, экинчиден – сёз устаны адабият хазнасы бай болгъаны себепли, къыйматлы чыгъармаларын сюзюп, аланы юлгюлеринде суратлау дуниясыны айырмалыгъын ачыкъларгъады. Илму ишибизни къуралыуу белгиленнген соруулагъа бойсунады.

Баш магъанасы

Османланы Лейлуну жашы Хыйса кёчгюнчюлюкде туугъан тёлюню келечисиди. Ол 1-чи январьда 1954 жылда ата-бабаларыны журтларындан узакъда, халкъы сюргюнде болгъан кезиуде Къазахстанда Алма-Атинск областьны Каскелен районунда Жанатурмыс элде туугъанды. Османланы юйюр туугъан жерлерине 1957 ж. къайтханды. Хыйса орта школну Герпегеж элде бошагъанды. Аскер къуллугъун толтургъандан сора Къабарты-Малкъар къырал университетни инженер-техника факультетине окъургъа киргенди. Аны 1979 ж. жылда бошап, тюрлю-тюрлю къурулуш организациялада инженер болуп ишлегенди. Болсада Осман улу журналист, суратлау чыгъармачылыкъгъа тартыннганды, ала бла кюреширге итиннгенди, ол себепден къадарын жазыучулукъ иш бла байлагъанды. Хыйса 1998 жылдан бери «Заман» газетде ишлейди. Мында чыгъармачылыкъ иш бла байламлы умутларына жетерге онг тапханды.

Осман улу Россейни журналистлерини (2001), жазычуларыны биригиулерини (2011), Кавказ жазыучуланы клубуну (2009) члениди. «Къабарты-Малкъарны сыйлы журналисти» деген атха 2025 жылда тийишли болгъанды.

Осман улу журналист ишинде малкъар халкъны маданияты эм тарыхы бла байламлы излемле бардырады, республиканы эллеринде тюрлю-тюрлю адамла бла тюбешип, жашауда болгъан сейир хапарланы, миллетни белгили адамлары бла, халкъны къадарында болгъан тарых ишле бла байламлы эсгериулени жыяды, аланы шагъатлары бла ушакъ бардырады. «Заман» газетни эм башхаланы бетлеринде басмаланнган очерклерин, билдирулерин миллет окъуучула уллу сейир бла сюйюп окъуйдула.

Османланы Хыйса Зумакъулланы Борис бла бирге «Играл Билял и оживали камни» (2001) деген биринчи китабын орус тилде басмалагъанды. Мында сёз фахмулу къобузчу, аты малкъар халкъда белгили болгъан Къазийланы Билялны юсюнден барады. Китапха Билялны юсюнден тенглерини, жуукъларыны эсгериулери, анга аталгъан назмула киргендиле. Энчи жерни Къазий улу ойнагъан музыкалы чыгъармаланы нота жазылары аладыла: аланы Къабарты-Малкъар республиканы музыкалы маданиятында эстетика багъалыгъы уллуду.

2004 ж. Осман улу «Ёмюрле жолунда» деген очеркледен къуралгъан улу жыйымдыгъын басмалайды. Китапда Малкъарда белгили тукъумланы Урусбий-

ланы, Шакъманланы, Мурачаланы, Байдаланы, Кючмезланы, Рахайланы, Карабугланы, Бийланы тарыхларыны юсюлеринден жазылады. Экинчи кесегинде таулуланы биринчи дуния, инсан эм Уллу Ата журт урушлада, ынгкъылапда, кёчгюнчюлюкде жарсыулу къадарларыны юслеринден хапарланады.

Хыйсаны журналист ишинде сейирлеринден бири эрттегили суратладыла. Аланы жыйып, жыйышдырып бошагъандан сора ол «Балкария сквозь века» (2009) деген уллу китап-сурат альбомну басмалайды. Бери юч жюз суратдан артыкъ, аланы санында почта открыткала эм суратла киредиле. Хар биринде да XIX-чу эм XX-чы ёмюрню биринчи жарымында малкъар халкъны белгили адамларыны, аланы юйюрлерини сыфатлары баямланадыла. «Бу альбом малкъар халкъны тарыхыды, аны келечилерини бетлерини эм къадарларыны юсю бла жазылгъан … <>… «жайылгъан» тарыхны тохташдырып, инсанланы къадарларын бла халкъны къадарын байларгъа онг излеудю», – деп жазады китапны ал сёзюнде тарых илмуланы доктору Аккийланы Светлана [Аккиева 2009: 7–8]. Хар сурат да озгъан ёмюрлени эм бюгюнлюкню бирикдирген кючдю, ол келлик тёлюлеге миллетни тарыхын баямлап къоймай, аны адет-тёрелерини, халкъны турмуш жашауну юслеринден хапарлайды. Осман улу жыйгъан суратла бусагъатдагъы алимлени (этнографланы, тарыхчыланы, миллет маданиятны тинтиучюлени) илму-излем бардыргъан ишлеринде болушлукъ этедиле. Китап экинчи кере басмада 2017 жылда чыкъгъанды.

Османланы Хыйсаны излеу эм халкъына сюймеклик сезимлери «Малкъар уя» (2011) деген жангы китабында шарт белгиленедиле. Мында публицистикалы жазмалары бла бирге малкъарлыланы, аланы юй турмушларыны, Басхан, Черек, Холам-Бызынгы, Чегем ауузланы табийгъатларыны эрттегили заманда этилген суратлары да бериледиле.

Аны ызындан чыкъгъан «Жашладан хапар айтыгъыз» (2014) деген китабын жазыучу 1941–1944 жж Уллу Ата журт урушда туугъан жерлерин къоруулагъан аскерчилени аналарына атагъанды. Мында белгиленнген урушдан тышында орус-япон, биринчи дуния, фин урушлагъа къатышхан жигит таулуланы юслеринден хапарла да айтыладыла.

Осман улу тохтаусуз жерлешлерини, тарыхда, жашауда болгъан сейирлик ишлени юслеринден хапарла жыяды. «Заманны къадау ташы» (2019) деген китабында миллет окъуучугъа аланы баямлайды, малкъар эллени (Бабугент, Быллым, Хасания, Кёнделен) жашауларыны, эрттегили адет-тёрелени юслеринден айтады. Бютюнда окъуучуну сейир этдирген Хыйсаны Малкъарда жер атланы уста билгениди. Анга шагъат тюрлю-тюрлю ташланы, къаяланы юслеринден очерклеридиле («Къыз кетген къая» «Къасбот къая», «Сары къаяны башыны жашырынлыкълары», «Алхаз бла Элмырзаны ташы», «Ёмюрлени шагъаты», «Сейирлик ташла», «Ахматланы чек ташлары», «Губуз таш» эм башхала). Аланы хар бири да озгъан ёмюрлени «тилсиз» шагъатларыча, ата-бабаланы жашауларында сынагъан жарсыулу болумланы юсюлеринден айтадыла, эрттегили тарыхны тасхалы бетлерин ачыкълайдыла. Дагъыда сынамы болгъан журналистни эсин алгъын заманлада ишленнген кешенеле, къалала аладыла. Аланы юслеринден «Къамгъут бийни кешенеси», «Эл журту» деген очерклеринде жазады, халкъ-

да атлары белгили болгъан Къамгъут бийни эм Гошаях бийчени сакъланнган кешенелерини эм къалаларыны суратларын да баямлайды.

Османланы Хыйса «Османлары» (2024), «История рода Чочаевых» (2017) деген китапларында айтылгъан тукъумланы тарыхларыны, аланы келечилерини юслеринден жазады, юйюр суратларын да кёргюзтеди.

Башында белгиленнген ишлери Осман улуну жашаугъа кенг къарамы болгъан, халкъны тарыхын, адет-тёресин сакълагъан эм аны жамауатха билдирирге итиннген адамча шартлайдыла. Китапларында айтылгъан жашауда керти болгъан хапарла, алагъа кийирилген эрттегили суратла жаланда окъуучуланы угъай, халкъ чыгъармачылыкъны, тилни, этнографияны, тарыхны тинтген алимлени да эслерин бийлейдиле.

Османланы Хыйсаны публицистикасы «къургъакъ» тилли болмагъаны шартды, мында ол кесини суратлау сёзге усталыгъын кёргюзтеди. Журналист ишинде сынамы аны суратлау чыгъармаларыны ниет, магъана энчиликлеринде белгиленеди. Жазыучуну адабият хазнасын «Анамы урчугъу» (2010), «Акъ кешене» (2013), «Акътамакъ» (2023), «Малкъарны уюгъан макъамлары» (2026) деген хапар эм «Умутла жолунда» (2025) деген назму жыйымдыкъла къурайдыла.

Осман улу чыгъармачылыкъ иш бла жашауда тынгылы сынамы болуп, орта жыл санына жетген кезиуюде кюрешип башлагъанды. Сабыр сагъышланыууну, табийгъатдан келген билимге итиниуюлюгюню, тёгерекде дунияны ангыларгъа излегенини, ана тилин уста билиуюню, чыгъармачылыкъ оюмлауну айырмалыгъыны хайырларындан ол кесини сейир суратлау дуниясын къурайды. Чыгъармаларыны бир къаууму кёчюрюлюп, башхамиллетли окъуучугъа жетеди. Осман улуну жазыучулукъ ишини баш борчу, бек биринчиден, суратлау сёзню кючю бла тюрлю-тюрлю маданиятланы араларында байламлыкъ жюрютюргеди. Дюгерли назмучу Энвер Хохоев бла бирге Хыйса «Ассалам алейкум! Юйюгюзге да игилик!» (2021) деген китапны басмалайды. Мында эки сёз устаны лирика эм проза чыгъармалары малкъар, дюгер эм орус тиллеге кёчюрюлюп бериледиле. «Бир заманда бир адамны жюрегин къыйнамагъан, огъурлу таулу къылыкъ хунерде ёсген, таза ниетде жашагъан» [Мусукаева 2024: 45] Осман улуну поэзиясы адамлыкъ, игилик тежеу сезимледен толуду. Назмучу керти таулугъа тийишли болгъан сабырлыгъын чыгъармаларына сингдиреди, аланы шош ёнлю этеди. Ол халда аны «Тиширыулагъа алгъыш» деген назмусу жазылгъанды, Шимал Каказда эм Россейде жашагъан халкъланы 15 тиллерине, тюрк тилге да кёчюрюлюп, окъуучулагъа белгили болгъанды.

Османланы Хыйса назмуларында рефрен эм анафора деген суратлау мадарла бла уста хайырланады. Сёз ючюн, «Толгъан айны къызымыса?» деген назмуда *Толгъан айны къызымыса?* деген тизгин хар тёрттизгинни ахыр тизгини болуп къатланады:

Аллах нюрден жаратхан,
Сюймекликни жазымыса?
Тауларымы ол жарытхан,
Толгъан айны къызымыса?

Жаным, сен нечик ариуса,

Малкъаргъа мёлек болурса.
Жашауума сен дууаса,
Толгъан айны къызымыса?..
[Османов 2025: 27]

«Нечик ариуса» деген лирика чыгъармада уа эки тизгин:

Айтчы сора, нек былай ариуса?
Сен айны, кюнню къызы болурса!
[Османов 2025: 16] хар тёрттизгинден сора къайтарылады.

«Изледим сени» деген назмуда ол жорукъ сакъланмайды, хар тизгинден сора *изледим сени* деген къайтарыу барады. «Кесим къурагъан болур эдим сени», «Мен да жашаргъа сюеме», «Суратынгы ишлер эдим мен сени» деген назмулада уа хар биринде да къатланып айтылгъан тизгин алларында барады. Юлгю келтирейик:

Суратынгы ишлер эдим сени,
Алып кюнден алтын бояула.
Айны сыфатын салырем анга,
Турур эди кечеми жарыта.

Суратынгы ишлер эдим сени,
Танг ала кюннге къарагъада…
[Османов 2025: 93]

Назмуланы башында къайтарылып келген бирча тизгинле (*Суратынгы ишлер эдим сени*; *Кесим къурагъан болур эдим сени*; *Мен да жашаргъа сюеме*) аланы баш ниет магъаналарыны ёзеклерин къурайдыла, эстетика даражаларын кючлендиредиле, лирика чыгъарманы аты боладыла.

Хыйсаны назмуларыны кёбюсюнде адам улуну жюрегин къозгъагъан, бийлеген сюймеклик сезимни юсюнден хапарланады. Аланы бирлери макъамгъа салынып да айтыладыла («Анама», «Сагъышла», «Келмейсе», «Сакълайма сени»), бирлери уа орус тилге кёчюрюлюп жырланадыла («Последний полет орла», «Песня о белой луне», «Вера, надежда, любовь», «Дочь луны»), лирика магъаналары бла тынгылагъанланы эслерин бийлей.

Болса да Османланы Хыйсаны чыгъармачылыгъында аслам жерни ниет эм хат энчилиги бла айырмалы болгъан къара сёз алады. Хапарларыны кёбюсюню мурдорун журналист ишинде эшитген, жашауда керти болгъан затланы юслеринден таурухла къурайдыла. Жазыучу чыгъармаларын халкъны ауузунда жюрюген жомакъланы, эрттегили жырланы, таурухланы сейир сюжетлерине кёре жазгъанды («Атийма», «Дюгерли къарт таулуланы юслеринден жырлай эди», «Сюйгеним кетди тау артына», «Акъ кешене», «Акътамакъ», «Суукъ къолда сермешиу», «Жилянны саугъасы»).

Башында айтылгъан чыгъармаларыны тизмесинде жанр эм къуралыуу жаны бла айырмалы болгъан «Суукъ къолда сермешиу» деген хапарын белгилерчады. Кесаматчыла бу чыгъармагъа энчи эс буруп, аны суратлау, урух эм хат жаны бла жангъылыгъын, къуралыуу эм магъана жанлары бла адабият жомакъ деген атха

тийишлигин чертгендиле [Довлеткиреева 2019: 9]. Хапарны башында жазыучу халкъны эсинде сакъланып келген таурухну тёлюден тёлюге жетдирген тюрлениу жолларыны, шартларыны юслеринден айтады: «Таурух жюрюйдю къаланы юсюнден, аууздан ауузгъа ныгъышлада, тёлюледен тёлюлеге ёте, бирле къората, бирле къоша» [Османов 2023: 110–111]. Осман улуну чыгъармасында энчи сыфат *къала* хапарлауда айтылгъан таурухну ёмюрлюк шагъатыча суратланады: «…ариу кенг таланы баш жанында, чынгыл къаяны ортасында, узакъдан туура кёрюнюп, сюеледи бир къала, адам къолу ишлеген угъай, тюз да къаяны кесинден чыкъгъан сунарса. Бир жаны да оюлуп, кёпден бери чыкъмайды ожагъындан тютюню, мурдор ташын габу басып, сир турады алайда, тарны ёмюрлюк къалауууру кибик» [Османов 2023: 110]. Жазыучу хапарда табийгъатны, адам улуну, жаныуарланы къадарларыны байламлыкъларын, бир бирге бойсунууларын чертип, жашауну бла ёлюмню араларында баргъан кюйсюз кюрешни магъанасын суратлау сёзню кючю бла ачыкъларгъа итинеди. Чыгъармада уста уучу Сосланбийни, къара тамгъалы жыртхычны эм акъ жугъутурну араларында къанлы сермешиу суратланады («Сермешгенле жилянлача чырмашхандыла бир бирлерине. Ары-бери булгъашадыла. Кезиу-кезиу тюшедиле тюпге, бири бирине онг бермей. Ал болалгъан жокъду. Жаш не кючлю болсада, кёкюрегине терен киргендиле жыртхыч жаныуарны тырнакълары. Барсны жугъутур мюйюзлери тешген быгъынындан саркъады къан, уучуну садакъ огъу да жашаун ала барады Апсатыны акъ малыны. Ала барысы да сюедиле жашаргъа, алай бир бирлеринден къутулалмайдыла…» [Османов 2023:116–117]). Хапарны жигитлерини хар бири да хорларгъа излей эдиле, болса да ахырында ючюсю да жоюладыла. Жазыучу энчи композиция эм хат мадарла бла хайырлана («хапарда хапар», халкъ чыгъармачылыкъны ниети, акъ жугъутурну сыфаты, тенглешдириу, айгъакълаучу (эпитет), жаз тил), жомакъ халда хапарын уста къурайды.

Осман улу терк-терк халкъ жомакъланы айырмалы шарты – жан салыу мадар бла хайырланады, ол а чыгъарманы эстетика даражасын кючлендиреди («Алтынчач кюн а, бу жанында борчун толтуруп, ахыр тыякълары бла кёкню къызарта…»; «Анга (мараучуну хапарына – *Г.* (*С.) А.*) шагъатха биз сагъыннган къала бюгюнлюкде да сюеледи жеринде, жайда желле, жаунла бла сермеше, къышда боранла, аязла бла… Кюн чуакъ эди. Аны таякълары къаланы суукъ ташларына къонуп, бириндан бирине секире ойнайдыла, ала иничке, назик ауазчыкълары бла бир бирлерине не зат эсе да шыбырдайдыла» [Османов 2023: 115, 119]).

Туугъан жерини табийгъаты Османланы Хыйсаны суратлау дуниясыны магъаналы кесегиди. Жаз тилни кючю бла «Къая эринде», «Къайын терек», «Таш бла заман» деген хапарларында ташны, терекни, къаяны, жаууну, желни, булутну эм башха табийгъат болумланы суратлай, не заманда да адам улуну сагъышландыргъан жашау бла ёлюм, адамлыкъ бла кюйсюзлюкню араларында кюреш дегенча сорууланы ачыкълайды. Чыгъармаланы ниет ёзеклерин табийгъатны бузгъан, аны дуниясын ойгъан огъурсуз кючлени эм жашаугъа, жарыкълыкъгъа тартылгъан затланы араларында чюйрелик къурайды. Жазыучу тамата сёз усталадан келген адабият тёрелеге бойсуна, аланы айнытады (сёз ючюн, Тёппеланы Алимни «Ташны юсюнден баллада», «Артишни балладасы» деген

чыгъармаларын эсге алсакъ [Сарбашева 2024: 70]). Осман улуну башында айтылгъан чыгъармаларында къуралгъан сыфатланы хар бири да энчи эстетика борчну толтурады. Сёз ючюн, «Къая эринде» деген хапарда желни сыфаты кюйсюзлюкню, бузукълукъну белгисича суратланады («… суукъ жел, бёрю улугъанлай, сызгъырылып жетеди. Ачы жел, къара жел» [Османов 2010: 48]). Жел къая этегини къалаууру къарт эменни кюйсюз душманыча аны аллында баш иерге, кесине бойсундурургъа итинеди. Ауушну тынч жашауну низамын бузаргъа излеген къара кючге къая да чюйре турады. Табийгъат бла сермешде жел хорлатады. Бу гитче хапар жашырын магъаналыды. Жазыучу жаз тилни онглары бла хайырланып, таулу халкъны къадарында жашау ючюн кюйсюз зулмучула бла баргъан ауур кюрешни къазауатын суратлайды. Белгиленнген хапаргъа ниет магъана жаны бла «Заман бла таш» деген чыгъармасы да жуукъду. Ташны сыфатында жазыучу жашауну къыйынлыгъын («Не зат кёрмеди, сынамады къара таш, ёмюрлени саркъыуунда, тау ауузну къалаууру, озгъан ёмюрлени шагъаты» [Османов 2010: 59]), миллет къылыкъда ёмюрледен тохташхан ёхтемликни, ниет кючню, эслиликни, къатылыкъны шартларын чертлейди. Осман улуну суратлау тили байды, шатыкды. Аны кючю бла жазыучу жансыз сыфатлагъа жан салады, философиялы соруулану ачыкълай, суратлау чыгъармаларыны ниет мурдорларын кючлендиреди.

Османланы Хыйсаны чыгъармачылыгъыны дагъыда бир энчилиги – аны хапарларыны ёзеклерин авторну эсгериулери къурайдыла. Бек биринчиден, ала дунияларын алышхан жуукъ адамлары – атасы эм анасы бла байламлыдыла. «Жашау жолу» деген чыгъармасында Хыйса узакъ жарыкъ сабийлигини суратын кёз аллына келтиреди, атаны, ананы огъурлу сыфатларын кёргюзтеди: «Тау орамда бир эр киши бла бир тиширыу барадыла. Жарыкъды аланы кёллери. Кюн таякълары жылтырайдыла огъурлу кёзлеринде, жаякъларында. Алларында уа – жашчыкъ. Ол а аз-аз чабады да, тохтайды. Ызындан келген анасын сакълайды. Ала жетселе уа, къыл-къыл эте кюледи. Дагъыда алгъа тебирейди, сюрюледи. Таматала, бир бирлерине къарай, ышарадыла аны алай этгенине. Къалай насыплыдыла, келбетлидиле ала – атам бла анам» [Османов 2023: 165]. Бу гитче юлгюде жазыучуну сыфатны суратлауда, аны бла бирге жигитни ич сезимин ачыкълауда, жашау кертиликни кёргюзтюуде усталыгъы баямланады.

Осман улу «Анама», «Къайталсам эди озгъан жылларыма» деген назмуларында да мудахлы сагъышларын, жюрек жарсыуларын айтады, озгъан жыллагъа тансыкълыгъын билдиреди:

Эшикни ачып, къайталсам эди,
Ол озуп кетген жыллагъа,
Чапханлай барып турур эдим,
Баш ура ата-анагъа…
(«Къайталсам эди озгъан жылларыма»)
[Османов 2025: 111].

Хыйсаны ниет хазнасында «Анамы урчугъу» деген хапары айырмалы чыгъармаларындан бирине саналады: ол туугъан анасы Байдаланы Ибрахимни къызы Нюржаннга жораланнганды. Хапарлау мында биринчи бетден барады.

Осман улу кеси да чыгъармада баш жигитни орунунда болуп, сюжет ишге къатышады. Жазыучу ич дуниясын, жюрек къайгъыларын этнографиялы белгини (*анасыны урчугъу*) кючю бла ачыкълайды. Анасындан къалгъан урчукъ аныча «ёксюздю», ол дуниядан кетген, жанындан сюйген адамыны эсгертмесича сыфатланады. Осман улу таулу тиширыула жюрютген къол урчукъну суратлауда усталыгъын кёргюзтеди:

«Чертлеуюк чыбыкъдан жонулгъан сыйдам таякъчыкъ. Узунлугъу бир къарыш бла эки эл. Баш жаны аз базыгъыракь, къыйырында жюн халы илинирча бичакъ бла этилген кезчик. Аны тюбюнде уа – урчукъ баш.

Урчукъ башда къызгъан темир бла кюйдюрюлюп ишленнген суратчыкъла. Бир жанындагъыла чыннгыл къаяла, экинчисинде уа – тау череги тарны энишге чабады.

Къыйыры жютюрек жонулуп, тюп жаны уа андан да иничкерек. Ма олду битеу да анамы урчугъу. Кюн сайын иесини къолунда халы ийирип тургъан таулу ананы дайым къатында тургъан сёз нёгери» [Османов 2010: 11].

Алай бла, жазыучу окъуучугъа урчукъну кёз аллына келтирирге онг береди, аны бла бирге хапарлаугъа миллет энчиликни сингдиреди. Урчукъ ана жылыудан, сюймекликден толгъан, аны бешик жырлары, хапарлары айтылгъан дунияны жарыкъ белгисича суратланады. Хыйса къол урчукъгъа жан салып, анысыны сау заманында «аны керти шуёхуча» баямлайды:

«Ёксюз болуп жатады анамы суратыны къатында. ″Турма былай, къоп ёрге. Тансыкъ болгъанма санга, сылачы жылы къолларынг бла башымы. Сора биягъы экибиз да жолгъа чыгъайыкъ. Сен бла мен – антлы шуёхлабыз да″, дегенчады иесине…» [Османов 2010: 12].

Жазыучу мудах хапарлауунда къол урчукъну кесини сёз нёгерича да суратлайды. Дагъыда гитче чыгъармада эстетика магъананы тухан белгиледен бири анасыны суратыды. Ол тилсиз жигитлерини санында болгъанлыкъгъа, Хыйса аны хапарлаугъа кийиреди, анга да жан салады: «Алай сурат сёз айталмайды. Жаланда мудах къарайды узакъгъа…» [Османов 2010: 12].

Дагъыда жазыучу чыгъармада ич диалог бла хайырланады: ол кеси сагъышларында анасы бла хапарлашады, аны бла бирге мудахлыгъын сездирирге, анасына сюймеклик кючюн кёргюзтюрге онг излейди. Белгиленнген суратлау амалла жигитни ич бушуулугъун терен ачыкъларгъа себеплик этедиле, саулай да хапарны мудахлыкъ ёнюн кючлейдиле, чыгъарманы сюжет ёзегин айнытадыла.

Османланы Хыйсаны прозасы ниет жаны бла кёп бетлиди. Мында жазыучу жашауда адам улуну жарсытхан болумланы: юйюр къурауну, сюймекликни, жангызлыкъны, тас болгъан насыпны юслеринден терен оюмлайды («Мени тас болгъан жаннетим», «Сюймеклик ауанасы», «Бёрюлеге къобуз согъуу», «Кеч табылгъан насып», «Буюрулмагъан сюймекликни баяны»). Сюймеклик не заманда да адамны сагъышландыргъанды. Суратлау чыгъармачылыкъда уа ол энчи соруду. Осман улуну жигитлери да, жашы, къарты болса да, анга жууап излейдиле. Аланы кёплери толмагъан сюймекликни къадарын сынайдыла (Мырзабек бла Мариям («Буюрулмагъан сюймекликни баяны»), Хасым бла Зурият («Кюбюрде сакъланнган къагъыт»), Исхакъ бла Сакинат («Тюшде келген тырман»), Хызыр бла Жумарукъ («Сюймекликге кертичилик»), жыл санлары жетгенде да

жюреклерин къозгъагъан, аны теренинде сакъланнган сезимден азатланалмайдыла.

Хыйсаны «Сюймекликни ауанасы» деген къысха чыгъармасында хапарлау биринчи бетден бардырылады. Аны атында ниет магъанасы жашырын белгиленеди. Баш жигитлери – таулу жаш бла Зухураны араларында сюймеклик лирика жигитни мудах эсгериулеринде ачыкъланады. Къадарны буйругъу бла жаш адамла юйюр насыпха жетишалмай къаладыла. Чыгъарма мудах ёнлюдю, аны бла бирге лирикалыкъ сезиледи. Хапарлауну энчилиги – жигитни ич сагъышларын ачыкълау, аны жюрек жарсыуларын баямлау (психологизм). Осман улу жашны ич дуниясын фахмулу суратчыча къурайды, аны сюймеклик сезимини чюйре бетли болгъанын – татлылыгъын бла ачылыгъын, жарыкълыгъын бла мутхузлугъун – толу кёргюзтеди. Бу сезимни юсю бла Хыйса, адам улуну къадарыны драмалыгъын чертеди («Къолларымы жайып, сюймекликни аллына чапдым да… къучагъымда ауанасы къалды… Суусабымы къандырайым деп, кезлеуге ийилдим да, аны сууу думп болуп къалды. Ай, къадар, къадар, сен не тюрлю буйрукъ этдинг манга» [Османов 2010: 27]).

Хыйсаны хапарларында адамны жашауунда сюймеклик уллу сынауча суратланады. Бирде ол жигитлени къадарларын ажымлы этеди. Ол бийик сезим сюйгенлени ажашдырады, «отха, суугъа да секиртеди. Бирде сокъур да этеди, бирде уа тели болуп къаласа, жигитлик, телилик да этдиреди» [Османов 2023:74]. Жазыучуну «Акътамакъ» хапарыны жигити Харун аллай сюймекликни къурманы болады: жаш сюйген къызы Акътамакъны: «Керти сюймеклик отха секиртеди, дейдиле. Мен а, сенден тилерик, бу суучукъ бла бир ёт да кел» [Османов 2023:73] деген тилегин толтура, аны жарыкъ сюймеклигине ийнандырыр муратда, къутургъан Черекни толкъунларында жоюлады.

Болсада Осман улуну суратлау дуниясында сюймеклик сезим мутхуз тюрсюнледен да азатды. Ол бирлени мудахлыкъны жесири этип къоя эсе, башхалагъа уа жашау болумланы хорлагъан кючдю. «Сюймеклик ол жашауну тутуругъуду… Адам улусу жашауну ангылап тебирегенден башлап, анга ие болургъа излейди. Алай кёплени къолларындан келмейди. Сюймеклик ма бу от кибикди. Бирде жылыуун берир, бирде уа кюйдюрюр. Ол жюрекден келген сезимди», – дейди тамата акъсакъал Хыйсаны «Кеч табылгъан насып» деген хапарында [Османов 2026: 38–39]. Къартны айтханыны жашау кертилиги хапарны жигитлерини къадарларыны юлгюсюнде ачыкъланады: кёчгюнчюлюкню айланч-къыланч жолларында Даниял бла Азизаны къолларындан келеди сюймеклик берген насыпдан юлюш алыргъа.

Осман улуну малкъар адабиятда ниет магъана жаны бла «Бёрюлеге къобуз согъуу» деген чыгъармасы да сейирди, жангыды дерчады. Бу хапарда сюймекликни темасын ачыкълауда жазыучу энчи кёзден къарайды. Къобузчу таулу жаш эм Зайнаф жашлыкъларындан бери бир бирлерин сюедиле, алай жашау халла аланы уллу сезимлерин кеслерине бойсундуруп, къадарларын башха этеди. Болсада, талай жыл ётгенден сора, ала тюбешедиле. Хапарда ол сюймекликге жангы жашау, кюч берген болум суратланады. Зайнаф баш иесини эркинлиги бла жашны юйюне къонакъгъа чакъырады. Къобузчу къыш кече бораннга тюшеди, бёрю жыйыны аны тёгерегинден алады. Къыл къобузда согъууу бла жаш кесин

ажалдан сакъларгъа кюрешеди. Аны узакъдан келген тауушун эшитген Зайнаф баш иесине тилеп, сюйгенин кюйсюз жыртхычланы къуршоуундан къутултады. Былайда миллетни жашаууна бек аз тюбеген болум къуралады. Тиширыуну юйдегиси къобузчу жашха: «Зайнаф сени чексиз сюйгени ючюн, аны башына эркин этеме. Аллах буюруп, сени ёлюмден къутхаргъан эсем, сенден сюйгенинги сыйырып, сени жангы ёлюмге нек атаргъа керекме? Манга аллай гюнах керек тюйюлдю», – дейди [Османов 2023: 62]. Таулу кишини быллай оноуу бюгюннгю окъуучуну сейирсиндирирге, сагъышландырыргъа да болур. Жазыучу бу хапарда адам улуну ниет эркинлигин, ниет кючюн баямлайды.

Османланы Хыйса чыгъармаларында жигитлени сагъышларын, жюреклеринде тасха сезимлерин, къадарларын, аланы кеслерине бойсундаргъан миллет тёрелени, жашауну да толу суратлайды. Акъсакъал къартланы ныгъышда, от жагъаны тёгерегинде жыйылыулары, халкъда жюрюген адетлени, къурманлыкъ ашланы суратлаулары, тойланы барыулары, тепсеулери, таулуланы жашау турмушу хапарлаугъа терен сингдириледиле, Осман улуну чыгъармаларына миллет шарт бередиле, сёз устаны суратлау дуниясын айырмалы этедиле.

Бегитиу

Алайды да, тилни шатыклыгъы, жашырын магъаналыгъы, лирика женгиллиги, жашау кертиликни суратлау даражагъа жетишдирип кёргюзтюую, миллет дунияны суратлауу Османланы Хыйсаны чыгъармаларына энчи эстетика «тюрсюн» бередиле. Жазыучу кёзге илиннген неда ташада къалгъан шартланы баямларгъа итинеди. Бир гитче затны юсюнден хапарлай, тёгерекдеги дунияны кёп бетли суратын ишлейди, аны юсюнден окъуучуну сагъышландырады. Малкъар жазыучуну чыгъармачылыгъы бусагъатдагъы адабиятда «таза хауаны» сезерге излеген, суратлау сёзню хайыры бла миллет эсни кючлендирирге, халкъны тарыхыны, турмушуну, ниет байлыгъыны, адам улуну жашау сынамыны юслеринден билим алып, эстетика сезимлерин байыкъландырыргъа итингенлеге жораланады.

ХАЙЫРЛАНЫЛГЪАН ИШЛЕНИ ТИЗМЕСИ

Аккиева 2009 – *Аккиева С.И.* Хранители истории // Османов Х.Л. Балкария сквозь века. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. – С. 6–8.

Атабиева 2025 – *Атабиева А.Д.* М.М. Атмурзаев: погружение в мир театра и литературного творчества // Вестник КБИГИ. – 2025. –№ 3 (66). – С. 111–121. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-3-66-111-121.

Атабиева 2025а – *Атабиева А.Д.* Психологическая проза А. Биттировой: этический, социальный, гендерный аспекты осмысления // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 340–356. DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-340-356.

Бегиев 2010 – *Бегиев А.М.* Иги къуум (Доброе начало) // Османов Х.Л. Анамы урчугъу (Веретено моей мамы). Рассказы, эссе. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. – С. 5–9.

Довлеткиреева 2019 – *Довлеткиреева Л.М.* Литературный голос Кавказа // Предчувствие. Сборник произведений членов Клуба писателей Кавказа. – Вып. 2. – Нальчик, 2019. – С.7–9.

Керимова 2020 – *Керимова Р.А.* Карачаево-балкарская поэзия конца XX – начала XXI в.: новое поколение авторов. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2020. –375 с.

Керимова 2025 – *Керимова Р.А.* Поэтика Любы Ахматовой: рефлексия и авторская стратегия // Слово. Текст. Контекст. – 2025. – № 3 (23). – С. 130–139. DOI: 1069571/PBSSPU.2025.3.012.

Мусукаева 2024 – *Мусукаева С.А.* Ёмюрлени байлай (Османланы Хыйсагъа – 70 жыл) (Связывая века (Османову Хыйсе – 70) // Минги тау (Эльбрус). – 2024. – № 1. – С. 40–47.

Мусукаева 2026 – *Мусукаева С.А.* Ал сёз (Предисловие) // Османов Х.Л. Малкъарны уюгъан макъамлары (Застывшие мелодии Балкарии). – Нальчик: Принт-Центр, 2026. – С. 4–6.

Османов 2010 – *Османов Х.Л.* Анамы урчугъу (Веретено моей мамы). Рассказы, эссе. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. – 128 с.

Османов 2023 – *Османов Х.Л.* Акътамакъ (Актамак). Стихи, рассказы, легенды. –Владикавказ: ИП А.Ю. Цопанова, 2023. – 200 с.

Османов 2025 – *Османов Х.Л.* Умутла жолунда (Дорогой мечты). Стихи. –Нальчик: Принт-Центр, 2025. –144 с.

Османов 2026 – *Османов Х.Л.* Малкъарны уюгъан макъамлары (Застывшие мелодии Балкарии). – Нальчик: Принт-Центр, 2026. – 186 с.

Сарбашева 2021 – *Сарбашева А.М.* Жаш жюрекни сагъышлары (Сердечные размышления) (О поэзии И. Байтуганова) // Минги Тау (Эльбрус). – 2021. – № 2. –С. 140–141.

Сарбашева 2024 – *Сарбашева А.М.* Алим Теппеев: проблема творческой индивидуальности. – Нальчик: Принт-Центр, 2024. – 360 с.

Хавжокова 2018 – *Хавжокова Л.Б.* Эволюция современной кабардинской прозы: тематика проблематика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. –№ 8-2 (86). – С. 266–270. https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.10

REFERENCES

AKKIEVA S.I. Khraniteli istorii [Keepers of History]. IN: Osmanov KH.L. Balkariya skvoz' veka [Balkaria through the centuries]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2009. – P. 6–8. (In Russ.).

ATABIEVA A.D. M.M. Atmurzaev: pogruzhenie v mir teatra i literaturnogo tvorchestva [M.M. Atmurzaev: immersion into the world of theater and literary creativity]. IN: Vestnik KBIGI KBIGI Bulletin]. – 2025. –№ 3 (66). – P. 111–121. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-3-66-111-121 (In Russ.).

ATABIEVA A.D. Psikhologicheskaya proza A. Bittirovoi: ehticheskii, sotsial'nyi, gendernyi aspekty osmysleniya [Psychological prose by A. Bittirova: ethical, social, gender aspects of understanding]. IN: Ehlektronnyi zhurnal «Kavkazologiya» **[**Electronic journal "Caucasology"]. **–**2025. – № 4. – P. 340–356. DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-340-356. (In Russ.).

BEGIEV A.M. Igi k"uuum [A good start]. IN: Osmanov KH.L. Anamy urchug"u [My mother's spindle]. Stories, essays. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2010. –P. 5–9. (In Balkarian).

DOVLETKIREEVA L.M. Literaturnyi golos Kavkaza [The Literary Voice of the Caucasus]**.** IN: Predchuvstvie. Sbornik proizvedenii chlenov Kluba pisatelei Kavkaza [Premonition. A collection of works by members of the Caucasus Writers' Club.]. – Vyp. 2. – Nal'chik, 2019. – P.7–9. (In Russ.).

KERIMOVA R.A. Karachaevo-balkarskaya poehziya kontsa XX – nachala XXI v.: novoe pokolenie avtorov [Karachay-Balkar poetry of the late 20th – early 21st centuries: a new generation of authors]. – Nal'chik: Izd-vo KBNTS RAN, 2020. –375 p. (In Russ.).

KERIMOVA R.A. Poehtika Lyuby Akhmatovoi: refleksiya i avtorskaya strategiya [The poetics of Lyuba Akhmatova: reflection and authorial strategy]**.** IN: Slovo. Tekst. Kontekst [Word. Text. Context]. – 2025. – № 3 (23). – P. 130–139. DOI: 1069571/PBSSPU.2025.3.012. (In Russ.).

MUSUKAEVA S.A. Emyurleni bailai (Osmanlany Khyisag"a – 70 zhyl) [Linking the centuries (Khyise Osmanov is 70)]. IN: Mingi tau [Elbrus]. – 2024. – № 1. – P. 40–47. (In Balkarian).

MUSUKAEVA S.A. Al sez [Preface]. IN: Osmanov KH.L. Malk"arny uyug"an mak"amlary [Frozen Melodies of Balkaria]. – Nal'chik: Print-Tsentr, 2026. – P. 4–6. (In Balkarian).

OSMANOV KH.L. Anamy urchug"u. Rasskazy, ehsse **[**My Mother's Spindle. Stories, essays]. –Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2010. – 128 p. (In Balkarian).

OSMANOV KH.L. Ak"tamak". Stikhi, rasskazy, legendy [Aktamak. Poems, stories, legends]. –Vladikavkaz: IP A.YU. Tsopanova, 2023. – 200 p. (In Balkarian).

OSMANOV KH.L. Umutla zholunda. Stikhi. [Dear Dreams. Poems]. –Nal'chik: Print-Tsentr, 2025. –144 p. (In Balkarian).

OSMANOV KH.L. Malk"arny uyug"an mak"amlary [Frozen melodies of Balkaria]. – Nal'chik: Print-Tsentr, 2026. – 186 p. (In Balkarian).

SARBASHEVA A.M. Zhash zhyurekni sag"yshlary [Heartfelt Reflections]. // Mingi Tau **[**Elbrus]. – 2021. – № 2. –P. 140–141. (In Balkarian).

SARBASHEVA A.M. Alim Teppeev: problema tvorcheskoi idividual'nosti [Alim Teppeev: the problem of creative individuality]. – Nal'chik: Print-Tsentr, 2024. – 360 p. (In Russ.).

KHAVZHOKOVA L.B. Ehvolyutsiya sovremennoi kabardinskoi prozy: tematika problematika [The evolution of modern Kabardian prose: themes and problems]. IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki **[**Philological sciences. Theoretical and practical issues]**.** – 2018. –№ 8-2 (86). – P. 266–270. https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.10 (In Russ.).

Авторну юсюнден билдириу

Гузиланы А. Сарбашланы М.къ. – филология илмуланы доктору.

Information about the author

A.M. Guzieva (Sarbasheva) – Doctor of Science (Philology), associate professor.

Информация об авторе

А.М. Гузиева (Сарбашева) – доктор филологических наук, доцент.

Статья редакциягъа 01.03.2026 дж. келгенди; рецензия этгенден сора 15.06.2026 ж. къабыл этилгенди; 29.06.2026 ж. басмагъа къабыл этилгенди.

The article was submitted 22.01.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Статья поступила в редакцию 01.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

Научная статья
УДК 82-31+82-32
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-191-203
EDN: NEPYOI

ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ ОБРАЗА АЛБАСЛЫ В НОГАЙСКОЙ МАЛОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Елизавета Александровна Сафиулина
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, liza.safiulina@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-7926-3941

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать особенности воплощения черт мифологического персонажа Албаслы – женоподобного существа из мифологии тюркских народов – в малой прозе ногайских писателей. Автор статьи впервые выдвигает гипотезу о том, что своеобразие женских образов в повестях В. Казакова («Звезда Бабай»), С. Батырова («Легенда об Албаслы») и И. Капаева («Предание о Янсурат») объясняется не только индивидуальными художественными поисками писателей, но и тем, что они восходят к одному мифологическому прообразу. Устойчивый набор черт, который в статье назван «комплекс албаслы», – пленительная красота, инфернальность, отверженность, нереализованность в любви – позволяет говорить о тесной связи художественной картины мира ногайской литературы с национальной мифологией. Несмотря на немногочисленность примеров, наблюдения, изложенные в статье, дают возможность более глубоко проникнуть в своеобразие ногайской «малой прозы».

Ключевые слова: образ албаслы, женские образы, архетип, ногайская литература, тюркская мифология.

Для цитирования: Сафиулина Е.А. Особенности воплощения образа албаслы в ногайской малой прозе второй половины XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 191-203. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-191-203. EDN: NEPYOI.

© Сафиулина Е.А., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

FEATURES OF THE EMBODIMENT OF THE IMAGE OF ALBASLY IN NOGAI SHORT PROSE OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

Elizaveta A. Safiulina
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, liza.safiulina@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-7926-3941

Abstract. This article attempts to analyze the unique portrayal of the mythological figure Albasly - an effeminate creature from Turkic mythology – in the short fiction of Nogai writers. The author first hypothesizes that the distinctive female characters in the stories of V. Kazakov (“The Star of Babai”), S. Batyrov (“The Legend of Albasly”), and I. Kapayev (“The Legend of Yansurat”) are

explained not only by the writers' individual artistic pursuits but also by their shared mythological origins. A consistent set of traits, dubbed the “Albasly complex” in the article – captivating beauty, infernal quality, rejection, and unrealized love – suggests a close connection between the artistic worldview of Nogai literature and national mythology. Despite the limited number of examples, the observations presented in this article provide a deeper insight into the uniqueness of Nogai short fiction.

Keywords: Albasly image, female characters, archetype, Nogai literature, Turkic mythology.

For citation: Safiulina E.A. Features of the embodiment of the image of albasly in Nogai short prose of the second half of the 20th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 191-203. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-191-203. EDN: NEPYOI.

© Safiulina E.A., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Схожие художественные образы, отсылающие к фольклорной или мифологической традиции, прослеживаемые в произведениях разных авторов, свидетельствуют о существовании общей культурной памяти. Как известно, «типы образных ассоциаций <...> несут в себе доведенную до рефлекса родовую память этноса: они порождены условиями жизни – природой, бытом, трудом, нравами и теми ценностными представлениями, которые сложились за многие века» [Лейдерман 2015: 21–22]. Образами такого рода насыщена и ногайская литература, среди которых отдельного внимания заслуживает албаслы.

Албаслы (албасты, албастлы) – женоподобное существо из мифологии тюркоязычных и ираноязычных народов Северного Кавказа. Исследователи уже обращались к анализу его генезиса и особенностей функционирования [Алейников 1893; Керейтов 1980; Ярлыкапов 2008]. Албаслы живет в лесу или у воды, у нее длинные волосы, большая грудь и развернутые ступни. Людям она приносит вред: насылает болезни и дурные сны. Особенно она опасна для рожениц, у которых крадет детей. В некоторых версиях албаслы вступает в половую связь с человеком: в вариантах эпоса «Эдиге» ногайский полководец является ее потомком. Существенен для этого исследования вывод автора монографии, согласно которому «четко выраженные материнские признаки албасты, а также то, что она вредит роженице и новорожденным, связь ее с водой и растительностью (лес, волосы, шерсть по всему телу) говорят, скорее всего, о том, что ее образ восходит к каким-то древним божествам – покровительницам родов и плодородия» [Ярлыкапов 2008: 64].

Албаслы как покровительница женщин в «Легенде об Албаслы» С. Батырова

Как полноценный персонаж в ногайской художественной литературе албаслы представлена в рассказе С. Батырова «Легенда об Албаслы» (1999). Ее образ наделен традиционными чертами (обитает в лесу, колдует, расчесывается гребнем): «Под кустом облепихи, словно сливаясь воедино со снегом, сидит белая девушка, босоногая, в ветхом белом платье. Она похожа на раненую лебедь… И лишь черные глаза сверкают сквозь заснеженный мир» [Батыров 2020:

295] (*Пер. Ф. Сидахметовой*). Албаслы представлена как пленительно красивая девушка, и это не демоническая маска, а ее настоящее лицо. Она полюбила обыкновенного юношу Айдара, которому стремится помочь, но их любви не суждено реализоваться: она существо иного мира. Албаслы не может иметь детей и завидует молодой жене Айдара. В мифологическом персонаже, к которому восходит этот образ, «важным является еще то, что она присутствует во время родов и вся ее злость направлена на женщину, которая дает новую жизнь. Здесь явно видно единство жизни и смерти, столь присущее божеству плодородия, растительности и животного мира. Этот персонаж, хотя и вредит роженицам и новорожденным, но без его присутствия рождение состояться не может» [Халипаева 1995: 123]. Писатель переосмысливает содержание мифологического прообраза: в рассказе Албаслы находится рядом с женой Айдара во время схваток и облегчает мучения роженицы.

У тюркских народов также известны легенды, в которых албаслы становится возлюбленной: «В одном из преданий кумыков рассказывается, как Албаслы (вариант Пери) приблизила к себе охотника. С того дня он стал очень удачлив, но это не радовало его молодую жену. Однажды она заглянула в комнату мужа и увидела рядом с ним красавицу» [Халипаева 1995: 133]. Дальнейший ход событий определяется отношением жены к Албаслы: вежливостью она могла обеспечить длительное благополучие семье, грубостью – неудачу. В рассказе С. Батырова, где созданы многочисленные женские образы, присущие многим произведениям ногайской литературы (заботливая мать, болтушка-сестра, знахарка-шарлатанка), образ жены Айдара схематичен: «Молодая жена трудолюбива, умна и хорошо воспитана. Никогда ничем не расстроит Айдара. И свекрови послушна» [Батыров 2020: 321]. Героиня, черты которой восходят к мифологическому образу, художественно убедительнее. С мифом ее роднит и то, что автор не поясняет, как она появилась, где скрывается, как узнает о том, что происходит в жизни возлюбленного. Несмотря на человеческий облик, она остается существом иного мира, обладает сокровенным знанием. Албаслы не причиняет зла, но предубеждения не позволяют жителям аула разглядеть ее истинную сущность, – она так и остается отверженной: Албаслы убивают, а Айдар, узнав о ее смерти, сходит с ума, ведь именно ее он считал своей настоящей любовью. Анализ образа Албаслы, созданного в повести С. Батырова, позволяет предположить, что автор стремился создать образ доброй богини, которая становится демоном из-за суеверий и утраченной связи с природой. «Возможно, в более древних преданиях Албаслы олицетворяла добрую богиню, покровительницу женщин» [Халипаева 1995: 114], а «сдвиг в отрицательную сторону мог произойти значительно позже. В процессе перехода от матриархата к патриархату, от одной среды в другую» [Халипаева 1995: 114–115].

Албаслы как демоническое существо в повести В. Казакова «Звезда Бабай»

Традиционные поверья об албаслы как о демонической сущности, вредящей людям, актуализируются в повести В. Казакова «Звезда Бабай» (1983). Согласно рассказанной отцом мальчика Медеу легенде, их далекий предок Бабай взял в

жены албаслы. На наш взгляд, в повести создается иной вариант интерпретации этого мифологического образа – демоническое существо. В сохранившихся преданиях «Албаслы, преображаясь в красивую женщину, заставляла полюбить себя» [Гимбатова 2015: 130]. Бабай пленен ее красотой: «Рядом с ним сидела невиданной красоты девушка и улыбалась, показывая жемчужные зубы; аккуратно заплетенные черные волосы уходили за спину. Из-под темных ресниц смотрели на него большие красивые глаза, но цвета их юноша так и не смог определить из-за темноты, которая начала быстро окутывать землю» (*Пер. В. Казакова*) [Казаков 1983: 14]. Е. Мелетинский называет это мотивом «попадания во власть демонического существа» [Мелетинский 1994: 56]. После свадьбы албаслы начинает вытягивать из Бабая жизненные силы, и для того, чтобы выздороветь, ему приходится вырвать ее волос и сжечь. Этот мотив повести также отсылает к одному из поверий: «Албаслы можно заставить работать на себя, взяв в залог ее волос, который надо хранить в надежном месте, например, между страницами Корана, которого этот нечистый дух страшно боится» [Гимбатова 2005: 165]. Среди мотивов, обычно характеризующих такое демоническое существо, выделим ее способность превращаться в кошку, тайно поедать своих новорожденных. «Это мотивы слишком распространенные, слишком правильно повторяющиеся, чтобы можно было не видеть в них известной народно-психологической законности» [Веселовский 1873: 640].

Женитьба на албаслы становится для рода Бабая проклятием. Освободившись от жены, Бабай начинает стремительно молодеть. Это продолжается до тех пор, пока один старец не объяснил ему, что таким образом он постепенно отнимает жизнь у своего сына. Для того, чтобы уступить место следующему поколению, Бабаю приходится умереть. После смерти он превращается в звезду и становится частью небесного божественного мира. Этот сказочный сюжет может быть интерпретирован как победа человека – его разума, представленного мужским началом, – над бессознательной стихией, матерью-природой.

Введенная в повествование легенда мифологизирует бытовые события. Создается впечатление, что несчастья в жизни мальчика Медеу происходят из-за проклятия. То, что его мать не может больше родить, отсылает к образу албаслы-пожирательницы потомков, но в повести разрабатывается иной вариант: страдает женщина, тогда как функциями албаслы наделяется ее муж. Своим поведением он разрушает жизнь сына, вытягивает последние силы из больной жены. Ее сестра говорит про их союз: «Откуда только этот босяк навязался на ее голову? Околдовал ее, что ли. Ах, какие парни сватали ее, какая она была знатная певица! Кобуз в ее руках становился волшебным, если запоет, так ноги сами просились танцевать, а как загрустит – так сердце слезами обливалось. Ах, Емис, Емис, какая ты была, золотая моя сестреночка... Из камня могла выжать воду, а теперь совсем исхудала. Проклятый Амит, чтоб его имя стерлось с лица земли, всю кровь ее высосал, как пиявка злая. Все по пятам ходил, словно тень ночная, и добился своего. Сделал ее рабыней...» [Казаков 1983: 28–29]. Очевидны параллели между судьбами Емис и Бабая. Бабай тоже играл на музыкальном инструменте и нравился многим девушкам, но женился на албаслы, которая погубила его.

Из-за смертельной болезни Емис оказывается на границе двух миров и более тонко ощущает их связь. Медеу остро чувствует ее скорую смерть: «А солнце все палило безжалостно, и дождя не было. Казалось, больше всех страдает от засухи Емис. Она сказала однажды: “Чует мое сердце, быть беде, вокруг все горит… Плохой будет урожай”. Мальчик вздрогнул. Ему почудилось, что чем больше греет солнце, тем меньше остается жить его маме…» [Казаков 1983: 25]. Особенно она страдает в период засухи. В это время их дом посещает процессия из старших, вызывающая дождь при помощи куклы. Этот обряд восходит к традиционным обрядам ногайцев Такта куршак. «Изготовляли куклу из деревянной лопаты или вертикальной палки (доски) с прикрепленной к ней горизонтальной перекладиной вместо рук. Кубанские ногайцы надевали на куклу женское платье, подпоясав и повязав его платком» [Карданова 2021: 56]. Возможно, что функции, которые отмечает Р. Сефербеков у хлебных кукол народов Дагестана, относятся и к Такта куршак: «…хлебные куклы женского пола дарились на календарных и общественных праздниках и в быту только девочкам, девушкам и женщинам, чем подчеркивался женский облик персонифицируемого божества и его суть – воспроизводство, плодородие. Эти куклы также являются олицетворениями и восходят к архаичному образу Богини-матери и отражают существовавший культ плодородия (Сефербеков Р.И., Алиев М.О., 2009. С. 242–244)» [Сефербеков, 149]. На наш взгляд, одновременно несколько образов в этом произведении отсылают к богине плодородия.

Для того, чтобы освободиться от «проклятия албаслы», Медеу нужно справиться с сыновней привязанностью. Это предчувствовала Емис, приготовившая для его будущей возлюбленной платье, которое Медеу прячет у себя после ее смерти. Платье не только напоминает ему о покойной матери, но и дает надежду на встречу с другой женщиной. Как полагал Е. Мелетинский, этот сюжетный ход имеет важное значение для сохранения жизни рода. «Герой делается способным к женитьбе через освобождение от родительской сферы посредством инициации (обрядов посвящения в половозрастную зрелость)» [Мелетинский 1994: 7].

Связав историю семьи с мифологическим сюжетом, писатель впоследствии эту связь разрывает. Показателен момент, когда Медеу, поддавшись суеверным сплетням, начинает верить в то, что он проклят: «После долгих раздумий он вспомнил подслушанный разговор двух женщин и быстро ощупал свое мокрое тело. Он искал то самое пятно, о котором не знал, но знали другие, и никак не мог обнаружить его» [Казаков 1983: 39]. Страдания Медеу, таким образом, обусловлены не семейным проклятием, а сложившимися в обществе предрассудками.

Дух воды албаслы в повести И. Капаева «Легенда о Янсурат»

Еще одно произведение, в котором воплощен образ албаслы – повесть И. Капаева «Уплывающие тени» (1999), написанная как череда авторских легенд, связанных между собой образом рассказчиком. В «Легенде о Янсурат» албаслы является второстепенным персонажем, но оказывает ключевое влияние на судьбу героини.

После смерти отца в окружении молодой девушки Янсурат не остается ни одного мужчины, которого бы заботили ее чувства. Для брата она разменный товар, за который он получает богатый калым, для возрастного мужа – воздаяние за многолетние труды, для хитрого эфенди – пленительная красавица, которой он хочет насладиться. В своих мыслях Янсурат упрекает бывшего возлюбленного, который не придумал, как выкрасть ее, а подчинился судьбе и женился на другой. Неудовлетворенность своим положением приводит Янсурат к безрадостному существованию. Освободиться от тяжелых мыслей ей удается на берегу реки: «Кубань с рокотом катила свои серебристые воды. Янсурат завороженно смотрела на пенистые гребни, и вдруг ей показалось, что и она, и покрытый галькой берег плывут вместе с рекой. У нее закружилась голова, и она, приложив руку ко лбу, на мгновение зажмурилась. Потом, открыв глаза, она опустила коромысло с ведрами на гальку, выбрала большой камень и, усевшись на нем, прикрыла глаза от слепящих лучей яркого солнца, потом снова посмотрела на речной поток» [Капаев 1999: 107] (*Пер. И. Капаева и Э. Сергеевой*). Отождествляя себя с рекой, Янсурат представляет, как ей удается сбежать от своих страданий. Здесь и состоялась ее первая встреча с албаслы. Разглядев только ее голову, Янсурат пугается и спешит вернуться домой.

На протяжении их семейной жизни старик муж Хамзат не замечает, как в душе молодой жены накапливается ненависть. Он ненадолго прозревает в тот момент, когда Янсурат выставляет его посмешищем перед людьми, после чего дает ей развод. Но она находится в том положении, когда не знает, что делать с долгожданной свободой. Самоубийство оказалось для нее единственным способом по-настоящему освободиться, и потому, совсем отчаявшись, она откликается на зов албаслы: «Посередине реки Янсурат увидела голову белолицей женщины с распущенными волосами. В детстве она всегда боялась реки, никогда не оставалась возле воды одна, остерегаясь албаслы, которая, по поверьям, обитает в ней. Бледное лицо женщины снова показалось между двух гребней, она махнула Янсурат рукой, зовя к себе» [Капаев 1999: 120].

В повести И. Капаева разрабатывается еще один вариант мифологического прообраза – албаслы как дух воды. Несколько раз подчеркивается ее бледность, что может указывать на связь с потусторонним миром. Известно также, что «южные кумыки представляют Албаслы в виде белой женщины (ак катын)» [Халипаева 1995: 123]. Она не тянет Янсурат в воду против ее воли, а бы показывает путь к освобождению. Сам И. Капаев в своей работе «Ногайские мифы, легенды и поверья. Опыт мифологического словаря» пишет, что после встречи с албаслы можно «заболеть психическими расстройствами» [Капаев 2012: 23]. Появление албаслы в этой повести можно интепретировать как галлюцинацию отчаявшейся женщины, ее материализовавшуюся мысль о самоубийстве. Отчаяние Янсурат, ее зависть к другим девушкам и подлые поступки по отношению к мужу мотивируются отсутствием любви в ее жизни. Именно это послужило причиной проявления в ней демонических свойств, когда албаслы как бы символизирует женскую природу – ее связь с природной стихией, потребность в настоящей любви и беззащитность перед расчетливым мужским умом.

Нурхан в другой повести И. Капаева «Гармонистка» (1982) ощущает присутствие албаслы во время непогоды в день смерти возлюбленного. . В ее детстве, рассказывает повествователь, Нурхан обзывали «албаслы». В переводе Э. Бутина это слово передано как «ведьма». Такое решение переводчика представляется убедительным, у этих образов действительно прослеживаются родственные черты, поскольку «ведьма – это плод не только снижения, но и преодоления последних остатков амбивалентности древнейшего демонического образа Великой матери (отчасти под напором патриархальных тенденций в обществе)» [Мелетинский 1994: 82].

Образ албаслы в ногайской прозе второй половины XX века

Образ албаслы создается в произведениях, в которых так или иначе затрагивается женская тема. Примечательно и то, что такие характеристики, как *пленительная красота, инфернальность, отверженность* и *нереализованность в любви* свойственны не только героиням произведений, в которых представлен образ албаслы, но также и героиням произведений, в которых он выражен слабо или отсутствует вовсе, – Нурхан (И. Капаев «Гармонистка»), Каме (И. Капаев «Вокзал»), Гульбийке (И. Капаев «Синие снега»). Представим в виде таблицы:

Героини произведений, в которых представлен образ албаслы	Албаслы (С. Батыров «Легенда об Албаслы»)	Емис (В. Казаков «Звезда Бабай»)	Янсурат (И. Капаев «Легенда о Янсурат»)
Пленительная красота	«Под кустом облепихи, словно сливаясь воедино со снегом, сидит белая девушка, босоногая, в ветхом белом платье. Она похожа на раненую лебедь… И лишь черные глаза сверкают сквозь заснеженный мир» [Батыров 2020: 295]. Айдар влюбляется в нее с первого взгляда.	Из характеристики сестры становится известно, что Емис нравилась многим молодым людям: «Ах, какие парни сватали ее, какая она была знатная певица!» [Казаков 1983: 28].	«Когда-то в одном ауле жила девушка Янсурат. Во всей округе не было такой красавицы. Статная, смуглолицая, с большими серыми глазами, она отняла покой не у одного удалого джигита. Немало молодых парней потеряло сон от её звонкого голоса» [Капаев 1999: 100].
Инфернальность	Является полноценным мифологическим существом. Обладает волшебными навыками и сокровенным знанием.	Из-за смертельной болезни приближена к потустороннему миру.	Встречается с потусторонней сущностью – албаслы.

Отверженность	Принадлежит иному миру. Люди верят, что она вредит им, и поэтому убивают ее.	Соседи считают, что ее болезнь вызвана родовым проклятием. В конечном итоге она умирает.	В отличие от подруг, становится женой старика. Получает развод, что считается большим позором. Заканчивает жизнь самоубийством.
Нереализованность в любви	Не может стать женой человека и иметь детей.	Страдает от мужа. Не может родить больше одного ребенка.	Выдают замуж за нелюбимого, не может от него родить.
Героини произведений, в которых образ албаслы выражен слабо или отсутствует	Кама (И. Капав) «Вокзал»)	Нурхан (И. Капаев «Гармонистка»)	Гульбийке (И. Капаев «Синие снега»)
Пленительная красота	Привлекает мужское внимание.	Ее необыкновенная красота неоднократно отмечается.	Художник Айдар считает, что она является воплощением идеала ногайской красавицы.
Инаковость	Из-за детских травм у нее расколотое мироощущение; ее образ сопоставляется с образами легендарных Суюмбийке и Акбилек.	Ее считают ведьминой внучкой. В день смерти возлюбленного Кемата ощущает присутствие демонов, в том числе албаслы. На одной из чужих свадеб связывается с потусторонним миром.	В чужом городе олицетворяет родной край. Айдар культивирует ее образ.
Отверженность	В обществе считается девушкой легкого поведения.	Необыкновенная красота и чистая душа отдаляют ее от окружения.	Не может найти себе место в жизни.
Нереализованность в любви	Из-за дурной репутации не может выйти замуж. Родители возлюбленного Истэма против их союза. Нет детей.	Ее возлюбленный погиб. Страдает от нелюбимого мужа, у них нет детей.	Вынужденно расстается со своими возлюбленными. Нет детей.

Сопоставление образов албаслы в малой прозе ногайских писателей позволяет говорить о том, что лишь в рассказе С. Батырова это существо, черты которого тесно связаны с мифологическим персонажем. Героини И. Капаева и В. Казакова – обыкновенные девушки, в характере которых есть нечто необъяснимое, странное. Как нам представляется, это связано с их нереализованностью в

любви. Героини ощущают себя изгнанными из круга жизни, отсюда их отчужденность и отверженность. Исторически в ногайском обществе сложилось представление о том, какой должна быть судьба ногайки. В первую очередь, ей предстоит стать хранительницей семейного очага – женой и матерью. Невозможность этого делает женщину несчастной, а неудачное замужество превращает ее в несвободную личность, потому героини ощущают себя «мертвыми» в этом мире, а все потустороннее становится им ближе и понятнее. Еще одно обстоятельство традиционно отчуждает женщину от общины – отсутствие детей или неспособность родить больше одного ребенка. «В старину ногайская семья была многочисленной. Трудно было встретить в большом ауле семью, в которой было меньше пяти-шести детей. Бездетная семья считалась неприглядной, несчастливой. Об этом сохранилась у нас хорошая пословица: “Дом, в котором есть дети – базар, дом, в котором нет детей – мезар (кладбище)”» [Капаев 2022: 240]. И. Капаев, творческий мир которого тесно связан с традиционными ногайскими представлениями, в «Легенде о Янсурат» подчеркивает этот изъян: «Вдобавок ко всему, она (Янсурат – *прим. Е.С.*) за два года замужества не смогла забеременеть, и сама для себя решила, что дети появляются на свет, когда есть хотя бы капля любви у супругов» [Капаев 1999: 105].

Для ногайской прозы характерно связывать необыкновенную красоту героинь со злом, которое они притягивают или воплощают. «Тебе будет трудно, потому что ты красивая <...> В каждом роду должна хоть один раз рас-цвести красота. Ты – красота нашего рода. Но Аллах мно-гого требует от красоты. Люди станут осуждать тебя, хотя в душе станут радоваться, глядя на твою красоту. Но знай – ты ни в чем не виновата, красота не бывает виновата» [Капаев 2008: 216] (*Пер. Э. Бутина*), – говорит бабушка своей внучке Нурхан («Гармонистка» И. Капаева). Источник женской красоты согласно национальным представлениям может быть истолкован как злое, порочное начало. В повести И. Капаева «Синие снега» любовь художника Айдара к Гульбийке объясняется этой огромной, поглощающей его силой красоты.

Заключение

Ногайская проза тесно связана с мифологическими и фольклорными истоками. Албаслы – один из мифологических персонажей, черты которого, по нашему мнению, воплощены во многих женских образах. Совпадение одних и тех же характеристик – пленительная красота, инфернальность, отверженность, потусторонность, нереализованность в любви, – позволяет предполагать у них один мифологический прообраз [Мелетинский 1994; см. также Юнг 2008: 76–77]. В связи с немногочисленностью художественных произведений в ногайской литературе XX в., не представляется возможным утверждать, что албаслы является архетипом названных героинь, однако кажется закономерной связь устойчивого набора характеристик, который можно назвать «комплексом албаслы», с особенностями судьбы женских персонажей. В безвыходном положении остаются Емис (В. Казаков «Звезда Бабай»), Албаслы (С. Батыров «Албаслы») и Янсурат (И. Капаев «Легенда о Янсурат»). Обреченность своей судьбы или преодоление этого комплекса характерно Каме (И. Капаев «Вокзал»), Гульбийке

(И. Капаев «Синие снега»). Промежуточное положение занимает Нурхан (И. Капаев «Гармонистка»), ставшая посредником между миром живых и мертвых.

Тяга мужчины к женщине с «комплексом албаслы» может быть объяснена как попытка приобщиться к тайнам бытия, а вместе с тем постичь самого себя. «Женщина со своей столь непохожей на мужскую психологией есть источник информации (и всегда им была) о вещах, недоступных мужчине. Она может означать для него инспирацию; ее часто превосходящая мужскую интуиция может предостеречь его в нужный момент, а ее чувство, ориентированное на личностное начало, способно указать ему пути, которые он не нашёл бы своим чувством, слабо соотнесенным с личностным началом» [Юнг 1998: 189]. Примечательно то, что у мужчин складывается определенный порядок, который девушка с «комплексом албаслы» разрушает, выявляя его механичность и вынуждая пересмотреть духовные ориентиры. Так, художник Айдар («Синие снега» И. Капаева) ужасается собственной жизни, Истэм («Вокзал» И. Капаева) вопреки воле родителей пытается изменить свою судьбу, а юноша Айдар («Албаслы» С. Батырова) сходит с ума. Как полагает Н. Суюнова, «женские архетипы, как правило, тесно связаны не только с природной стихией, но и с процессом самопознания героя художественного произведения» [Суюнова 2025: 134]. С точки зрения исследователя, Кама («Вокзал») представляет «обобщенный архетип женского начала», «олицетворенный образ вечной красоты, гармонии, тепла и света, – всего, с чем ассоциируется священный Ажитогай, родина предков Истэма» [Суюнова 2025: 134], а Гульбийке («Синие снега») определяется как «естественное, соприродное сути самого Айдара» [Суюнова 2025: 163].

Изучение особенностей воплощения черт албаслы в художественной прозе ногайских писателей открывает перед исследователем специфику их поэтики, но ставит и новые проблемы. Так, И. Капаев пишет о персонаже со схожими функциями – Агаш ангалак, лесной охотнице [Капаев 2012: 6–9], и, анализируя повесть В. Казакова «Звезда Бабай», именно так называет героиню легенды [Капаев 1999: 230], хотя в авторском тексте она именуется как албаслы. Погружение в мифологический материал, изучение его функционирования в художественной литературе способно прояснить пути проникновения, трансформацию, переосмысление в ногайской и других тюркоязычных литературах, что может стать дальнейшими темами исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алейников 1893 – *Алейников М.Н.* Поверья ногайцев Мансуровского селения, Баталпашинского отдела, Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1893. – Вып. 17. – Отд. II. – С. 1–14.

Батыров 2020 – *Батыров С.С.* Сказание об Албаслы // Сидахметова Ф.М. Судьба моя – поэзия. – Черкесск: Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство, 2020. – С. 295–325.

Веселовский 1873 – *Веселовский А.Н.* Сравнительная мифология и ее метод // Вестник Европы. – 1873. – № 10. – С. 637–680.

Гимбатова 2005 – *Гимбатова М.Б.* Духовная культура ногайцев в XIX – начала XX в. – Махачкала: Эпоха, 2005. – 188 с.

Гимбатова 2015 – *Гимбатова М.Б.* Отражение гендерных отношений в религиозных верованиях тюркоязычных народов Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2015. – № 3 (43). – С. 123–134.

Казаков 1983 – *Казаков В.С.* Звезда Бабай: повесть, рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1983. – 47 с.

Капаев 1982 – *Капаев И.С.* Вокзал: роман, повести, рассказы. – М.: Советский писатель, 1982. – 279 с.

Капаев 1999 – *Капаев И.С.* Уплывающие тени: Исторические рассказы, эссе. – Ставрополь: Шат-гора, 1999. – 320 с.

Капаев 2008 – *Капаев И.С.* Синие снега. Избранное. – М.: Голос-Пресс, 2008. – 704 с.

Капаев 2012 – *Капаев И.С.* Ногайские мифы легенды и поверья. Опыт мифологического словаря. – М.: Голос-Пресс, 2012. – 424 с.

Капаев 2022 – *Капаев С.И.* Ногайский дом // Собрание сочинений в 3 т. – Т. 3. Повести. – Черкесск: Карачаево-черкесское книжное издательство, 2022. – С. 204–369.

Карданова 2021 – *Карданова Б.Б.* Календарно-земледельческие и скотоводческие праздники и обряды ногайцев // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. – 2021. – № 2 (11). – С. 52–60.

Керейтов 1980 – *Керейтов Р.Х.* Мифологические персонажи традиционных верований ногайцев // Советская этнография. – 1980. – № 2. – С. 117–127.

Лейдерман 2015 – *Лейдерман Н.М.* Русскоязычная литература – перекресток культур // Филологический класс. – 2015. – № 3 (41). – С. 19–24.

Мелетинский 1994 – *Мелетинский Е.М.* О литературных архетипах / Российский государственный гуманитарный университет. – М., 1994. – 136 с.

Сефербеков 2015 – *Сефербеков Р.И.* Образ Великой Богини-Матери в мифах народов Дагестана (ипостаси, аспекты функций, трансформации) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2015. – № 3 (43). – С. 146–153.

Суюнова 2025 – *Суюнова Н.Х.* Иса Капаев. Диалектика творчества. – Черкесск: КЧИГИ, 2025. – 432 с.

Халипаева 1995 – *Халипаева И.А.* Мифология тюркских народов: Эволюционные процессы (на материале мифологии кумыков и их диаспоры): дисс. … д.ф.н. – Баку, 1995. – 345 с.

Юнг 1998 – *Юнг К.* Анима и Анимус // Психология бессознательного. – М.: АСТ; Канон +, 1998. – С. 189–212.

Юнг 2008 – *Юнг К.* К вопросу о подсознании // Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 2008. – С. 14–104.

Ярлыкапов 2008 – *Ярлыкапов А.А.* Ислам у степных ногайцев. – М.: ИАЭ РАН, 2008. – 266 с.

REFERENCES

ALEINIKOV M.N. *Pover'ya nogaitsev Mansurovskogo seleniya, Batalpashinskogo otdela, Kubanskoi oblasti* [Beliefs of the Nogais of the Mansurovsky Village, Batalpashinsky Department, Kuban Region]. IN: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza.* – Tiflis, 1893. – Iss. 17. – Part. II. – P. 1–14. (In Russ.).

BATYROV S.S. *Skazanie ob Albasly* [The Tale of Albasly]. IN: *Sidakhmetova F.M. Sud'ba moya – poeziya*. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2020. – P. 295–325. (In Russ.).

BIGUAA V.A. *Abkhazskii istoricheskii roman. Istoriya. Tipologiya. Poetika* [The Abkhazian Historical Novel. History. Typology. Poetics]. – Moscow: IMLI RAN, 2003. – 600 p. (In Russ.).

VESELOVSKY A.N. *Sravnitel'naya mifologiya i ee metod* [Comparative Mythology and Its Method]. IN: *Vestnik Evropy*. – 1873. – № 10. – P. 637–680. (In Russ.).

GIMBATOVA M.B. *Dukhovnaya kul'tura nogaitsev v XIX – nachala XX v.* [Spiritual Culture of the Nogais in the 19th – early 20th Centuries]. – Makhachkala: Epokha, 2005. – 188 p. (In Russ.).

GIMBATOVA M.B. *Otrazhenie gendernykh otnoshenii v religioznykh verovaniyakh tyurkoyazychnykh narodov Dagestana* [Reflection of Gender Relations in the Religious Beliefs of the Turkic-Speaking People of Dagestan]. IN: *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii.* – 2015. – № 3 (43). – P. 123–134. (In Russ.).

KAZAKOV V.S. *Zvezda Babai: povest', rasskazy* [The Star Babai: Stories, Short Stories]. – Moscow: Molodaya gvardiya, 1983. – 47 p. (In Russ.).

KAPAEV I.S. *Vokzal: roman, povesti, rasskazy* [The Station. Novel, Stories, Short Stories]. – Moscow: Sovetskii pisatel', 1982. – 279 p. (In Russ.).

KAPAEV I.S. *Uplyvayushchie teni: Istoricheskie rasskazy, esse* [Floating Shadows: Historical Stories, Essays]. – Stavropol: Shat-gora, 1999. – 320 p. (In Russ.).

KAPAEV I.S. *Sinie snega. Izbrannoe* [Blue Snow. Favourites]. – Moscow: Golos-Press, 2008. – 704 p. (In Russ.).

KAPAEV I.S. *Nogaiskie mify legendy i pover'ya. Opyt mifologicheskogo slovarya* [Nogai Myths, Legends, and Beliefs: An Experiment of the Mythological Dictionary]. – Moscow: Golos-Press, 2012. – 424 p. (In Russ.).

KAPAEV S.I. *Nogaiskii dom* [Nogai House]. IN: Sobranie sochinenii v 3 t. [The collected works in 3 vols]. – T. 3. Povesti [Vol. 3. Stories]. – Cherkessk: Karachaevo-cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2022. – P. 204–369. (In Russ.).

KARDANOVA B.B. *Kalendarno-zemledel'cheskie i skotovodcheskie prazdniki i obryady nogaitsev* [Calendar-Agricultural and Cattle-Breeding Holidays and Rituals of the Nogais]. IN: *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya*. – 2021. – № 2 (11). – P. 52–60. (In Russ.).

KEREITOV R.H. *Mifologicheskie personazhi traditsionnykh verovanii nogaitsev* [Mythological Characters of Traditional Nogai Beliefs]. IN: *Sovetskaya ehtnografiya*. – 1980. – № 2. – P. 117–127. (In Russ.).

LEIDERMAN N.M. *Russkoyazychnaya literatura – perekrestok kul'tur* [Russian-Language Literature is a Crossroads of Cultures]. IN: *Filologicheskii klass.*– 2015. – № 3 (41). – P. 19–24. (In Russ.).

MELETINSKY E.M. *O literaturnykh arkhetipakh* [About the Literary Archetypes] / Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. – Moscow, 1994. – 136 p. (In Russ.).

SEFERBEKOV R.I. *Obraz Velikoi Bogini-Materi v mifakh narodov Dagestana (ipostasi, aspekty funktsii, transformatsii)* [The Image of the Great Mother Goddess in the Myths of the People of Dagestan (Hypostases, Aspects of Functions, Transformations)]. IN: *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii.* – 2015. – № 3 (43). – P. 146–153. (In Russ.).

SUYUNOVA N.H. *Isa Kapaev. Dialektika tvorchestva* [Isa Kapaev. The Dialectics of Creativity]. – Cherkessk: KChIGI, 2025. – 432 p. (In Russ.).

HALIPAEVA I.A. *Mifologiya tyurkskikh narodov: Evolyutsionnye protsessy (na materiale mifologii kumykov i ikh diaspory): diss. … d.f.n.* [Mythology of the Turkic People: Evolutionary Processes (based on the Mythology of the Kumyks and their Diaspora)]. – Baku, 1995. – 345 p. (In Russ.).

JUNG K. *Anima i Animus* [Anima and Animus]. IN: *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. – Moscow: AST; Kanon +, 1998. – P. 189–212. (In Russ.).

JUNG K. *K voprosu o podsoznanii* [Approaching the Unconscious]. IN: *Chelovek i ego simvoly* [Man and His Symbols]. Moscow: Serebryanye niti, 2008. P. 14–104. (In Russ.).

YARLYKAPOV A.A. *Islam u stepnykh nogaitsev* [Islam among the Steppe Nogais]. – Moscow: IAE RAN, 2008. – 266 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.А. Сафиулина – аспирант, младший научный сотрудник.

Information about the author

E.A. Safiulina – Graduate Student, Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 21.01.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 821.512.37.82-1
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-204-215
EDN: OARHZC

ПОЭМА Х. СЯН-БЕЛГИНА «ВЫСОКИЕ ТРИДЦАТЬ ТОПОЛЕЙ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Римма Михайловна Ханинова
Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Элиста, Россия, khaninova@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-0478-8099

Аннотация. В статье рассмотрена поэма народного поэта Калмыкии Хасыра Сян-Белгина «Өндр һучн уласн» («Высокие тридцать тополей», 1965), адресованная теме Гражданской войны в Калмыкии. Актуальность и новизна исследования определена неизученностью произведения. Целью статьи является исследование в историко-функциональном освещении этой поэмы, связанной с защитой Советской власти на территории республики. Среди задач: творческая история произведения, жанр, проблемно-тематический ракурс, исторический экскурс, современный аспект, мотив исторический памяти, поэтика, русский перевод поэмы. Небольшая лирическая поэма, состоящая из 102 строк, написана от первого лица. Поэтика заглавия соотносит историческое прошлое с современностью: тридцать тополей в городе как памятник тридцати погибшим коммунистам. Мотив исторической памяти обусловлен необходимостью выявить имена всех тридцати героев, павших в борьбе за свободу, из которых известны, по словам поэта, лишь двое. Автор сравнил их с 26 бакинскими комиссарами, погибшими во время Гражданской войны в 1918 г. В русском переводе произведение получило название «Тридцать тополей», ее жанр в книжной публикации обозначен как поэма-реквием.

Ключевые слова: калмыцкая поэма; Гражданская война; история; современность; память

Благодарность: Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер гос. регистрации: 123021300198–4).

Для цитирования: Ханинова Р.М. Поэма Х. Сян-Белгина «Высокие тридцать тополей»: история и современность // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 204-215. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-204-215. EDN: OARHZC.

© Ханинова Р.М., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

H. SYAN-BELGIN'S POEM “THIRTY TALL POPLARS”: HISTORY AND MODERNITY

Rimma M. Khaninova
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia, khaninova@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-0478-8099

Abstract. This article examines the poem “Thirty Tall Poplars” (1965) by the People's Poet of Kalmykia, Khasyr Syan-Belgin, which addresses the Civil War in Kalmykia. The relevance and novelty of this study stems from the lack of research on the work. The aim of this article is to explore the historical and functional aspects of this poem, which is associated with the defense of Soviet power in the republic. The objectives include the creative history of the work, its genre, thematic perspective, historical insight, contemporary perspective, the motif of historical memory, poetics, and Russian translation of the poem. This short lyrical poem, consisting of 102 lines, is written in the first person. The poetics of the title connects the historical past with the present: thirty poplars in the city serve as a monument to thirty fallen communists. The motif of historical memory stems from the need to identify the names of all thirty heroes who fell in the struggle for freedom, of whom, according to the poet, only two are known. The author compared them to the 26 Baku commissars who perished during the Civil War in 1918. In the Russian translation, the work was titled “Thirty Tall Poplars”, and its genre in the book publication was designated as a requiem poem.

Key words: Kalmyk poem; Civil War; history; modern times; memory

Gratitude: The research was conducted within the framework of the state subsidy project “Universals and specifics of traditions of the Mongolian–speaking peoples through the prism of cross-cultural contacts and the system of relations between Russia, Mongolia and China” (state registration number: 123021300198-4).

For citation: Khaninova R.M. H. Syan-Belgin's poem “Thirty Tall Poplars”: History and modernity. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 204-215. – DOI: 10.31143/2542212X-2026-2-204-215. EDN: OARHZC.

© Khaninova R.M., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Одна из ведущих тем в советской поэзии XX в. стала историко-революционная. В калмыцкой литературе с конца 1920-х гг. эта тема присутствовала как в лирике, так и в поэме, передавая революционный пафос исторической эпохи. Сами названия первых поэм калмыцких поэтов отвечали зову времени: «Болд зүркн» («Стальное сердце», 1928) Аксена Сусеева (лит. псевдоним Дендян Айс) [Дендян 1929], «Тавн талта одн» («Пятиконечная звезда», 1930) Нимгира Манджиева [Манҗин 1933], «Баатр улан һәрднр» («Богатыри – красные орлы», 1930) Санджи Каляева [Колән 1931], «Өнчн бөк» («Борец-сирота», 1935) Хасыра Сян-Белгина (лит. псевдоним Гашута-Дамбин) [Гашута-Дамбин 1935] и др. Об этих и других поэмах писали Б.А. Бичеев [Бичеев 1991], Г.Г. Глинин [Глинин 1972; Глинин 1974], Е.Я. Джамбинова [Джамбинова 1977], М.А. Лиджиев [Лиджиев 2006], И.М. Мацаков [Мацаков 1981], Н.Н. Мусова [Мусова 1975; Мусова 1982], Н.Ч. Очирова [Очирова 2016], В.Д. Пюрвеев [Пюрвеев 1981; Пюрвеев 1988], Р.М. Ханинова [Ханинова 2026] и др.

Поэма народного поэта Калмыкии Хасыра Бикиновича Сян-Белгина (1909–1980) «Өндр һучн уласн» («Высокие тридцать тополей», 1965), адресованная теме Гражданской войне в Калмыкии (1917–1921), посвящена памяти тридцати коммунистов, павших в боях за Элисту. Поэма не была объектом и предметом исследования, чем определена актуальность и новизна нашей статьи. Интерес к этой поэме обусловлен как необходимостью сохранения исторической памяти о

прошлом страны, так и современным прочтением произведения в историко-функциональном освещении.

О творческой истории создания поэмы ничего неизвестно, поскольку писатель никогда не делился воспоминаниями по поводу создания своих произведений, считая, что «об авторе красноречиво говорят те произведения, которые он написал» [Сян-Белгин 1970: 146].

В газетной публикации 1965 г. [Сян-Белгин 1965: 3] и в книжной публикации 1969 г. [Сян-Белгин 1969: 256–259] жанр произведения не указан, по умолчанию – стихотворение.

Текст в разные годы переведен дважды на русский язык. Первый перевод осуществлен был Даниилом Долинским и Виктором Стрелковым в 1964 г. под названием «Тридцать тополей» [Сян-Белгин 1964: 25–34], второй перевод – под тем же названием Александром Зориным в 1974 г. [Сян-Белгин 1974: 37–40]. Ростовские переводчики обозначили жанр произведения как поэму-реквием, московский переводчик повторил эту жанровую дифференциацию.

Поскольку переводы были выполнены при жизни автора, значит, согласованы с ним, таким образом, оригинал получил новую жанровую классификацию – поэма. В то же время в сборник своих избранных семнадцати поэм на калмыцком языке в 1972 г. поэт не включил это произведение [Сян-Белгин 1972].

Поэма Х. Сян-Белгина «Өндр һучн уласн» («Высокие тридцать тополей», 1965) в историко-функциональном аспекте

Обратим внимание на поэтику заглавия текста, на его сюжетообразующую функцию. Если у автора – это «Высокие тридцать тополей», то у переводчиков – просто «Тридцать тополей».

По-калмыцки лексема «уласн» – тополь, лексема «өндр» – 1. высокий, возвышенный, 2. высота; высь [Калмыцко-русский словарь 1977: 531, 416].

Насколько важным было для поэта определение высоты этих деревьев? Для начала уточним символику. «Кроме общего символизма, связанного с деревьями, отдельным деревом и растительной жизнью, тополь имеет особое аллегорическое значение, связанное с тем фактом, что обе стороны листа окрашены в разные оттенки зеленого цвета. Таким образом, тополь становится древом жизни: яркий зеленый цвет на одной стороне ассоциируется с водой (луной), темно-зеленый на другой стороне относится к огню (солнце)» [Кирло 2007: 432].

У калмыков «к магическим, священным деревьям – символам счастья, благоденствия и нетленности жизни относятся *зандн* ‘сандал’ и *уласн* ‘тополь, осина’. Наличие при них постоянных эпитетов прилагательных *һалвр* <*һал* огонь + суф. *вр* ‘огненного цвета, багряный; напоминающий собой огонь’> говорит о том, что они каким-то образом связаны с культом огня». В песнях калмыцкого эпоса «Джангар» волшебные деревья *Һалвр Зандн* ‘Галбар Зандан’ и *Һалвр Уласн* ‘Галбар Уласун’ являются образом Мирового дерева [Пюрбеев 1993: 31].

Ср. в русской лирике XIX–XX вв. образ тополя отличают стройность, устремленность ввысь [Эпштейн 2007: 57–62].

Эта устремленность ввысь как отличительный признак тополей в поэме калмыцкого поэта связана как с возрастом деревьев, так и с их семантикой и символикой в сюжете произведения: тридцать тополей посажены в честь тридцати погибших героев.

Структура поэмы в газетной и книжной публикациях разнится тем, что в первом случае – сплошной текст (обычная газетная практика из-за экономии места), во втором случае – строфика состоит из 17 секстин (шестистиший). Кроме того, книжный текст подвергся редактированию, стилистической правке в ряде строк, не меняющей его смысл. Небольшой объем – 102 строки – остался неизменным.

Повествование строится как монолог лирического субъекта, ведущего безответный разговор с тополями. Он говорит о том, что высокие тридцать тополей не покидают его сновидения, болью отдаются в сердце. Он хочет начать свою речь, сказать короткое стихотворение: «Амни келврән эклнәв, / Ахр шүлгәрн келнәв…» [Сян-Белгин 1969: 256]. Во второй строфе топография конкретизируется указанием места – Элиста, улица Ленина, белый мемориал, встречающий людей. Это уточнение касается мемориального комплекса, созданного в 1965 г. в честь героев Гражданской и Великой Отечественной войн. В третьей строфе – сравнение высоких тридцати тополей с солдатами, вставшими под ружье в строю рядом с мемориалом: «Бумбин өөр зерглсн, / Бууһан үүрж церглсн – / Өндр һучн уласн» [Сян-Белгин 1969: 256]. Устремленные вверх, они напоминают о мужестве. Деревья молчат, но могут говорить. Поэтому лирический субъект обращается к ним с просьбой: «Өндр һучн уласд, / Эндр туужан келит!» [Сян-Белгин 1969: 256] («Высокие тридцать тополей, сегодня расскажите историю!». Здесь и далее наш смысловой перевод. – *Р.Х.*). Говорит о том, что годами навещал их, чтобы связать историю, воплотить ее в слове. В любое время года он приходил к этим деревьям, чтобы поговорить с ними. И сегодня вновь обращается к ним, просить поведать ему о своих заветных желаниях: «Өндр һучн уласд, / Эндр тачасан келит!..» [Сян-Белгин 1969: 257]. Каждый раз он в своем обращении связывает численность и высоту деревьев, для него в этом заключается сакральный элемент. Звездное небо над головой таит свои знания, а солнце далеко, и к нему тоже взывает человек, просит быть переводчиком-толмачом в этом разговоре. Обращаясь к тополям, стоящим перед ним на пологом склоне, лирический субъект говорит о том, что они старше его по возрасту, радуют год от года. Он просит деревья поделиться с ним своим пережитым, своими горькими страданиями, он хочет защитить их. Такая растянутость монолога определена тем, что говорит человек, а деревья не отвечают ему. Настойчивость человека, понимающего, что деревья не могут говорить, обусловлена и тем, что ему нужно поделиться своими размышлениями и переживаниями о том, что его волнует и тревожит. Наконец, в одиннадцатой строфе звучат риторические вопросы: «Кен тадниг тәрлә? / Кенә нер дуудулнат?» [Сян-Белгин 1969: 258] («Кто вас посадил? Чьи имена вы называете?»). Лирический субъект заявляет, что должен спросить об этом, обязан поговорить с деревьями, потому что это они – это заветы предков, они выросли, чтобы прославить героев!

Двенадцатая строфа – экскурс в историю, маркированный отточием в начале первой строки. «…Өвчтә, өлн җиләр, / Өшәтә киитн үвләр / Хальмг, орс, украин, / Хасг, маңhд келни / Маңhс hучн коммунистиг / Маслакин банд чавчҗ» [Сян-Белгин 1969: 258] («В больной, голодный год, враждебной холодной зимой калмыков, русских, украинцев, казахов, татар, сильных тридцать коммунистов, порубила банда Маслака»). Прием ретроспекции в произведении дан в обобщенном виде. Место и дата события не конкретизированы, сезон указан (зима), противоборствующие силы названы – тридцать коммунистов разных национальностей и банда Маслака. При этом нет уточнения: фамилия или прозвище предводителя бандитов. Автор сравнил этих мужественных коммунистов (бат зүрктә – *букв*. крепкие, твердые сердца) с бакинскими комиссарами: «Бакинск комиссармуд метәр / Бат зүрктә комммунистнр» [Сян-Белгин 1969: 258]. В советской истории XX в. известен расстрел в сентябре 1918 г. под Красноводском двадцати шести бакинских комиссаров во время Гражданской войны, сегодня выясняется, что не все погибшие были комиссарами, были там и случайные жертвы. Этому подвигу были посвящены художественные фильмы, стихи, песни советских авторов. Самое знаменитые стихи «Баллада о 26» Сергея Есенина. Поэтому не случайно для калмыцкого поэта подвиг земляков сопоставим с героикой тех лет. А печаль его усугубляется тем, что не все их имена известны. Тем проклятым днем бойцы лишились солнечного света, почили, завещав свои имена: «Нег харалта өдрәр / Нерән нуусн дәәчнр / Нарни герләс – цөкрлә, / Нерни герәстә нөөрслә» [Сян-Белгин 1969: 258]. Поэтому автор вновь терпеливо задается вопросами, сидя возле тополей, можно ли стереть такие мужественные имена, тех, кто тогда защитил их: «Бийәсн бөк нердим, / Билрәҗ, дәәсн чадхмб?.. / Өндр hучн уласн, / Өөртн тачаҗ суунав. / Кен-кениг харсан / Келхитн күлцҗ сурнав» [Сян-Белгин 1969: 258–259].

Возникает интрига: что ответят тополя человеку, назовут ли они имена тех, в честь кого они посажены после гибели героев. Тем более что из 17 строф до конца поэмы остались три строфы.

Прием олицетворения – обращение к деревьям, к солнцу – связывает произведение с фольклорной традицией, с сакральными объектами и мотивами.

Исторический экскурс имеет кратковременный момент (12 и 13 строфы), основное время действия в поэме – современность середины 1960-х гг.

Чем вызвана такая немногословность?

Обратимся к некоторым историческим сведениям, чтобы выявить событийную канву, о которой речь шла в произведении. В частности, об этом в трудах об истории Гражданской войны на территории Калмыкии, в том числе о банде Маслакова – У.Б. Очирова [Очиров 2006; Очиров 2015], В.Б. Убушаева [Убушаев 2019], А.Н. Грищенко [Грищенко 2013], В.Э. Бакаева [Бакаев 2025] и др. Так, в статье В.Э. Бакаева «Банда Маслакова в 1921 г.» описаны основные события мятежа 1921 г. под руководством бывшего красного командира, комбрига Г.С. Маслакова «против коммунистов, но за советов» в калмыцких степях [Бакаев 2025: 624]. «В конце марта 1921 г. “маслаковцы” взяли с. Малые Дербеты, а в начале апреля – с. Яшкуль, Улан-Эрге, Булгун-Сала. 29 апреля они заняли с. Элисту,

расстреляв большую группу советских работников и чоновцев. Так, в своем докладе областному военному комиссару военком Ики-Цохуровского улуса сообщил, что 4 апреля в 5 часов утра банда Г.С. Маслакова заняла поселок Чилгир, захватила 30 калмыков, в том числе милиционеров и красноармейцев. Пленных они зарубили в 4–5 верстах от пос. Чилгир и сложили в амбаре» [Бакаев 2025: 635].

В поэме Х. Сян-Белгина названы два имени погибших героев, первым – имя Эренджена Буданова, вторым – имя Андрея Бурлакова: «Эңкр герәстә нердәс / Эндр хойринь дууднав: / – Буданов Эрнҗән! – түрүңк. / – Бурлаков Андрей! – дарук» [Сян-Белгин 1969: 259].

В цитируемой статье указано первое имя из поэмы: «12 мая 1921 г. ответственный секретарь Манычского улусного исполкома М.М. Чавычалов сообщил телеграммой о занятии 29 апреля бандой Г.С. Маслакова с. Элисты, гибели свыше 30 служащих и красноармейцев, в том числе двух членов Манычского уездного исполкома – Наумова и Э.О. Буданова» [Бакаев 2025: 636].

Таким образом, историческое событие Гражданской войны в поэме относится к 1921 г., не к зиме, а к весне, к апрелю-маю, к гибели свыше 30 защитников Элисты (тогда села, потом города), в том числе Эренджена Буданова.

На плите Элистинского мемориального комплекса указаны две фамилии: Буданов Э., Наумов Н. Кроме того, количество погибших вместе с ними: 25 чоновцев.

Как известно, части особого назначения (ЧОН) – военно-партизанские отряды создавались на основании постановления ЦК РКП(б) 17 апреля 1919 г. для оказания помощи органам Советской власти в борьбе с контрреволюцией, для поддержания порядка, охраны государственных объектов. ЧОН формировались из коммунистов, рабочих, комсомольцев [Гражданская война 1983: 648–649].

В поэме калмыцкого поэта все герои названы коммунистами, перечислены их национальности. На каком основании – неизвестно. Как выясняется, эта история до сих пор не изучена, имена 25 чоновцев не обнародованы.

Автор задается вопросом: «Һурвдгчнь кемб?» [Сян-Белгин 1969: 259] («Кто третий?»). Он призывает: «Медтн. / Һучдгч нериг олтн!» [Сян-Белгин 1969: 259] («Узнайте. Найдите тридцатое имя!»).

И вводит семейную биографию, вспоминая своего деда, может быть, там он тоже был зарублен врагом: «Өвкм тенд бас / Өшәтнәс чавчулсн биз…» [Сян-Белгин 1969: 259].

Из современности автор взывает к именам предков. Для него далекое и современное объединено в этих тополях.

Он предлагает обрести (*букв.* достать из мешка истории) настоящую правду, найти имена, стать верными посредниками в этом деле: «Тууҗта тулм уудлад, / Туста үниг утхад, / Хәәһәд нердинь олтн, / Хәәртә амдач болтн» [Сян-Белгин 1969: 259].

Завершая свой монолог, поэт актуализирует свой призыв, для чего это необходимо – для будущих поколений, для исторической памяти.

«Өнр тууҗитн ачтаһан / Өврн бәәҗ соңснав!..» [Сян-Белгин 1969: 259] («Многочисленные истории, удивляясь, буду слушать со своими внуками!..»).

На протяжении всей поэмы лирический субъект обращается к деревьям, сообщает, что приходит к ним постоянно, в любое время года, днем и вечером. Обращение к тополям сохраняет обычно одну формулу: «высокие тридцать тополей». У поэта нет описания их цвета, шума, запаха. Ср. в русской лирике XIX–XX вв. [Эпштейн 2007: 57–62].

Та же сюжетообразующая функция образа тополя в поэме народного писателя Калмыкии Константина Эрендженовича Эрендженова (1912–1991) «Элстин эңкр уласн» («Элистинский милый тополь», 1989) [Эрнҗәнә К. 1989: 4], в русском переводе Анатолия Аквилева «Старый тополь» (1991) [Эрендженов 1991: 3–5]. Автобиографическое произведение построено как монолог человека с деревом, как его воспоминания о юности, о любви, о войне и ссылке, возвращении на родину, к своему тополю. В отличие от поэмы Х. Сян-Белгина о тридцати элистинских тополях, посаженных в честь героев Гражданской войны, его элистинский тополь – свидетель личной и семейной жизни и в то же время безгласный свидетель народной истории прошлого столетия.

При жизни Х. Сян-Белгина произведение «Өндр һучн уласн» перевели в разные годы дважды. Как мы отметили, название, предложенное ростовскими переводчиками, было принято автором и вторым переводчиком, как и жанровое определение – поэма-реквием. Трудно сейчас сказать, чем вызвана была необходимость создания второго перевода поэмы: неудовлетворенностью первого опыта или соглашением с московским издательством. По сравнению с оригинальным текстом (102 строки) в первом переводе вдвое больше строк – 206, кроме того, вместо 17 секстин здесь использована «лесенка», весь текст разделен на 3 части, отмеченные арабскими числами. Сохранив характеристику высоких стройных тридцати тополей, Д. Долинский и В. Стрелков вводят отсутствующую у автора двустороннюю колористику листьев: зелень и серебристость (седина как отголосок страдания) [Сян-Белгин 1964: 27–28]. Есть вид белого или серебристого тополя, у которого внешняя сторона листа имеет зеленую окраску, внутренняя – белую. По-калмыцки серебристый тополь – «мөңгн уласн» [Калмыцко-русский словарь 1977: 531]. У автора нет уточнения вида тополей, судя по скудному описанию в тексте, это другой вид, не с широкой, шатровидной кроной, как у белого, серебристого тополя, а с пирамидальной; поэтому, скорее всего, в поэме присутствует пирамидальный тополь, средняя продолжительность жизни которого 60–80 лет.

Как в оригинале, в переводе нет конкретизации времени события («Давний год, / давний день, в этот миг»), лирический субъект задается вопросом, может, тополям помнится, «как летит маслаковская конница…», помнится расстрел тридцати [Сян-Белгин 1964: 28].

Переводчики указывают, что тополя стоят в Элисте почти полстолетия, хотя такой детали нет в поэме, что автор прожил на свете больше этих деревьев, хотя в поэме он назвал их старшими по возрасту. Они вводят автобиографический элемент, отсутствующий в оригинале: «Двадцать лет в отдалении!.. <…> Но в лихую годину / равнение / Я держал неизменно на вас!» [Сян-Белгин 1964: 31]. Имеется ввиду тот факт, что незаконно репрессированный в 1937 г. писатель пробыл в лагерях много лет.

В третьей части перевода обращение к тополям, не знающим сна, хранящим тайны истории, вновь вводит обобщающие «годы тифозные», голосящую метелями степь [Сян-Белгин 1964: 31–32]. Здесь сравнение с двадцатью шестью бакинскими комиссарами передано опосредовано: «Были тридцать / такими ж бесстрашными, / Как на Ахча-Куйме – / двадцать шесть!» [Сян-Белгин 1964: 32]. Названы двое героев из тридцати. Заканчивают переводчики поэму по-своему: «…Я поведал лишь малую толику / О героях гражданской войны. / Кто ж они?.. / Я взываю к историкам: / “Вы найти имена их должны!”» [Сян-Белгин 1964: 33]. В то же время в переводе отсутствует автобиографическая деталь, связанная с предком, погибшим в тот период.

Если автор, завершая поэму, подчеркнул свою личную связь с внуками и современниками, потомками, то переводчики вышли на общий уровень: «Чтоб грядущих людей поколения, / Все грядущие времена / Неизменно / держали / равнение / На ожившие / их имена!» [Сян-Белгин 1964: 33].

В переводе А. Зорина 130 строк, построенных также «лесенкой», с произвольной строфикой, в которой разное количество строк, т.е. ни один из двух переводов не соответствует структуре авторского оригинала (17 секстин).

А. Зорин также ни разу не дает определение «высокие тридцать тополей», у него они не высокие, а «стройные». Шум тополей лирический субъект готов переложить в песнь, в стихи [Сян-Белгин 1974: 37–38]. Переводчик характеризует цвет листвы деревьев как «золотой»: ветер рушит «золото с ветвей» [Сян-Белгин 1974: 38]. Для него тополя не только молчат, но и шумят, шелестят, шепчут, стенают [Сян-Белгин 1974: 38]. Они грустят, они гордятся, «ветки голые стучат» [Сян-Белгин 1974: 39]. Если у автора рефрен молчания деревьев наполнен смысловым содержанием, углубляя монологическую речь человека, то переводчик, видимо, стремится разнообразить сюжетную канву жизнью тополей. Усугубляя трагизм ситуации, в перевод вводятся детали, отсутствующие в оригинале: «Смертный год. / Мороз неистов. / Тридцать голых коммунистов / на заржавленном снегу. / Тридцать – / в когти Маслаку» [Сян-Белгин 1974: 39]. В первом переводе не указаны национальности казненных, здесь несколько перечислений, есть сравнения без указания численности с бакинскими комиссарами: «(Как их братья-комиссары / В огненных песках Баку.)» [Сян-Белгин 1974: 39]. Правда, тот расстрел произошел, как известно, под Красноводском. В этом переводе также звучит мотив безымянности героев, кроме двух названных. Но заключительный призыв также разнится: «Архивы разгребите! / Так, чтоб на полях времен / ярко, / по следам событий / поднялись цветы имен. / Чтобы в Элисте моей / благодарно и влюбленно / назывались поименно / тридцать славных тополей» [Сян-Белгин 1974: 40]. Цветы имен и именование тополей обретают свою символику, по мысли переводчика.

В двух переводах сохраняются общее количество деревьев (тридцать), локация (Элиста, близ мемориала), рефрены: мотивы обращения человека к деревьям, молчание тополей.

Как выясняется, позднее, спустя десятилетия, старые тополя были выкорчеваны, об этом помнили старожилы города, в том числе в связи с указанной поэмой Х. Сян-Белгина.

Заключение

По воспоминаниям писателя Константина Ерымовского, Х. Сян-Белгин говорил ему: «Я пишу только о пережитом, о том, что подсказано жизнью» [Ерымовский 1970: 6].

В жанровом отношении произведение калмыцкого поэта в русском переводе получило определение «поэма-реквием». Подобных обозначений в жанре поэмы в калмыцкой поэзии нет. Есть в калмыцкой лирике стихотворение-реквием Риммы Ханиновой, посвященное трагедии калмыцкого народа (1943–1957 гг.), адресованное скульптору Эрнсту Неизвестному: «Неизвестный – реквием в двух шагах от автора монумента “Исход и Возвращение”, с эпилогом» (1996) [День влюбленных 1997: 177–181].

В русской поэзии XX в. к жанру поэмы-реквиема относятся одноименные произведения Анны Ахматовой [Реквием 1989: 44–51] и Роберта Рождественского [Рождественский 1979: 138–152].

Произведения-реквием в своем трагическом содержании (заупокойная месса [Смирнов 2001: 194–195]) обращены прежде всего к современникам, к размышлениям о жизни и смерти, о тайнах бытия, его смыслах.

Так, поэма-реквием Х. Сян-Белгина «Тридцать высоких тополей», посвященная памяти героев Гражданской войны в Калмыкии, спустя десятилетия сохраняет свою актуальность, способствуя исторической памяти поколений, выявлению неизвестных страниц истории нашей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бакаев 2025 – *Бакаев В.Э.* Банда Маслакова в 1921 г. // Монголоведение. – 2025. – Т. 17. – № 4. – С. 624–645. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-624-645

Бичеев 1991 – *Бичеев Б.А.* Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (1920-30 гг.): дис. … канд. филол. наук. – М., 1991. – 164 с.

Глинин 1972 – *Глинин Г.Г.* «Поэта настоящего прозренье»: очерк творчества Хасыра Бикиновича Сян-Белгина. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. – 103 с.

Глинин 1974 – *Глинин Г.Г.* Творчество Хасыра Сян-Белгина: дис. … канд. филол. наук. – Элиста, 1974. – 177 с.

Гражданская война 1983 – Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 704 с.

Грищенко 2013 – *Грищенко А.Н.* Григорий Маслаков: от конармейского бригадира до повстанческого командира // Новый исторический вестник. – 2013. – № 4(38). – С. 125–138.

Джамбинова 1977 – *Джамбинова Е.* Роль национальных традиций в становлении советской калмыцкой поэзии (20-30 годов) // Национальные традиции и генезис социалистического реализма в калмыцкой литературе. – Элиста: [б.и.], 1977. – С. 65–81.

Дендян 1929 – *Дендян А.* Болд зүркн. – Элст: [б.и.], 1929. – 31 с.

День влюбленных 1997 – День влюбленных: сборник стихов. – Элиста: АПП «Джангар», 1997. – 229 с.

Ерымовский 1970 – *Ерымовский К.* Счастливый дар // Сян-Белгин Х. Белый берег. Рассказы, очерки, сказки. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. – С. 3–6.

Калмыцко-русский словарь 1977 – Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Рус. яз., 1977. – 768 с.

Кирло 2007 – *Кирло Х.* Словарь символов / Пер. с англ. Ф.С. Капицы, Т.Н. Колядич. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 525 с.

Колән 1931 – *Колән С.* Baatr ulan hardnr. – Elst: Xalьmg izd., 1931. – 31 с.

Лиджиев 2006 – *Лиджиев М.А.* Фольклорные традиции в калмыцкой поэзии: 1920-1980-е гг.: дис. … канд. филол. наук. – Элиста, 2006. – 151 с.

Манҗин 1933 – *Манҗин Н.* Ulan odn. – Stalingrad: N.-V. Krajin Gos. izd., 1933. – 28 с.

Мацаков 1981 – *Мацаков И.М.* У истоков. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. – 153 с.

Мусова 1982 – *Мусова Н.Н.* К проблеме формирования жанра поэмы // Становление социалистического реализма в калмыцкой литературе (30-е годы). – Элиста: [б.и.], 1982. – С. 60–75.

Мусова 1975 – *Мусова Н.Н.* Пути развития советской поэзии, 20-30-е гг.: дис. … канд. филол. наук. – М., 1975. – 195 с.

Очиров 2006 – *Очиров У.Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. – 448 с.

Очиров 2015 – *Очиров У.Б.* Три этапа политического бандитизма на территории Калмыкии (1918–1927 гг.) // Русская старина. – 2015. – № 3(15). – С. 156–167.

Очирова 2016 – *Очирова Н.Ч.* Истоки и развитие калмыцкой поэзии 1920–1930-х гг. // Филология. – 2016. – № 5. – С. 40–48.

Пюрбеев 1993 – *Пюрбеев Г.Ц.* Эпос «Джангар»: Культура и язык (Этнолингвистические этюды). – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 128 с.

Пюрвеев 1981 – *Пюрвеев В.Д.* Движение жизни – движение литературы. Критические этюды и портреты. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. – 118 с.

Пюрвеев 1988 – *Пюрвеев В.Д.* Октябрь и калмыцкая литература. Эволюция идейного содержания и жанровые формы литературы 20-30-х годов. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. – 191 с.

Реквием 1989 – Реквием: стихи русских советских поэтов / Сост. и предисл. Б. Романова. – М.: Современник, 1989. – 430 с.

Рождественский 1979 – Рождественский Р. И. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы (1951–1968). – М.: Худож. лит., 1979. – 414 с.

Смирнов 2001 – Смирнов И. В. Музыка. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2001. – 320 с.

Сян-Белгин 1969 – *Сян-Белгин Х.* Суңhсн шүлгүд болн поэмс. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. – 376 с.

Сян-Белгин 1970 – *Сян-Белгин Х.* Белый берег. Рассказы, очерки, сказки. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. – 156 с.

Сян-Белгин 1965 – *Сян-Белгин Х.* Өндр һучн уласн // Хальмг үнн. – 1965. – 9 октября. – С. 3.

Сян-Белгин 1964 – *Сян-Белгин Х.* Новая легенда: стихи и поэмы. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1964. – 104 с.

Сян-Белгин 1974 – *Сян-Белгин Х.* Тридцать тополей: стихи и поэмы. – М.: Современник, 1974. – 102 с.

Убушаев 2019 – *Убушаев В.Б.* Из истории борьбы с бандитизмом в Калмыкии на этапе окончания Гражданской войны и перехода к НЭПу (1920–1921 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 2(59). – С. 26–31.

Ханинова 2026 – *Ханинова Р.М.* «Стальное сердце» Аксена Сусеева как первая поэма в калмыцкой поэзии XX века // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. – 2026. – № 1. – С. 155–161.

Эпштейн 2007 – *Эпштейн М.Н.* Стихи и стихия. Природа в русской поэзии, XVIII–XX вв. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2007. – 352 с.

Эренджено в 1991 – *Эренджено в К.* Старый тополь: поэма // Теегин герл. – 1991. – № 8. – С. 3–5.

Эрнҗәнә 1989 – *Эрнҗәнә К.* Элстин эңкр уласн // Хальмг үнн. – 1989. – Moha сарин 15. – Х. 4.

Һаşun-Dambin 1935 – *Һаşun-Dambin Х. Б.* – Sən-Belgin Х. Өnçn bək. – Elst: Xalьmgin GIZ, 1935. – 48 с.

REFERENCES

BAKAEV V.E. *Banda Maslakova v 1921 g.* [Maslakov's Hord in 1921]. In: Mongolovedenie. – 2025. – Vol. 17. – Is. 4. – P. 624–645. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-624-645 (In Russ.).

BICHEEV B.A. *Vliyanie pis`menny`x pamyatnikov i fol`klora na razvitie kalmy`czkoj literatury` (1920-30 gg.)* [The influence of written monuments and folklore on the development of Kalmyk literature (1920-30)]: dis. ... Candidate of Philol. Sci. – Moscow, 1991. – 164 p. (In Russ.).

GLININ G.G. *«Poeta nastoyashchego prozren'ye»: ocherk tvorchestva Khasyra Bikinovicha Syan-Belgina* ["The poet has a real epiphany": an essay on the work of Khasyr Bikinovich Syan-Belgin]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1972. – 103 p. (In Russ.).

GLININ G.G. *Tvorchestvo Khasyra Syan-Belgina* [The works of Hasyr Syan-Belgin]: diss. … cand. Philol. Sci. – Elista, 1974. – 177 p. (In Russ.).

GRISHCHENKO A.N. *Grigoriy Maslakov: ot konarmeyskogo brigadira do povstancheskogo komandira* [Grigory Maslakov: from the Army Brigadier to the Rebel Commander]. In: Novy`j istoricheskij vestnik. – 2013. – No. 4(38). – P. 125–138. (In Russ.).

DZHAMBINOVA E. *Rol' natsional'nykh traditsiy v stanovlenii sovetskoy kalmytskoy poezii (20-30 godov)* [The role of national traditions in the development of Soviet Kalmyk poetry (20-30s)]. In: National traditions and the genesis of socialist realism in Kalmyk literature. – Elista: [b.i.], 1977. – P. 65–81. (In Russ.).

DENDYAN A. *Bold zürkn* [Bold zurkn]. – Elst: [b.i.], 1929. – 31 p. (In Kalm.).

VALENTINE'S DAY. *Den` vlyublenny`x: sbornik stixov* [Valentine's Day: a collection of poems]. – Elista: APP "Jangar", 1997. – 229 p. (In Russ.).

YERYMOVSKY K. *Schastlivy`j dar* [A happy gift]. In: Syan-Belgin H. White Coast. Short stories, essays, fairy tales. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1970. – P. 3–6. (In Russ.).

KHANINOVA R.M. *«Stal'noye serdtse» Aksena Suseyeva kak pervaya poema v kalmytskoy poezii XX veka* ["Steel Heart" by Aksen Suseev as the first poem in Kalmyk poetry of the twentieth century]. In: Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. – 2026. – No. 1. – P. 155–161. (In Russ.).

KIRLO H. *Slovar` simvolov* [Dictionary of Symbols] / Translated from English by F.S. Kapitsa, T.N. Kolyadich. – Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2007. – 525 p. (In Russ.).

KOLƏN S. *Baatr ulan hardnr*. – Elst: Xalьmg izd., 1931. – 31 p. (In Kalm.).

LIDZHIEV M.A. *Fol'klornyye traditsii v kalmytskoy poezii: 1920-1980-ye gg.* [Folklore traditions in Kalmyk poetry: 1920-1980s]: dis. … cand. Philol. Sci. 10.01.02. – Elista, 2006. – 151 p. (In Russ.).

MANDZHIN N. *Ulan odn.* – Stalingrad: N.-V. Krajin Gos. izd., 1933. – 28 p. (In Kalm.).

MATSAKOV I.M. *U istokov* [At the origins]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1981. – 153 p. (In Russ.).

MUSOVA N.N. *K probleme formirovaniya zhanra poemy* [On the problem of formation of the genre of the poem]. In: Formation of socialist realism in Kalmyk literature (1930s). – Elista: [b.i.], 1982. – P. 60–75. (In Russ.).

MUSOVA N. N. *Puti razvitiya sovetskoj poe`zii, 20-30-e gg.* [Ways of development of Soviet poetry, 20-30s]: dis. ...cand. Philol. Sci. 01.10.03. – M., 1975. – 195 p. (In Russ.).

OCHIROV U. B. *Kalmykiya v period Grazhdanskoy voyny (1917–1920 gg.)* [Kalmykia during the Civil War (1917–1920)]. – Elista: JSC "NPP "Dzhangar", 2006. – 448 p. (In Russ.).

OCHIROV U. B. *Tri etapa politicheskogo banditizma na territorii Kalmykii (1918–1927 gg.)* [Three Stages of Political Banditry in Kalmykia (1918–1927)]. In: Russkaya Starina. – 2015. – No. 3(15). – P. 156–167. (In Russ.).

OCHIROVA N. Ch. *Istoki i razvitiye kalmytskoy poezii 1920–1930-kh gg.* [The origins and development of Kalmyk poetry in the 1920s–1930s]. In: Philology. – 2016. – No. 5. – P. 40–48. (In Russ.).

PURBEEV G.C. *E`pos «Dzhangar»: Kul`tura i yazy`k (E`tnolingvisticheskie e`tyudy`)* [The epic "Dzhangar": Culture and language (Ethnolinguistic studies)]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1993. 128 p. (In Russ.).

PURVEEV V.D. *Dvizheniye zhizni – dvizheniye literatury. Kriticheskiye etyudy i portrety* [The Movement of Life – the Movement of Literature. Critical Studies and Portraits]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1981. – 118 p. (In Russ.).

PURVEEV V.D. *Oktyabr' i kalmytskaya literatura. Evolyutsiya ideynogo soderzhaniya i zhanrovyye formy literatury 20-30-kh godov* [October and Kalmyk Literature. Evolution of the Ideological Content and Genre Forms of Literature of the 1920s and 1930s.]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1988. – 191 p. (In Russ.).

REQUIEM. *Rekviem: stixi russkix sovetskix poe`tov* [REQUIEM: poems by Russian Soviet poets] / Comp. and preface by B. Romanov. – M.: Sovremennik, 1989. – 430 p. (In Russ.).

ROZHDESTVENSKY R.I. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. In 2 volumes. Volume 1. Poems; Poems (1951–1968). – Moscow: Khudozh. lit., 1979. – 414 p. (In Russ.).

SMIRNOV I.V. Muzy`ka [Music]. – Moscow: TERRA Book Club, 2001. – 320 p. (In Russ.).

SYAN-BELGIN H. *Zhivoye plamya*: sbornik poem [Living Flame: A Collection of Poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1972. – 170 p. (In Kalm.).

SYAN-BELGIN H. *Bely`j bereg: Rasskazy`, ocherki, skazki* [White Coast: Stories, essays, fairy tales]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1970. – 156 p. (In Russ.).

SYAN-BELGIN H. *Өndr huchn ulasn* [Thirty Tall Poplars]. In: Khalmg unn=Kalmytskaya Pravda. – 1965. – October 9. – P. 3. (In Kalm.).

SYAN-BELGIN H. *Novaya legenda*: stikhi i poemy [New legend: poems and poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1964. – 104 p. (In Russ.).

SYAN-BELGIN H. *Sungsn shulgud boln poems* [Selected poems and poems]. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1969. – 376 p. (In Kalm.).

SYAN-BELGIN H. *Tridtsat' topoley* [Thirty poplars]: poems and verses. – M.: Sovremennik, 1974. – 102 p. (In Russ.).

UBUSHAEV V.B. *Iz istorii bor'by s banditizmom v Kalmykii na etape okonchaniya Grazhdanskoy voyny i perekhoda k NEPu (1920–1921 gg.)* [From the History of the Fight against Banditry in Kalmykia at the Stage of the End of the Civil War and the Transition to the New Economic Policy (1920–1921)]. In: The Caspian Region: Politics, Economics, Culture. – 2019. – No. 2(59). – P. 26–31. (In Russ.)

EPSTEIN M.N. *Stixi i stixiya. Priroda v russkoj poe`zii, XVIII–XX vv.* [Poems and elements. Russian Poetry in Nature, XVIII–XX centuries]. – Samara: BAHRAKH–M Publishing House, 2007. – 352 p. (In Russ.).

ERENDZHENOV K. *Stary`j topol`* [The old poplar tree]. In: Teegin gerl. – 1991. – No. 8. – P. 3–5. (In Russ.).

ERNҖӘNӘ K. *Elstin enkr ulasn* [Elista's favorite poplar]. In: Khalmg unn. –1989. – March 15. – P. 4. (In Kalm.).

ҺAŞUN-DAMBIN X. Б. – SӘN-BELGIN X. *Өnçn bөk* [The orphan wrestler]. – Elst: Xalьmgin GIZ, 1935. – 48 p. (In Kalm.).

Информация об авторе

Р.М. Ханинова – доктор филологических наук.

Information about the author

R.M. Khaninova – Doctor of Philological Sciences.

Статья поступила в редакцию 12.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 12.03.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-216-225
EDN: OGCAFJ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОЙ ПАРАДИГМЫ ГЛАГОЛА В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА (НА МАТЕРИАЛЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕЧИ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ)

Марита Мухамедовна Абазова
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, marita.abazova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7701-1133

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей употребления или опущения некоторых личных аффиксов глаголов в современной кабардино-черкесской речи диаспоры в Турции. В кабардино-черкесском языке личная парадигма глагола выполняет важную семантическую функцию. В статье рассмотрено разнообразие превербов кабардино-черкесского литературного языка, а также то, как они сохранились в речи диаспоры. Лингвистический анализ полевых материалов и записей фоноархива показал некоторые особенности, касающиеся огласованности / неогласованности глаголов в потоке речи респондентов. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые на материале разговорной кабардино-черкесской речи диаспоры в сравнении с литературным кабардино-черкесским языком была проведена работа по выявлению сохранения или утраты личных аффиксов глаголов, которые в языке выполняют смысловую функцию. В результате исследования установлено, что для носителей кабардино-черкесского языка в Турции характерна неполная реализация личной парадигмы глагола – отдельные аффиксы регулярно пропускаются, несмотря на их грамматическую обязательность в литературном кабардино-черкесском языке. Таким образом, в условиях длительной изоляции и влияния иноязычной среды носители языка в диаспоре склонны к упрощению морфологической структуры глагола, что влечёт за собой изменение системы личных окончаний.

Ключевые слова: речь диаспоры; кабардино-черкесский литературный язык; превербы; личные аффиксы глаголов; огласованность глаголов; неогласованность глаголов.

Для цитирования: Абазова М.М. Трансформация личной парадигмы глагола в условиях языкового контакта (на материале кабардино-черкесской речи диаспоры в Турции) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 216-225. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-216-225. EDN: OGCAFJ.

© Абазова М.М., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

TRANSFORMATION OF THE PERSONAL PARADIGM OF A VERB IN CONDITIONS OF LANGUAGE CONTACT (BASED ON THE KABARDIAN-CHERKESSIAN SPEECH OF THE DIASPORA IN TURKEY)

Marita M. Abazova
Institute of Humanitarian Research – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, marita.abazova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7701-1133

Abstract. The purpose of the study is to identify the features of the use or omission of certain personal verb affixes in the modern Kabardian-Circassian speech of the diaspora in Turkey. In the Kabardian-Circassian language, the personal paradigm of the verb performs an important semantic function. The article examines the diversity of preverbs in the Kabardian-Circassian literary language and how they have been preserved in the speech of the diaspora. A linguistic analysis of field materials and recordings from the phonological archive revealed some peculiarities in the vowelization and non-vowelization of verbs in the speech of the respondents. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, it used the spoken Kabardian-Cherkessian speech of the diaspora in comparison with the literary Kabardian-Cherkessian language to identify the preservation or absence of personal verb affixes that perform a semantic function in the language. The study found that the speakers of Kabardian-Circassian in Turkey have incomplete realization of the personal paradigm of the verb - individual affixes are regularly omitted, despite their grammatical obligation in the literary Kabardian-Circassian language. Thus, in conditions of long-term isolation and the influence of a foreign language environment, the speakers of the language in the diaspora tend to simplify the vocabulary, which entails a change in the system of personal endings of verbs.

Keywords: diaspora speech; Kabardian-Cherkessian literary language; preverbs; personal verb affixes; vowelization of verbs; non-vowelization of verbs.

For citation*:* Abazova M.M. Transformation of the personal paradigm of a verb in conditions of language contact (based on the Kabardian-Cherkessian speech of the diaspora in Turkey). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 216-225. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-216-225. EDN: OGCAFJ.

© Abazova M.M., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения современного состояния кабардино-черкесской речи черкесской диаспоры за рубежом для выявления степени ассимиляции и продолжения работы по сохранению родного языка в иноязычном окружении. Особую значимость этому исследованию придаёт тот факт, что в современной черкесской диаспоре Турции наблюдается смена поколений: если старшее поколение ещё обладает пассивным знанием грамматических конструкций, то молодые носители языка всё чаще допускают ошибки в личном согласовании, переходя на упрощённые универсальные формы. Поэтому научная фиксация этих процессов помогает сохранить уникальный эмпирический материал, который может служить основой для сравнительно-исторического языкознания.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– изучить кабардино-черкесскую речь черкесской диаспоры в Турции для выявления грамматических особенностей;

– провести сравнительный анализ литературного кабардино-черкесского языка и речи диаспоры с целью выявления сходств и различий в личных аффиксах глаголов;

– выявить трансформацию личной парадигмы глагола в речи диаспоры.

Материалом для исследования послужили полевые материалы автора (ПМА), собранные с 2007 г. по настоящее время, а также фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Для сравнительного анализа с литературным кабардино-черкесским языком использовались фундаментальные работы по исследуемой проблеме.

Теоретическую базу исследования составляют труды Г. Ф. Турчанинова [Турчанинов 1946], М. А. Кумахова [Кумахов 1964; 1969], К. Т. Мамрешева [Мамрешев 1969], Т. Х. Куашевой [Куашева 1969], Б. Ч. Бижоева [Бижоев 2000], Р. Х. Дзугановой [Дзуганова 2002; 2005; 2017], Г. В. Рогавы и З. И. Керашевой [Рогава, Керешева 2021], которые стали теоретической базой данного исследования.

Для выявления степени трансформации личной парадигмы глагола в условиях языкового контакта были использованы различные методы: метод лингвистического анализа текста и сопоставительный метод. Сопоставительный метод применялся для сравнительного анализа материалов полевых исследований с литературным кабардино-черкесским языком, его диалектами и говорами, а метод лингвистического анализа – для определения степени ассимиляции речи черкесской диаспоры за рубежом.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов на спецкурсах по проблемам взаимодействия и взаимовлияния языков. Кроме того, представленные в статье материалы будут полезны при изучении истории, диалектов и говоров кабардино-черкесского литературного языка.

Обсуждение и результаты

В адыгских языках широко развита система превербов. «Состав превербов очень пестрый. Они образуют сложную систему, в которой представлены превербы, выражающие направление действия, локализацию действия и состояния. Для этих превербов выражение направления действия и локализации действия или состояния является их грамматическим значением» [Чкадуа 2012: 35].

В употреблении превербов в речи кабардино-черкесской диаспоры и в литературном языке наблюдается расхождение. Наиболее часто отклонение от нормы отмечается для преверба ***къэ-***. «Общеадыгский преверб *къэ-* употребляется с основами как динамических, так и статических глаголов. С помощью этого преверба образуются глагольные основы, которые обозначают направление к говорящему (оттуда сюда). Например: адыг.-каб. *къэ-кIуэн* «идти сюда», *къэ-сын* «прибыть сюда», каб. *къэ-жэн* «бежать сюда» [Кумахов 1964: 190]. О значениях превербов *къэ//къы* подробно писали Г.В. Рогава и З.И. Керашева, они отмечали, что преверб *къэ-* выражает «приближение действия к говорящему или собеседнику: *Пчыхьашхьэ пшъэшъэжъыехэр садэжь къэ-кIощтых* – «Сегодня вечером

ко мне придут девушки»; приближения действия к субъекту с оттенком версии в пользу субъекта: *Асхьад Іаби тхылъыпІэу тхьаматэм къ-ыщэигъэр къ-ыІихыгъ* – «Асхад протянул руку (туда) и взял (сюда к себе) листок бумаги, который ему протянул (по направлению к нему) председатель» [Рогава, Керашева, 2021: 125].

В литературном кабардино-черкесском языке преверб *къэ-* от имени образует «глагольную основу, которая обозначает направление действия к говорящему, например: *Іуэху* «дело», *къызоІуэху* «сообщаю, передаю сюда», *къоІуэху* «сообщаешь, передаешь сюда», *къеІуэху* «сообщает, передает сюда». В динамических глаголах преверб *къэ-* может не выражать направительного значения. Ср. *къэнэн* «оставаться где-либо»; *къэхъун* «возникать, вырасти». С основами статических глаголов преверб *къэ-* имеет конкретно-локальное значение, например: *къыщысын* «сидеть рядом, со стороны»; *къыщытын* «стоять рядом, со стороны»; *къыщылъын* «лежать рядом со стороны». Ср. также динамический глагол *къэтІысын* «сесть рядом, поблизости» [КЧЯ Т. I, 2006: 200]. Кроме того, «направительный преверб *къэ-*, сочетаясь с глаголами движения, показывает направление «сюда», а суффикс *-с* дополняет, поясняет «до какого места, где и в каком именно месте действие завершается». Такие модели могут употребляться без суффикса *-с*. Ср.: *къэ-пщы-сы-н* «доползти сюда до какого-л. места, предела», но *къэ-пщы-н* «ползти сюда»; *къэ-хьэ-сы-н* «донести что-л. до этого-л. места (сюда)» и *къэ-хьы-н* «нести что-л. сюда» и др.» [Дзуганова 2017: 109].

Следовательно, преверб *къэ-* в литературном языке многогранен: он выполняет смыслоразличительную функцию, а его отсутствие делает смысл слова неполным**,** однако в контексте значение выражаемой мысли становится понятным. Сравнительный анализ лингвистического материала речи диаспоры с литературным кабардино-черкесским языком показал некоторые расхождения в употреблении исследуемого преверба *къэ-*. В речи большого количества респондентов отмечается отсутствие преверба *къэ-//къы-*, который по нормам языка должен присутствовать. Например:

Арапыбзэм къыхэчІыу [къы]хыхьай тыркубзэм къыхэчІыу [къы]хыхьаи хэтс (ПМА, Къущхьэ І.) («Что-то (слова) вошло [в язык] из арабского языка, а что-то из турецкого языка»). На этом примере мы видим, что в одном случае респондент употребляет *къы- (къыхэчІыу – «выйти»),* а глагол *хыхьэн* («войти») употреблён без преверба, хотя по контексту подразумевается направление из одного языка в другой, то есть *къыхыхьэн.*

Лисэри Къайсэр [къы]ызух'ас (ПМА, Щоджэн Э.) («Лицей закончила в Кайсери»). *Гуэдз, арпэ, аос мартым дей хыдолъхьэри мазитІ -мазищ мэхъури [къы]хыдохыж* (Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1079) («Пшеницу, ячмень, овес сажаем в марте, через два-три месяца собираем [букв. извлекаем]»). *Игы сэ илъэсиплІым сэ си гъусэу лэжьау, унверстетыр [къы]яух'ау, куэд дохъу, ahэм тыркуыбзэ, ингылыбзэ [къы]хэчІау псалъэ куэд къапсэлъ дыщыгушыІэчІэ* (ПМА, Къэрабэ М.) («Со мной уже в течение четырех лет работают много [ребят], которые закончили университет, но в речи употребляют много слов из турецкого и английского языков»).

В своём исследовании Б.Ч. Бижоев также отметил как отсутствие преверба направления *къэ-*, так и случаи смешивания различных превербов в речи «зарубежных кабардинцев», назвав такое явление частым, и привёл примеры: «*лIо хъур вм. лIо къэхъур* (что получается), *мыращ хъуар вместо мыращ къэхъуар* (вот что случилось)», а также случаи одновременного использования превербов ***къэ-*** («сюда») и ***нэ-*** («туда»), которые в литературном языке выражают противоположные направления: «*къынэсахьэс вместо къэсахэщ* (прибыли), *къынэзгъэсыну вместо къэзгъэсынущ* (довезу, доведу сюда)» [Бижоев 2000: 212].

Аналогичное явление зафиксировано и в некоторых диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. К.Т. Мамрешев писал о том, что в баксанском диалекте опускается направительный преверб *къэ-*, в отличие от литературного кабардино-черкесского языка, в котором он сохраняется. «Чаще данное явление встречается в речи жителей Старой Крепости и Кызбруна III, но оно может быть отмечено у отдельных индивидов и в Кызбруне II. *ЩIалэгъуалэм уэшх нэужьым бгыщхьэмэ уэрэдхэр щыхадзэ* (ср. лит. *къыщыхадзэ* «начинают», букв.: «начинают сюда, к нам»). – Молодежь после дождя на вершине холма песни начинает. *Мы жыгыжьмэ деж щыспэплъэ* (ср. лит *къыщыспэплъэ* «жди меня [отсюда]». – «Возле этого старого дерева ты меня жди [отсюда]»). По мнению исследователя, «отпадение преверба *къы-*… – явление более новое, отражающее путь внутреннего развития кабардинского языка» [Мамрешев 1969: 262].

Отсутствие направительного преверба *къэ-* в тех случаях, когда он есть в литературном языке, и, наоборот, его наличие там, где в литературном языке он отсутствует, выявлено М.А. Кумаховым также в кубанском диалекте; он приводит такие примеры: «*УкъышъыкIуакIэ тIэкIу къышъыс*» («Раз пришёл, немного посиди»); «*Кодрэ гупшъыса [къэ]хъуар имышIэу*» («Не зная о том, что случилось, он долго думал»). Он отмечал, что подобные отклонения от литературного кабардино-черкесского языка часто встречаются в диалекте [Кумахов 1969: 223].

Расхождение в употреблении преверба ***къэ-*** между литературным языком и моздокским говором выявляла Т.Х. Куашева. Разнобой «между моздокским говором и литературным языком выражается в том, что преверб ***къэ*** в моздокском говоре употребляется в тех случаях, где он отсутствует в литературном языке, и, наоборот, где в литературном языке он присутствует, – отсутствует в говоре: *Сыт хъуа? Хъуар арась – Сыт къэхъуа? Къэхъуар аращ* («Что случилось? Случилось то»)» [Куашева 1969: 142].

В речи некоторых представителей кабардино-черкесской диаспоры отсутствует префикс *щы-* в значении «направления». Например: *Туркиеми, Джорданми, Суриеми, Америкэм кIуауэ [що]мэпсэу адыгэхэр* (Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1078) («Адыги живут и в Турции, Иордании, Сирии, Америке»); *Сэ хэкум сы[щы]кIуам сеплъас ды хабзэм теухуау, ди псэучIэм теухуау куэд зэпрычIым* (ПМА, Щоджэн М.) («Когда поехал на Родину, посмотрел на их обычаи, как они живут, насколько различаются»); *Мыр сэ лъэс пщыкIуэтху лъандэрэ Туркием [щы]сощIэ* (ПМА, Шурдым Г.) («Этим я в Турции занимаюсь уже пятнадцать лет»). В данных примерах опущен преверб *щы-*, который указывает на конкретное место.

Такое явление Г.Ф. Турчанинов отмечал в моздокском диалекте: «*къэскIухьащ* – я бродил, скитался, вместо *къыщыскIухьащ*; *сызэрыльазьэр* – я там работающий вместо *сызэрыщылажьэр*» [Турчанинов 1946: 229].

Особенности употребления некоторых личных префиксов в речи диаспоры

Расхождение между литературным кабардино-черкесским языком и речью кабардино-черкесской диаспоры отмечается также в ***неогласованности*** [т.е. пропуске] некоторых глаголов префиксом *къэ-/къы-*, иначе говоря, наблюдается *афереза* этого префикса. «Префикс *къэ-* выступает как компонент, необходимый для построения парадигматических рядов» [КЧЯ Т. I, 2006: 168]; его отсутствие искажает смысл, поскольку личные формы глагола образуются именно с помощью преверба *къэ-/къы-*.

Примеры отпадения / выпадения *къэ-/къы-*: *[Къы]ЯгуроIуэ, нэхъыщIэ цIыкIум зытIэкIуи зрехьэ, нэхъ унверстетым бизнесым хыхьа нэужьчIэ адрер зрахьэурэ-зрахьэурэ зы тIэкIу яIэщIочI, фи жагъуэ зэрыхъунси* (ПМА, Хьэгъундокъуэ Я.). («Младший немного понимает и разговаривает, но после поступления в университет, когда начинает заниматься бизнесом, потихоньку забрасывает язык – к нашему сожалению»). Здесь идиома *ягуроIуэн* («понимать») употреблено вместо *къыгурыIуэн* («он понимает»).

Зыгуэр ищIэнумэ ищIэт, сыгъуэгыну [къы]фIэщIти, къакIуурэ къысчIэлъыплът (ПМА, Тохъу Н.) («Если нужно что-то делать, делал, но ему казалось, что я буду плакать, поэтому время от времени посматривал, не плачу ли я»). Здесь *фIэщIын* («казаться») использовано вместо *къыфIэщIын* («ему казалось»).

Абы щыгъуэ у[къы]щытцIыхуам нобэм дыкъэсыну зичI сигугъаIым (ПМА, Ярум Г.) («Тогда, когда мы тебя узнали, я даже не подумал, что наше знакомство продолжится до сегодняшнего дня»). Глагол *ущытцIыхуам* («познакомиться») – вместо *укъыщытцIыхуам* («мы с тобой познакомились»).

В литературном языке глаголы с префиксом ***къэ-*** проявляют особенности в распределении личных аффиксов, а его отсутствие меняет смысл.

В речи кабардино-черкесской диаспоры нередки также случаи *неогласованности* [т.е. пропуска] личными аффиксами. В кабардино-черкесском литературном языке категория лица в глаголе выражается определёнными личными аффиксами. «Путём присоединения к своей основе личных префиксов и расположения этих префиксов в определённом порядке глагол в кабардино-черкесском языке выражает отношение обозначаемого действия к лицам – 1-му, 2-му, 3-му. Эти личные префиксы показывают, что субъектом или объектом обозначаемого глаголом действия является 1-е и 2-е или 3-е лицо» [ГКЧЯ 1957: 108].

Отклонение от литературного языка наблюдается и в отсутствии личных аффиксов в речи диаспоры, которые, однако, легко восстанавливаются из контекста. Например: *Шэ Нальчик университэм [сы]недгъэблэгъати, абы мыбы теухуау сыпсэлъас* (ПМА, Шурдым Г.) («Три раза приезжала в Нальчикский университет и выступала по этой теме»). В контексте *недгъэблэгъати* («он приезжал») вместо

сынедгъэблэгъати («я приезжала») – отсутствует префикс 1-го лица единственного числа *сы-*. *Ухуеймэ ahэри Сиуас къалэ нрекIуи, абы дыщыпсэунс псори [ды]зэгъуэсу* (ПМА, Щоджэн Э.) («Если хочешь, пусть они тоже поедут в Сивас, и будем все жить вместе»). Глагол *зэгъуэсу* («вместе») вместо ***дызэгъусэу*** («все вместе») – отсутствует префикс множественного числа 1-го лица *ды-*.

Мыр хъун хуейIым, мыр лIо щIэхъуар зо [зы]щызгъэтчIим щыгъуэ мы экзаминыр щыIутхам зыгуэрэ къыхэтшэну IутхаIым (ПМА, Щоджэн Э.) («Я строго сказала, почему так случилось, хотя этого не должно было быть. Мне ответили, что экзамен был назначен не для того, чтобы кого-то принять»). В контексте глагол *зыгъэтчIиин* («быть строгим») вместо *зыщызгъэткIиим* («когда я приняла строгий вид») – отсутствует личный префикс 1-го лица единственного числа ***зы-*** (в данном контексте – возвратно-личный).

Гугъуехьышхуэ сехьауэ жы[с]IынIым (ПМА, Къущхьэ І.) («Я бы не сказала, что было очень тяжко»). Здесь отсутствует префикс 1-го лица единственного числа ***с-*** (должно быть *жысIэнIым*).

Гъуэгур жыжьэт, зытIэкIу гугъу [с]ехьас (ПМА, Токъмакъ А.) («Дорога дальняя, немного тяжеловато было мне»). В этом примере респондент использует глагол *ехьас* (с префиксом 3-го лица *е-*), тогда как по грамматическим нормам литературного языка следует говорить *сехьас* (с префиксом 1-го лица ***с-***). Таким образом, вместо префикса 1-го лица единственного числа ***с-*** использован префикс 3-го лица единственного числа ***е-***.

Нарушение принципа огласованности / неогласованности выявлено Б.Ч. Бижоевым. Он приводил пример: «*Дэ, пщIэрэ, IэлъэщI дытемылъу куэбжэпэм дыуву ядаIым…*» – «Нам, знаешь, не позволялось выходить со двора без платка на голове» [Бижоев 2000: 212], отмечая замену *дытемылъу* на *ттемылъу* и наличие «иррационального» *ы* вместо нулевого гласного. Б.Ч. Бижоев также выявил в речи диаспоры, проживающей в различных странах, смешение превербов и привёл такие примеры: «*игы нэсыхун* вместо *иджы къэс(ыхунчIэ)* «до сих пор»; *къэкIуахьэс* вместо *нэкIуахэщ* «ездили к вам»; *тегъэкIын* вместо *дэгъэчIын* «пропустить»; *зыфIэигъуэр* вместо *щIыфIэигъуэр* «почему он считает необходимым»» [Бижоев 2000: 212–213].

Итак, функционирование кабардино-черкесского языка в течение длительного периода в иноязычной среде привело к различным лингвистическим отклонениям от литературного кабардино-черкесского языка, в частности – в системе личных аффиксов.

Заключение

Проведённое исследование кабардино-черкесской речи диаспоры в сравнении с литературным кабардино-черкесским языком на исторической родине продемонстрировало, что в речи представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции отмечаются грамматические особенности, отличающиеся от норм лите-

ратурного языка, однако некоторые из них сохранились также в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. Как в диаспоре, так и на исторической родине в отдельных диалектах и говорах закрепились грамматические показатели утверждения и отрицания: копула-суффикс *щ → с, къым → Iым***,** а также грамматический показатель множественного числа *хэ → hэ***.** В речи диаспоры отмечаются отклонения в употреблении аффиксов *р-***,** *м-***,** *у-//уэ***,** а также неогласованность глаголов с превербами, которые несут смыслоразличительную нагрузку.

В перспективе выявление новых грамматических особенностей речи черкесской диаспоры не только в Турции, но и в других странах, где проживает большое количество диаспорантов, даст возможность составить более полную картину трансформации грамматической системы кабардино-черкесского языка в условиях длительного иноязычного окружения.

Материалы исследования

Фоноархив Института гуманитарных исследований – филиала федерального государственного бюджетного научного учреждения Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук: фонотека.

Кассеты, фонд 1078 № 744 ф/17; 1079 № 744 ф/18.

ПМА (Абазовой М.М.), собранные с 2007 г. по настоящее время в Турции:

Ф-А № 0011 2009 (Къэрабэ Муфит, 56 лет, Стамбул);

Ф-А 6660 – № 1 2023 (Щоджэн М.; 42 года, Стамбул);

Ф-А 0031 2024 (Къущхьэ І. Турция);

Ф-А 2325 № 5 2023 (Шурдум Г., 60 лет, Стамбул);

Ф-А 0035 2024 (Хьэгъундокъуэ Я., Узун-Яйла);

Ф-А 7497 № 18 2024 (Тохъу Н. 86 лет, Узун-Яйла);

Ф-А 1941 № 7 2023 (Яурум Гунзель, 60 лет, Стамбул);

Ф-А 2233 № 12 2023 (Щоджэн Э., 65 лет, Узун-Яйла);

Ф-А 0034 2024 (Токъмакъ А., 73 года, Узун-Яйла);

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бижоев 2000 – *Бижоев Б.Ч.* Речь кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. –Нальчик: Эль-фа, 2000. – С. 201-241.

ГКЧЛЯ 1957 – Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. – Москва: изд-во академии наук СССР, 1957. – 240 с.

Дзуганова 2005 – *Дзуганова Р.Х*. Морфонологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 216 с.

Дзуганова 2017 – *Дзуганова Р.Х*. Особенности функционирования глагольного суффикса – с в кабардино-черкесском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 2(76). – С. 108-112.

Дзуганова 2002 – *Дзуганова Р.Х*. Суффиксальные глаголы в кабардино-черкесском языке. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2002. – 115 с.

Куашева 1969 – *Куашева Т.Х*. Терские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 г., 1969. – С. 119-189.

Кумахов 1969 – *Кумахов М.А*. Кубанский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 190-249.

Кумахов 1964 – *Кумахов М.А*. Морфология адыгских языков. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во 1964. – 272 с.

КЧЯ 2006 – Кабардино-черкесский язык в двух томах. – Т. I. – Нальчик: Эль-фа, 2006. – 552 с.

Мамрешев 1969 – *Мамрешев К.Т.* Баксанский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 г., 1969. – С. 249-290.

Рогава, Керашева 2021 – *Рогава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка (Переиздание). – Майкоп: Качество, 2021. – 480 с.

Турчанинов 1946 – *Турчанинов Г.Ф.* Материалы по диалекту моздокских кабардинцев // Ученые записки. – Нальчик: кабгосиздат, 1946. – С. 203-241.

Чкадуа 2012 – *Чкадуа Л.П.* Избранные труды II. – Сухум: Дом печати, 2012. – 449 с.

REFERENCES

BIZHOEV B.CH. *Rech' kabardino-cherkesskoi diaspory v Sirii, Iordanii, Turtsii* [Speech of the Kabardian-Cherkessian diaspora in Syria, Jordan, and Turkey]. In: Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura. –Nal'chik: El'-fa, 2000. – P. 201-241. (In Russ.).

Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka [Grammar of the Kabardian-Cherkessian literary language]. – Moskva: izd-vo akade-mii nauk SSSR, 1957. – 240 p. (In Russ.).

DZUGANOVA R.KH. *Morfonologicheskie protsessy v kabardino-cherkesskom slovoobrazovanii* [Morphonological processes in Kabardian-Cherkessian word formation]. – Nal'chik: El'-Fa, 2005. – 216 p. (In Russ.).

DZUGANOVA R.KH. *Osobennosti funktsionirovaniya glagol'nogo suffiksa – s v kabar-dino-cherkesskom yazyke* [Features of the functioning of the verb suffix -s in the Kabardian-Cherkessian language]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2017. – № 2(76). – P. 108-112. (In Russ.).

DZUGANOVA R.KH. *Suffiksal'nye glagoly v kabardino-cherkesskom yazyke* [Suffixal verbs in the Kabardian-Cherkessian language]. – Nal'chik: KBNTS RAN, 2002. – 115 p. (In Russ.).

KUASHEVA T.KH. *Terskie govory* [Terek dialects]. In: Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 g., 1969. – P. 119-189. (In Russ.).

KUMAKHOV M.A. *Kubanskii dialekt* [Kuban dialect]. In: Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1969. – P. 190-249. (In Russ.).

KUMAKHOV M.A. *Morfologiya adygskikh yazykov* [Morphology of the Adyghe languages]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izd-vo 1964. – 272 p. (In Russ.).

Kabardino-cherkesskii yazyk v dvukh tomakh [Kabardian-Cherkess language in two volumes]. – T. I. – Nal'chik: El'-fa, 2006. – 552 p. (In Russ.).

MAMRESHEV K.T. *Baksanskii dialekt* [Baksan dialect]. In: Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 g., 1969. – P. 249-290. (In Russ.).

ROGAVA G.V., KERASHEVA Z.I. *Grammatika adygeiskogo yazyka (Pereizdanie)* [Grammar of the Adyghe language (Reprint)]. – Mai-kop: Kachestvo, 2021. – 480 p. (In Russ.).

TURCHANINOV G.F. *Materialy po dialektu mozdokskikh kabardintsev* [Materials on the dialect of the Mozdok Kabardians]. In: Uchenye zapis-ki. – Nal'chik: kabgosizdat, 1946. – P. 203-241. (In Russ.).

CHKADUA L.P. *Izbrannye trudy II* [Selected works II]. – Sukhum: Dom pechati, 2012. – 449 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.М. Абазова – кандидат филологических наук.

Information about the author

M.M. Abazova – Candidate of Philology.

Статья поступила в редакцию 14.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 14.02.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-226-238
EDN: PQCMSU

ШЭРДЖЭСХЭМ Я БЗЭМ КЪЫЩАГЪЭСЭБЭП ЛЪАБЖЬЭПЭ-ЛЪАБЖЬЭУЖЬ ПСАЛЪЭЩI IЭМАЛХЭР АДЫГЭ ЛИТЕРАТУРЭБЗЭМ КЪЫЗЭРЫЩХЬЭЩЫКI ЩIЫКIЭХЭР

АфIэунэ Анджелэ Анэтолэ ипхъу
Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Урысейм щIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щIэныгъэ центрым и филиал, Налшык къалэ, Урысей, martazei@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7560-6985

Аннотацэ. Статьям къыщыгъэлъэгъуащ шэрджэсхэм я бзэм епхауэ къэхутэныгъэ едгъэкIуэкIам кърикIуахэр, адыгэ литературэбзэм егъэпщауэ. Лэжьыгъэм и къалэныр – шэрджэсыбзэм дэплъагъу къыщхьэщыгъэкI щытыкIэхэр, псалъэщI Iэмал щхьэхуэхэр гъэбелджылынырщ. Абы папщIэ мы темэм зезыпщыта бзэщIэныгъэлIхэм я Iэдакъэщ IэкIхэр щIэтпщытыкIащ. Ауэ лэжьыгъэ щыIэхэр илъэс пщIырыбжэм ипэкIэ зэхуэхьэса материалхэм ипкъ иткIэ зэрагъэхьэзырам къыхэкIкIэ, ди къэхутэныгъэм и кIуэцIкIэ Къэрэшей-Шэрджэс Республикэм щыпсэу шэрджэсхэм я псэлъэкIэхэр зэхуэтхьэсащ, бзэм и иджырей щытыкIэр дгъэнахуэн папщIэ. Статьяр щыдгъэхьэзырым сэбэп тхуэхъуащ бзэщIэныгъэ къэхутэныгъэ методхэу: губгъуэрытх, кIэлъыплъыныгъэ, тетхыхьыныгъэ, зэхэхуныгъэ, зэзыгъапщэ-зэпэзыгъэув зэпкърыхыныгъэхэр.

Къэдгъэунэхуащ нэхъыбэм шэрджэсхэм я бзэри адыгэ литературэбзэри зы жыпхъэм зэрытетыр, ауэ, зэпэIэщIэу зэрыпсэум, лъэпкъ зэмылIэужьыгъуэхэм я хэлIыфIыхьыныгъэм къыхэкIкIэ, зэтемыхуэныгъэ гуэрхэр яIэ хъуащ. Лэжьыгъэ едгъэкIуэкIам дызыхуишар: къэбэрдейхэм яIурылъ бзэри шэрджэсхэр зэрыпсалъэри зы бзэу щыт пэтми, шэрджэсыбзэм псалъэщI Iэмалхэм литературэбзэм ехьэлIауэ къыщхьэщыкIыныгъэ зыбжанэ къыхыбогъуатэр: зы лъабжьэгъусэхэр нэгъуэщIкIэ зэхъуэкIауэ, пыгъэщхъауэ, пыгъэхъуауэ, н. къыщокIуэр.

Къэхутэныгъэм къыщыдгъэсэбэпащ 2023 гъэм шэрджэсхэр щыпсэу щIыпIэм щызэхуэтхьэса губгъуэрытх материалыщIэхэр. Дызэпсэлъахэр къыхэтхыныр елъатауэ щытащ ахэр зыщыщ къуажэм, цIыхубз/цIыхухъум, ныбжьым, щIэныгъэ яIэм. Къищынэмыщ Iауэ текстыр филологие щIэныгъэхэмкIэ доктор БищIо Борис адыгэбзэм хузэхилъхьа бзэщIэныгъэ фIэщыгъэцIэщIэхэм япкъ иткIэ зэхэгъэуващ.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэ, шэрджэсхэм я бзэ, псалъэщI, лъабжьэгъусэ, лъабжьэпэ, лъабжьэужь.

Цитацэ ящIын папщIэ: АфIэунэ А.А. Шэрджэсхэм я бзэм къыщагъэсэбэп лъабжьэпэ-лъабжьэужь псалъэщI Iэмалхэр адыгэ литературэбзэм къызэрыщхьэщыкI щIыкIэхэр // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 226-238. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-226-238. EDN: PQCMSU.

© АфIэунэ А.А., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

CHARACTERISTIC WORD-FORMATION METHODS OF THE CIRCASSIAN LANGUAGE BASED ON PREFIXES AND SUFFIXES IN COMPARISON WITH THE LITERARY KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Angela A. Afaunova
The Institute for Humanitarian Research – a branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, martazei@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7560-6985

Abstract: This article presents the results of an analysis of the Circassian language in comparison with the literary Kabardino-Circassian language. The article aims to explore the distinctive characteristics and identify the unique word-formation methods of the Circassian language. For this purpose, a review of the works of linguists who in one way or another touched upon this topic was carried out and, in connection with the fact that the existing works were prepared on the basis of materials collected several decades ago, we conducted a survey of native speakers living in the Karachay-Cherkess Republic to collect new field data. In preparing the article, the following linguistic research methods were used: field method, observation, descriptive-analytical method and comparative-contrastive method.

It has been established that in most cases the speech of the Circassians and the literary Kabardino-Circassian language coincide, but have some discrepancies that appeared as a result of alienated development from each other and close proximity and cooperation with various peoples. The work proves that, despite the fact that both variants represent a single language, the speech of the Circassians reveals some distinctive ways of using prefixes and suffixes in comparison with the literary language: the replacement of some word-formation forms with others, truncation, augmentation, etc.

The study uses new field data collected by the author in 2023 in Circassian-populated areas. Respondents were selected based on their place of residence, gender, age, and education. In addition, this text is written on the basis of the new linguistic terminology of the Kabardino-Circassian language, developed by Doctor of Philological Sciences B.Ch. Bizhoev.

Key words: literary Kabardino-Circassian language, Circassian language, layer formation, affixes, prefixes, suffixes

For citation: Afaunova A.A. Characteristic word-formation methods of the Circassian language based on prefixes and suffixes in comparison with the literary Kabardino-circassian language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 226-238. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-226-238. EDN: PQCMSU.

© Afaunova A.A., 2026
© Caucasology, 2026

Научная статья

ХАРАКТЕРНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ЯЗЫКА ЧЕРКЕСОВ НА ОСНОВЕ ПРЕФИКСОВ И СУФФИКСОВ ПО СРАВНЕНИЮ С ЛИТЕРАТУРНЫМ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИМ ЯЗЫКОМ

Анджела Анатольевна Афаунова
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук», Нальчик, Россия, martazei@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7560-6985

Аннотация. В статье представлены итоги анализа речи черкесов в сравнительном аспекте с литературным кабардино-черкесским языком. Цель статьи − обнаружение отличитель-

ных характеристик и выявление уникальных словообразовательных способов черкесского варианта языка. Для этого произведен обзор работ лингвистов, которые так или иначе затрагивали данную тему и, в связи с тем, что имеющиеся труды были подготовлены на базе материалов, собранных несколько десятилетий назад, нами произведен опрос носителей языка, проживающих на территории Карачаево-Черкесской Республики для сбора нового полевого материала. При подготовке статьи применены такие методы лингвистических исследований, как полевой метод, наблюдение, описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы.

Установлено, что в большинстве случаев речь черкесов и литературный кабардино-черкесский язык совпадают, но имеют некоторые расхождения, появившиеся в результате отчужденного друг от друга развития и тесного соседства и сотрудничества с различными народами. В работе доказано, что, несмотря на то, что оба варианта представляют собой единый язык, в речи черкесов обнаруживаются некоторые отличительные способы использования префиксов и суффиксов в сравнении с литературным языком: замена одних словообразовательных форм другими, усечение, наращение и т.д.

В исследовании используется новый полевой материал, собранный автором статьи 2023 году на территории проживания черкесов. При подборе респондентов учитывались место жительства, пол, возраст, образование собеседника. В дополнение к этому, данный текст написан на основе новой лингвистической терминологии кабардино-черкесского языка, разработанной доктором филологических наук Бижоевым Б.Ч.

Ключевые слова: литературный кабардино-черкесский язык, речь черкесов, словообразование, аффиксы, префиксы, суффиксы.

Для цитирования: Афаунова А.А. Характерные словообразовательные методы языка черкесов на основе префиксов и суффиксов по сравнению с литературным кабардино-черкесским языком // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 226-238. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-226-238. EDN: PQCMSU.

© Афаунова А.А., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Хэзыгъэгъуазэ

Къэбэрдей адыгэхэмрэ шэрджэс адыгэхэмрэ яIурылъыр зы бзэщ, «къэбэрдей-шэрджэсыбзэ» и фIэщыгъэцIэу. Абы къыхэкIкIи еджапIэхэм зэрыщрагъаджэр къэбэрдей-шэрджэсыбзэмкIэ къыдэкIа еджалъэхэрщ. Ауэ щIыпIэ зырызым зэрыщыпсэум, лъэпкъ къадэпсэухэм я бзэм ижь къызэрыщIихум къыхэкIкIэ, щхьэхуэныгъэ гуэрхэр къыхэмыхуэу къэнакъым, псом хуэмыдэу лексикэм. Ар щэнхабзэм, псэукIэм, экономикэм, гъащIэм и нэгъуэщI лъэныкъуэхэм епхащ. Шэрджэсыбзэр езым и зыужьыкIэ зэриIам къэбэрдеибзэм хэмыт щытыкIэ зэмылIэужьыгъуэхэр иригъэгъуэтащ, е пасэрей адыгэбзэм и нэщэнэу щыта гъэпсыкIэ гуэрхэри щыхъума хъуащ.

Япэ дыдэ шэрджэсхэм я бзэм гу лъитащ Лопатинскэ Г.Ф., абы къыхигъэщащ бзитIым зэщхьэщыкIыныгъэ гуэрхэр зэраIэр икIи псэлъэкIэ нэщэнэхэр дилъэгъуащ [Лопатинский 1896: 266]. 1930 гъэхэм Яковлев Н.Ф., адыгэ щIыпIэбзэхэм я щхьэхуэныгъэхэр щызэпкърихым, шэрджэсыбзэр псыжь-адыгэбзэ псэлъэкIэу игъэбелджылащ [Яковлев 1928: 119].

Ашхамаф Д.А. «Краткий обзор адыгейских диалектов» тхылъым япэ дыдэу шэрджэсхэм я бзэр щIыпIэбзэу къыщигъэлъэгъуащ; «шэрджэс-къэбэрдей», икIи

«псыжь-адыгэ» фIэщыгъэхэр иритащ [Ашхамаф 1939: 7], ауэ кууэ тепсэлъыхьакъым.

Бзэхабзэ, лексикэ илъэныкъуэкIэ шэрджэсыбзэр къэбэрдеибзэм къызэрыщхьэщыкIым и щытыкIэ зэмылIэужьыгъуэхэр къыхигъэщауэ щытащ Къумахуэ М.I., икIи шэрджэсхэм я бзэр псэлъэкIэ щхьэхуэу къибжащ [Кумахов 1957: 7].

Фонетикэм, бзэхабзэм, лексикэм, псалъэуха ухуэкIэм епха щхьэхуэ-ныгъэхэр Багъы П.М. и монографием щызэпкърихащ. ЩIэныгъэлIым и лэжьыгъэм япэ дыдэ шэрджэсыбзэмрэ къэбэрдеибзэмрэ я лексикэр щызэригъэпщэну яужь итащ [Багов 1968; Багов 1969]. Абы шэрджэсыбзэм псэлъэкIэу тху къыхигъэщхьэхукIащ, «псыжь-инжыдж псэлъэкIэхэр» фIэщыгъэцIэр ириту: абазакт, псэукIэдахэ, эрсакон, абыкъухьэблэ, хьэбэз. Ахэр макъ къэпсэлъыкIэрщ нэхъыбэу зэрызэщхьэщыкIыу къилъытар. Апхуэдэ гуэ-шыкIэр Тау Хь.Т. и лэжьыгъэми хыболъагъуэ [Таов 2006: 228].

1972 гъэм Къумахуэ З.Ю. къыдигъэкIа и лэжьыгъэм щитхащ шэрджэсхэм езым яIурылъ бзэм ипкъ иткIэ литературэбзэ зэфIэува зэрыхъуар. ИкIи ар къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм и зы лIэужьыгъуэу зэрыщытыр игъэбелджылащ [Кумахова 1972: 24].

Иужьрейуэ шэрджэсыбзэм нэхъ кууэ хэлэжьыхьар Темыр Раещ. Абы и «Лексические особенности речи черкесов» къэхутэныгъэм щызэпкърихащ шэрджэсыбзэм и фонетикэм, лексикэм, псалъэ къэхъукIэм дэплъагъу щхьэхуэ-ныгъэхэр, ахэр къэбэрдеибзэм и щIыпIэбзэхэм, псэлъэкIэхэм, литературэбзэм иригъэпщащ. Абы къыдэкIуэу Темырым статья зыбжани игъэхьэзыращ. Нэхъыщхьэ дыдэу щIэныгъэрылэжьыр зыхуэкIуар мыращ: щIыпIэ зырыз зэрыщыпсэум, я лъэпкъыбзэхэм я гъунэгъу бзэхэм хэлIыфIыхьыныгъэ къахуиIэм къыхэкIкIэ, тхыгъэ куэд я бзэхэмкIэ къызэрыдэкIым, абыхэм ягъуэт гъэпсыкIэм, щхьэхуэныгъэхэм елъытауэ зэдэууэ литературэ бзитI къэунэхуащ – къэбэрдей литературэбзэрэ шэрджэс литературэбзэрэ. Абыхэм бзэм и Iыхьэ псоми хэплъагъуэ езым я екIуэкIыкIэ, нэщэнэгъэлъагъуэ, зыужьыкIэ щхьэхуэхэр яIэжщ [Темирова 1973а: 203-204]. КъэхутакIуэм къыхегъэщыр зы лъабжьэ зиIэ зы бзэм бзитI (къэбэрдеибзэрэ шэрджэсыбзэрэ) къыхэпщIыкIыныр щыуагъэшхуэу, егъэлеяуэ зэран къызыхэкIын Iуэхугъуэу зэрыщытыр.

Адыгэбзэм и бзэ лIэужьыгъуэ псори къызэщIиубыдэу щIыпIэбзэ псалъэхэр зэпкърихащ Бэрбэч Б.Ч. Абы, ипэкIэ къыдэкIа лэжьыгъэхэр и тегъэщIапIэу, шэрджэсыбзэр Къэрэшей-Шэрджэс Республикэм литературэбзэ къалэн щызыгъэзащIэ щIыпIэбзэу къыхегъэщ [Бербеков 1992: 25].

Зи гугъу тщIа лэжьыгъэхэм шэрджэсхэм я бзэр зэм псэлъэкIэу, зэм щIыпIэбзэу, зэми къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и лIэужьыгъуэу бзэщIэныгъэлIхэм къагъэлъагъуэр, литературэбзэм къыщхьэщыкIыу, бзэм и къат псоми зэтемыхуэ-ныгъэ куэд зэрыхэбгъуатэм къыхэкIкIэ. Ахэр зэрагъэхьэзыррэ илъэс пщIы бжыгъэ дэкIащ, икIи, нобэрей щIыпIэбзэджым и хабзэм къызэрытхуигъэувы-мкIэ, шэрджэсыбзэм и иджырей щытыкIэр ягъэбелджылыжыркъым. Ар ди щхьэусыгъуэу 2023 гъэм ар дджыну яужь дихьащ. ЩIыху 40-м щIигъум я псалъэмакъ едгъэтхащ, ахэр транскрипцэ тщIыжащ, къэпсэлъыкIэм иIэ щхьэхуэ-ныгъэ псори нахуэ къэтщIын папщIэ. Къэпсэлъахэм ныбжькIэ илъэс 11-м

къыщыщIэдзауэ илъэс 85-м нэс къызэщIаубыдэ, цIыхубзу – 23, цIыхухъуу – 19, балигъыу 26, еджакIуэу – 16 мэхъу. Гу зылъытапхъэр: шэрджэсыбзэ транскрипцэм къыщыгъэсэбэпащ адыгэ тхыпкъылъэм хэмыт дамыгъэ забжанэ, макъ къагъэлъагъуэр наIуэ къэщIын мурадкIэ: *шь, чI, йы, йа, йэ*, зэпыугъуэ щиIэм (')-р, н. Лэжьыгъэм къыщыхьар ди материалхэм къыхэдгъэбелджылыкIа щапхъэхэрщ. Ахэр цIыху щхьэхуэм и къэпсэлъыкIэу е псоми къызэдагъэсэбэп щытыкIэу щытыфынущ. Къуажэ псори къызэщIэдубыдэну дызэрыхунэмысам къыхэкIкIэ, мыхьэнэ зиIэ блэдмыгъэкIын папщIэ, текстхэм къыхэдгъэщхьэхукIа ухуэкIэхэр къыдогъэлъагъуэ.

Iыхьэ нэхъыщхьэр

Шэрджэсхэм я бзэм ущыкIэлъыплъкIэ гу лъыботэ лексикэм ехьэлIа къыщхьэщыкIыныгъэхэр шэрджэсхэм я нэхъыбэм я зэдайуэ зэрыщытыр. Макъ къэпсэлъыкIэ, бзэхабзэм и ухуэкIэ щхьэхуэхэм я Iуэхур нэгъуэщIщ.

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм нэхъ гу зылъыуигъатэу, и зэхэлъыкIэкIэ нэхъ гугъуу хэт псалъэ лъэпкъыгъуэр, дауикI, лэжьыгъэцIэращ. Зы псалъэм къызэщIиубыдэфынущ мыхьэнэ зиIэ, къалэн щхьэхуэ зыгъэзащIэ морфемэ зыбжанэ: щхьэ, бжыгъэ, мыхъуныгъэ, арэзыгъэ, упщIэныгъэ, щIыпIэ, лъэныкъуэ гъэпсыкIэхэр, тешэ категориер, н. ЛэжьыгъэцIэм и псалъэщI Iэмалхэр нэхъыбэм къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и бзэ лIэужьыгъуэ псоми щызэтохуэр. Ауэ зи гугъу тщIа щхьэусыгъуэхэм япкъ иткIэ, зэщхьэщыкIыныгъэ гуэрхэр къыхэмыхъуэныр фIэщщIыгъуейщ. Шэрджэсыбзэмрэ къэбэрдей литературэбзэмрэ щIыпIэ зырызым зэрызэщаужьам и Iэужьу зэтемыхуэныгъэ зыбжанэ къыхэбгъэбелджылыкIыфынущ. Ахэр епхащ лъабжьэпэхэм, лъабжьэужьхэм я къэгъэсэбэпыкIэм.

Лъабжьэпэхэр

Лъабжьэпэр – ар псалъэпкъым и пэ къиувэу псалъэм и мыхьэнэр е и формэр зыхъуэжыф морфемэщ. Шэрджэсыбзэм зэрыхэтлъэгъуащи, лъабжьэпэхэм литературэбзэм емыщхь къэгъэсэбэпыкIэ щаIэщ. Псалъэм папщIэ, убгъуауэ бзэм ущрохьэлIэр ахэр псалъэм хэтын хуэмейуэ щыпыхъуа щапхъэхэм: *Йы къуэм йы гъуысахэри щыхьэту къагъэуыври хьэкъыпIэчIэ зэрыарар щыхьэту* ***щытеуывэм*** *абычIэ лъыщIэжь Iуохуыр йагъэтIылъауэ щытащ* (Къэзэнокъуэ В.) (И къуэм и гъусахэри щыхьэту къагъэуври хьэкъыпIэчIэ зэрыарар щыхьэту **щыувым** абыкIэ лъыщIэж Iуэхур ягъэувыIауэ щытащ); *Лъэтеуывэ Iуохуыгъуэм* ***сыкъытепсэлъыхьыну*** *сыхует* (Джэмырзэ I.) (Лъэтеувэ Iуэхугъуэм **сытепсэлъыхьыну** сыхуейт).

НэгъуэщI ухуэкIэу псалъэм лъабжьэпэ хэтын хуейхэр щыдэгъэхуауи ущыхуэзэфынущ, ауэ апхуэдэхэу дгъэбелджылар куэдкIэ нэхъ мащIэщ (Куэш-Хьэблэ, Ботэщей, Хьэбзэ къуажэхэм): *ХыщIрэ зы гъэм къэзухщ,* ***къэкIуэжри*** *Ботэщей школым лэжьэн щыщIэздза* (Брат Ф.) (ХыщIрэ зы гъэм къэзухщ, **сыкъэкIуэжри** Ботэщей школым лэжьэн щыщIэздзащ); *Нэхъ сыздихьэх'у нэхъ сыкъызэрыхъу,* ***цIыкIу*** *лъандэрэ нэхъ сыздихьэх'у щытыр шахмэт джэгуныращи, нобэр къыздэсым йычIи турнир гуэрэ щыIэми сокIуэри соджэгу* (КIытIэ А.) (Нэхъ сыздихьэхыу нэхъ сыкъызэрыхъу, **сызэрыцIыкIу** лъандэрэ нэхъ сыздихьэхыу щытыр шахмэт джэгунращи, нобэр къыздэсым икIи турнир гуэр щыIэми

сокIуэри соджэгу); *Йыджы мы къезбжэчIахэм йащыщу тIэкIу нэхъ кууэ зи тхыдэ* ***щIэспщычIыфахэм*** *тIэкIу сакъытепсэлъыхьынут* (Къэзэнокъуэ В.) (Иджы мы къезбжэкIахэм ящыщу тIэкIу нэхъ кууэ зи тхыдэ **щIэспщытыкIыфахэм** тIэкIу сакъытепсэлъыхьынут).

Лъэныкъуэ къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэпэхэу литературэбзэм тIу хэтщ: **къэ** – псалъэр жызыIэм хуэгъэзар, **нэ** – псалъэр зыжраIэм хуэунэтIа лъэныкъуэр ягъэбелджылы. Литературэбзэм и хабзэмкIэ мы лъабжьэпитIыр зы псалъэм щызэхуэзэркъым, зэпэщIэуэ мыхьэнэ зэраIэм къыхэкIкIэ. Шэрджэсыбзэм мыбы-хэм нэгъуэщI гъэпсыкIэ щагъуэт: *Йа уынэм къыщIэдзауэ йы ныбжьэгъухэм, сэ сщIэрэ, къэзыцIыху сытхэм, щIалэхэм йыуычIурэ къашэжт щIалэр, йа де* ***къынэмыс*** *щIычIэ* (Къантемыр А.**)** (Я унэм къыщыщIэдзауэ и ныбжьэгъухэм, сэ сщIэрэ, къэзыцIыху сытхэм, щIалэхэм яукIыурэ къашэжт щауэр, я деж **нэмыс** щIыкIэ); *Нысэшыж махуэр* ***къынэсмэ****, нысэр къащэхуыжри пшьынауэчIэ уынэм къыщIаш* (Къэзанокъуэ Б.) (Нысэишыж махуэр **къэсмэ**, нысэр къащэхужри пшынауэкIэ унэм къыщIашыр).

Нэхъыбэрэ узрихьэлIэ гъэпсыкIэхэм ящыщщ литературэбзэм щIыпIэ къэзыгъэлъагъуэ и **щы-** лъабжьэпэм шэрджэсыбзэм **здэ-** лъабжьэпэр къыпэхъуу: ***Сыкъыздэхъуар*** *Кисловодск, ауэ си гъащIэ псом мыде Черкеск* ***сыздэпсоуар*** (Къантемыр А.) (**Сыкъыщалъхуар** Кисловодскщ, ауэ си гъащIэ псом мы Черкеск дежщ **сыщыпсэуар**); *Мы къуажьэращ* ***сыкъыздэхъуари****, мы къуажьэращ* ***сыздэлажьэри*** (Абдокъуэ Ф.) (Мы къуажэращ **сыкъыщалъхуари**, мы къуажэращ **сыщылажьэри**).

Зеикъуэ къуажэм щыщ цIыхуищым я псэлъэкIэм къыхэдгъуэтащ щыпIэ мыхьэнэ зиIэ лъабжьэпэ **щ**-р дэгъэхуауэ, **здэ-** лъабжьэпэри хэмыту къапсэлъу: *Сэ сы-Альборэ Малик, йэпIлIанэ класым* ***соджэ****, Зейыкъуэ школэм* (Альборэ М.) (Сэ сы-Альборэ Маликщ, еплIанэ классым **сыщоджэ**, Зеикъуэ школым); *Сэ* ***соджэ*** *Зейыкъуэ куырыт йэджапIэм* (Къэзанокъуэ Б.**)** (Сэ **сыщоджэ** Зеикъуэ курыт еджапIэм).

Нэхъ мащIэрэ ущыхуозэр къыкIэлъыкIуэ ухуэкIэхэм:

1) **чIэры- // бгъэдэ- (**е **Iу-)**: *Зей [си дэлъхур] здэщыс стIолым* ***сычIэрытIысхьакъым*** (Шэрджэс Д.) (Зей [си дэлъхур] здэщыс Iэнэм **сыбгъэдэтIысхьакъым** е Зей [си дэлъхур] здэщыс Iэнэм **сыIутIысхьакъым**);

2) **те- // дэ-** («зэманыр блэкIын» мыхьэнэ иIэу): *Йэуэри, зэман* ***течIауэ,*** *зы благъуэ зы къуажьэм къатеуэри, йапэри йыубыдауэ, нэмыIэсыфу псым, апхуэду щыта йа Iуохуыр* (Щымырзэ Къ.) (Еуэри, зэман **дэкIауэ,** зы благъуэ зы къуажэм къатеуэри, я псыри иубыдауэ, нэмысыфу псым, апхуэдэу щыта я Iуэ-хур);

3) **з- // сы-**: *Си IэщIагъэмчIэ йылъэсищ сылэжьа нэуыжь, мидицинэр IэщIыб сщIыри праграмированийэм* ***хуезджэн*** *щIэздзащ* (ДыщэкI З.) **(**Си IэщIагъэмкIэ илъэсищ сылэжьа нэужь, медицинэр IэщIыб сщIыри программированием **сыхуеджэн** щIэздзащ);

4) **ху[ы]- // ры-**: *Мыдре тIур къэуыIэбжьхэри къыщIэпхъуа щхьэчIэ* ***хуыщIэмыхьэфу****, щIэрымыхьу а мыщэр хэлъэдэжа мэзым ...* (Щымырзэ Къ.) (Мыдрей тIур къэуIэбжьхэри къыщIэпхъуа щхьэкIэ **щIэрымыхьэфу**, щIэрымыхьэу а мыщэр хэлъэдэжащ мэзым ...);

5) **блэ- // дэ-**: *Куэд **блэчIа**, ауэ зэгуэрэм бгитIыр зэдэгъуысу щытащ* (Хьэмзэт Д.) (Куэд **дэкIащ**, ауэ зэгуэрым бгитIыр зэгъусэу щытащ);

6) **те- // хэ-**: *Абы **къытечIчIэ** сызэрыцIыкIрэ адыгэбзэ хьэрыфхэмрэ псалъэхэмрэчIэ сфIэгъэщIэгъуэн хъуурэ ахэр зэзгъэщIухуахэщ* (Къэзэнокъуэ Б.) (Абы **къыхэкIкIэ** сызэрыцIыкIурэ адыгэбзэ хьэрфхэмрэ псалъэхэмрэ сфIэгъэщIэгъуэн хъуурэ ахэр зэзгъэщIахэщ);

7) **мэ- // щ-**: *Си анэри тучаным де **мэлажьэ*** (Браныкъуэ Э.) (Си анэри тыкуэным **щолажьэ**);

8) **зэры- // я(йа)-**: *ЩIалэгъуалэм тэрэз гуэрэ **зэражьесIэну** сфIэфIщ* (ПIэпшу З.) (ЩIалэгъуалэм тэмэм гуэр **яжесIэну** сфIэфIщ);

9) **рэ- // пэ-**: *Апхуэду пIалъэ гуэрэ **зыIэрахри**, Хьэсанэ дахуэдизу къэмыплъами, жъэмыхьэтым йы уынафэм йэмыбэкъуэфу йыгъэзэжъа* (Къэзэнокъуэ В.) (Апхуэдэу пIалъэ гуэр **зыIэпахри**, Хьэсанэ дапхуэдизу къэмыплъами, жэмыхьэтым и унафэм емыбэкъуэфу игъэзэжащ).

КъыщхьэщыкIыныгъэ ядыболъагъу щхьэ лъабжьэпэхэм я къэгъэсэбэпыкIэми. Багъы П.М. и лэжьыгъэм къыщыхигъэщат етIуанэ щхьэм и щхьэ лъабжьэпэр лэжьыгъэцIэм щыпыувэм **у**-м и пIэкIэ убгъуауэ шэрджэсыбзэм **б** макъ дэкIуашэр къызэриувэр [Багов 1968: 71]. Иджырей материалхэм апхуэдэ щапхъэу къахэдгъуэтар зы закъуэщ, ари зы цIыхум и псэлъэкIэм зы псалъэухам и кIуэцIкIэ гъэпсыкIитIри къыщигъэсэбэпауэ: «*Фыз Iуохуыр **бощIэ, уопщIэри уыхэт, сыт***» (Къардэн А.).

Щхьэ лъабжьэпэм и щхьэхуэныгъэу нэхъыбэу узрихьэлIэр ар лэжьыгъэцIэ псалъэпкъым щыпыувэм **ы** макъзешэр хъума зэрыщыхъурщ: *ТIуми зэхэту адыгэ фащэм йы прэект гуэр **дыщIри** зэщитэ хуэду диIэжа* (Гюнеш Ф.) (ТIуми зэхэту адыгэ фащэм и проект гуэр **тщIыри** зэщитэ хуэдэу диIэжащ); ***ФыщI** сфIощI фэри?* (Къэзэнокъуэ В.) (**ФщIы** сфIощI фэри?). Апхуэдэ къэгъэсэбэпыкIэр убгъуауэ шэрджэсыбзэм хэтлъэгъукIащ, къэпсалъэр къуажэ здыщыщ, и ныбжь емылъытауэ. Ахэр лIэужьыгъуищу бзэм къыщохъур, литературэбзэм ебгъапщэмэ:

1) **ы** макъзешэр дэбгъэхумэ, литературэбзэ гъэпсыкIэм хуокIуэр:

шэрдж.	**лит.**
*сэ **сы**фIэфIщ*	*сэ **с**фIэфIщ*
***фы**щIыркъэ фэ*	***ф**щIыркъэ фэ*

2) **ы** макъзешэр дэхумэ, щхьэ лъабжьэпэм хэт макъ дэкIуашэр ещхь хъуныгъэ гъэпсыкIэм ипкъ иткIэ макъ дэкIуашэ дэгум е макъ дэкIуашэ пIытIам хуокIуэр, зыбгъэдэувэ макъым елъытауэ:

шэрдж.	**лит.**
***д**ыцIыхуыжын*	***т[I]**цIыхужын*
***д**ышхын диIэ*	***т**шхын диIэщ*
***б**ыщIэкъым*	***п[I]**щIэркъым*
***б**ыцIыхухэр*	***п[I]**цIыхухэр*

3) шэрджэсыбзэм макъзешэ **ы**-р лъабжьэпэм и Іыхьэу хэувэмэ, литературэбзэм ар псалъэпкъым хохьэр:

шэрдж.	**лит.**
*Хьэбэз псэлъэчІэ с**ы**щІмэ*	*Хьэбэз псэлъэкІэ сщІ**ы**мэ*
*с**ы**щІщ аби*	*сщІ**ы**щ аби*
*прэект гуэр д**ы**щІри*	*проект гуэр т[І]щІ**ы**ри*
*д**ы**щІкъым*	*т[І]щІ**ы**ркъым*

Литературэ бзэхабзэм ипкъ иткІэ лэжьыгъэр зыгъэзащІэм е ар зытехуэм я щхьэ бжыгъэр лэжьыгъэцІэм щыгъэбелджылауэ, псалъэпкъым хэувэ морфемэр абы хуэкІуэу щытын хуейщ. Псалъэм папщІэ, *ИтІани сыщыцІыкІуам ди деж си адэми си анэми сыр**а**гъэсахэщ* псалъэухам *сырагъэсахэщ* лэжьыгъэцІэм лъабжьэм къыбгъэдэт макъзешэ **а**-р ещанэ щхьэм и куэд бжыгъэм и морфемэщ. Шэрджэсыбзэм абы къыщыпохъу: *ТІани сыщыцІыкІам ди деж си адэми си анэми сыр**и**гъэсахэщ* (Браныкъуэ Э.). ЖыІэгъуэм къызэригъэлъагъуэмкІэ, лъабжьэм ипэ къиувэ **и**- макъзешэр ещанэ щхьэм и закъуэ бжыгъэм и морфемэщ, ауэ куэд бжыгъэм и лъабжьэужь **хэ**-р лэжьыгъэцІэ псалъэ лъабжьэм къыпыуващ. Абы ещхьщ: *Йапэм зэрахьэ хабзэхэм мыхьэнэ гуэр **йы**Іэт, куыпІщІэ гуэр **йы**Іэт, гуыпщысэ гуэр хэлъат* (Шыбзыхъуэ Р.) псалъэухар. Мыбы *хабзэхэм* псалъэр куэд бжыгъэм итщ (абы и щыхьэтщ куэд бжыгъэм и лъабжьэужь -*хэ*-р), ауэ *иІэт* лэжьыгъэцІэм хэт **и(йы)**- лъабжьэпэм игъэбелджылыр закъуэ бжыгъэщ. Литературэбзэм и хабзэмкІэ абы игъуэтын хуеящ къыкІэлъыкІуэ ухуэкІэр: *Япэм зэрахьэ хабзэхэм мыхьэнэ гуэр **я**Іэт, купщІэ гуэр **я**Іэт, гупсысэ гуэр **я**хэлъат.* Апхуэдэ щапхъэу дызрихьэлІар мащІэщ.

НэгъуэщІ щхьэхуэныгъэу зы цІыхум и псэлъэкІэм къыхэдгъэбелджылыкІащ мыблагъэ объектым и куэд бжыгъэ лъабжьэгъусэр лэжьыгъэцІэм пыувауэ, литературэбзэм и ухуэкІэм къыщхьэщыкІыу: *ТыркуыбзэчІэ факъыдеджэ, ф**а**псалъэ [сабийхэм]* (Гюнеш Ф.); *СфІэгъэщІэгъуэну с**а**дэІуа, с**а**плъа [Тыркум щыпсэу адыгэхэм]* (Гюнеш Ф.). Мыбыхэм литературэбзэм и хабзэмкІэ яІэн хуей гъэпсыкІэр: *ТыркубзэкІэ факъыдеджэ, ф**е**псалъэ [сабийхэм]*; *СфІэгъэщІэгъуэну с**е**дэІуащ, с**е**плъащ [Тыркум щыпсэу адыгэхэм]*.

Иджыри зы ухуэкІэу ещанэ щхьэм и морфемэу лэжьыгъэцІэм хэувэ **е**-м и пІэкІэ пычыгъуэ **ай** щыхэувэ щыІэщ, куэд бжыгъэ мыхьэнэр игъэбелджылыуэ: *Сэ зей уырысыбзэчІэ с**ай**псалъэкъым, йычІи с**ай**псэлъэну си мурадкъым [унагъуэм щІэсхэм]* (Брат Ф.) (Сэ зэи урысыбзэкІэ с**е**псалъэркъым, икІи с**е**-псэлъэну си мурадкъым [унагъуэм щІэсхэм]); *Арати хъуытэкъыми йа Іуохуыр цІыхуыр къ**ай**лъэІуа [Батыр]* (Щымырзэ Къ.) (Арати, хъуртэкъыми я Іуэхур, цІыхухэр къ**е**лъэІуащ [Батыр]); *[Шэрджэсым Іэпхъуа адыгэхэр] Мо Уырысе къ**ай**зауэм зыщахъуымэн щхьэчІэ, йа хэкуыр йамыбгынэжыпу, ... мыбдежым къэкуэшауэ щытахэ* (Шыбзыхъуэ Р.) ([Шэрджэсым Іэпхъуа адыгэхэр] Мо Урысей къ**е**зауэм зыщахъумэн щхьэкІэ, я хэкур ямыбгынэжыпэу, ... мыбдежым къэІэпхъуэжауэ щытахэщ); *«Мылъку къэдугъуейар цІыхухэм щ**ай**дгъэлъэгъуын*

гъуэтыгъуэ дихуа», – жаIуура? (Шыбзыхъуэ Р.) («Мылъку къэдугъуеяр цIыхухэм щ**е**дгъэлъэгъун гъуэтыгъуэ дихуащ», – жаIэу ара?) жыIэгъуэхэр.

Лъабжьэужьхэр

Лъабжьэужьхэр – ар псалъэпкъым яужь иту къакIуэ морфемэщ. Лъабжьэпэм елъытауэ, лъабжьэужьхэм къыщхьэщыкIыныгъэ хэдгъуэтар фIыуэ нэхъ мащIэщ. Псалъэм папщIэ, псалъэпкъым литературэбзэм къимыгъэсэбэп лъабжьэужь щыпыхъуауэ урохьэлIэр къыкIэлъыкIуэ жыIэгъуэхэм: *Сыт щыгъуи**кIи**, ... цIыху Iэджи гуыщыIэреуэ дэсахэ, IуэрыIуэдзх'у, джэгуырех'у* (Абдокъуэ Ф.**) (**Сыт щыгъуи, ... цIыху Iэджи гушыIэрейуэ дэсахэщ, IуэрыIуэдзхэу, джэгурехэу); *АпщIэндэхуычIэ**мчIэ** рис лъэсар къэбзабзу, псы хуыжьыр щIэчIыхучIэ йалъэсри, ар йагъэхьэзыр* (Ашыбокъуэ Ф.) (АпщIондэхукIэ прунж лъэсар къэбзабзэу, псы хужьыр щIэкIыхукIэ ялъэсри, ар ягъэхьэзыр); *Схуэдизы**шхуэ** къэбджа хуэду къыпщымыхъуми, лэжьэн щыщIэбдзэм де псори къыптохьэлъэ* (Гюнеш Ф.) (Сыт хуэдиз къэбджауэ къыпщымыхъуми, лэжьэн щыщIэбдзэм деж псори къыптохьэлъэ).

Зы цIыхум и псэлъэкIэм дыщрихьэлIащ щыIэныгъэ мыхьэнэ зыгъэзащIэ лъабжьэужь-копулэ **щ**-м и пIэ **й** макъ дэкIуашэ иувауэ: шэрдж. *седжа**й*** – лит. *седжа**щ***; шэрдж. *къэзуха**й*** – лит. *къэзуха**щ***; шэрдж. *къуажэра**й*** – лит. *къуажэра**щ***. Псалъэм папщIэ: *Школэр къэзухри институт Харков де университетым седжа**й**, йыщхьэ щIэныгъэ сиIэ* (КIытIэ А.) (ЕджапIэр къэзухри Харьков дэт университетым сыщеджа**щ**, ищхьэ щIэныгъэ сиIэщ). Мыпхуэдэ къэгъэсэбэпыкIэм ущрохьэлIэр къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и псэлъэкIэ щхьэхуэхэм.

Шэрджэсыбзэм теухуауэ ипэкIэ къыдэкIа лэжьыгъэхэм авторхэм къыщыхагъэщащ щымыIэныгъэ къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэужь **-къым**-р литературэ-бзэм хуэкIуэу къызэрапсэлъыр, ауэ языныкъуэ къуажэхэм абы хыхьэ тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэ **къ**-м и пIэкIэ **I** тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэр е мы лъэбжьэужьым хэт макъзешэ **ы**-м и пIэ макъзешэ кIэщI **э**-р иувэу къыщыкIуэу [Багов 1968: 76; Темирова 1975: 31]. Ауэ иджырей материалхэм дыщыхэплъэкIэ, апхуэдэ къэгъэсэбэпыкIэ дыщрихьэлIэркъым. Къэпсэлъахэм я бзэм къыщагъэсэбэпыр литературэбзэм и **-къым** лъабжьэужьырщ: *Школэми тхуы нэхъ мащIэ **къэсхьакъым** абыхэмчIэ зейычI* (КIытIэ А.) (Школми тху нэхъ мащIэ **къэсхьакъым** абыхэмкIэ зей); *Бжьын плъыжь, фIыцIэри **йадэкъым**, ар къыхэщыну [шхыным], жьаIэри* (ДыщэкI Р.) (Бжьын плъыжь, фIыщIэри **ядэркъым**, ар къыхэщынущ [шхыным], жаIэри).

-Къым лъабжьэужьым къищынэмыщIауэ Алий-Бердыкъуэ щыщ зы цIыхум и бзэм **-къымэ** лIэужьыгъуэр хэтлъэгъукIащ: *ЩыIэ**къымэ** мыхъуанэ, зыгуэрми жиIау, зимыIэ ахуэдэ* (Пхъэш А.) (ЩыIэ**къым** мыхъуанэ, зыгуэрми жиIауэ, зимыIэ апхуэдэ).

Шэрджэсхэм я бзэм щыхьэт техъуэ-упщIэ мыхьэнэ зиIэ **-къэ** лъабжьэгъусэм убгъуауэ ущрохьэлIэр. Мыпхуэдэ ухуэкIэр литературэбзэм къызэригъэсэбэп щIагъуэ щыIэжкъым: *Дадэ, зы хъыбар гуэрэ уи гъащIэм теуыхуауэ къызжепIэ**къэ**?* (Бэрэныкъуэ А.) (Дадэ, зы хъыбар гуэрэ уи гъащIэм

теухуауэ къызжеIэ); *ЦIыхуым йы Iэпкълъэпкъхэм щыщ зыгуэрэ къыд'жьефIэ**къэ***? (ПIэпшу С.) (ЦIыхум и Iэпкълъэпкъхэм щыщ зыгуэр къыджефIэ). Мы лъабжьэгъусэм мащIэрэ ущыхуэзэфынущ къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и псэлъэкIэ щхьэхуэхэм, ауэ **къ** тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэ пIытIам и пIэ **I** тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэр иувауэ.

Литературэбзэм и къэкIуэну щыз зэман лъэбжьэужь **ну**-м и пIэкIэ **-нэ** лIэужьыгъуэр къыщапсэлъу цIыхуитIым я псэлъэкIэм къыхэдгъуэтащ. Ауэ апхуэдэ къэгъэсэбэпыкIэр а тIум я бзэм убгъуауэ къыщыкIуэу пхужыIэнукъым. Къэпсэлъахэм ящыщ зым и псалъэмакъым къызэрыхигъэщамкIэ, Хьэбэз щы-псэухэм нэхъыбэм жаIэр **-нэ** ухуэкIэрщ: *Хьэбэз псэлъэчIэ сыщIмэ, зэрыжьысIэ**н**ытэри: «лэжьапIэ сыкIуэ**нэ**» жьысIы**ну**т* (Шэрджэс Д.) (Хьэбэз псэлъэкIэ зысщIмэ, зэрыжысIэнутэри: «лэжьапIэ сыкIуэнэ» жысIэ**ну**т); *Сэ сызэрыпсэлъэ**нэр**, зэрызгуэшыр, ... дэ беслъынем дыщыщу солъытэ сэ йыджысту* (Адэмокъуэ А.) (Сэ сызэрыпсэлъэ**ну**р, ... дэ беслъэнейм дыщыщу солъытэ сэ иджыпсту).

Мы морфемэр убгъуауэ Хьэбэз, Жьакуэ, Хъумэрэ, Эрсакон къуажэхэми къыщагъэсэбэпу Багъы Петрри Темыр Раи къыхагъэщат [Багов 1968: 77; Темирова 1973b: 177], ауэ материалыщIэм къызэригъэлъагъуэмкIэ, литературэбзэм и гъэпсыкIэрщ дызэпсэлъахэм нэхъыбэм я бзэм къыщыкIуэр: *«Къипчыфы**ну**?», – жьери [мыщэм], [Батыр] къыричыфакъым аргуэру* (Къардэн С.) («Къипчыфы**ну**?», – жиIэри [мыщэм], [Батыр] къыричыфакъым аргуэру). Гу лъытапхъэщ, къэкIуэну зэманым и **нэ-** лъабжьэужьыр литературэбзэм и **ну**-м къыпэхъуу убгъуауэ мэздэгу адыгэхэм я псэлъэкIэм хэтщ.

ЛэжьыгъэцIэ хъейхэм щымыIэныгъэ лъабжьэужь **-къым** щапыувэм хъеиныгъэм и нэщэнэ къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэгъусэ **-р**-р пымыту шэрджэсыбзэм къыщагъэсэбэп. Апхуэдэ гъэпсыкIэр убгъуауэ къыщокIуэр къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и щIыпIэбзэ, псэлъэкIэ псоми: *Ди адэм тхыгъэ нысхуитхат, апщыгъуэм телефончIэ апхуэду зэпсалъэтэкъым* (Адэмокъуэ А.) (Ди адэм тхыгъэ нысхуитхат, абы щыгъуэм телефонкIэ апхуэдэу зэпсалъэ**р**тэкъым); *Псэлъэ леи хэдгъэуывэкъым* (Шэрджэс Д.) (Псэлъэ леи хэдгъэуывэ**р**къым).

Мы лъабжьэгъусэм дыщрихьэлIар цIыхуитIым я псэлъэкIэрщ. Ари къызэрагъэсэбэпар зэрызэщ: *Тэрэзу уыдгъэсакъым, си щыпхъу, мы гъащIэм уыхуэхьэзы**р**къым* (Шэрджэс Д.) (Тэмэму удгъэсакъым, си шыпхъу, мы гъащIэм ухуэхьэзы**р**къым); *Мис ари къызгуырыIуэ**р**къым сыт апхуэду щIыщытын щIыхуер* (Шыбзыхъуэ Р.) (Мис ари къызгурыIуэ**р**къым сыт апхуэдэу щытын щIыхуейр).

Выводхэр

Фи пащхьэ итлъхьа къэхутэныгъэм къызэрыхэщамкIэ, къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэмрэ шэрджэсхэм я псэлъэкIэмрэ зэщхьэщыкIыныгъэшхуэ яIэу ядэплъагъуркъым, «бзитIым» ирипсалъэхэм зэгурымыIуэныгъэ къыхэкIын хуэ-дизу. Лъабжьэгъусэ зэрызэщхьэщыкIыу дгъэбелджылахэр нэхъыбэм къагъэлъа-гъуэ гурыIуэгъуэхэмкIэ мыхьэнэгъу щызэхуэхъу щыIэщ, бзэ лIэужьыгъуэм езым нэхъ къигъэсэбэпырей гъэпсыкIэ зэриIэм фIэкIа.

Лъабжьэгъусэхэм ящыщу зэщхьэщыкIыныгъэ нэхъ зыхэплъагъуэр лъабжьэпэхэм я къэгъэсэбэпыкIэрщ. Ахэр епхащ щхьэ, бжыгъэ къэзыгъэлъагъуэ, псалъэщI Iэмалхэхэм. Лъабжьэпэр щыпыхъуа / щыпыгъэщхъа жыIэгъуэхэри бзэм щыкуэдщ.

Лъабжьэужьхэм ядэплъагъу къыщхьэщыкIыныгъэхэр фIыуэ нэхъ мащIэщ: псалъэм хэмытыпхъэу щыпыхъуа, щыпыгъэщхъа е лъабжьэужьым хыхьэ макъ гуэрхэр щызэхъуэкIа щытыкIэхэрщ.

КЪЭПСЭЛЪАХЭМ Я СПИСОКЫР
СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

1. Абдокъуэ Фатимэ, ПсэукIэ-Дахэ къуажэ, илъэс 65 мэхъу, егъэджакIуэщ.
2. Адэмокъуэ Альберт, Черкесск къалэ, илъэс 74 мэхъу, щIэныгъэ ищхьэ иIэщ, экономист-математикщ.
3. Алборэ Малик, Зеикъуэ къуажэ (ХьэтIохъущыкъуей), илъэс 12 мэхъу, еджакIуэщ.
4. Ашыбокъуэ Фатимэ, Инжыджышхуэ къуажэ, илъэс 63 мэхъу, пщафIэщ.
5. Бэрэныкъуэ Амар, Куэш-Хьэблэ къуажэ, илъэс 15 мэхъу, еджакIуэщ.
6. Браныкъуэ Элинэ, Зеикъуэ къуажэ (ХьэтIохъущыкъуей), илъэс 15 мэхъу, еджакIуэщ.
7. Брат Фатихь, Ботэщей къуажэ, илъэс 85 мэхъу, щIэныгъэ ищхьэ иIэщ.
8. Гюнеш Фаризэ, Ботэщей къуажэ, илъэс 38 мэхъу, дэрбзэрщ.
9. ДыщэкI (Хьэкъун) Риммэ, Хьэбзэ къуажэ (Къэсейхьэблэ), илъэс 72 мэхъу.
10. ДыщэкI Зули, Хьэбзэ къуажэ (Къэсейхьэблэ), илъэс 40 мэхъу.
11. Джэмырзэ Iэминат, Хьэбзэ къуажэ (Къэсейхьэблэ), илъэс 74 мэхъу, щIэныгъэ ищхьэ иIэщ, егъэджакIуэщ, психологщ.
12. КIытIэ Алий, Хьэбзэ къуажэ (Къэсейхьэблэ), илъэс 73 мэхъу, щIэныгъэ ищхьэ иIэщ.
13. Къантемыр Арсен, Черкесск къалэ, илъэс 27 мэхъу, щIэныгъэ ищхьэ иIэщ.
14. Къардэн Азамэт, Куэш-Хьэблэ къуажэ, илъэс 43 мэхъу.
15. Къардэн Самия, Зеикъуэ къуажэ (ХьэтIохъущыкъуей), илъэс 12 мэхъу, еджакIуэщ.
16. Къэзанокъуэ Беллэ, Зеикъуэ къуажэ (ХьэтIохъущыкъуей), илъэс 15 мэхъу, еджакIуэщ.
17. Къэзэнокъуэ Валентинэ, Куэш-Хьэблэ къуажэ, илъэс 59 мэхъу, щIэныгъэ ищхьэ иIэщ, егъэджакIуэщ.
18. Пхъэш Ахьмэд, Алий-Бердыкъуэ къуажэ (Хьэгъундыкъуей), илъэс 71 мэхъу, щIэныгъэ ищхьэ иIэщ.
19. ПIэпшу Зое, Къэрэпагуэ къуажэ, илъэс 66 мэхъу, ику ит щIэныгъэ иIэщ.
20. ПIэпшу Сулеймэн, Куэш-Хьэблэ къуажэ, илъэс 15 мэхъу, еджакIуэщ.
21. Унэрокъуэ Миланэ, ПсэукIэ-Дахэ къуажэ, илъэс 16 мэхъу, еджакIуэщ.
22. Хьэмзэт Дианэ, Зеикъуэ къуажэ (ХьэтIохъущыкъуей), илъэс 13 мэхъу, еджакIуэщ.
23. Шэрджэс Дарья, Черкесск къалэ, илъэс 67 мэхъу, библиографщ.
24. Шыбзыхъуэ Рузетэ, Зеикъуэ къуажэ (ХьэтIохъущыкъуей), илъэс 39 мэхъу.
25. Щымырзэ Къазбэч, Хьэбзэ къуажэ (Къэсейхьэблэ) (Мейкъуапэ щопсэу), илъэс 40 мэхъу, щIэныгъэ ищхьэ иIэщ.

КЪЭДГЪЭСЭБЭПА ЛИТЕРАТУРЭР
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ашхамаф 1939 – *Ашхамаф Д.А.* Краткий обзор адыгейских диалектов. − Майкоп: Адыгнациздат, 1939. − 20 с.

Багов 1968 – *Багов П.М.* Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. − Нальчик: Типография им. Революции 1905 г., 1968. − 155 с.

Багов 1969 – *Багов П.М.* Кубано-зеленчукские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. − Нальчик: Типография им. Революции 1905 г. 1969. − С. 9-75.

Бербеков 1992 – *Бербеков Б.Ч.* Диалектная лексика кабардинского языка. − Нальчик: Эльбрус, 1992. − 88 с.

Кумахов 1957 – *Кумахов М.А.* К вопросу о классификации адыгских диалектов // Ученые записки Кабардино-Балкарского университета. − Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957. Выпуск 2. − С. 111-121.

Кумахова 1972 – *Кумахова З.Ю.* Развитие адыгских литературных языков. − М.: Наука, 1972. − 280 с.

Лопатинский 1896 – *Лопатинский Л.Г.* Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 21. − Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующаго гражданскою частию на Кавказе К. Козловскаго и И. Мартиросиянца, 1896. − 658 с.

Таов 2006 – *Таов Х.Т.* Диалектология // Кабардино-черкесский язык. Лексика. Фразеология. Диалектология. Устно-поэтический язык. Ономастика. В 2-х томах. Т. 2. − Нальчик: Республиканский полтграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2006. − С. 222-291.

Темирова 1973a – *Темирова Р.Х.* О некоторых особенностях кабардино-черкесского литературного языка // Труды. Серия филологическая. Выпуск VII. − Черкесск: Карачаево-Черкесская областная типография, 1973. − С. 189-204.

Темирова 1973b – *Темирова Р.Х.* Особенности речи черкесов и кубанского диалекта кабардино-черкесского языка // Труды. Серия филологическая. Выпуск VII. − Черкесск: Карачаево-Черкесская областная типография, 1973. − С. 171-188.

Темирова 1975 – *Темирова Р.Х.* Лексические особенности речи черкесов. − Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ, 1975. − 208 с.

Яковлев 1928 – *Яковлев Н.Ф.* Краткий обзор черкесских (адыгских) наречий и языков // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Т. I. − Ростов-на-Дону, 1928. − С. 117-128.

REFERENCES

ASHKHAMAF D.A. Kratkij obzor adygejskih dialektov [A brief overview of the Adyghe dialects]. − Majkop: Adygnacizdat, 1939. − 20 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

BAGOV P.M. Kubano-zelenchukskie govory kabardino-cherkesskogo yazyka [Kuban-Zelenchuk dialects of the Kabardino-Circassian language]. − Nal'chik: Tipografiya im. Revolyucii 1905 g., 1968. − 155 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

BAGOV P.M. Kubano-zelenchukskie govory [Kuban-Zelenchuk dialects]. IN: Ocherki kabardino-cherkesskoj dialektologii. − Nal'chik: Tipografiya im. Revolyucii 1905 g. 1969. − S. 9-75. (In Russian and Kabardino-Circassian)

BERBEKOV B.CH. Dialektnaya leksika kabardinskogo yazyka [Dialectal vocabulary of the Kabardian language]. − Nal'chik: El'brus, 1992. − 88 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

KUMAHOV M.A. K voprosu o klassifikacii adygskih dialektov [On the classification of Adyghe dialects]. IN: Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo universiteta. − Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. Vypusk 2. − S. 111-121. (In Russian and Kabardino-Circassian)

KUMAHOVA Z.YU. Razvitie adygskih literaturnyh yazykov [Development of the Adyghe literary languages]. − M.: Nauka, 1972. − 280 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

LOPATINSKIJ L.G. Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza [A collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus]. Vyp. 21. − Tiflis: Tipografiya Kancelyarii Glavnonachal'stvuyushchago grazhdanskoyu chastiyu na Kavkaze K. Kozlovskago i I. Martirosiyanca, 1896. − 658 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

TAOV H.T. Dialektologiya [Dialectology]. IN: Kabardino-cherkesskij yazyk. Leksika. Frazeologiya. Dialektologiya. Ustno-poeticheskij yazyk. Onomastika. V 2-h tomah. T. 2. − Nal'chik: Respublikanskij poltgrafkombinat im. Revolyucii 1905 g., El'-Fa, 2006. − S. 222-291. (In Russian and Kabardino-Circassian)

TEMIROVA R.H. O nekotoryh osobennostyah kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka [On some features of the Kabardino-Circassian literary language]. IN: Trudy. Seriya filologicheskaya. Vypusk VII. − Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskaya oblastnaya tipografiya, 1973a. − S. 189-204. (In Russian and Kabardino-Circassian)

TEMIROVA R.H. Osobennosti rechi cherkesov i kubanskogo dialekta kabardino-cherkesskogo yazyka [Peculiarities of the speech of the Circassians and the Kuban dialect of the Kabardino-Circassian language]. IN: Trudy. Seriya filologicheskaya. Vypusk VII. − Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskaya oblastnaya tipografiya, 1973b. − S. 171-188. (In Russian and Kabardino-Circassian)

TEMIROVA R.H. Leksicheskie osobennosti rechi cherkesov [Lexical features of Circassian speech]. − Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskij NII, 1975. − 208 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

YAKOVLEV N.F. Kratkij obzor cherkesskih (adygskih) narechij i yazykov [A brief overview of the Circassian (Adyghe) dialects and languages]. IN: Zapiski Severo-Kavkazskogo kraevogo gorskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. T. I. − Rostov-na-Donu, 1928. − S. 117-128. (In Russian and Kabardino-Circassian)

Авторым теухууэ
АфIэунэ А.А. – филологие щIэныгъэхэм я кандидат.
Information about the author
A.A. Afaunova – Candidate of Philological Sciences.
Информация об авторе:
А.А. Афаунова – кандидат филологических наук.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 11.02.2026 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 15.06.2026 гъ.; къытрадзэнущ 29.06.2026 гъ.

The article was submitted 11.02.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Статья поступила в редакцию 11.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-239-250
EDN: QMDOTL

ОСВОЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Хажисмель Чиляниевич Жилетежев
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, hazismel@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6040-9524

Аннотация. В статье анализируется процесс освоения заимствованных общественно-политических слов в кабардино-черкесском языке. Утверждается, что проникновение рассматриваемой группы лексем в кабардино-черкесский язык можно разделить на два этапа: дописьменный, когда большое влияние имели арабо-тюркские заимствования; письменный, во время которого основным источником пополнения стал русский язык. Актуальность данной темы обусловлена тем, что правила, связанные с принципами заимствования общественно-политических лексем в кабардино-черкесском языке, по сей день остаются нерешенными. Поэтому в настоящее время в различных изданиях наблюдается разнобой в правописании заимствованных общественно-политических слов. Для решения данной проблемы автор предлагает создание современного словаря общественно-политических наименований кабардино-черкесского языка. В результате проведенного исследования устанавливаются основные способы освоения общественно-политических наименований и выявляются основные ошибки при реализации данного процесса. В работе использованы описательный и сравнительно-исторический методы исследования.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, общественно-политическая лексика, заимствование, освоение, словарь.

Для цитирования: Жилетежев Х.Ч. Освоение иноязычной общественно-политической лексики в кабардино-черкесском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 239-250. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-239-250. EDN: QMDOTL.

© Жилетежев Х.Ч., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

MASTERING FOREIGN LANGUAGE SOCIO-POLITICAL VOCABULARY IN THE KABARDINO-CHERKESS LANGUAGE

Khazhismel Ch. Zhiletezhev
The Institute of Humanitarian Studies is a branch of the Kabardino–Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, hazismel@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6040-9524

Abstract. The article analyzes the process of assimilation of borrowed socio-political words in the Kabardian-Cherkess language. It is argued that the penetration of the considered group of lexemes into the Kabardian-Cherkess language can be divided into two stages: the pre-written stage, when Arabo-Turkic borrowings had a significant influence, and the written stage, during which the Russian language became the main source of vocabulary. The relevance of this topic is due to the fact that the rules related to the principles of borrowing socio-political lexemes in the Kabardian-Cherkessian language remain unresolved to this day. Therefore, there is currently a discrepancy in the spelling of borrowed socio-political words in various publications. To solve this problem, the author proposes the creation of a modern dictionary of socio-political names in the Kabardian-Cherkessian language. As a result of the conducted research, the main ways of mastering socio-political names are established, and the main errors are identified.

Keywords: Kabardian-Cherkessian language, socio-political vocabulary, borrowing, assimilation, dictionary.

For citation: Zhiletezhev Kh.Ch. Mastering foreign-language socio-political vocabulary in Kabardian-Cherkessian. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 239-250. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-239-250. EDN: QMDOTL.

© Zhiletezhev Kh.Ch., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Необходимым условием для существования любого языка является пополнение его словарного фонда. Одним из главных способов обогащения лексики национальных языков является заимствование. Как в отечественном, так и в зарубежном языкознании встречается большое количество работ, где этот процесс изложен детально. В адыгском языкознании мы наблюдаем другую картину – здесь мало работ по данному вопросу. При этом важно обратить внимание на то, что и в тех немногочисленных исследованиях в основном анализируется общеупотребительная лексика. В то же время нужно отметить, что иноязычная общественно-политическая лексика в словарном фонде кабардино-черкесского языка составляет значительный по объему и содержанию пласт слов, и процесс заимствования происходит постоянно. Актуальность данной работы определяется тем, что многие вопросы, связанные с принципами заимствования общественно-политических лексем в кабардино-черкесском языке, остаются нерешенными. Поэтому в данной работе определены следующие **задачи**:

– провести критический анализ литературы по данной теме;

– установить основные способы и методы освоения иноязычных общественно-политических слов в кабардино-черкесском языке;

– показать основные лексические и орфографические ошибки, которые наблюдаются при усвоении данной группы лексем, определить способы их устранения.

Цель данного исследования – проанализировать лингвистические явления, которые происходят в процессе освоения иноязычных общественно-политических наименований, выявить основные ошибки правописания заимствованных слов.

Теоретическую базу исследования составили работы учёных, которые в течение длительного исторического периода занимались вопросами заимствования: Т.В. Жеребило, Л. П. Крысина, И.В. Арнольда, Л. Деруа, Ж. Марузо, М.Л. Апажева, К.Т. Мамрешева. Предметом исследования является процесс освоения иноязычной общественно-политической лексики в кабардино-черкесском языке.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые всестороннему и критическому анализу подвергаются способы и методы освоения заимствованной общественно-политической лексики в кабардино-черкесском языке. Анализ материала показывает, что данный вопрос является сложным и носит принципиальный характер.

Основная часть

При изучении данного вопроса необходимо рассмотреть определение термина «заимствование» в языкознании. Из большого количества существующих в языкознании его определении мы выбрали несколько примеров.

«Словарь лингвистических терминов» Т.В. Жеребило определяет заимствование как «процесс и результат перехода из одного языка в другой слов, грамматических конструкций, морфем, фонем; самый распространенный вид языковых контактов» [Жеребило 2010: 107].

Известный российский лингвист Л.П. Крысин, который много лет занимался проблемами заимствования, подчеркивает, что «под заимствованием принято считать:

1) переход элементов одного языка в систему другого языка как следствие более или менее длительных контактов между этими языками;

2) слово или оборот, вошедшие в язык в результате такого перехода» [Крысин 1968: 78].

По мнению автора, для проникновения иноязычного слова в другой язык необходимо несколько условий: должна сохраняться графика заимствующего языка на письме, произношение слова должно соответствовать фонетическим нормам языка-реципиента, иноязычные слова должны быть грамматически оформлены и употребляться на различных уровнях языка. Л.П. Крысин полагает, что «иноязычные слова, не удовлетворяющие хотя бы одному из этих требований, не являются заимствованиями» [Крысин 1965: 41].

Более конкретное определение данного явления мы находим в работах И.В. Арнольд. Точка зрения автора выражается в том, что заимствования определяются как «иноязычные слова, измененные фонетически, орфографически, морфологически или лексически в соответствии с законами заимствующего языка» [Арнольд 1986: 252].

В зарубежном языкознании существует достаточно много работ, раскрывающих значение лексемы «заимствование». Французский термин «заимствование», фигурирующий в работах Л. Деруа [Deroy 1980: 18] и Ж. Марузо [Marouzeau 1950: 136], имеет два основных значения: 1) акт заимствования и 2) как заимствованный элемент.

По мнению известного адыгского ученого-лингвиста М.Л. Апажева, невозможно обособленное существование какого-либо народа. Народы и их культура

в процессе своего исторического развития постоянно соприкасаются с другими народами и культурами, при этом коммуницирующие языки испытывают взаимное влияние. По мнению автора, заимствование – это «основная и наиболее распространенная форма языкового влияния одного народа на другой, а также их взаимовлияния и взаимообогащения» [Апажев 2000: 230]. В результате этого процесса происходит пополнение словарного фонда языка, при этом необходимым условием является подчинение иноязычных слов фонетико-грамматическим нормам кабардино-черкесского языка. По мнению М.Л. Апажева, в лексической системе кабардино-черкесского языка видное место занимают «многочисленные иноязычные слова, заимствованные в разное время и по разным причинам кабардинским языком из языков самых различных систем» [Апажев 2000: 230]. Особое место среди них как по количеству, так и по качеству и разнообразию занимают русские заимствования. Большое место среди рассматриваемых лексических единиц занимают общественно-политические слова, общее количество которых превышает более одной тысячи.

Проблемы освоения иноязычных слов в кабардинском языке освещаются в работе К.Т. Мамрешева [Мамрешев 1959]. Автор считает, что любой язык имеет внутренние возможности для своего развития и широко использует заимствованные из разных языков слова. Причинами появления иноязычных слов являются взаимоотношение и взаимосвязь народов, носителей языка. Процесс заимствования К.Т. Мамрешев определяет как «проникновение в язык иноязычных слов и выражений при усвоении его носителями новых понятий, при приобретении ими новых предметов культуры и быта» [Мамрешев 1959: 121-122]. При этом язык не принимает новые слова без каких-либо изменений, а подчиняет их законам заимствующего языка.

Таким образом, следует полагать, что заимствование – это появление иноязычных слов и выражений в лексике кабардино-черкесского языка, которые подчиняются грамматическим законам принимающего языка. В современном языке появление иноязычных элементов в основном происходит письменным путем, хотя бывают и устные заимствования. В лексическом корпусе кабардино-черкесского языка видное место занимают прямые заимствования (например, из русского языка) и косвенные (через посредство русского языка). Заимствования происходят независимо от того, являются ли языки родственными или неродственными. В эпоху распространения магометанской религии в кабардинский язык проникли ранние арабо-тюркские заимствования, а поздние или современные заимствования представлены русскими и интернациональными словами. Большинство заимствований связано с развитием общественно-политической жизни, науки, техники, культуры, экономики и производственных отношений. Отсутствие соответствующего понятия в словарном запасе языка считается главной причиной заимствования иноязычных слов. Многие из них надолго закрепляются в языке, но со временем, потеряв актуальность, переходят в пассивный запас языка. Этот процесс является постоянным.

Термин «заимствование» фиксируется и в словарях кабардино-черкесского языка. Примечательно, что данное слово встречается еще в Политико-термино-

логическом словаря 1951 г.: «Заимствование – къыхэхыныгъэ, къыхэубыдыкIыныгъэ, къытещIыкIыныгъэ» [РКПТС 1951: 34]. Это наименование не имеет общественно-политического значения, но таких терминов, ошибочно включенных в словарь, достаточно много. Следует отметить, что из трех вариантов перевода языком усвоено только «къыхэхыныгъэ». В «Русско-кабардинско-черкесском словаре» 1955 г. у этого термина выявляются два значения: заимствование *с.* 1. (действие) къыхэхыныгъэ; 2. *лингв.* къыхэха, къыхэкIа; **иноязычные заимствования** нэгъуэщIыбзэм къыхэкIахэр *(пс.п. псалъэхэр)* [РКЧС 1955: 215]. Такое же значение этого термина зафиксировано и в современных словарях кабардино-черкесского языка [БРКЧС 2021: 244]. В первом общетерминологическом словаре кабардино-черкесского языка этот термин фиксируется так: «**заимствования** нэгъуэщIыбзэм къикIа *бзэ*. Зы бзэм къикIыу нэгъуэщ1ым хыхьэ псалъэ, псалъэм щыщ Iыхьэ (аффикс) е псалъэ зэпха» [Зекореев 1999: 34]. В словаре лингвистических терминов Б.Ч. Бижоева слово «заимствование» отсутствует, но зарегистрировано словосочетание «**заимствованное слово» -** псалъэ къыхыхьа» [Бижоев 2022: 43].

В ходе исторического развития адыгский народ контактировал со многими народами, в результате чего постоянно происходило языковое взаимодействие. Итогом этих коммуникации стало появление в лексике адыгских языков большого количества арабо-тюркских и русских заимствовании. Это явление продолжается постоянно и непрерывно. Языковой контакт происходит в результате взаимодействия двух или более языков. В современном мире владение двумя языками считается нормой, называемой двуязычием или билингвизмом. Однако не всегда два языка имеют равные возможности. Один язык обычно становится доминирующим и имеет функциональное превосходство во всех сферах использования языка. Такое положение мы наблюдаем в современном кабардино-черкесском языке, где возможности использования русского языка гораздо выше.

В ходе исследования заимствованной лексики языковеды обратили внимание и на ее морфологический состав. Выяснилось, что не все части речи заимствуются одинаково. В конце XIX в. американский лингвист Уильям Уитни составил шкалу, согласно которому «чаще заимствуются существительные, затем глаголы, и, наконец, прилагательные и наречия» [Whitney 1881: 10]. Преобладание имен существительных объясняется тем, что иноязычные слова появляются в языке, в первую очередь, для номинации новых предметов, явлений и понятий.

Такое явление характерно почти для всех языков мира, и кабардино-черкесский язык относится тоже к таким. Для подтверждения вышеизложенного мы провели анализ словаря современного кабардино-черкесского языка 1999 г. [Адыгэбзэ псалъалъэ 1999]. В ходе статистического подсчета установлено, что в данном словаре зафиксировано около 200 заимствованных из русского языка общественно-политических терминов. Все они являются именами существительными. В словарь попали всего несколько прилагательных: *автономнэ* – автономный, *генеральнэ* – генеральный, *гуманитарнэ* – гуманитарный, *демократическэ* – демократический [Адыгэбзэ псалъалъэ 1999: 20, 60, 62, 125]. Вместе с тем, нужно обратить внимание на то обстоятельство, что за последние 20-25 лет ко-

личество заимствованных из русского языка прилагательных значительно увеличилось. Так, в Большом русско-кабардино-черкесском словаре 2021 г. зафиксировано большое количество иноязычных прилагательных. Среди них много лексем, выражающих общественно-политическое значение: агитационный – *агитацэ,* административный – *административ,* бюджетный – *бюджетнэ,* визовый – *визэ,* гениальный – *гениальнэ,* империалистическая война – *империал зауэ*, коллективный – *коллектив*, концентрационный – *концетрационнэ,* партийный – *парт,* реакционный – *реакционнэ,* революционный – *революцэ,* федеративный – *федератив(нэ),* эволюционный – *эволюцэ* и др. [БРКЧС 2021: 26, 27,86, 108, 172, 284, 322, 327, 482, 623, 624, 747]. Примеры показывают, что в большинстве случаев для обозначения иноязычного прилагательного в кабардино-черкесском языке используется иноязычное существительное, от которого данное прилагательное произошло: революция – *революцэ,* революционный – *революцэ*. Таким образом, в современном кабардино-черкесском языке одним из продуктивных способов словообразования прилагательных является переход заимствованных слов из одной части речи в другую.

В кабардино-черкесском языкознании очень мало работ относительно процессов заимствования общественно-политических слов. Впервые эта проблема рассматривается в статье Б.Х. Балкарова «О работе по созданию общественно-политической терминологии кабардинского языка» [Балкаров 1960: 137-149]. По мнению автора, при создании собственной терминологии «младописьменные языки широко опираются на терминологическую систему русского языка, в больших масштабах используют русские терминологические модели» [Балкаров 1960: 138]. На материале младописьменных языков общественно-политические термины создаются чаще всего путем калькирования или полукалькирования соответствующих русских терминов. Поэтому русский язык играет ведущую роль в формировании общественно-политической лексики кабардино-черкесского языка, удельный вес русских заимствований в ней очень высок. Б.Х. Балкаров проводит краткий обзор возникновения и развития общественно-политической терминологии кабардино-черкесского языка. По мнению автора, в виду отсутствия политической жизни, в дореволюционный период не вставал вопрос о создании данной терминологии. Первые общественно-политические термины создавались устным путем в период революции и гражданской войны. С точки зрения автора, «одни из них, как *революцэ* (революция), *совет* (совет), *коммунист* (коммунист), *власт* (власть) проникли из русского языка, а другие, как *хуитыныгъэ* (свобода), *банэныгъэ* (борьба), *текIуэныгъэ* (победа), *псэукIэщIэ* (новый строй), *Дзэ Плъыжь* (Красная Армия) создавались на базе родного языка» [Балкаров 1960: 139]. После создания национальной письменности в 1923 г. процесс создания и внедрения общественно-политических слов значительно ускорился. Б.Х. Балкаров проводит критический обзор появившихся учебников, словарей, газетных материалов. На основе проведённого анализа общественно-политической терминологии автор приходит к выводам:

– в первые словари не попали большое количество русских слов, которые имели широкое употребление в языке: *революция, совет, Советская власть, коммунист, социализм* и т.д.

– многие заимствованные термины остались без перевода, хотя в кабардино-черкесском языке существуют соответствующие им наименования: крепостное право – *пщылIыпIэ*, съезд – *зэIущIэ,* товарищ – *ныбжьэгъу.*

– большим недостатком является орфография заимствованных из русского языка терминов: одни пишутся в соответствии с нормами кабардинского языка (организация – *организацэ*, партия – *парт*), а другие даются в совершенно непонятной форме (интервенция – *интервенцие,* интеллигенция – *интеллигенция*).

– формы заимствованных терминов должны совпадать с формами собственных слов, но это не должно приводить к искажению его смысла.

– если в первые годы формирования национального литературного языка удельный вес собственных общественно-политических терминов был значительным, то в послевоенные годы наблюдается отказ от родного лексического материала при создании общественно-политических терминов. Это привело к выпадению из активного употребления многих исконных слов, затормозило лексико-семантические процессы в кабардинском языке.

– многие недостатки, которые наблюдаются в общественно-политической терминологии, связаны с отсутствием в республике терминологической комиссии.

Нужно отметить, что все замечания Б.Х. Балкарова сыграли большую роль в дальнейшем становлении общественно-политической терминологии кабардино-черкесского языка, а некоторые высказывания остаются, актуальными по сей день.

Вопросы усвоения заимствованных слов освещаются и в работе К.Т. Мамрешева «К вопросу о принципах заимствования в кабардинском языке» [Мамрешев 1959: 121-143]. Согласно автору, в бесписьменных языках заимствование происходит через разговорную речь, а с созданием письменности иноязычные слова проникают в язык также через средства массовой информации и публицистику. Эти два способа являются основными для заимствования, но при этом иноязычные слова подчиняются фонетико-грамматическим законам заимствующего языка. Например, арабские и тюркские слова, заимствованные кабардинским языком до революции, претерпели существенные изменения. Так, в частности, переход *дж* в кабардинское *ж* ***дж****энэт* – ***ж****энэт* (рай), переход *г* в *дж белгылы* – *бел****дж****ылы* (ясный) [Мамрешев 1959: 122]. В дореволюционный период, в силу исторических событий, арабо-тюркское влияние было нейтрализовано русским языком. Многие арабизмы и тюркизмы «выпали» из языка в связи с тем, что выражаемые ими понятия и предметы вышли из употребления. Однако следует отметить, что в кабардино-черкесском языке сохранился и по настоящее время имеет широкое употребление большой пласт арабо-тюркских заимствований.

По мнению Мамрешева, особое место в лексике кабардинского языка занимают русские заимствования. Процесс проникновения русских слов начался еще в дооктябрьский период, и заимствованные в ту пору слова отражали понятия и предметы быта. Они усваивались изустным путем и поэтому претерпели большие изменения в кабардинском языке. Это и понятно: русский и кабардинский языки относятся к разным языковым группам, с чем связаны существенные различия во всех уровнях языка. В качестве примера приведем несколько общественно-политических лексем из работы автора: крепость – *чрепыст*, казак –

къэзакъ, комиссия – *чамиссэ,* газета – *кIэзет,* колхоз – *кIэлъхоз,* товарищ – *товариш*, пристав – *пристаф*, солдат – *сэлэт*, Сибирь – *Сыбыр* [Мамрешев 1959: 124-127]. Как видно, в кабардинском языке русские заимствованные слова изменяются порой до неузнаваемости.

Особое внимание уделяет К.Т. Мамрешев орфографии заимствованных слов. По справедливому замечанию автора, «по данному вопросу нет еще общепризнанного теоритического положения» [Мамрешев 1959: 133], поэтому в кабардинском языке наблюдается разнобой в правописании заимствованных слов. Приведем несколько примеров из его работы: *офицер – офицар, восстание – восстанэ, заседание – заседанэ, правление – правленэ, совещание – совещанэ, революцие – революцэ, делегацие – делегацэ, тракторнэ бригадэ – трактор бригадэ, колхознэ псэукIэ – колхоз псэукIэ, гражданскэ зауэ – граждан зауэ* [Мамрешев 1959: 136-138]. По мнению автора, отмеченные орфографические варианты возникают в связи с «отсутствием по этому вопросу устойчивого и научно обоснованного принципа, основывающегося на специфике кабардинского языка» [Мамрешев 1959: 138].

В современном языкознании существуют две точки зрения относительно заимствования. Согласно первой из них, в результате этого процесса происходит обогащение словарного фонда заимствующего языка, происходит сближение и взаимовлияние носителей языков. Противоположную точку имеют сторонники того, что избыточное использование иноязычных слов засоряет язык, делает его непонятным для носителей языка. Попытки сохранения некоторых конструкции (например, синтаксиса, морфологии) оригинала в кабардино-черкесском языке приводят к разрушению грамматических конструкции самого кабардино-черкесского языка. В конечном итоге это может привести к нарушению специфики языка, потере самобытности и к ее исчезновению. Во избежание этого «нужно разработать четкие принципы заимствования иноязычных слов в кабардино-черкесский язык» [Жилетежев 2019: 131].

В словарном фонде данного языка иноязычная лексика представлена в достаточно большом количестве. По мнению М.Л. Апажева, в кабардино-черкесском языке «обращается в общей сложности не менее 12-15 тыс. заимствований из русского языка» [Апажев 2000: 239]. Из них около 1000 слов выражают общественно-политическое значение. Кроме русских заимствований, в общественно-политической лексике кабардино-черкесского языка представлены арабо-тюркские элементы. Анализ иноязычных слов показывает, что они появились в данном языке в разные исторические эпохи и из разных языков. Так, до появления письменности в кабардино-черкесском языке преобладали арабо-тюрко-иранские заимствования: *бэракъ* – знамя, флаг; *дэфтэр* – документ; *дуней* – мир, вселенная; *жэрдэм* – инициатива, помощь, содействие; *жэуап* – ответ; *зэман* – время, эпоха; *къалэ* – город; *къалэн* – обязанность, обязательство, задача; *къулыкъу* – должность, служба; *мурад* – намерение, цель; *къэрал* – страна, государство; *мыхъур* – печать; *пащтыхь* – царь, государь, король. В послеоктябрьский период, в силу исторических событий, арабо-тюркское влияние вытеснено русским языком.

Таким образом, проникновение иноязычных общественно-политических элементов в кабардино-черкесский язык происходит в два этапа:

1. Лексемы, которые были заимствованы в дописьменный период. Правописание таких слов основано на фонетическом принципе: казна – *кIэзонэ,* каторжанин – *кIатIэржынэ,* печать – *пэшот,* писарь – *писыр,* пристав – *пыристаф,* русский – *урыс*, солдат – *сэлэт,* Россия – *Урысей* и др.

2. Наименования, которые появились в словарном фонде кабардино-черкесского языка в письменный период. Они представлены в большом количестве и не подвергаются большим фонетико-грамматическим изменениям. Их можно разделить на несколько подгрупп:

– слова, вошедшие в кабардино-черкесский язык без каких либо изменений (герб, гимн, дипломат, меморандум, паспорт, профсоюз, коллектив, централизм, президент, парламент и т.д.);

– иноязычные лексемы, в которых происходит замена конечных частей слова (обычно суффиксов или окончаний) на компоненты кабардино-черкесского языка (рабочий – *рабочэ,* агитация – *агитацэ,* администрация – *администрацэ,* амнистия – *амнистие,* диверсия – *диверсие,* комиссия – *комиссэ*, правительство – *правительствэ*, правление – *правленэ,* культурный – *культурнэ*, патриотический – *патриотическэ* и др.);

– наименования, где наблюдается отсечение окончаний в заимствованных словах (партия – *парт,* конференция – *конференц,* газета – *газет,* школа – *школ*);

– слова, морфологически оформленные аффиксами заимствующего языка (активность – *активнагъ // активнагъэ,* гражданство – *гражданыгъэ*, партизанство – *партизаныгъэ*, партийность – *партийнагъэ,* президентство – *президентыгъэ*, период президентства – *президентыгъуэ*, беззаконный – *законыншэ*, беспринципный – *принципыншэ,* широкая автономия – *автономышхуэ*, бесклассовый – *классыншэ*, неясность, неопределенность – *белджылыншагъэ, белджылыншэ*, безвыходность – *1эмалыншагъэ*);

– слова и устойчивые сочетания слов, которые появляются в языке в результате калькирования, то есть передачи иностранного слова или выражения путем дословного перевода отдельных частей иноязычного слова или отдельных слов. Этот способ широко распространен в кабардино-черкесском языке. В результате этого процесса в языке появляются кальки и полукальки (наставник – *узэщIакIуэ,* читатель – *щIэджыджакIуэ,* административно-территориальный – *административно-щIыналъэ*, орден «Мать-героиня» – *«Анэ-лIыхъужь» орден*, переходящее знамя – *бэракъ зэIэпах,* положение в мире – *дуней Iуэху щытыкIэ*, культработник – *культлэжьакIуэ*, Дворец культуры – *КультурэмкIэ унэ*, внутригосударственный – *къэрал кIуэцI*, внешняя политика государства – *къэрал щIыб политикэ*, сторонник мира – *мамырыгъэщIэкъу*, отчетно-выборный – *отчетнэ-хэхыныгъэ*, дать оценку – *оценкэ етын*).

Правописание заимствованных слов регламентировано правилами орфографии и пунктуации кабардино-черкесского языка. Действующие по настоящее время правила разработаны в 1963 г. [Урусов, Захохов 1963: 64-67]. С тех пор в словарном составе кабардино-черкесского языка произошли глобальные изменения. В 2005 г. под редакцией Б.Ч. Бижоева вышло в свет второе, переработанное

и дополненное издание книги «Правила орфографии и пунктуации кабардино-черкесского языка» [Урусов, Захохов 2005]. Состав и количество правил правописания не претерпели изменений, так как для внесения изменений в правила кабардино-черкесского языка требуется законодательно утвержденное решение уполномоченного органа. Некоторые коррективы внесены относительно иллюстраций к примерам, стиля изложения, семантики слов. Разумеется, нынешняя орфография не лишена недостатков, имеется еще ряд нерешенных проблем.

Заключение

Таким образом, в лексике кабардино-черкесского языка заимствования представлены в достаточно большом количестве. Многие из них подчиняются фонетическим правилам исследуемого языка. Результаты показывают, что иноязычные слова, которые появились в кабардино-черкесском языке изустным путем (в ранний период) больше фонетически адаптированы. В отличие от них, новые русские заимствования сохраняют стабильность форм произношения и правописания. Широкое распространение двуязычия среди носителей кабардино-черкесского языка и при этом доминирующее положение русского языка во всех сферах жизни общества способствуют сохранению фонетики языка-донора.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что общественно-политическая лексика современного кабардино-черкесского языка активно пополняется заимствованными общественно-политическими словами. Лексическое, фонетическое и морфологическое освоение данных слов в различных источниках кабардино-черкесского языка происходит вразнобой. Данную проблему решила бы создание современного словаря общественно-политической лексики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгэбзэ псалъалъэ 1999 – Адыгэбзэ псалъалъэ (Словарь кабардино-черкесского языка). – М.: Дигора, 1999. – 860 с.

Апажев 2000 – *Апажев М.Л.* Современный кабардино-черкесский язык. Лексикология. Лексикография. – Нальчик, «Эльбрус», 2000. – 408 с.

Арнольд 1986 – *Арнольд И.В.* Лексикология английского языка. – М.: Высшая школа, 1986. – 295 с.

Балкаров 1960 – *Балкаров Б.Х.* О работе по созданию общественно-политической терминологии кабардинского языка // Ученые записки КБГУ. – Вып. VII. – 1960. – С. 137-148.

Бижоев 2022 – *Бижоев Б.Ч.* Русско-кабардино-черкесский и кабардино-черкесско-русский словари лингвистических терминов. – Нальчик: Принт-Центр, 2022. – 172 с.

БРКЧС 2021 – Большой русско-кабардино-черкесский словарь / Бижоев Б.Ч., Жилетежев Х.Ч., Кумыкова Д.М., Тимижев Х.Т. (2-е издание, доработанное, дополненное). – Нальчик: ООО «Фрегат», 2021. – 792 с.

Жеребило 2010 – *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

Жилетежев 2019 – *Жилетежев Х.Ч.* Общественно-политическая лексика кабардино-черкесского языка (состав и пути формирования). – Нальчик: Принт Центр, 2019. – 248 с.

Зекореев 1999 – *Зекореев Н.Н.* Школьный русско-кабардино-черкесский терминологический словарь. – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 288 с.

Крысин 1968 – *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1968. – 208 с.

Крысин 1965 – *Крысин Л.П.* К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965. – С. 104-116.

Мамрешев 1959 – *Мамрешев К.Т.* К вопросу о принципах заимствования в кабардинском языке // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Т. XIV. – Нальчик, 1959. – С. 121-142.

РКПТС 1951 – Русско-кабардинский политико-терминологический словарь. – Нальчик: Кабардинское государственное издательство, 1951. – 114 с.

РКЧС 1955 – Русско-кабардино-черкесский словарь / Б.М. Карданов, А.Т. Бичоев. – М.: ГИИНС, 1955. – 1054 с.

Урусов, Захохов 1963 – *Урусов Х.Ш., Захохов Л.Г.* Правила орфографии и пунктуации кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. из-во, 1963. – 260 с.

Урусов, Захохов 2005 – *Урусов Х.Ш., Захохов Л.Г.* Правила орфографии и пунктуации кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 284 с.

Deroy 1980 – *Deroy (Louis),* L'Emprunt linguistique, Nouvelle йd. [corre. et addi.]. – Paris: Les Belles Lettres, 1980. – 485 p.

Marouzeau 1950 – *Marouzeau J.* Aspects du francais / J. Marouzeau. – Paris: Masson, 1950. – 213 p.

Whitney 1881 – *W.D. Whitney.* On Mixture in Language. Transactions of the American Philological Association (1869-1896). – Vol. 12 (1881). – Pp. 5-26.

REFERENCES

Adyge psal”al”e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. – Moscow: Digora, 1999. – 860 p. (In Rus. and in Kabardino-Circassian).

APAZHEV M.L. *Sovremennyi kabardino-cherkesskii yazyk. Leksikologiya. Leksikografiya* [Modern Kabardino-Circassian language. Lexicology. Lexicography]. – Nal'chik, «El'brus», 2000. – 408 p. (In Russ.).

ARNOL'D I.V. *Leksikologiya angliiskogo yazyka* [Lexicology of the English language]. – M.: Vysshaya shkola, 1986. – 295 p. (In Russ.).

BALKAROV B.KH. *O rabote po sozdaniyu obshchestvenno-politicheskoi terminologii kabardinskogo yazyka* [About the work on the creation of socio-political terminology of the Kabardian language]. In: Uch. zap. KBGU. – Vyp. VII. – 1960. – P. 137-148. (In Russ.).

BIZHOEV B.CH. *Russko-kabardino-cherkesskii i kabardino-cherkessko-russkii slovari lingvisticheskikh terminov* [Russian Russian-Kabardino-Circassian and Kabardino-Circassian-Russian dictionaries of linguistic terms]. – Nal'chik: Print-Tsentr, 2022. – 172 p. (In Russ. and in Kabardino-Circassian).

Bol'shoi russko-kabardino-cherkesskii slovar' [The Great Russian-Kabardino-Circassian Dictionary] / B.Ch. Bizhoev, Kh.Ch. Zhiletezhev, D.M. Kumykova, Kh.T. Timizhev. – Nal'chik: OOO «Fregat», 2021. – 792 p. (In Russ. and in Kabardino-Circassian).

ZHEREBILO T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Izd. 5-e, ispr. i dop. – Nazran': OOO «Piligrim», 2010. – 486 p. (In Russ.).

ZHILETEZHEV KH.CH. *Obshchestvenno-politicheskaya leksika kabardino-cherkesskogo yazyka (sostav i puti formirovaniya)* [Socio-political vocabulary of the Kabardino-Circassian language (composition and ways of formation)]. – Nal'chik: Print Tsentr, 2019. – 248 p. (In Russ.).

ZEKOREEV N.N. *Shkol'nyi russko-kabardino-cherkesskii terminologicheskii slovar'* [School Russian-Kabardino-Circassian terminological dictionary]. – Nal'chik: El'brus, 1999. – 288 p. (In Russ.).

KRYSIN L.P. *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign words in modern Russian]. – M.: Prosveshchenie, 1968. – 208 p. (In Russ.).

KRYSIN L.P. *K opredeleniyu terminov «zaimstvovanie» i «zaimstvovannoe slovo»* [To define the terms "borrowing" and "borrowed word"]. In: Razvitie leksiki sovremennogo russkogo yazyka. – M.: Nauka, 1965. – P. 104-116. (In Russ.).

MAMRESHEV K.T. *K voprosu o printsipakh zaimstvovaniya v kabardinskom yazyke* [On the principles of borrowing in the Kabardian language]. In: Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. – T. XIV. – Nal'chik, 1959. – P. 121-142. (In Russ.).

Russko-kabardinskii politiko-terminologicheskii slovar' [Russian-Kabardian political and terminological dictionary]. – Nal'chik: Kabardinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1951. – 114 p. (In Russ. and in Kabardino-Circassian).

Russko-kabardino-cherkesskii slovar' [Russian-Kabardino-Circassian dictionary] / Kardanov B.M., Bichoev A.T. – M.: GIINS, 1955. – 1054 p. (In Russ. and in Kabardino-Circassian).

URUSOV KH.SH., ZAKHOKHOV L.G. *Pravila orfografii i punktuatsii kabardino-cherkesskogo yazyka* [Rules of spelling and punctuation of the Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: Kab.-Balk. kn. iz-vo, 1963. – 260 p. (in Kabardino-Circassian).

URUSOV KH.SH., ZAKHOKHOV L.G. *Pravila orfografii i punktuatsii kabardino-cherkesskogo yazyka* [Rules of spelling and punctuation of the Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: El'brus, 2005. – 284 p. (in Kabardino-Circassian).

DEROY (LOUIS), *L'Emprunt linguistique, Nouvelle ŭd.* [corre. et addi.]. – Paris: Les Belles Lettres, 1980. – 485 p. (in French).

MAROUZEAU J. *Aspects du francais* / J. Marouzeau. – Paris: Masson,1950. - 213 p. (in French).

WHITNEY W.D. *On Mixture in Language.* Transactions of the American Philological Association (1869-1896). – Vol. 12 (1881). Pp. 5-26. (In English).

Информация об авторе

Х.Ч. Жилетежев – кандидат филологических наук.

Information about the author

Kh. Ch. Zhiletezhev – candidate of Science (Philology).

Статья поступила в редакцию 18.01.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 18.01.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 81’373.2
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-251-261
EDN: RAJZWW

ТЕРСКАЯ КАЗАЧЬЯ ОЙКОНИМИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ, ТРАНСФОРМАЦИЯ И РЕВИТАЛИЗАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Снежана Станиславовна Каширокова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, kashirokova.snezhana@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-3832-4901

Аннотация. Статья посвящена диахроническому лингвистическому исследованию процессов формирования, трансформации и ревитализации ойконимической системы, созданной терским казачеством на территории Чеченской Республики. Эмпирическую базу составили 62 ойконима, извлечённые из топонимических словарей А.С. Сулейманова и А.В. Твердого, картографических материалов XIX–XXI вв., а также официальных документов, включая Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24.08.1977 г. Показано, как дореволюционная модель, сформированная казачьими поселенцами, закрепляла в географических названиях основы их мировоззрения, социального устройства, хозяйственного уклада и сакральной картины мира. В работе детально анализируется механизм идеологического и административного воздействия на ойконимию в советский период, приведший к её системной деконструкции, а также сложные и противоречивые процессы её восстановления и актуализации в постсоветское время. В результате исследования установлено, что эволюция казачьей ойконимии представляет собой полный цикл: от мотивированной системы, отражавшей уклад жизни казаков через идеологически обусловленную деконструкцию, к современной фазе ревитализации, в которой ойконимы функционируют одновременно как объект символического восстановления исторической памяти. Ойконимия выступает не только историческим свидетельством, но и активным инструментом конструирования и сохранения этнокультурной идентичности терского казачества, а её эволюция наглядно демонстрирует механизмы взаимодействия языка, власти и исторической памяти.

Ключевые слова: терское казачество, ойконимия Чечни, диахронический анализ, этническая культура, формирование топонимии, трансформация топонимии, языковая политика, переименование.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта КБГУ (договор № 45) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Каширокова С.С. Терская казачья ойконимия: формирование, трансформация и ревитализация (на материале Чеченской Республики) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 251-261. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-251-261. EDN: RAJZWW.

© Каширокова С.С., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

TERSK COSSACK OIKONYMY: FORMATION, TRANSFORMATION AND REVITALIZATION (BASED ON THE MATERIAL OF THE CHECHEN REPUBLIC)

Snezhana S. Kashirokova
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, kashirokova.snezhana@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-3832-4901

Abstract. The article is devoted to a diachronic linguistic study of the processes of formation, transformation and revitalization of the oikonymic system created by the Terek Cossacks on the territory of the Chechen Republic. The empirical base consisted of 62 homonyms extracted from the toponymic dictionaries of A.S. Suleymanov and A.V. Tverdoy, cartographic materials of the XIX-XXI centuries, as well as official documents, including the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated 08/24/1977. It is shown how the pre-revolutionary model formed by the Cossack settlers fixed the foundations of their worldview, social structure, economic structure and sacred worldview in geographical names. The paper analyzes in detail the mechanism of ideological and administrative influence on oikonymy in the Soviet period, which led to its systemic deconstruction, as well as the complex and contradictory processes of its restoration and actualization in the post-Soviet period. The study has shown that the evolution of Cossack oikonymy is a complete cycle: from a motivated system that reflected the way of life of the Cossacks, through an ideologically driven deconstruction, to the modern phase of revitalization, in which oikonyms function as an object of symbolic restoration of historical memory. Oikonymy acts not only as historical evidence, but also as an active tool for constructing and preserving the ethno-cultural identity of the Terek Cossacks, and its evolution clearly demonstrates the mechanisms of interaction between language, power and historical memory.

Acknowledgements and funding: The study was conducted with the financial support of an Internal grant from KBSU «Within the Priority 2030 program» (Agreement no. 45).

For citation: Kashirokova S.S. Tersk cossack oikonymy: formation, transformation and revitalization (based on the material of the Chechen Republic). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 251-261. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-251-261. EDN: RAJZWW.

© Kashirokova S.S., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Ойконимическая система любого региона представляет собой исторически сложившийся и динамически развивающийся пласт топонимии, непосредственно связанный с процессами освоения территории, ее административно-территориальным устройством и сменой идеологических парадигм. Ойконимия терского казачества, сформировавшаяся на территории современной Чеченской Республики, является ярким примером такой динамичной системы, испытавшей на себе влияние кардинальных исторических сдвигов. Ее изучение в диахроническом аспекте позволяет смоделировать лингвистические механизмы и этапы эволюции подсистемы названий населенных пунктов в условиях радикальных внешних воздействий.

Стоит отметить, что само понятие «терские казаки» по мнению Г.А. Яковлевой имеет два значения: узкое и широкое. Так, «в широком смысле этим термином именуется все казачье население Терека и прилегающих к нему регионов»

[Яковлева 2000: 5], а в узком – «терскими казаками называются казаки, живущие в станицах выше и ниже по Тереку от гребенских станиц» [Яковлева 2000: 5]. И.Х. Тхамокова отмечает, что «казачество в XIX – начале XX в. являлось особым сословием и отделялось от других групп населения России социальными, но не этнокультурными границами» [Тхамокова 2017: 427], однако «социальные различия понимались ими как национальные [Тхамокова 2017: 421–422]. Таким образом, в нашем понимании терское казачество – это исторически сложившаяся этносоциальная и культурная общность, формирование которой на территории Северного Кавказа в XVI–XIX вв. сопровождалось активным хозяйственным и военным освоением пространства, что привело к созданию системы поселений (станиц и хуторов) и, как следствие, уникальной ойконимической традиции, отразившей тенденции наименования населенных пунктов в указанный период.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости системного лингвистического описания полного цикла становления региональной ойконимической подсистемы: от ее генезиса и становления через этап трансформации к современным попыткам восстановления. Такой подход позволяет выявить не только конкретные номинативные модели, но и общие закономерности устойчивости/изменчивости топонимии под давлением экстралингвистических факторов.

Цель исследования – проследить лингвистическими методами основные этапы формирования, трансформации и ревитализации ойконимической системы терского казачества в Чечне. Для ее достижения поставлены следующие задачи:

1) рассмотреть особенности формирования первичного казачьего ойконимикона в дореволюционный период;

2) проанализировать характер и языковые результаты трансформации названий населенных пунктов в советскую эпоху, выявить направления изменений;

3) охарактеризовать современные процессы ревитализации казачьих ойконимов и их взаимодействие с другими пластами топонимии в постсоветский период.

Объектом исследования выступает ойконимическая система территории Чеченской Республики в той ее части, которая была связана с присутствием терского казачества. Следует отметить, что анализу были подвержены не только названия, данные казаками при основании станиц и хуторов, но и те ойконимы, которые обозначили места их компактного проживания в определенный исторический период, а также советские идеологемы, формально и фактически не имеющие отношения к казачьему населению, но занимающие то же пространство. Тем самым обеспечивается целостное диахроническое рассмотрение одной и той же территориальной подсистемы, в которой казачий пласт взаимодействовал с другими номинативными пластами.

Теоретико-методологической базой исследования послужили положения лингвокогнитивистики, разработанные Н.Н. Болдыревым, в рамках которой язык понимается как когнитивный механизм, обеспечивающий процессы категориза-

ции и концептуализации мира [Болдырев 2007]. Топоним в этой парадигме рассматривается не просто как имя собственное, а как вербализованный результат процесса освоения пространства, фиксирующий наиболее релевантные для номинатора признаки объекта. Для анализа именно казачьего компонента ключевыми стали работы по истории и культуре терского казачества [Потто 1912; Караулов 1912], позволяющие соотнести наименования населенных пунктов с конкретными историческими практиками и мировоззренческими установками. Вопросы изучения топонимов как особого класса слов, формирующих собственную систему, поднимаются в работах В.В. Корневой и Д.Б. Меняйловой, которые справедливо отмечают, что анализ структуры топонимов позволяет выявить общие закономерности формирования топонимической лексики, свойственные определенной лингвокультуре [Корнева, Меняйлова 2012]. Кроме того, теоретическую значимость для настоящего исследования представляет работа В.А. Масловой, в которой обобщены базовые положения когнитивной лингвистики, релевантные для анализа способов концептуализации пространства [Маслова 2004].

Особую значимость для методологии настоящего исследования представляют работы, посвященные теории топонимического концепта, в частности А.Н. Беляев рассматривает когнитивные основания формирования этого феномена, предлагает двухуровневую модель онимического знака, определяет топонимический концепт как «единицу ментальной репрезентации фрагмента физической географии, описываемого топонимическим контекстом» [Беляев 2019: 16], и подчеркивает, что концепт постоянно обновляется по мере поступления новых данных, а его структура включает семантические отношения между общим категориальным и индивидуальным значением онима. Важным теоретическим обоснованием выступает работа А.С. Щербак «Основные типы ономастических концептов», в которой автор вводит и детализирует понятие «ономастического концепта», определяя его как «особый тип ономастического знания, определяющего семантику имен собственных, знания об ономастическом фрагменте действительности» [Щербак 2009: 169]. Она выделяет два основных типа ономастических концептов – антропонимический и топонимический, – которые лежат в основе соответствующих ономастических категорий. Особую ценность для данного исследования представляет предложенное А.С. Щербак разделение ономастического пространства на ближнее и дальнее, а также трехуровневая модель категоризации онимов (суперординатный, базовый и субординатный уровни), которая может быть продуктивно применена для анализа казачьей ойконимии [Щербак 2009: 169]. В целом методологическая основа исследования базируется на интегративном подходе, сочетающем описательный метод (систематизация и классификация ойконимов), лингвокогнитивный анализ (выявление мотивационных признаков номинации и реконструкция стоящих за ними ментальных моделей), сравнительно-исторический метод (сопоставление ойконимических систем трех эпох для определения преемственности и разрывов в репрезентации казачьей культуры).

Эмпирическая база исследования включает официальные документы (Указы Президиума Верховного Совета РСФСР, например, от 24.08.1977 г.), кар-

тографические материалы дореволюционного, советского и постсоветского периодов; топонимические словари А.С. Сулейманова [Сулейманов 1997], А.В. Твердого [Твердый 2008] (62 ойконима). При этом в фокус анализа попали не только названия поселений, основанных самим терским казачеством, но и ойконимы, бытовавшие в среде казачьего населения в различные исторические периоды (включая те, что изначально восходят к автохтонной топонимии), а также наименования, искусственно созданные в советское время и не связанные с казачьей традицией именования.

Обзор научной литературы по проблеме исследования. Проблема изучения ойконимии в контексте этнической культуры находится на стыке нескольких научных дисциплин – лингвистики, истории, географии и этнологии. Комплексный анализ имеющихся исследований позволяет выявить основные векторы научной мысли и определить место настоящего исследования в существующем академическом дискурсе. Фундаментальный вклад в развитие теории топонимики внесли труды Э.М. Мурзаева, который рассматривает географические названия как исторические источники, отражающие хозяйственную деятельность, этническую историю и культурные контакты народов [Мурзаев 1974]. Для кавказского контекста незаменимы работы А.В. Твердого и А.С. Сулейманова, составившие основу эмпирической базы многих региональных исследований [Твердый 2008; Сулейманов 1997]. В частности, словарь А.В. Сулейманова «Топонимия Чечни» представляет собой наиболее полный свод чеченских топонимов, хотя анализ казачьего компонента в ойконимии не являлся его основной задачей.

Этнографические и исторические исследования казачества заложили основу для понимания его социального устройства, хозяйственного уклада и культурной специфики [Потто 1912]. На современном этапе особую актуальность приобретают работы, посвященные идентичности и памяти в контексте казачьей культуры. В частности, отметим исследование В.Х. Тхакахова, посвященное топонимической политике в Чечне, в котором автор затрагивает вопросы дерусификации и ресакрализации пространства, однако фокус смещен в сторону общечеченских процессов, в то время как казачий компонент рассматривается фрагментарно [Тхакахов 2019].

Особого внимания заслуживает диссертационное исследование О.А. Буниной, в котором предложена оригинальная методология анализа казачьего культурного ландшафта, выделены пять этапов эволюции казачьих этнокультурных ландшафтов, проведено детальное культурно-ландшафтное районирование, отмечена ведущая роль политико-военного фактора в организации пространственной структуры. Однако внимание автора сосредоточено на анализе топонимов Ставропольского края и не затрагивает специфику ойконимической системы в контексте культурных концептов [Бунина 2004].

Проведенный анализ литературы по топонимике Чечни показал, что многие вопросы до сих пор находятся вне поля зрения исследователей: имеющиеся работы носят преимущественно справочно-этимологический характер, внимание

авторов фокусируется на ландшафтных и пространственных моделях, а лингвистический аспект ойконимии остается на периферии [Сулейманов 1997; Тхакахов 2019].

Таким образом, научная новизна настоящего исследования заключается в синтезе различных подходов к изучению ойконимической системы Чечни как целостного источника для реконструкции особенностей формирования топонимикона терским казачеством в различные исторические периоды. Это позволяет перейти от описания отдельных названий к пониманию механизмов концептуализации пространства в коллективном сознании казачьего субэтноса.

Основная часть

Процесс формирования казачьей ойконимии на Тереке в XVI – начале XX вв. был непосредственным отражением характера адаптации казаков к новым географическим и этнокультурным реалиям. В ходе анализа эмпирического материала нами определены факторы наименования населенных пунктов, отражающих специфику их создания, трансформации и ревитализации.

1. Физико-географическая адаптация. Освоение новой территории требовало её детального познания и описания. В ойконимах по физико-географическим признакам концептуализирована специфика утилитарного отношения к земле: в них выделяются: а) гидронимическая привязка – названия, данные по наличию водных источников: *ст. Горячеисточненская* получила имя от термальных минеральных источников Святой Екатерины; номинация *Семиколодцев* не только указывает на ключевой ресурс – воду, но и конкретизирует его количество, что имело и имеет сугубо практическое значение; б) ориентация на характер рельефа: *ст. Бороздиновская* была названа по расположению в длинной лощине, напоминающей визуально борозду; имя *с. Надтеречное* четко маркирует свое положение над р. Терек, выполняет ориентирующую функцию; в номинациях *ст. Ассиновская* (вблизи бывшего аула Агу-Борзой) и *Сунженская* (бывший Ахки-юрт) зафиксирована их локация у соответствующих рек, интегрированных в существующую гидронимическую систему; в) по характеру растительности: *ст. Калиновская* – по зарослям калины, чеченское название «Гал-ГІала» происходит от искаженного и усеченного слова «калина» с добавлением типичного обозначения русских крепостей и станиц – «ГІала» («укрепление»); *х. Капустино,* – вероятно, связанному с выращиванием капусты; *ст. Дубовская* – от породы дуба, растущего в окрестных лесах [Сулейманов 1997]. Эти названия выполняли не только идентифицирующую, но и навигационно-хозяйственную функцию, отражая места обитания терских казаков как источники ресурсов для жизнеобеспечения.

2. Связь с исторической родиной. Названия, перенесенные с исконных земель, например, ст. *Червлённая* (чеч. Оьрза-гІала) по одной из версий указывает на миграцию казаков из Червлёного Яра в Рязанском княжестве; село *Харьковское* основано переселенцами из Харьковской губернии [Сулейманов 1997], что концептуализирует идею преемственности и связи с утраченной родиной. Они выполняли важную функцию поддержания идентичности в условиях

миграции, смягчая трудности адаптации и создавая символический мост между прошлым и настоящим.

3. Православие. Оно выступало духовным и идеологическим стержнем, что находило отражение в номинациях населенных пунктов. Например, основание станиц *Петропавловская* (на месте чеченского с. Чурт-тогIе, русская транскрипция Чертугай), *Ильинская* (чеч. Бас-ГIала), связано либо с церквями, построенными в честь святых Петра и Павла, святого пророка Ильи, либо с религиозными праздниками, в частности, ст. *Михайловская* (чеч. Эна-Хишка) – в честь праздника Архангела Михаила [Сулейманов 1997], что было не просто данью традиции, а актом символического освящения и защиты нового пространства. Название выступало оберегом и маркером принадлежности к православному миру, концептуализируя идею «освященной земли». Этот фактор был доминирующим в процессе освоения новых территорий.

4. Общинность. Социальное устройство казачества, основанное на принципах общинности и личной доблести, фиксировалось в ойконимии. Многочисленные хутора и станицы получали имена по фамилиям основателей или атаманов – *Давыденко, Селиванкин, Корнеев, Кречетово, Клинков, Васильев, Савельевская, Старощедринская, Новощедринская, Старогладковская, Курдюковская* [Великая 2001: 47–48]. Эта практика закрепляла не только право собственности, но и факт личного вклада в общее дело освоения территории, формируя «пантеон» первопоселенцев и значимых фигур в коллективной памяти казаков. В целом, фактор общинности отражает высокую степень персонализации социальных отношений в казачьей среде.

Советская эпоха ознаменовала собой целенаправленную деконструкцию казачества как социально-культурного явления, что напрямую отразилось на ойконимиконе, в связи с системной трансформацией, в основе которой лежали процессы и факторы, повлиявшие на наименование населенных пунктов, возникших в данный период. При этом необходимо подчеркнуть, что сами дореволюционные казачьи названия станиц и хуторов в своем большинстве не подверглись формальному переименованию. Однако на данном этапе тенденция имянаречения была представлена иначе: ее определяли не православная сакрализация, память о первопоселенцах или воинская доблесть, а условия нового режима. Так появились населенные пункты, в основном, не связанные с казачьим населением, а возникшие в соответствии с административными документами. Например, наименования в честь советских деятелей (*с. Фрунзенское* – в честь военачальника Красной армии во время Гражданской войны М.В. Фрунзе, *с. Ульяновское* – в честь основателя и первого руководителя Союза Советских Социалистических Республик В.И. Ленина-Ульянова), а также наименования, повещенные Великой Октябрьской революции: *с. Октябрьское*) были направлены на разрыв исторической памяти и конструирование новой, советской идентичности, исключающей казачий компонент. Названия-лозунги *п. Мирный* и *ст. Первомайская* (чеч.Мамаки-юрт), *п. Майский* – по части популярного лозунга, который использовался в СССР на 1 Мая*; с. Братское* – по идеологии «братства народов»; *с. Красностепновское* связано с символикой красного цвета в Советской России

выполняли функцию постоянной трансляции основных постулатов государственной идеологии. Примечательным является название *с. Гвардейское* (чеченское село Іелин-юрт), которое дано в память о гвардейцах, героически сражавшихся против немецко-фашистских захватчиков с августа 1942 по январь 1943 г., защищая подступы к нефтяному Грозному. Как было отмечено, прямого массового переименования старых казачьих топонимов не проводилось, но новые названия активно вытесняли прежнюю модель из актуального узуса, занимая ту же территориальную нишу.

Утилитарные названия, отражающие исключительно хозяйственную функцию (*Нефтянка, Газгородок*), а также номерные обозначения (кошара № 3, ОТФ № 1), появились в период формирования советского ойконимического пласта. Это символизировало переход от восприятия пространства как «освоенной родины» к восприятию его как «экономического ресурса», лишенного историко-культурной памяти. Процесс «окультуривания» названий в 1977 г. [Указ…1977] *Высокогорное, Зеленое, Набережный, Нагорное, Подгорное, Правобережное, Левобережное, Дальнее, Новотерское, Рубежное*, обозначающие локацию населенных пунктов; *Обильный*, символизирующий некий достаток ареала; носил формальный характер, создавая стандартизированные, обезличенные наименования, чуждые органичной казачьей номинативной традиции. Эти названия, хотя и отсылали к природным объектам, были лишены исторической преемственности и являлись результатом административного решения.

Постсоветский период характеризуется сложными и зачастую противоречивыми процессами ревитализации казачьего культурного наследия, в том числе и в ойконимии. Этот этап можно охарактеризовать как фазу реституции, которая, являясь реакцией на советское наследие, демонстрирует новые векторы именования.

Восстановление исторических названий казачьих станиц не наблюдается. На данном этапе главную роль занимает новая этнополитическая реальность, где доминирующей тенденцией стала дерусификация и восстановление исконных топонимов. Восстановление таких названий, как *Али-Юрт* вместо *Гвардейского* или *Бердыкель* вместо *Комсомольского*, выступало актом символического восстановления суверенитета, направленным на устранение идеологических наслоений, но при этом иногда затрагивало и дореволюционные казачьи названия (*ст. Наурская – г. Нерве*).

Параллельное бытование нескольких названий одного и того же пункта превращает ойконимическое пространство в поле диалога между разными версиями исторической памяти и идентичности. На одном полюсе находятся официально восстановленные исторические чеченские названия, на другом – сохраняющиеся в памяти и обиходе советские ойконимы, а на третьем – новые мемориальные имена, значимые для современного этапа развития общества. Подобное семиотическое наслоение между юридическим статусом, узуальным употреблением и новыми наименованиями превращает ойконимическое пространство в уникальный феномен лингвокогнитивной действительности.

Следует отметить то, что в современных условиях исторические казачьи названия, даже если они не восстановлены официально, продолжают выполнять

функцию внутригрупповых маркеров, консолидирующих казачье сообщество. Они используются в деятельности казачьих обществ, в краеведческой работе, в публицистике, выступая инструментом конструирования и поддержания коллективной идентичности в новых социально-политических условиях. В этом контексте ойконимия начинает выполнять новую социально-политическую функцию – роль маркера культурной автономии казачества и исторической памяти.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что ойконимическая система терского казачества в Чечне прошла через полный цикл историко-лингвистической динамики.

Формирование в дореволюционную эпоху способствовало созданию мотивированной системы, непосредственно отражавшей уклад жизни казаков.

Советский период привел к системной деконструкции этой модели через идеологическое замещение и экономическую детерминацию. Ойконимическое пространство стало объектом планового преобразования, подчиненного задачам модернизации и идеологического контроля.

Постсоветский период характеризуется сложным процессом ревитализации, в котором ойконимия становится не только объектом символического восстановления, но и активным инструментом конструирования современной казачьей идентичности в условиях нового исторического и политического контекста. Однако это преобразование носит противоречивый характер, связанный с другими мощными идентификационными проектами.

Таким образом, эволюция казачьего компонента в ойконимии Чечни наглядно демонстрирует механизмы взаимодействия языка, власти и этнической культуры, где географическое название выступает одновременно и продуктом, и активным участником диалога между эпохами и культурами. Ойконимия предстает как циклический процесс, в котором каждая эпоха оставляет свой след в виде специфических когнитивных стратегий освоения пространства. Рассмотрение данных явлений в трихотомии позволяет считать ойконим ключом к пониманию глубинных основ менталитета терского казачества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Беляев 2019 – *Беляев А.Н.* О топонимическом концепте // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 1 (423). – С. 13–21.

Болдырев 2007 – *Болдырев Н.Н.* Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – №4 (013). – С. 17–27.

Бунина 2004 – *Бунина О.А.* Ландшафтный анализ формирования геокультурного пространства казачьего субэтноса в Ставропольском крае. Автореф. дисс. канд геогр. Н-к. – Ставрополь, 2004. – 20 с.

Великая 2001 – *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв,– Ростов-на-Дону, 2001. – 278 с.

Караулов 1912 – *Караулов М.А.* Казачество в прошлом и настоящем: (памятка терского казака) / сост. подъесаул Терского казачьего войска М. А. Караулов 2-ой. – Владикавказ: Войсковой штаб Терского казачьего войска, 1912. – XV. – 384 с.

Корнева, Меняйлова 2012 – *Корнева В.В., Меняйлова Д.Б.* Основные направления изучения топонимов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 21–26.

Маслова 2004 – *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

Мурзаев 1974 – *Мурзаев Э.М.* Очерки топонимики. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.

Потто 1912 – *Потто В.А.* Два века терского казачества (1577–1801). В 2 томах. Т. I. – Владикавказ: Электропечатная типография Терского областного правления, 1912. – 116 с.; Т. 2. – Владикавказ: Электропечатная типография Терского областного правления, 1912. – 247 с.

Сулейманов 1997 – *Сулейманов А.С.* Топонимия Чечни. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1997. – 683 с.

Твердый 2008 – *Твердый А.В.* Кавказ в именах, названиях, легендах: опыт топонимического словаря. – Краснодар: Платонов И., 2008.– 432 с.

Тхамокова 2017 – *Тхамокова И.Х.* Терское казачество в этнокультурном пространстве Северного Кавказа (XVI – начало XX в.) – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 460 с.

Тхакахов 2019 – *Тхакахов В.Х.* Идентичность и память в топонимической политике Чечни // Научная мысль Кавказа. – 2019. – №2. – С. 40–49.

Указ… 1977 – Указ Президиума ВС РСФСР от 24.08.1977 г. «О переименовании некоторых населённых пунктов в Чечено-Ингушской АССР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. –1977. – № 35 (сентябрь).

Щербак 2009 – *Щербак А.С.* Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 10 (78). – С. 169–175.

Яковлева 2000 – *Яковлева Г.А.* Русские терские казачьи говоры Северного Кавказа. – Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2000. – 128 с.

REFERENCES

BELYAEV A.N. *O toponimicheskom kontsepte* [On the toponymic concept]. In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 1 (423). – P. 13-21. (In Russ.).

BOLDYREV N.N. *Reprezentatsiya znanii v sisteme yazyka* [Representation of knowledge in the language system]. In: Voprosy kognitivnoi lingvistiki. – 2007. – № 4 (013). – P. 17–27. (In Russ.).

BUNINA O.A. *Landshaftnyi analiz formirovaniya geokul'turnogo prostranstva kazach'ego subetnosa v Stavropol'skom krae* [Landscape analysis of the formation of the geocultural space of the Cossack sub-ethnos in the Stavropol Territory]. Avtoref. diss. kand. geograf. n-k. – Stavropol', 2004. – 20 p. (In Russ.).

KARAULOV M.A. *Kazachestvo v proshlom i nastoyashchem: (pamyatka terskogo kazaka)* [The Cossacks in the Past and Present: (A Terek Cossack's Memoir)] / sost. pod"esaul Terskogo kazach'ego voiska M. A. Karaulov 2-oi. – Vladikavkaz: Voiskovoi shtab Terskogo kazach'ego voiska, 1912. – XV. – 384 p. (In Russ.).

KORNEVA V.V., MENYAILOVA D.B. *Osnovnye napravleniya izucheniya toponimov* [Main Directions of Studying Toponyms]. In: Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2012. – № 2. – S. 21–26. (In Russ.).

MASLOVA V.A. *Kognitivnaya lingvistika: Uchebnoe posobie* [Cognitive Linguistics] / V.A. Maslova. – Mn.: TetraSistems, 2004. – 256 p. (In Russ.).

MURZAEV E.M. *Ocherki toponimiki* [Essays on Toponymy]. – M.: Mysl', 1974. – 382 p. (In Russ.).

POTTO V.A. *Dva veka terskogo kazachestva (1577–1801)* [Two Centuries of the Terek Cossacks (1577–1800)]. V 2 tomakh. T.I. – Vladikavkaz: Elektropechatnaya tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, 1912. – 116 s.; 1912 – 247 p. (In Russ.).

SULEIMANOV A.S. *Toponimiya Chechni* [Toponymy of Chechnya]. – Nal'chik: Izd. tsentr «El'-Fa», 1997. – 683 p. (In Russ.).

TVERDYI A.V. *Kavkaz v imenakh, nazvaniyakh, legendakh: opy`t toponimicheskogo slovarya.* [The Caucasus in Names, Titles, and Legends: toponymic dictionary experience]. – – Krasnodar: Platonov I., 2008.– 432 p. (In Russ.).

TKHAKAKHOV V.KH. *Identichnost' i pamyat' v toponimicheskoi politike Chechni* [Identity and Memory in the Toponymic Policy of Chechnya]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2019. – № 2. – S. 40–49. (In Russ.).

TKHAMOKOVA I.KH. *Terskoe kazachestvo v e`tnokul`turnom prostranstve Severnogo Kavkaza (XVI – nachalo XX v.*) [The Tersky Cossacks in ethnocultural space of the North Caucasus (16th – the beginning of the 20th century)]. – Nal`chik: Redakcionno-izdatel`skij otdel IGI KBNCz RAN, 2017. – 460 p.

Ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 24.08.1977 g. «O pereimenovanii nekotorykh naselennykh punktov v Checheno-Ingushskoi ASSR» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated 24.08.1977 "On the Renaming of Certain Settlements in the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic"]. In: Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR. – 1977. – № 35 (sentyabr'). (In Russ.).

SHCHERBAK A.S. Osnovnye tipy onomasticheskikh kontseptov (na materiale regional'noi kontseptosfery) [Main Types of Onomastic Concepts (Based on the Regional Conceptual Domain)]. In: Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki – 2009. – №10 (78). – P. 169–175. (In Russ.).

YAKOVLEVA G.A. Russkie terskie kazach`i govory` Severnogo Kavkaza [Russian Terek Cossack dialects of the North Caucasus]. – Nal`chik: Poligrafservis i T., 2000. – 128 p. (In Russ.).

VELIKAYA N.N. Kazaki Vostochnogo Predkavkazya v XVIII-XIX vv, [Cossacks of the Eastern Ciscaucasia in the 18th-19th Centuries] – Rostov-na-Donu, 2001. – 278 p. (In Russ.).

Информация об авторах

С.С. Каширокова – старший лаборант научно-образовательного центра русского языка и культуры.

Information about the author

S.S. Kashirokova – Senior Laboratory Assistant at the Russian Language and Culture Research and Education Center.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 16.01.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 82-31+82-32
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-262-270
EDN: RGDBSA

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТНОГО ПРОСТРАНСТВА «ЮЙ» В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Зульфия Мустафировна Ульбашева
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, z.gaboeva@yandex.ru, https: // orcid.org/0000-0003-0085-077X

Аннотация: В статье рассматриваются особенности репрезентации в карачаево-балкарском языке концепта «юй» ('дом'), представляющего собой древнейший архетип, символизирующий сакральное пространство. Исследуемый концепт является многослойной структурой и состоит из *эмоционального* (спокойствие, защита от внешнего мира), *этического* (место воспитания подрастающего поколения), *эстетического* (декоративное убранство дома), *магического* (место проведения ритуалов, обрядов) и *сакрального* (место сохранения связи поколений) компонентов. Анализ языкового материала позволяет нам расшифровать систему смыслов, воплощающую культурные коды этноса. Так, в статье представлена экспликация этнографической лексики, связанной как со строительством дома и его внутренним убранством, так и с обрядами и ритуалами, сопровождающими все этапы начиная от выбора места до заселения в новый дом и приема гостей (*традиции куначества*). На материале паремий выделяется ядро концепта «юй» (жилище, семья) и концептуальные признаки (гостеприимство/гость, хозяин, счастье, воспитание и др.).

Ключевые слова: концепт «юй», языковая картина мира, карачаево-балкарский язык, лингвокультура, лексическая единица, паремиологическая единица.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (договор № 45) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Ульбашева З.М. Репрезентация концептного пространства «юй» в карачаево-балкарской лингвокультуре // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 262-270. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-262-270. EDN: RGDBSA.

© Ульбашева З.М., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

REPRESENTATION OF CONCEPT AREA «U'I» IN KARACHAY-BALKARIAN LINGUOCULTURE

Zulfiya M. Ulbasheva
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, z.gaboeva@yandex.ru, https: // orcid.org/0000-0003-0085-077X

Abstract: This study discusses the features of the representation of concept «house» in karachay-balkarian language, in which the house is the oldest archetype that symbolizes sacred area. The concept under study is a multi-layered structure that consists of *emotional* (peace and protection from the outside world), *ethical* (a place for raising the younger generation), *aesthetic* (decorative elements of the house), *magical* (a place for rituals and ceremonies), and *sacred* (a place for preserving the connection between generations) components. The analysis of linguistic material allows us to decipher the system of meanings that embodies the cultural codes of an ethnic group. The article presents an explication of ethnographic vocabulary related to the construction of a house and its interior design, as well as the rituals and ceremonies that accompany all stages, from choosing a location to moving into a new house and welcoming guests (the tradition of «kunachestvo»). The material of paroemias reveals the core of the concept "yu" (dwelling, family) and its conceptual features (hospitality/guest, family, master, happiness, indoctrination, etc.).

Key words: concept «u'i», linguistic picture of the world, karachay-balkarian language, linguoculture, lexical unit, paremiological unit.

Acknowledgements and funding: The study was conducted with the financial support of an Internal grant from the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov «Within the Priority 2030 program» (Agreement no. 45).

For citation: Ulbasheva Z.M. Representation of concept area «u'i» in karachay-balkarian linguoculture. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 262-270. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-262-270. EDN: RGDBSA.

© Ulbasheva Z.M., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Актуальность исследования обусловлена интересом современного языкознания к изучению концептуальной картины мира, в которой закодирована ценная информация об особенностях отражения миропонимания этноса.

Объектом исследования являются лексические и паремиологические единицы карачаево-балкарского языка, вербализующие концепт «юй». *Предметом* – пространственный концепт «юй» как ментальная и вербальная единица, репрезентирующая культурный опыт этноса.

Цель статьи – моделирование концептного пространства «юй», описание его репрезентантов в карачаево-балкарской лингвокультуре. *Материалом* исследования послужили толковые, паремиологические, фразеологические словари карачаево-балкарского языка, этнографические источники. *Задачи*: описать словарные дефиниции концепта «юй» с лингвокультурной информацией; выявить и охарактеризовать репрезентанты концептного пространства «юй» на материале лексических и паремиологических единиц; анализ номинаций артефактов (архитектура, предметы быта). Для решения данных задач использованы метод сплошной выборки, когнитивный анализ и компонентный анализ.

Концепту «дом», как одному из ключевых концептов этнической картины мира, посвящены труды на материале разных языков (англ., исп., каз., каб.-черк., кар.-балк., кит., нем., осет., русск., турец., франц.) таких исследователей как:

1) на материале фольклора (паремиологические единицы, благопожелания/проклятия, эпос): *М.А. Ахматова* [Ахматова 2020]; *Д.А. Кочиева* [Кочиева

2023]; *М.Ч. Кремшокалова, Р.Х. Урусов* [Кремошокалова, Урусов 2015]; *И. Ли, С. Тянь* [Ли, Тянь 2014]; *Ю.Н. Люткина, Д.Р. Цирихова* [Люткина, Цирихова 2016]; *Г.К. Мустафина, С.С. Никамбаева* [Мустафина, Никимбаева 2013] и др.;

2) на материале художественных текстов: *З.М. Ульбашева* [Ульбашева 2017]; *О.А. Фещенко* [Фещенко 2005]; *Д.Х. Шугушева* [Шугушева 2017] и др.;

3) в медиадискурсе и современном искусстве: *М. Коссаковска-марас* [Коссаковска-марас 2014], *М.В. Логинова, Н.И. Прохорова* [Логинова, Прохорова 2022]; *А.В. Марьина* [Марьина 2015]; *И.С. Строева* [Строева 2015];

4) в патриотическом дискурсе: *Т. Гао, Д.Д. Гудков* [Гао, Гудков 2018].

Новизна исследования заключается в попытке моделирования концептного пространства «юй» в карачаево-балкарском языке на лексическом, этимологическом, паремиологическом и этнографическом материале.

Основная часть

Понятие дома является одним из древнейших архетипов, который символизирует ни только значение жилища, но и эмоциональную составляющую, связанную с чувством защищенности, стабильности и душевной гармонии. Дом представляет собой не просто строение, а сакральное пространство, объединяющее прошлое, настоящее и будущее.

Концептное пространство лексемы «юй» (дом) включает в себя понимание дома как жилища, построенного из определенных материалов (*таш, агъач и др.*), имеющее специфическое убранство, где каждый элемент отражает этнокультурную информацию; и понимание дома, как семьи, состоящей из *юй таматала* (старших, главы семейства), *юй бийче* (хозяйки), *юйдегиле* (домочадцев), где каждый член семьи выполняет свои функции, предписанные в Тау адет (Горский этикет). Во всех лингвокультурах концепт «дом» относится к базовым концептам. Понятийные составляющие концепта «юй» в карачаево-балкарском языке представлены в следующих словарных дефинициях: ***Юй*** – 1. дом, жилище (*жер юй* – землянка, *тёнгертке юй* – дом из сруба); 2. комната (*отоу юй* – комната молодоженов); 3. двор, усадьба (*юй аллы/арбаз* – преусадебный участок, *юй арты* – задний двор); 4. семья, семейство (*бай юй* – богатое семейство, *жарлы юй* – бедная семья) [КБРС 1989: 781-782]. Согласно данным этимологического словаря тюркских языков, лексема ***өй*** имеет следующие значения: 1) дом, юрта, кибитка, жилье, комната; 2) домохозяйство; 3) помещение, постройка, подсобка; 4) место обитания; 5) семья, домочадцы (*аз., каз., турк., кир., ккал., алт., караг., тув., уз.*). Все значения лексемы исторически могли быть объединены между собой комплексной семантической связью [Севортян 1974: 513].

Лексема *мекям* в первом значении является синонимом лексемы дом: Мекям – 1) жилье, кров, помещение, здание; 2) хлев; ферма. *Мекямынг такъыр болса, кёлюнг да такъыр* – Если жилье тесно, то и душа печальна [КБРС 1989: 464].

При анализе словарных дефиниций с лексемой *юй*, выделены семантические словосочетания с лингвокультурным содержанием, например: *ата юй* – родительский дом, *уллу юй* – большой дом (этн. дом стариков), *къонакъ юй* – гостиный дом (дом для гостя), *аш юй* – кухня (кухня как отдельный дом), *таш юй* –

каменный дом, *тёнгертке юй* – бревенчатый дом, *топуракъ-баш юй* – землянка, *саман юй* – саманный дом, *юй къач* – этн. подарки на свадьбе для семьи жениха, *киши юй* – чужой дом, *юй тамата* – глава семьи, *юй жашау* – семейная жизнь, *юй болуб джашаргъа* – жить отдельной семьей, *юйюр-баур болуб джашаргъа* – жить дружно, *юй анасы* – домовой, букв. «мать дома», *юй кёллю* – хозяйственный (букв. настроен на улучшение жилищных условий), *юйюм кюнюм демеген* – беспечный, букв. «не думающий о своем доме, о своем дне»; *юйюн суу бла жууду-ургъа* – растратить впустую имущество, *тюбсюз юй кибик* – ненадежный человек (букв. как дом без фундамента), *юйда бек, мен да бек* – сидеть в четырех стенах, *юй керек* – приданое невесты, *юй деб юйю джокъ, мал деб малы джокъ* – ни кола, ни двора (букв. ни дома, ни скота), *бир юйню ичича жашаргъа* – жить одной семьёй, *юй болургъа* – обзавестись семьёй, *юйге киргенлик* (этн.) – подарок в дом родственников мужа в честь первого визита молодой невестки; примеры благопожеланий: *Юйге игилик!* – Мир вашему дому! *Юйге жууукъ бол!* – Добро пожаловать! (букв. будь близким дому). *Толу юй болсун!* – Чтобы дом был полон (детей)! Примеры проклятий: *Юйюнг къурусун!* – Чтобы твой дом опустел! *Юйюнге эмина кирсин!* – Да войдет в твой дом чума! *Юйюнг жабылсын!* – Чтобы все в твоем доме вымерли! (букв. чтобы твой дом закрылся). Следует отметить, что согласно Текееву К.М. данное проклятие связано с привычкой в повседневной жизни закрывать на ночь дом на засов только с внутренней стороны, с внешней – она всегда была приоткрытой, даже если дома никого не было, «плотно ее закрывали лишь в том случае, когда в доме был покойник, пока там было еще мало людей, чтобы покойник мог проститься с родным очагом» [Текеев 1989: 111] С этой же традицией связана фразеологическая единица: *эшиги жабылыргъа* – букв. у него закрылись двери, т.е. с ним произошла большая беда.

На основе паремиологического материала мы представили ядро концепта «юй»: *юй* в значении «жилище» и *юй* в значении «семья». Юй (в значении жилище) репрезентован в паремиях: *Юй ариуу – топуракъ, адам ариуу – опуракъ* – Дом красит извёстка, человека – одежда. *Юйюне къутургъан ийнек кирсе, мюйюзюне илинник жокъду* – Если войдет бешеная корова, нечему за рог зацепиться, т.е. бедный дом. *Жарлы юйню киштигича* – Как кошка бедного дома (о худом человеке). *Кеси юйюмде мен да ханма* – У себя дома, и я – главный. *Хантына кёре тузу, юйюне кёре къызы* – По вкусу можно понять соль в еде, по дому (состоянию) можно понять девушку.

Значительный пласт паремиологических единиц, вербализующих концепт «юй» представлен с концептуальным признаком ближней периферии – гостеприимство/ гость (*къонакъ алыу/къонакъ*). Данные паремии репрезентируют глубоко укоренившуюся в горских народах традицию куначества. Известно, что у карачаевцев и балкарцев гостеприимство было не просто нравственным долгом, а «священным, издревле освященным религией долгом» [Мусукаев, Першиц 1992: 182]. *Къонакъ Тейрини атындан келсе, адам анга къуллукъ этерге керекди* – Раз гость пришел от имени Тейри (главное божество в тенгрианстве), то человек обязан ему служить. *Къонакъ – Аллахны къонагъыды* – Гость от бога/Аллаха. Проявить гостеприимство – значит снискать себе благорасположения добрых божеств, в обратном случае можно навлечь на себя гнев злых духов. К этим мыслям

восходят проклятия: *Юйюнг къонакъ кирмеген юй болсун!* – Чтобы в твой дом не ступала нога гостя! *Этген азыгъынгы ашаргъа адамынг болмасын!* – Чтобы некому было есть приготовленную тобой еду!

Юй (в значении «семья») выражается в паремиях, репрезентирующих одобрение своевременного создания семьи: *Эртте турсанг жол алырса, эртте юйленсенг тёлю алырса* – Раннее пробуждение – к дороге, раннее создание семьи – к поколению (внукам). *Эртте тургъан бла эртте юйленген сокъранмаз* – Кто рано встал, и кто рано создал семью – не пожалеют. Семья в паремиях также представлена как главное место воспитания подрастающего поколения: *Уясында не кёрсе, учханда аны этер* – Что увидит, будучи в гнезде (в семье), то и в полете сделает. *Уясында юйренмеген, учханда юйренмез* – Не научившись в гнезде (дома/в семье), не научится и в полете.

Таким образом, в паремиях, репрезентирующих концепт «юй», дом представлен как сакральное пространство, отражающее хозяина и семью с одной стороны, и как место воспитания и формирования личности – с другой.

Для более глубокого понимания системы ценностей этноса, связанной с концептом «дом», необходимо обратиться к этнографическому материалу. Как известно, строительство дома является важным моментом в жизни каждого этноса, о чем свидетельствует сопровождение магическими ритуалами всех этапов строительства: от выбора места и закладки фундамента до заселения в новый дом. Так, исследователи традиционной культуры карачаевцев и балкарцев описывают обычай оставления в выбранном месте сосуда с водой или молоком: если к утру сосуд был не тронут, то место считалось подходящим для строительства дома. Перед закладкой фундамента под фундамент закладывали в разное время различные священные предметы: от камней (куски священного камня *къадау таш*) и бузы (хмельного напитка для веселой жизни), до дуа (талисман, написанный муллой) после принятия мусульманства (Г.Х. Мамбетов [Мамбетов 2008], А.И. Мусукаев, А.И. Першиц [Мусукаев, Першиц 1992]). Исследователь карачаево-балкарского зодчества Э.Б. Бернштейн отмечает, что основным материалом строительства домов у карачаевцев и балкарцев были камень (*таш*) и древесина (*агъач*). Сама подготовка строительных материалов имела сакральный смысл. Так, дерево считалось живым существом, и лес вырубался до или после сокодвижения в дереве (ранней весной или поздней осенью), иначе «демоны леса» могли покарать. При строительстве дома все камни в стене карачаевцы и балкарцы называли аналогично частям тела или суставам человека. Каждый камень имел свое место и назначение: *табан таш* (пяточный камень) – камень, служащий балансом и опорной точкой для стены; *билек таш* (камень-предплечье) – камень, обеспечивающий устойчивость за счет своей длины, который ставился исключительно на угол стены; *жингирик таш* (камень-локоть) – камень, который также устанавливался на угол стены, однако он короче «предплечья». Верхние части дверей и окон выкладывались из арочных камней (*аркъа* – спина) [Бернштейн 1993: 88-92].

При устройстве крыши поперек жилища укладывались две балки (*аркъау*). Как отмечает К.М. Текеев, *аркъау* был одним из сакральных элементов традиционного карачаево-балкарского жилища. Так, благополучную семью сравнивали

с прочным аркъау, с ним же связано проклятие – *Аркъау оюлсун!* – Пусть рухнет аркъау! Продольные три балки имели название *аралык* (*ара* – центр): *Юйюнгю аралыгъы кючлю болсун!* – благопож. Пусть аралыки в твоем доме будут крепкими! *Юйюнгю аралыгъы сынсын!* – прокл. Пусть сломается аралык твоего дома! Аралыки дома поддерживались специальными подпорками (*маймул* – обезьяна), имитирующими бегущих обезьян [Текеев 1989: 108].

Что касается внутреннего убранства дома: пространство карачаево-балкарского жилища делилось на «мужскую» (правую) и «женскую» (левую) часть. Посередине комнаты находился *отжагъа/тыбыр* – очаг, который имел глубокое культурное и практическое значение. С очагом были связаны многочисленные обряды, включая магические действия и обычаи гостеприимства. Место у очага определяло социальный статус гостя или члена семьи. Дериваты от *тыбыр – тыбырлы* – букв. очажный, имеющий очаг, то есть счастливый: *къууанч тыбырлы болургъа* – сильно обрадоваться; *тыбырсыз* – букв. безочажный, т.е. бездомный, бродяга. Священными также считались камни по краям очага, которые никогда не менялись – *тыбыр ташла*. (прокл. *Тыбырынг къурусун!* – Да высохнет твой тыбыр!). Не менее сакральной была надочажная цепь (*сынджыр*), с которой связаны культовые свадебные обряды приобщения новобрачной к семье.

Самое почетное место в доме, предназначавшееся для старшего члена семейства/ гостя *(тёр)* находилось у очага на противоположной стороне входа: *Бир аягъым тёрде, бир аягъым кёрдеди* – Одной ногой на почетном месте, другой – на том свете. *Тёрдеги кюлсе, тышындагъы ышарыр* – букв. если смеется тот, кто на почетном месте, улыбнется и тот, кто во дворе (т.е. младший берет пример со старшего) (*тёр* – святое место в языческих храмах [Малкондуев 2001: 38]). Как отмечает З.А. Кучукова, тёр находился на скальной стене, являющейся основой жилища, ценность которого «абсолютизирована тем, что данная скальная стена знаменует имманентность вертикали над горизанталью в пространстве дома» [Кучукова 2005: 70].

Особый интерес представляет декоративное убранство дома, включавшее яркие войлочные ковры (*кийизы*) с зооморфными мотивами, которые украшали стены (*бичген кийиз*), полки с постельными принадлежностями (*жыйгъыч кийиз*). На стену также вешали оружие, музыкальные инструменты (*сыбызгъы* – свирель, *къобуз* - гармошка). Вдоль стены устраивали полку (*баш тапха*), на которую расставляли красивую утварь и посуду [Карачаевцы. Балкарцы 2014: 212].

Таким образом, концепт «юй» представляет собой не просто физическое строение, а сложный социокультурный феномен, объединяющий материальную среду, социальную структуру и духовные смыслы.

Заключение

Анализ карачаево-балкарского лексического, паремиологического, этнографического материала, вербализующего концепт «юй», позволил нам сделать следующие выводы: дом в сознании этноса представляет собой: 1) место защиты от внешнего мира; 2) пространство связи поколений и соблюдения традиций, риту-

алов и обрядов; 3) центр идеологического воспитания подрастающего поколения; 4) зеркало, отражающее характер, вкус и благосостояние хозяев; 5) место реализации древнейшей традиции куначества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ахматова 2020 – *Ахматова М.А.* Особенности репрезентации концепта «дом» в карачаево-балкарском нартском эпосе // Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Языки и литературы в поликультурном пространстве России: современное состояние и перспективы развития», посвященной 85-летию со дня рождения народного поэта КЧР Назира Ахъяевича Хубиева. – Карачаевск, 2020. – С. 131-136.

Бернштейн 1993 – *Бернштейн Э.Б.* Архитектура балкарского народного жилища. – М.: Международный фонд исторической науки: Дикси, 1993. – С. 80-130.

Гао, Гудков 2018 – *Гао Т., Гудков Д.Б.* Концепты «родина» и «дом» в русском и китайском патриотическом дискурсе // Мир русского слова. – 2018. – № 1. – С. 40-47.

КБРС 1989 – Карачаево-балкарско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1989. – 832 с.

Коссаковска-марас 2014 – *Коссаковска-марас М.* Особенности репрезентации концепта дом в советском и современном российском кинематографе // Мова. – 2014. – № 21. – С. 83-88.

Кочиева 2023 – *Кочиева Д.А.* Сравнительный анализ английских и осетинских паремий с концептом «дом» // Национальная Ассоциация Ученых. – 2023. – № 89-1. – С. 6-11.

Кремшокалова, Урусов 2015 – *Кремшокалова М.Ч., Урусов Р.Х.* Репрезентация концепта «дом» в кабардино-черкесских благопожеланиях и проклятиях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – Выпуск 3-8. – С. 106-108.

Кучукова 2005 – *Кучукова З.А.* Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). – Нальчик: Из-во М. и В. Котляровых, 2005. – 312 с.

Ли, Тянь 2014 – *Ли И., Тянь С.* Сопоставительный анализ русского и китайского концепта «дом» на фразеологическом уровне // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – 2014. – № 6 (49). – С. 55-61.

Логинова, Прохорова 2022 – *Логинова М.В., Прохорова Н.И.* Трансформации и интерпретации концепта «дом» в современном искусстве // Вестник культурологии. – 2022. – № 1 (100). – С. 165-177.

Люткина, Цирихова 2016 – *Люткина Ю.Н., Цирихова* Д.Р. Концепт «дом» в английской и осетинской лингвокультурах // Эволюция современной науки. Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 3-х частях. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. – Пермь, 2016. – С. 80-84.

Малкондуев 2001 – *Малкондуев Х.Х.* Этническая культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 176 с.

Мамбетов 2008 – *Мамбетов Г.Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: «Эль-фа», 2008. – 356 с.

Марьина 2017 – *Марьина А.В.* Функционирование концепта Home/House в современном рекламном дискурсе Великобритании// Вестник Вятского государственного университета. – 2015. –№1. – С. 108-114.

Мустафина, Никамбаева 2013 – *Мустафина Г.К., Никамбаева С.С.* Репрезентация концепта «дом» в английской, русской, казахской и турецкой картинах мира // В сборнике: Россия и Германия: взаимодействие языков и культур. Материалы докладов международной научно-методической конференции. – Череповец, 2013. – С. 192-197.

Мусукаев, Першиц 1992 – *Мусукаев А.И., Першиц А.И.* Народные традиции кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г, 1992. – 243 с.

Строева 2015 – *Строева И.С.* Концепт «дом» в текстах русскоязычной и англоязычной рубричной рекламы // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2015. – № 12 (39). – С. 133-136.

Текеев 1989 – *Текеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы: традиционная система жизнеобеспечения. – М.: Наука, 1989. – 247 с.

Ульбашева 2017 – *Ульбашева З.М.* Репрезентация концепта «дом» в поэзии К. Кулиева // Материалы Всероссийской научной конференции «Кулиевские чтения», посвящённой 100-летию со дня рождения народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Государственных премий РСФСР и СССР, лауреата Ленинской премии Кайсына Шуваевича Кулиева. – Нальчик, 2017. – С. 259-263.

Фещенко 2005 – *Фещенко О.А.* Концепт дом в художественной картине мира А.И. Цветаевой (на материале прозаических текстов). Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к. ф. н./ Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 2005.

Шугушева 2017 – *Шугушева Д.Х.* Фразеологическая репрезентация концепта «Унэ» (дом) в произведениях А.П. Кешокова // В сборнике: Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты. Сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Под общ. ред. Т.М. Сигитова. – Пермь, 2017. – С. 116-118.

REFERENCES

AXMATOVA M.A. *Osobennosti reprezentacii koncepta «dom» v karachaevo-balkarskom nartskom e`pose* [Features of the Concept "Home" in the Karachay-Balkar Nart Epic]. IN: Languages and Literatures in the Multicultural Space of Russia: Current State and Development Prospects. – Karachaevsk, 2020. – P. 131-136. (In Russ.).

BERNSHTEJN E.B. *Arxitektura balkarskogo narodnogo zhilishha* [Architecture of the Balkarian folk dwelling.] – Moscow.: International Foundation for Historical Science: Dixie, 1993. – P. 80-130. (In Russ.).

FESHHENKO O.A. *Koncept dom v xudozhestvennoj kartine mira A.I. Czvetaevoj (na materiale prozaicheskix tekstov)* [The Concept of the House in the Artistic Worldview of A.I. Tsvetaeva (Based on Prose Texts)]. Abstract of the dissertation. – Novosibirsk, 2005. (In Russ.).

GAO T., GUDKOV D.B. *Koncepty` «rodina» i «dom» v russkom i kitajskom patrioticheskom diskurse* [The concepts of "motherland" and "home" in Russian and Chinese patriotic discourse]. IN: The world of the Russian word, 2018. № 1. P. 40-47. (In Russ.).

Karachaevo-balkarsko-russkij yazy`k [Karachay-Balkar-Russian Dictionary]. – Moscow: Russian language, 1989. – 830 p. (In Russ.).

KOCHIEVA D.A. Sravnitel`ny`j analiz anglijskix i osetinskix paremij s konceptom «dom» [Comparative Analysis of English and Ossetian Proverbs with the Concept of "Home"]. IN: National Association of Scientists. – 2023. – № 89-1. – P. 6-11. (In Russ.).

KOSSAKOVSKA-MARAS M. *Osobennosti reprezentacii koncepta dom v sovetskom i sovremennom rossijskom kinematografe* [Features of the Concept of House in Soviet and Contemporary Russian Cinema]. IN: Mova. – 2014. – № 21. – P. 83-88. (In Russ.).

KREMSHOKALOVA M.CH., URUSOV R.X. *Reprezentaciya koncepta «dom» v kabardino-cherkesskix blagopozhelaniyax i proklyatiyax* [Representation of the Concept "Home" in Kabardian-Circassian Wishes and Curses]. – 2015. – №3-8. – P. 106-108. (In Russ.).

KUCHUKOVA Z.A. *Ontologicheskij metakod kak yadro e`tnopoe`tiki: (Karachaevo-balkarskaya mental`nost` v zerkale poe`zii)* [Ontological Meta-Code as the Core of Ethnopoetics: (Karachay-Balkar Mentality in the Mirror of Poetry)]. – Nalchik, 2005. – 312 p. (In Russ.).

LI I., TYAN` S. *Sopostavitel`ny`j analiz russkogo i kitajskogo koncepta «dom» na frazeologicheskom urovne* [Comparative analysis of the Russian and Chinese concept of "home" at the phraseological level]. IN: Social and Humanitarian Bulletin of the South of Russia. – 2014. – № 6 (49). – P. 55-61. (In Russ.).

LOGINOVA M.V., PROXOROVA N.I. Transformacii i interpretacii koncepta «dom» v sovremennom iskusstve [Transformations and interpretations of the concept "home" in contemporary art]. IN: Bulletin of Cultural Studies. – 2022. – № 1 (100). – P. 165-177. (In Russ.).

LYUTKINA YU.N., CIRIXOVA D.R. *Koncept «dom» v anglijskoj i osetinskoj lingvokul`turax* [The concept of home in English and Ossetian linguocultures]. In: The evolution of modern science – 2016. – P. 80-84. (In Russ.).

MALKONDUEV X.X. *E`tnicheskaya kul`tura balkarcev i karachaevcev* [Ethnic Culture of the Balkars and Karachais]. – Nalchik: Elbrus, 2001. – 176 p. (In Russ.).

MAMBETOV G.X. *Tradicionnaya kul`tura kabardincev i balkarcev* [Traditional culture of the Kabardians and Balkars]. – Nalchik, 2008. – 356 p. (In Russ.).

MAR`INA A.V. Funkcionirovanie koncepta Home/House v sovremennom reklamnom diskurse Velikobritanii [The Functioning of the Concept of Home/House in Contemporary Advertising Discourse in the UK]. IN: Bulletin of Vyatka State University – 2015. –№1. – S. 108-114. (In Russ.).

MUSTAFINA G.K., NIKAMBAEVA S.S. *Reprezentaciya koncepta «dom» v anlijskoj, russkoj, kazaxskoj i tureczkoj kartinax mira* [Representation of the concept of "home" in the English, Russian, Kazakh, and Turkish worldviews]. IN: Russia and Germany: Interplay of Languages and Cultures. – 2013. – P. 192-197. (In Russ.).

MUSUKAEV A.I., PERSHICZ A.I. Narodny`e tradicii kabardincev i balkarcev [Folk traditions of the Kabardians and Balkars]. – Nalchik, 1992. – 243 p. (In Russ.).

SHUGUSHEVA D.X. *Frazeologicheskaya reprezentaciya koncepta «Une`» (dom) v proizvedeniyax A.P. Keshokova* [Phraseological Representation of the Concept "Une" (House) in the Works of A.P. Keshokov]. IN: The Development of Modern Science: Theoretical and Applied Aspects. – Perm 2017. P. 116-118. (In Russ.).

STROEVA I.S. *Koncept «dom» v tekstax russkoyazy`chnoj i angloyazy`chnoj rubrichnoj reklamy`* [The Concept of "Home" in the Texts of Russian- and English-Language Advertising]. IN: Scientific Discussion: Issues of Philology, Art History, and Cultural Studies, 2015. № 12 (39). P. 133-136. (In Russ.).

TEKEEV K.M. *Karachaevcy i balkarcy: tradicionnaya sistema zhizneobespecheniya* [Karachais and Balkars: a traditional system of livelihood]. – Moscow: Science, 1989. – 247 p. (In Russ.).

UL`BASHEVA Z.M. *Reprezentaciya koncepta «dom» v poe`zii K. Kulieva* [Representation of the Concept of "Home" in the Poetry of K. Kuliev]. IN: Kuliev readings. – Nalchik, 2017. – P. 259-263. (In Russ.).

Информация об авторе

З.М. Ульбашева – кандидат филологических наук.

Information about the author

Z.M. Ulbasheva – PhD (in Philology).

Статья поступила в редакцию 02.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 02.02.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-271-280
EDN: RSXDMQ

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА: ПО ДАННЫМ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСЕПРИМЕНТА

Мархаба Курманбаевна Бориева
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, rita.borieva75@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты свободного ассоциативного эксперимента, направленного на выявление особенностей концептуализации гендерных категорий в языковом сознании носителей кабардино-черкесского языка. Исследование на материале кабардино-черкесского языка позволяет изучить механизм категоризации и концептуализации фундаментальных социальных категорий в условиях специфической лингвокультурной системы. Анализ реакций на слова-стимулы «*цIыхубз*» (женщина) и «*цIыхухъу*» (мужчина) позволяет реконструировать структуру соответствующих концептов, выявить их ядерные и периферийные признаки, а также описать закрепленные в культуре этногендерные стереотипы. Установлено, что анализируемые гендерные концепты образуют асимметричную бинарную оппозицию, в которой внутрисемейная и этико-эстетическая сфера (*дахэ, гъэса, анэ*) противопоставлена сфере социального действия и нормативного авторитета (*лIыгъэ, къэру, адэ, пэж*). Данная оппозиция вербализует аксиологические модели распределения социальных ролей, закрепленные в нормативном кодексе адыгов «Адыгэ Хабзэ».

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык; языковое сознание; ассоциативный эксперимент; гендерные концепты; этногендерные стереотипы; аксиологические модели.

Для цитирования: Бориева М.К. Особенности репрезентации гендера в языковом сознании носителей кабардино-черкесского языка: по данным свободного ассоциативного эксперимента // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – 271-280. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-271-280. EDN: RSXDMQ.

© Бориева М.К., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

FEATURES OF GENDER REPRESENTATION IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE SPEAKERS: DATA FROM A FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT

Markhaba K. Borieva

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, rita.borieva75@mail.ru

Abstract. This article presents the results of a free associative experiment aimed at identifying the features of the conceptualization of gender categories in the linguistic consciousness of Kabardino-Circassian language speakers. The research on the material of the Kabardino-Circassian language allows us to study the mechanism of categorization and conceptualization of fundamental social categories in the context of a specific linguistic cultural system. The analysis of responses to the stimulus words «*цIыхубз*» (woman) and «*цIыхухъу*» (man) allows for the reconstruction of the corresponding concepts' structure, the identification of their core and peripheral features, as well as the description of entrenched cultural ethnogender stereotypes. It is established that the analyzed gender concepts form an asymmetric binary opposition, where the intrafamilial and ethical-aesthetic sphere (*дахэ, гъэса, анэ*) is opposed to the sphere of social action and normative authority (*лIыгъэ, къэру, адэ, пэж*). This opposition verbalizes the axiological models of social role distribution entrenched in the Adyghe normative code « Адыгэ Хабзэ» («Adyghe Khabze»).

Keywords: Kabardino-Circassian language; linguistic consciousness; associative experiment; gender concepts; ethnogender stereotypes; axiological models.

For citation: Borieva M.K. Features of gender representation in the linguistic consciousness of Kabardino-Circassian language speakers: data from a free associative experiment. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 271-280. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-271-280. EDN: RSXDMQ.

© Borieva M.K., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

В современной лингвистике ключевым направлением в исследовании языка стала когнитивная лингвистика, которая изучает связь языка с индивидуальным и коллективным сознанием его носителей. Язык понимается как система, отражающая особый способ осмысления мира и формирующая единую, социально закрепленную систему взглядов – своего рода коллективную философию [Урысон 2003: 52]. Он закрепляет устойчивые, стереотипные представления общества и объективирует работу человеческого сознания по интерпретации реальности [Карасик 2009: 34]. Антропоцентрическая парадигма в лингвистике сосредоточена на субъективном факторе, обращаясь к обыденному сознанию языковой личности и процессам речемыслительной деятельности, которые проявляются в метаязыковой рефлексии [Залевская 2014: 15]. Язык исследуется как инструмент коммуникации и познания, выражающий ментальные особенности, ценностные ориентации и мировоззрение его носителей, что в совокупности формирует языковую картину мира. Особый интерес представляют те элементы языка, которые передают отношение говорящего к действительности [Мудровская 2022: 66].

В рамках антропоцентрической парадигмы традиционные проблемы языкознания подвергаются пересмотру и анализу с альтернативных точек зрения, акцентирующих внимание на человеческом элементе, его психологии, сознании, а также на лингвокультурном сообществе, частью которого он является [Арутюнова 1999: 12]. Существенным является также то, что формирование и дальнейшая эволюция антропоцентрической парадигмы не предполагают полный отказ

от ранее накопленных знаний и научных достижений. Это являет собой скорей новый вектор развития научного знания, служащий новым импульсом, инициирующим обращение к традиционным проблемам языкознания и их теоретическую интерпретацию с позиций современных подходов, основанных на учете и систематизации новых эмпирических данных [Болдырев, Федяева 2023: 689]. Важной областью таких изысканий стало изучение языкового сознания с применением психолингвистических методов, среди которых наиболее продуктивным признан ассоциативный эксперимент. Экспериментальная психолингвистика исходит из того, что основу речемыслительной деятельности составляет ассоциативный механизм, устанавливающий непроизвольные и вероятностные связи – ассоциации. Благодаря своим ключевым свойствам – непроизвольности и вероятности – этот механизм обеспечивает спонтанность речи, коренящуюся в когнитивном и речевом опыте индивида [Долинский 2012: 16].

Ассоциативный эксперимент является классическим методом психолингвистики и когнитивной лингвистики, позволяющим получить доступ к содержанию языкового сознания и выявить устойчивые связи между концептами. Реакции на слово-стимул рассматриваются как проекция фрагмента языковой картины мира, отражающей культурно-специфические ценности и стереотипы [Горошко 2001].

В этом контексте особую значимость приобретают гендерные исследования языка, которые фокусируются на том, как гендерные различия и социальные роли отражаются, конструируются и воспроизводятся в языковом сознании и речевой практике [Wodak, Benke 2017: 132]. Изучение гендерного аспекта языка позволяет выявить имплицитные механизмы закрепления стереотипных представлений о мужественности и женственности, а также проследить, как эти представления влияют на коммуникативное поведение, восприятие и самоидентификацию носителей языка [Кирилина 2004: 20]. Важность таких исследований обусловлена не только теоретической потребностью в более полном описании языковой картины мира, но и практическими задачами: они служат основой для разработки инклюзивных языковых политик, способствуют преодолению дискриминационных практик в образовании, СМИ и юридической сфере, а также помогают осознать, что язык – не нейтральный инструмент, а активный участник социальных процессов [Кирилина 2000: 51]. Применение ассоциативного эксперимента в гендерной лингвистике, в частности, даёт возможность эмпирически зафиксировать различия в ассоциативных полях мужчин и женщин, выявить гендерно маркированные стереотипы и проследить их динамику в разных культурах и возрастных группах, что делает данный метод незаменимым инструментом в этой области.

Актуальность статьи обусловлена направленностью на решение ключевой проблемы когнитивной лингвистики – изучения взаимосвязи языка, мышления и культуры. Исследование на материале кабардино-черкесского языка позволяет изучить механизм категоризации и концептуализации фундаментальных социальных категорий в условиях специфической лингвокультурной системы. Работа демонстрирует эффективность применения экспериментальных методов для изучения языкового сознания, что позволяет получить объективированные данные о неосознаваемых компонентах значения и устойчивых связях в ментальном

лексиконе. Анализ аксиологических моделей и этногендерных стереотипов, вербализованных в языке, представляет значимость для этнолингвистики, социолингвистики и исследований в области сохранения культурного наследия, фиксируя динамику традиционных представлений в сознании современных носителей языка.

Цель статьи заключается в выявлении специфики репрезентации гендерных концептов ЦIЫХУБЗ (женщина) и ЦIЫХУХЪУ (мужчина) в языковом сознании носителей кабардино-черкесского языка на основе данных свободного ассоциативного эксперимента.

Научная новизна статьи заключается в том, что впервые структура гендерных концептов в кабардино-черкесском языковом сознании реконструирована на основе данных свободного ассоциативного эксперимента, что обеспечивает объективность и верифицируемость выводов. Установлено, что оппозиция «женщина – мужчина» в носителей кабардино-черкесского языка имеет характер асимметричной бинарной оппозиции по признаку «атрибутивность vs. статусность», что углубляет понимание механизмов категоризации социальной реальности в языке.

Теоретическая значимость статьи определяется ее междисциплинарным характером и вкладом в развитие лингвокогнитивного, лингвокультурологического и гендерного направлений современной лингвистики, а также в методику экспериментальных исследований языкового сознания. Работа вносит вклад в дискуссию о соотношении универсального и идиоэтнического в языке, демонстрируя механизм взаимодействия универсальных социальных категорий с уникальной системой культурных ценностей «Адыгэ Хабзэ» на материале структуры концептов концептов ЦIЫХУБЗ (женщина) и ЦIЫХУХЪУ (мужчина). Лингвокультурная специфика гендерных представлений кодируется на уровне ассоциативных связей и ценностных маркеров, формирующих структуру соответствующих концептов.

Материалом для исследования послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента, в ходе которого респондентам-носителям адыгского языка предъявлялись слова-стимулы «*цIыхубз*» (женщина) и «*цIыхухъу*» (мужчина).

Характеристика выборки и процедура

В исследовании приняли участие 100 респондентов (55 % женщин, 45 % мужчин) в возрасте от 20 до 35 лет. Все участники являются носителями кабардино-черкесского языка, проживающими на территории Кабардино-Балкарской Республики. Критерием отбора служило признание кабардино-черкесского языка в качестве родного и активное использование его в семейно-бытовом и/или профессиональном общении.

С целью получения репрезентативных данных, отражающих различные сегменты современного адыгоязычного сообщества, выборка была сформирована с учетом профессионально-социального статуса участников. В неё вошли: студенты высших учебных заведений (60 %), преподаватели школ и вузов (30 %), а

также представители иных сфер деятельности (госслужащие, работники культуры, медики – 10 %). Такое распределение обеспечило включение как формирующегося (студенчество), так и устоявшегося (преподаватели, профессионалы) языкового сознания, что позволяет учитывать потенциальную возрастную и социальную динамику в восприятии гендерных концептов.

Исследование проводилось в период с апреля по сентябрь 2025 г. Для сбора ассоциативных данных был применен метод свободного (ненаправленного) ассоциативного эксперимента в письменной форме. Процедура реализовывалась двумя параллельными способами для обеспечения удобства участия и расширения охвата:

1. Очная форма: эксперимент проводился в аудиториях Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. Участникам в групповом формате предъявлялся стимульный лист.

2. Дистанционная форма: для удаленного участия была создана и распространена через социальные сети и мессенджеры специализированная Google-форму, полностью дублирующую очный протокол.

Каждому участнику последовательно предъявлялись два слова-стимула на кабардино-черкесском языке: «***цIыхубз***» (женщина) и «***цIыхухъу***» (мужчина). Порядок предъявления стимулов был рандомизирован для исключения эффекта последовательности. Инструкция, изложенная на родном языке участников, формулировалась следующим образом: *«Пожалуйста, прочитайте представленное слово. Запишите первое слово, которое придет Вам в голову в качестве реакции на него. Важна Ваша мгновенная, спонтанная реакция. Ограничений по части речи или теме нет»*.

Всего было собрано и подвергнуто обработке 350 реакций на каждый стимул (общий объем материала – 700 реакций). Реакции, не являющиеся самостоятельными лексемами (союзы, предлоги), а также нечитаемые ответы были исключены из дальнейшего анализа (менее 1 % от общего числа). Первичная обработка включала унификацию графики (приведение к единой орфографической норме кабардино-черкесского языка) и лемматизацию (приведение словоформ к начальной форме). Далее был проведен частотный анализ, позволивший выделить ядерные (высокочастотные), периферийные (среднечастотные) и единичные реакции для каждого концепта.

Участие в эксперименте было добровольным и анонимным. Перед началом работы респонденты информировались о целях исследования и давали согласие на использование предоставленных данных в обобщенном виде для научных публикаций. Конфиденциальность персональных данных участников гарантировалась.

Анализ и обсуждение результатов

Структура концепта ЦЫХУБЗ (Женщина)

Ядерную зону концепта образуют реакции, непосредственно связанные с ***внешней оценкой, прежде всего с красотой***: «дахэ (красивая)» (35), «цIыхубз дахэ (красивая женщина)» (33), «цIыхубз екIу (красивая женщина)» (12), «тхьэIухуд (красавица, фея)» (6), «цIыхубз зытет (статная, ладная женщина)» (6),

«цIыхубз гуакIуэ (симпатичная женщина)» (5). Комплекс «красота» является центральным атрибутивным признаком. Далее следует группа реакций, связанных с ***семейно-родовыми ролями***: «анэ (мать)» (12), «нанэ (бабушка)» (10), «анэшхуэ (бабушка)» (8), «пщащэ (девушка)» (9), «пхъу (дочь)» (7), «щыпхъу (сестра)» (7). Это указывает на сильную категоризацию женщины через ее место в семейной иерархии. Такие реакции, как «сабий (ребенок)» (4), «бын (ребенок) (3), «шхын (еда)» (3), «унагъуэ цIыхубз (семейная женщина)», также говорят о роли женщины, занимаемой в языковом сознании носителей кабардино-черкесского языка.

Второй важнейший кластер реакций относится к ***внутренним, морально-этическим и поведенческим качествам***. Ключевыми здесь являются понятия «Адыгэ Хабзэ» (черкесский этикет) [Бгажноков 1999: 96]:

– *Ум и воспитание*: «губзыгъэ (умная)» (8), «цIыхубз губзыгъэ (умная женщина)» (8), «гъэса (воспитанная)» (7), «ЦIыхубз гьэса (воспитанная женщина)» (7), «Гъэсэныгъэ (воспитание)» (6).

– *Скромность и порядочность*: «Нэмыс (скромность)» (6), «нэмысыфIэ (порядочная)» (6), «цIыхубз щэныфIэ (скромная, тактичная женщина)» (5), «цIыхубз Iэдэб (кроткая женщина)» (5), «щIыкIафIэ (воспитанность, тактичность, с хорошими манерами)» (4).

– *Характер:* «щабэ (мягкая)» (7), «цIыхубз щабэ (мягкая женщина)» (8), «гуапэ (приветливая)» (4), «гуэпагъэ (приветливость)» (4).

Отдельную группу составляют реакции, описывающие ***физические характеристики и внешний вид:*** «щхьэц кIыхь (длинноволосая)» (6), «зэкIуж (статная)» (4), «цIыхубзышхуэ (крупная женщина)» (5), а также элементы традиционной одежды: «Бостей (платье)» (3), «Адыгэ фащэ (черкесское платье)» (3), «IэлъощI (платок)» (3), «дыжьын (серебро)» (3), «дыщэ (золото)» (3).

Примечательны единичные реакции, отражающие ***социальные оценки и стереотипы:*** «цIыхубз бзаджэ (злая, вредная женщина)», «тхьэмышкIэ (несчастная)» – негативный полюс; «цIыхубзым пщIэ хуащI (Женщине оказывают уважение)» и «цIыхубзыр анэщ (Женщина – мать)» – утверждение социального статуса; а также ироничная/протестная реакция «ЦIыхубзым фыщымышынэ!! (Не бойтесь женщину!)».

Структура концепта «ЦIыхухъу» (Мужчина)

Ядро данного концепта принципиально иное. Его формируют абстрактные категории ***силы и мужественности***: «лIыгъэ (мужественность)» (20), «къэру (сила)» (19), «лъэщ (сильный)» (13), «хахуэ (смелый)» (15), «цIыхухъу хахуэ (смелый мужчина)» (10), «бланэ (сильный)» (8), «цIыхухъу къэруфIэ (сильный мужчина) (5), «икъукIэ цIыхухъу еIущ (очень сильный мужчина)» (2). Мужчина оценивается через призму физической и моральной мощи.

На втором месте – ***социально-ролевые характеристики и статус:***

– *Семейная роль:* «Адэ (отец)» (15), «Дадэ (дедушка)» (12), «къуэ (сын)» (8), «дэлъху (брат)» (7). Однако, в отличие от женщины, акцент смещен не на родство, а на функцию главы: «ЦIыхухъур унагъуэм и щхьэщ (Мужчина – глава семьи)», «УнафэщI (руководитель)», «цIыхухъу унафэ (мужское решение)».

– *Социальный статус и действие:* «ЛэжьакIуэ (работник)» (8), «ЗауэлI (солдат)» (4), «лIыхъужь (герой)» (4), «цIыхухъу цIэры1уэ (известный мужчина)» (4).

Третий значимый кластер – ***нравственно-этические и волевые качества***, также вписанные в контекст «Адыгэ Хабзэ»: «Напэ (совесть, лицо)» (6), «Пэж (настоящий)» (6), «къекIу (достойный)» (5), «ЦIыхухъу нэгъэса (настоящий мужчина)» (4), «Нэмыс (совесть)» (3), «Гъэса (воспитанный)» (2). Категория «настоящести» («пэж») является ключевой оценочной характеристикой.

Физические характеристики также присутствуют («Лъагэ (высокий)», «ЦIыхухъу лъагэ», «ЗэкIуж (статный)»), но они подчинены общей идее мощи и представительности («БжьыфIэ (представительный, видный)»). Интересна связь с традиционными атрибутами: «Шы (лошадь)», «Шууэ (верхом)», «Гъуэншэдж (брюки)», «ПащIэ (усы)», «ЖьакIэ (борода)».

Сравнительный анализ и культурная интерпретация.

Проведенный анализ позволяет выделить базовые оппозиции в репрезентации гендерных концептов, которые представлены в данной таблице:

Параметр	**«ЦIыхубз» (Женщина)**	**«ЦIыхухъу» (Мужчина)**
Ядерный признак	**Качество (атрибут):** Красота (дахэ)	**Сущность/Статус:** Сила (къэру), Мужественность (лIыгъэ)
Социальная роль	**Семейно-родовая:** Мать, дочь, бабушка. **Объект уважения.**	**Статусно-функциональная:** Отец, глава семьи, работник, воин. **Субъект власти и решений.**
Оценочный идеал	**Воспитанная (гъэса),** скромная (нэмысыф1э), мягкая (щабэ), умная (губзыгъэ).	**Настоящий (пэж),** достойный (къекIу), сильный (лъэщ), с совестью (напэ).
Связь с традицией	Через **одежду** (фащэ) и **поведенческий этикет** (хабзэ, нэмыс).	Через **физические атрибуты** (конь, оружие условно), **внешность** (усы) и **кодекс чести** (напэ, нэмыс).
Физичность	Оценивается эстетически (статная, длинноволосая) и как носитель красоты.	Оценивается функционально как источник силы, выносливости и представительности.

Понятие «цIыхубз» концептуализируется в кабардино-черкесском языковом сознании по атрибутивно-реляционному принципу. Его ядро формируют семантические компоненты, описывающие качества носителя (эстетические «дахэ», морально-этические «гъэса», «нэмыс») и его позицию в системе родства («анэ», «пхъу»). Таким образом, ценность женщины определяется через комплекс присущих ей свойств и ее роль в поддержании гармонии семейно-родовой сферы.

Напротив, концептуализация «цIыхухъу» носит функционально-статусный характер. Мужчина репрезентирован как субъект социального действия и носитель власти, а его ценность обусловлена соответствием нормативному идеалу силы («лIыгъэ», «къэру»), ответственности и морального авторитета. Таким образом, выявленная асимметричная оппозиция вербализует базовые социокультурные императивы «Адыгэ Хабзэ», закрепляющие распределение гендерных ролей.

Заключение

Проведённое исследование, опирающееся на методологию свободного ассоциативного эксперимента, позволило реконструировать структуру базовых гендерных концептов в современном кабардино-черкесском языковом сознании. Полученные данные подтверждают, что концепты ЦIЫХУБЗ и ЦIЫХУХЪУ формируют асимметричную бинарную оппозицию, отражающую традиционную модель социокультурной дифференциации. Эта система объективирует аксиологический дуализм традиционной адыгской культуры: этико-эстетический и внутрисемейный комплекс противопоставлен нормативно-деятельностному и публично-статусному комплексу.

Таким образом, универсальные социальные категории приобретают в языковом сознании специфическое концептуальное наполнение, становясь вербальными репрезентантами этнокультурных аксиологических моделей – устойчивых этногендерных стереотипов.

Данное исследование вносит вклад в изучение адыгской языковой картины мира и может служить основой для дальнейших кросс-культурных сопоставлений с данными по другим языкам для выявления универсальных и идиоэтнических особенностей репрезентации гендера. Перспективным представляется изучение динамики этих стереотипов в сознании современных носителей языка, особенно молодежи, на которую влияют глобальные социокультурные тренды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Wodak, Benke 2017 – *Wodak R., Benke G.* Gender as a sociolinguistic variable: New perspectives on variation studies. The Handbook of Sociolinguistics. – 2017. – P. 127-150.

Арутюнова 1999 – *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I-XV, 896 с.

Бгажноков 1999 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. – 96 с.

Болдырев, Федяева 2023 – *Болдырев Н.Н., Федяева Е.В.* Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 686-703. doi: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703

Горошко 2001 – *Горошко Е.И.* Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М., 2001. – www.textology.ru

Долинский 2012 – *Долинский В.* Моделирование вербальных ассоциативных полей в квантитативной лингвистике: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М.: Моск. гос. лингвист. ун-т., 2012. – 60 с.

Залевская 2014 – *Залевская А.А.* Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 328 с

Залевская 2015 – *Залевская А.А.* Ментальный лексикон: конструкт, метафора или миф? // GISAP: Philological Sciences. – 2015. – № 8. – 42-44.

Карасик 2009 – *Карасик В.И.* Языковые ключи / В. И. Карасик; Науч.-исслед. лаб. "Аксиологическая лингвистика". – Москва: Гнозис, 2009. – 405 с.

Кирилина 2000 – *Кирилина А.В*. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания: Сб. ст. – М., 2000. – 47–80.

Кирилина 2004 – *Кирилина А.В*. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 252 с.

Мудровская 2022 – *Мудровская А.М*. Из опыта исследования концепта «красота»: свободный ассоциативный эксперимент // Вестник Карагандинского университета. Серия «Филология». – № 3 (107). – 2022. – 65-70. DOI: 10.31489/2022Ph3/65-70

Урысон 2003 – *Урысон Е.В*. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.

ПМА 2024 – Полевые материалы автора. Ассоциативный эксперимент в ФГБОУ ВО КБГУ им. Х.М. Бербекова, 2024.

REFERENCES

WODAK R., BENKE G. *Gender as a sociolinguistic variable: New perspectives on variation studies. The Handbook of Sociolinguistics*. – 2017. – P. 127-150. (In Eng).

ARUTYUNOVA N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. 2-e izd., ispr. – M.: «Yazyki russkoi kul'tu-ry», 1999. – I-XV, 896 p. (In Russ.).

BGAZHNOKOV B.KH. *Adygskaya etika* [Adyghe Ethics]. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 1999. – 96 p. (In Russ.).

BOLDYREV N.N., FEDYAEVA E.V. *Kognitivnye metody issledovaniya v lingvistike: kontseptual'no-inferentsionnyi analiz* [Cognitive Research Methods in Linguistics: Conceptual-Inferential Analysis]. In: Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2023. – T. 14. – № 3. – C. 686-703. doi: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703. (In Russ.).

GOROSHKO E.I. *Integrativnaya model' svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta* [Integrative Model of Free Association Experiment]. M., 2001. (In Russ.).

DOLINSKII V. *Modelirovanie verbal'nykh assotsiativnykh polei v kvantitativnoi lingvistike* [Modeling of Verbal Associative Fields in Quantitative Linguistics]: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. – M.: Mosk. gos. lingvist. un-t., 2012. – 60 c. (In Russ.).

ZALEVSKAYA A.A. *Chto tam – za slovom? Voprosy interfeisnoi teorii znacheniya slova* [What's Behind the Word? Issues of Interface Theory of Word Meaning]. – M.-Berlin: Direkt-Media, 2014. – 328 p. (In Russ.).

ZALEVSKAYA A.A. *Mental'nyi leksikon: konstrukt, metafora ili mif?* [Mental Lexicon: Construct, Metaphor, or Myth?]. In: GISAP: Philological Sciences. – 2015. – № 8. – P. 42-44. (In Russ.).

KARASIK V.I. *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. – Moskva: Gnozis, 2009. – 405 p. (In Russ.).

KIRILINA A.V. *Gendernye aspekty massovoi kommunikatsii* [Gender Aspects of Mass Communication]. In: Gender kak intriga po-znaniya: Sb. st. – M., 2000. – P. 47–80. (In Russ.).

KIRILINA A.V. *Gendernye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikatsii* [Gender Studies in Linguistics and Communication Theory]: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii. – M.: «Rossiiskaya politiche-skaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2004. – 252 p. (In Russ.).

MUDROVSKAYA A.M. *Iz opyta issledovaniya kontsepta «krasota»: svobodnyi assotsiativnyi eksperiment* [From the Experience of Studying the Concept of "Beauty": Free Association Experiment]. In: Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Filologiya». – № 3 (107). – 2022. – 65-70. DOI: 10.31489/2022Ph3/65-70 (In Russ.).

URYSON E.V. *Problemy issledovaniya yazykovoi kartiny mira: Analogiya v semantike* [Problems of Studying the Linguistic Picture of the World: Analogy in Semantics]. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. – 224 p. (In Russ.).

Polevye materialy avtora. Assotsiativnyi eksperiment v FGBOU VO KBGU im. KH.M. Berbekova, 2024 [The Author's Field Materials. Association Experiment at the Kabardian-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, 2024.]. (In Russ.).

Информация об авторе
М.К. Бориева – старший преподаватель кафедры английского языка.
Information about the author
M.K. Borieva – senior Lecturer of the English Department.

Статья поступила в редакцию 06.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.
The article was submitted 06.03.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 811
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-281-294
EDN: RYPNQC

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЛЬТИЛИНГВИЗМ В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Айшат Саидахметовна Даниева[1], **Хазрет Заурбечевич Багироков**[2]
[1] Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия, amina.s.79@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0685-0666
[2] Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, hbaqirokov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6192-7585

Аннотация. В статье рассматривается феномен художественно-творческого контактного и дистантного мультилингвизма в лингвокультурном пространстве чеченской словесности, который транслирует этнокультурный код посредством иноязычных вкраплений в коммуникативно-дискурсивных практиках национальных писателей. В качестве эмпирического материала проанализированы фрагменты из художественных произведений национальных авторов, переведенные на иностранные языки (английский, французский, немецкий). Контрастивно-типологический анализ иноязычных вкраплений, проведенный авторами статьи, ориентирован на «погружение» в языковое сознание автора, что позволило создать рабочую типологию переводческого (профессионального) билингвизма в современном чеченском языковом пространстве, которая является методологической основой художественно-творческого мультилингвизма. Сравнительно-сопоставительный метод и прием статистической обработки эмпирического материала позволяют транслировать инструмент творчества чеченских авторов в синхронии, характеризуя многогранность и аутентичность мультилингвального художественного текста. Исследование отражает сложный процесс интеграции лингвокультурных компонентов в чеченском языковом пространстве, подчеркивая значимость диалога культур через языковое разнообразие.

Ключевые слова: мультилингвизм; профессиональный билингвизм; лингвокультура; перевод; языковой контакт; коммуникация; дискурс.

Для цитирования: Даниева А.С., Багироков Х.З. Художественный мультилингвизм в чеченском языковом пространстве: к постановке проблемы // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 281-294. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-281-294. EDN: RYPNQC.

© Даниева А. С., Багироков Х.З., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

LITERARY MULTILINGUALISM IN THE CHECHEN LINGUISTIC SPACE: TOWARDS A PROBLEM

Aishat S. Danieva[1], **Hazret Z. Bagirokov**[2]

[1] Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia, amina.s.79@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0685-0666

[2] Adygea State University, Maykop, Russia, hbaqirokov@mail.ru https://orcid.org/0000-0002-6192-7585

Abstract. The article examines the phenomenon of artistic and creative contact and distant multilingualism in the linguacultural space of Chechen literature, which transmits the ethnocultural code through foreign-language inclusions in the communicative and discursive practices of national writers. The empirical material presented and analyzed includes excerpts from works of Chechen authors translated into foreign languages (English, French, and German). The contrastive-typological analysis of foreign-language inclusions carried out by the authors of the article is aimed at "immersion" in the linguistic consciousness of the author, which made it possible to create a working typology of translation (professional) bilingualism in the modern Chechen linguistic space, which is the methodological basis for artistic and creative multilingualism. The comparative method and statistical analysis of empirical data allow for the synchronic translation of Chechen authors' creative tools, characterizing the versatility and authenticity of multilingual literary texts. The study reflects the complex process of integration of linguacultural components in the Chechen linguistic space, emphasizing the importance of dialogue between cultures through linguistic diversity.

Key words: multilingualism; professional bilingualism; linguistic culture; translation; language contact; communication; discourse.

For citation: Danieva A.S., Bagirokov H.Z. Literary multilingualism in the chechen linguistic space: towards a problem. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 281-294. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-281-294. EDN: RYPNQC.

© Danieva A.S., Bagirokov H.Z. 2026
© Caucasology, 2026

Постановка проблемы

Художественно-творческий мультилингвизм (*далее* – ХТМ) является неотъемлемой частью современного социума, который, опираясь на концепцию языковой личности [Караулов 2010], презентует языковое разнообразие в творческом процессе, обогащая лингвокультурное пространство этноса. Нами рассматривается творческий инструмент чеченских писателей, так как в их творчестве присутствуют этнокультурные и иноязычные вкрапления, отражающие культуру и быт этноса. Необходимо исследовать социокультурную ситуацию мультилингвальности/мультикультуральности в чеченском языковом пространстве, которая отражает национальные ценности в рамках взаимодействующих языков. Обратимся к позиции Ж. Багана и др., которые констатируют, что «в центре интересов современной лингвистической контактологии находится многоязычный индивид: устройство его языковой компетенции, его социолингвистические характеристики и языковой материал, который он порождает» [Багана, Хапилина 2016: 16].

В словаре под редакцией И. Н. Жуковой и др. «Словарь терминов межкультурной коммуникации» мультилингвизм трактуется так:

«Мультилингвизм/многоязычие *multilingualism/bilingualism*. – Использование нескольких языков в пределах одной социальной общности. Тж. полилингвизм, мультилингвизм» [Жукова и др. 2015: 255].

По мнению Т.С. Остапенко:

«В теории мультилингвизма в фокус внимания исследователей попадают две, три языковые системы… формирующие… единое сложное образование» [Остапенко 2019: 8].

Далее в работе «Мультилингвизм: проблемы определения и основные направления исследований в современной лингвистике» Т.С. Остапенко отмечает:

«в последнее время в исследовании парадигмы «билингвизм – трилингвизм – мультилингвизм» именно мультилингвизм начинает выступать в качестве базового понятия, тогда как билингвизм и трилингвизм … рассматриваются как его варианты» [Остапенко 2018: 236].

В связи с взаимодействием языков в ситуации художественного мультилингвизма М.А. Кожевникова констатирует:

«В научном освещении этот феномен принято называть… художественный или творческий мультилингвизм» [Кожевникова 2016: 3].

Далее она отмечает:

«в качестве компонентов художественного мультилингвизма могут рассматриваться иноязычия, поскольку классическое проявление художественного мультилингвизма заключается во введении в художественный текст элементов из иных языков» [Кожевникова 2016: 8].

Исследуя ХТМ, следует учитывать способы его реализации, в которых ключевую позицию занимают иноязычные вкрапления, которые, попадая в новую лингвосистему, транслируют элементы «чужой» культуры. С.И. Влахов, С.П. Флорин в работе «Непереводимое в переводе» отмечают:

«Иноязычными вкраплениями, … являются слова и выражения …на чужом для подлинника языке … введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита» [Влахов, Флорин 2012: 293].

Необходимо подчеркнуть, что методологической базой ХТМ в чеченском языковом пространстве является переводческий (профессиональный) билингвизм, имеющий диахронические основания, заложенные в 30-е гг. XX в. Профессор И.Г. Овчинникова и др. отмечают, что «переводческий билингвизм часто называют билингвизмом профессиональным» [Овчинникова 2021: 6].

Недостаточность лингвистических исследований по проблеме художественного мультилингвизма в общем и кавказском языкознании мотивировало нас рассмотреть данную проблему, актуальность работы обусловлена тем, что художественные произведения чеченских писателей остаются малоизученными в

мультилингвальном/мультикультуральном поле. Цель – выявить и анализировать иноязычные вкрапления в мультилингвальных текстах национальных писателей, определить особенности их употребления в пределах художественного текста, раскрыть специфику функционирования в оригинале и переводном тексте. Задача – идентифицировать авторскую специфику иноязычных вкраплений, как составляющую художественного мультилингвизма. Научная новизна состоит в том, что впервые в чеченском языковом пространстве анализируется ХТМ в произведениях национальных писателей. В современной теоретической лингвистике определения мультилингвизма многозначны и позволяют расширить спектр исследований текстов чеченской словесности в контексте культурной трансференции, декодируя этнокультурное пространство, которое способствует презентации национальной аксиологии и ментальные мотивации ИАЯС.

Степень изученности вопроса

Комплексное изучение иноязычий связывают с именами ученых: Л.В. Щерба (1974), В. Гумбольдт (1985), А.А. Реформатский (1996), С.И. Влахов, С.П. Флорин (2012), И.Н. Жукова и др. (2015), М.А. Кожевникова (2016), А.В. Подобрий (2017), С.Г. Николаев (2019), Х.З. Багироков (2022) и др. Системное использование иноязычных вкраплений в мультилингвальных когнитивно-дискурсивных практиках (*далее* – КДП) писателей является практически неотъемлемой частью их творчества, так как ИАЯС воспринимает и создает творчество через призму родной лингвокультуры (языковой картины мира). Творчество писателей и художественный перевод неразрывно связаны. Художественный перевод – творческий процесс, сохраняющий смысл, суть, ритм, авторский стиль оригинала, который позволяет взаимодействовать с разными языками мира.

Следует отметить, что наиболее динамичное развитие переводческого билингвизма в чеченском языковом пространстве приходится на период начала XXI в. Произведения чеченских писателей переведены на многие языки мира: английский, французский, немецкий, арабский, турецкий, грузинский, китайский, вьетнамский и др. Отметим также, что наиболее распространенным видом перевода творчества чеченских писателей является – художественный (профессиональный) перевод и авторский перевод. Авторский перевод – явление редкое, вызывающее интерес исследователей. В связи с этим С. Г. Николаев отмечает, что

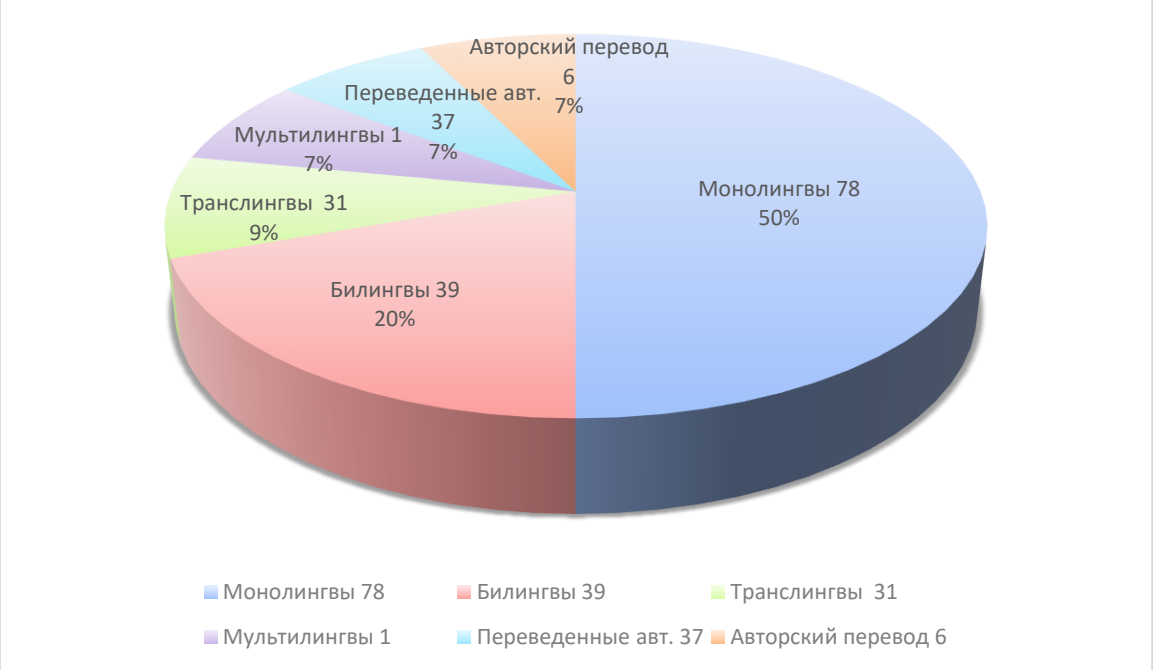
> «автор – чаще всего по причине неудовлетворенности качеством имеющихся переводов своих произведений или… в связи с какими-то иными соображениями – решается сам, без помощи профессиональных переводчиков, обратиться к переложению своего произведения на другой язык»[1].

Таким образом, мотивацией писателя к созданию авторского перевода может оказаться широкий спектр причин. На современном этапе произведения че-

[1] Об одном стихотворении Бродского и его переводе, выполненном автором // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=1932&level1=main&level2=articles2014 (дата обращения: 02.02.2026 г.).
[2] Союз писателей// Электронный ресурс. Режим доступа: https://spchr.ukit.me/ (дата обращения 02.02.2026).

ченских писателей переведены на иностранные языки, что способствует становлению ХТМ в чеченском языковом пространстве. Данный процесс приобретает все более широкий масштаб.

Диаграмма 1. Количественные параметры и специфика творчества членов Союза писателей ЧР[1] по состоянию на 07.01.2026 г.

Исходя из статистических данных (*Диаграмма 1*), констатируем, что большинство членов Союза писателей Чеченской Республики используют национальный язык в качестве творческого инструмента.

Анализируя языковую ситуацию в Чеченской Республике, профессор Т.В. Жеребило отмечает, что

> «основным типом языкового взаимодействия является чеченско-русский билингвизм, полилингвальный характер языковых взаимоотношений в республике создаёт неоднозначную, многослойную языковую картину…» [Жеребило 2015: 3].

В дальнейшем данная гипотеза требует междисциплинарных научных исследований в чеченском языковом пространстве.

В работе необходимо исследовать лингвистический/междисциплинарный феномен ХТМ национальных писателей, который является перспективным для дальнейших исследований. Теоретическая и практическая база исследования по данной проблематике способствует разработке рабочей типологии авторской языковой личности писателя в пространстве художественной словесности:

1) процесс создания художественных произведений на родном языке без авторского перевода на русский язык;

2) процесс создания художественных произведений на родном языке с авторским переводом на русский язык;

3) процесс создания художественных произведений на русском языке без авторского перевода на родной язык;

4) процесс создания художественных произведений на русском языке с авторским переводом на родной язык;

5) процесс создания художественных произведений на двух языках без авторского перевода;

6) процесс создания художественных произведений на двух языках с авторским переводом;

7) процесс создания художественных произведений на нескольких языках;

8) художественный (профессиональный) перевод.

Типологию творческой деятельности писателей чеченского языкового пространства мы характеризуем как монолингвальную (см. А.А. Леонтьев (2003), Ю.Н. Караулов (2010)), к монолингвальным писателям относим авторов, создающих свои произведения на родном языке: М. Ахмадов «Мохехь богу чиркх» («Чтобы свечу не задуло ветром»), М. Бексултанов «Болийначу юхабоьрзу некъ…» («Дорога, возвращающаяся к началу»), М. Арсанукаева «Бераллин г1енаш» («Сны детства») и др.; билингвальную (см. Р.О. Туксаитова (2005), У.М. Бахтикиреева (2005, 2019), Х.З. Багироков (2012, 2024)), писатели-билингвы – авторы, создающие свои произведения на двух языках: С.-Х. Нунуев «Дух и золото», «Собаре лаьмнаш» («Терпеливые горы»), С. Мусаев «Хьайбийн чам муха хуьлу?». («Вкус айвы»), А. Ахматукаев «Образ солнца золотой» («Маьлхан дашо б1арлаг1а»), М. Айдамирова «Лаьмнийн х1айкал» («Талисман гор») и др.; транслингвальную (см. З.Г. Прошина (2016), Е.В. Харитонова, А.В. Сычёва (2023), С. Келлман (2019)), к транслингвальным относим писателей, выбравших в качестве инструмента творчества неродной язык: С.-А. Сайдулаев «Посланник святой земли», К. Ибрагимов «Аврора», З. Мусаева «#12 или История одного прекрасного юноши» и др.; мультилингвальную (см. М.А. Кожевникова (2016), Н.В. Лосева, Е.Б. Александровская (2022), Т.С. Остапенко (2019)); мультилингвальным автором обозначим И. Юсупова, так как автор в своей творческой деятельности использует три языка (чеченский, русский, шведский: «Иштта цхьа маьлхан де» («Один такой солнечный день»), «Вечный клич», «Den tjetjenska harden» («Чеченский очаг»).

Постановка проблемы феномена ХТМ позволяет расширить диапазон исследования и гораздо шире рассмотреть данный вопрос. В современном постмоноязычном пространстве ХТМ является естественным процессом, в котором учитывается многонациональный социум с проявлением идентичности, вербального и визуального выражения.

В процессе творческой деятельности, независимо от лингвистической системы, используемой би-/мультилингвальным автором, он часто обращается к родной лингвокультуре/национальной аксиологии. В художественной словесности иноязычные вкрапления реализуют следующие функции: а) воспроизведение

языковой картины мира автора; б) передача и трансляция исторических аспектов; в) репрезентация этноментальных ценностей через образы и характеристики персонажей.

Материалы и методы исследования

В работе используется функциональный подход к изучению и анализу практического материала, который позволяет выявить особенности этнокультурного кода в КДП оригинала с учетом их перехода в иной текст в роли иноязычных вкраплений. В качестве эмпирического материала нами рассмотрены мультилингвальные тексты чеченских писателей: М. Ахмадова, М. Бексултанова, М. Арсанукаева. Использовался прием сплошной выборки языковых единиц из КДП.

Обсуждение

Анализируя проблематику диалога культур в КДП А.В. Подобрий пишет:

«Есть два варианта подобного диалога. С одной стороны, автор с помощью родного себе языка пытается воссоздать мир «чужой» для себя культуры, с другой – с помощью неродного для себя языка создать образ своей культуры. <…> Другое дело, когда диалог ведется на русском языке, но автор и читатель принадлежат разным (в том числе и языковым) культурам. Задача перед автором стоит иная» [Подобрий 2017: 333].

По мнению В. Гумбольдта, «разные языки – … отнюдь не разные обозначения одной и той же вещи, а разные видения ее» [Гумбольдт 1985: 312]. Следует также отметить, что процесс созидания писателем произведений на неродном языке вовсе не исключает его обращения к родной лингвокультуре, делая акцент на чеченоориентированности в новом лингвокультурном «поле». Писатели обращаются к коду родной лингвокультуры, учитывая соприкосновение гетерогенных языков и культур, определяя метод их совмещения, вырабатывая в КДП свой идиостиль, где задействованы мыслеформирование и эмоционально-экспрессивная функция на двух языках. Рассмотрение специфики ХТМ предполагает комплексный анализ иноязычных вкраплений, с выявлением их семантического и фактического своеобразия, а также служат инструментом для выявления индивидуальных особенностей писателя.

Феномен ХТМ в классическом своем проявлении заключается в том, что авторы используют этнокультурный код, который, попадая в новый язык (художественное произведение), рассматривается как иноязычное вкрапление, используемое автором по разным причинам: отсутствие эквивалента в L2 либо для достижения иных творческих целей. С.И. Влахов и другие отмечают:

«В любом, в особенности художественном, тексте имеется множество элементов, которые не поддаются переводу, взятые в отдельности, они в самом деле непереводимы» [Влахов, Флорин 2012: 9].

Необходимо отметить, что творчество писателей в социокультурных условиях мультилингвального пространства многогранно, особый исследовательский интерес вызывает лингвосистема и иноязычные вкрапления, используемые авторами в творческой деятельности. Для автора они являются отражением специфики языковой картины мира, что обусловливается доминирующей позицией родного языка в ИАЯС, представленном через призму КДП, в функции создания национального колорита. Следует отметить, что в данном исследовании не представляется возможным анализировать обширный эмпирический материал текстов чеченских авторов, транслирующих рабочую типологию, состоящую из восьми пунктов (анализируется 1 тип ХБ).

– *Стоьла т1ехь т1ек1елтоьхна бога хьала а айина,* ***ч1епалгийн*** *туп гучуяькхира Падама, чай а доьттира* [Ахмадов 2010: 354]. – «Она приподняла перевернутую на столе глубокую тарелку, под которой стопкой лежали **чепалгаш**, потом налила чай» [Ахмадов 2010: 407] (перевод Э. Минкаилова), - *Il vit sur la table un grand plat de galettes fines et souples fourrées au fromage frais, les traditionnels* ***tchepalgashs*** *tchétchénes* [Akhmadov 2005: 93]. ИАЯС транслирует одно из названий традиционного национального блюда – *ч1епалгаш*. В «Чеченско-русском словаре» лексема *чепалгаш* описывается так: чIепалг [чIепалган, чIепалгана, чIепалго, чIепалге, *д*; мн. чIепалгаш, *д*] пшеничная лепѐшка (поджаренная на масле, с начинкой из картофеля или творога – национальное кушанье чеченцев) [Алироев 2005: 302]. С.Э. Эдилов пишет:

> «Пища является одной из главнейших условий существования человека … Она является связующим звеном с культурой, традициями, обычаями прошлой и настоящей жизни народов» [Эдилов 2013: 3].

Названия национальных блюд являются дополнительным источником сведений о быте этноса, в которых сохранен код культуры, репрезентирующий дополнительную информацию об этнокультурной идентичности. В данном примере иноязычное вкрапление *ч1епалгаш* мы рассматриваем как калькирование с учетом, что в КДП оно является характерным как в процессе перевода, так и в оригинале текста, которое часто встречается в КДП чеченских писателей, являясь закономерным следствием влияния языковых контактов (межъязыковой и внутриязыковой культурной интерференции и трансференции);

– *Сан да ваха, – элира цо, – сан да ваха, Керим, дуьне лоьручу стагах* ***къонах*** *ма ца кхуьу хьуна, «со да ву-кх» ала, стеган бахам а ма бац хьуна, шен коьртан сий доцург* [Бексултанов 2009: 76]. – «Клянусь своим отцом, Керим, – продолжил он, – клянусь отцом, человек, который чтит только этот мир, никогда не станет **къонахам**, и нет в мире богатства дороже, чем честь» [Бексултанов 2012: 242] (перевод С. Мусаева). – *Ich schwöre bei meinem Vater, Kerim, ein Mann, dem bloß diese Welt etwas bedeutet, wird nie ein* ***konach.*** *Es gibt auf der Welt keinen Reichtum, der kostbarer ist als Ehre. Einen echten konach erkennt man erst, wenn er eine schwere Prüfung zu bestehen hat* [Beksultanow 2012: 49]. В «Чеченско-русском словаре» понятие *къонах* трактуется так: къонах (къонахчун, къонахчунна, къонахчо, къонахчуьнга, *в, й; мн.* къонахой, *б*) молодец; т1аьхьене ладийг1инчух къонах ца

хилла *погов.* тот, кто думал о последствии, не стал молодцем [Алироев 2005: 146]. В национальной аксиологии и лингвокультуре этноса номинация *къонах* – это почетное звание для чеченца. *Къонах* – это мужчина, обладающий лучшими качествами, которые могут быть у него. Интересы народа и Отечества для него всегда выше собственных интересов. Основными качествами *къонаха* являются – мужество, выдержка, скромность, умение отвечать за свои слова и поступки. Отклонение от принятых норм лишает мужчину этого высокого звания. И. В. Мусханова отмечает, что

«къонах, воздерживаясь и отказывая себе в телесных и материальных удобствах, думая о бедных, обездоленных, проявляя готовность, а при необходимости отдавая жизнь за Отечество и народ…» [Мусханова 2020:76-78].

Л.М. Довлеткиреева констатирует:

«Поведение къонаха… регламентируется строгим сводом нравственных правил… касающихся как поступков, так и слов – так называемым «неписаным кодексом къонаха» - «къонахалла»[1].

С.Х. Нунуев в работе «Нохчалла» пишет:

«Понятия къонах, кхонахалла – от слова *къона* – «молодой». По мнению автора, этим словом называют даже женщин *къонах стаг ю (яра) иза*! [Нунуев 2017: 65].

В чеченской концептосфере существуют паремические конструкции, характеризующие мужчин: *Къонахчун дош болатан йоза ду.* – «Слово настоящего мужчины из стали выковано». *Майра стаг къинхетаме хуьлу, осала стаг – къиза хуьлу.* – «Мужественный человек благороден, трусливый – жесток». *Къонахчун мах бац.* – «Настоящему мужчине нет цены» и др. Таким образом, социальную оценку личности дает народ, нарекая этим достойным званием мужчину (женщину), за благородные качества и поступки, человека, который не поступается честью и личным достоинством, обладает множеством положительных качеств, которых он придерживается на протяжении всей жизни;

– *Сайн доттаг1ашца* ***Бакарций, Даказций, Вахиций*** *х1ора дийнахь аьлла* ***Органан*** *йисте воьдура со* [Арсанукаев 2016: 17]. – «Каждый день со своими друзьями **Бакаром**, **Диказом** и **Вахой** мы ходим на речку **Аргун**» (перевод наш), - *I would speak with my friends Bakar, Dakaz and Vakha, visiting the* ***Orga*** *river shore every day* [Arsanukaev 2022: 27]. Как известно, авторы КДП уделяют особое внимание ономастическому пласту языка. Е. О. Опарина отмечает:

«Имена собственные, или онимы, представляют собой особый пласт лексики, в котором воплощаются не только структурная специфика того или иного языка, но также менталитет, культура, традиции народа – носителя языка» [Опарина 2020: 152–157].

[1] Довлеткиреева Л. Концепт «Волк» в чеченской художественной картине мира // Электронный ресурс. Режим доступа: https://dagpravda.ru/specproekty/koncept-volk-v-chechenskoj-hudozhestvennoj-kartine-mira/ (дата обращения: 02.01.2026 г.)

В связи с этим В.В. Катермина пишет:

«Имя собственное выполняет не только функции: номинативную, апеллятивную, но и функцию социальной маркировки … выбор имени позволяет говорить о целом комплексе национально-специфических общекультурных, групповых и индивидуально-специфических свойств языковой личности «номинатора» [Катермина 2020: 35].

С точки зрения перевода имени собственного в КДП С.И. Влахов и др. отмечают:

«Понятие «перевод имени собственного с практической точки зрения может показаться странным: ведь Шекспир будет Шекспиром на всех языках мира» [Влахов, Флорин 2012: 235].

Далее отмечают:

«Как любое слово в тексте, имя собственное связано с ним, и с языком в целом, и с внеязыковой деятельностью бесчисленными нитями – корешками, которые нужно тщательно беречь при пересаживании его в почву другого языка; оборвете корешки и растение увянет» [Влахов, Флорин 2012: 263].

В КДП автора имена собственные можно определить, как особый тип кода, в которых автор кодирует этнокультурную информацию для придания индивидуальной особенности положительного или отрицательного характера, вызывая, таким образом, интерес адресата к персонажу.

Проведенный анализ эмпирического материала позволил выявить следующие иноязычные вкрапления, которые сохранили свое семантическое значение при переводе на другие языки: 1) *чеч.* – ч1епалгаш, *русс.* – чепалгаш *франц.* – tchepalgashs; 2) *чеч.* – къонах, *русс.* – къонах, *нем.* – konach; *чеч.* – Орга, русс. – Аргун, *англ.* – Orga; 4) имена собственные *чеч.* – Бакар, Даказ, Ваха, русс. Бакар, Даказ, Ваха, *англ*. Bakar, Dakaz,Vakha. Таким образом, следует отметить, что этнокультурные маркеры одной лингвокультуры, переходя в другую при переводе КДП, выполняют функцию диалога культур в социокультурной ситуации ХТМ в чеченском языковом пространстве.

Заключение

В статье рассмотрен феномен ХТМ в языковом пространстве чеченской словесности. В процессе анализа иноязычных вкраплений в фокус внимания попадают когнитивные механизмы речемыслительной деятельности автора, что обусловлено необходимостью сочетания номинаций этнокультурного кода, которые позволяют кодировать/декодировать лингвокультурные смыслы. При создании КДП автор уделяет максимальное внимание репрезентации когнитивно-ментальных параметров, и умело совмещает коды гетерогенных лингвокультур, систематизируя их комбинацию. Иноязычные вкрапления, реализуемые в КДП, являются составной частью языковой картины мира писателя, которые отражают идиостиль, национальную аксиологию, специфику и самобытность восприятия.

Необходимо подчеркнуть, что ключевую роль в этике творчества автора занимает родной язык, представленный посредством художественной словесности. Иноязычные вкрапления в мультилингвальных текстах национальных авторов транслируют синкретизм ИАЯС и переводческого билингвизма, что презентует многогранность чеченской аксиологии. ХТМ имеет большие перспективы в решении исследовательских задач в чеченском языкознании (теоретической лингвистике, переводоведении, психолингвистике, социолингвистике, социокогнитивистике, нейролингвистике). Дальнейшими перспективами исследований феномена ХТМ в национальном языковом пространстве, мы видим в комплексном изучении этнокультурного кода, транслирующего диалог культур в современном мультилингвальном художественном пространстве Чеченской Республики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. И ЛИТЕРАТУРЫ

Arsanukaev 2022 – *Arsanukaev M*. Clouds from the past. Nine stories taken from: “Бераллин г1енаш” (Childhood dreams). Printed in Poland by Amazon Fulfillment Poland Sp. z.o.o., Wrocław. 2016. – 72 p.

Beksultanow 2012 – *Beksultanow Musa*. Der Weg zurück zum Anfang. Erzählungen, Novellen, Gedichte in Prosa. 2012 kitab-Verlag Klagenfurt – Wien ISBN: 978-3-902878-03-8

Алироев 2005 – *Алироев И.Ю*. Чеченско-русский словарь / РАН. Ин-т языкознания. Чеченская акад. наук; сост. проф. И.Ю. Алироев, отв. ред. д-р филол. наук З. Х. Хамидова – М.: Academia, 2005. – 384 с.

Арсанукаев 2016 – *Арсанукаев М.К.* Бералин г1енаш. Сны детства. – Чебоксары: АО «ИПК «Чувашия», 2016. – 160 с.

Ахмадов 2010 – *Ахмадов М. М.* Деревянные куклы. Избранное в 2 томах. Том 1. – Нальчик: Издательский центр «Эль-фа», 2010. – 584 с. (Перевод с чеч.яз.).

Багана, Хапилина 2016 – *Багана Ж., Хапилина Е.В* Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм. Монография. Издатель: «ФЛИНТА», 2016. – 160 с.

Бексултанов 2009 – *Бексултанов М.Э.* Гулйина проза, 2-г1а том: Дахаран хин генара бердаш (повесташ, дийцарш, хьаьркаш, эссеш. Соьлжа-г1ала «ДОШ» издательство, 2009 шо. – 732 аг1о. Собрание сочинений в 2 томах. Том 2. Повести, рассказы, эссе. – (На чеченском языке).

Влахов, Флорин 2012 – Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. – Изд. 5-е. – М.: «Р. Валент», 2012. – 406 с.

Гумбольдт 1985 – *Гумбольдт, В*. Язык и философия культуры [текст] / В.Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 456 с.

Жеребило 2015 – *Жеребило Т.В.* Языковое состояние в условиях билингвизма (на примере Чеченской Республики). – Назрань: Кеп, 2015. – 197 с.

Жукова и др. 2015 – *Жукова И. Н.*, Лебедько М. Г., Прошина З. Г., Юзефович Н.Г.; под. ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной / Словарь терминов межкультурной коммуникации. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 640 с.

Караулов 2010 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд.7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

Катермина 2020 – *Катермина В.В.* Имя собственное в художественном тексте (на материале русского и английского языков). Монография. – Москва: «ФЛИНТА», 2020. – 100 с.

Кожевникова 2016 – *Кожевникова, М.А.* Художественный мультилингвизм в языке писателя-эмигранта Б. Хазанова. Автореф. дисс канд. филол. н-к. – Красноярск: СФУ, 2016. – 22 с.

Мусханова 2020 – *Мусханова И.В.* Нравственные концепты в чеченской литературе // Педагогический вестник. – Научный журнал: - Новосибирск-Ялта: Изд. АНС «СибАК», 2020.- Вып. 14. – 133 с.

Нунуев 2017 – *Нунуев С.-Х.* Нохчалла. – Грозный: АО «Издательско-полтграфический комплекс «Грозненский рабочий»,2017. – 512 с. (In Russia).

Овчинникова 2021 – *Овчинникова И. Г.* Переводческий билингвизм. По материалам ошибок письменного перевода: монография / И. Г. Овчиникова, А. В. Павлова; ред. А. В. Беркова. – 3-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2021. – 304 с.

Опарина 2020 – *Опарина Е. О.* Имена собственные: Языковые характеристики, функции и методы изучения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. – 2020. – № 3. – С. 152-157.

Остапенко 2018 – *Остапенко Т.С.* Мультилингвизм: проблемы определения и основные направления исследований в современной лингвистике // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 3. – С. 232–240.

Остапенко 2019 – *Остапенко Т.С.* Межъязыковые взаимодействия при комбинированном трилингвизме (экспериментальное исследование). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Пермь, 2019. – 18 с.

Подобрий 2017 – *Подобрий А.В.* Модели создания поликультурных текстов в рамках русского языка. От билингвизма к транслингвизму: про и контра: материалы III Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ, Москва, 01–02 декабря 2017 года / Российский университет дружбы народов; Составители: У. М. Бахтикиреева, О. А. Валикова, С. В. Дмитрюк. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. – 562 с.

Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. Изд. 2-е. – М., «Высш. школа», 1974. – 112 с.

Эдилов 2013 – *Эдилов С.Э.* Функционально-семантическая характеристика названий пищи в чеченском языке. Автореф. дисс. канд. филол. н-к. – Грозный, 2013. – 22 с.

REFERENCES

AKHMADOV M.M. *Derevyannye kukly* [Wooden dolls]. Selected Works in 2 Volumes. Volume 1. – Nalchik: El-fa Publishing Center, 2010. – 584 p. (Translated from the Chechen language).

ARSANUKAEV M. *Beralin g1enash. Sny detstva.* [Childhood dreams]. Nine stories taken from: “Бераллин г1енаш” (Childhood dreams).Printed in Poland by Amazon Fulfillment Poland Sp. z.o.o., Wrocław. 2016. – 72 p.(Translated from the Chechen language).

ALIROEV I.YU. *Chechensko-russkii slovar'* [Chechen-Russian dictionary] / RAN. – M.: Academia, 2005. – 384 p. (In Russ.).

BEKSULTANOV M.EH. *Guliina proza*: *Dakharan khin genara berdash (povestash, diitsarsh, kh'a'rkash, ehssesh* [Distant banks of the river of life (stories, short stories, essays): Grozny "DOSH" Publishing House, 2009. – 732 p. Collected Works in 2 volumes. Volume 2. Stories, short stories, essays. (Translated from the Chechen language).

BAGANA ZH., KHAPILINA E.V *Kontaktnaya lingvistika. Vzaimodeistaie yazykov i bilingvizm* [Contact linguistics. Interaction of languages and bilingualism]. – Monografiya. Izdatel': «FLINTA», 2016. – 160 p. (In Russ.).

VLAKHOV S.I., FLORIN S.P. *Neperevodimoe v perevode* [The Untranslatable in Translation]. – Izd.5-e. – M.: «R. ValenT», 2012. – 406 p. (In Russ.).

GUMBOL'DT V. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture [text]/ V. Gumbol'dt. – M.: Progress, 1985. – 456 p. (In Russ.).

ZHUKOVA I.N., LEBED'KO M.G., PROSHINA Z.G., YUZEFOVICH N.G.; pod. red. M.G. Lebed'ko i Z.G. Proshinoj / *Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii*. – 2-e izd., ster. – M.: FLINTA: Nauka, 2015. – 640 p. (In Russ.).

ZHEREBILO T.V. *Yazykovoe sostoyanie v usloviyakh bilingvizma (na primere Chechenskoi Respubliki)* [Language state in conditions of bilingualism (using the example of the Chechen Republic)]. – Nazran': Kep, 2015. – 197 p. (In Russ.).

KOZHEVNIKOVA, M.A. *Khudozhestvennyi mul'tilingvizm v yazyke pisatelya-ehmigranta B. Khazanova.* Autoref. diss. Kand. filol. n-k. – Krasnoyarsk, 2016. – 22 p. (In Russ.).

KARAULOV Yu.N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'.* 7th ed. – M.: LKI Publishing House, 2010. – 264 p. (In Russ.).

KATERMINA V.V. *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov)* [Proper name in literary text (based on Russian and English languages)]. – Moskva: «FLINTA», 2020. – 100 p. (In Russ.).

MUSKHANOVA I.V. *Nravstvenye koncepty v chechenskoi literature.* Pedagogicheskii vestnik. – Nauchnyi zhurnal: Novosidirsk-Yalta: Izd. ANS «SidAK», 2020.- Vyp. 14. – 133 p. (In Russ.).

NUNUEV S.-KH. *Nokhchalla* [Nokhchalla]. – Groznyi: AO «Izdatel'sko-poltgraficheskii kompleks «Groznenskii rabochiI»,2017. – 512 p. (In Russ.).

OVCHINNIKOVA I.G. *Perevodcheskii bilingvizm. Po materialam oshibok pis'mennogo perevoda: monografiya* [Translation bilingualism. Based on translation errors]. – Moskva: FLINTA, 2021. – 304 p. (In Russ.).

OSTAPENKO T.S. *Mul'tilingvizm: problemy opredeleniya i osnovnye napravleniya issledovanii v sovremennoi lingvistike* [Multilingualism: problems of definition and main directions of research in modern linguistics]. In: Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal. – 2018. – Tom 7. – № 3. – P. 232-240. (In Russ.).

OSTAPENKO T.S. *Mezh"yazykovye vzaimodeistviya pri kombinirovannom trilingvizme (ehksperimental'noe issledovanie)* [Interlingual interactions in combined trilingualism (experimental study)]. Autoref. diss. kand. filol. n-k. – Perm' 2019. – 18 p. (In Russ.).

OPARINA E.O. *Imena sobstvennye: Yazykovye kharakteristiki, funktsii i metody izucheniya* [Proper names: Linguistic characteristics, functions and methods of study]. In: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie. Referativnyi zhurnal. – 2020. – № 3. – P. 152-157. (In Russ.).

PODOBRII A.V. *Modeli sozdaniya polikul'turnykh tekstov v ramkakh russkogo yazyka*. [Models for creating multicultural texts within the Russian language] Ot bilingvizma k translingvizmu: pro i kontra: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pod ehgidoi MAPRYAL, Moskva, 01–02 dekabrya 2017 goda. – M.: Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN), 2017. – 562 p. (In Russ.).

EHDILOV S.EH. *Funktsional'no-semanticheskaya kharakteristika nazvanii pishchi v chechenskom yazyke* [Functional and semantic characteristics of food names in the Chechen language]. Autoref. diss. kand. filol. n-k. – Groznyi, 2013. – 22 p. (In Russ.).

BEKSULTANOW MUSA. *Der Weg zuröck zum Anfang* [The road returning to the beginning] Erzählungen, Novellen, Gedichte in Prosa. 2012 kitab-Verlag Klagenfurt – Wien (Translated from the Chechen language).

ARSANUKAEV MUSA. Clouds from the past. Copiright ©2022. Printed in Poland by Amazon Fulfillment Poland Sp. z o.o., Wrocław. ISBN: 9798847356473 (Translated from the Chechen language).

Информация об авторах

А. С. Даниева – соискатель ученой степени.

Х.З. Багироков – доктор филологических наук, профессор.

Information about the authors

A.S. Danieva – academic degree applicant.

H.Z. Bagirokov – Doctor of Philology, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 18.02.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-295-314
EDN: UBGGJQ

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЧЕРКЕССКИХ ДИАСПОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ТУРЕЦКОЙ ВЫБОРКИ)

Лариса Халифовна Дзасежева[1], **Марина Мацевна Кумыкова**[2]
[1] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, dzasezheva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1649-1900
[2] Эрджиес университет, Кайсери, Турция, marinakumykova@erciyes.edu.tr, https://orcid.org/0000-0003-3913-9627

Аннотация. В статье рассматриваются социолингвистические механизмы конструирования черкесской (адыгской) идентичности в зарубежных диаспорах в условиях преобладания языков стран проживания. Материалом исследования послужили данные онлайн-опроса 827 респондентов, преимущественно из Турции, а также открытые ответы, обработанные методом тематического кодирования. Уровень владения черкесским языком оценивался по четырем видам речевой деятельности: пониманию, говорению, чтению и письму. Результаты показывают, что, несмотря на выраженную этническую самоидентификацию, в семейном общении заметен сдвиг в сторону языка большинства. Владение черкесским языком носит поляризованный характер и отличается асимметрией: понимание обычно сохраняется лучше, чем говорение, а чтение и особенно письмо оказываются наиболее уязвимыми. Ключевым основанием групповой принадлежности респонденты считают *адыгэ хабзэ*; важную роль также играют общественные организации, эндогамные связи и медиапрактики. Цифровые платформы поддерживают культурную вовлеченность, но редко способствуют возвращению черкесского языка в повседневное домашнее общение. Показано, что представления об «аутентичной» черкесской идентичности по-прежнему связываются с языком, тогда как в реальных стратегиях сохранения чаще используются ритуалы, музыка и коллективная память. В ответах на вопрос об угрозах сохранению черкесской культуры в диаспоре респонденты чаще всего называли ассимиляцию, смешанные браки, урбанизацию и недостаток образовательной инфраструктуры. В заключение обозначены условия, способные усилить межпоколенную передачу языка и развитие грамотности.

Ключевые слова: черкесские диаспоры; межпоколенная трансмиссия; языковой сдвиг; диглоссия; кодовое переключение; цифровая медиатизация

Для цитирования: Дзасежева Л.Х., Кумыкова М.М. Социолингвистическое конструирование национальной идентичности в черкесских диаспорах (на материале преимущественно турецкой выборки) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 295-314. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-295-314. EDN: UBGGJQ.

© Дзасежева Л.Х., КумыковаМ.М., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

SOCIOLINGUISTIC CONSTRUCTION OF ETHNICAL IDENTITY IN CIRCASSIAN DIASPORAS (EVIDENCE FROM A PREDOMINANTLY TURKISH SAMPLE)

Larisa Kh. Dzasezheva[1], **Marina M. Kumykova**[2]

[1] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, dzasezheva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1649-1900

[2] Erciyes University, Kayseri, Turkey, marinakumykova@erciyes.edu.tr, https://orcid.org/0000-0003-3913-9627

Abstract. This article examines the sociolinguistic mechanisms underlying the construction of Circassian (Adyghe) identity within overseas diaspora communities in the context of host country language dominance. The study draws on data from an online survey of 827 respondents, predominantly residing in Turkey, alongside open-ended responses analyzed through thematic coding. Circassian language proficiency was assessed across four communicative domains: listening comprehension, speaking, reading, and writing. The results indicate that, despite strong ethnic self-identification, there is a noticeable shift toward the majority language in domestic communication. Circassian language proficiency exhibits a polarized and asymmetrical pattern: receptive skills (comprehension) are generally better preserved than productive skills (speaking), while reading and, particularly, writing prove to be the most vulnerable domains. Respondents identify Adyghe Khabze as the fundamental basis of group membership, while community organizations, endogamous ties, and media practices also play a significant role. While digital platforms sustain cultural engagement, they rarely facilitate the reintegration of the Circassian language into everyday domestic discourse. The study demonstrates that although notions of an "authentic" Circassian identity remain closely associated with the language, actual preservation strategies more frequently rely on rituals, music, and collective memory. When asked about the primary threats to the preservation of Circassian culture in the diaspora, respondents most frequently cited assimilation, intermarriage, urbanization, and a lack of educational infrastructure. In conclusion, the article outlines the conditions necessary to enhance intergenerational language transmission and foster literacy development.

Keywords: Circassian diasporas, intergenerational transmission, language shift, diglossia, code-switching, digital mediatization

For citation: Dzasezheva L.Kh., Kumykova M.M. Sociolinguistic construction of ethnical identity in Circassian diasporas (evidence from a predominantly turkish sample). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 295-314. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-295-314. EDN: UBGGJQ.

© Dzasezheva L.Kh., Kumykova M.M., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Черкесские (адыгские) диаспоры, сформировавшиеся вследствие мухаджирства второй половины XIX в. и последующих миграционных волн, принадлежат к числу наиболее длительных и социокультурно устойчивых исторических диаспор. Для многих зарубежных общин характерно сочетание высокой этноориентированной самоидентификации, поддерживаемой через родственные связи, нормы поведения, ритуальную культуру и коллективную память, с заметным языковым сдвигом в пользу доминирующих языков государств проживания. Подобная асимметрия делает черкесский материал показательным для анализа

того, каким образом этническая принадлежность воспроизводится при ослаблении языка как повседневного средства коммуникации и какие ресурсы в этих условиях обеспечивают сохранение символических границ сообщества.

Цель статьи – описать и интерпретировать социолингвистические механизмы формирования и поддержания черкесской (адыгской) этнической идентичности в зарубежных диаспорах в условиях доминирования языков принимающих обществ. Эмпирическую основу исследования составляют главным образом данные турецкой черкесской диаспоры (82,5 % выборки); полученные выводы с необходимыми оговорками распространяются и на другие регионы расселения. В прикладном плане работа направлена на выявление факторов, влияющих на сохранение или утрату черкесского языка и культурной преемственности в условиях проживания нескольких поколений вне исторической родины.

Объект исследования – воспроизводство этнической принадлежности и групповых границ в черкесских (адыгских) диаспорных сообществах. Предмет исследования – социолингвистические механизмы поддержания и легитимации принадлежности к черкесской (адыгской) общности: распределение языков по сферам употребления, уровень языковой компетенции, практики межпоколенной передачи черкесского языка, языковые идеологии и представления об аутентичности черкесской идентичности, а также роль *адыгэ хабзэ*, общественных организаций и цифровых платформ в поддержании этой принадлежности.

Актуальность исследования определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в исследованиях языков наследия ключевым остаётся вопрос о том, при каких условиях возможна устойчивость языка в длительных диаспорах и каковы механизмы языкового сдвига при изменении доменной структуры и ослаблении семейной трансмиссии [Fishman 1991: 45]. Во-вторых, медиатизация диаспорной публичности и распространение цифровых практик меняют способы участия в общности и форматы легитимации «своего», создавая новые каналы доступа к культурным ресурсам, но одновременно усиливая конкуренцию доминирующих культурных потоков [Androutsopoulos 2014: 244]. В-третьих, социальная значимость темы связана с тем, что результаты исследования применимы для проектирования диаспорных образовательных и культурных инициатив, ориентированных на поддержку языка и расширение сфер его употребления.

В настоящей статье термин *диаспора* используется как аналитическое, а не описательное обозначение. В рамках устоявшегося исследовательского подхода диаспоры характеризуются расселением вне исходной территории, сохранением коллективной памяти о родине и поддержанием устойчивых символических и социальных связей с ней [Попков 2002: 8]. Вместе с тем в критических исследованиях подчёркивается, что диаспора не является однородной и заранее заданной группой. Диаспора складывается и воспроизводится через повседневные практики, публичные высказывания и деятельность организаций, а её внутренние различия зависят от поколения, социального положения, миграционной истории и языковых биографий [Brubaker 2005: 11].

Этот подход задает общую логику исследования: черкесские сообщества за рубежом рассматриваются не как единое и однородное образование, а как внут-

ренне неоднородная диаспора. Поддержание границ этнической принадлежности в ней обеспечивается совокупностью взаимосвязанных ресурсов. К ним относятся языковые практики, системы норм и ценностей, включая традиционный *адыгэ хабзэ*, устойчивые формы коллективной самоорганизации, а также медийные и цифровые средства коммуникации. Поэтому эмпирический анализ сосредоточен не на диаспоре как цельном образовании, а на конкретных и наблюдаемых механизмах сохранения и передачи этнической идентичности.

Теоретико-методологически статья опирается на конструктивистское понимание этничности и нации как социально воспроизводимых форм коллективности, поддерживаемых институтами, нормами и символическими ресурсами [Anderson 2006; Тишков 2003; Дробижева 2013]. В этой перспективе язык рассматривается не как единственный и не как автоматический маркер этнической принадлежности, а как один из ресурсов, чья роль определяется распределением доменов, идеологическими ожиданиями и инфраструктурами передачи. Социолингвистический анализ соотнесён с моделями языкового сдвига и межпоколенной трансмиссии, подчёркивающими первичность семьи для устойчивости языка и вторичность институциональных мер при утрате домашнего домена [Fishman 1991: 48], а также с подходами к описанию дву- и многоязычия, позволяющими реконструировать асимметричные профили компетенций и функциональное разграничение языков [Беликов, Крысин 2001; Вахтин, Головко 2004].

Исследования, посвящённые отдельным локальным черкесским сообществам, уже позволили выявить важные особенности языковой ситуации в диаспоре. Существенный вклад в её изучение внесли Б.Ч. Бижоев и М.М. Абазова. Б.Ч. Бижоев подробно охарактеризовал фонетические процессы и лексические особенности речи зарубежных черкесов, а также выявил значительный пласт заимствований из арабского и турецкого языков, отсутствующих в литературном языке [Бижоев, 2000]. На материале речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции М.М. Абазова, в свою очередь, установила значительные фонетические и лексические расхождения с литературным языком, объясняемые смешением диалектов и влиянием турецкого языка [Абазова, 2014]. Эти наблюдения особенно значимы для настоящего исследования, поскольку основная часть нашей выборки приходится на Турцию. Работы, посвящённые черкесским общинам Иордании, Израиля, США и других стран, показывают, что языковая ситуация в диаспоре существенно различается: от сокращения сфер использования языка до сравнительно устойчивого двуязычного баланса [Al-Momani, Al-Momani 2013; Kreindler et al. 1995; Dweik, Omar 2016]. Вместе с тем в существующих исследованиях по-прежнему отсутствует количественно сопоставимое описание языковых профилей и практик принадлежности в многопоколенной черкесской диаспоре, основанное на масштабном массиве данных и единой системе показателей.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование выполнено в логике смешанной методологии: количественные данные анкетирования используются для описания распределений и сопоставления подгрупп, а качественные данные (открытые ответы) – для реконструкции репертуаров практик и артикулируемых угроз, сопровождающих

языковой сдвиг и воспроизводство принадлежности. Центральным измерительным решением является раздельная фиксация языковой компетенции по четырём видам речевой деятельности (понимание, говорение, чтение, письмо), что позволяет описывать асимметричные профили владения языком наследия.

Эмпирическую базу составили ответы респондентов из зарубежных черкесских (адыгских) сообществ.

Анкета включала следующие блоки:

1) социодемографические характеристики;

2) домашний языковой режим (основной/преобладающий язык общения в семье, допустимость смешанного режима);

3) самооценка владения черкесским языком по четырём видам речевой деятельности;

4) каналы освоения языка и практики поддержания (семейная социализация, институциональные форматы, самообучение);

5) блок идентичности (первичная самоидентификация, маркеры принадлежности, связи с исторической родиной);

6) цифровые практики (использование интернета и платформ для поддержания культуры/языка);

7) два открытых вопроса: (а) о семейных/общинных практиках сохранения идентичности и (б) о воспринимаемых угрозах языковой и культурной непрерывности.

Понятие «черкесский язык» в анкете использовалось как зонтичное обозначение для всех диалектов адыгских языков, представленных в диаспоре. Это решение обусловлено задачей сопоставимого описания языковых биографий в условиях диалектной вариативности и неоднородной этнолингвистической терминологии в разных странах проживания черкесов. При этом при интерпретации данных самооценки владения «черкесским языком» важно учитывать гетерогенность самого объекта. Как отмечает М.М. Абазова, в Турции черкесы представлены несколькими субэтническими группами (кабардинцы, абадзехи, шапсуги и др.), а в их речи произошло смешение диалектов и формирование общего диаспорного койне [Абазова, 2014: 11, 31]. В этом контексте использование в анкете зонтичного термина «черкесский язык» представляется методологически оправданным.

Исследование проводилось в формате онлайн-опроса. Участников привлекали через цифровые каналы – социальные сети, тематические сообщества, а также ассоциации и общественные структуры диаспор, распространявшие ссылку на анкету. Таким образом, выборка формировалась на добровольной основе и частично по сетевому принципу. Этот подход позволяет охватить труднодоступные и рассредоточенные группы, однако ограничивает возможность обеспечить строгую репрезентативность и точно рассчитать коэффициент отклика.

Для снижения риска повторного заполнения анкеты применялись стандартные для онлайн-опросов организационные меры. Следует подчеркнуть, что полностью исключить дублирование в добровольном онлайн-опросе методологически затруднительно; этот риск рассматривается как ограничение дизайна.

Доля незавершённых анкет была минимальной; в аналитический массив включались ответы, позволяющие корректно использовать ключевые переменные исследования (домашний языковой режим, самооценка компетенций, базовые социальные характеристики).

Анкета была доступна на четырёх языках: русском, английском, турецком и арабском. Выбор языков обусловлен географией расселения и практическими соображениями доступности инструмента для респондентов разных стран проживания.

При подготовке языковых версий обеспечивалась смысловая эквивалентность формулировок ключевых понятий и вопросов. Для терминов с высокой культурной нагрузкой (в первую очередь *хабзэ*) использовалась единая транслитерация. Понятия «родной язык» и «черкесский язык» задавались в функционально одинаковых формулировках во всех версиях анкеты.

Количественные ответы анализировались методами описательной статистики и сопоставлялись между ключевыми подгруппами (пол, возраст, тип диаспорной биографии, страна/макрорегион при достаточной наполняемости). Раздельный учёт понимания, говорения, чтения и письма использовался для реконструкции профиля компетенций и выявления типичных для диаспор асимметрий между рецептивными и продуктивными навыками, а также между устной и письменной формой владения.

Открытые ответы представляют многоязычный корпус (русский, турецкий, английский, арабский и др.). Для аналитической сопоставимости были выполнены:

1) перевод и смысловая нормализация формулировок с сохранением прагматики высказывания (что именно описывается как практика/угроза и как это оценивается);

2) тематическое кодирование по принципу множественной разметки (один ответ мог включать несколько тем);

3) подсчёт частот упоминаний тематических категорий в расчёте на общее число респондентов.

Тематические категории интерпретировались в трёхуровневой рамке: микроуровень (семья, домашний языковой режим, межпоколенная трансмиссия), мезоуровень (общинные организации и локальные сети, плотность общения, брачные стратегии), макроуровень (языковые режимы государств проживания, глобальные медиа, барьеры и каналы связи с исторической родиной). Такая схема позволяет соотносить индивидуальные описания с уровнями социальной организации диаспорной жизни.

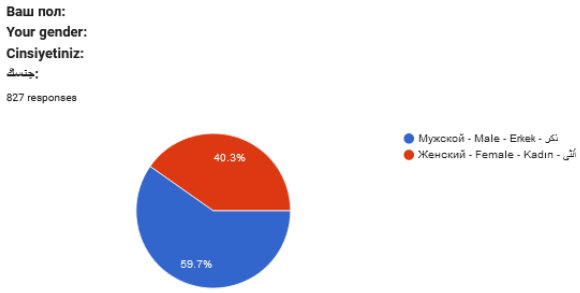
Результаты и обсуждение

Эмпирический материал (N=827) позволяет описать социолингвистические механизмы воспроизводства черкесской (адыгской) идентичности в зарубежных диаспорах как систему взаимосвязанных практик, где язык выступает одновременно символом «правильной» принадлежности и ресурсом повседневной коммуникации, неравномерно распределённым по поколениям и социальным кон-

текстам. Количественные результаты представлены в логике перехода от повседневного языкового режима к профилям компетенций, каналам освоения языка и, далее, к индикаторам идентичности и цифровой вовлечённости.

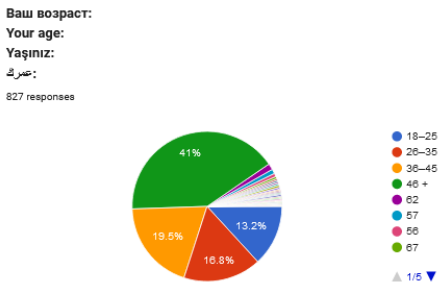
Гендерный состав выборки характеризуется умеренным преобладанием мужчин: 59,7 % против 40,3 % женщин. Таким образом, данные несколько смещены в сторону мужского опыта диаспорной жизни, что необходимо учитывать при интерпретации результатов, особенно в части, касающейся участия в институциональных форматах коллективной жизни и языковой социализации детей (*диаг. 1*).

Диаграмма 1

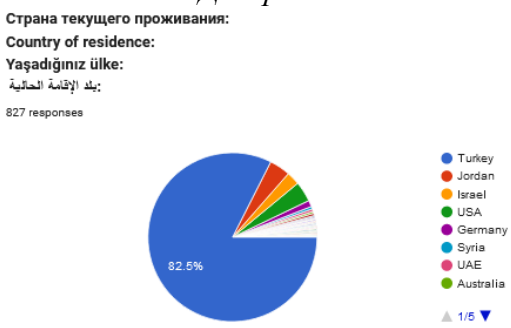
Возрастная структура демонстрирует значительную представленность старших поколений. Группа 46+ составляет около 41 % опрошенных; доля респондентов 36-45 лет – 19,5 %, 26-35 лет – 16,8 %, и 18-25 лет – 13,2 %. Дополнительно фиксируются единичные указания конкретного возраста (56, 57, 62, 67 лет и др.), что фактически расширяет категорию старшего поколения. В совокупности это позволяет говорить о том, что в исследовании доминируют носители длительной диаспорной биографии, хранящие память о практиках и идеологиях, сложившихся до цифровой эпохи, но одновременно находящиеся в контакте с её возможностями (*диаг.2*).

Диаграмма 2

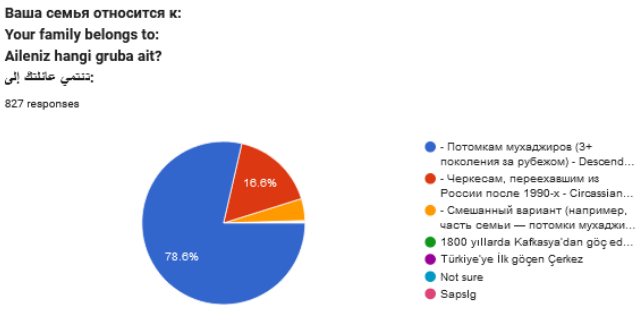
По стране проживания выборка преимущественно сконцентрирована в Турции (82,5 %). Остальные респонденты проживают в Иордании, Израиле, США, Германии, Сирии, ОАЭ, Австралии и ряде других стран, каждая из которых представлена существенно меньшими долями. Соответственно, полученные данные в первую очередь отражают ситуацию в турецкой черкесской диаспоре и лишь в ограниченной степени – в иных регионах расселения (*диаг.3*).

Диаграмма 3

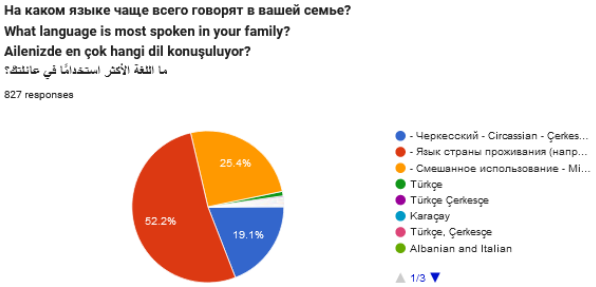
На уровне семейной истории 78,6 % идентифицировали себя как потомков мухаджиров, проживающих за пределами Кавказа три и более поколений; 16,6 % – как черкесов, эмигрировавших из России после 1990-х гг., небольшой сегмент указал «смешанный» вариант. Тем самым основное ядро выборки составляет классическая диаспора с глубокой укоренённостью в принимающих обществах, для которой языковые и культурные практики не могут быть описаны в терминах недавней миграции, а отражают результаты многопоколенной адаптации и переосмысления идентичности (*диаг. 4*).

Диаграмма 4

Языковой репертуар семей респондентов демонстрирует выраженный сдвиг в пользу языков стран проживания. В 52,2 % случаев в семье «чаще всего» используется язык принимающего государства (турецкий, арабский, английский, немецкий и др.). Только 19,1 % указали черкесский как основной язык внутрисемейного общения; ещё 25,4 % описали свою ситуацию как смешанное использование нескольких языков (*диаг. 5*).

Диаграмма 5

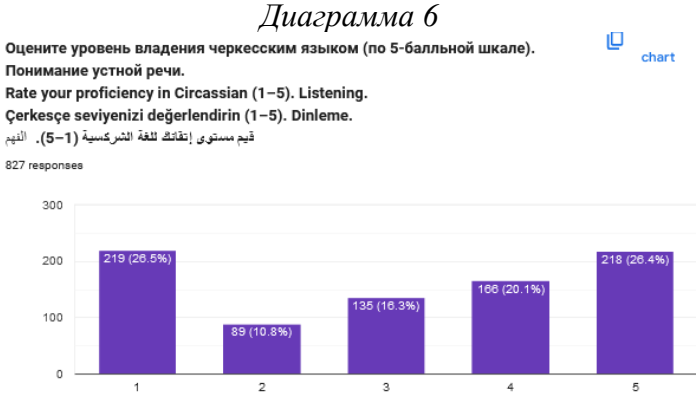

Данные свидетельствуют о том, что для большинства семей в диаспорах язык государства проживания выполняет функцию языка повседневности, связанного с образованием, трудовой сферой и публичной коммуникацией. Черкесский язык, даже при его регулярном использовании, оказывается, как правило, ограничен внутрисемейным и общинным пространством и редко занимает позицию доминирующего кода. При этом доля семей со смешанным языковым режимом указывает на распространённость практик код-свитчинга и функционального разграничения языков в зависимости от адресата и коммуникативной ситуации.

Самооценка компетенций по четырём видам речевой деятельности позволяет реконструировать характер языковой эрозии и сохранения отдельных компонентов.

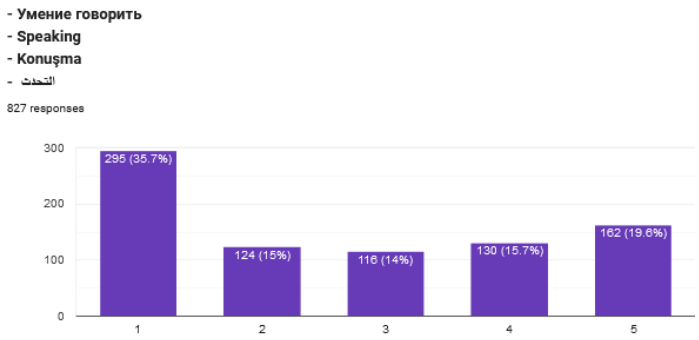
При оценивании понимания устной речи распределение ответов по шкале 1-5 носит двухвершинный характер.Так, крайние категории 1 и 5 практически симметричны (26,5 % и 26,4 % соответственно), тогда как средние уровни представлены слабее (10,8 %, 16,3 % и 20,1 %). Среднее значение составляет около 3,1 балла. Такая конфигурация отражает резкую поляризацию сообщества, то есть значительная часть респондентов либо практически не понимает черкесскую речь, либо интерпретирует своё понимание как высокое. Последнее, вероятно, связано с наличием в выборке как недавних мигрантов и их потомков, так и представителей семей, где сохранялась традиция регулярного внутрисемейного использования языка (*диаг. 6*).

Диаграмма 6

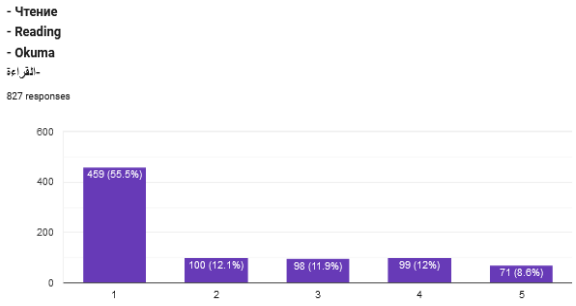
Данные по навыкам говорения демонстрируют более выраженный низкий уровень компетенций: 35,7 % оценивают свои навыки на минимальный балл, 15 % – на 2, 14 % – на 3, 15,7 % – на 4 и лишь 19,6 % – на максимальный уровень. Среднее значение около 2,7 балла. Снижение показателей по сравнению с пониманием указывает на типичную для диаспор ситуацию рецептивного, но не продуктивного владения наследуемым языком, когда пассивные знания сохраняются дольше, чем навыки спонтанного говорения (*диаг. 7*).

Диаграмма 7

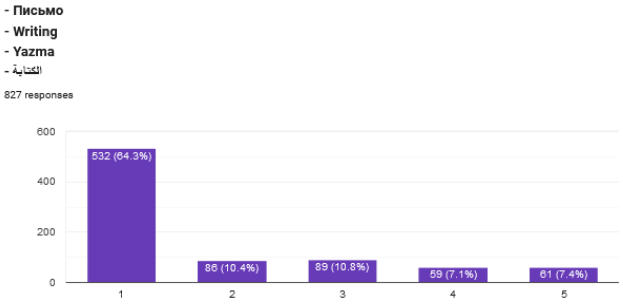
Наиболее выраженной оказывается ослабление навыков чтения и письма. В чтении 55,5 % респондентов поставили себе 1 балл, ещё около 24 % – уровни 2-3; лишь 20,6 % оценивают свои навыки чтения на 4-5 баллов. Средний балл – около 2,1 (*рис. 8*).

Диаграмма 8

В письме картина ещё более контрастна: 64,3 % – минимальный уровень, доля максимального уровня – 7,4 %, средний показатель – порядка 1,8 балла. Это свидетельствует о преобладании устно-бытовой формы существования языка в диаспоре и о слабой институциональной поддержке письменной нормы (*диаг. 9*).

Диаграмма 9

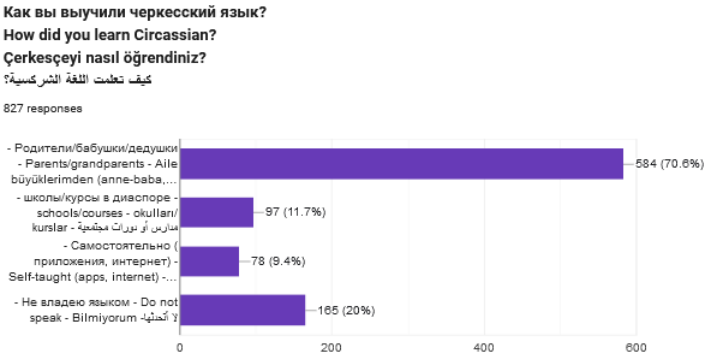

Соотнесение данных по четырём видам речевой деятельности позволяет говорить о типичной для диаспор ситуации ограниченной языковой компетенции, когда сохраняется преимущественно устное, а зачастую и реактивное владение, тогда как грамотность – ключевой компонент национальной языковой идеологии – оказывается наименее устойчивой. В терминах социолингвистического конструирования нации это означает смещение ядра черкесской идентичности из

сферы национального языка в сторону иных, неписьменных маркеров (этикет, ритуалы, символическая связь с родиной и др.).

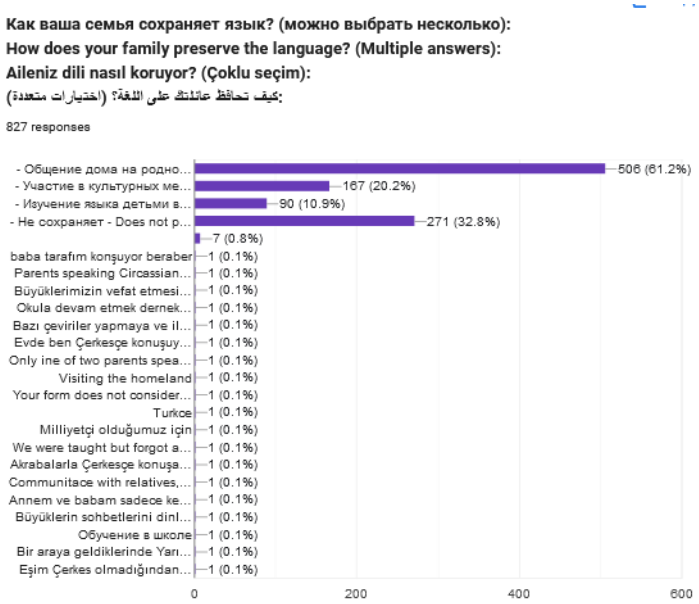
Распределение ответов на вопрос о том, как респонденты выучили черкесский язык, демонстрирует фундаментальную роль семейной социализации. 70,6 % указали родителей, бабушек и дедушек как основных агентов передачи языка. Лишь 11,7 % сообщили об обучении в школах при культурных центрах и курсах диаспоры, 9,4 % – о преимущественно самостоятельном освоении (приложения, интернет-ресурсы). При этом 20% респондентов отметили, что не владеют черкесским языком. Тем самым язык в рассматриваемых диаспорах функционирует преимущественно как семейно-наследуемый ресурс. Институционализированные формы обучения – курсы и школы при культурных центрах – играют вспомогательную и, по сравнению с семьёй, второстепенную роль. Отсутствие развитой системы формального образования на черкесском объясняет выявленный дефицит письменной грамотности. Те, кто получает язык преимущественно в устной форме дома, редко осваивают орфографическую и орфоэпическую норму в объёме, достаточном для уверенного чтения и письма (*диаг. 10*).

Диаграмма 10

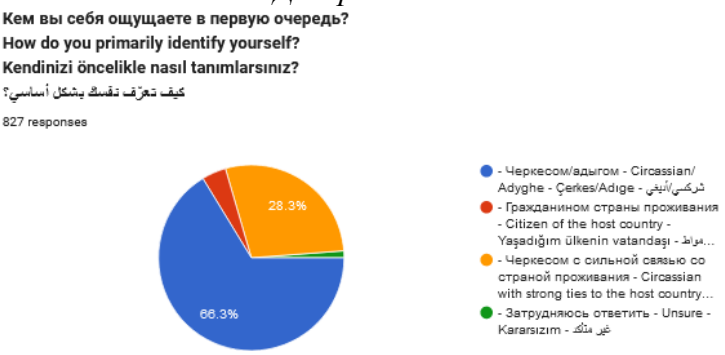
На вопрос о стратегиях сохранения языка 61,2 % респондентов ответили, что в их семьях практикуется общение дома на родном языке; 20,2 % упомянули участие в культурных мероприятиях диаспоры как инструмент поддержания языка; 10,9 % указали целенаправленное изучение языка детьми в семье. В то же время 32,8 % прямо заявили, что их семья язык не сохраняет. Поскольку вопрос допускал множественный выбор, часть респондентов совмещает домашнее использование языка с участием в институциональных активностях, однако заметный сегмент демонстрирует полную или почти полную утрату языковых навыков (*диаг. 11*).

Диаграмма 11

Данные опроса свидетельствуют о высокой степени этноориентированной самоидентификации респондентов. Две трети опрошенных (66,3 %) в первую очередь определяют себя как черкесов/адыгов. Гражданская идентичность страны проживания занимает второе место (28,3 %). Остальные варианты (религиозная, панкавказская, гражданин мира и др.) набирают суммарно менее 10 %. Такая структура ответов свидетельствует, что для большинства респондентов этническая принадлежность является базовым уровнем «Я-концепции» [Лебедева 2021: 19], при этом гражданская идентичность значима, но носит вторичный, надстроечный характер. Низкая доля религиозной и иных надэтнических идентичностей указывает на слабую конкуренцию альтернативных сообществ по сравнению с черкесской общностью (*диаг. 12*).

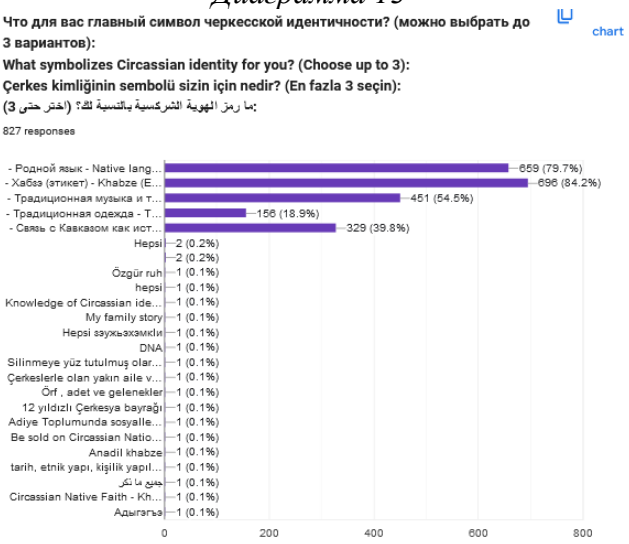
Диаграмма 12

Наиболее значимым маркером идентичности респонденты считают этический кодекс *хабзэ* (84,2 %), за которой следует родной язык (79,7 %). Третья по значимости категория – традиционная музыка (54,5 %), далее – связь с Кавказом как с исторической родиной (39,8 %) и традиционная одежда (19,1 %). Единичные открытые ответы (0,1-0,2 %) не влияют на общую картину. (*прим.* Поскольку

респонденты могли выбрать до трёх вариантов ответа, суммарный процент превышает 100 %.). Такое распределение подчеркивает, что для опрошенных черкесская идентичность в первую очередь воплощена в нематериальных культурных кодах – нормах поведения и языке, а не в визуальных или территориальных символах. Материальные атрибуты (костюм) играют вспомогательную роль, тогда как идея Кавказа как родины важна, но отстает по значимости от этико-нормативного ядра культуры. Это позволяет говорить о преобладании культурно-ценностной, а не территориальной модели этничности в диаспоре (*диаг. 13*).

Диаграмма 13

Около 40,5 % участников (9,9 % – регулярно, 30,6 % – несколько раз) уже имеют устойчивый опыт поездок в республики Северного Кавказа (Кабардино-Балкарию, Адыгею и др.). Еще примерно 8-9 % были там один раз. Почти половина выборки (45,6 %) пока не посещала Кавказ, но декларирует намерение сделать это в будущем, и лишь около 5 % не были и не планируют такие поездки. Таким образом, фактическая мобильность по направлению «диаспора – историческая родина» относительно ограничена, однако нормативно-ценностная ориентированность на Кавказ остается очень высокой. Доля принципиально не заинтересованных в поездках минимальна. Это расхождение между установками и практиками указывает на наличие объективных барьеров (экономических, визовых, политических), а не на отсутствие мотивации (*диаг. 14*).

Диаграмма 14

Интернет выступает ключевым каналом включенности в черкесскую культуру: 64,4 % используют его для этих целей регулярно, еще 9,4 % – эпизодически. Четверть респондентов (26,1 %) не прибегает к онлайн-ресурсам для поддержания идентичности. Следовательно, примерно три четверти выборки так или иначе вовлечены в цифровое культурное пространство, что частично компенсирует пространственную дистанцию с Кавказом (*диаг.15*).

Диаграмма 15

Структура ответов на вопрос о конкретных платформах эту картину уточняет. На первом месте находятся группы в социальных сетях (65,9 %), значительно опережающие другие форматы. Сайты диаспоры используют 34,1 %, приложения для изучения языка – 25,5 %, черкесские Telegram-чаты – 18 %. При этом 17,4 % отметили, что не пользуются никакими платформами (показатель сопоставим с долей полностью не использующих интернет для связи с культурой). Доминирование социальных сетей массового пользования указывает на то, что поддержание идентичности чаще всего осуществляется в рамках повседневной коммуникации и неформальных онлайн-сообществ, а не через специализированные ресурсы. Значимая, хотя и меньшая, роль языковых приложений отражает понимание языка как ключевого символа этничности. Телеграм-чаты выступают более нишевым инструментом, вероятно, характерным для наиболее активной и, возможно, более молодой части сообщества.

Для углубления интерпретации количественных показателей в анкету были включены два открытых вопроса: (1) о семейных и общинных практиках поддержания черкесской идентичности в условиях многопоколенной жизни за рубежом и (2) о воспринимаемых угрозах культурной и языковой непрерывности.

Во многих ответах на открытый вопрос «Опишите, как ваша семья сохраняет черкесскую идентичность в условиях жизни за рубежом несколько поколений» сохранение понимается, прежде всего, как удержание границ общности, включая выбор брачного круга, предпочтение своего окружения (друзья, соседи, родственники), жизнь в черкесских деревнях/кварталах или регулярное возвращение в свой локальный центр (деревня предков, сезонные встречи). Эта логика представляет идентичность как продукт повторяющихся социальных практик, а не только как декларацию («я – черкес»).

В ответах, отмечающих важность сохранение языка, наблюдается широкий диапазон – от жестких языковых установок («в доме только черкесский язык») до компромиссных моделей («несколько слов», «простые фразы») и прямого

признания утраты. При этом типичен мотив, что устойчивость языка выше в сельских/компактных поселениях, а городская мобильность ведет к резкому падению компетенции уже в рамках одного поколения. Таким образом, язык в ответах часто выступает индикатором степени плотности сообщества.

Даже в тех высказываниях, где фиксируется утрата языка, *хабзэ* описывается как сохраняемый нормативный каркас, включающий правила поведения, уважение к старшим, ритуальная компетентность (свадьбы/похороны), контроль публичного образа семьи. *Хабзэ* тем самым функционирует как культурная грамматика, позволяющая воспроизводить своё даже при частичной лингвистической ассимиляции.

Участие в мероприятиях культурных центров, воскресных школ, организационной работе в общинных структурах часто упоминается как способ поддержать то, что уже не гарантируется домашней социализацией. Вместе с тем отмечается, что в условиях урбанизации и нехватки времени институциональная поддержка являетсянеобходимой, но недостаточной.Ряд ответов делает акцент на нарративах происхождения – рассказы старших, сохранение родословных, объяснение детям причин диаспорного положения («почему мы оказались здесь»). Историческая память выступает не фоном, а аргументом, объясняющим необходимость сохранять свою уникальность.

Кухня, музыка, танец, отдельные элементы одежды и видимые культурные маркеры часто описываются как наиболее доступные в современных условиях. В части ответов они оцениваются как «единственное, что осталось», но одновременно именно эти формы обеспечивают публичную презентацию идентичности (на праздниках, свадьбах, в социальных сетях), поддерживая ее узнаваемость.

Сводная тематическая разметка (с учетом того, что один ответ мог включать несколько тем) показывает следующую картину:

Таблица 1

Категория практик сохранения	**N 827**	**%**
Домашнее использование/передача языка	612	74
Хабзэ / этикет / нормы поведения	528	63,8
Традиции/обряды в широком смысле	446	54
Компактное проживание, «внутри общины», деревня/изоляция, плотные связи «свои-свои»	262	31,6
Участие в ассоциациях/хасэ/организациях, мероприятия общины	214	26
Эндогамия/предпочтение браков внутри группы	206	25
Танцы/фольклор/музыка/инструменты	198	24
Родственные сети/взаимопомощь/регулярные встречи (как самостоятельный мотив)	176	21,2
Отсутствие практик/признание утраты («не сохраняем», «язык утрачен», «очень трудно»)	168	20,3
Кухня/еда как маркер идентичности	146	17,6
История/память (семейные рассказы, историческое просвещение, травматическая память)	132	16
Связи с родиной/поездки/репатриация	124	15
Образовательные каналы (школа, уроки, онлайн-курсы, книги/дискуссии)	88	10,6
Религия как ресурс/фон идентичности или как конкурирующая доминанта	29	3,5

В блоке об угрозах сохранению черкесской идентичности в диаспорах доминирует тема языковой утраты (формулы «язык исчезает», «не говорим дома», «нет сферы применения», «нет материалов/медиа»). В ответах исчезновение языка описывается как «неизбежное исчезновение народа». Часто фиксируется разрыв между декларативной ценностью языка и практической невозможностью или неумением поддерживать его в повседневности.

Второй по значимости кластер – ассимиляция (желание вписаться, давление доминирующего языка и образовательных траекторий). Ассимиляция в ответах осмысляется как языковая (переход на язык большинства), культурная (смена бытовых практик, ценностей, норм), идентификационная (принятие этничности/нации большинства как «своей»).

Смешанные браки упоминаются как фактор размывания языковой передачи, сети родства и плотности общения, нормативных рамок воспитания. Характерно, что часть респондентов трактует эндогамию как главный механизм демографического и культурного самовоспроизводства, причём в ряде ответов это формулируется в категоричной манере.

Многие ответы прямо связывают угрозу не с внешней средой, а с семейной практикой, отмечая, что «родители не говорят», «старшие не передают», «нет времени», «детям скучно». Здесь проявляется структурное противоречие диаспоры – культурная модель, основанная на длительном совместном быте расширенной семьи и плотном локальном окружении, переносится в условия урбанизации, занятости и распылённости.

Угроза сохранению черкесской идентичности описывается как невоспроизводство норм (этикет, ритуалы, поведение), конфликт поколений вокруг «обновления» *хабзэ*, замещение *хабзэ* внешними идеологиями или практиками. Часть респондентов фиксирует риск «музеефикации» культуры (когда она сводится к танцу, символике), а не к повседневной этике и социальным отношениям.

На мезоуровне значимы жалобы на слабость или формализм общинных структур, «группировки», взаимные обвинения в «недостаточной черкесскости», недостаток привлекательных форм участия для молодёжи. В ответах отдельно подчеркивается проблема исключения и морального давления (вплоть до отказа людей возвращаться в общину после символического остракизма).

В ряде ответов угроза связывается с ассимиляционным давлением ключевых институтов – образования, армии, медиа, отсутствием прав на обучение на родном языке, дискриминацией и стигматизацией этнической видимости. Отдельная линия – разрыв с исторической родиной и барьеры репатриации; диаспора описывается как «временное» состояние, а возвращение – как структурное решение.

Сводная тематическая разметка (с учетом того, что один ответ мог включать несколько тем) показывает следующую картину:

Таблица 2

Тема угрозы	**N 827**	**%**
Утрата/неиспользование языка (в т.ч. отсутствие обучения, материалов, медиа, сфер употребления)	571	69

Ассимиляция/растворение в культуре большинства, идентификация с принимающей страной	404	49
Смешанные браки/экзогамия как фактор размывания	289	35
Слабая межпоколенная передача в семье (родители/старшие не передают)	244	29.5
Эрозия традиций/хабзэ (невыполнение, искажение, конфликт «обновления»)	219	26.5
Урбанизация, расселение, малочисленность, отсутствие плотной общинной среды	207	25
Глобализация/поп-культура/интернет/медиа как унифицирующая среда	188	22.7
Слабость организаций, разобщённость, внутренние конфликты/«мы сами угроза»	154	18.6
Политика государств проживания (ассимиляционные режимы, дискриминация, отсутствие прав/школ)	121	14.6
Разрыв с родиной/барьеры репатриации, слабые «мосты» диаспора-Кавказ	104	12.6
Социально-экономическое давление и дефицит времени/ресурсов	97	11.7
Идеологические/религиозные факторы (конкурирующие идеологии, религиозные конфликты/давление)	63	7.6
«Нет угроз/не знаю/нет мнения» и ответы без содержательной расшифровки	58	7

Заключение

Проведённый анализ показывает, что в зарубежных черкесских (адыгских) диаспорах этническая принадлежность поддерживается за счёт сочетания социальных связей и культурных практик. К числу основных факторов относятся семейные и общинные контакты, нормы *адыгэ хабзэ*, участие в ритуалах, публичные формы культурного представления и использование медиа. При этом важно учитывать, что 82,5 % опрошенных проживают в Турции. Следовательно, выявленные количественные зависимости в первую очередь описывают ситуацию в турецкой диаспоре, а распространение выводов на другие страны возможно лишь как предварительное предположение, требующее отдельной проверки.

Данные свидетельствуют о том, что сильная этническая самоидентификация нередко сочетается со снижением реального употребления черкесского языка и усилением роли языка принимающего общества. В повседневных сферах общения – в семье, учёбе и на работе – чаще используется язык большинства. Черкесский язык, как правило, сохраняется в более узких ситуациях: внутри семьи и общины, в общении со старшими, а также в контекстах, связанных с традиционно значимыми событиями. Характерны и различия в языковых навыках. Так, понимание языка обычно устойчивее, чем говорение, а чтение и особенно письмо оказываются наиболее уязвимыми. Таким образом, обнаруживается разрыв между высокой символической ценностью языка и его регулярным бытовым использованием.

Эти результаты согласуются с подходом Дж. Фишмана, который связывает устойчивость «языка наследия» прежде всего с семейным общением[Fishman 1991]. В этой логике именно домашняя и ближайшая общинная среда создают условия для сохранения языка, тогда как институциональные меры, культурные мероприятия и медийные ресурсы дают эффект главным образом тогда, когда

они поддерживают уже существующую (или восстанавливаемую) семейную практику.

В исследуемых диаспорах *адыгэ хабзэ* выступает важным основанием для признания «своих» и поддержания групповой сплочённости, частично компенсируя ослабление языкового компонента. Однако такая компенсация имеет пределы, поскольку сохранение норм и ритуалов обеспечивает культурную узнаваемость и солидарность, но само по себе не останавливает языковой сдвиг, если язык не возвращается в повседневные сценарии общения. Цифровая среда расширяет доступ к культурному контенту и облегчает коммуникацию, но редко становится устойчивым механизмом передачи языка внутри семьи; чаще она поддерживает символическое присутствие языка и вовлечённость в культуру, чем формирует привычку ежедневного говорения.

Практический вывод (прежде всего применительно к турецкому контексту) состоит в том, что меры поддержки языка целесообразно выстраивать по приоритетам, близким к логике Дж. Фишмана. Во-первых, ключевым условием является укрепление межпоколенной передачи и регулярного устного общения в семье и в малых разновозрастных группах. Во-вторых, важно развивать локальные разговорные среды – клубы, детские и семейные встречи с заданным языковым режимом, – которые расширяют семейную практику, а не подменяют её. В-третьих, требуется отдельная долгосрочная работа по развитию грамотности, последовательные учебные маршруты, материалы и регулярные занятия, поскольку именно письменная речь в диаспоре теряется быстрее всего. Без этого установки о том, что язык является обязательным признаком «правильной» черкесской идентичности, будут продолжать расходиться с реальными практиками, а язык будет закрепляться главным образом как символ, а не как средство ежедневного общения.

Ограничения исследования связаны с дисбалансом выборки (преобладание Турции), возрастной структурой респондентов, добровольным характером онлайн-опроса и использованием самооценки языковых навыков. Поэтому дальнейшие шаги предполагают сопоставимые исследования в разных странах расселения, более детальную проверку различий между поколениями и типами миграционной биографии, а также сочетание самооценок с наблюдаемыми показателями языкового поведения в разных ситуациях общения. Вместе с тем уже полученные результаты позволяют описывать ситуацию как устойчивый языковой сдвиг при сохранении сильной этнической идентичности и указывают на те уровни организации диаспорной жизни, которые являются решающими, если ставится задача замедлить или развернуть этот процесс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазова 2014 – *Абазова М.М.* Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 136 с.

Беликов, Крысин 2001 – *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика. – Москва: РГГУ / URSS, 2001. – 440 с.

Бижоев 2000 – *Бижоев Б.Ч.* Речь кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 272 с.

Вахтин, Головко 2004 – *Вахтин Н.Б., Головко Е.В.* Социолингвистика и социология языка. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2004. – 336 с.

Дробижева 2013 – *Дробижева Л.М.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – Москва: Новый хронограф: издатель Леонид Янович, 2013. – 332 с.

Лебедева 2021 – *Лебедева Н.М.* Этническая идентичность и благополучие русских на постсоветском пространстве: роль диаспоры // Культурно-историческая психология. – 2021. – Т. 17. – № 4. – С. 16-24.

Попков 2002 – *Попков В.А.* «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. – 2002. – № 1. – С. 6-22.

Тишков 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – Москва: Наука, 2003. – 544 с.

Al-Momani, Al-Momani 2013 – *Al-Momani D.F., Al-Momani S.M.* Language situation among Jordanian Circassians // Educational Research. – 2013. – Vol. 4. – № 8. – P. 612-617. DOI: 10.14303/er.2013.113

Anderson 2006 – *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism (Rev. ed.). – London; New York: Verso, 2006. – 256 p.

Androutsopoulos 2014 – *Androutsopoulos J.* Mediatization and sociolinguistic change // Sociolinguistics: Theoretical Debates / Ed. N. Coupland. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – P. 236-263.

Brubaker 2005 – *Brubaker R.* The 'diaspora' diaspora // Ethnic and Racial Studies. – 2005. – Vol. 28. – № 1. – P. 1-19. DOI: 10.1080/0141987042000289997

Dweik, Omar 2016 – *Bader S. Dweik, Rana M. Omar.* Preserving the Circassian Cultural Heritage in America // International Journal of Language and Linguistics. – 2016. – Vol. 3. – № 2. – P. 140-148.

Fishman 1991 – *Fishman J.A.* Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. – Clevedon: Multilingual Matters, 1991. – 431 p.

Kreindler et al. 1995 – *Kreindler I., Bensoussan M., Avinor E., Bram C.* Circassian Israelis: Multilingualism as a way of life // Language. Culture and Curriculum. – 1995. – P. 149-162.

REFERENCES

ABAZOVA M.M. Rech' kabardino-cherkesskoy diaspory v Turtsii [The spoken language of the Kabardino-Circassian diasporas in Turkey]. – Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2014. – 136 p. (In Russ.).

BELIKOV V.I., KRYSIN L.P. Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]. – Moscow: RGGU / URSS, 2001. – 440 p. (In Russ.).

BIZHOEV B.Ch. Rech' kabardino-cherkesskoy diaspory v Sirii, Iordanii, Turtsii [The spoken language of the Kabardino-Circassian diaspora in Syria, Jordan, Turkey]. In: Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura. Nalchik: El-Fa, 2000. – 272 p. (In Russ.).

VAKHTIN N.B., GOLOVKO E.V. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and sociology of language]. – Saint Petersburg: Izd-voSPbGU, 2004. – 336 p. (In Russ.).

DROBIZHEVA L.M. *Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossiyskoy Federatsii. Opyt 20 let* [Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. 20 years of experience]. – Moscow: Novyy khronograf: izdatel' Leonid Yanovich, 2013. – 332 p. (In Russ.).

LEBEDEVA N.M. *Etnicheskaya identichnost' i blagopoluchie russkikh na postsovetskom prostranstve: rol' diaspory*[Ethnic identity and well-being of Russians in the post-Soviet space: the role of diaspora]. In: Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. – 2021. – Vol. 17. – № 4. – Pp. 16-24. DOI:10.17759/chp.2021170402 (In Russ.).

POPKOV V.A. *«Klassicheskie» diaspory: k voprosu o definitsii termina*["Classical" diasporas: on the question of the definition of the term]. In: Diaspory. – 2002. – № 1. – Pp. 6-22. (In Russ.).

TISHKOV V.A. *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for an Ethnic Group: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. – Moscow: Nauka, 2003. – 544 p. (In Russ.).

AL-MOMANI D.F., AL-MOMANI S.M. *Language situation among Jordanian Circassians.*In: Educational Research. – 2013. – Vol. 4. – № 8. – Pp. 612-617. DOI: 10.14303/er.2013.113 (In English).

ANDERSON B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* (Rev. ed.). – London; New York: Verso, 2006. – 256 p. (In English).

ANDROUTSOPOULOS J. *Mediatization and sociolinguistic change*. In: Sociolinguistics: Theoretical Debates / ed. by N. Coupland. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – Pp. 236-263. (In English).

BRUBAKER R. *The 'diaspora' diaspora.*In: Ethnic and Racial Studies. – 2005. – Vol. 28. – № 1. – Pp. 1-19. DOI: 10.1080/0141987042000289997 (In English).

DWEIK B.S., OMAR R.M. *Preserving the Circassian Cultural Heritage in America.*In: International Journal of Language and Linguistics. – 2016. – Vol. 3. – № 2. – Pp. 140-148. (In Eng.).

FISHMAN J.A. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. – Clevedon: Multilingual Matters, 1991. – 431 p. (In English).

KREINDLER I., BENSOUSSAN M., AVINOR E., BRAM C. *Circassian Israelis: Multilingualism as a way of life.*In: Language. Culture and Curriculum. – 1995. – Pp. 149-162. DOI:10.1080/07908319509525199 (In English).

Сведения об авторах:
Л.Х. Дзасежева – кандидат филологических наук, доцент.
М.М. Кумыкова–кандидат филологических наук.
Information about the authors
L.Kh. Dzasezheva– Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.
M.M. Kumykova – Candidate of Philological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторызаявляютоботсутствииконфликтаинтересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.
The article was submitted 13.02.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-315-325
EDN: UBXRDP

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДЖИГИТ» В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ КИНЕМАТОГРАФА (1940-е – 1990-е годы)

Марина Хасанбиевна Махова
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, m_mahova_2000@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-5489-5814

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвокультурного концепта «джигит» в песенном дискурсе кинематографа советского и постсоветского периодов. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения механизмов идеологической адаптации этнически маркированных понятий в массовой культуре, а также интересом к анализу советского языкового сознания и его роли в формировании устойчивых этнокультурных стереотипов. Материалом исследования послужил корпус кинопесен из фильмов «Лавина с гор» (1958), «Сватовство гусара» (1979), «Алан» (1997), а также, для подробного представления предлагаемого концепта (выходя за пределы кинематографического контекста), анализировалась эстрадная песня «Песня джигита» (1967). Методологическую базу составляет комплексный подход, включающий концептуальный анализ, дискурс-анализ, компонентный и контекстуальный анализ. Теоретическая основа исследования опирается на положения лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и критического дискурс-анализа. В результате исследования выявлена структура концепта «джигит», включающая ядерные признаки и периферийные характеристики. Полученные результаты вносят вклад в изучение механизмов взаимодействия языка, идеологии и культурной памяти в рамках советского культурного проекта.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт; джигит; советский кинематограф; постсоветский кинематограф; песенный дискурс; кинопесня; ядро; ближняя периферия; дальняя периферия.

Для цитирования: Махова М.Х. Репрезентация концепта «джигит» в песенном дискурсе советского кинематографа (1940-е – 1990-е годы) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 315-325. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-315-325. EDN: UBXRDP.

© Махова М.Х., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

REPRESENTATION OF THE CONCEPT «DZHIGIT» IN THE PEDAL DISCOURSE OF CINEMA (1940 – 1990s)

Marina Kh. Makhova
Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Nalchik, Russia, m_mahova_2000@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-5489-5814

Abstract. The article is devoted to the study of the linguistic and cultural concept "dzhigit" in the song discourse of Soviet and post-Soviet cinema. The relevance of the work is due to the need to study the mechanisms of ideological adaptation of ethnically marked concepts in mass culture, as well as the interest in analyzing the Soviet linguistic consciousness and its role in shaping stable ethno-cultural stereotypes. The material of the study was the corpus of film songs from the films "Avalanche from the Mountains" (1958), "The Hussar's Courtship" (1979), "Alan" (1997), and, for a detailed presentation of the proposed concept (going beyond the cinematic context), the pop song "The Jigit's Song" (1967) was analyzed. The methodological basis is a comprehensive approach that includes conceptual analysis, discourse analysis, component analysis, and contextual analysis. The theoretical basis of the study is based on the principles of linguoculturology, cognitive linguistics, and critical discourse analysis. The study revealed the structure of the concept "Dzhigit", which includes nuclear features and peripheral characteristics. The results contribute to the study of the mechanisms of interaction between language, ideology, and cultural memory within the Soviet cultural project.

Key words: linguistic and cultural concept; dzhigit; Soviet cinema; post-Soviet cinema; song discourse; film song; core; near periphery; far periphery.

For citation: Makhova M.Kh. Representation of the concept «dzhigit» in the pedal discourse of the soviet cinema (1940 – 1990s). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 315-325. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-315-325. EDN: UBXRDP.

© Makhova M.Kh., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Песенный дискурс советского и раннего постсоветского кино являлся эффективным инструментом конструирования коллективных представлений. Он транслировал не только эстетические, но и идеологические модели, оперируя устойчивыми, эмоционально окрашенными концептами. Концепт «джигит», будучи заимствованным из языков народов Кавказа (от тюрк. jiğit – «молодец, храбрец, наездник»), представляет особый интерес для лингвистики. Его адаптация и развитие в общенациональном культурном пространстве демонстрируют механизмы интеграции этнически маркированных понятий в унифицированную советскую языковую картину мира.

Актуальность исследования определяется его вкладом в изучение механизмов идеологической адаптации этнокультурных концептов в массовом дискурсе. Анализ трансформации семантики лексемы «джигит» в советском и постсоветском кинопесенном тексте представляет интерес для лингвокультурологии и исторической семантики как частный случай управления значениями в политизированном медиапространстве. Работа также значима для культурологии в виду того, что в ней исследуется один из ключевых инструментов конструирования образа «дружественного Кавказа» в рамках метанарратива о дружбе народов. Выявление конкретных языковых стратегий формирования этого стереотипа позволяет критически осмыслить истоки устойчивых этнокультурных клише в постсоветском сознании. Таким образом, исследование находится на междисциплинарном стыке, отвечая современному запросу на анализ связи языка, идеологии и культурной памяти.

Новизна работы заключается в комплексном лингвокультурном подходе к анализу концепта «джигит» именно в рамках песенного дискурса кино, который, являясь массовым, обладал уникальной способностью тиражировать и закреплять идеологемы в общественном сознании. В отличие от исследований, рассматривающих образ Кавказа в советской культуре в целом, настоящая работа фокусируется на языковом выражении ключевого концепта, что позволяет выявить не только его эволюцию, но и конкретные механизмы его дискурсивного конструирования.

Цель исследования – реконструировать структуру и проследить эволюцию концепта «джигит» через анализ его вербализаций в кинопесенных текстах советского и раннего постсоветского периода.

Для достижения поставленной цели решаются следующие *задачи*: 1) сформировать репрезентативный корпус песенных текстов из советских кинофильмов, содержащих ключевую лексему «джигит»; 2) выявить ядерные, периферийные и потенциальные семантические признаки концепта на основе анализа дистрибуции, синтагматических связей и контекстных окружений лексемы; 3) провести диахронический анализ динамики выявленных семантических признаков в хронологических рамках советского кинематографа; 4) установить дискурсивные функции концепта «джигит» в идеологическом контексте советской эпохи.

Методы исследования основаны на принципах лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Основным методом является концептуальный анализ, направленный на реконструкцию содержания концепта через его языковые выражения. Работа также опирается на: компонентный анализ для декомпозиции значений лексемы; дискурс-анализ (в рамках критического дискурс-анализа) для выявления связи языковых структур с идеологическими и социальными практиками; сравнительно-сопоставительный метод для анализа эволюции признаков концепта в разные периоды; контекстуальный анализ для определения семантики слова в конкретных ситуациях употребления.

Материалом послужил корпус песен из фильмов «Лавина с гор» (1958), «Сватовство гусара» (1979), а также «Алан» (1997) – фильм постсоветского времени, однако его песня «Маленький джигит» сохранят и воспроизводит поэтику и аксиологию советской кинопесенной традиции, что позволяет проследить инерцию концепта за рамками идеологической эпохи. Кроме того, для реконструкции внекинематографического варианта концепта привлекается эстрадная песня «Песня джигита» в исполнении М. Магомаева.

Результаты и дискуссия

Теоретический фундамент работы формируется на стыке нескольких взаимосвязанных дисциплин: лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, теории дискурса и семиотики культуры. Такой синтез необходим для адекватного описания сложного объекта – концепта, функционирующего в идеологически насыщенном пространстве массовой культуры.

По мнению специалиста в области лингвокультурологии В.И. Карасика, концепты необходимо разграничивать на когнитивные и культурные:

«Когнитивные концепты – это индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность, а культурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры» [Карасик 2002: 74].

Согласно суждению В.Г. Воркачева, концепт представляет собой «единицу коллективного знания / сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой» [Воркачев 2001: 70]. Как отмечает В.Н. Телия, концепт – это «все то, что мы знаем об объекте во всей экстензии этого знания» [Телия 1996: 97]. В понимании Ю.С. Степанова «концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 2004: 43].

Следовательно, в основе исследования лежит понимание концепта как многомерного ментального образования, являющегося единицей коллективного знания (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия). Концепт структурирован и включает ядро (совокупность наиболее устойчивых и существенных признаков) и периферию (вариативные, ассоциативные и ситуативные характеристики). Важнейшим для нас является положение о том, что концепты вербализуются в языке, но не тождественны своим языковым выражениям. Они аккумулируют культурный опыт, ценностные установки и исторический контекст определенной социокультурной общности. Концепт «джигит» рассматривается именно в этой парадигме – не как просто слово, а как средоточие смыслов, связывающих лингвистические данные с внеязыковой реальностью советской культуры.

Также исследование опирается на принципы дискурс-анализа (Т. ван Дейк, Ю.В. Ирхин, Т.М. Николаева). Т.А. ван Дейк определяет дискурс как «сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию “коммуникативное событие”» [Дейк 1989: 46]. Т.М. Николаевой пишет, что:

«Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [Николаева 1978: 467].

Что касается дискурс-анализа, то подробное описание ему дал Ю.В. Ирхин:

«Дискурс-анализ – это не просто один из методов исследования некой проблемы через специфический способ анализа дискурса, но целостный комплекс, включающий в себя философские (онтологические и эпистемологические) предпосылки, касающиеся роли языка в социальных структурах мира; теоретические модели и методология того, как выбрать подход к исследованию проблемы; специфические приёмы анализа» [Ирхин 2014: 130].

В свою очередь, песенный текст в советском кино является частью публицистического дискурса, транслирующего доминирующую идеологию. В рамках этого подхода анализируются не только явные смыслы, но и имплицитные пресуппозиции, стратегии натурализации и интерпретационные рамки, задаваемые текстом.

Выбор термина «песенный дискурс» по отношению к анализируемому материалу обусловлен не только жанровой принадлежностью текстов, но и необходимостью подчеркнуть их коммуникативную, институциональную и идеологическую природу. В отличие от изолированного рассмотрения песенного текста как вербальной конструкции, обращение к дискурсу позволяет зафиксировать взаимодействие языковых, музыкальных, визуальных и перформативных компонентов, а также учесть социальные роли участников коммуникации (композитор, поэт, исполнитель, киногерой, зритель) и ту нормативно-ценностную рамку, которую задает советская и ранняя постсоветская кинокультура. Песенный дискурс кинематографа функционирует как механизм трансляции коллективных представлений, где каждый элемент участвует в конструировании и закреплении концепта. Исходя из этого, применение данного термина методологически обосновано: оно позволяет выйти за пределы имманентного анализа текста и рассматривать кинопесню как дискурсивное событие, формирующее этнокультурные стереотипы в условиях идеологически управляемого медиапространства.

Таким образом, мы рассматриваем кинопесни не как изолированный вербальный ряд, а как интегральный компонент синкретического текста культуры. Его смысл рождается на пересечении: вербального кода (поэтический текст, его лексика, синтаксис, фоника), музыкального кода (мелодия, гармония, ритм, аранжировка, задающие эмоциональный тон), визуального и сюжетного кода кино (образ персонажа-исполнителя, место действия, мизансцена), социально-исторического контекста (время создания и восприятия фильма). Такой полимодальный анализ позволяет выявить, как слово «джигит» обрастает не только лингвистическими, но и звуковыми, визуальными и поведенческими коннотациями, формируя целостный стереотип.

Эволюция концепта «джигит» не происходила в вакууме. Он вступал в диалог с предшествующими культурными текстами, прежде всего с русской романтической литературой XIX в. (поэзией А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова), где образ лихого горца уже был мифологизирован. Советский кинодискурс заимствовал и перекодировал этот романтический ореол, наполняя его новым, социалистическим содержанием. Метод интертекстуального анализа помогает проследить эту трансформацию и выявить механизмы работы культурной памяти в рамках официального искусства.

Кроме вышесказанного работа учитывает положения о том, что язык не просто отражает реальность, но активно участвует в её конструировании. Идеологический отбор лексики, моделирование её сочетаемости и создание устойчивых формул (*«джигиты есть в любом краю»*) являются инструментами формирования языковой картины мира. Е.С. Яковлева отмечает: «под языковой картиной мира понимается зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» [Яковлева 1996; 39]. Концепт «джигит» становится удобной языковой единицей для номинации желаемого, «правильного» образа представителя кавказских народов в рамках общей советской идентичности.

В итоге теоретическая модель исследования представляет собой многоуровневую конструкцию. Лингвокультурный и когнитивный подход задает объект

анализа (структуру концепта). Критический дискурс-анализ определяет ракурс изучения его функционирования в идеологическом поле. Семиотика и интертекстуальный анализ предоставляют инструменты для работы с конкретным материалом (песенным текстом в киноконтексте). Социолингвистика позволяет связать языковые явления с социальными практиками. Такая теоретическая база обеспечивает комплексное и многоаспектное рассмотрение репрезентации концепта «джигит».

Итак, перейдем непосредственно к практической части исследования, то есть к самому анализу. Однако отметим, что расширение хронологических границ от советского до постсоветского периода не нарушает внутренней логики исследования, поскольку в данном случае нас интересует не столько институциональная принадлежность фильма к советской киноиндустрии, сколько устойчивость и трансформация лингвокультурного концепта в песенном дискурсе, тяготеющем к советским образцам. Фильм «Алан» (1997) показателен как пример культурного запаздывания – сознательной или бессознательной репродукции советских эстетических и идеологических клише в постсоветском пространстве. Исследование трёх песен из фильмов разных десятилетий позволяет реконструировать полевую структуру концепта «джигит», где ядро составляют инвариантные признаки, устойчиво повторяющиеся во всех текстах, а периферия отражает историко-культурные и жанровые модификации образа.

К ядру относятся базовые, смыслообразующие компоненты, без которых образ джигита не мыслится в данных текстах.

1. Конь как неотъемлемый спутник. Во всех трёх песнях присутствует образ коня: кони *«рек далеких броды чуют»* у красных джигитов (к/ф «Лавина с гор»[1], композиция «Песня красных джигитов»); конь объявляется обязательным условием для джигита: *«нет джигита без коня»* (к/ф «Сватовство гусара»[2], музыкальное произведение «Песня горца»); а маленький герой скачет на *«горячем коне»* (к/ф «Алан»[3], песня «Маленький джигит»). Конь – не просто транспорт, а символ свободы, удали и связи с родной землёй.

2. Горы как родная стихия. Действие неизменно разворачивается в горном ландшафте: *«перевалы», «обвалы», «горы и кручи»*. Горы формируют характер джигита, они – источник его силы и вдохновения.

3. Храбрость и удаль. Джигит обязательно смел: он идёт в бой, не ищет лёгких путей (*«дороги не ищет назад»*), готов *«перелететь как орёл»* или противостоять *«ста ветрам»*. Это качество – родовое для образа.

4. Причастность к традиции и народу. Джигит всегда часть общности: будь то *«красные джигиты» Кабарды*, горец с его обычаями (абреки, застолье) или ребёнок, которого наставляют: *«дед твой говорит»* – фигура деда, благословляющего внука, подчёркивает связь поколений.

---

[1] Лавина с гор: советский художественный фильм 1958 года. // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://vkvideo.ru/video-40516042_166076440 . Дата обращения – 19.02.2026 г.

[2] Сватовство гусара: советский художественный комедийный фильм 1979 года. // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://rutube.ru/video/398fb1bbc1372cdf26f31c4317bbb5d7/?r=wd . Дата обращения – 19.02.2026 г.

[3] Алан: музыкальный фильм 1997 года. // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://rutube.ru/video/b0d25d47ccb5f0930738712447e1c45b/?r=wd . Дата обращения – 19.02.2026 г.

Эти четыре признака проходят через все три песни, образуя смысловой каркас концепта.

В ближней периферии группируются признаки, которые регулярно сопровождают образ джигита, но могут варьироваться или отсутствовать в отдельных случаях.

1. Оружие и воинский нрав. В героической песне это прямое участие в битвах и забота о «народной чести» («Песня красных джигитов»). В комической – кинжал как атрибут костюма и упоминание абрека («Песня горца»). В лирической песне оружие отсутствует, замещаясь «звоном подков» («Маленький джигит»). Таким образом, воинственность – важный, но факультативный компонент.

2. Стремление к свободе и воле. В первой песне свобода – цель борьбы (*«чтоб свободу добыть навсегда»*). Во второй – своеволие и независимость (*«что пожелаю – всё получу»*). В третьей – скорее путь к счастью, чем борьба за абстрактную волю. Идея свободы остаётся значимой, но приобретает разные оттенки.

3. Сравнение с орлом. В двух песнях («Песня красных джигитов» и «Песня горца») джигит уподобляется орлу – символу гордости, зоркости и свободного полёта. В «Маленьком джигите» орёл не упоминается, но его функция отчасти передаётся через образ горного ветра и высоты.

К дальней периферии относятся индивидуальные, контекстуально обусловленные и эмоционально-оценочные элементы, которые обогащают образ в каждом конкретном случае.

1. Идеологическая окраска («Песня красных джигитов»). Эпитет *«красные»* привязывает джигита к советской мифологии: он борец за революцию, за новую жизнь. Конкретная этническая отнесенность (*«Кабарда»*) служит для демонстрации единства народов СССР.

2. Комические и этнографические детали («Песня горца»). Здесь джигит наделяется чертами любителя вкусной еды и вина (*«Без барашка нет стола. / Киндзмараули, Цинандали – / Пальцы оближешь…»*), галантного ухажёра (*«Русский барышня, ах, харош!», «Русский барышня, якши!», «Без княгини, что за князь?»*). Языковая игра создаёт пародийный, юмористический образ.: *«генацвали»*, *«похитю»*, *«харош»* и *«якши»* (означают одно и тоже: первый – русский вариант с кавказским акцентом, второй – татарский), *«Мадмуазель де Ласкутоff»* – смешение грузинских, тюркских и русских слов со специально выраженным кавказским акцентом.

3. Лирическая перспектива и тема будущего («Маленький джигит»). В «Маленьком джигите» концепт разворачивается во временной перспективе: *«Скоро ты вырастешь, маленький джигит»*. Джигит здесь – ребёнок, вбирающий в себя традицию, а его главное качество – потенциальность, обещание большого счастья (*«Знаю я точно – счастье большое ждет тебя в дали»*). Природа не враждебна, а величественна и добра.

4. Конкретные топонимы и реалии. *«Терек»*, *«Кабарда»*, *«Казбек»*, *«бурка»*, *«кинжал»*, *«абрек»*, *«генацвали»* – все они создают узнаваемый «кавказский колорит» и выполняют функцию маркеров культурной принадлежности.

Полевая структура концепта «джигит» в советских кинопесняхдемонстрирует устойчивое ядро (конь, горы, удаль, традиция), которое обрастает периферийными смыслами в зависимости от жанра и идеологии фильма. От сурового воина-освободителя 1917 г. (фильм «Лавина с гор» рассказывает о джигитах 1917 года) образ эволюционирует к обязательному, чуть ироничному горцу конца 1970-х и затем сменяется лирическим изображением ребёнка-наследника 1990-х гг. При этом базовые компоненты остаются неизменными, что свидетельствует о глубинной укорененности концепта в народном сознании, даже будучи пропущенным через фильтр массовой культуры.

В дополнение к проанализированным песням мы решили добавить композицию «Песня джигита»[1]. Эта песня занимает особое место в предложенной типологии. Она не привязана к конкретному фильму и её сольное эстрадное исполнение Муслимом Магомаевым задает иную оптику. Это позволяет увидеть, как концепт «джигит» существовал в «чистом», внежанровом культурном советском пространстве 1960–1970-х гг.

Итак, рассмотрим «Песню джигита» в рамках модели ядро – периферия. Данная песня блестяще подтверждает устойчивость ядра, выявленного ранее. В ней присутствуют все четыре базовых компонента: 1) конь как неотъемлемый спутник. Образ коня здесь доминирует: он *«горячий»*, *«летящий»*, домчит *«до самого солнца»*, а лирический герой неразрывно слит с конём (*«сжимаю поводья»*); 2) горы как родная стихия. Хотя горы прямо не названы, они явно подразумеваются: *«стальные подковы бьют о камень»*, *«песня звенит над облаками»* – это классический горный пейзаж, вынесенный за скобки, но определяющий атмосферу; 3) храбрость и удаль. Стремительный полёт (*«мчатся кони»*), устремлённость к солнцу – все это передает ту самую удаль, которая является родовой чертой джигита; 4) причастность к традиции. Здесь нет прямого упоминания дедов или обычаев, но сама интонация песни, ее эпический размах и обращение к вечным ценностям (*путь, дорога, верность*) укореняют образ в традиции.

В этой песне ближняя периферия «сжимается», оставляя только самые необходимые, очищенные от бытовых деталей признаки: 1) воинственность сведена к нулю. В песне нет ни оружия, ни битв, ни намека на борьбу. Джигит здесь – не воин, а скорее всадник-романтик, чья стихия – сама дорога и движение; 2) стремление к свободе здесь абсолютно, но это не социальная свобода (*«Песня красных джигитов»*) и не бытовое своеволие (*«Песня горца»*), а метафизическая свобода – полет к солнцу, к горизонту; 3) сравнение с орлом не используется прямо, но образ полета *«над облаками»* и стремление «*до самого солнца»* полностью замещают орлиную символику.

Дальняя периферия в этой песне предлагает уникальное сочетание, которое не встречалось в предыдущих трёх: 1) полная деидеологизация. В отличие от «красных джигитов», здесь нет советской риторики. В отличие от «песни горца», здесь нет этнографического юмора. Перед нами универсальный, общечеловече-

[1] Песня джигита (в исполнении Муслима Магомаева): музыка написана Муслимом Магомаевым, слова - Александром Дмоховским, запись сделана в 1967 году. // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://rutube.ru/video/af0e973a306ba61f79dea1f570297a3d/?r=wd . Дата обращения – 19.02.2026 г.

ский образ джигита, понятный любому слушателю; 2) любовная лирика как мотивация. В песню введен женский образ (*«меня ты проводишь», «будешь всегда ты ждать меня»*). Это важное дополнение: джигит скачет не за славой (как в первой), не за барашком (как во второй), а в большой мир, но с мыслью о той, кто ждет. Это придает концепту лирическую глубину; 3) эпический размах и космизм. Образ *«до самого солнца»* выводит концепт на новый уровень – это уже не просто поход в соседний аул, а почти космическое устремление, характерное для романтики.

«Песня джигита» заполняет важную нишу между полюсами, выявленными ранее: от воина она взяла эпический размах и серьёзность; от комического горца она взяла жизнелюбие, но перевела его в романтическое, а не гастрономическое русло; лирическому наследнику она близка по настроению, но герой здесь не ребёнок, а взрослый мужчина, совершающий свой жизненный путь.

Заключение

Проведенное исследование, посвященное репрезентации лингвокультурного концепта «джигит» в песенном дискурсе советского и постсоветского кинематографа, позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих теоретическое и прикладное значение для лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и исследований советской массовой культуры.

В ходе работы была достигнута поставленная цель: реконструирована структура и прослежена эволюция концепта «джигит» на материале корпуса кинопесен, охватывающего четыре десятилетия (1950–1990-е гг.). Комплексный анализ вербализаций концепта подтвердил исходную гипотезу о том, что песенный дискурс советского и раннего постсоветского кино выступал не просто транслятором, но и активным конструктором идеологически окрашенных этнокультурных стереотипов.

Применение полевой модели (ядро – периферия) позволило выявить устойчивый инвариантный каркас концепта. К ядерным признакам, сохраняющимся на протяжении всего исследуемого периода, относятся: 1) неразрывная связь с конем как символом свободы и удали; 2) укорененность в горном ландшафте (родная стихия); 3) храбрость и молодечество как доминанты характера; 4) причастность к традиции и родовой памяти. Наличие этого устойчивого ядра свидетельствует о глубинной укорененности концепта в народном сознании и его способности сохранять семантическую определенность даже при активном внешнем идеологическом воздействии.

В то же время анализ периферийных зон (ближней и дальней) продемонстрировал высокую степень вариативности концепта, обусловленную жанровой спецификой фильмов и меняющимся социально-историческим контекстом. Если в песне 1958 г. из фильма «Лавина с гор» джигит предстает как суровый воин-освободитель, вписанный в советскую мифологию (признаки идеологизации и борьбы за социальную свободу), то в песне 1979 г. из к/ф «Сватовство гусара» образ приобретает комические, этнографически-ироничные черты, становясь частью бытового и любовного нарратива. Песня 1997 г. из фильма «Алан» актуализирует лирическую и воспитательную перспективу, где джигит – ребенок-

наследник, что переводит концепт в план потенциальности и преемственности традиции. И хотя фильм «Алан» вышел уже в постсоветский период, его песня демонстрирует полную преемственность с советской кинопесенной традицией: ядерные признаки концепта (конь, горы, удаль, связь поколений) остаются неизменными, а идеологическая нейтральность (отсутствие отсылок к социалистической риторике) сближает её с эстрадной «Песней джигита».

Особое место в исследовании занял анализ «Песни джигита» (1967) в исполнении Муслима Магомаева, рассмотренной как образец внежанрового эстрадного дискурса. Данный материал подтвердил наличие выявленного ядра, но продемонстрировал возможность его существования вне идеологического и бытописательного контекстов. Здесь концепт репрезентирован в универсальном, романтико-эпическом ключе: джигит предстает как всадник-философ, устремленный к солнцу и вечным ценностям (путь, дорога, любовь), что заполняет смысловую лакуну между полярными образами воина и комического горца.

Таким образом, эволюция концепта «джигит» в песенном кинодискурсе представляет собой сложный процесс перекодирования этнического образа. Заимствованный из культур народов Кавказа и романтической литературы XIX в., он был интегрирован в унифицированную советскую языковую картину мира. Дискурсивные функции концепта варьировались от героико-патриотической (инструмент конструирования «дружбы народов») до лирико-иронической, что отражало общие тенденции развития советского искусства – от жесткой идеологической риторики 1930–1950-х гг. к более камерным и жанрово-разнообразным формам 1970–1990-х.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении корпуса материалов за счет анализа вербализаций концепта «джигит» в иных типах советского дискурса (публицистика, художественная литература), а также в компаративном изучении его трансформации в постсоветском медиапространстве (современное кино, блоггинг, реклама). Кроме того, интерес представляет сопоставительный анализ репрезентации данного концепта в русскоязычном и национальных (кавказских) дискурсах, что позволит глубже понять механизмы межкультурной интеграции и семантической диффузии в полиэтничном социуме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Воркачев 2001 – *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

Дейк 1989 – *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Москва: Прогресс, 1989. – 310 с.

Ирхин 2014 – *Ирхин Ю.В.* Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 4. – С. 128-143.

Карасик 2002 – *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Николаева 1978 – *Николаева Т.М.* Краткий словарь терминов лингвистики. – М.: Прогресс, 1978. – 480 с.

Степанов 2004 – *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

Телия 1996 – *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Яковлева 1996 – *Яковлева Е.С.* Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1996. – 103 с.

REFERENCES

VORKACHEV S.G. *Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoi paradigmy v yazykoznanii* [Linguoculturology, Language Personality, Concept: Formation of an Anthropocentric Paradigm in Linguistics]. In: Filologicheskie nauki. – 2001. – № 1. – P. 64–72. (In Russ.).

DEIK T.A. VAN. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Cognition. Communication]. – Moskva: Progress, 1989. – 310 p. (In Russ.).

IRKHIN YU.V. *Diskurs-analiz: sushchnost', podkhody, metodologiya, proektirovanie* [Discourse Analysis: Essence, Approaches, Methodology, Design]. In: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. – 2014. – № 4. – S. 128-143. (In Russ.).

KARASIK V.I. *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs: monografiya* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse: Monograph]. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 p. (In Russ.).

NIKOLAEVA T.M. *Kratkii slovar' terminov lingvistiki* [A Brief Dictionary of Linguistics Terms]. – M.: Progress, 1978. – 480 p. (In Russ.).

STEPANOV YU.S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. – Izd. 3-e, ispr. i dop.. – M.: Akademicheskii proekt, 2004. – 992 p. (In Russ.).

TELIYA V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul`turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic, and linguocultural aspects]. – M.: Shkola «Yazy`ki russkoj kul`tury`», 1996. – 288 p. (In Russ.).

YAKOVLEVA E.S. *Ob''ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* [Objective Worldview in Cognition and Language]. – M.: Nauka, 1996. – 103 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.Х. Махова – ассистент кафедры.

Information about the author

M.Kh. Makhova – Assistant of the Department.

Статья поступила в редакцию 23.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 23.02.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 81-25
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-326-337
EDN: VEBGVO

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СЕМЬЯ» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ ТУРОК-МЕСХЕТИНЦЕВ РОССИИ

Галина Владимировна Файзиева
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия, fayzievagv@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0627-2045

Аннотация. Язык турок-месхетинцев, проживающих в настоящее время в Российской Федерации, остается одним из самых малоизученных тюркских языков. Это, очевидно, связано с диаспоричностью и компактностью проживания представителей нации, недостаточной активностью и участием носителей турецко-месхетинского языка в вопросах сохранения и исследования особенностей родного языка, отсутствием системных научных работ, направленных на восполнение лакун в лексикографировании языка турок-месхетинцев, иными, необъяснимыми, причинами. Настоящее исследование, проведенное на основе выборки из текстов устного спонтанного дискурса носителей турецко-месхетинского языка (преимущественно 1 и 2 поколения), проживающих на территории Астраханской области, имеет целью описание в турецко-месхетинском языке базового для любого языка семантического поля «Семья», что позволит представить особенности мировосприятия представителей лингвокультуры турок-месхетинцев. В ходе исследования установлено содержание ядра, ближней и дальней периферий изучаемого семантического поля, обозначены содержательные признаки промежуточной периферии. На основе семантического критерия выборка классифицирована также по тематическим группам, способствующим целостному восприятию семьи в современном турецко-месхетинском языке. Исследование позволило выявить и описать в рамках поля этнокультурную информацию, связанную с восприятием семьи как ценности в исследуемом языке. В работе применялся комплекс общенаучных (интервьюирование, метод направленной выборки, анализ, синтез, сравнение, обобщение) и лингвистических методов (описательный метод, метод семантического анализа, количественный метод).

Ключевые слова: турецко-месхетинский язык; турки-месхетинцы; семантическое поле; тематическая группа; культурная идентификация

Для цитирования: Файзиева Г.В. Семантическое поле «семья» в современном языке турок-месхетинцев России // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 326-337. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-326-337. EDN: VEBGVO.

© Файзиева Г.В., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

THE SEMANTIC FIELD "FAMILY" IN THE MODERN LANGUAGE OF THE MESKHETIAN TURKS OF RUSSIA

Galina V. Fayzieva

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, fayzievagv@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0627-2045

Abstract. The language of the Meskhetian Turks currently living in the Russian Federation remains one of the least studied Turkic languages. This is obviously due to the diasporic nature and compactness of the residence of representatives of the nation, the lack of activity and participation of native speakers of the Turkish-Meskhetian language in preserving and researching the peculiarities of their native language, the lack of systematic scientific work aimed at filling gaps in the lexicography of the Meskhetian Turks, and other inexplicable reasons. The present study, conducted on the basis of a sample from the texts of spontaneous oral discourse of native speakers of the Turkish-Meskhetian language (mainly 1st and 2nd generations) living in the Astrakhan region, aims to describe in the Turkish-Meskhetian language the basic semantic field "Family" for any language, which will allow us to present the peculiarities of the worldview of representatives of the Meskhetian Turks linguistic culture. In the course of the study, the content of the core, the near and far peripheries of the semantic field under study were established, and the meaningful features of the intermediate periphery were identified. Based on the semantic criterion, the sample is also classified into thematic groups that contribute to the holistic perception of the family in the modern Turkish-Meskhetian language. The study made it possible to identify and describe, within the framework of the field, ethnocultural information related to the perception of family as a value in the language under study. The work used a set of general scientific (interviewing, the method of directed sampling, analysis, synthesis, comparison, generalization) and linguistic methods (descriptive method, method of semantic analysis, quantitative method).

Keywords: Turkish-Meskhetian language; Meskhetian Turks; semantic field; thematic group; cultural identification

For citation: Fayzieva G.V. The semantic field "family" in the modern language of the Meskhetian Turks of Russia. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 326-337. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-326-337. EDN: VEBGVO.

© Fayzieva G.V., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

В контексте усиливающихся процессов глобализации, доминирования языков международного общения (в частности, английского языка) в коммуникации, науке и экономике проблема сохранения этноязыковой и лингвокультурной идентичности становится особенно актуальной. Каждый язык кодирует уникальную систему мировосприятия, культурные концепты, этические ценности нации, фольклорные и исторические нарративы и утрата языка ведет к неполной передаче этого культурного кода, к смысловым лакунам, наносит непоправимый вред нематериальному культурному наследию, что подрывает устойчивость этнокультурных сообществ.

Проблемы сохранения культурных паттернов, исторического сознания и систем ценностей, вербализируемых посредством языка, стали объектом многочисленных лингвистических исследований. На базе разных национальных языков рассматривается роль языка в формировании национальной идентичности как средства совместного существования и межкультурного общения [Белков, 2012; Кузнецова, 2011; Сетдарова, Сухрапов, 2024; Узунян, 2023], как ключевого эле-

мента, определяющего уникальность и самобытность народов в условиях глобализации [Иванов, Либердюк 2025; Тов, 2018; Штец, Штец 2017]. Языки, особенно региональные, обозначены фундаментом национального объединения, а их сохранение выступает ресурсом этнической мобилизации, определяющим стабильность и структуру многонациональных государств [Мкоян 2025].

Подчеркивается важность языка в процессе культурного обмена и сохранении национальной идентичности, а также его изменчивость в ответ на социокультурные изменения. Сам язык обозначается средством передачи культурных ценностей, традиций и исторической памяти [Ходжамгулыев, Базарова, Хыдырмухаммедова 2025].

Проблема осознания собственной национальной идентичности через фактор языка также стала объектом отдельного исследования [Безногова 2015].

Наряду с этим, важное значение приобретают исследования, касающиеся изучения вопросов витальности родного языка многочисленных народов, проживающих на территории Российской Федерации, одним из которых являются турки-месхетинцы.

Турки-месхетинцы (месхетинские турки, ахыска, месхи) компактно проживают в Краснодарском, Ставропольском краях, Ростовской, Астраханской областях, Кабардино-Балкарской республике и республике Калмыкия. По данным переписи 2021 г., в нашей стране проживает 120 800 носителей турецко-месхетинского языка[1].

История происхождения и развития языка турок-месхетинцев спорна и трагична. В рамках нашего исследования, не имеющего целью изучение исторических и политических аспектов данного процесса, важно констатировать, что на становление современного турецко-месхетинского языка оказало значительное влияние как проживание народа вплоть до 1944 г. на территории нынешней южной Грузии, так и депортация 14 ноября 1944 г. со своих исторических территорий в Грузии в Узбекистан, Казахстан и Киргизию, а также последующее переселение незначительного количества турок-месхетинцев в основном в Кабардино-Балкарию и на Северный Кавказ после снятия территориальных ограничений в 1956 г. [Усманов 2017] и «стрессовой миграции» (термин А.В. Бедрик) турок-месхетинцев из Узбекистана в Россию, Казахстан и Азербайджан в связи с Ферганскими событиями 1989 г. [Бедрик 2009; Симоненко 2002 : 27]. В результате этих событий *месхетинский* диалект турецкого языка, примыкающий к восточно-анатолийской группе его диалектов[2], приобрел свою современную форму с многочисленными заимствованиями из узбекского, казахского, киргизского, азербайджанского, русского языков. К сожалению, до настоящего времени не имеется фундаментальных научных исследований степени заимствований в современном турецко-месхетинском языке, а также семантики и этимологии лексических единиц. Сегодня можно говорить лишь о незначительном количестве

[1] Электронный ресурс. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения 12.09.2025 г.); https://znanierussia.ru/articles/Национальный_состав_России (дата обращения 12.09.2025 г.).

[2] Электронный ресурс. Режим доступа: https://biblio.uz/m/articles/view/PERSONALIA-ОТКЛИКИ-РЕПЛИКИ-ПОЛЕМИКА-МЕСХЕТИНЦЫ-МЕСХИ-И-МЕСХЕТИЯ (дата обращения 17.09.2025 г.).

работ в области фонетики турецко-месхетинского языка, в частности в сравнительном аспекте с тюркскими языками, лексикологии [Рассадин 2011] и лексикографии [Файзиева 2025]. Таким образом, язык турок-месхетинцев по-прежнему остается одним из малоизученных тюркских языков. Бесспорно, восполнение обозначенных лакун необходимо, т.к. исследование лексического фонда турецко-месхетинского языка позволит заложить основу для изучения ключевых компонентов культурного кода турок-месхетинцев, проживающих в Российской Федерации, культурной уникальности народа-носителя турецко-месхетинского языка и лучшего понимания его языковой картины мира.

Также нельзя не отметить ряд исследований, касающихся этнокультурного развития турок-месхетинцев [Аккиева 2019], изучения их этнической культуры в условиях проживания в полиэтническом регионе [Гусейнова 2018; Мамаев 2010], особенностей адаптации турок-месхетинцев в социокультурной среде Юга России [Бедрик 2009] и др. Все названные исследования можно считать фундаментом изучения языковой картины мира турок-месхетинцев России.

Комплексное изучение языка невозможно без понимания взаимосвязи лексических единиц, ведь язык – это не случайный набор слов, а система взаимосвязанных групп. Значение слова определяется его местом в этой системе и его отношениями с другими словами, в связи с чем изучение семантических полей становится фундаментом для дальнейших, более глубоких исследований языковых систем. Одной из базовых семантических полей в системе любого языка является семантическое поле «Семья».

Семья – сосредоточение социальных и культурных ценностей, традиций, норм и правил взаимодействия поколений, залог процветания и развития общества. Семья – социальная категория, отражающая культуру и национальные ценности современного общества.

Объем лексики, объединенной общей тематической направленностью «Семья», универсален, хотя исследователи отмечают также наличие специфических черт в описании семейных отношений, характерных для того или иного языка [Мержоева 2009: 5]. Тем не менее, данная группа, как правило, отражает преимущественно традиционную картину мира, присущую носителям языка, характеризует отношения внутри социальной общности, представители которой связаны определенной степенью родства, представляет иерархию этих отношений с учетом эмоционального компонента и максимально положительной коннотации.

Концепт «Семья» многосторонне изучен в лингвистике на базе разноструктурных языков. В многочисленных лингвистических исследованиях, посвящённых комплексному описанию лексических единиц, объединенных в единую семантическую группу «Семья», семья предстаёт как основа миропонимания и миропорядка [Добровольская 2005], как ценность [Семина 2019], как совокупность микроконцептов «отец», «мать», «муж», «жена», «дети» [Терпак 2006], как характеристика ценностных ориентаций различных поколений [Белковский 2013: 193-199], как неповторимая единица культуры, «в которой синтезируются духовное и материальное, соборное национальное сознание и индивидуальность» [Кузьмина 2005: 12], как отражение роли и статуса семьи и брака [Кульсарина 2014: 52-58].

В нашем исследовании мы понимаем под семантическим полем «Семья» экспликацию в языке особенностей национально-культурного осмысления категории «Семья» как социальной универсалии.

Лексические единицы, относящиеся к лексико-семантической группе «Семья», немногочисленны, достаточно изучены в словарном фонде различных языков, систематизированы по характеру родственных связей и степени родства, четко идентифицируются, распределены по тематическим подгруппам и терминологическим полям в соответствии с установленными дифференциальными признаками, характеризующими семью как социальный институт:

– родство по крови (кровное родство) / родство по браку), например: мать – жена – свекровь);

– прямое родство / косвенное родство, например: мать – тетя;

– вертикальные линии родства (родственники первой, второй, третьей и т.д. степени родства), например: мать – дочь – внучка; внучка – мать – бабушка);

– горизонтальные линии родства, например: брат – сестра [Пронин 2013].

В связи с активным развитием гендерной лингвистики все чаще при выделении дифференциальных признаков рассматриваемой семантической группы появляется гендерная характеристика семейных отношений, например: сын – дочь, брат – сестра, отец – мать и т.д. [Деткова 2013].

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает концепция Т.В. Пьянковой, заложенная в основу авторской классификации лексики, включенной в семантическое поле «Семья», по тематическим группам. Автор предлагает рассматривать семантическое поле «Семья» по четырем макрополям:

– пространство семьи, домашний очаг;

– состав семьи;

– взаимоотношения в семье;

– характеристики семьи [Пьянкова 2012].

В целом, можно утверждать, что семантическое поле «Семья» высоко структурировано, отражает биологические и социальные отношения, репрезентирует иерархию ценностей внутри социума и служит способом организации языкового опыта представителей определенной лингвокультуры, что делает его ценным объектом для лингвокультурологического и социолингвистического анализа. В своем исследовании С.И. Аккиева отмечает, что семья, исламская религия, родственные отношения, трудолюбие и этническая сплоченность играют важную роль в социальной жизни турок-месхетинцев [Аккиева 2019: 144]. Именно лексемы данного семантического поля «Семья» являются конструктом не только лингвистического, но и историко-культурного кода народа, несут информацию о менталитете носителей турецко-месхетинского языка, прошедших через тяготы исторических событий, но сохранивших свою идентичность.

Основная часть

Данные подходы были приняты во внимание при характеристике семантического поля «Семья» на базе эмпирического материала настоящего исследования, представленного выборкой из записей устного спонтанного дискурса (всего 150 записей общей продолжительностью 18,25 час., представляющих собой полилоги (описания, повествования, рассуждения в ответ на просьбу рассказать о

своем детстве, истории своей семьи, родственниках), полученных в период 2022 – 2024 гг. в ходе интервьюирования от неформальных информантов-носителей турецко-месхетинского языка, в настоящее время проживающих на территории Астраханской области (г. Астрахань, г. Нариманов, с. Разночиновка Наримановского района Астраханской области, с. Чаган Камызякского района Астраханской области, с. Поды Черноярского района Астраханской области). Общее количество участников исследования составило 62 чел. Общий объем выборки, отражающий семантическое поле «Семья», представлен 82 лексическими единицами (100 %). Оговоримся, что в процессе анализа выборки нами намеренно были исключены лексемы-заимствования.

Ядро семантического поля «Семья» составили лексемы (20 ЛЕ, 24,4 %), объединенные архисемой «кровное родство, объединенное общностью быта, взаимными правами и обязанностями», подчеркивающей семейную общность, а также лексемы-номинации членов семьи (поскольку язык турок-месхетинцев не имеет своей письменности, все примеры представлены буквами кириллицы): *айля* ‘семья’ (как собирательное понятие, например, *Халиль таинын айляси* ‘семья дяди Халила’), *урух / ахраба* ‘родственник’, *урух-аймах / бютун акрабалар* ‘родственники’, *джян-джигяр* ‘близкие родственники’, *кёкь* ‘корень’ (в значении ‘род’), *сойады* ‘фамилия’, *тахым* ‘племя’, *эвлят* ‘потомок’, *баба* ‘папа’, *ана / аба* ‘мама’, *коджа* ‘муж’, *кари* ‘жена’, *оғул* ‘сын’, *қыз* ‘дочь’, *қардаш / тада* ‘брат’, *баҗи* ‘сестра’. Отметим, что все лексемы, составляющие ядро, стилистически нейтральны, не имеют эмоционально-экспрессивных ограничений и практически не зависят от контекста высказывания, в котором они зафиксированы.

Ближнюю периферию составляют лексические единицы (6 ЛЕ, 7,3 %), семантически связанные с ядром и обозначающие близких, но не обязательно кровных родственников и конкретизирующие отношения внутри ядра: *ана-баба* ‘родители’ (например: *Сянин анан-бабан вар ми?* ‘Родители у тебя есть?’), *чоҗухлар* ‘дети’, *турунлар* ‘внуки’, *егян / җигян* (из узб.) ‘племянник / племянница’, *егянлар* ‘племянники’.

К лексемам промежуточной периферии нами отнесены лексемы (27 ЛЕ, 32,9 %), характеризующие кровных родственников, например: *нянä / бёюқ-ана* ‘бабушка’, *дядä / бёюқ-баба* ‘дедушка’, *торун* ‘внук / внучка’, *эми* ‘дядя (по отцу), брат отца’, *таи* ‘дядя (по матери), брат матери’, *биби* ‘тётя (по отцу), сестра отца’, *хала* ‘тётя (по матери), сестра матери’ – отдельно отметим, что в культуре турок-месхетинцев исторически значимо различие в наименовании родственников со стороны отца и матери, это различие присутствует также в наименовании родственников второй линии, например: *эмим қызи / оғли* ‘дочь / сын дяди по отцу’, *бибим қызи / оғли* ‘дочь / сын тети по отцу’, *таим қызи / оғли* ‘дочь / сын дяди по матери’, *халам қызи / оғли* ‘дочь / сын тети по матери’. Также к лексическим единицам промежуточной периферии мы отнесли лексемы, номинирующие родственников по браку, например: *кайнана* ‘свекровь / тёща’, *қайната* ‘свёкор/тесть’, *энищтä* ‘зять, муж дочери или сестры (или муж тёти, т.е. дядя по браку)’, *гялин* ‘невестка, жена сына или брата’, *янге* ‘жена брата’, *абла* ‘жена старшего брата (или жена дяди, т.е. тётя по браку)’, *эльти(ляр)* ‘жена(ы) братьев друг для друга’, *балдуз* ‘сестра жены’, *гёрум* ‘сестра мужа’, *баҗанах(лар)*

‘муж(ья) сестер друг для друга’. Именно лексика промежуточной периферии является очень значимой в культуре турок-месхетинцев, подчеркивая значимость клановых и родственных связей.

Дальняя периферия семантического поля «Семья» в современном турецко-месхетинском языке наиболее многочисленна и состоит из номинаций неродственных отношений, функционально приближенных к семейным, например: *кирва* ‘опекун, назначаемый отцом мальчика после обряда инициации (сюннат)’, *оғуллух* ‘пасынок’, *қызлух* ‘падчерица’, *аналух* ‘мачеха’, *бабалух* ‘отчим’. Также к лексемам дальней периферии нами отнесены лексические единицы, обозначающие ритуалы, имеющие отношение к семье, например: *той* ‘свадьба’, *эльчилик* ‘сваты’, *никах* ‘бракосочетание’, *джеиз* ‘приданое’ и т.д. Всего к дальней периферии нами отнесено 29 ЛЕ (35,4 %).

Отобранные лексемы были классифицированы нами по тематическим группам, составляющим целостное восприятие семьи в современном турецко-месхетинском языке. Классификация выборки проводилась на основе семантического критерия, в соответствии с которым лексические единицы объединялись в тематические группы в соответствии с общностью значения, что позволило представить материал исследования более структурированно.

Тематическая группа «Кровные родственники» – 27 ЛЕ (33 %)

Например: *баба* ‘папа’, *ана / аба* ‘мама’, *оғул* ‘сын’, *қыз* ‘дочь’, *қардаш / тада* ‘брат’, *бажи* ‘сестра’, *нänä / бöюқ-ана* ‘бабушка’, *дäдä / бююқ-баба* ‘дедушка’, *торун* ‘внук / внучка’, *эми* ‘дядя (по отцу), брат отца’, *таи* ‘дядя (по матери), брат матери’, *биби* ‘тётя (по отцу), сестра отца’, *хала* ‘тётя (по матери), сестра матери’ и др.

Тематическая группа «Институт семьи» – 17 ЛЕ (20,7 %)

Например: *айля* ‘семья’, *урух / ахраба* ‘родственник’, *урух-аймах / бютун акрабалар* ‘родственники’, *джян-джигяр* ‘близкие родственники’, *кöкь* ‘корень’ (в значении ‘род’), *тахым* ‘племя’, *эвлят* ‘потомок’, *ана-баба* ‘родители’, *чожухлар* ‘дети’, *турунлар* ‘внуки’ и др.

Тематическая группа «Семья через брак» – 14 ЛЕ (17,1 %)

Например: *коджа* ‘муж’, *кари* ‘жена’, *кайнана* ‘свекровь / тёща’, *қайната* ‘свёкор / тесть’, *энищтä* ‘зять, муж дочери или сестры (или муж тёти, т.е. дядя по браку)’, *гялин* ‘невестка, жена сына или брата’, *янге* ‘жена брата’, *абла* ‘жена старшего брата (или жена дяди, т.е. тётя по браку)’, *эльти(ляр)* ‘жена(ы) братьев друг для друга’, *балдуз* ‘сестра жены’, *гöрум* ‘сестра мужа’, *бажанах(лар)* ‘муж(ья) сестер друг для друга’ и др.

Тематическая группа «Взаимоотношения в семье» – 12 ЛЕ (14,6 %)

Например: *хурмат* ‘уважение’, *хурматли* ‘уважаемый(ые)’, *хуратсиз* ‘неуважающий’, *татли* ‘сладкий(ая) (о ребёнке)’, *джиджи* ‘дополнение при образовании ласкового отношения к родственнице, например, *джиджи аба* ‘тетушка’, *севгюли* ‘любимый(ая)’, *биртэнэм* ‘единственный(ая)’ и др.

Тематическая группа «Семейные традиции, обычаи, ценности» – 12 ЛЕ (14,6 %)

Например: *той* ‘свадьба’, *эльчилик* ‘сваты’, *кессим кесмек* ‘окончательный уговор о свадьбе’, *никах* ‘бракосочетание’, *тамян* ‘приветствие невесты родственников жениха’, *джеиз* ‘приданое’, *кына геджеси* ‘девичник’, *меслехет* ‘встреча родственников жениха и невесты за день до свадьбы’, *гелин гётӱрмах* ‘привоз невесты в дом жениха’, *атлылар* ‘сопровождающие невесты’, *мюжде ястух* ‘подушка невесты’, *сағдуҗи* ‘свидетель на свадьбе, друг жениха’ и др.

Заключение

В целом, проведенное исследование семантического поля «семья» в современном языке турок-месхетинцев России позволяет не только систематизировать лексику, но и получить глубокое представление о социальных нормах, культурных кодах и историческом развитии народа-носителя исследуемого языка. Семантическое поле «Семья» выступает в виде динамичной, иерархически организованной микросистемы лексики, связанной отношениями гипонимии, антонимии и синонимии. Его ядро стабильно и универсально, в то время как периферия отражает социально-культурные реалии. В лингвопространстве турок-месхетинцев базовым является восприятие семьи как группы (кровных; некровных; находящихся в отношениях свойства и условного родства) родственников, что объясняется универсальным характером семьи как базовой ценности. Семантическое поле «Семья» в турецко-месхетинском языке отражает патриархальный уклад, глубокое уважение к старшим и сплоченность семейной общности, что является символом для культуры турок-месхетинцев.

Дальнейшее исследование семантического поля «Семья» затруднено отсутствием лексикографических источников турецко-месхетинского языка и, соответственно, невозможностью исследования словарных дефиниций лексем. Тем не менее, следует отметить, что исследуемое семантическое поле может быть расширено за счет определения в массиве выборки микрополей и лексико-семантических групп, обозначающих реалии семейной жизни. Проведенное исследование станет основой для осуществления ассоциативного эксперимента, которое позволит расширить представления о семантике лексических единиц, обозначаемых социально-семейные отношения в рамках лингвокультуры турок-месхетинцев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аккиева 2019 – *Аккиева С.И.* Этнокультурное развитие турок-месхетинцев (ахыска) в Кабардино-Балкарии 1969-2019 гг. // Культура и цивилизация. – 2019. – Т. 9, № 3-1. – С. 144-155. – EDN DKMURO.

Бедрик 2009 – *Бедрик А.В.* Специфика адаптации турок-месхетинцев в социокультурной среде Юга России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2009. – № S. – С. 88-92. – EDN WZGCYZ.

Безногова 2015 – *Безногова Т.Г.* Осознание собственной национальной идентичности через фактор языка с точки зрения феномена мультикультурализма // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – № 10. – С. 173-178. – EDN VLEEGD.

Белков 2012 – *Белков Е.Н.* Роль языка в формировании национальной идентичности народа мари // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 2(148). – С. 166-170. – EDN PBYQKD.

Белковский 2013 – *Белковский С.В.* Концепт «семья» в современной массовой российской прессе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 4-2. – С. 193–199. – EDN RUBWLN.

Гусейнова 2018 – *Гусейнова М.Д.* Этническая культура турок-месхетинцев в системе социальных институтов Кыргызской республики с точки зрения функционального подхода // Web of Scholar. – 2018. – Т. 5, № 4(22). – С. 40-43. – EDN YWKQDH.

Деткова 2013 – *Деткова В.А.* Отражение гендерной ментальности в русских и английских паремиях семантической группы «Семейные отношения» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 7. – С. 168-176. – EDN RJLIZT.

Добровольская 2005 – *Добровольская Е.В.* Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: дис. … канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005. – 203 с.

Иванов, Либердюк 2025 – *Иванов В.А., Либердюк Р.О.* Роль языка в сохранении национальной идентичности // Социосфера. – 2025. – № 1. – С. 96-98. – EDN HBRWCT.

Кузнецова 2011 – *Кузнецова Е.В.* Язык и национальная идентичность // Омский научный вестник. – 2011. – № 3(98). – С. 102-105. – EDN OIJLBV.

Кузьмина 2005 – *Кузьмина Г.Ш.* Синергетика концептосферы С.Т. Аксакова как русской языковой личности в дилогии «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука»: автореферат дис. … канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 24 с.

Кульсарина 2014 – *Кульсарина Г.Г.* Репрезентация концепта «семья (ғаилә)» в башкирской языковой картине мира (на материале фольклорных текстов) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 16 (345). – С. 52–58.

Мамаев 2010 – *Мамаев М.И.* Турки-месхетинцы в этнополитической ситуации Северного Кавказа: выход из кризисного состояния // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12, № 2. – С. 285-289. – EDN MGVGKJ.

Мержоева 2009 – *Мержоева З.* Концепты родства в молодежном языковом сознании русских и ингушей : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2009. – 18 с.

Мкоян 2025 – *Мкоян А.Т.* Роль языка в формировании национальной и этнической идентичности: анализ на примере Италии и Испании // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 11(139). – С. 151-155. – DOI 10.24158/fik.2025.11.18. – EDN CKNRRC.

Пронин 2013 – *Пронин П.А.* Семантическое поле «Семья» в русской и английской идиоматике (семантический и когнитивный аспекты) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13, № 3. – С. 24-28. – EDN VJDXCL.

Пьянкова 2012 – *Пьянкова Т.В.* Лексическое представление ассоциативно-семантического поля «Семья» в современной женской прозе (на материале произведений Л. Улицкой и Л. Петрушевской): автореф. дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2012. – 21 с.

Рассадин 2011 – *Рассадин В.И.* Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 8. – С. 83-90. – EDN NUSYEP.

Рассадин 2011 – *Рассадин В.И.* Звуковой строй языка турок-месхетинцев // Российская тюркология. – 2011. – № 2 (5). – С. 29-40.

Семина 2019 – *Семина П.С.* Семья как ценность в паремиологическом фонде Франции и Бельгии // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2019. – № 2(66). – С. 213-222. – EDN RXQHDM.

Сетдарова, Сухрапов 2024 – *Сетдарова А.А., Сухрапов А.* Персидский язык в эпоху Сефевидов: роль языка в формировании национальной идентичности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 10-4(97). – С. 127-129. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-10-4-127-129. – EDN ZJQXFR.

Симоненко 2002 – *Симоненко В.А.* Месхетинские турки: Историческая судьба и проблемы культурной адаптации: автореф. дис…. канд. истор. н. – Краснодар, 2002. – 35 с.

Терпак 2006 – *Терпак М.А.* Английский лингвокультурный концепт «семья» и способы отражения его коннотативного содержания в языке (на материале семантического поля «Родственные отношения»): дис. … канд. филол. наук. – Самара, 2006. – 204 с.

Тов 2018 – *Тов Н.А.* Язык И национальная идентичность // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. – 2018. – № 14(38). – С. 38-40. – EDN VUHDOD.

Узунян 2023 – *Узунян А.К.* Сохранение культуры языка как основа национальной идентичности / А. К. // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2023. – № 2(26). – С. 473-476. – EDN SVKODP.

Усманов 2017 – *Усманов А.О.* К вопросу о конституционно-правовой реабилитации месхетинских турок: политико-правовой аспект // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 3. – С. 159-166. – EDN ZROSHX.

Файзиева 2025 – *Файзиева Г.В.* Актуальные проблемы лексикографического описания языка турок-месхетинцев России // Евразийский филологический вестник. – 2025. – № 3(11). – С. 87-98. – EDN RLCNEQ.

Ходжамгулыев, Базарова, Хыдырмухаммедова 2025 – *Ходжамгулыев А., Базарова И.С., Хыдырмухаммедова О.* Язык и культура: Связь языка с историей и культурой народа // Вестник науки. – 2025. – Т. 4, № 1(82). – С. 660-666. – EDN QBWGNX.

Штец, Штец 2017 – *Штец А.А., Штец Т.П.* Национальная идентичность и русский язык: классификация ценностей российской культуры // Этносоциум и межнациональная культура. – 2017. – № 3(105). – С. 15-24. – EDN YUNSGD.

REFERENCES

AKKIEVA S.I. *Etnokul'turnoe razvitie turok-meskhetintsev (akhyska) v Kabardino-Balkarii 1969-2019 gg* [Ethnocultural development of the Meskhetian Turks (Akhiska) in Kabardino-Balkaria, 1969-2019]. In: Kul'tura i tsivilizatsiya. – 2019. – T. 9, № 3-1. – P. 144-155. – EDN DKMURO. (In Russ.).

BEDRIK A.V. *Spetsifika adaptatsii turok-meskhetintsev v sotsiokul'turnoi srede Yuga Rossii* [The specifics of the Meskhetian Turks' adaptation to the socio-cultural environment of Southern Russia]. In: Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. – 2009. – № S. – P. 88-92. – EDN WZGCYZ. (In Russ.).

BEZNOGOVA T.G. *Osoznanie sobstvennoi natsional'noi identichnosti cherez faktor yazyka s tochki zreniya fenomena mul'tikul'turalizma* [The awareness of their own national identity through the language factor from the perspective of the phenomenon of multiculturalism]. In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2015. – № 10. – P. 173-178. – EDN VLEEGD. (In Russ.).

BELKOV E.N. *Rol' yazyka v formirovanii natsional'noi identichnosti naroda mari* [The role of language in shaping the national identity of the Mari people]. In: Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. – 2012. – № 2(148). – P. 166-170. – EDN PBYQKD. (In Russ.).

BELKOVSKII S.V. *Kontsept «sem'ya» v sovremennoi massovoi rossiiskoi presse* [The concept of "family" in the modern Russian mass media]. In: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2013. – № 4-2. – P. 193–199. – EDN RUBWLN. (In Russ.).

GUSEINOVA M.D. *Etnicheskaya kul'tura turok-meskhetintsev v sisteme sotsial'nykh institutov Kyrgyzskoi respubliki s tochki zreniya funktsional'nogo podkhoda* [The ethnic culture of the Meskhetian Turks in the system of social institutions of the Kyrgyz Republic from the point of view of the functional approach]. In: Web of Scholar. – 2018. – T. 5, № 4(22). – P. 40-43. – EDN YWKQDH. (In Russ.).

DETKOVA V.A. *Otrazhenie gendernoi mental'nosti v russkikh i angliiskikh paremiyakh semanticheskoi gruppy «Semeinye otnosheniya»* [Reflection of gender mentality in Russian and English paroemias of the semantic group "Family relations"]. In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2013. – № 7. – P. 168-176. – EDN RJLIZT.

DOBROVOL'SKAYA E.V. *Kontseptualizatsiya sem'i v russkoi yazykovoi kartine mira* [Conceptualization of family in the Russian linguistic worldview]: dis. … kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2005. – 203 p. (In Russ.).

IVANOV V.A., LIBERDYUK R.O. *Rol' yazyka v sokhranenii natsional'noi identichnosti* [The role of language in preserving national identity]. In: Sotsiosfera. – 2025. – № 1. – P. 96-98. – EDN HBRWCT. (In Russ.).

KUZNETSOVA E.V. *Yazyk i natsional'naya identichnost'* [Language and National Identity]. In: Omskii nauchnyi vestnik. – 2011. – № 3(98). – P. 102-105. – EDN OIJLBV. (In Russ.).

KUZ'MINA G.SH. *Sinergetika kontseptosfery S.T. Aksakova kak russkoi yazykovoi lichnosti v dilogii «Semeinaya khronika» i «Detskie gody Bagrova-vnuka»* [Synergetics of S.T. Aksakov's Conceptosphere as a Russian Language Personality in the Dilogy "Family Chronicle" and "Childhood Years of Bagrov the Grandson"]: avtoreferat dis. … kand. filol. nauk. – Ufa, 2005. – 24 p. (In Russ.).

KUL'SARINA G.G. *Reprezentatsiya kontsepta «sem'ya (ғailə)» v bashkirskoi yazykovoi kartine mira (na materiale fol'klornykh tekstov)* [Representation of the Concept "Family (ғailə)" in the Bashkir Language Picture of the World (Based on Folklore Texts)]. In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 16 (345). – P. 52–58. (In Russ.).

MAMAEV M.I. *Turki-meskhetintsy v etnopoliticheskoi situatsii Severnogo Kavkaza: vykhod iz krizisnogo sostoyaniya* [The Meskhetian Turks in the Ethnopolitical Situation of the North Caucasus: Overcoming the Crisis]. In: Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. – 2010. – T. 12, № 2. – P. 285-289. – EDN MGVGKJ. (In Russ.).

MERZHOEVA Z. *Kontsepty rodstva v molodezhnom yazykovom soznanii russkikh i ingushei* [Concepts of Kinship in the Youth Language Consciousness of Russians and Ingush]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Saratov, 2009. – 18 p. (In Russ.).

MKOYAN A.T. *Rol' yazyka v formirovanii natsional'noi i etnicheskoi identichnosti: analiz na primere Italii i Ispanii* [The Role of Language in the Formation of National and Ethnic Identity: An Analysis Based on the Examples of Italy and Spain]. In: Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2025. – № 11(139). – P. 151-155. – DOI 10.24158/fik.2025.11.18. – EDN CKNRRC. (In Russ.).

PRONIN P.A. *Semanticheskoe pole «Sem'ya» v russkoi i angliiskoi idiomatike (semanticheskii i kognitivnyi aspekty)* [The Semantic Field "Family" in Russian and English Idiomatology (Semantic and Cognitive Aspects)]. In: Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. – 2013. – T. 13, № 3. – C. 24-28. – EDN VJDXCL. (In Russ.).

P'YANKOVA T.V. *Leksicheskoe predstavlenie assotsiativno-semanticheskogo polya «Sem'ya» v sovremennoi zhenskoi proze (na materiale proizvedenii L. Ulitskoi i L. Petrushevskoi)* [The Lexical Representation of the Associative-Semantic Field "Family" in Contemporary Women's Prose (Based on the Works of L. Ulitskaya and L. Petrushevskaya)]*:* avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – SPb., 2012. – 21 p. (In Russ.).

RASSADIN V.I. *Skotovodcheskaya leksika kalmytskogo yazyka v sravnenii s turetsko-meskhetinskoi* [The livestock vocabulary of the Kalmyk language in comparison with the Turkish-Meskhetian language]. In: Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 8. – S. 83-90. – EDN NUSYEP. (In Russ.).

RASSADIN V.I. *Zvukovoi stroi yazyka turok-meskhetintsev* [The sound structure of the Meskhetian Turkish language]. In: Rossiiskaya tyurkologiya. – 2011. – № 2 (5). – P. 29-40. (In Russ.).

SEMINA P.S. *Sem'ya kak tsennost' v paremiologicheskom fonde Frantsii i Bel'gii* [The family as a value in the paremiological fund of France and Belgium]. In: Vestnik universiteta (Rossiisko-Tadzhikskii (Slavyanskii) universitet). – 2019. – № 2(66). – P. 213-222. – EDN RXQHDM. (In Russ.).

SETDAROVA A.A., SUKHRAPOV A. *Persidskii yazyk v epokhu Sefevidov: rol' yazyka v formirovanii natsional'noi identichnosti* [The Persian language in the Safavid era: the role of language in the formation of national identity]. In: Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2024. – № 10-4(97). – P. 127-129. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-10-4-127-129. – EDN ZJQXFR. (In Russ.).

SIMONENKO V.A. *Meskhetinskie turki: Istoricheskaya sud'ba i problemy kul'turnoi adaptatsii* [The Meskhetian Turks: Historical fate and problems of cultural adaptation]*:* avtoref. dis…. kand. istor. n. – Krasnodar, 2002. – 35 p. (In Russ.).

TERPAK M.A. *Angliiskii lingvokul'turnyi kontsept «sem'ya» i sposoby otrazheniya ego konnotativnogo soderzhaniya v yazyke (na materiale semanticheskogo polya «Rodstvennye otnosheniya»)* [The English linguistic and cultural concept "family" and ways of reflecting its connotative content in the language (based on the semantic field "Relations of kinship")]: dis. … kand. filol. nauk. – Samara, 2006. – 204 p. (In Russ.).

TOV N.A. *Yazyk I natsional'naya identichnost'* [Language and National Identity]. In: Vestnik nauki Adygeiskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovanii imeni T.M. Kerasheva. – 2018. – № 14(38). – P. 38-40. – EDN VUHDOD. (In Russ.).

UZUNYAN A.K. *Sokhranenie kul'tury yazyka kak osnova natsional'noi identichnosti* [Preservation of Language Culture as a Basis of National Identity]. In: Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya. – 2023. – № 2(26). – P. 473-476. – EDN SVKODP. (In Russ.).

USMANOV A.O. *K voprosu o konstitutsionno-pravovoi reabilitatsii meskhetinskikh turok: politiko-pravovoi aspekt* [On the Issue of Constitutional and Legal Rehabilitation of the Meskhetian Turks: Political and Legal Aspects]. In: Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. – 2017. – № 3. – S. 159-166. – EDN ZROSHX. (In Russ.).

FAIZIEVA G.V. *Aktual'nye problemy leksikograficheskogo opisaniya yazyka turok-meskhetintsev Rossii* [Current Issues in the Lexicographic Description of the Meskhetian Turkish Language in Russia]. In: Evraziiskii filologicheskii vestnik. – 2025. – № 3(11). – P. 87-98. – EDN RLCNEQ. (In Russ.).

KHODZHAMGULYEV A., BAZAROVA I.S., KHYDYRMUKHAMMEDOVA O. *Yazyk i kul'tura: Svyaz' yazyka s istoriei i kul'turoi naroda* [Language and Culture: The Connection between Language and the History and Culture of a People]. In: Vestnik nauki. – 2025. – T. 4, № 1(82). – P. 660-666. – EDN QBWGNX. (In Russ.).

SHTETS A.A., SHTETS T.P. *Natsional'naya identichnost' i russkii yazyk: klassifikatsiya tsennostei rossiiskoi kul'tury* [National Identity and the Russian Language: Classification of Russian Cultural Values]. In: Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. – 2017. – № 3(105). – P. 15-24. – EDN YUNSGD. (In Russ.).

Информация об авторе
Г.В. Файзиева – доктор филологических наук, профессор
Information about the author
G.V. Fayzieva – Doctor of Science (Philology), Professor.

Статья поступила в редакцию 08.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 08.02.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 81'23+81'27+81'42
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-338-356
EDN: VEZKST

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ Х.М. БЕРБЕКОВА (ОПЫТ ОБОБЩЕНИЯ)

Надежда Евгеньевна Чайка
Кабардино-Балкарский государственный университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, MSperanza85@yandex.ru , https://orcid.org/0009-0001-6643-3437

Аннотация. Цель исследования – комплексное, многоаспектное описание языкового портрета современного студента КБГУ им. Х.М. Бербекова через интеграцию методов социолингвистики, когнитивной лингвистики и дискурс-анализа. Материал и методы – эмпирическую базу составили данные непосредственного (включенного) наблюдения за речевыми практиками студентов в университетской среде (2020 – 2025 гг.), результаты анонимного анкетирования (107 респондентов; развернутые открытые ответы, обработанные методами количественного и качественного анализа), а также – для сопоставительных целей – данные открытых электронных ресурсов. Методология сочетает социолингвистический анализ речевого поведения в полиэтничном сообществе с когнитивно-дискурсивным изучением лежащих в его основе механизмов концептуализации и стратегий построения общего гипертекста, а также описательный метод для систематизации материала по уровням языка. Результаты – составлен развернутый языковой портрет, выявлены и систематизированы его ключевые параметры: 1) устойчивая ситуативная диглоссия как форма социальной и когнитивной адаптации; 2) специфические грамматические и лексические инновации; 3) креативные словообразовательные стратегии и языковая игра; 4) формирование локального гипертекста; 5) строгое табуирование обсценной лексики при регулируемом использования инвективы. Научная новизна заключается в целостном описании идиолекта студенчества северокавказского вуза, где социальные практики рассматриваются в неразрывной связи с когнитивными и дискурсивными процессами, при этом впервые вводятся количественные данные о распространенности конкретных языковых явлений, полученных на репрезентативной выборке. Выводы – языковой портрет студента КБГУ представляет собой гибридное образование, формирующееся на пересечении внешних социолингвистических условий полилингвальной среды и внутренних когнитивно-прагматических задач по конструированию групповой идентичности и общего коммуникативного пространства.

Ключевые слова: языковой портрет; социолингвистика; дискурс; когнитивная лингвистика; полилингвальная среда; языковая игра; гипертекст; КБГУ им. Х.М. Бербекова.

Для цитирования: Чайка Н.Е. Языковой портрет современного студента Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова (опыт обобщения) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 338-356. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-338-356. EDN: VEZKST.

© Чайка Н.Е., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

LINGUISTIC PORTRAIT OF A MODERN STUDENT OF THE KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY NAMED AFTER H.M. BERBEKOV (GENERALIZATION EXPERIENCE)

Nadezhda E. Chaika
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, MSperanza85@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0001-6643-3437

Abstract. The purpose of the study is a comprehensive, multi-aspect description of the linguistic portrait of a modern student of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov through the integration of methods of sociolinguistics, cognitive linguistics and discourse analysis. Material and methods – the empirical base was composed of data from direct (included) observation of students' speech practices in the university environment (2020-2025) and the results of a questionnaire survey. The methodology combines a sociolinguistic analysis of speech behavior in a multiethnic community with a cognitive-discursive study of the underlying mechanisms of conceptualization and strategies for constructing a common hypertext. Results – a detailed linguistic portrait has been compiled, its key parameters have been identified and systematized: 1) stable situational diglossia as a form of social and cognitive adaptation; 2) specific grammatical and lexical innovations; 3) creative word-formation strategies and language games; 4) the formation of a local hypertext; 5) strict taboo of obscene vocabulary with the regulated use of invective. Scientific novelty lies in a holistic description of the idiolect of the student body of a North Caucasian university, where social practices are considered in an inseparable connection with cognitive and discursive processes. Conclusions – the linguistic portrait of a KBSU student is a hybrid formation formed at the intersection of external sociolinguistic conditions of a multilingual environment and internal cognitive-pragmatic tasks of constructing a group identity and a common communicative space.

Keywords: linguistic portrait, sociolinguistics, discourse, cognitive linguistics, multilingual environment, language game, hypertext, KBSU.

For citation: Chaika N.E. Linguistic portrait of a modern student of the Kabardino-Balkarian state university named after H.M. Berbekov (generalization experience). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 338-356. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-338-356. EDN: VEZKST.

© Chaika N.E., 2026
© Caucasology, 2026

Введение: комплексный подход к исследованию языкового портрета

Понятие «языковой (речевой) портрет» носит междисциплинарный характер, что обусловливает необходимость интеграции ряда лингвистических парадигм для его всестороннего исследования [Бабушкина 2012; Асташова 2013; Шевченко 2014; Кожеко, Мамедова 2023]. Как отмечают современные исследователи, языковой портрет – это «совокупность стереотипных представлений о речевом поведении типичного индивида в конкретной культуре» [Вахромеева 2024: 3930]. В фокусе настоящей работы находится языковая личность современного студента Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова – уникального полилингвального и поликультурного сообщества. Социолингвистический ракурс необходим для описания внешних, социально обусловленных параметров речи: влияния этнического состава, институциональных

норм, групповой динамики. Когнитивно-дискурсивный подход позволяет дополнить эту картину, обратившись к внутренним механизмам: способам концептуализации опыта через язык, стратегиям построения общего дискурса (понимаемого как социально и когнитивно обусловленную речевую деятельность, «текст, погруженный в ситуацию реального общения» [Карасик 2004: 227]) и формированию коллективного гипертекста – общего смыслового пространства группы.

Вопрос о целостном языковом облике студента Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, рассматриваемый в единстве социолингвистических, когнитивных и дискурсивных характеристик, ставится в научной литературе впервые. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые представлено комплексное описание идиолекта студенчества северокавказского вуза, где социальные практики анализируются в неразрывной связи с порождающими их когнитивными механизмами и дискурсивными стратегиями конструирования групповой идентичности, а также вводится в научный оборот массив первичных данных (107 анкет, более 150 зафиксированных реплик), позволяющих квантифицировать наблюдаемые тенденции.

Эмпирическую базу работы составили данные, полученные двумя взаимодополняющими методами: 1) непосредственное (включенное) наблюдение за спонтанной устной речью студентов в естественных коммуникативных ситуациях (в коридорах и аудиториях университета, в столовых, во время неформального общения на внутривузовских мероприятиях и т.д.). Наблюдение велось систематически на протяжении пяти лет: с 2020 по 2025 гг. Всего за этот период было зафиксировано более 150 реплик и дискурсивных эпизодов, релевантных для описания типичного языкового портрета. Отбору подлежали только те единицы, которые воспроизводились не менее чем тремя разными информантами, демонстрировали устойчивый характер (фиксировались в разные дни и в разных ситуациях), не были единичными окказионализмами. Записи велись методом полевого блокнота без использования аудиотехники для сохранения естественности коммуникации; 2) анонимное анкетирование, проведенное в период с октября 2025 г. по январь 2026 г. на платформе Simpoll.ru. Анкета содержала 6 открытых вопросов, что позволило респондентам давать развернутые, неограниченные ответы. В выборке представлены 107 респондентов (1-4 курс бакалавриата либо специалитета и 1-2 год обучения в магистратуре) различных направлений подготовки в возрасте от 17 до 23 лет. Распределение по полу: женский – 85 человек (79,4 %), мужской – 22 человека (20,6 %), 1 курс – 28 человек (26,2 %), 2 курс – 45 человек (42,1 %), 3 курс – 12 человек (11,2 %), 4 курс – 13 человек (12,1 %), магистратура 1 года обучения – 7 человек (6,5 %), магистратура 2 года обучения – 7 человек (6,5 %). Представлены следующие структурные подразделения: социально-гуманитарный институт, медицинская академия, институт стоматологии и челюстно-лицевой хирургии, институт менеджмента, туризма и индустрии гостеприимства, институт электроники, робототехники и искусственного интеллекта, а также другие. Такой квотный отбор обеспечивает репрезентативность выборки для выявления устойчивых черт языкового портрета студенческой группы в рамках одного вуза.

Помимо полевых материалов, в работе использовались в качестве вспомогательных источников данные открытых ресурсов: телеграм-канал «РКР "Русский как родной"», видеоконтент платформ Yandex.Video и др. Эти источники привлекались исключительно для сопоставительного анализа общероссийских языковых тенденций (например, сравнения акцентологических вариантов студенческого сленга) и не являлись основой для выводов о речевом портрете студентов Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. Информативная отдача таких материалов заключается в возможности верифицировать степень уникальности/универсальности локальных языковых процессов.

Методология исследования включает в себя, помимо социолингвистического, когнитивно-дискурсивного и дискурс-аналитического подходов, также описательный метод, который применялся для систематизации и классификации собранного языкового материала по уровням языка (фонетика, лексика, грамматика, словообразование и т.д.). Описательный метод позволил представить языковой портрет как структурированное единство разноуровневых характеристик.

Изложенное позволяет заключить, что студенческий дискурс КБГУ рассматривается нами как особая форма социальной и когнитивной деятельности, репрезентирующая коллективную идентичность и ценности данной группы в условиях конкретной институциональной и региональной среды. Следовательно, целью работы является многоаспектное описание языкового портрета студента КБГУ через выявление, классификацию и анализ наиболее устойчивых черт его речевого поведения, рассматриваемых одновременно как социальный факт, как отражение когнитивных процессов и как элемент группового дискурса.

Эмпирические характеристики языкового портрета: классификация и анализ

Ситуативная диглоссия как основа полилингвальной коммуникации. Наиболее фундаментальной чертой, обусловленной этнолингвистическим составом студенчества, является диглоссия – ситуативное переключение между русским и родными языками. Это явление, исследуемое прежде всего в социолингвистике, имеет и глубокое когнитивное измерение, представляя собой отлаженный механизм переключения кодов в зависимости от социального контекста, тематики общения и эмоционального фона. В неофициальном, эмоционально окрашенном общении смешение кодов происходит непроизвольно, отражая глубокую интеграцию двух (или более) языковых систем в сознании говорящего, что свидетельствует о высоком уровне языковой компетенции и когнитивной гибкости. При этом в официальных ситуациях (на лекциях, семинарах, в деловой переписке) студенты демонстрируют твердое владение нормами русского литературного языка. Такая функциональная гибкость и ситуативная адекватность речевого поведения свидетельствуют о высоком уровне металингвистической и социальной компетенции, позволяющей эффективно ориентироваться в сложном коммуникативном пространстве вуза.

Важным аспектом, усложняющим языковую ситуацию и одновременно обогащающим речевые практики, является значительное присутствие в стенах

КБГУ иностранных учащихся из стран ближнего и дальнего зарубежья (Индии, Египта, Сирии, Иордании, Бангдадеш, Турции, Туркменистана, Казахстана и др.). Это накладывает на студентов-носителей русского языка дополнительную, часто осознаваемую ими ответственность и функцию языкового модерирования. В коммуникации с иностранными однокурсниками они невольно становятся «языковыми посредниками», стремясь говорить четче, использовать более стандартные формулировки и избегать узкоспециального сленга, чтобы облегчить понимание. Эта стихийная педагогичность, возникающая в естественной коммуникативной ситуации, делает их собственную речь более вдумчивой и рефлексивной в смешанных группах, способствуя выработке более четких и адаптивных коммуникативных стратегий, а также осознанию собственной языковой нормы через призму ее восприятия иноязычным собеседником.

Грамматическая инновация: экспансия предложной модели с «на». Отдельного внимания заслуживает устойчивая грамматическая тенденция, наблюдаемая в исследуемом сообществе: расширение сферы употребления предлога «на» в ущерб предлогу «в». Данное явление выходит за рамки отдельных ошибок и приобретает системный характер в речи студентов КБГУ: *«поступил на* (вместо «в») *магистратуру»*, *«иду на* (вместо «в») *Главный корпус»*, *«иду на спорт/спортзал* и др. Показательно использование этой модели с именами собственными – названиями университетских пространств: *«на «Точку кипения»* (вместо «в»; «Точка кипения» – площадка Департамента сопровождения проектов НТИ и непрерывного образования КБГУ для проведения мероприятий)», *«на «Гроте»* («Грот» – прежнее название одного из кампусов КБГУ, которое в данный момент носит название «Альтаир»)». Социолингвистически это массовая вариация нормы внутри локального сообщества, закрепляемая частотностью употребления. Стоит отметить, что данная тенденция не является исключительно локальной, а отражает общероссийский тренд, получивший широкое обсуждение в лингвистической литературе и медийном пространстве. Как отмечает А.Е. Евграфова со ссылкой на лингвиста Ольгу Северскую, «во многом это произошло благодаря импортным бизнес-руководствам, внедрившим... кальку с английского on the lite... и англицизм easy»[1]. Конструкции «на изи», «на лайте» (в значении «легко, расслабленно») стали модельными, распространив аналогичный предложный образец и на другие контексты. Таким образом, локальная речь студентов КБГУ впитывает и воспроизводит общую тенденцию, при этом адаптируя ее к собственным институциональным реалиям.

С когнитивной точки зрения, это может указывать на специфическую реконцептуализацию пространства и деятельности, где идея направления, доступа, поверхности и определенного динамического режима («на») начинает доминировать над идеей статичного, ограниченного нахождения внутри пространства или структуры («в»). Данный сдвиг может коррелировать с общими процессами в современном сознании, связанными с восприятием деятельности как потока и

[1] Телеграм-канал «РКР ’’Русский как родной’’» // Электронный ресурс. Режим доступа: https://t.me/rysskyj_kak_rodnoj/2289 (дата обращения: 15.11.2025)

пространства как открытой для взаимодействия среды, что находит свое отражение в языковой форме.

Фонетическая маркированность сленга: ревизия акцентологических норм. Молодежный сленг часто становится полем для пересмотра и ревизии литературных норм, в том числе акцентологических, выступая инструментом языковой и социальной самоидентификации группы. Любопытен в этом отношении контраст между зафиксированными нормативными рекомендациями и реальной речевой практикой студентов КБГУ. Например, в речи представителей других вузов, а также в речи молодежи из других регионов доминирует произношение сокращения «унивЕр» с ударением на третий слог[1]. Однако в речи студентов КБГУ устойчиво закрепился вариант с ударением на второй слог – унИвер (практически все зафиксированные случаи употребления). Аналогичный процесс автономизации и внутренней нормализации наблюдается в слове «ботан». Если авторитетный онлайн-словарь русского арго фиксирует ударение на последний слог – ботАн, то в исследуемом сообществе преобладает произношение с ударением на первый слог – бОтан[2]. Такое фонетическое переоформление можно интерпретировать как способ семантического и социального отчуждения общеупотребительной сленговой единицы, её маркировки как элемента «своего», локального группового дискурса. Это наглядный пример того, как общая сленговая лексема адаптируется и видоизменяется на фонетическом уровне для укрепления внутренней групповой идентичности и создания опознавательного маркера принадлежности к конкретному студенческому сообществу.

Лексическое заимствование и морфологическая адаптация англицизмов. Речевой портрет современного студента немыслим без обширного пласта англицизмов, проникающих преимущественно через интернет-коммуникацию и глобализированную медиасреду: *кринж (кринжово, суперкринжуля), имба (имбушечки), агриться, аглики («что-то уродливое, но с мягким оттенком»), флудить, нуб, рофлить, муд, хейтер, лайк, хайп* и др. Примечательна не только скорость и объем заимствований, но и интенсивность их последующей морфологической адаптации в русскоязычной среде (*хайп – хайпожор, хайповать, лайк – залайкать, вайб – вайбить* и др.). Заимствованные основы демонстрируют высокую продуктивность, легко обрастая русскими аффиксами, включая суффиксы субъективной оценки (уменьшительно-ласкательные, увеличительные, пренебрежительные).

Этот процесс, с одной стороны, социолингвистичен, поскольку отражает глобальное культурное влияние и дигитализацию коммуникации. С другой стороны, он имеет прямое отношение к когнитивным механизмам освоения новых

[1] Канал «Вова Информатик: Эти универы готовят лучших программистов в России [Видео] // Электронный ресурс. Режим доступа: https://yandex.ru/video/touch/preview/11308322562579708222 (дата обращения: 03.12.2025)

[2] Онлайн-словарь русского арго. Ботан // Электронный ресурс. Режим доступа: https://russian_argo.academic.ru/922/ботан (дата обращения: 25.11.2025)

концептов. Инкорпорация иноязычной лексемы в родную словообразовательную парадигму является способом её концептуальной адаптации, включения в знакомую систему категоризации и оценки, что снижает когнитивную нагрузку и облегчает её интеграцию в активный словарь.

Цитирование медиаконтента как элемент культурного кода. Речь студентов активно насыщается прецедентными текстами – цитатами из популярных мемов, сериалов, фильмов, видеоблогов. На этапе включенного наблюдения зафиксировано более 40 случаев употребления прецедентных фраз из мемов и сериалов, среди наиболее частотных: ***«Страшно, очень страшно...»***[1], ***«Вот это поворот»***[2], **«Смотря, какой фээбрик...»**[3] и др. Их употребление выходит за рамки простого воспроизведения и выполняет ряд сложных прагматических и дискурсообразующих функций. Они служат емким средством эмоциональной оценки ситуации, создают эффект комического или иронического отстранения, выступают инструментом косвенной коммуникации. Главное же – подобные цитаты функционируют как мощный маркер принадлежности к общему поколенческому культурному и дискурсивному пространству, создавая основу для мгновенного взаимопонимания и солидарности. Владение этим «кодом» становится обязательным условием успешной интеграции в неформальное общение группы.

Языковая игра как комплексный механизм конструирования идентичности и гипертекста. В студенческом дискурсе КБГУ языковая игра выступает важным когнитивным и социальным механизмом, реализующимся на нескольких уровнях – от осмысления локальных реалий до формирования сложного группового гипертекста. Она может служить инструментом для категоризации и символического освоения новых социальных и институциональных фактов. Яркий пример, который зафиксирован при непосредственном наблюдении – ироничное самоназвание *«академики»*, возникшее среди студентов Медицинской академии КБГУ после её переименования (ранее это был медицинский факультет [Приказ 2023]). Эта игра с номинацией представляет собой способ коллективного «присвоения» нового, формального административного статуса через его языковое снижение, обыгрывание и включение в ироничный контекст, что смягчает внешние изменения и трансформирует их в элемент внутригруппового фольклора. В анкете студентами (респондент № 18396265) также было упомянуто игровое метатетическое образование от слова «хорошо» – *«хошорошка»* (уменьшительно-ласкательное), которое распространено в определенных академических группах (подхваченное как удачная и остроумная шутка). Весьма интересным и показательным примером языковой игры, функционирующим в студенческом дискурсе, являются словоформы *«джигитиры»* и *«джигитёры»* (респондент № 18366303), которые представляют собой контаминацию – слияние двух лексем:

[1] Канал «Путь поэта»: «Страшно, очень страшно» [Видео] // Электронный ресурс. Режим доступа: https://ya.ru/video/preview/9652370226292891375 (дата обращения – 03.12.2025 г.)
[2] Канал «Анекдотный дворец»: «Вот это поворот» [Видео] // Электронный ресурс. Режим доступа: https://ya.ru/video/preview/2482244669847507707 (дата обращения – 03.12.2025 г.)
[3] Канал «Оригиналы мемов и их история»: «Смотря, какой fabric» [Видео] // Электронный ресурс. Режим доступа: https://ya.ru/video/preview/16431110890972784138 (дата обращения - 05.12.2025 г.)

«мушкетёры» и «джигиты». Такое удачное сочетание иронии и языковой смекалки свидетельствует о высоком уровне лингвистической компетенции студенческого сообщества: лингвокреативный потенциал проявляется в способности к созданию новых семантических конструкций.

Активная внеучебная, проектная и клубная деятельность студентов создает условия для порождения креативных неологизмов и сложных форм языковой игры, эволюционирующих в направлении формирования общего гипертекста. Под гипертекстом в данном контексте понимается нелинейное семиотическое пространство общих смыслов, шуток, аллюзий и отсылок, доступное и значимое лишь для членов данного сообщества. Рождающиеся в этом контексте неологизмы представляют собой не просто лексические инновации, а целостные символические акты. Так, студенты КБГУ на одном из форумов создали концепт игровой «валюты достижений» – *«сауболки»* и *«упсошки»*, фонетически обыграв слова благодарности на кабардино-черкесском («упсэу») и карачаево-балкарском («сау бол») языках с использованием словообразовательных возможностей русского языка. Этот акт служит блестящим примером того, как языковая игра, основанная на полилингвальном ресурсе, становится важным инструментом консолидации сообщества и создания новой студенческой идентичности.

Особую направленность в рамках этого механизма приобретают сознательные, социально одобряемые внутри группы нарушения языковых и коммуникативных норм, функционирующие как некий тест на принадлежность. Студенты проявляют высокую металингвистическую осведомленность к таким девиациям в медийном контенте и целенаправленно вводят их в речь как маркеры «своего» юмора. Грамматически неправильные, но ставшие вирусными формы *(«пойду куплю рыбов», «она нам столько домашнего задала, извинитесь!»*) цитируются и одобряются именно как удачная шутка. В последнем примере особенно интересен прагматический сдвиг: этикетная формула извинения («извинитесь») направлена условно не от говорящего, а к говорящему, что создает комический эффект обманутого ожидания и языковой инверсии. Умение распознать, оценить и грамотно встроить в разговор подобную креативную конструкцию становится индикатором глубины интеграции в группу, проверкой на владение ее уникальным дискурсивным кодом.

Общемолодежный жаргон. В речи студентов также широко представлен общепринятый молодежный жаргон: *прикинь, стрём* («стрёмный» – нелепый, позорный), *прив* («привет»), *жиза* («жизненно»), *не пон* («не понял»), *нефорский* («неформальный»), *без Б* («без базара, безусловно»), *сигма* («успешный мужчина»), *скуф* («неопрятный мужчина»), *тюбик* («инфантильный молодой человек»), *альтушка* («необычная молодая девушка») и др. Частотность употребления этих лексем – по данным непосредственного наблюдения – составляет не менее 3-5 в час в неформальной обстановке. В анонимной анкете один из студентов (респондент № 18366150) отметил: «Злоупотребляю словом «кринж» практически в любой ситуации».

Прилагательное «токсичный», заимствованное из психологического дискурса, подвергается редукции до жаргонного существительного *«токсик»* для

номинации человека с соответствующими чертами («она такой токсик»). Стилистически нейтральный глагол «писать» в значении электронного сообщения замещается жаргонным *«написывать»*, который в речи студентов КБГУ приобретает устойчивую пейоративную (негативно-оценочную) коннотацию: «Не написывай мне», «Он мне написывает поздно вечером». Аналогично, «блокировать» (в социальных сетях) превращается в *«блочить»*. Этот процесс отражает фундаментальное стремление к экспрессивности, эмоциональной насыщенности и стилистическому снижению в сфере неформального межличностного общения, что способствует созданию доверительной атмосферы и размыканию дистанции.

Социолингвистический аспект гендерной маркированности: приветствие «салам». Заимствованное арабское приветствие «салам», широко распространенное в поликонфессиональной и поликультурной среде Северного Кавказа, демонстрирует в исследуемом студенческом сообществе ярко выраженную гендерную, а именно маскулинную окраску. Как подтверждают данные непосредственного наблюдения, его регулярное употребление характерно преимущественно для коммуникации между юношами. Использование этой формулы девушкой по отношению к юноше или, особенно, к другой девушке, согласно данным непосредственных наблюдений, воспринимается как некоторое отклонение от негласной коммуникативной нормы, вызывает удивление или требует особого контекста для легитимации. Однако стоит отметить, что в настоящее время наблюдается тенденция к расширению сферы применения приветствия «салам» в студенческой среде. При этом молодое поколение начинает демонстрировать более толерантное отношение к следующим коммуникативным практикам: использованию приветствия «салам» между представительницами женского пола; обращению юношей к девушкам с данным приветствием; взаимному приветствию между полами. Результаты исследования коммуникативного поведения все же выявили определенную дифференциацию в оценке этической допустимости ситуации, когда юноша обращается с приветствием «салам» к девушке. Значительное число респондентов выражает сомнения относительно корректности подобной ситуации. При этом оставшаяся часть опрошенных демонстрирует либо нейтральное отношение к данной практике, либо проявляет неуверенность в оценке указанного речевого акта. Результаты отражены в данных анкетирования (см. Приложение 1): в последнее время молодежь не считает нарушением нормы (языковой или этической) обращение «салам», направленное от юноши к девушке, от девушки к юноше, от девушки к девушке. Однако эти данные тем не менее несколько разнятся с тем, что можно наблюдать в реальной жизни – маскулинность приветствия, безусловно, сохраняется. Возможно, в дальнейшем данный негласный стереотип будет разрушен, в данный момент мы можем наблюдать двойственное к нему отношение.

Подобное явление коренится не только в лингвистической, но и в более глубокой религиозно-культурной и социальной прагматике, регулирующей модели общения между полами в данном регионе. Таким образом, выбор формулы приветствия становится тонким индикатором гендерной идентичности говорящего

и адресата, а также их положения внутри сложной системы социокультурных конвенций.

Локализмы и внутриуниверситетский фольклор. Важным слоем языкового портрета является формирующийся пласт локальной, «внутренней» лексики и фольклора, служащий инструментом ориентации в университетском пространстве и укрепления корпоративного духа. Географическое название «Приэльбрусье» в устной студенческой речи закономерно редуцируется до удобного краткого варианта «Прилик»: *«Мы спустились с Прилика», «Собираемся в Прилик»*. Подобная апокопическая деривация типична для разговорной речи и способствует экономии речевых усилий при частом употреблении.

Параллельно существует и активно функционирует практика трансляции «легенд» – устойчивых ярких цитат, словечек или выражений, анекдотически приписываемых конкретным преподавателям или связанных с определенными событиями в истории факультета. Особенно показательно в этом отношении выражение «невроз нашего времени – Интернет, который не грузит» доцента кафедры русской, зарубежной литературы и журналистики социально-гуманитарного института М.В. Битоковой. Ироничный смысл фразы становится понятен, если знать, что Марина Владимировна на своих занятиях знакомит студентов с литературой XIX в. и романом М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Подобный устный фольклор, передаваемый от старших курсов младшим, выполняет не только развлекательную, но и важную социально-адаптивную функцию: он служит инструментом неформальной социализации, знакомит новичков с негласными нормами, ожиданиями и локальным юмором, облегчая их интеграцию в сообщество.

Нормированность институционального пространства: табу на обсценную и регулируемое использование инвективной лексики. Крайне важная положительная характеристика языковой среды КБГУ – практически полное отсутствие в публичном университетском пространстве (аудитории, коридоры, библиотека, столовые) обсценной лексики (нецензурной, матерной). Это табу, подтвержденное многолетними наблюдениями и данными анкетирования, носит всеобщий, межэтнический характер и соблюдается носителями разных языков (единичные случаи употребления обсценной лексики, которые крайне редко можно услышать в коридорах, незначительны и могут быть восприняты как девиантное поведение отдельных индивидов, но не как характеристика системы в целом). Данный запрет отражает высокий уровень внутренней культуры и уважения к институциональному пространству как зоне образовательного и профессионального взаимодействия. Объективность этого явления подтверждается как результатами длительного мониторинга коммуникативного поведения студентов в естественных условиях, так и материалами анонимного опроса (Приложение 1). Анкетирование (вопрос № 5: «Как Вы считаете, можно ли в университете употреблять бранные или оскорбительные слова? Употребляете ли Вы подобную лексику? Если да, то укажите – какую») показало, что 63 респондента (58,9 %) категорически ответили «нельзя» с различными обоснованиями; еще 25 человек (23,4 %)

отметили: «Нет, не употребляю бранных слов»; 10 человек (9,3 %) допускают употребление в исключительных ситуациях, еще 8 человек (7,5 %) отметили, что также будут ориентироваться по ситуации, 1 человек считает возможным подобное употребление в кругу друзей. Суммарно же более 80 % респондентов выступают против использования бранной лексики в университете. Однако отсутствие нецензурной лексики не означает полного отказа от вербальной экспрессии и эмоциональной разрядки. Параллельно существует пласт ритуализированной инвективной лексики, который функционирует в узком кругу доверительного, дружеского общения по строгим, негласным правилам. В шутливо-ироничном, демонстративно-преувеличенном ключе студенты могут называть друг друга свиньей, крысой, бараном (чаще все-таки – барашком), тупицей или использовать слово «гений» в инвертированном, противоположном прямому значению смысле. Ключевым отличием от настоящей вербальной агрессии является абсолютный консенсус всех участников коммуникации относительно игрового, небуквального характера подобных высказываний. Этот процесс тщательно саморегулируется сообществом: при малейшем признаке реальной обиды или непонимания контекста говорящий немедленно приносит извинения и проясняет ситуацию. Такая ритуализованная, контролируемая словесная «агрессия» служит, парадоксальным образом, мощным социальным маркером принятия в неформальную общность и показателем высокого уровня доверия между собеседниками.

Этика номинаций. Любопытной и показательной тенденцией, отмеченной в ходе наблюдений, является резкое сокращение практики наделения преподавателей устойчивыми кличками (прозвищами). По мысли А.В. Суперанской, еще с древних времен «в народе широко практиковались различные неофициальные формы личных имен, а также многочисленные прозвища» [Суперанская 1981: 91]. Однако в настоящее время даже при наличии у педагогов ярких внешних, поведенческих или речевых характеристик, которые в прошлом могли бы стать основой для подобной номинации, современные студенты КБГУ в массе своей воздерживаются от создания и закрепления за преподавателями прозвищ. Поведенческие, речевые или иные характеристики, как отмечается, и могут послужить основой вторичных номинаций: «Аналогичные замены созвучными словами широко распространены в неофициальной антропонимии (личные и коллективные прозвища), но здесь они часто отягощены сопровождающей отправную фонетическую маркированность дополнительной внутренней мотивированностью, состоящей в том, что подбор заменяющего слова производится из круга лексики, связанной с профессиональными занятиями «обзываемого» лица или могущей описывать его наружность, характер и т.п. Столкновение внешней выразительности прозвища и его исходной семантики порождает особый юмористический эффект» [Способы номинации… 1982: 68]. По мысли С.А. Стряпчей, прозвища – это «неофициальные маргинальные имена субъектов…дискурса» [Стряпчая 2017: 65]; также исследователь отмечает, что «прозвища часто нарушают нормы, а грубые прозвища способствуют вульгаризации речи» [Стряпчая

2017: 66]. Проведенное нами анкетирование выявило лишь единичные, маргинальные случаи присваивания прозвищ, которые по этическим соображениям не подлежат публикации (в основном они связаны с трансформацией антропонимов преподавателей посредством фонетической модификации их фамилий и отчеств, а также с формированием альтернативных номинативных единиц на основе поведенческих паттернов коммуникативного поведения). На вопрос «Давали ли Вы когда-нибудь клички своим преподавателям?» 93 человека (86,9 %) ответили отрицательно. Многие респонденты, отрицавшие употребление кличек или прозвищ, в комментариях добавили, что слышали такие прозвища от других, но сами не используют, что подтверждает маргинальность этой практики. Конечно, можно предположить, что некоторые прозвища все же существуют и даже активно передаются из уст в уста от одной академической группы другой (также можно предположить, что прозвища имеются и у самих студентов). При этом процесс сохраняет характер внутренней практики сообщества: непосвящённые, в том числе и студенты, не входящие в круг его участников, вряд ли когда-либо узнают о существовании подобных номинаций. Получить такую информацию целенаправленно крайне сложно – в этих именованиях неизменно отражается отношение к тем, кого так называют, поэтому такие сведения не разглашаются во избежание получения санкций от именуемого или даже всей группы. При сборе материала могут возникнуть затруднения: далеко не все готовы признать, что используют вторичные наименования в отношении преподавателей. На это, в частности, указывает М.В. Боброва в своей работе [Боброва 2024]. В данном же исследовании мы опирались на два источника данных: результаты анонимного анкетирования и наблюдения за студентами в естественной языковой среде. Анализ собранных материалов позволяет заключить, что в рассматриваемый период количество функционирующих прозвищ преподавателей объективно невелико.

Тенденция к сокращению использования прозвищ свидетельствует о сдвиге в характере межличностных отношений в академическом сообществе: наблюдается укрепление норм уважительного взаимодействия на формальном и неформальном уровнях, сопровождаемое повышением институциональной и корпоративной культуры. Отказ от прозвищной номинации, часто носящей сниженный или ироничный характер, может отражать более зрелое восприятие фигуры преподавателя как профессионала и часть общих тенденций к политкорректности в коммуникации.

Результаты. Структура языкового портрета по уровням языка. Обобщение собранного материала (данных наблюдения и анкетирования) позволяет представить языковой портрет студента Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова как многоуровневую систему, включающую следующие характеристики: 1) фонетический уровень: локальная акцентологическая норма (*унИвер, бОтан*), контрастирующая с акцентологическими вариантами других российских вузов; 2) лексический уровень: активное использование англицизмов с морфологической адаптацией (*хайпожор, залайкать, кринжуля* и др.), общемолодежного жаргона (*стрём, жиза, сигма* и др.), локализмов

(*Прилик, академики* и др.), а также строгое табуирование использования обсценной лексики в интитуциональных пространствах; 3) грамматический уровень: экспансия предложной модели с «на» (*на магистратуру, на главный корпус, на «Точку кипения»*) фиксируется как когнитивная реконцептуализация пространства, ситуативная диглоссия (переключение между русским и родными языками); 4) словообразовательный уровень: высокая продуктивность суффиксов субъективной оценки (*кринжуля, имбушечки* и др.), контаминация (*джигитиры* – джигиты + мушкетеры), апокопа (*Прилик* – Приэльбрусье), метатеза (*хошорошка* – хорошо) и др.; 5) дискурсивно-прагматический уровень: регулярное цитирование прецедентных текстов (мемов, сериалов), ритуализованная инвектива в узком кругу (*баран, крыса, тупица, гений* в ироничном значении), формирование общего гипертекста, что возможно благодаря внутренним «легендам», особым локальным шуткам и языковым играм.

Подобная уровневая организация позволила не только систематизировать материал, но и выявить зоны наибольшей динамики (лексика и словообразование) и консерватизма (например, табу на брань).

Заключение

Проведенное исследование, опирающееся на репрезентативный эмпирический материал – данные пятилетнего включенного наблюдения (2020–2025 гг.) и результаты анкетирования 107 респондентов из числа студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры различных направлений подготовки (октябрь 2025 – январь 2026 гг.) позволяет сделать обоснованные выводы о специфике языкового портрета обучающегося в КБГУ им. Х.М. Бербекова. Объем выборки (107 человек) является достаточным для выявления устойчивых, неслучайных черт в студенческих группах. Анализ подтверждает, что языковой портрет современного студента представляет собой сложное, многослойное и динамичное образование, находящееся в постоянном процессе становления. Зафиксированные в ходе наблюдения и подтвержденные анкетными данными речевые практики демонстрируют его гибридную природу, формирующуюся на пересечении разнонаправленных векторов. С одной стороны, это комплекс внешних социолингвистических факторов: полиэтничность академической среды (представленная как народами Кавказа, так и студентами ближнего и дальнего зарубежья); институциональные рамки университета, задающие векторы нормативности; глобальные медийные и языковые тренды, проникающие в повседневную коммуникацию. С другой стороны, определяющее значение имеют внутренние когнитивно-дискурсивные процессы, направленные на социальную и академическую адаптацию, креативное самовыражение и, что особенно важно, на активное конструирование устойчивой групповой идентичности.

Синтез данных, полученных в ходе длительного наблюдения за естественной коммуникацией и целенаправленного анкетирования, позволил верифицировать ключевые параметры исследуемого феномена. Сочетание строгих табу в публичном институциональном пространстве с языковой игрой в приватном общении, устойчивая способность к ситуативной диглоссии и совместному созда-

нию общего гипертекста – все это черты сформировавшегося речевого коллектива. Такой коллектив использует язык не только как инструмент утилитарного общения, но и как гибкое средство социальной и культурной интеграции, когнитивного освоения изменяющейся реальности и символического конструирования общего мира. Выявленные тенденции, от фонетической маркированности сленга до креативных полилингвальных неологизмов, демонстрируют высокую степень языковой рефлексии и творческий потенциал студентов.

Данный языковой портрет не является статичным, он будет неизбежно продолжать эволюционировать, чутко отражая изменения как внутри университетской жизни, так и в более широком общероссийском и глобальном социокультурном контексте. Дальнейшее его изучение, в том числе в динамическом аспекте, представляется перспективным направлением для социо- и когнитивной лингвистики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Асташова 2013 – *Асташова О.И.* Речевой портрет политика как динамический феномен. Автореф. дисс. канд. филол. н-к. – Екатеринбург, 2013. – 23 с.

Бабушкина 2012 – *Бабушкина Е.А.* Речевой портрет личности: фонетические характеристики // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 11. – С. 7-11.

Боброва 2024 – *Боброва М.В.* Особенности сбора прозвищ в процессе учебно-исследовательской деятельности // Русский язык в школе. – 2024. – Т. 85. – № 4 (2024). – С. 18-31.

Вахромеева 2024 – *Вахромеева Е.В.* Речевой портрет лингвокультурного типажа «lady/леди» (на примере выступлений Кейт Миддлтон) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Том 17. Вып. 11. – 2024. – С. 3929-3935.

Карасик 2004 – *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Кожеко, Мамедова 2023 – *Кожеко А.В., Мамедова З.И.* Речевой портрет блогера-рассказчика «true crime story» (лингвостилистический аспект) // Филологически науки. Вопросы теории и практики. – Том 16. Вып. 8. 2023. – С. 2643-2647.

Приказ 2023 – *Приказ* Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова от 06.07.2023 г. № 393/О «О реорганизации медицинского факультета в медицинскую академию» // Электронный ресурс. Режим доступа: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2023/07/o-reorganizaciimedicinskogo-fakulteta.jpeg (Дата обращения: 31.12.2025 г.)

Стряпчая 2017 – *Стряпчая С.А.* Прозвища как маргинальные имена в педагогическом дискурсе // Гуманитарные науки. № 1 (37). 2017. С. 64-69.

Способы номинации… 1982 – *Способы номинации* в современном русском языке: монография/ Ответственный редактор Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1982. – 296 с.

Суперанская 1981 – *Суперанская А.В.* К вопросу о кодификации личных имен // Сборник «Ономастика и грамматика» (ответственный редактор – Л.П. Калакуцкая). – М.: Наука, 1981. – С. 74-98.

Шевченко 2014 – *Шевченко Н.М.* Особенности языкового портрета // Вестник РУДН, серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – № 2. – 2014. – С. 33-38.

REFERENCES

ASTASHOVA O.I. *Rechevoi portret politika kak dinamicheskii fenomen* [Political Figure’s Speech Portrait as a Dynamic Phenomenon]: Extended abstract of Cand. Philol. Sci. diss. – Ekaterinburg, 2013. – 23 p. (In Russ.)

BABUSHKINA E.A. *Rechevoi portret lichnosti: foneticheskie kharakteristiki* [Speech Portrait of a Personality: Phonetic Characteristics]. IN: Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]. – 2012. – No. 11. – P. 7-11. (In Russ.)

BOBROVA M.V. *Osobennosti sbora prozvisch v protsesse uchebno-issledovatel'skoi deyatel'nosti* [Features of Collecting Nicknames in Educational Research Activities]. IN: Russkii yazyk v shkole [Russian Language at School]. – Vol. 85. No. 4. – 2024. – P. 18-31. (In Russ.)

KARASIK V.I. *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. – Moscow: Gnozis, 2004. – 390 p. (In Russ.)

KOZHEKO A.V., MAMEDOVA Z.I. Rechevoi *portret blogera-rasskazchika «true crime story» (lingvostilisticheskii aspekt)* [Blogger-Storyteller's Speech Portrait «true crime story» (Linguostylistic Aspect)]. IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. – Vol. 16. Issue 8. – 2023. – P. 2643-2647. (In Russ.)

Prikaz Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta im. Kh.M. Berbekova ot 06.07.2023 g. № 393/O «O reorganizatsii meditsinskogo fakul'teta v meditsinskuyu akademiyu» [Order of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov dated July 6, 2023, No. 393/O "On Reorganization of the Medical Faculty into a Medical Academy"]. https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2023/07/o-reorganizaciimedicinskogo-fakulteta.jpeg (In Russ.)

SHEVCHENKO N.M. *Osobennosti yazykovogo portreta* [Features of Language Portrait]. IN: Vestnik RUDN, seriya «Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika» [RUDN Bulletin, Series «Theory of Language. Semiotics. Semantics»]. – No. 2. – 2014. – P. 33-38. (In Russ.)

Sposoby nominatsii v sovremennom russkom yazyke [Ways of Nomination in Modern Russian]. Monograph / Ed. by D.N. Shmelev. – Moscow: Nauka, 1982. – 296 p. (In Russ.)

STRYAPCHAYA S.A. *Prozvischa kak marginal'nye imena v pedagogicheskom diskurse* [Nicknames as Marginal Names in Pedagogical Discourse]. IN: Gumanitarnye nauki [Humanitarian Sciences]. – No. 1 (37). – 2017. – P. 64-69. (In Russ.)

SUPERANSKAYA A.V. *K voprosu o kodifikatsii lichnykh imen* [On the Issue of Codification of Personal Names]. IN: Onomastika i grammatika [Onomastics and Grammar] / Ed. by L.P. Kalakutskaya. – Moscow: Nauka, 1981. – P. 74–98. (In Russ.)

VAKHROMEEVA E.V. *Rechevoi portret lingvokulturnogo tipazha «lady/ledi» (na primere vystuplenii Keit Middlton)* [Speech Portrait of the Linguocultural Type «lady/lady» (based on Kate Middleton's Speeches)]. IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. – Vol. 17. Issue 11. – 2024. – P. 3929-3935. (In Russ.)

Информация об авторах:

Н.Е. Чайка – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors:

N.E. Chaika – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

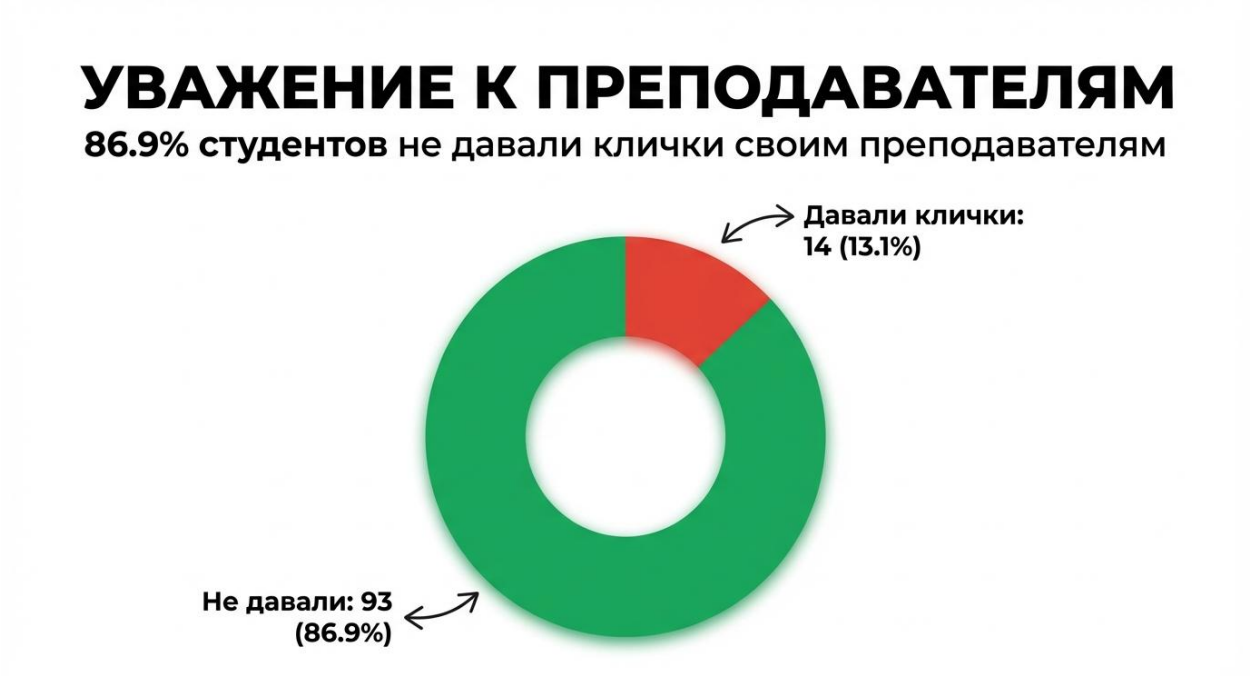
The article was submitted 17.02.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Приложение 1.

Вопросы анонимного анкетирования открытого типа:

1) Употребляете ли Вы в общении какие-либо шутливые слова, фразы или жаргон, которые понятны только Вам, Вашим друзьям или однокурсникам? Что это за слова? С чем они связаны? Что Вы вспоминаете, когда используете их?
2) Считаете ли Вы, что словом «САЛАМ» приветствовать друг друга могут только мужчины, молодые люди?
3) Как Вы считаете, могут ли мужчины приветствовать девушек или женщин словом «САЛАМ». Нет ли в этом ничего необычного?
4) Как Вы думаете, может ли девушка (женщина) приветствовать девушку (женщину) словом «САЛАМ». Нет ли ничего необычного в этом?
5) Как Вы считаете, можно ли в университете употреблять бранные или оскорбительные слова? Употребляете ли Вы подобную лексику? Если да, то укажите – какую.
6) Давали ли Вы когда-нибудь клички своим преподавателям? Если да, то что это за клички и с какими особенностями преподавателя они связаны. По желанию можете написать Ф.И.О. того преподавателя, которому дали прозвище.

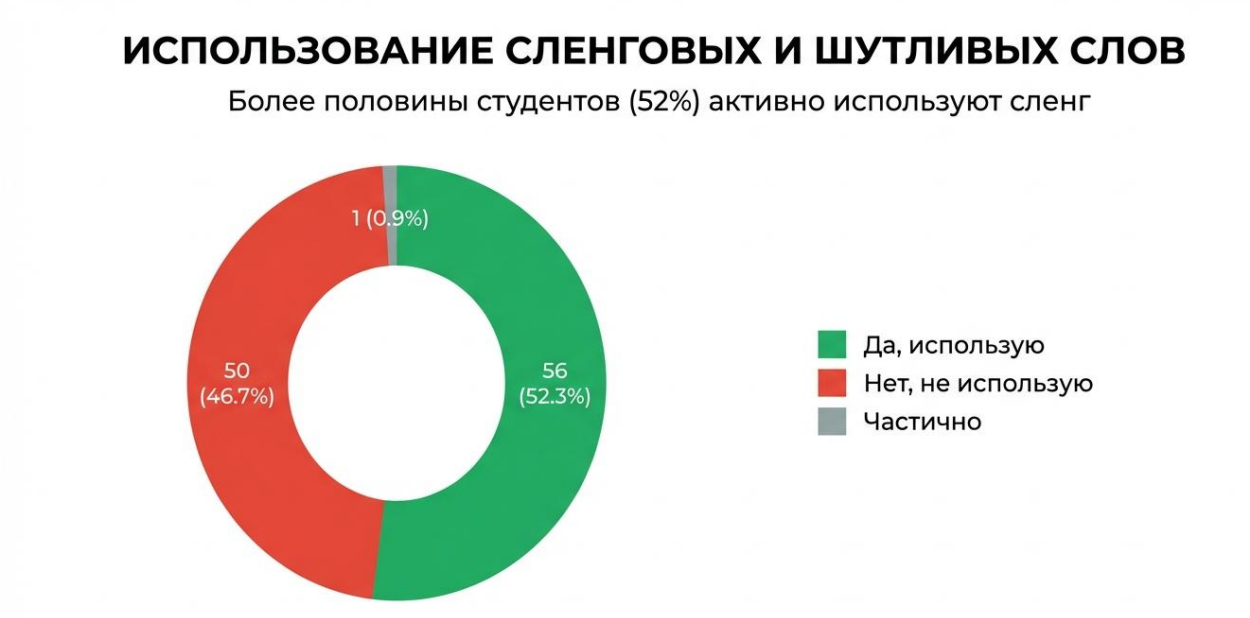
Результаты анонимного анкетирования.

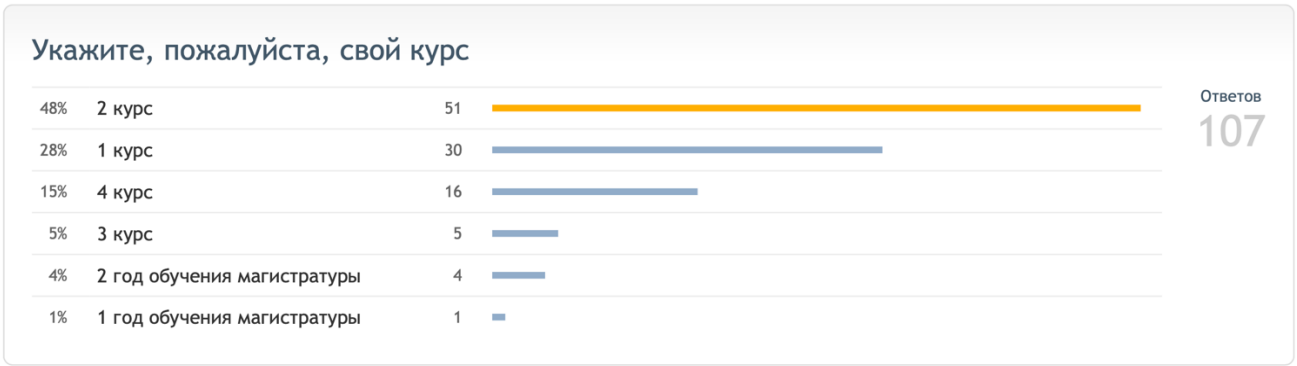

ВОСПРИЯТИЕ ПРИВЕТСТВИЯ "САЛАМ" МЕЖДУ ЖЕНЩИНАМИ
62.6% студентов считают это нормальным явлением
Может но с условиями: 15 (14.0%)
Не может: 25 (23.4%)
Может: 67 (62.6%)

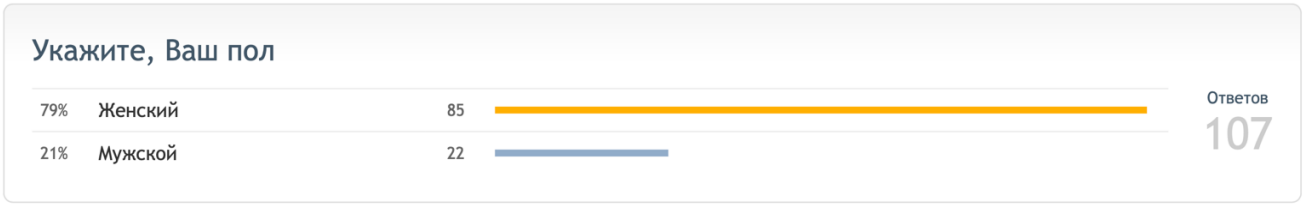

ГЕНДЕРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ "САЛАМ"?
72% студентов отрицают существование гендерных ограничений
Все могут
77 (72.0%)
Только мужчины
20 (18.7%)
С условиями
10 (9.3%)
0%
20%
40%
60%
80%
100%

ВОСПРИЯТИЕ ПРИВЕТСТВИЯ "САЛАМ" ОТ МУЖЧИНЫ К ЖЕНЩИНЕ
Расколотое мнение студентов: 35.5% против, 34.6% нейтральны, 28% за
Не могут:
38 (35.5%)
Ничего необычного:
37 (34.6%)
Могут нормально:
30 (28.0%)
Могут но с условиями:
2 (1.9%)
0%
10%
20%
30%
40%

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛЕНГОВЫХ И ШУТЛИВЫХ СЛОВ
Более половины студентов (52%) активно используют сленг
1 (0.9%)
50
(46.7%)
56
(52.3%)
Да, использую
Нет, не использую
Частично

ОТНОШЕНИЕ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ БРАННОЙ ЛЕКСИКИ В УНИВЕРСИТЕТЕ
82.3% студентов считают, что бранные слова недопустимы в университетской среде
1 (0.9%)
63 (58.9%)
25 (23.4%)
10 (9.3%)
8 (7.5%)
Нельзя (формулировки)
Нельзя не употребляю
Допускаю использование
По ситуации
Можно в кругу друзей

Укажите, пожалуйста, свой курс
48% 2 курс 51
28% 1 курс 30
15% 4 курс 16
5% 3 курс 5
4% 2 год обучения магистратуры 4
1% 1 год обучения магистратуры 1
Ответов
107

Укажите, Ваш пол
79% Женский 85
21% Мужской 22
Ответов
107

Рецензия на книгу
УДК 398.8(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-357-362
EDN: VSCGJF

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «СВОД КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА. ТОМ 6. ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ / ОТВ. РЕД. Б.А. БЕРБЕРОВ; ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН. – НАЛЬЧИК: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ТИПОГРАФИЯ «ПРИНТ ЦЕНТР», 2025. – 624 С. – ISBN 978-5-907951-91-4»

Тамара Горяевна Басангова
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия, basangova49@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4415-3530

Аннотация. В Кабардино-Балкарском научном центре РАН многие годы фольклористами КБИГИ ведется работа по составлению и подготовке к изданию Свода карчаево-балкарского фольклора. Свод карачаево-балкарского фольклора представляет собой серийное научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений, имеющих огромное значение для сохранения, возрождения устного фольклорного наследия этих народов. Целью Свода являются публикация как ранее известных произведений, так и широкое введение в научный оборот неизданных материалов, песенного фольклор, выявление их историко-культурной значимости, художественных особенностей, жанровой специфики издаваемых текстов. Публикации и научное сопровождение в виде комментариев томов Свода имеют комплексный характер – особое внимание уделяется сочетанию историко-филологического, фольклористического, этнографического аспектов. Рецензируемая монография посвящена изданию Историко-героические песни карачаевцев и балкарцев, это – шестой том «Свода карачаево-балкарского фольклора». Рецензируемое издание органично вписывается в контекст общероссийских подобных фундаментальных изданий, таких как: Свод фольклора народов Дагестана, Свод фольклора народов Сибири», Свод калмыцкого фольклора и др. Перед исследователями стояла задача сохранения известных песенных текстов, параллельный перевод на русский язык, создание обширного научного аппарата.

Ключевые слова: Карачаевцы, балкарцы, фольклор, Свод, песни, история, исторические песни, перевод, комментарий

Для цитирования: Басангова Т.Г. Рецензия на монографию «Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 6. Историко-героические песни карачаевцев и балкарцев / отв. ред. Б.А. Берберов; Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2025. – 624 с. – ISBN 978-5-907951-91-4» // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 357-362. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-357-362. EDN: VSCGJF.

© Басангова Т.Г., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Book review

REVIEW OF THE MONOGRAPH "THE COLLECTION OF KARACHAY-BALKAR FOLKLORE. VOLUME 6. HISTORICAL AND HEROIC SONGS OF THE KARACHAYS AND BALKARS / EDITED BY B.A. BERBEROV; INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCH OF THE KABARDINO-BALKARIAN SCIENTIFIC CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. - NALCHIK: PRINT CENTER PUBLISHING HOUSE, 2025. - 624 P. - ISBN 978-5-907951-91-4"

Tamara G. Basangova
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia, basangova49@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4415-3530

Abstract. For many years, folklorists at the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences have been compiling and preparing for publication the Collection of Karachay-Balkar Folklore. The Collection of Karachay-Balkar Folklore is a serial scholarly publication of artistically outstanding folklore works that are of great importance for the preservation and revival of the oral folklore heritage of these peoples. The purpose of the Collection is to publish both previously known works and to widely introduce unpublished materials and folk songs into scholarly circulation, identifying their historical and cultural significance, artistic features, and the genre specifics of the published texts. Publications and scholarly support in the form of commentary on the volumes of the Collection are comprehensive in nature, with particular attention paid to combining historical, philological, folkloristic, and ethnographic aspects. The monograph under review is dedicated to the publication "Historical and Heroic Songs of the Karachays and Balkars," the sixth volume of the "Collection of Karachay-Balkar Folklore." The publication under review fits seamlessly into the context of similar all-Russian fundamental publications such as the Collection of Folklore of the Peoples of Dagestan, the Collection of Folklore of the Peoples of Siberia, the Collection of Kalmyk Folklore, and others. The researchers were faced with the task of preserving known song texts, parallel translation into Russian, and creating an extensive scientific apparatus.

Keywords: Karachays, Balkars, folklore, Vod, songs, history, historical songs, translation, comment

For citation: Basangova T.G. Review of the monograph "The Collection of Karachay-Balkar Folklore. Volume 6. Historical and Heroic Songs of the Karachays and Balkars / edited by B.A. Berberov; Institute of Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – Nalchik: Print Center Publishing House, 2025. – 624 p. – ISBN 978-5-907951-91-4". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 357-362. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-357-362. EDN: VSCGJF.

© Basangova T.G., 2026
© Caucasology, 2026

Коллектив фольклористов Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра подготовил очередной том Свода карачаевского фольклора – это Том. 6. Историко-героические песни карачаевцев и бал-

карцев. Перед фольклористами стояла задача отбора текстов историко-героических песен, собранных в результате многолетних и ежегодных фольклорных экспедиций института, материалы которых находятся в Архиве ИГИ КБНЦ РАН, а также перевод текстов на русский язык. В издание данного академического тома вовлечен большой круг исследователей карачаево-балкарской культуры разных поколений. Теоретическое изучение историко-героических песен карачаевцев и балкарцев принадлежит Х.Х. Малкондуеву, автору многочисленных трудов по песенной традиции [Малкондуев 1990; Малкондуев 2007; Малкондуев 2015] и автору концепции Свода [Малкондуев 2009: 35-40]. В своей статье Х.Х. Малкондуев отмечал, что «создание подобного национального свода – это не только академическая задача, но и насущная необходимость, продиктованная стремлением защитить и сохранить родной язык и культуру в эпоху глобализации…» [Малкондуев 2009: 36]. Значимость такого рода изданий относительно «Свода калмыцкого фольклора» подчеркивает Б.Б. Манджиева: «Широкое введение в научный оборот неизданных материалов, выявление историко-культурной значимости, художественных особенностей, жанровой специфики издаваемых текстов» [Манджиева 2017: 83]. Проект по составлению Свода калмыцкого фольклора Т.Г. Басанговой был описан в научных статьях и публикациях [Басангова 2013: 15].

В 2015 г. вышла монография Х.Х. Малкондуева «Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV – XVIII век)». Ф. Гулиева (Занукоева) отмечает в своей рецензии на этот фундаментальный труд ученого: «Несомненным достоинством монографии является наличие приложения, включающего редкие и ранее не публиковавшиеся материалы из архивных фондов КБИГИ, тексты на исследуемую тему, опубликованные в начале XX в…» [Гулиева (Занукоева) 2016: 106-108]. Объемом книги составляет 624 страницы, открывается вступительной статьей Б.А. Берберова на карачаево-балкарском и русском языках. В статье дан анализ жанра историко-героической песни, рассмотрена поэтика, система изобразительно-выразительных средств, изучена эволюция ключевых образов и мотивов [Берберов 2025: 32-42]. Корпус текстов историко-героических текстов подразделен исследователями на пять разделов. **Первый раздел** «Песни, связанные с историей, общественной и семейно-бытовой жизнью народа» охватывает тексты самого разного характера: легендарные сказания о ранней истории – «О нашествии Хромого Тимура», «О легендарном предводителе Карче», фамильно-родовые песни, тексты песен, повествующих о конфликтах с князьями и произволе властей – песни о Гапалау, Бекболате, Кара-Мусе. Отдельный раздел составляют трагические свидетельства об эпидемиях чумы и холеры, опустошавших горские села. Абреческая песня представлена во втором разделе данного издания – цикл «Бекмурзы, Кайсыны», «Чюелди», «Жанхотов Азнаур». К ключевому разделу тома относится **третий раздел** «Историко-героические песни о войнах и сражениях», включающий тридцать два текста с вариациями, посвященных военной истории: Кавказская война (песни «Хасаука», «Хож»), Русско-японская война, трагический период Гражданской войны, Великая Отечественная война. В текстах военных песен, несмотря на их

героический характер, присутствует лирическое начало, в них звучит тоска солдата по покинутом по Родине, родному дому и верности солдатскому долгу.

В четвертом разделе «Песни о переселении» собраны скорбные свидетельства о двух трагических волнах исхода с родины мухаджирстве XIX в. и депортации карачаево-балкарского народа в 1944 г. Включение этих текстов, как уже отмечалось, полностью отвечает задаче, поставленной Х.Х. Малкондуевым: отразить в Своде трагические события 1900–1950-х гг., включая репрессии и выселение [Малкондуев 2009: 39]. Показательно, что аналогичная задача стоит и перед составителями калмыцкого свода, где особое внимание уделяется записи и изучению песен сибирской ссылки, отразивших трагедию депортации калмыцкого народа в 1943 г. [Басангова, Манджиева 2003: 185-190; Басангова 2023: 72-80; Басангова 2025: 383-386]. Пятый раздел «Песни советского периода» завершается подборкой произведений, созданных под влиянием социалистического реализма, но сохранивших свою национальную поэтику. Национальная поэтика в этом контексте – это сохранение в песне народной образности, интонации, даже когда она подчиняется идеологическим задачам соцреализма – это воспевание советского человека, патриотизм и коллективизм.

Каждый текст песни снабжен подробным паспортом с указанием архивного источника (Архив ИГИ КБНЦ РАН), сведениях об информантах (имя, год рождения, место записи) и собирателе. Особого внимания заслуживает наличие подробного глоссария (с. 601–614), в котором собраны и объяснены архаизмы, этнографизмы, мифологемы, а также антропонимы и топонимы, встречающиеся в текстах. Как было отмечено, Том носит билингвальный характер: группа переводчиков – Б.А. Берберов, Ж.М. Локьяева, Л.С. Гергокова, на мой взгляд, решили сложнейшую задачу, создав научно адекватный и эквивалентный перевод текстов на русский язык. Проделана большая работа с безэквивалентной лексикой, для их передачи авторы перевода прибегают к транслитерации. Справочный аппарат издания является своеобразным путеводителем по культуре карачаевцев и балкарцев. Этот аспект делает издание доступным для самого широкого круга читателей.

Опубликованные тексты предоставляют богатейший материал для изучения того, как народная память отбирает, интерпретирует и сохраняет ключевые события прошлого, также сохраняют образную лексику карачаево-балкарского языка. Тексты песен карачаевцев и балкарцев имеют связь с историей карачаево-балкарского народа.

Песни, вошедшие в Свод, отражают исторические процессы на нескольких уровнях. Событийная хронология: тексты охватывают практически всю обозримую историю этноса от легендарных сказаний о нашествии Хромого Тимура и песнях о легендарном предводителе Карче до трагических свидетельств о Кавказской войне (песни «Хасаука», «Хож»), Русско-японской войне, Гражданской войне и, наконец, о депортации XX в. Эта хронологическая панорама позволяет рассматривать том историко-героических песен как своеобразную народную летопись, где каждый исторический этап в жизни народа получает свое художественное воплощение. Таким образом, издание тома Свода карачаево-балкарского фольклора – «Историко-героические песни карачаевцев и балкарцев» – это

безусловный успех авторского коллектива, выполненное на академическом уровне, представляет собой весомый вклад в российскую кавказоведческую науку.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Басангова 2023 – *Басангова Т.Г.* Песни о сибирской ссылке в фольклорной традиции калмыков (на материале полевых исследований) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2023. – № 1(312). – С. 72–80.

Басангова 2025 – *Басангова Т.Г.* Рецензия на книгу «Калмыцкие песни о Сибири. – М.: Бумба, 2023 – 216 с.» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 383-386.

Басангова 2013 – *Басангова Т.Г.* О своде калмыцкого фольклора // Нартоведение на рубеже XX–XXI вв. – 2013. – № 2. – С. 13–23.

Басангова, Манджиева 2003 – *Басангова Т.Г., Манджиева Б.Б.* Песни скорби и печали // Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е гг. XX в. – Элиста: Джангар, 2003. – С. 185–190.

Берберов 2025 – *Берберов Б.А.* Карачаево-балкарская историко-героическая песня: Внутрижанровые разновидности и поэтика // Историко-героические песни карачаевцев и балкарцев / отв. ред. Б.А. Берберов. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2025. – С. 32-42.

Гулиева (Занукоева) 2016 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Рецензия на книгу Х.Х. Малкондуева «Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV – XVIII века)» // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2016. – № 60. – С. 106-108.

Малкондуев 1990 – *Малкондуев Х.Х.* Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 152 с.

Малкондуев 2015 – *Малкондуев Х.Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV – XVIII века). – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 312 с.

Малкондуев 2007 – *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарский песенный фольклор о нашествии Аксак Темира // Материалы V Международной фольклористической конференции НАН Азербайджана. – Баку, 2007. – С. 676–679.

Малкондуев 2009 – *Малкондуев Х.Х.* О концепции издания «Свода карачаево-балкарского фольклора» // Проблемы изучения и публикации материалов по фольклору и этнографии народов Юга России: к 90-летию З.П. Кардангушева: сборник статей. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2009. – С. 35–40.

Манджиева – *Манджиева Б.Б.* К проблеме составления Свода калмыцкого фольклора // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2017. – № 32. – С. 82–89.

REFERENCES

BASANGOVA T.G. *Pesni o sibirskoy ssylke v fol'klornoy traditsii kalmykov (na materialakh polevykh issledovaniy)* [Songs about Siberian Exile in Kalmyk Folklore (Based on Field Research)]. In: Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo sluzhashchego universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye. 2023. – № 1 (312). – P. 72-80. (In Russ.).

BASANGOVA T.G. *Retsenziya na knigu «Kalmytskiye pesni o Sibiri. –M.: Bumba, 2023 – 216 s.* [Review of the book "Kalmyk Songs about Siberia. Moscow: Bumba, 2023 – 216 p."]. In: Elektronnyy zhurnal «Kavkazologiya». – 2025 – № 1 – P. 383-386. (In Russ.).

BASANGOVA T.G. *O svode kalmytskogo fol'klora* [About the Compendium of Kalmyk Folklore]. In: Nartovedeniye na rubezhe XX–XXI vv. – 2013 – № 2 – P. 13-23. (In Russ.).

BASANGOVA T.G., MANDZHIYEVA B.B. *Pesni skorbi i pechali* [Songs of Sorrow and Grief]. In: Politicheskiye repressii v Kalmykii v 20–40-ye gg. KHKH v. – Elista: Dzhangar, 2003. – P. 185-190. (In Russ.).

BERBEROV B.A. *Karachayevo-balkarskaya istoriko-geroicheskaya pesnya: Vnutrizhanrovyye formy i poetika* [Karachay-Balkar Historical-Heroic Song: Intra-Genre Varieties and Poetics]. In: Istoriko-geroicheskiye pesni karachayevtsev i balkartsev / otv. red. B.A. Berberov. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2025. – P. 32-42. (In Russ.).

GULIYEVA (ZANUKOYEVA) F.KH. *Retsenziya na knigu KH.KH. Malkonduyeva «Istoriko-geroicheskiye pesni karachayevo-balkarskogo naroda (konets XIV – XVIII vekov)* [Review of Kh. Kh. Malkonduev's book "Historical and Heroic Songs of the Karachay-Balkar People (Late 14th – 18th Centuries)"]. In: Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2016. – № 60. – P. 106-108. (In Russ.).

MALKONDUYEV KH.KH. *Drevnyaya pesennaya kul'tura balkartsev i karachayevtsev* [Ancient Song Culture of the Balkars and Karachays]. – Nal'chik: El'brus, 1990. – 152 p. (In Russ.).

MALKONDUYEV KH.KH. *Istoriko-geroicheskiye pesni karachayevo-balkarskogo naroda (konets XIV – XVIII veka)* [Historical and Heroic Songs of the Karachay-Balkar People (Late 14th – 18th Centuries)]. – Nal'chik: OOO «Pechatnyy dvor», 2015. – 312 p. (In Russ.).

MALKONDUYEV KH.KH. *Karachayevo-balkarskiy pesennyy fol'klor o nashem razvitii Aksak Temira* [Karachay-Balkar Folk Songs about the Invasion of Aksak Temir]. In: Materialy V Mezhdunarodnoy fol'kloristicheskoy konferentsii NN Azerbaydzhan. – Baku, 2007. – P. 676-679. (In Russ.).

MALKONDUYEV KH.KH. *O kontseptsii izdaniya «Svoda karachayevo-balkarskogo fol'klora»* [On the Concept of Publishing the "Collection of Karachay-Balkar Folklore"]. In: Problemy izucheniya i publikatsii materialov po fol'kloru i etnografii narodov Yuga Rossii: k 90-letiyu Z.P. Kardangusheva: sbornik statey. – Nal'chik: Izd-vo KBNTS RAN, 2009. – P. 35–40. (In Russ.).

MANDZHIYEVA B.B. *K probleme sostavleniya Svoda kalmytskogo fol'klora* [On the Problem of Compiling a Collection of Kalmyk Folklore]. In: YAzyki i fol'klor opredelyayut regiony Sibiri. – 2017. – № 32. – P. 82–89. (In Russ.).

Информация о рецензенте
Т.Г. Басангова – доктор филологических наук, доцент.
Information about the reviewer
T.G. Basangova – Doctor of Philology, Associate Professor.

Рецензия поступила в редакцию 29.04.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.
The review was submitted 29.04.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Научная статья
УДК 821.512.142.0
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-363-371
EDN: HDQNQJ

АКТУАЛЬНАЯ ПРОЗА МАГОМЕДА КУДАЕВА: ЧЕРЕЗ ФАКТЫ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Тамара Шамсудиновна Биттирова
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, tbittirova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0375-1056

Аннотация: В статье впервые подвергается научному анализу творчество мастера рассказа, балкарского писателя Магомеда Хасановича Кудаева (1933 г.р.), первая книга которого была напечатана в 1995 г., несмотря на то что он активно публиковался в периодических изданиях и коллективных сборниках, начиная с 70-х гг. XX в. Лирический герой его произведений всегда старается жить по законам карачаево-балкарского народа – тау адет (свод нравственных императивов), он в поисках истины и морально-нравственных ценностей в меняющемся мире. Творчество писателя вместило в себя годы депортации, возвращения на родину и проблемы второй половины XX в., которые отражены в повестях и рассказах реалистично и одновременно эмоционально. И тем не менее, по субъективным обстоятельствам, творчество М. Кудаева не получило оценки в литературоведческой науке. В статье отмечается актуальность прозы автора, поскольку ее основные идеи являются отражением нравственных устоев народа и непреходящих ценностей, востребованных и современным обществом, способным противостоять вызовам времени.

Ключевые слова: балкарская, литература, Кудаев Магомед, актуальность, проза, повесть, рассказ-эссе, судьба сироты, депортация, воспоминания, предопределенность, нравственные, ценности, личность, история, современность.

Для цитирования: Биттирова Т.Ш. Актуальная проза Магомеда Кудаева: через факты к художественной реальности // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 363-371. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-363-371. EDN: HDQNQJ.

© Биттирова Т.Ш., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

MAGOMED KUDAEV'S ACTUAL PROSE: FROM FACTS TO ARTISTIC REALITY

Tamara Sh. Bittitrova
Institute of Humanitarian Research – branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution Federal Scientific Center Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, tbittirova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0375-1056

Abstract: This article is the first to provide a scientific analysis of the work of Magomed Khasanovich Kudayev (born in 1933), a Balkarian writer and short story master, whose first book was published in 1995, despite the fact that he had been actively publishing in periodicals and collective anthologies since the 1970s. The lyrical hero of his works always tries to live according to the laws of the Karachay-Balkar people – tau adet (a set of moral imperatives), and he is in search of truth and moral values in a changing world. It encompasses the years of deportation, return to the homeland, and the challenges of the second half of the 20th century, which are depicted in the author's novels and short stories in a realistic and emotional manner. However, due to subjective circumstances, M. Kudayev's work has not received much attention in literary studies. The article highlights the relevance of the author's prose, as its core ideas reflect the moral principles and enduring values of the people.

Keywords: Balkar literature, Magomed Kudayev, contemporary prose, novella, short story-essay, deportation, memoirs, moral values, personality in history.

For citation: Bittirova T.Sh. The actual prose of Magomed Kudayev: from facts to artistic reality. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 363-371. – DOI: 10.31143/2542212X-2026-2-363-371. EDN: HDQNQJ.

© © Bittirova T.Sh., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Актуальность исследования продиктована тем, что творчество балкарского писателя М. Кудаева, отличающееся высоким художественным уровнем и отразившим общественно-политические процессы второй половины XX в., не нашло широкого отражения в национальном литературоведении за исключением одной небольшой газетной публикации [Гериева 2002] и его изучение в контексте современного состояния национальной литературы является важной теоретической задачей и имеет практический смысл.

Для достижения цели исследования необходимо решение следующих *задач*:

1. Проанализировать основные художественные формы, реализованные в творчестве М. Кудаева.

2. Определить диапазон авторского творчества, его тематику и проблематику.

3. Выявить связь между историей и современностью в произведениях автора.

Для решения поставленных задач использованы сравнительно-сопоставительный и контекстуальный *методы*, которые сочетаются в статье с принципами историзма, системности и целостности анализа. *Материалом* исследования стали произведения писателя, изданные в ряде книг. *Практическая значимость* исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при чтении курсов по истории и теории карачаево-балкарской литературы, при написании монографий и статей, посвященных депортации, также проблемам карачаево-балкарской общественно-политической жизни второй половины XX в.

Судьба писателя – судьба народа

Кудаев Магомед Хасанович родился в сел. Чылмас Эльбрусского района КБР 14 апреля 1933 г. в семье известного в будущем журналиста Хасана Нухович Кудаева. Дед его – Нух Кудаев был также известным автором религиозно-дидактических произведений. В 1944 г. М.Х. Кудаев был депортирован с матерью и младшим братом в Среднюю Азию, в Хорлойский район Джамбульской области Казахстана, отец в это время был на фронте. В 1960-1961 гг. М. Кудаев служил в Советской Армии. В 1965 г. окончил техникум по контрольно-измерительным приборам в г. Семипалатинск. С 1965 г. работал в г. Нальчик электротехником. В 1972 г. окончил высшее кулинарное училище и работал в различных заведениях общепита в Чегеме–I. С 1980 г. публикуется в кабардино-балкарских газетах и в журнале «Минги-Тау». Автор ряда книг – «Къадар» («Судьба», 1995 г.), «Отдан чыкъ да – жалыннга» («Из огня да в полымя», 2001), «Жиляуун парий этген мискин» («Несчастный, оплаканный собакой», 2014), «Унутулмазлыкъ таулула» («Незабываемые горцы, 2016) и др. [Кудаев 1995; Кудаев 2001; Кудаев 2014; Кудаев 2016]. Член Союза писателей России. Творческая судьба Магомеда Кудаева была не очень удачной, поскольку он почти не исследован национальными литературоведами и не занял пока достойного его таланту места в литературном процессе.

Ойкумена нравственных максим

С первой же книги М. Кудаева «Судьба» стало очевидно, что в балкарскую литературу пришел мастер рассказа, настолько были совершенны и жанровом и стилистическом плане его произведения. Несмотря на то, что он не учился в школе родному языку и гуманитарного образования не получил, Магомет Кудаев с первых своих рассказов явил балкарскому читателю большой художественный мир, в котором автор поведал о драматизме XX в. и трагедии балкарского народа на примере личной судьбы и участи своих современников. Практически все его рассказы имеют в своей основе подлинные события и реальных прототипов.

Темы, обозначенные в первой книге автора – депортация, жизненные перипетии молодого человека, исторические личности Балкарии – определили тематический вектор и последующих его книг.

Судьба сироты – это большая тема, раскрытая в произведениях балкарских авторов, пришедших в литературу в 60-е гг. XX в., тех, кто познал настоящее сиротство, прошел страшные годы изгнания, эти авторы поставили целью рассказать о страданиях народа через собственную судьбу [Биттирова 2010: 5]. И в этой блестящей плеяде шестидесятников Магомет нашел свое место, хотя и пришел в литературу намного их позже, через четверть века.

Вторая книга писателя «Из огня да в полымя» начинается необычным для балкарской литературы произведением – повестью «Обурдан къутул да – чубургъа» («Освободись от ведьмы – встреть чёрта»), – литературной сказкой, где автор собрал народные представления о темных силах – *алмосту, бастырыкъ, обур* и т.д. Повесть предваряется эпиграфом из Н.В. Гоголя и начинается со встречи с автором «Вечеров близ хутора Диканьки». Он задает Гоголю вопрос, мучивший его долгие годы: почему он написал этот рассказ и правда ли, что после этого у него помутился разум [Кудаев 2001: 3].

Писатель отвечает:

«Подумай сам, если бы я не собирал народные предания и не издал бы книгой, они с течением времени забылись бы» [Кудаев 2001: 3]. Н.В. Гоголь советует ему следовать его примеру, несмотря ни на что. Магомет Кудаев знал множество чудесных историй, о которых упоминал в своих рассказах и все решил свести в одно повествование. Нелегко далось ему это решение: «Долго не мог решиться взяться за перо, хотя и помнил наказ Гоголя. И все же, посоветовавшись со стариками, расспрашивая их, я остановился на рассказе, который поведали в Басханском ущелье» [Кудаев 2001: 4].

Содержание повести М. Кудаева апеллирует на житейскую историю – герой рассказа лишается матери и через год отец приводит в дом мачеху, из соседнего села, женщину по имени Дарийхан. Образ классической мачехи до поры до времени здесь особых отклонений не имеет – она любит своего пасынка напоказ в отличие от своей дочери Саният, которой любой ценой хочет передать свои способности ведьмы. Отличает повесть от народных преданий и легенд, которые рассказывают об интересных случаях и черной магии, цельность повествования, где в центре сюжета простой горский парень, которому удается выиграть у целой армии ведьм, благодаря своему уму, целеустремленности и храбрости.

Повесть М. Кудаева «Из огня да в полымя» стоит особняком в балкарской литературе, не имея аналогов. Только через двадцать лет Саният Ульбашева издаст книгу «Ёмюрлени терининден» («Из глубины веков»), где расскажет о подобных случаях, записанных ею у стариков в конце XX в. [Ульбашева 2024].

Другая повесть книги – «Из огня да в полымя» посвящается судьбе раскулаченных в 30-е гг. XX в. балкарцев и начинается также необычно: главного героя назначают старшим на свадьбе, и он едет в соседнее село во главе – *жыйын* (дружки жениха) за невестой. Зайдя в дом и поздоровавшись с главой застолья принимающей стороны, он впадает в ступор – перед ним Ортай, тот, из-за которого он изведал столько страданий... Повесть имеет документальный характер. Главный ее герой Джаппуев Муэзин проходит множество испытаний, прежде чем вернуться на родину. Тюрьма, побег из тюрьмы, скитания в поисках укромного места, война, плен, участник французского Сопротивления, а затем и советские лагеря, чем заканчивались судьбы тех, кто прошел через немецкий плен. Счастливая случайность (снимок на обложке журнала «Огонек» с парада победы во Франции) спасает героя из лагерной жизни, и он наконец возвращается домой, к родным. И первым делом он едет к своему названному отцу, русскому рыбаку Тихоновичу. Судьба его сводит с разными людьми. И, если Ортай, палач и изувер, то ему противостоят люди, делящие с героем кусок хлеба, поддерживающие в трудную минуту и прежде всего – Озаруков Мухаммат, Динаев Шарапий, Мусуков Хаджимурат, Атмурзаев Магомед, Хасауов Голуй – реальные личности, о которых сохранились и воспоминания родственников, и документы. Они – зажиточные горцы, были раскулачены и сосланы в Узбекистан работать на хлопке, и как вспоминает герой повести, работа на хлопковых полях никогда не заканчивалась и все сезоны была тяжелой.

В этой повести автор показывает мастерство в сюжетостроении, в показе героев различного психологического облика. Динамично развивается повествование, динамичны главные герои. В круговороте событий молодой герой мужает, совершает подвиги, спасает товарищей и его самого не раз спасают от верной смерти. Главная идея произведения – остаться человеком вопреки обстоятельствам.

Представляют интерес и другие рассказы, вошедшие в книгу «Из огня да в полымя». Все они несут отпечаток реальности как событий, так и героев. В рассказе «Судьба» мы становимся свидетелями драматической семейной истории, когда сын прощает предавшего его в детстве отца. Такая поучительная история имеет множество вариантов в жизни, автор выбирает для своего рассказа часто встречающийся среди кавказских реалий сюжет, когда из семьи уводят отца женщины, приезжающие на курорт или по направлению на работу из других регионов. М. Кудаев далек от морализаторства, он просто и увлекательно рассказывает историю потери и обретения родного человека.

Другой рассказ сборника «Терслиги болмагъан терс» («Без вины виноватый») знакомит читателя с тем миром, в котором оказывается абсолютно безвинный человек, – в заключении, по навету односельчанина. И, как не раз происходит в произведениях М. Кудаева, герой своим упорством и честностью добивается долгожданной справедливости.

В основе рассказов М. Кудаева, как правило, – интересный случай или история жизни. Таковы рассказы, вошедшие в сборник «Несчастный, оплаканный собакой». В этом сборнике основная тема – жизнь, страдания, подвиг балкарского народа в период депортации. Эти рассказы – не плод фантазии автора, за редким исключением, их сюжеты – реальные истории, имеющие реальных героев, поставленных в тяжелейшие условия выселения. В книге есть истории, которые происходили накануне депортации народа, когда была запущена машина по дискредитации народа. Так, в рассказе «Когда несправедливость правит» автор рассказывает историю Мокаева Чорттая, вернувшегося с фронта раненым и отправленного на десять лет в лагеря. Таких историй множество, но в этой читатель становится свидетелем тому, как подневольный горец спасает раненую пьяным начальником овцу, отдавая ей свой скудный лагерный паек. В этом рассказе в уста героя вложено жизненное кредо самого автора:

> «Что бы там ни было, человек должен говорить правду. Второе – не доносить; третье – не обсуждать других; четвертое – никогда не зазнаваться, даже если на это есть все основания; пятое – если у тебя даже очень много имущества, зря не трать его; шестое – если у тебя есть возможность, займись каким-либо делом, чтобы не завидовать благополучию других…» [Кудаев 2014: 137].

Данный нравственный императив – основа бытия балкарского народа. И не раз его герои выходят из самых тяжелых обстоятельств, благодаря следованию заложенным в нем принципам.

В этой книге много место уделено и тем, кто живет вопреки обозначенных нравственных ценностей народа. Таков герой рассказа «Аманлыкъ кечилмейди»

– «Подлость не прощается» Мусса, который встал на скользкий путь с целью обогащения за счет государства. Он, занимая высокие должности на производстве, дважды похищает большие суммы денег и скрывается, до поры до времени Мусса наслаждается жизнью, однако, как это часто бывает, случайная встреча положила конец его праздной жизни, он сожалеет о прошлых своих поступках и сам говорит молодому родственнику – «Подлость не прощается».

Отличает рассказы М. Кудаева достоверность и убедительность, писатель превращает достоверность факта в правду жизни, ибо в его рассказах гармонично существуют типология отношений, диалектика жизни.

Герои многих произведений М. Кудаева, живя в трагические периоды истории народа, попадают без вины в тюрьмы и лагеря. В таких экстремальных ситуациях проявляются их стойкость и мужество. Они часто вынуждены бороться с «ворами в законе», надзирателями и каждый раз выходят из схваток победителями, наводя порядок в местах заключения. В застенках НКВД остается верен своей миссии духовный лидер из Чегема Нух Кудаев – дед писателя, спасает от голода земляков жена погибшего на фронте красавица Марьям Османова, наводит порядок в камере в борьбе с «ворами в законе» Джаппуев Муэзин… [Кудаев 2014: 17-32].

Книга «Незабываемые горцы» – летопись века

Особое место в балкарской прозе должна занимать книга М. Кудаева «Унутулмазлыкъ таулула» – «Незабываемые горцы», каждый рассказ и очерк которого повествует о судьбе замечательных балкарцев – известных, малоизвестных и вовсю неизвестных. Автор не раз повторял, что многие достойные имена из-за депортации и последующих лет обустройства по возвращению на родину, несправедливо преданы забвению, и он старается восполнить эту лакуну. В этой книге представлены интересные случаи из жизни известных людей – Адильгерия Соттаева, Кокея Хасауова, Омара Отарова и многих других. Он рассказал о личности широко известного альпиниста Абдулхалима Ольмезова, о котором было написано сотни статей и очерков. Под пером М. Кудаева перед нами предстает другой Абдулхалим – не только мужественный, но и добрый, отзывчивый, мудрый.

Книга рассказывает о времени выселения балкарского народа, о героических балкарцах, известных и забытых. Второй, небольшой по объему, рассказ «Сюргюнню азап жолуну аз кесекчиги» («Небольшой эпизод дороги мучений в депортации») – автобиографический и повествует о мужестве 13-летнего мальчика, выигравшего битву со стаей волков. Удивительный по тональности и динамичности рассказ с первых минут борьбы маленького героя за жизнь вызывает у читателя чувство сопричастности, заставляет напряженно следить за стремительными событиями: вот голодный мальчик идет по степи и попадает в буран, слышит голос одинокого волка, зовущего стаю на охоту (выросший в горах мальчик с малых лет знал повадки волков), он ищет и находит место для укрытия, с трудом взобравшись на стог сена, разгребает и зарывается в него. Волки до утра кружат около укрытия мальчика, с наступлением рассвета они вынуждены уйти.

Здесь содержится мощный авторский посыл – никогда не надо опускать руки при самых тяжелых обстоятельствах и тогда ты сможешь выиграть схватку с врагом.

Восстанавливая имена скромных, но мужественных воинов, погибших защищая Брестскую крепость и под Сталинградом, М. Кудаев с горечью пишет: «Из-за выселения не осталось свидетелей героизма наших воинов» [Кудаев 2016: 4]. И старается своими рассказами восполнить недостающие звенья общего подвига народа.

М.Х. Кудаев – увлекательный рассказчик, мастер построения сюжета и образов, при создании которых он опирается на реальных исторических личностей. Его проза проста и не вычурна, полна жизни и ее красок. Но при этом полное отсутствие эмоций, никакого художественного вымысла, никаких авторских ремарок и рассуждений, философских размышлений. Такова стилистика выселенческой литературы всех депортированных Сталиным народов. Беспощадная правда фактов вызывают острые чувства у читателя, и чем меньше эмоций у писателя, тем их больше у читателя.

Особо нужно отметить безупречный язык произведений писателя. Ровный и точный стиль изложения, точные характеристики героев и обстоятельств, необычность рассказанных историй делают его произведения неповторимыми и актуальными, ибо они – страницы истории нашего народа.

Он широко использует уходящие из повседневной речи слова и выражения:

Халахостулу – небрежный;
Мыкъыришле – весенние цветы;
Чымыртла – прутья;
Салкъынчыла – абреки;
Эниш сюрен – по склону вниз;
Къуу къоркъуулукъ – сильный страх;
Балата этилен тери – выделанная кожа;
Ёлю мычымы – час смерти;
Бугъулда адамла – абреки;
Курму тюйюп – остатки чего-либо;
Тотур – бёрю балала;
Кёбек букъу – пыль над хребтом;
Гяуур диннге бек – неверный строг к религии;
Жарыкъ-жада болуп – обрадовавшись;
Бёрюню насыбы аягъындады – счастье волка – в ногах;
Жол не чомартны да къызгъанч этеди – дорога любого радушного делает жадным;
Ауурну юсю бла, женгилни тюбю бла – по верху тяжелого, по низу легкого;
Бети бла къучакълап, жюреги бла бичакълап – в лицо обнимается, за пазухой держит нож и т.д.

Заключение

Поколение шестидесятников в карачаево-балкарской литературе реализовало в своем творчестве главную свою тему – повествование о сиротском детстве в период депортации балкарского народа. Магомет Кудаев тоже из этого поколения, но пришел в балкарскую литературу в зрелом возрасте, имея большой жизненный багаж. Не получил специального образования, которое могло бы

ускорить путь к литературному творчеству. Однако природный талант и острый ум позволили ему написать оригинальные прозаические произведения и создать галерею горцев, вызывающих восхищение, порой и неприятие, ибо он ничего не приукрашивал, а старался разобраться в обстоятельствах и дойти до сути каждого своего героя.

Творчество балкарского писателя М. Кудаева было реализовано в нескольких прозаических жанрах. Прежде всего, это: повесть, автобиографическая повесть, рассказ, литературная сказка-гротеск. Главным жанром автора является развернутый рассказ-эссе. Поскольку эссе свойственна публицистическая открытость, обоснованность аргументов и фактов, достоверность документов и творческий подход, автору удалось осуществить свой авторский замысел – выявить связь между историей и современностью.

Проза М. Кудаева актуальна и востребована, поскольку в ней поднимаются неисследованные в балкарской литературе проблемы века минувшего, и они будут интересны и современному читателю, ибо эти проблемы во многом предопределили судьбу многих поколений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Биттирова 2010 – *Биттирова Т.Ш.* Введение // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. – С. 3-7.

Гериева 2002 – *Герийланы А*. Отдан чыкъ да жалыннга. Китап тапкада. (Из огня да в полымя. На книжной полке) // Заман. – 2002. – 15 марта. (на карачаево-балк. яз.).

Кудаев 1995 – *Къудайланы Магомет*. Къадар. (Судьба: Рассказы). – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 128 с. (на карачаево-балк. яз.).

Кудаев 2001 – *Къудайланы Магомет*. Отдан чыкъ да – жалыннга. Повестле бла хапарла (Из огня да в полымя. Повести и рассказы). – Нальчик, Эльбрус, 2001. – 201 с. (на карачаево-балк. яз.).

Кудаев 2014 – *Къудайланы Магомет*. Жиляуун парий этген мискин («Несчастный, оплаканный собакой»). – Нальчик: Эльбрус, 2014. – 236 с. (на карачаево-балк. яз.).

Кудаев 2016 – *Къудайланы Магомет*. Унутулмазлыкъ таулула (Незабываемые горцы). – Владикавказ: Перо и кисть, 2016. – 396 с. (на карачаево-балк. яз.).

Ульбашева 2024 – *Ульбашева Саният*. Ёмюрлени терениндеи («Из глубины веков»). – Нальчик: Эльбрус, 2024. – 250 с. (на карачаево-балк. яз.).

REFERENCES

BITTIROVA T.SH. *Vvedenie* [Introduction]. In: Ocherki istorii balkarskoi literatury. Nal'chik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», 2010. – P. 3-7. (In Russ.).

GERIILANY A. *Otdan chyk" da zhalynnga. Kitap tapkada* [From the frying pan into the fire. On the bookshelf]. In: Zaman. – 2002. – 15 marta. (In karachaevo-balk.).

K"UDAILANY MAGOMET. *K"adar* [Destiny: Stories]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1995. – 128 p. (In karachaevo-balk.).

K"UDAILANY MAGOMET. *Otdan chyk" da – zhalynnga. Povestle bla khaparla* [From the frying pan into the fire. Short stories and novellas]. – Nal'chik, Ehl'brus, 2001. – 201 p. (In karachaevo-balk.).

K"UDAILANY MAGOMET. *Zhilyauun parii ehtgen miskin* [The unfortunate one mourned by the dog]. – Nal'chik: Ehl'brus, 2014. – 236 p. (In karachaevo-balk.).

K"UDAILANY MAGOMET. *Unutulmazlyk" taulula* [The unforgettable highlanders]. – Vladikavkaz: Pero i kist', 2016. – 396 p. (In karachaevo-balk.).

UL'BASHEVA SANIYAT. *Emyurleni tereninden* [From the depths of time]. – Nal'chik: Eh-l'brus, 2024. – 250 p. (In karachaevo-balk.).

Информация об авторе
Т.Ш. Биттирова – доктор филологических наук.
Information about the author
T.Sh. Bittirova – Doctor of Philological Sciences.

Статья поступила в редакцию 03.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.
The article was submitted 03.02.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Наши авторы

Абазова Марита Мухамедовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: marita.abazova@yandex.ru

Акопян Завен Викторович – ассистент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.
E-mail: zvakopyan@mail.ru

Акопян Виктор Завенович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.
E-mail: zaven2005@yandex.ru

Апажева Елена Хасановна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: yelena.apazheva@mail.ru

Афаунова Анджела Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: martazei@mail.ru

Багироков Хазрет Заурбечевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», Майкоп, Россия.
E-mail: hbaqirokov@mail.ru

Басангова Тамара Горяевна – доктор филологических наук, заведующая сектором Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве» ФГБОУ ВО «Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова», Элиста, Россия.
E-mail: basangova49@yandex.ru

Басте Разиет Юсуфовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России факультета истории, социологии и международных отношений ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.
E-mail: raz.baste@yandex.ru

Бориева Мархаба Курманбаевна – старший преподаватель кафедры английского языка социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: rita.borieva75@mail.ru

Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литератур социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: assbora@mail.ru

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, проректор по академической политике, контролю качества образования и информатизации ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.
E-mail: grankinj@pgu.ru

Гузиева (Сарбашева) Алена Мустафаевна – доктор филологических наук, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: alenasarb@mail.ru

Даниева Айшат Саидахметовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», Грозный, Россия.
E-mail: amina.s.79@mail.ru

Джумагулова Айгуль Темерхановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.
E-mail: aigul-men@mail.ru

Дзасежева Лариса Халифовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: dzasezheva@mail.ru

Жилетежев Хажисмель Чиляниевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: hazismel@mail.ru

Журтова Анжела Ариковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и кавказоведения ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: anzhelka28@mail.ru

Касьянов Валерий Васильевич – доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, декан факультета журналистики, заведующий кафедрой истории России факультета истории, социологии и международных отношений ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.
E-mail: culture@kubsu.ru

Каширокова Снежана Станиславовна – старший лаборант научно-образовательного центра русского языка и культуры социально-гуманитраного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: kashirokova.snezhana@mail.ru

Кумыкова Марина Мацевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры черкесского языка и культуры Эрджиес университета, Кайсери, Турция.
E-mail: marinakumykova@erciyes.edu.tr

Макоев Беслан Натбиевич – младший научный сотрудник отдела археологии культурно-образовательного центра «Эрмитаж-Кавказ» ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: makoev.beslan98@mail.ru

Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: mamsirhb@mail.ru

Махова Марина Хасанбиевна – ассистент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: m_mahova_2000@mail.ru

Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и кавказоведения социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: lena_gm@mail.ru

Сафиулина Елизавета Александровна – младший научный сотрудник отдела литератур народов России и ближнего зарубежья Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия.
E-mail: liza.safiulina@yandex.ru

Сефербеков Магомедхабиб Русланович – научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия
E-mail: deadromance3@rambler.ru

Тетуев Алим Инзрелович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Ульбашева Зульфия Мустафировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им.Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: z.gaboeva@yandex.ru

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева», Астрахань, Россия.
E-mail: fayzievagv@yandex.ru

Халухаева Алёна Александровна – соискатель ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alzakharova06@yandex.ru

Ханинова Римма Михайловна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом фольклора и литературы ФГБУН «Калмыцкий научный центр Российской академии наук», Элиста, Россия.
E-mail: khaninova@bk.ru

Хульчаева Марьям Хажидаутовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: mariam.li.18@yandex.ru

Чайка Надежда Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, директор научно-образовательного центра русского языка и культуры кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: MSperanza85@yandex.ru

Яхутль Юрий Асланбиевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.
E-mail: a075ca@yandex.ru

Ретрагированные статьи

Информация об отзыве из печати статьи:

– Исмаилова А.М. Организация быта государственных крестьян Кавказского края после проведения земельных реформ (вторая половина XIX – начало XX века) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 104-123. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-104-123. EDN: ECUCCV

Информация о статье	Исмаилова А.М. Организация быта государственных крестьян Кавказского края после проведения земельных реформ (вторая половина XIX – начало XX века)
Опубликована:	Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 104-123. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-104-123. EDN: ECUCCV
Ретрагирована:	22.04.2026 г.
Причина:	Изъятие статьи вызвано неправомерным заимствованием А.М. Исмаиловой в недопустимом объеме результатов научных исследований И.М. Гасанова (1963) и И.Г. Антелава (1952): 1. Гасанов И. М. Из истории земельной политики царизма в Закавказье в начале XX века. К вопросу о реализации аграрного закона 1 мая 1900 г. // Историко-филологический журнал. 1963. № 3. С. 211–220. 2. Антелава И.Г. Реформа поземельного устройства государственных крестьян Закавказья в конце XIX века. Сухуми: Госиздат Абхазской ССР, 1952.
	Статья ретрагируется (отзывается из печати) главным редактором (Протокол заседания редакционной коллегии журнала № 1 от 22 апреля 2026 г.) с согласия издателя.

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 2 / 2026

DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2

Подписано к изданию:
30.06.2026 г.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова © 2026